

РУССКОЕ СЛОВО

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЬ.

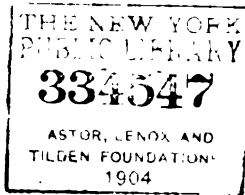
ГОДЪ ШЕСТОЙ.

1864.

ОКТАБРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

—
1864.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 6 декабря 1864 г.

Въ типографіи Редина и Комп.

ЭПІЗОДЫ ИЗЪ РОМАНА.

«СТАРОЕ СТАРИТСЯ, МОЛОДОЕ РОСТЕТЬ».

VII.

ПТИЦЕ.

Въ Петербургѣ, на Гороховой, кажется, и теперь еще виситъ ржавый листъ желѣзный, съ полинялыми отъ времени буквами, на которомъ, лѣтъ тридцать назадъ, красовалась великолѣпная золотая надпись: «Парикмахеръ Жибѣ».

«Старое старится», говорилъ нашъ почтенный Степанъ Макарычъ—старюся вѣрно и вивѣски человѣческія! Теперь, я думаю, никто уже не помнитъ парикмахера Жибѣ, а бывало... Ухъ, какъ бывало брызгалъ онъ своею жизнью и щегольствомъ, своей великолѣпной коляской, парой караковыхъ жеребцовъ, кучеромъ съ черной бородой, да и чортъ знаетъ чѣмъ! Министръ былъ Жибѣ надъ всѣми стриженными и завитыми головами въ Петербургѣ. Цирюльню свою онъ звалъ не иначе, какъ мастерской, и самъ, какъ прихотливый художникъ-французъ, убиралъ ее роскошно, великолѣпно, а главное, оригинально—рѣшительно наперекоръ всѣмъ пестрымъ парикмахерамъ столицы. Не было у него ни заманчивыхъ хрустальныхъ надписей на стеклахъ, ни помятыхъ болвановъ на окнѣ, съ плешивыми головами и сѣрыми кудрями, ни цвѣтовъ, ни вѣнковъ невѣстныхъ, которые, еще не надѣванными подъ вѣнецъ, помялись и затаскались; не было тутъ даже той восковой куклы на окнѣ, которая съ такой граціей складываетъ ручку. Просто двѣ великолѣпно-освѣщенные комнаты, обитыя французской матеріей, съ золотыми багетами и шелковыми драпри, озаглавлены были надписями, выплетенными изъ че-

Отд. I. 1

ловѣческихъ волосъ. Надписи, конечно, французскія; одна изъ нихъ объявляла лаконически: «залъ для человѣковъ», а другая, напротивъ, докладывала съ глубокимъ почтеніемъ: «покорнѣйше просимъ—уборная для дамъ». Нечего добавлять, что ходъ былъ съ улицы, и такъ чистъ, какъ только могъ быть чистъ ходъ на Гороховой лѣтъ тридцать назадъ. Мебель на мужской половинѣ обтянута зеленымъ бархатомъ, а въ простѣнкахъ стояли великолѣпные шкафы чернаго дерева, сквозь стекла которыхъ привѣтливо улыбались посѣтителю бѣлые, отлично-вываренные человѣческіе черепа, а на нихъ уже красовались французскіе парики. Прочіе пустяки и принадлежности мужскаго туалета были изящно и легко распнуты на столикѣ подъ огромнымъ зеркаломъ, у котораго стояло покойное кресло, гдѣ и обтачивали человѣческія головы съ обѣихъ концовъ. Словомъ, при входѣ въ этотъ залъ, не рѣзала ваши глаза та ослѣпительная пестрота, съ которою такъ безвкусно и безтолково убираются магазины настоящаго времени,—просто вы чувствовали въ себѣ ту сладостную дрожь новизны, которую чувствуютъ путешественники наши только въ Парижѣ, при входѣ въ елисейскія катакомбы, на балъ. Самъ французъ Жибе, съ легкостью француза, выбѣгалъ встрѣчать своихъ небритыхъ гостей, а полу-французъ Птиже, его подмастерье, съ ловкостію подвертывалъ посѣтителю стулъ, и такъ изящно обтачивалъ подбородокъ со всѣхъ сторонъ, что гость, улыбаясь себѣ въ зеркало, какъ черепъ, думалъ только съ наслажденіемъ: «вотъ здѣсь такъ брѣютъ!»

Всегда одѣтый во фракъ и свѣжія, бѣлыя перчатки, красивый, какъ модная картинка, Птиже такъ изящно изгибался передъ намышленными посѣтителемъ и такъ легко и мило болталъ съ нимъ по французски, что вскорѣ сдѣлался извѣстною личностью въ Петербургѣ,—не смотря на то, что въ Петербургѣ очень трудно сдѣлаться извѣстною личностью, потому что тамъ и безъ подмастерьевъ уже слишкомъ много извѣстныхъ личностей. Что касается женской половины, тамъ еще болѣе любили Птиже, нежели на мужской: съ дамами столичными онъ еще легче и изящнѣе умѣлъ болтнуть всякія французскія шуточки и пустячки. Милаго забавника Птиже начали приглашать въ самые богатые и знатные дома для убира-

нія легкихъ головокъ, и тамъ уже осыпали его щедро подарками и деньгами, какъ всякаго новаго и моднаго артиста петербургскаго, начиная съ музыкальныхъ и оканчивая самимъ Блонденомъ. Мосье Птиже наконецъ сдѣлался идоломъ модныхъ причесокъ и сталъ такою необходимостію для большаго свѣта, что, право, нужиѣ какого-нибудь ветхаго старичка генерала, такъ храбро и выпрямленно летающаго въ мазуркѣ, или болтающаго съ институткой. Отъ того, храбръ или не храбръ дряхлый старичекъ-генералъ, нисколько не прибавлялось жизни ни въ мазуркѣ, ни въ институткѣ, а отъ того, какъ причешетъ или завьетъ милую головку Птиже — зависѣли иногда такія побѣды, такія побѣды! что просто непостижимо уму, — страхъ забираетъ автора и выговорить ихъ!

Неудивительно послѣ того, что какая нибудь триумфальная баронесса Какаду, или графиня Канканъ, — вскружившія, богъ знаетъ кому, серьезную голову съ вѣей изящной прической, — отваливали своему милому Птиже такіе кусочки, что просто ну! — Самъ опъ, возвращаясь домой въ коляжкѣ, или гербовой каретѣ, думалъ иногда про себя: «вотъ гдѣ дураковъ не орутъ, не сѣютъ, а сами они родятся — это въ Петербургѣ, нашемъ батюшкѣ. За что подумаешь платять такія деньга?..» И поѣдетъ опять Птиже распудрить какую нибудь княжескую головку, а тутъ смотришь, не болѣе, какъ въ полчаса — собственнo только за то, что такъ мило погладилъ князя по головкѣ — отвалиять ему опять такой годовой окладъ чиновничій, который и отродясь не снился иному бѣдному чиновнику департамента или губерпскихъ правлений. Словомъ, Жибе былъ доволенъ своимъ подмастерьемъ, баронесса Какаду своимъ милымъ Птиже, а скоблєныя лица петербургскихъ чиновниковъ — искуснѣйшимъ въ свѣтѣ цирюльникомъ, который такъ гладко всѣхъ брѣтетъ, никого не задѣваетъ и вмѣтетъ при томъ ножницы легкія, какъ вода, и бритву, скользкую какъ по маслу. Одинъ только Птиже былъ недоволенъ собой.

Сидятъ-ли онъ за французскимъ романомъ, вдругъ вздрогнетъ, вскочитъ, точно кто шломъ кольнетъ его, броситъ кипгу и долго, какъ сумасшедшій, бѣгаетъ изъ угла въ уголъ, по своему *salon pour friser*. Вслушается-ли онъ въ колокольный трезвонъ, — онъ такъ размечтается надъ этимъ звономъ, лежѧ

въ своихъ покойныхъ креслахъ, что книга выпадаетъ изъ рукъ и слезы навертываются на глазахъ. Выглянетъ-ли изъ сосѣдняго магазина жгучая брюнетка, вся жизнь и огонь, — Птиже разрисуется передъ ней въ рамѣ своего цѣльнаго окна, и такъ взглянетъ на милую сосѣдку, такъ поиграетъ передъ ней своимъ щегольскимъ перламутровымъ лорнетомъ, что та улыбнется ему, какъ солнце, а онъ, смотря на нее грустно, отвернется и уже цѣлую недѣлю не подойдетъ и не взглянетъ больше на южную, горячую красоту...

Такъ прошло три года. Въ это время Птиже успѣлъ сдѣлаться еще необходимѣе для легкихъ петербургскихъ головокъ; еще больше дѣлалось ему заказовъ и париковъ, сюрпризовъ и наградъ за его истинно-полезную службу, и, наконецъ, просто Петербургъ началъ носить своего баловня счастья, если не на рукахъ и ручкахъ, то по крайней мѣрѣ въ каретахъ и коляскахъ, подъ многіе гербовые подѣзды и во многіе великолѣпные будуары и комнатки. А петербургскій баловень, Птиже, еще болѣе сталъ блажить!

Наконецъ, какъ говорятъ наши нѣмцы, *въ одно прекрасное поутру* пришелъ къ парикмахеру Жюбе квартальный надзиратель и объявилъ безъ церемоніи, что II адмиралтейская часть требуетъ къ себѣ подмастерья такого-то; а черезъ день или два объявили французу, чтобъ онъ искалъ себѣ подмастерья другаго, а о миломъ Птиже больше не заботился, потому что II адмиралтейская часть сама объ немъ позаботилась: причесала и припекла его такъ, что Птиже послѣ того совсѣмъ не возвращался на Гороховую. Сосѣдка съ жгучими очами, посматривая на парикмахерскія окна, черезъ мѣсяць начала желтѣть и худѣть. Баронесса Какаду, когда самъ мосье-Жюбе пріѣхалъ къ ней въ своей великолѣпной коляскѣ на караковыхъ жеребцахъ завивать ея головку—сдѣлала первый вопросъ съ удивленіемъ: «а гдѣ же мой милый Птиже?» Французъ, какъ французъ, началъ было отыгрываться шуточками, что милый ея Птиже улетѣлъ отъ него въ трубу, или что-то въ родѣ этого, еще легче и острѣе, но тотчасъ замѣтилъ на лицѣ ихъ сіятельства маленькую тѣнь негодованія и прикусилъ язычекъ. А баронесса заключила со вздохомъ: «бѣдный Птиже!»

Тѣмъ, впрочемъ, и кончилось состраданіе о бѣдномъ подмастерьѣ въ Петербургѣ. Его превосходительство, господинъ Петербургъ, какъ будто стыдился говорить о судьбѣ своего несчастнаго баловня и любимца. Сама баронесса вскорѣ отказала парикмахеру Жибе, потому что теперь ей стали необходимы его обворожительные фризюры. Подъ волшебнымъ гребешкомъ милаго Птиже она успѣла влюбить въ себя молодого и красиваго улана, князя Квашонкина, женила его на себѣ и уѣхала отдохнуть въ родное имѣніе мужа, въ Сибирскую губернію. Тамъ молодая чета жила два года въ лѣтнее время, а зимой конечно въ Петербургѣ, собираясь за границу.

Верстахъ въ пятнадцать отъ скверной столбовой дороги изъ Сибири въ уѣздный городъ той же губерніи, Камчадаловку, есть пакостная деревнюшка, Замерзаевка-Малая—имѣніе помѣщика Длинногубова, которую, почему-то, мѣстное преданіе прозвало просто за просто «Вонючее болото». Такъ она зовется и теперь еще въ крѣпостныхъ актахъ помѣщика: деревня Замерзаевка—Вонючее болото тожъ».

Десяткъ лачугъ на косогорѣ, кричащихъ во всю мужицкую глотку: ай, батюшки, падаю! Десяткъ ободранныхъ мужиченковъ вмѣстѣ съ бабенками въ вѣчныхъ паршахъ и лихорадкѣ отъ болотъ, въ вѣчной грязи и лохмотьяхъ отъ акуратнаго управленія нѣмца-управителя, (котораго помѣщикъ Длинногубовъ иначе не привѣтствовалъ, какъ «а, Херъ-дейгманъ! гуть моргенъ»—хоть-бы это было вечеромъ)—плѣшивая болотная почва, и наконецъ такое удобное сообщеніе съ прочимъ божьимъ міромъ, что стоило только выползти крестьянской лошадекѣ на дорогу, какъ за ней посылали еще двухъ, чтобы вытащить изъ грязи, въ которую наконецъ всѣ три засѣдали по уши. Само собою разумѣется, что на такой счастливый уголокъ не было никогда никакого покупателя, да Длинногубовъ, какъ хорошій хозяинъ-агрономъ, и не думалъ продавать свое Вонючее болото, и даже говорилъ объ этомъ такъ: «а дурачье наша братья—помѣщики, что они плюютъ на гадость и не хотятъ ею заняться. Вотъ тотъ-то и хозяинъ изъ насъ, кто самую гадость умѣетъ облагородить. Дѣло все въ томъ, что они не умѣютъ приняться за дѣло. Вотъ другому Замерзаевка не годится, а мнѣ такъ годится; адѣсь

я разведу просто свиней, для нихъ не найдешь лучше мѣстечка, какъ такое болото». — И дѣйствительно, помѣщикъ этотъ въ своемъ болотѣ, вмѣсто крестьянъ, разводилъ свиней, и удивительно успѣшно. Правда, что онъ возилъ имъ кормъ, только по зимней дорогѣ, верстъ за семьдесятъ, но это ровно ничего не значило: у Длинногубова были свои вотчины и подводы — значить, какой же расчетъ составляло разъ или два въ годъ привести въ Замерзаевку корму?

Однимъ словомъ, огромнѣйшее стадо этихъ нечистыхъ животныхъ лежало, какъ въ пуховикахъ, въ болотѣ, и нѣжилось подъ горячими лучами лѣтняго, полуденнаго солнышка; а на обсохшемъ пригоркѣ, въ солончаковой почвѣ — золѣ, валялся пастухъ-свинопасъ въ лохмотьяхъ, оборванной и облупленной бараньей шапкѣ и старыхъ лаптишкахъ — такой-же чистый и опрятный, какъ его воспитанники, и если чѣмъ отличался отъ нихъ, такъ развѣ только тѣмъ, что тѣ были сыты, дородны и полны, а этотъ — худъ, изможенъ и болѣзненъ, какъ вѣтромъ качаемое быліе травное. Лежалъ онъ, облокотясь на какую-то кочку или пенъ, и жевалъ отъ скуки хлѣбную соломинку. На лицѣ этого человѣка, кромѣ жвачки и скуки, не выразилось человѣческаго ровно ничего! Взоръ его, тупой до безумія, вяло блуждалъ по безлюдной и мертвой окрестности. Единственный предметъ, на которомъ здѣсь могъ остановиться человѣческій глазъ, это домъ стараго князя Квашонкина, верстахъ въ пяти, въ его родовомъ имѣніи Монплезировкѣ, который такъ и выговаривалъ надъ всею пустыней: «здѣсь стою я!»

— Посмотри, какой дикой уголокъ? говорила молодая княгиня Квашонкина, смотря въ отличный телескопъ на Замерзаевку изъ своего княжескаго палаццо съ горы.

Молодой мужъ посмотрѣлъ.

— А какъ жаль, что тутъ не зеленый лужекъ, хорошо-бы въ альбомъ срисовать такой уголокъ. Это просто пустыня, не правда-ли Базилъ? Это знаешь, mon ange, напоминаетъ мнѣ твою подмосковную. Посмотри!

Князь еще посмотрѣлъ и зѣвнулъ.

— Ахъ, какъ мило раскинулись хижинки — прелесть! Право это стоятъ кисти нашего молодого Айвазовскаго. Взгляни на лѣво, какія хижинки?

Князь взглянулъ на лѣво и опять зѣвнулъ. «Просто хлѣвы,» подумалъ онъ про себя. «Простительно моей женѣ; она здѣсь еще не бывала и настоящаго свинства нашего не видала.»

— Знаешь что, другъ, я придумала: поѣдемъ туда, я нарисую въ альбомъ village Zamerzaewka?

— Пустяки, душа моя! Это все привлекательно у насъ только въ бинскль, какъ театральная декорация, а на дѣлѣ — повѣрь мнѣ — грязнѣе чертъ знаетъ чего.

— Ты просто не художникъ, mon cher: ты не можешь представить себѣ, какъ картинно раскинулся этотъ пастушекъ на пригоркѣ. Посмотри!

— Вижу, вижу, поэтическая барышня, — но дѣйствительно не могу себѣ представить: гдѣ ты видишь пастуха? — Это свинья, душа моя, острилъ князь.

— Что это такое, Базиль? Вѣчно злая насмѣшка, и падъ кѣмъ же? — надъ человѣкомъ!

— Признаюсь, много человѣческаго нашла ты въ нашемъ пастухѣ! Да у насъ нѣтъ презрѣннѣе брани, какъ свинопасъ.

— Фи, какія у тебя слова!

Молодые супруги замолчали и, кажется, не сошлись.

Однако въ этой молодой четѣ было такъ: князь пока былъ полнымъ хозяиномъ и властелиномъ на словахъ, а княгиня была пока полной хозяйкой и властелиномъ на дѣлѣ. Завтра, поэтическая барышня заговорила опять о пастухѣ, который занималъ ея художественное воображеніе, и князь уже согласился, что онъ въ самомъ дѣлѣ смахиваетъ на картинныхъ, швейцарскихъ пастуховъ. Послѣ завтра, княгиня намекнула, что Замерзаевка имѣетъ даже что-то общее съ очаровательной долиною Меранъ, куда папа ея, старый баронъ, за тѣмъ, кажется, только и возилъ дочь, чтобы сказать о невѣстѣ: «она видѣла у меня даже самый Меранъ въ Тиролѣ.» А черезъ недѣлю они отправились рисовать Замерзаевку. Въмѣсто неопрытнаго стада въ альбомѣ княжны очутились, конечно, милыя козочки. Зачѣмъ козы очутились въ болотѣ? объ этомъ спросите игривое воображеніе княгини.

Но здѣсь случилось съ молодой четой что-то особенное: княгиня была заинтересована, а апатичный князь немного удивленъ. Въ третій сеансъ, когда ландшафтъ съ козочками почти былъ конченъ, супруги вели слѣдующій разговоръ:

— А удивительно, Базиль: черты этого пастуха напоминают мнѣ — знаешь кого?

— Ну?

— Моего милаго Птиже. Ты его помнишь?

Князь захохоталъ.

— Какое странное сравненіе. Тотъ былъ милый французъ, элегантный такой. За того можно-бы выдать какую нибудь старую княгиню или баронессу.

— Mercı.

— За что?

— Я тоже была баронесса.

— Ну, нѣтъ, баронесса, да не такая! Такихъ старушекъ, какъ ты, можно и не отдавать за парикмахеровъ. — Послѣдовалъ медовый поцѣлуй.

— Знаешь что: еслибъ я умѣла хорошо говорить по-русски, то есть, просто по-русски — я непременно поговорила-бы съ этимъ пастухомъ. Поговори съ нимъ пожалуйста, Базиль, ты умѣешь?

— Я, другъ, какъ визирь Гаруна-аль-Рашида, знаю языки всѣхъ животныхъ. Что же съ нимъ поговорить?

— Хоть откуда онъ и кто? какъ зовутъ? Приласкай его.

— Не стоитъ, душа моя, отвѣтилъ апатично князь и опять зѣвнулъ.

— Ахъ, какой ты несносный, Базиль! Знаешь, что это даже несвоевременно презирать человѣка.

— Пустяки, душа моя! Какое тутъ презрѣніе къ человѣчеству, что за чепуха? — Не цѣловаться же мнѣ, наконецъ, съ твоимъ пастухомъ.

— Ну, пожалуйста, подойдемъ къ нему. Я прошу тебя.

И это кончилось тѣмъ, что князь послушался жены, подошелъ къ пастуху и заговорилъ:

— Эй! ты чей?

Пастухъ указалъ на небо.

— О, да это прелюбопытный пастухъ! — Божій?... (князь подошелъ разсмотрѣть черты лица). — А какъ тебя зовутъ?

Пастухъ отрицательно покачалъ головой.

— Никакъ; свиной — значитъ?

— Finissez, je vous en prie. Это ужасно! заключила княгиня по русски.

Но князь продолжалъ свое: — Отчего неотвѣчаешь, когда съ тобой говорятъ?

Пастухъ указалъ на языкъ.

— Безсловесный! Я такъ и ожидалъ.

— Ахъ, какая жалость — онъ нѣмой?

— Должно быть! заключилъ князь, и тоже согласился съ женой, что пастухъ вблизи въ самомъ дѣлѣ похожъ на Птиже.

Три дня княгиня была въ полномъ убѣжденіи, что это непременно Птиже, но когда черезъ посланнаго ей отвѣтили, что это былъ какой-то Емелюшка-дурачекъ, крѣпостной человѣкъ сосѣда Длинногубова, значить, просто игра случая,—она за-была и альбомъ, и пастуха, и уѣхала куда-то въ скучную Германію лечиться отъ скуки.

Здѣсь мы кстати припомнимъ одно обстоятельство изъ жизни Васп. Вася любилъ слушать исторію о знаменитомъ происхожденіи Азора и Шеверюшки, которыхъ Емелюшка Пырочкинъ продалъ въ неволю на барскій дворъ. Мама съ особеннымъ удовольствіемъ рассказывала исторію Емелюшки-дурачка и всегда почти заканчивала ее съ глубокимъ вздохомъ: «а Емельянушка—человѣкъ,—отъ извѣстно какой.»—Но кто былъ этотъ извѣстный человѣкъ Емельянушка? Вася вовсе не интересовался знать. У Васи былъ свой міръ и свои интересы, какъ и унасъ, у взрослыхъ людей, свой міръ и свои интересы. Насъ, напротивъ, вовсе не интересуесть исторія проданныхъ въ неволю собаченокъ,—расскажемъ-же лучше исторію самаго ихъ хозяина, Емелюшки-дурачка, или Емельянушки Пырочкина тожъ.

Исторія была самая обыкновенная. Какъ извѣстно всему міру, наши старинные бояре жили гораздо благочестивѣе, нежели бары екатерининскихъ временъ; а бары екатерининскихъ и павловскихъ временъ гораздо благочестивѣе нашего вѣтреннаго племени; такъ точно и старикъ со старухою, Длинногубовы, жили гораздо благочестивѣе и строже, нежели ихъ сынъ. Но тутъ-то и искушаетъ человѣческій врагъ: прехорошенькая брюнетка, первая горничная барыни, вдругъ съ чего-то забѣсилась—забеременела. Такой позоръ для

строгаго дома Длинногубовыхъ былъ просто жестокимъ ударомъ. При первой вѣсти барыня три раза падала въ обморокъ, кричала на весь домъ: «она меня уморить», плакала до истерики о своей фавориткѣ, Людмишкѣ, вѣршила наконецъ, ломая руки съ отчаянія, отрѣзать распутницѣ косу и сослать въ Замерзаевку пасти свиней.

У Людмиши въ Замерзаевкѣ родился прехорошенькій сыночекъ, очень похожій на отца. Но, такъ какъ отца у него не было, что видно было и по метрическимъ книгамъ церковнымъ, то и не хлопотали о томъ, чтобы дать ему имя во имя отца или дѣдушки, а назвали просто именемъ божимъ, крестьянскимъ—Емельянь.

Емеля росъ и хорошѣлъ. Въ пытливой головкѣ ребенка задавались иногда пытливые вопросы; онъ, нагримѣръ, спрашивалъ свою тетю, Людмишу: «былъ-ли у него отецъ?» или «гдѣ у него мать?» Тетка (которая въ это время была уже прощена и помилована, а именно: не носила лаптей и не пасла свиней, а носила коты, сарафанъ и пасла индѣекъ) растолковала маленькому Емелькѣ, что его не мать родила, а просто пырка къ ней принесла. А стѣмасшедшая мать Людмилы, бабушка Охиненха, говорила объ этомъ гадательно: «судьба индѣйка, — случай, гусь.» Смѣтливые замерзаевскіе ребята вѣрно тоже поняли, что такое «судьба индѣйка» и тотчасъ рѣшили, что Емелька «индѣйкинь сынъ», да такъ и окрестили его въ Емельянушку-Пырочкина.

Тетка приучила племянника нѣжно цѣловаться и ласкаться къ ней, что при скукѣ деревенской было удобно. Живя постоянно вдвоемъ, они были какимъ-то пополненіемъ другъ друга, такъ что маленькій Емеля до подробностей зналъ всѣ привычки и признаки тетки; помнилъ онъ и маленькій перстенецъ съ голубымъ глазкомъ, который такъ часто цѣловала тетка при немъ; помнилъ онъ и тѣ горячія слезы ея, которыя падали на этотъ перстенецъ; помнилъ, какой звонкій смѣхъ разносился по болоту, когда тетя замѣчала на щекѣ его красненькій рубчикъ, отпечатанный этимъ перстенькомъ, въ то время, какъ онъ спалъ на ея рукѣ. Да и богъ знаетъ чего не помнилъ Емеля. За то, какъ цѣловалъ онъ ручку тети съ перстенькомъ, и какъ горячо прижимался онъ къ колѣ-

нямъ ея въ то время, когда тетья учила его молитвамъ, или рассказывала о какомъ-то добромъ баринѣ, котораго онъ сроду не видалъ. Хотѣлось Людмишѣ поучить своего сынишку и грамотѣ, и много даже было на это времени, да вотъ бѣда: —сама она не знала грамотѣ.

А тутъ какъ-то все и перевернулось, какъ все перевертывается на землѣ, и даже самая земля:—и грамота пришла къ ея счастливому сынишкѣ.

Строгая и благочестивая барыня развелась съ мужемъ, и разѣхалась по разнымъ деревнямъ, а баринъ возвратилъ Людмишу на барскій дворъ—умылъ, одѣлъ и причесалъ. Точно какимъ-то чудомъ, грязная и скучная тетья Емели превратилась теперь вдругъ въ миленькую, хорошенькую, веселую и хохотушу. Дичился даже Емели ея щегольскаго наряда, не дичился только ея шкатулки, въ которой лежало много лакомства и денегъ для него. И завѣтная мечта Людмиши осуществилась: Емелю не только выучили грамотѣ, а даже приглашали часто играть съ двумя барскими дѣтьми и болтать съ гувернеромъ по французски. А барскихъ дѣтей отецъ и гувернеръ журили за то, что они не хотятъ играть за-паицбрата съ мужиченкомъ и сажать его съ собой за одинъ столъ. Но Людмиша уже чуюла сердцемъ, что разорваннаго судьбою—человѣческой силою не связать, а потому и начала докучливо упрашивать барина, чтобы Емелю онъ отдалъ въ ученье. — «Да пожалуйста въ Петербургъ» — умаливала она горячо. — «Да что тебѣ, дура, дался этотъ Петербургъ, котораго ты сроду не видывала?» — спрашивалъ ее ласково баринъ, — «мы отдадимъ его лучше здѣсь, поближе къ Сибири, чтобы ты объ немъ не скучала.» — Но Людмила на это отвѣчала, что Петербургъ она видала не знаетъ очень хорошо: въ Петербургѣ она жила цѣлую недѣлю съ барыней («когда они изволили бытъ въ дѣвушкахъ»), и что Петербургъ ей *очинно* понравился, потому самому, что тамъ совсѣмъ народъ не такой, а какой-то другой. — Такъ ужъ пожалуйста вы мнѣ, баринъ, это удружите: въ Петербургъ его отошлите и т. д.

Длинногубовъ къ этому времени повезъ сына въ корпусъ и исполнилъ желаніе своей фаворитки, Людмиши: прихватилъ съ

собой кстати Емельку.—Своего «двоюроднаго сына», какъ онъ рекомендовалъ его своимъ короткимъ знакомымъ и новопривышему священнику, Степану Макарычу.

Нужно-ли говорить о томъ, какъ безродный Емеля, нечувствовавшій на себѣ ласкъ отца и матери, горячо былъ связанъ къ своей теткѣ, и какъ, по естественному закону природы, тяжело ему было съ ней разстаться? Въ самомъ забывчивомъ Петербургѣ не забылъ онъ ту, ярко горящую въ крови его, картину: какъ молодая, со жгучими очами, тетя цѣловалась съ нимъ въ послѣдній вечеръ передъ отъѣздомъ. Помнилъ онъ, какъ тетя сама одѣла его въ заячій тулупчикъ, окутала шарфомъ своей работы, съ поцѣлуями проводила въ дорожный бауль. Она даже со слезами умаливала барина, чтобъ онъ позволялъ ей проводить ихъ до городу. Помнилъ Емеля, какъ заснулъ на горячей рукѣ тети, какъ щека ея прижалась къ его щекѣ, падали горячія слезы, а во снѣ снился ему какой-то невѣдомый городъ, весь золотой, и дѣйствительно, народъ въ немъ былъ не такой, какой видалъ онъ у своего барина въ деревнѣ: одинъ съ звѣриной головой, другой съ бараньими рогами, тотъ смотритъ смѣло, какъ орелъ, а этотъ охаетъ хилой пыркой и также кислотовато поглядываетъ на веселый божій міръ, какъ индѣйка. Помнилъ онъ еще ярче, какъ утромъ сказала ему тетя: «ну, другъ, мы пріѣхали въ городъ, — теперь простимся совсѣмъ! «Помнилъ онъ, какъ испуганный спросилъ:—«это Петербургъ?»—и рассказалъ, что во снѣ ему снились звѣриныя головы, а тетя съ бариномъ засмѣялись надъ нимъ и отвѣтили ему ласково: «когда Петербургъ, дурачекъ, это Сибирь пока». А ярче всего онъ помнилъ, какъ въ этомъ хорошемъ городѣ Сибири звонили колокола, — вѣрно былъ какой праздникъ. Они сѣли съ барченкомъ рядомъ въ дорожную кибитку, а красавица тетя, со слезами на глазахъ, сказала ему грустно: «ну, прощай, Емеля, совсѣмъ теперь, я дальше провожать васъ не поѣду».—Она поцѣловала ручку у барина, перекрестила Емелю и заплакала, а баринъ за все за это поцѣловалъ ее самое въ губы.—«Прощай, дружокъ»—были ея послѣднія слова! Колокола звонили торжественно по всему городу; кто-то захлопнулъ кибитку,—въ ки-

биткѣ стало темно и холодно; и богъ знаетъ, куда еще повезли Емелью при торжественномъ звукѣ колоколовъ!

Старый баринъ благополучно прибылъ въ столицу и опредѣлилъ сына. Много онъ ѣздилъ по гостямъ и, возвращаясь въ запертый номеръ, спрашивалъ сильно скучающаго Емельку: нравится-ли ему Петербургъ? и тутъ-же далъ ему кличку «эй мусье!» А дѣйствительно, Емелька былъ похожъ болѣе на какого-то «мусье», нежели на обыкновеннаго русскаго человѣчка. Платье барченка, опредѣленнаго въ корпусъ, передали ему, и такъ какъ барченокъ былъ гораздо старше, выше и дороднѣе, то и вышло, что платье его висѣло на Емелькѣ, какъ мѣшокъ, такъ что иначе и назвать его нельзя было въ щегольскомъ и ловкомъ Петербургѣ, какъ: «эй мусье!»

Баринъ, между тѣмъ, думалъ о томъ, куда-бы отдать ему въ ученье своего двоюроднаго сынишку, Емельку. Съ перваго же дня, какъ онъ только постригся и побрился въ знаменитой цырюльнѣ Жибѣ, его неотвязчиво занимала мысль: «не отдать-ли Емельку къ французу?» Съ этой цѣлю, черезъ день онъ опять зашелъ къ французу—постричься и побриться, и заговорилъ съ нимъ поласковѣе: что и какъ? Французъ пустилъ ему пыль въ глаза и даже рассказалъ, что въ Петербургѣ его такъ любятъ, что просто нѣтъ мочи; у какого-то извѣстнаго путешественника, барона Какаду, онъ фриштикаетъ запросто, какъ свой человѣкъ, — когда прїѣзжаетъ барона брить; а съ графиней Канканъ, такъ даже разъ кутнули за ужиномъ. Словомъ, какъ только познакомились они покороче, баринъ тотчасъ открылъ ему секретъ: что онъ привезъ съ собой мальчика въ ученье, котораго хотѣлъ-бы непременно отдать ему, французу Жибѣ, потому что его реномѣ, слава и наконецъ самъ онъ, такъ уже извѣстенъ всей Россіи париками и накладками, что другаго лучшаго мастера въ Петербургѣ онъ не нашелъ, да едва-ли и найдетъ! Словомъ, такъ мастерски росписалъ славу и знаменитость цырюльника, что французъ расшаркался передъ нимъ съ ножницами, какъ въ гостинной, а намыливъ нижнюю челюсть барину, такъ мастерски отбрилъ ее, что просто мое почтеніе.

— Вы, конечно, мнѣ его покажете? спросилъ вертлявый французъ, считая это дѣло совершенно рѣшеннымъ.

— А вотъ я привезу вамъ его завтра, хоть совсѣмъ, отвѣтилъ Длинногубовъ.

— Est-ce votre krepoustnoi?

— Pas du tout,—c'est faute de ma jeunesse. . .

— Эге!

И французъ такъ радостно выговорилъ это междомегіе, какъ будто рѣчь шла о коротко ему знакомомъ или родномъ. Помѣщикъ за это рассказалъ своему веселому собесѣднику, какъ отецъ его, рано овдовѣвъ, досталъ себѣ грузиночку чистой крови, прелестную, какъ всѣ грузинки вмѣстѣ, страстную, какъ турчанка, и ревнивую и злобную, какъ демонъ. Какъ онъ прижилъ съ этой грузинкой трехъ дочерей, какъ она пригрозила ему кинжаломъ за какую-то легкую измѣну, и какъ онъ отдалъ наконецъ эту «мамзель Подпашину» замужъ за мужика. Французъ выразилъ было удивленіе, что такое обращеніе съ женщиной свободной, какъ Кавказъ, по его мнѣнію, не совсѣмъ деликатно.

На завтра, баринъ и французъ заключили условіе и написали контрактъ. Контрактъ былъ не только выгоденъ, а рѣшительно превышалъ всѣ наглыя требованія француза, да передъ отъѣздомъ помѣщикъ подарилъ ему еще какую-то бездѣлку,—трубку рублей во сто; такъ что французъ Жюбе, неудивляющійся въ своей жизни ничему, здѣсь подивился немало безумной барскій щедрости и по отъѣздѣ началъ, конечно, ласкать и баловать своего новаго ученика.

«Мосье-Птиже». Такъ Емелька Пыркинъ и превратился у француза въ мосье Птиже.

Птиже росъ и хорошѣлъ. Французу легко было начать съ нимъ болтать по французски, а Птиже былъ любопытный мальчикъ и отъ скуки, не шутя, принялся за французскій романъ. Разнообразя свое мертвое чтеніе съ французскими болтунами, которыхъ въ нашей столицѣ еще больше, нежели нашихъ обильныхъ пріятелей нѣмцевъ, Птиже день ото дня обтирался и получалъ тотъ блескъ и лоскъ «элегантнаго французика», которымъ назвалъ его князь Квашонкинъ.

Одно смущало и волновало молодого человѣка, когда онъ въ романѣ набѣгалъ на тѣ мѣста, гдѣ описывалась бѣдная и мрачная природа, похожая на счастливую деревнюшку Замер-

заевку (гдѣ такъ нѣжно и страстно цѣловала его тетя), или на тѣ наконецъ мѣста, гдѣ мать благословляла сына. Всканкивалъ бѣдный Птиже въ эту минуту и, бѣгая по залу, задавалъ себѣ самый близкій и жизненный вопросъ: «гдѣ-то моя мать и отецъ? О! какъ-бы я обнялъ ихъ въ эту минуту.» — Въ тоскѣ онъ останавливался передъ окномъ и думалъ: «хоть-бы въ этихъ проходящихъ мимо меня равнодушныхъ петербургскихъ бѣгунахъ встрѣтить образы, похожіе на мать и отца? О! какъ-бы бросился я къ нимъ въ эту минуту!».. А въ окнѣ напротивъ, въ тожъ мгновеніе, показывался тотъ безотвязный, мучительный образъ жгучей брюетки, при взглядѣ на который, вся кровь бросалась въ голову молодого человѣка и шепталось само: «смотри, точно тетя твоя, — какъ она на неѣ похожа». — Онъ даже отвертывался отъ этого кокетливаго образа и, точно нравственно-разслабленный старикъ, опускался въ кресла въ глубинѣ комнаты. — А торжественные петербургскіе колокола и здѣсь не давали ему покоя! Книга выпадала изъ рукъ бѣднаго Птиже, когда онъ припоминалъ ту единственную, свѣтлую минуту своей жизни, когда бѣдная тетя при этомъ торжественномъ звонѣ, взглянувъ на него нѣжно, какъ мать, благословила его по матерински и сказала въ послѣдній разъ: «прощай, дружекъ!»

Старый холостяга французъ полюбилъ своего исправнаго и ловкаго Птиже, и не только прозвелъ его въ чинъ подмастерья, а даже сошелся съ нимъ на короткую ногу и часто, трепля его по плечу, (чего никогда не дѣлывалъ съ прочими своимъ учениками) говорилъ ему фамилярно: «ну, что, мой милый Птиже, какъ наши дѣла?» — Въ это время французъ уже сѣдѣлъ, какъ парикъ, а Петербургъ посыпалъ его серебромъ, какъ снѣгомъ.

Все это было въ то время, когда вкусъ къ изящному началъ у хозяина тупиться; Жибе сильно потолстѣлъ и до такой степени облѣнился, что сталъ даже забывать самыхъ коротенькихъ своихъ знакомокъ, въ родѣ мадамъ Bandeau, и прочихъ содержательницъ модныхъ магазиновъ. И наконецъ, чтобы совсѣмъ не испытывать вѣроломныхъ измѣнъ и прочихъ непріятныхъ переменъ столицы, французъ пристрастился къ одной постоянной любовницѣ, которая никогда не оставляетъ чело-

вѣка, а именно—къ русской водкѣ. Въ это время онъ еще больше похлопывалъ по плечу своего подмастерья и даже мечталъ съ нимъ о томъ: какъ онъ его никому не отдастъ; какъ онъ его, пожалуй, откупить на волю и поѣдутъ они вмѣстѣ во Францію; въ Парижѣ откроютъ мастерскую, которую онъ, знаменитый въ Петербургѣ цырюльникъ-Жиббе, передастъ своему милому подмастерью Птиже, а самъ уѣдетъ на родину потому что самому ему пора на покой—страшно надоѣло жить! Богъ знаетъ, что подразумѣвалъ французъ подъ словомъ родина и гдѣ она для него была? Жиббе былъ уроженецъ Женевы и такъ тамъ напакостилъ, что его хотѣла повѣсить. Втерся-было потомъ въ облитые славой ряды великой арміи Наполеона I, но и тамъ такъ подпустилъ, что мочи не было его держать, и оттуда бѣжалъ въ Россію. Новая же родина, на которую французъ рассчитывалъ, и къ которой сильно приготовлялся, была, вѣроятно, Митрофановка, или много, много—Волково-поле. Но изъ разговоровъ все таки было видно, что французъ говорилъ не о нихъ.

А вотъ и рысистый почталіонъ прибѣжалъ и подалъ въ цырюльню какое-то угловатое письмо на имя Емельяна Ивановича Пыркина. Взглянувъ на штемпель, Пырочкинъ далъ почталіону двугривенный, такъ что тотъ, озадаченный, подумалъ: «а я нести не хотѣлъ—все-то оно трехъ законныхъ копѣекъ не стоитъ». Адресъ былъ знакомъ; письмо пришло изъ Сибири, извѣстно отъ кого. Пырочкинъ перекрестился и сразу прочиталъ слѣдующее:

«Милый другъ! Такъ какъ я теперича больна нахожусь при слабости и незнаючи поправляюсь-ли, то и пишу къ тебѣ. Когда ты кончишь свое ученіе, выпросись у хозяина и приѣзжай ко мнѣ повидаться; я объ тебѣ Емельюшка соскучившись нахожусь. Я хотѣла послать тебѣ гостинца,—на прошлой недѣлѣ отъ Куроѣдовскихъ поѣхали въ Петербургъ и самъ старикъ, да у меня нѣтъ нынчи денегъ на гостинцы, я опять живу въ скотной: старый баринъ умерши въ прошлой зимѣ, а изъ Питера приѣхалъ къ намъ молодой, этотъ не такой. Онъ прогналъ насъ всѣхъ старыхъ, кого на мѣсячину, а меня въ скотную, и привезъ съ собою лакеевъ и капомку изъ Питера. А я все больна нахожусь и въ нездоровьѣ цѣ-

мый годъ. Выспросясь у хозяина и приѣзжай ко мнѣ посмотрѣть:—наше житье не такое. Я уже слаба глазами стала, все плакавши. Гостинца послать не могу, потому нынче нечиво...»

И опять повтореніе одного и того же, а внизу подпись: «Тетка твоя Людмила Подпалкина». Ниже помѣтка: сочинилъ дьячекъ Нектополіонъ, въ мѣсяцѣ Іюль, лѣтомъ»—безъ года впрочемъ.

Тяжело вздохнулъ бѣдный Птиже надъ письмомъ тетки и съ досады отвернулся отъ жгучихъ глазъ сосѣдки, которые были невыплаканы и при сѣренькомъ, тускломъ небѣ петербургскомъ сверкали такими звѣздочками, что предъ ними остановился какой-то офицерикъ съ желтыми отворотами.

Въ тотъ-же вечеръ Птиже сочинилъ отвѣтъ, надъ которымъ и поплакалъ. Въ отвѣтѣ этомъ, какъ умѣлъ, излилъ свою признательность и благодарность, и въ заключеніе написалъ, что подарковъ ему никакихъ не нужно: — подарки онъ часто получаетъ и здѣсь, въ Петербургѣ; что денегъ у него куры не клюютъ, и что онъ вотъ и ей, милой тетѣ своей, посылаетъ двѣсти рублей. И дѣйствительно, на имя какого-то прикащика или конторщика выслалъ двѣсти рублей теткѣ, соображая, что такъ деньги получатся скорѣе, потому что скоро-ли подслѣповатая тетка доберется изъ скотной избы до города Сибири и получитъ тамъ свои денежки изъ почтовой.

Конторщикъ деньги получилъ и, какъ слѣдовало, доставилъ ихъ по адресу, Людмилѣ Подпалкиной. Одно только не хорошо: не вытерпѣлъ, болтулъ объ этомъ молодому барину.

— Чертъ знаетъ, какими суммами ворочаютъ они тамъ, въ Петербургѣ! Началь баринъ. Да я, бывало, за двѣсти-то рублей—двадцать процентовъ платилъ въ мѣсяцъ... А это шутка сказать: двѣсти рублей залежныхъ у барскаго человѣка!

— Да-съ, не шутка, отвѣтилъ оборванный чиновникъ-конторщикъ. Да еще вонъ что пишетъ-съ: «денегъ, говорить у меня куры не клюютъ.»

— Будто?

— Точно такъ, ваше выскородіе, я самъ и письмо читалъ.

— А на какомъ основаніи онъ живетъ въ Петербургѣ, вы не знаете? въ конторѣ нѣтъ объ этомъ?

Отд. I.

2

— Не могу доложить; покойникомъ, вашимъ батюшкой, былъ отданъ—неизвѣстно.

— Да какъ же «неизвѣстно», что за неизвѣстность такая? Значится же онъ у насъ какъ нибудь по оброчнымъ статьямъ?

— Да онъ оброку не платитъ.

— Чертъ знаетъ, что это такое творилось тутъ при старикѣ. Да какъ же это? растолкуйте мнѣ, ради самаго Господа,—человѣкъ не платитъ барину ни копѣйки, а изъ прихоти можетъ дарить скотницѣ по двѣсти? Я тутъ ровно ничего не понимаю:—въ этомъ здраваго смысла нѣтъ, наконецъ!

— Не могу доложить-съ,—а только въ оброчныхъ статьяхъ его нѣтъ.

— Такъ занесите, сейчасъ-же занесите! А къ нему предписать: чтобъ онъ съ той же минуты платилъ оброкъ,—ну, хоть четырехста сначала, а тамъ посмотримъ, можно и по-принудить. Надо вотъ только будетъ узнать, что это за птица такая — Емельянъ Пыркинъ?.. А то этакъ, когда же мы устроимъ свое хозяйство? Да и что изъ этого выйдетъ, если они будутъ жить, кто гдѣ вздумаетъ, и не платитъ еще за это ни копѣйки! Оброки, по моему, статья важная; оброковъ отпускать нельзя. Идите, проверьте всѣхъ по ревизской:—кто гдѣ? Сдѣлайте повѣрнѣе выметку и представите ко мнѣ; а я сегодня-же назначу имъ оброкъ, или возьму въ домъ, если человѣкъ нуженъ. Значитъ, не пришли Емелька этого письма, мы не знали-бы, что у насъ есть человѣкъ, Емельянъ? Хороши хозяева, и это въ семь мѣсяцевъ?!

Тупоумный коллежскій регистраторъ такъ смотритъ въ землю, какъ будто рѣшаетъ вопросъ: какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, случилось? какимъ образомъ мы съ баринкомъ до сихъ поръ не знали, что у насъ есть въ Питерѣ Емелька?—А баринъ продолжаетъ оскорбляться невѣжествами Емельки:

— Да и чертъ знаетъ, что это такое: осмѣливается писать въ мою вотчинную контору, а ко мнѣ ни полслова! даже поклона не прислалъ барину! каково это вамъ покажется? Ну, не свиньи-ли послѣ того эти людцы? Значитъ, что-жъ тутъ было при старомъ покойникѣ?..

— Не могу доложить-съ,—отвѣтилъ тупоумный.

А Птиже, между тѣмъ, умнѣлъ, хорошѣлъ по своему, дѣ-

галъ парикмахерскіе успѣхи въ свѣтѣ и на балахъ, у парикмахеровъ и модистокъ, и даже бойко танцовалъ въ театральныхъ маскарадахъ. Не поморщившись, выслалъ онъ барину четыреста рублей оброку, въ контору; забылъ только опять прислать поклонъ и пребойко въ эту зиму примасливалъ голову Петербурга. Словомъ, годъ опять такъ скользнулъ по петербургски, что ни хозяинъ, ни подмастерье не замѣтили, что онъ проскользнулъ.

Въ 18.. не скажу которомъ, но только въ самомъ забавномъ по комическимъ встрѣчамъ году, въ концѣ зимы, въ это забористое, развеселое времячко, въ Петербургъ пріѣхалъ изъ Сибири отставной ротмистръ Длинногубовъ;—такъ объявили вѣдомости даже у Демута, гдѣ ротмистръ остановился. Въ кварталъ дали знать, что помѣщикъ пріѣхалъ по домашнимъ обстоятельствамъ, а домашнія обстоятельства помѣщика, пріѣхавшаго въ столицу, давно уже всѣмъ извѣстны. Это значить, онъ пріѣхалъ: или дѣтей опредѣлить, или жену за границу проводить, или взять, наконецъ, ее силкомъ и увезти въ деревню—отдохнуть отъ бѣшенныхъ петербургскихъ наслажденій.

Пріѣздъ ротмистра передъ масляной показывалъ прямо, что человѣкъ этотъ самъ живалъ въ столицѣ, хорошо знакомъ съ ея нравами и знаетъ, когда въ нее вѣхаться повеселиться и, что называется,—пожить. Въ самомъ дѣлѣ, въ это время Петербургъ съ какимъ-то остервенѣніемъ кидается плясать, болтать и бросать, наконецъ, горстями наши дурковатые денежки. Какъ угорѣлая кошка, мечется онъ изъ угла въ уголъ:—отъ Островскаго къ Лягура, въ балаганъ, съ литературной попойки въ хуторокъ и т. п.

Разъ, въ концѣ масляной, Длинногубовъ отправился въ оперу, а оттуда—припоминая старое, развеселое времячко, гусарское, заѣхалъ отъ скуки въ маскарадъ.

— Птиже, Птиже!.. нищить какая-то прозительная маска, изъ подъ которой такъ и сверкаютъ черные, жчучіе глаза.

Молодой человѣкъ, котораго звали Птиже, живо обернулся къ дамѣ, предложилъ ей руку и пара унеслась въ бѣшенномъ котильонѣ.

— «А что, не тряхнуть-ли и мнѣ стариной?»...—Длинногубовъ взглянулъ въ зеркало и остался доволенъ собой. Въ эту

минуту припоминалось ему живо: какъ, лѣтъ десять назадъ, въ этой же самой залѣ мчался онъ со страстной французенкой,—гремѣли шпоры и музыка; одно пожатіе, пара словъ—и она очутилась въ его квартиркѣ, на Морской....

— «Какое славное время было тогда, думаетъ отставной ротмистръ, закручивая усы: само все давалось и побѣждалось!»— «А гдѣ всѣ эти забавники, которые тогда еще и стрѣлялись со мной изъ пустяковъ?..»

А пара промчалась мимо. Шумное домино такъ и обхватило отставнаго кавалергарда какимъ-то заманчивающимъ и одуряющимъ гусаризмомъ и старинной.

— «Недурна и эта—стоитъ французенки». — Длинногубовъ, какъ истинный знатокъ, принялся зорко слѣдить летающую ножку. — «Какая курьезная фамилія, Птиже? Чего только не услышишь въ этомъ миломъ Петербургѣ!—И кто этотъ господчикъ? А ловко, бестія, тапцуетъ!»

Птиже, между тѣмъ, отпрыгаль, усталъ и сѣлъ чуть-ли не рядомъ съ своимъ баринномъ.

— Извините, мосье, мой вопросъ... началъ Длинногубовъ по французски.

— Что вамъ угодно?.. — Птиже живо вскочилъ, расшаркался и даже подалъ Длинногубову руку.

— Кто этотъ господинъ, съ которымъ вы кланялись:—лице его мнѣ знакомо, а припомнить не могу?

— А, это графъ Трахтарарахъ. Я его знаю; онъ третьяго дня былъ у насъ.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ онъ! заключилъ Длинногубовъ и подумалъ: «должно быть изъ порядочной фамиліи этотъ Птиже: какое у него славное знакомство? Но только, чертъ знаетъ, что за манеры!»

Птиже, въ свою очередь, сдѣлалъ тоже какой-то вопросъ своему барину и они поболтали. Въ это время нѣжный голосокъ брюнетки сильно заинтересовалъ и понравился Длинногубову.

— А здѣсь довольно оживлено и весело. Не знаете, завтра будетъ маскарадъ?

— Тоже вольный!.. выговорилъ Птиже съ восторгомъ. Но только не мѣшаетъ васъ предупредить: пораньше возьмите билетъ, а то ни за что не останете...

— Это для меня не совсѣмъ удобно, я человекъ заѣзжій. Скажите, по крайней мѣрѣ, къ кому я могу обратиться?

— Если позволите, я вамъ достану билетъ?..

— О, помилуйте, зачѣмъ же вамъ безлоконтъся!

— Это ничего не значитъ: кассиръ мнѣ знакомый человекъ и дастъ сколько угодно. Мы стоимъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Скажите только гдѣ вы?..

— Благодарю, благодарю—я подумаю...

— «Вотъ чертъ навязался! Какіе у него связи: кассиръ, графъ... Ничего я тутъ не понимаю!» заключилъ Длинногубовъ. Новые знакомцы преобязательно пожали другъ другу руку.

Въ тоже самое время, въ другомъ концѣ залы, между двухъ масокъ шелъ слѣдующій разговоръ:

— Скажи, ма снѣге, у нашего приѣзжаго дяди есть братъ?

— Есть тамъ гдѣ-то въ Сибири, того я не знаю,—отвѣтила разсѣянно графиня.

— А не здѣсь?... Я думала—это братъ, смотри какое разительное сходство.

Графиня взглянула на разговаривающихъ и презрительно засмѣялась.

— Какое ты дитя, Мери, ты настоящая институтка! Какой же это можетъ быть братъ Длинногубову? Длинногубовъ у насъ довольно извѣстная фамилія, душа моя: дѣдушка его служилъ при дворѣ Екатерины, а это—просто Птиже, подмастерье, Коафѣръ, который убираетъ мою маменьку. Онъ и у меня былъ сегодня. Вотъ его прическа.

— А!... отвѣтила съ какимъ-то недоумѣніемъ институтка! я его не знаю,—слышала что-то ..

— Я удивляюсь, какъ пускаютъ сюда всякую дрянь безъ маски. Пойдемъ заинтригуемъ и увеземъ дядю. Бѣдные провинціалы! они рѣшительно не подозрѣваютъ, въ какое ставятъ себя положеніе своимъ вѣчнымъ незнаніемъ.

Птиже, между тѣмъ, отвозилъ въ вальсѣ какую-то мамзель Бадъ, булочницу съ Невскаго, и до такой степени запыхался, что окончательно сблѣ и вытеръ платкомъ лицо.

Въ это время подлетѣла къ нему ревнивая сосѣдка, сдвинула въ сторону маску, освѣжила лицо вѣеромъ и такимъ огневнымъ взглядомъ взглянула на Длинногубова, что тому окон-

чательно захотѣлось тряхнуть старинной, и, во что-бы то ни стало, отбить сосѣдку у Птиже.

Бываетъ такъ: ѣдешь ведѣлю въ вагонѣ, ѣдешь двѣ на пароходѣ, сидишь цѣлую зиму рядомъ въ театрѣ, примелькается тебѣ какой-нибудь мосье Птиже, переговоришь съ нимъ все до нельзя, и хотя не откроешь ему домашнихъ обстоятельствъ (въ родѣ отправленія жены за границу, или въ деревню) но, не менѣе того, коснешся иногда такихъ занозистыхъ и крючковатыхъ вопросовъ, въ родѣ вопросовъ настоящаго времени, что послѣ остается тебѣ только подумать: «и какъ это онъ, чертъ, вытянулъ изъ меня этакія вещи? Богъ знаетъ, кто же этотъ вездѣсущій Птиже петербургскій, котораго я не знаю? не спросилъ кто онъ, да какъ-то и не принято спрашивать у человѣка имя,—словомъ неприлично!» И дойдешь до того, что, встрѣтившись опять гдѣ нибудь со старымъ знакомцемъ, только подумаешь: «что за знакомая рожа; гдѣ-это я видалъ этого господина?»

Тоже было-бы и съ Длинногубовымъ, послѣ скользящаго знакомства. Но тутъ была рѣзвая ножка, прехорошенькая брюнетка, напоминающая прошлое, и французенку, и еще таковой огневой глазокъ, который едва-ли не жгучѣе самаго сладострастнаго взгляда французенки,—и Длинногубовъ рѣшился познакомиться съ Птиже покороче.

— Такъ я къ вамъ съ покорнѣйшей..... началъ онъ.

— Что прикажете?...—Птиже опять вскочилъ и живо шаркался.

— Да о билетѣ....

— Извольте, извольте—пустая услуга: номеръ 18, на Гороховой.—Пришлите завтра человѣка, или не пожалуете-ли самп? Ходъ къ намъ съ улицы — къ двумъ часамъ будетъ готовъ.

— «Да куда же я пошлю человѣка: къ кому адресую записку?—сверкнуло въ головѣ Длинногубова, надобно же наконецъ спросить: кто этотъ мосье Птиже—его превосходительство, или просто господинъ сапожникъ? Здѣсь ничего не разберешь!—Длинногубовъ началъ такъ:

— Ваша услуга, мосье, обязываетъ меня съ своей сторо-

ны поинтересоваться узнать вашъ адресъ? вы вѣроятно слушайте здѣсь, въ Петербургѣ?

— Этотъ вопросъ сначала озадачилъ Птиже. Сказать — «служу», онъ рѣшительно боялся, потому что подъ словомъ «служу» тогда еще не подразумѣвалось: ни эспаньелки, ни бороды, ни фрака на распашку, а тѣмъ паче еще—безъ свѣтлыхъ пуговицъ. Тогда служили серьезнымъ образомъ; изъ департамента, иной разъ, относили прямо на Смоленское, застегнутымъ на всѣ девять служебныхъ пуговокъ. А кто имѣлъ честь служить съ утра, у того уже вечеромъ такъ рѣзво не плясали ножи въ маскарадѣ,—шалишь! Сказать же, «не служу», Птиже тоже не хотѣлъ: разъ, потому что на неслужащаго въ Петербургѣ смотреть со вздохомъ,—такъ и хотять тебѣ сказать: «какая ты отстаивная жалость!» Второе, потому что Птиже, въ самомъ дѣлѣ, обидѣлъ-бы себя, еслибъ сказалъ «не служу»; съ утра до ночи онъ, какъ самый усерднѣйшій угодникъ, все былъ на ногахъ передъ министрами, князьями, графами и все только примасливалъ, да приглаживалъ, да почесывалъ начальниковъ, начальницъ, сыновей ихъ, дочерей и пр. — какъ-же тутъ скажешь «не служу»? А въ третьихъ потому наконецъ, что Птиже въ это время такъ уже размахисто брилъ, чесалъ и гладилъ весь Петербургъ, такой былъ замѣчательный артистъ въ своемъ родѣ, что свое полезное занятіе онъ считалъ уже гораздо выше службы какой-нибудь старой канцелярской крысы, обладывающей лѣтъ тридцать разныя дѣла. А поэтому, долго не думая, онъ отвѣтилъ такъ:

— Служу не служу, мосье, а тоже въ своемъ родѣ служба: я подматстерье у француза Жюбе. Вы человекъ пріѣзжій, такъ, можетъ быть, не знаете парикмахера Жюбе, а мосье Жюбе извѣстенъ всему Петербургу?

— Ну, нѣтъ извините и я его знаю! прибавилъ озадаченный Длинногубовъ. Это у красного моста, домъ генерала Огого?

— Да, да, квартира № 18, о которой я вамъ докладывалъ. Вотъ онъ самый и есть!

И подматстерье, потирая отъ удовольствія руки, съ такимъ достоинствомъ и важностію называлъ, извѣстнѣйшаго всему Петербургу, Людовика Наполеоновича Жюбе, какъ будто рѣчь

здѣсь шла уже не о парикмахерѣ, а прямо объ адъютантѣ или маршалѣ великаго, — такую завоевалъ себѣ славу въ Пятёрѣ гвардеецъ великой арміи, погребенной подъ Москвой.

— Да какъ же это?.. заговорилъ, совершенно сбитый съ толку, Длинногубовъ: у Жлбе былъ въ подмастерьяхъ мой крѣпостной человекъ, Емелька, — развѣ онъ отошелъ? Онъ недавно еще писалъ къ теткѣ...

— О, это передо мной.. — живо отвѣтилъ французъ, но въ ту-же минуту, словно бѣдный мотылекъ, обжегся на свѣчкѣ и замочалъ. Мертвая блѣдность покрыла крѣпостного Птиже.

— А-а-а! заключилъ Длинногубовъ

Въ это время, какъ нельзя болѣе кстати, подошли къ Длинногубову двѣ милыя масочки: известная графиня Пузановская и подруга ея, недавно выпущенная изъ смольнаго, Ремюза, — дальняя родственница его жены. Картава, какъ чистѣйшая парижанка, графиня потащила дядю за собой; а другая племянница, (у которой еще были такія свѣжія плечи и совершенно незнакомый ему голосъ), до такой степени заинтересовала дядю, что Длинногубовъ уѣхалъ съ ними куда-то ужинать.

Жалкій Птиже въ лихорадкѣ едва дотащился домой.

Всю ночь бредилъ бѣдный Птиже. Ему представлялся великолѣпный княжескій домъ на Литейной. Бѣломраморный залъ съ серебрянными коріатидами и бѣлою штофною драпировкой такъ сильно освѣщенъ, что рѣжетъ глазъ. Самъ онъ женится на старой помѣшанной княгинѣ, и это первая ночь послѣ брака. Сумасшедшая выходитъ къ гостямъ совершенно обнаженная; у ней выломлено ребро и совершенно впалая грудь, какъ у чахоточной. Онъ теряется, хочетъ позвать людей, но куда не кинется въ сосѣдніе апартаменты своего княжескаго дома, вездѣ темно; вмѣсто слугъ, на зовъ его выходятъ какіе-то страшные барини: то Длинногубовъ, то Куроѣдовъ. Бѣдный князь-подмастерье наконецъ теряется, пугается и просыпается. Заснетъ, — а тутъ его, князя, брѣютъ въ солдаты; проснется — льетъ градомъ потъ. Опять заснетъ, смотришь: самъ брѣетъ какого-нибудь князя! И обдаетъ могильнымъ холодомъ Птиже отъ того, что такъ непрочно и измѣнчиво человѣческое счастье во снѣ. А затѣмъ уже полезла такая чепуха, которая и во снѣ-то никогда не снится человѣку мало-мальски покойному.

— Здѣсь Емельянъ Ивановъ Пыркинъ? спросилъ грубый голосъ въ темномъ чуланѣ, да такъ громко, что бѣдный Птиже вскочилъ.

Почталіонъ подалъ ему со двора письмо, потому что самъ хозяинъ, зачуявъ масляницу, кутилъ; подмастерье лежалъ и бредилъ, а мастерская съ улицы осталась заперта до четверга великаго поста.

Птиже повертѣлъ письмо въ рукахъ, посмотрѣлъ на пару голубковъ на печати, но не торопился вскрыть. Къ сѣрымъ и грязноватымъ письмамъ тетя онъ такъ привыкъ, что по одному уже виду заключилъ, что это письмо не отъ *нее*. Такой мелкій почеркъ, низанный какъ бисеръ, онъ видитъ въ первый разъ. Однако нужно же было прочитатъ? и бѣдный Птиже прочиталъ, — бросился въ подушку и зарыдалъ, какъ ребенокъ! Къ вечеру у него открылась горячка. Докторъ объявилъ, что больной безнадеженъ.

— О, мать моя, дорогая моя матушка!.. кричалъ въ бреду больной, рыдая, какъ маленькій ребенокъ.

Письмо было вотъ какого содержанія:

«Духовный мой сыно! Я, предстоятель у престола Господня, священникъ Степанъ Макаровъ, исповѣдая передъ концемъ жизни дворовую женщину барина твоего, помѣщика Длинногоубова, Людмилу Семелову Подпалкину, узналъ отъ нее тайну, которую она просила передать тебѣ, какъ ближайшему къ ней человѣку — просто родному ея сыну, прижитому ею въ ея непорочномъ дѣвствѣ съ господиномъ своимъ, (отцемъ настоящаго владѣльца и помѣщика села Индѣйкина, въ которомъ жила твоя мать). Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ родительскими слезами она просила меня помолитъся объ ней; и тебя проситъ объ этомъ. Такъ прости-жь ее, другъ, и не помяни лихомъ. За симъ остаюсь твой духовный отецъ и богомолецъ на вѣчныя времена, предстоятель престола Господню,

Священникъ крестовоздвиженской церкви
Степанъ Макаровъ».

Внизу, вмѣсто постскриптума, прибавлено: «пиши, другъ, ко мнѣ просто, что тебѣ нужно, и я, если хочешь, подробно отпишу тебѣ о ея кончивѣ, которая была при мнѣ. Теперь

я боялся тебя сильно огорчить, а потому и не писалъ ничего болѣе»

Послѣ этого, конечно, не грезилъсь милому Птиже петербургскіе пустыки: онъ больше не женился во снѣ на старыхъ княгиняхъ и графиняхъ. Теперь его мучили другія видѣнія: въ горячечномъ бреду представлялись ему деревенскія сцены съ теткой и прочими брюнетками и блондинками, отъ которыхъ вся кровь стыла въ жилахъ, не смотря на сильный горячечный огонь. Тѣмъ больше, что счастливую Замерзаевку онъ оставилъ такой маленькій, ничего невѣдающей, и деревня всегда представлялась ему землей обѣтованной, чуть не раемъ.— «Тамъ блаженствуютъ люди, думалъ онъ, а въ томъ числѣ и моя тетьа»... А тутъ вдругъ, — и кто же? первое лице, священникъ, пишетъ къ нему, что въ этой святой, обѣтованной землѣ, деревнѣ, люди вовсе не благоденствуютъ, а изнываютъ, какъ его мать, чахнуть отъ гнета и скорбей и умираютъ, какъ жалкіе рабы!—Кого жъ послѣ того не сломитъ болѣзнь отъ такой безотрадной вѣсти и разочарованія? Известно, что человекъ въ тоскѣ и горѣ проклинаетъ свою собственную жизнь и бредитъ иногда такими истинами, какъ Марѳа на кладбищѣ, которыхъ пугается самое смѣлое на свѣтѣ лице. А настоящее состояніе Птиже едва-ли было легче состоянія его побочной тетки Марѳы? А тутъ еще молодость, жаръ крови и жаръ горячки наконецъ. Значитъ, очень естественно, что бредъ его доходилъ до такого безобразія и чудовищныхъ образовъ, которыхъ я не берусь здѣсь передать.

Докторъ, захватившій черезъ недѣлю, увидѣлъ, что больной вскакиваетъ на постели со сжатыми кулаками и кричитъ на всю циркулюю: «злодѣй, разбойникъ, губитель!» второпяхъ подумалъ: «ужъ не его ли онъ этакъ честитъ, предчувствуя свой конецъ?»—съ испугу пересталъ ѣздить совсѣмъ. А хозяинъ, слышавши, что подмастерье умретъ (такъ сказалъ докторъ и въ послѣдній разъ), сталъ еще сильнѣе принимать свою микстуру, которую не даромъ игривые французы—шутники прозвали «водою-жизни».

Милый Птиже остался почти совершенно безъ помощи и пособія врача, какъ и частенько такъ случается въ нашемъ благотворительномъ Петербургѣ, еслибъ въ немъ не было

благородныхъ, и свято-исполняющихъ свои обязанности, Твельмейеровъ и Шлиссеровъ,— словомъ, двухъ-трехъ истинныхъ врачей, на всѣ 500 т. жалкаго и бѣднаго народонаселенія столицы! Одно еще хорошо, что крѣпкія, нищенствующія натуры—особливо бѣдняковъ чиновниковъ — такъ уже приколо-тились о булыжную дорогу жизни, что всякую человѣческую немочь выносятъ также равно и мужественно, какъ и самую главнѣйшую изъ немочей человѣческихъ—нищету. Наперекоръ всякому знанію и пророчеству медицины, они часто-часто—и сами не зная для чего,—остаются живы! Тоже случилось и съ бѣднымъ, брошеннымъ всѣми, Птиже. Провалаявшись недѣль шесть, онъ къ пасхѣ сталъ оживать.

Съ какимъ удовольствіемъ, бывало, онъ убиралъ свою мастерскую къ этому великому на святой руси празднику. Самый колокольный звонъ не напоминалъ ему ничего грустнаго въ этотъ воистину веселый праздникъ; ибо съ того самаго года, какъ онъ началъ новую жизнь въ Петербургѣ, къ пасхѣ всегда (онъ такъ уже чужалъ и ждалъ всю страстную недѣлю) приходило къ нему письмо отъ тети, а при немъ посылка, зашпята той ручкой, которую онъ цѣловалъ, а въ посылкѣ этой манишки, рубашки, еще такіе тряпочки, которые зовутся у насъ ассигнаціями. Пусть манишки были не модны и Птиже ихъ никогда не надѣвалъ (и дома онъ былъ одѣтъ какъ каритнка), но, не менѣе того, никогда не моталъ ихъ по петербургски, не закладывалъ, какъ петербургскій подмастерье, а хранилъ въ комодѣ, вмѣстѣ съ другими драгоценностями — съ подарками, на примѣръ, своей милой сосѣдки. И не рѣшалъ еще онъ сердцемъ: которая изъ этихъ двухъ женщинъ самый близкій къ нему человѣкъ? Представлялось ему только въ какомъ-то очаровательномъ будущемъ, что его милая сосѣдка, похожая на тетю, со временемъ, богъ дастъ, передѣлаетъ ему эти манишки на модныя, а теперь пусть они полежатъ. Бѣдный Птиже! онъ никакъ не помышлялъ, что милую его сососѣдку молодой его баринъ, Длинногубовъ, увезъ-таки на другой день изъ маскарада! И увезъ онъ ее повсе не за то, что она искусная мастерица перешивать мужнины манишки, а за то только, что ему понравилась ея маленькая, рѣзвая ножка-прыгунья, да огневой глазокъ.

А теперь пришел такой праздник, въ который бѣдный Птиже не получилъ уже милаго пьсьмеца и посылки отъ тети Людмиши. Грустно стало молодому шарикмахеру, особливо послѣ тяжелой болѣзни. Словно новорожденный, безродный и безпріютный спрота, онъ тоскуетъ о матери и о ея жалкой жизни и судьбѣ! И въ первый разъ онъ не убралъ чисто и изящно своей мастерской! Все валилось изъ рукъ: разбилъ дорогую хрустальную вазу съ кровососущими пиявками и, богъ знаетъ, какихъ бѣдъ не нагворилъ-бы еще бѣдный подмастерье, елибъ наконецъ хозяинъ, въ первый разъ въ жизни, подъ пьяную руку не ругнулъ его по руссѣйски.

Но человѣку отчаяваться не должно. Въ великую субботу, вмѣсто краснаго янчка, получилъ онъ письмо. и именно изъ Индѣйкина, — что обличала конторская печать. Почеркъ былъ совершенно новый, неизвѣстный, но хорошій и четкій почеркъ— словомъ, почеркъ дѣловой. Зная впередъ, что изъ Сибири въ Петербургъ худаго не пишутъ, онъ задумалъ-было оставить это письмо нечитаннымъ до завтра, думая основательно, что письмо изъ Индѣйкина, вѣроятно отъ новой родни, которая пишетъ о себѣ или о кончинѣ матери.— «Завтра, вмѣсто поцѣлуя съ французомъ, я поцѣлую это письмо и мнѣ будетъ веселѣе встрѣтить мой первый праздникъ».

Съ этой надеждой онъ принялся за дѣло, и такъ ретиво, что французъ подумалъ-таки о своемъ могуществѣ: «отчего это я не генералъ? я бы, кажется, очень хорошо командовалъ русскими человѣкомъ? Смотри-ко: отъ одного моего крѣпкаго словца, безъ оплеухи и палки, а какъ онъ, шельма, почувствовалъ мое распекаванье?..»

Птиже, между тѣмъ, все убралъ и поставилъ со вкусомъ. Засвѣтили лампы. Новые ученики засуетились въ ожиданіи того тревожнаго часа, въ который опять такъ сильно полезеть небритое и печальное человѣчество — браться и страчься въ праздникъ.

Покуривъ тонкими, аристократическими духами, (которые такъ язвительно дѣйствуютъ на раздражительные нервы) утомленный Птиже сѣлъ отдохнуть и не выдержалъ — конулся. Словомъ, онъ прочиталъ письмо съ казеннымъ почер-

комъ и съ кресель больше не всталъ. Какъ покойника отвесли его на постель, а письмо подъялъ съ полу хозяинъ и на всякій случай, въ поныхахъ, запряталъ въ секретный ящикъ. Французъ хотя и говорилъ иной разъ, что ничего не трусилъ подъ Смоленскимъ, но теперь, какъ видно изъ дѣла, въ своей мастерской частенько-таки потрушивалъ квартальнаго надзирателя, и хотя брилъ ихное благородіе даромъ, но зналъ однако по опыту, что письмо это для квартальнаго надзирателя теперь важнѣе, нежели самый праздничный подарокъ. Опытный Жибе зналъ даже на этотъ счетъ пословицу: «съ этимъ народцемъ водись, а за камень держись». Откуда онъ взялъ такую пословицу? мнѣ это неизвѣстно и даже удивительно, тѣмъ больше, что французъ ничего не говорилъ по русски; правда, что онъ выучился у насъ круино и мастерски ругаться, но въ этомъ была другая дѣль: это училось изъ патриотзма, да развѣ еще изъ того, что русскому хорошему мастеру стыдно же наконецъ не умѣть ругаться по русски.— А откуда взялась у французъ такая русская пословица—это го я не знаю. Вѣроятно, почерпнулъ онъ ее изъ опыта жизни? Охъ, великое слово опытъ жизни, особливо въ Петербургѣ!

Птиже очнулся черезъ часъ, —такъ великъ былъ обморокъ,— и первое слово было: «гдѣ письмо, я его не дочиталъ?» Французъ ошплъ, заболталъ и разспросилъ: что все это значить? что это за письмо, которое творить такія чудеса—живаго и веселаго человѣка, какъ электрическимъ ударомъ, убиваетъ наповаль? Оказалось, что это было удивительно только для иностранца, а у насъ надъ такими письмами не только никто не останавливался, а даже никто не думалъ и вопроса задать: есть-ли въ нихъ, въ самомъ дѣлѣ, чтонибудь могучее, мертвящее, или убивающее человѣка наповаль?—Просто это былъ листъ обыкновенной бумаги, на фронтисписѣ котораго ласковыми, смѣющимися буквами было напечатано: «*Центральная вотчинная контора его превосходительства, господина помѣщика, Петра Борисовича Дмннгоубова*». А на этой дѣловой бланкѣ конторщикъ казеннымъ слогомъ написалъ слѣдующее:

«Его превосходительство, господинъ нашъ помѣщикъ, Петръ Борисовичъ, отдалъ приказъ въ нашу вотчинную контору предписать вамъ, Емельяну Иванычу: такъ какъ теперича оброка

были еще поставлены старымъ баринѣмъ, то, говоритъ, они по новому взгляду не годятся—малы. А по сему: какъ вы до сего времени платили 400, то сямъ главная контора, отъ имени его превосходительства, барина, предписываетъ васъ обязать съ сего числа оброку высылать *восемьсотъ* рублей, а по сему и паспортъ вамъ не высылается. И такъ какъ сямъ извѣщается, что его превосходительство занимается постройками винокуреннаго и мыльнаго завода и деньги имъ нужны теперъ-же, то сямъ и предписывается вамъ, Емельянъ Иванычъ: выслать впередъ, всѣ восемьсотъ сполна, немедленно. А если вы не согласны на сіе предписаніе, то имѣете честь намъ отписать — донести его превосходительству, нашему помѣщику, а за сямъ немедленно явитесь, приѣзжайте въ контору для личныхъ объясненій». Секретарь такой-то; и коллежскій регистраторъ Мордольоновъ подписался съ удивительнымъ росчеркомъ, а внизу приложилъ траурную, конченую печать съ гербомъ его превосходительства, господина помѣщика Длинногубова.

Въ сторонкѣ, вмѣсто постскриптума, приписка того-же секретаря, карандашемъ: «Что это вы, Емельянъ Иванычъ, ничего не отпишете къ нашему барину? Онъ сердится на васъ, что вы не благодарите его за то, что онъ отпускаетъ васъ ходить по волѣ; всѣ оброчные къ нему пишутъ. — «Свннѣя, говоритъ, неблагодарная, я, говоритъ, не посмотрю на него, что онъ въ Питерѣ, отдамъ его за это въ солдаты.» «А вы отпишете къ барину что нибудь, а то смотрите, еще пуще осерчаетъ, — чтобы не вышла бѣда: онъ вѣдь бѣдовый!.. Я вамъ это совѣтую по дружбѣ.» Внизу опять съ маленькимъ росчеркомъ подписано: «правитель дѣлъ Мордольоновъ».

Какъ не морщилъ французъ лобъ, чтобы хоть сколько нибудь понять эту русскую гиль, — такъ и не понялъ ничего! Когда же Птиже на его легкомъ языкѣ объяснилъ, въ чемъ именно заключается эссенція этой гили, то французъ, по своему обыкновенію, только захохоталъ. Сдѣлавъ онъ только одно заключеніе, что эта бумага пока еще не казенная, такъ, значитъ, и трусить нечего. — «Я тебя, мой милый Птиже, никому, никогда и ни за что не отдамъ!» — И хотя называлъ предписаніе «грабительствомъ», однако тутъ-же, при пер-

вомъ звукѣ колоколовъ, возвѣстившихъ пасху, подарилъ своему подмастерью, оставшіеся послѣ кутежа, послѣдніе восемьсотъ; а послѣ праздника выслали вмѣстѣ деньги на имя главной конторы, а оттуда, вмѣсто квитанціи, получили платный паспортъ, со льготами на три мѣсяца и съ правомъ жить во всѣхъ городахъ російской имперіи.

— Каково! кричалъ обрадованный французъ: со льготами по всей имперіи! значить, гдѣ хотимъ—живемъ, хоть въ Сибири наконецъ?.. И Жибе, послѣ этого вопроса, опять принялся за водку, поздравляя своего подмастерья съ паспортомъ и волей; а Птиже принялся снова поглаживать петербургскіе бакенбарды.

Такъ, можетъ быть, и жили-бы они пока; но въ эту зиму Жибе началъ уже черезъ-чуръ сильно кутить; ученики послѣдовали за учителемъ, а съ ними началъ сбиваться съ толку и самъ Птиже. Дѣла поразстроились. А къ веснѣ опять пришло обычное предписаніе, которымъ Мордольоновъ предписывалъ Емельяну Иванычу, отъ имени его превосходительства: что баринъ, для круглоты счета, въ нынѣшнемъ году требуетъ оброку ровно *тысячу*. На дѣлѣ же, вмѣсто тысячи, къ сроку собрали только кое-какъ пятьсотъ. Птиже хотя и не благодарилъ барина за волю, однако написалъ вѣжливое письмо, въ которомъ выставилъ причины и просилъ на время отсрочки.

— Это еще что за новости, какая ему отсрочка? отвѣтилъ на это баринъ. Пишите къ этому скоту: не хочеть-ли откупиться, чтобы вносилъ три тысячи. Деньги намъ теперь нужны: откупа падаютъ, заводъ стоитъ; теперь только одно:—деньги, деньги и деньги!.. Что съ нимъ церемониться и такъ достаточно избаловался. Это чистѣйшій вздоръ, что тамъ у нихъ, въ Петербургѣ, нѣтъ денегъ? — это дичь! Онъ просто начинаетъ вольничать. И хоть-бы писалъ прямѣе и откровеннѣе, а то чертъ знаетъ, что за письмо: заводитъ со мной какія-то условія—просто дерзость! Онъ вѣрно еще не знаетъ кто я?.. Написать ему прямо, чтобъ онъ высылалъ оброкъ сію минуту.

Написали, но это не помогло. Въ это время Птиже просилъ всѣхъ оброчныхъ въ Петербургѣ и узналъ уже, что

оброки платятъ они въ концѣ года, а не въ началѣ. Въ началѣ никто не платитъ; да такъ и требовать нельзя, потому что барскій человѣкъ, не отслуживши года, достать себѣ денегъ на оброкъ не можетъ. Птиже, по полученіи строгаго барскаго предписанія, такъ и отвѣтилъ въ контору: что годъ еще не прошелъ, а потому и требовать съ него остальныхъ денегъ незаконно. Что онъ вышлетъ ихъ въ концѣ года. А къ барину—ни строки.

— Э! да онъ начинаетъ тамъ умничать и объ законахъ ужъ пописываетъ? Каковъ, Емелька Пугачевъ! Ну-ко, объявить ему сегодня-же мой законъ, собственный: предписать, что если я въ нынѣшнемъ - же мѣсяцѣ не получу отъ него весь оброкъ за годъ, такъ я вытребую его сюда, какъ арестанта, по пересылкѣ.

Предписали.

Огорченный Птиже сталъ жаловаться своему хозяину на несправедливость и притѣсненія барина, и въ совѣтѣ между друзьями опять было читано предписание конторы, а для вѣщаго уразумѣнія три раза переводилось на французскій языкъ. Ничто не помогло: французъ опять не понималъ ничего.

— Mais qu'est ce que c'est, que «persilka?»—je ne comprends pas.—Я не понимаю—«перьсплька?» кричалъ Жибе.

Птиже, какъ не мало зналъ эту штуку: что такое пересылка? но все-таки съумѣлъ объяснить хозяину, что это штука скверная—это вотъ чѣмъ наконецъ пахнетъ.

— Кошонри! вскричалъ разгнѣванный французъ. Quel diable! да самъ великій Наполеонъ мой не сдѣлялъ такой перьсплька съ человѣкомъ? Твой баринъ мой Птиже, скотенъ! Онъ не стоитъ того, чтобъ высылать ему дѣньга. А за перьсплька надо шалеваться. Я зѣду замъ на графъ!

И дѣйствительно, горячій французъ сію минуту распорядился—ускакалъ къ какому-то графу Гуманову, который, по словамъ его, «часто *трепехталъ* Жибе по плечу» и дружески спрашивалъ: «ву, что, мой милей Жибе, скажите хорошенькаго?

Графъ и въ этотъ разъ также потрепалъ Жибе по плечу и спросилъ: «что скажетъ онъ хорошенькаго? «Но французъ отвѣтилъ рѣшительно: что сегодня онъ ничего не будетъ го-

ворить хорошенькаго, а будетъ говорить одно скверное, и тотчасъ отжаловался на «персыльку»

Графъ согласился съ французомъ, что это въ самомъ дѣлѣ кошонри со стороны помѣщика, даже замѣтилъ въ оправданіе, что и самъ онъ, графъ Гумановъ, отпускаяющій своихъ людей шататься по волѣ, никогда не думалъ требовать съ нихъ оброка впередъ. Однако, въ извиненіе помѣщика, хотѣлъ было растолковать французу: что за вещь такая «нашъ крѣпостной человѣкъ?» Куда!.. Французъ только горячился, много говорилъ, выходилъ изъ себя, махалъ руками, ничего не понималъ и наконецъ объявилъ графу рѣшительно, «что Птиже своего онъ никому ни за что не отдастъ!

А если кто-нибудь осмѣлится посадить его подмастерья на цѣпь, или отнять у Жибе, такъ онъ, мосье Жибе, будетъ «шаловаться прямо на Государь!»—Графъ одобрилъ такую мысль и былъ даже удивленъ, что тотъ самый Птиже, который такъ мило говоритъ по французски ѣздитъ и въ коляскѣ завивать дочерей его à l'enfant, не иностранецъ, а крѣпостной человѣкъ—Емелька.

— «Я не постигаю, заключилъ Гумановъ, разводя руками, какъ помѣщикъ не обходится съ такимъ человѣкомъ почеловѣчески? Онъ, ей-богу, стоитъ того, чтобъ обходиться съ нимъ почеловѣчнѣе!»—Да на томъ и остановились.

Впрочемъ, французу и этого было достаточно. Онъ пріѣхалъ домой просто разгнѣванный по-французски. Тотчасъ объявилъ Птиже, что графъ ихъ очень сожалѣетъ, что оброкъ съ нихъ требуютъ незаконно, и что теперь остается дадо: заѣсть имъ въ трапезю и стойко отстрѣливаться отъ непріятеля,—словомъ, стоять на одномъ, что денегъ теперь не дадимъ, высылать не хотимъ... «Не дадимъ, не хотимъ да и только!» твердилъ французскій языкъ. Такъ и рѣшили написать въ контору, что денегъ у нихъ никакихъ нѣтъ!

А тутъ-то вторая адмиралтейская и цапъ-царапъ бѣднаго Птиже. Французъ теперь и соглашался было внести оброкъ, но ему уже отвѣтили бумагой: что помѣщикъ объ оброкѣ не говорить ни слова, а просто покорнѣйше проситъ петербургскую полицію выслать къ нему на мѣсто жительства безпаспортнаго его человѣка Емельяна. Жибе кинулся было къ пріятелю

своему квартальному, но и этотъ ничего не помогъ; отвѣтилъ только сердито: «да что вы болтаете, господинъ французъ! какой вамъ тутъ оброкъ, когда мы запятели его въ острогъ!»— Понимаете-ли вы хоть *это* наконецъ?»—Оставалось, значить, упросить надзирателя съѣздить въ Демидовъ переулочекъ и настроить Птиже, чтобъ онъ барину не поддавался. А самъ Жибе поскакалъ къ графу Гуманову отжаловаться на вторую адмиралтейскую часть.

На это графъ развелъ только руками и сказалъ: что, при всемъ уваженіи къ Жибе, онъ не можетъ тутъ сдѣлать рѣшительно ничего. Что это у насъ такъ ужъ и слѣдуетъ быть по закону. Что онъ въ прошлый разъ еще толковалъ ему, французу: что за вещь такая «*нашъ* крѣпостной человѣкъ», и какъ баринъ, если захочетъ, можетъ согнуть его въ бараній рогъ.

Французъ, хотя вовсе не понялъ, какимъ образомъ гнуть у насъ въ бараній рогъ человѣка, однако видалъ на своемъ вѣку и барановъ, и рога, и какъ они круто согнуты, и заключилъ: что это вовсе не шуточная сила, которая завиваетъ волоскомъ такую крѣпкую кость.

Французъ съ отчаянія, тотчасъ ускакалъ домой — пить съ горя и тоски.

А бѣднаго Птиже погнали по пересылкѣ сквозь всѣ мытарства, остроги, земскіе суды, и наконецъ, какъ вещь потертую, помятую и поломанную, представили барину.

— Ты что это, скотина, не хочешь знать твоего господина? началъ Длинногубовъ, указывая на себя.

— «И это мой кровный братъ!» сверкнуло въ головѣ колодника Птиже. Кровь бросилась ему въ лицо, — онъ едва простоналъ:

— Я не скотина; я человѣкъ

— А-а-а!.. въ самомъ дѣлѣ?

— Да! отвѣтилъ онъ наконецъ смѣло, — по человѣчески.

— Что-жь дальше?

— А дальше: я вамъ не хочу служить!

— А если я тебя заставлю? вскрикнулъ слегка баринъ.

— Я буду жаловаться! отвѣтилъ твердо Птиже.

— Каковъ, Емелька Пугачевъ! да ты много-таки тамъ узналъ. Стращать никакъ меня задумалъ?..

Баринъ позвонилъ. Колокольчикъ, имѣющій форму трехъ-фунтовой гири, издалъ тяжелый и тупой звукъ. Должно быть, все чуюло и знало этотъ тяжелый и тупой звукъ, потому что на зовъ его быстро прибѣжалъ испуганный камердинеръ.

— Конторщика!

— Голосъ барина звенѣлъ, какъ разбитые черепки. Не успѣлъ оторопѣвшій Птиже перевести духъ, какъ уже прибѣжалъ встрепанннй конторщикъ.

— Сковать, обрить и сослать въ Замерзаевку, въ свинопасы!

— Я буду жаловаться губернатору, выговорилъ удушливо Птиже.

— Я твой губернаторъ! вскричалъ баринъ, обернувшись къ Птиже, и такъ всталъ передъ жалкимъ рабомъ, что тотъ зашатался. Конторщикъ вывелъ его изъ кабинета.

Черезъ три дня донесли, что Емелька закованный сосланъ, но что у него со страху совсѣмъ отнялся языкъ.

— Тѣмъ лучше, меньше будетъ врать,—заклучилъ баринъ твердо.

Такъ прошло пять лѣтъ. Длинногубовъ, какъ говорятъ у насъ, оставилъ Емельку въ покоѣ. Повидимому, онъ вовсе забылъ о существованіи бѣднаго Птиже; а между тѣмъ, черезъ вѣрныхъ своихъ слугъ, музыкантовъ, (у которыхъ было тонкое и развитое ухо), онъ частенько таки узнавалъ: что съ Пугачемъ творится что-то недоброе и непонятное. Просто онъ какъ есть нѣмой; а посмотришь на него изъ-за кустика или въ щелочку, онъ про-себя говоритъ, какъ будто творить молитву или шепчется съ нечистымъ. Нѣкоторымъ слышалось, что онъ ругается во свѣ «злодѣемъ», «разбойникомъ», «губителемъ». А старухѣ Охинеихѣ (матери покойницы Людмилы) разъ даже почудилось: какъ онъ вскочилъ средь ночи, подъ заутреню, сжалъ кулаки и явственно «таково сердито выговорилъ эти самыя слова, — такъ что ее, бѣдную старуху, Охинеиху, напужалъ до смерти». — Охинеихѣ, конечно, никто не вѣрилъ, потому что Охинеиха была, слышь, какая-то не русская, даже—не знай—крещеная-ли? часто говорила сама съ собою, или съ нечистымъ,—богъ ее вѣдаетъ,—и по всей деревнѣ слыла за вѣдму и колдунью. А въ щелочку на Емель-

ку смотрѣлъ такой мужицъ, который отродясь не говорилъ пустаго; значить, сомнѣваться было нечего, что Емелька съ кѣмъ-то перешептывается.

А что-бы сказала объ этомъ добрая и прекрасная баронесса Какаду? Какъ деликатно—истинно по княжески, умѣла она привѣтить и приласкать своего милаго Птиже? Какъ глубоко благородная душа ея и чуткое сердце чувствовали, что такое рабъ человѣка?.. Не даромъ серьезный нѣмецъ, отецъ твой, прожилъ съ тобою лучшіе годы въ Швейцаріи, въ какомъ-нибудь гнѣздышкѣ ласточки, въ горахъ, и научилъ тебя, доброе дитя, любить ту дикую, грозную мать-природу, гдѣ я заоблачный сынъ-человѣкъ воленъ, какъ птичка небесная и гдѣ ему такъ весело живетъ и звонко поется. Не вынести и тебѣ оковъ твоего новаго княжества, дорогое дитя-алмазъ! .. зачухнешь и ты безразсвѣтно, роскошная княгиня Квашонкина! Ты родилась и взлѣблялась вовсе не для лошадиныхъ привычекъ твоего мужа. Погибнешь и ты, сіятельная звѣзда, имѣющая права и средства убѣжать отъ твоей барской скуки, хоть въ скучную Германію наконецъ! А что будетъ съ нимъ, съ твоимъ милымъ Птиже, который и этихъ правъ и средствъ не имѣетъ, который стоитъ несравненно ниже тебя на общественной лѣстницѣ, и котораго безумная судьба готовила быть .. свинопасомъ! Что будетъ съ нимъ?

Что сталося съ нимъ—договорить недолго: Птиже сошелъ съ ума.—И теперь еще въ Сибири онъ извѣстенъ подъ именемъ «Емлюшки-дурачка» и, можетъ быть, даже въ эту минуту, какъ 25 лѣтъ назадъ, плачетъ онъ надъ собаченками, проданными въ неволю, или дохочетъ надъ покойникомъ; крѣпостнымъ Павломъ!

Г. Цветаевъ.

БОЛѢЗНИ ЧУВСТВУЮЩАГО ОРГАНИЗМА.

IX.

Существенное отличіе меланхоліи отъ другихъ видовъ душевныхъ болѣзней заключается въ пассивности. Меланхоликъ вѣчно играетъ страдательную роль; его всегда кто нибудь мучить; то надвѣваются надъ нимъ бѣсы и заставляютъ говорить разные вздоры и дѣлать глупости; то какіе нибудь внутренніе или внѣшніе голоса обижаютъ его всякими способами, или велатъ ему убивать, ломать, жечь; то подшучиваетъ надъ нимъ природа, превращая его въ масло, воскъ, мякнуну; то кто нибудь поставитъ ему въ голову фортепіано и т. п. Однимъ словомъ, меланхоликъ командуетъ и располагаетъ по своему усмотрѣнію всегда кто нибудь; самъ же меланхоликъ только жалуется и плачется, бѣжитъ людей, боится всего и всѣхъ и оидетворяетъ собой самое глубокое, полное несчастіе. Положеніе конечнаго, печальное, и едва ли можно придумать что нибудь болѣе мучительное. Ужь разувается, если-бы инвизиторы знали такой корешокъ, которымъ можно одвѣлать челоуѣка меланхоликкомъ, то они отпустили-бы въ отставку всѣхъ свѣтлыя палачей.

Слѣдующая за меланхоліей высшая степень безумія отличается инымъ характеромъ. Пассивность кончается и ея мѣсто заступаетъ активность; но активность такого чудовищнаго характера, такая безпокойная и шумная, что этотъ новый видъ болѣзни совершенно правильно называютъ бѣшенствомъ.

Бѣшенство никогда не наступаетъ прямо; ему почти всегда предшествуетъ меланхолія, хотя на самое короткое время. Въ этихъ случаяхъ меланхолія бываетъ безпокойна больше обыкновеннаго. Большому

нигдѣ не нравятся; онъ бѣгаетъ по комнатамъ, бѣгаетъ къ своимъ друзьямъ и знакомымъ и проситъ ихъ помощи. Въ періодъ переходнаго состоянія къ бѣшенству меланхоликъ оживляется: онъ становится разговорчивъ, ѣстъ много, даже съ жадностью, требуетъ вино, любитъ напиваться, и за тѣмъ начинаютъ являться въ немъ припадки бѣшенства. Всѣ неприятныя болѣзненные ощущенія исчезаютъ и больной начинаетъ увѣрять, что онъ совершенно здоровъ. Однако въ промежуткахъ, когда припадки бѣшенства ослабѣваютъ, проглядываетъ еще и меланхолія съ ея безпричинной болѣзью и сердечной тоской.

Въ вопліѣ развившемся бѣшенствѣ этого уже не бываетъ; всѣ печали и горести меланхоліи забыты; больной чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и обнаруживаетъ такую необычайную дѣятельность мысли, чувства и поступковъ, что ни минуты ни днемъ, ни ночью не остается въ покоѣ: онъ шумитъ, кричитъ, стучитъ, ломаетъ, хохочетъ, прыгаетъ, танцуетъ—однимъ словомъ, бѣснуется. Это экзальтированное состояніе есть слѣдствіе того сильнаго возбужденія нервовъ и мозга, которое создаетъ и гонитъ мысли цѣлыми толпами, такъ что больному некогда се тановиться ни на одной изъ нихъ. При необычайной энергіи больнаго, каждая его мысль или ощущеніе выражаются у него немедленно въ внѣшнемъ дѣйствіи, а какъ мыслей и ощущеній у бѣшеннаго такъ много, что они гонятъ одни другія, путаются и мѣшались, то также порывистость, беспорядочность и смутанность обнаруживается и во всемъ поведеніи больнаго. Поэтому-то у бѣшеннаго и нѣтъ, повидимому, никакой благоразумной цѣли, и онъ бѣснуется какъ будто-бы для того, чтобы только бѣсноваться. Одному больному докторъ замѣтилъ:—«зачѣмъ вы такъ страшно шумите?»—и тотъ отвѣтилъ ему съ усмѣшкой:—«о, зачѣмъ вы не знаете, что я помѣшанный, и долженъ бѣситься; а еще хотите быть докторомъ!»— Впрочемъ эта собственная сущина безумнаго не сама съ собою вѣрна: онъ бѣснуется совсѣмъ не потому, чтобы въ бѣснованіи заключалась для него цѣль, а потому что онъ слишкомъ активенъ и боится впечатлѣніями, и что всякое впечатлѣніе должно выразиться у него непременно въ внѣшнемъ дѣйствіи. Отъ этого больной переходитъ быстѣе отъ смѣха къ плачу и крику; то онъ поспѣваетъ въ всего себя какому нибудь мирному занятію, то примется вселенскій плачъ, то уничтожитъ, и доходитъ до совершенно слѣпнаго ожесточенія, или вдругъ сдѣлается кротокъ, ласковъ.

Еще болѣе странное явленіе, раздиреніе духа бѣдственныхъ бываетъ разное, то больной печаленъ, то раздраженъ, то раздраженъ день, ночь и вообще расположенъ ко всему зло-

му, такъ что ему доставляетъ удовольствіе дѣлать вредъ и непріятности; то онъ веселъ, доволенъ и кротокъ, переполненъ чувствомъ счастья и свободы и любитъ людей. Переходы изъ одного душевнаго настроенія въ другое бываютъ иногда очень часты и быстры.

Особенно любопытную черту бѣшенства составляетъ музыкальный элементъ, выражающійся у больныхъ въ рѣмоплетствѣ. Конечно, о поэтическихъ образахъ и смѣли мысли тутъ не можетъ быть и рѣчи, да больной и не хлопочетъ о нихъ, потому что для него главное дѣло заключается въ созвучныхъ словахъ. Эта рѣмоманія доходитъ у нѣкоторыхъ до поразительнаго развитія, и нерѣдко совершенно необразованные больные, которые въ здоровомъ умѣ не сумѣли-бы склеить порядочно двухъ словъ, въ сьумасшествіи говорятъ не иначе, какъ стихами, и подбираютъ рѣмы съ такой быстротой, безъ всякой остановки и затрудненія, что такую рѣмованную прозу слѣдуетъ признать нормальной рѣчью больного.

Вотъ образчикъ стиховъ подобныхъ поэтовъ:

Ну пойдемъ же гулять,
 Не заставь меня ждать;
 Жаль, что горько вино,
 Да гроза ужъ давно.

Чѣмъ же дурны? Конечно, мысль не особенно глубока; но чѣмъ же она хуже тѣхъ лирическихъ галлюцинацій, которыми бредятъ наши поэты въ нормальномъ состояніи. Не мѣшало-бы какому нибудь любителю или трудолюбивому библіографу собрать всѣ стихи, сочиняемые въ сьумасшедшихъ домахъ, и напечатать ихъ; можетъ быть, инымъ поэтамъ и стало-бы стыдно.

Вообще у многихъ больныхъ умственные способности и таланты достигаютъ такой высоты, на какой они никогда не были во время ихъ здоровья. Колкое остроуміе, необыкновенное краснорѣчіе, ловкія сравненія, смѣлыя сужденія пробуждаются внезапно въ такихъ головахъ, которыя до сьумасшедшаго дома были далеко не остроумны и не находчивы. Нѣкоторыя сужденія больныхъ заключаютъ въ себѣ такую глубокую правду, что могли-бы привести большую пользу человечеству, если бы ихъ держались всѣ тѣ, кто считаетъ себя умнѣ населенія сьумасшедшихъ домовъ. Іезуитъ Сгамбори, воображавшій себя кардиналомъ, далъ доктору, думавшему вылечить его отъ сьумасшествія однимъ уговариваньемъ, такой отвѣтъ:—«Вы или считаете меня за дурака, или

нѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ вы дѣлаете большую несправедливость, что говорите со мной въ такомъ тонѣ; въ первомъ же случаѣ, съ вашего позволенія, я считаю васъ большимъ дуракомъ, чѣмъ себя, потому что вы воображаете, будто-бы сумасшедшаго можно убѣдить въ его помѣшательствѣ однимъ увѣщаніемъ.»

Не смотря однако на рѣдкую силу мысли и остроту представленій, у больныхъ этого рода, вслѣдствіе крайней быстроты процесса мышленія, не достаётъ вообще въ идеяхъ внутренней связи и послѣдовательности. Большею частью, необычайно богатый матеріалъ изображеній, и мыслей выражается въ отдѣльныхъ, отрывочныхъ словахъ, фразахъ, числахъ.

Въ этомъ-же сознаніи своего внутренняго богатства и силы сумасшедшій не удовлетворяется мелочью; все, что онъ думаетъ и воображаетъ, отличается громадностью, величественностью и самыми крайними размѣрами. Онъ увѣряетъ, что знаетъ все науки, или владѣетъ всѣми искусствами, или сокровищами міра; онъ вмѣщаетъ въ себя все
и вся.

Чтобы сдѣлать описаніе нагляднѣе, приведемъ нѣсколько отдѣльныхъ примѣровъ этого рода безумія.

Вотъ бѣшеннѣй запертый въ своей кельи. Стѣны ея обложены деревомъ или обиты войлокомъ. Единственное окно расположено такъ высоко, чтобы больной не могъ достать до него руками. Вся мебель состоитъ изъ стола, кровати и судна, прикрѣпленныхъ къ полу. Если комната нагрѣвается не душниками, а печкой, то ее окружаютъ толстой деревянной рѣшеткой. Изъ комнаты раздается страшный шумъ; больвой свиститъ, кричитъ, плачетъ, смѣется, ругается, и все это быстро смѣняется у него одно другимъ. Но вотъ входятъ къ нему посетители. Занятый усердно своимъ дѣломъ, онъ не слышалъ ни какъ открывали его комнату, ни какъ вошли. Совершенно голый стоитъ больной на своей кровати, обратившись къ окну, декламируетъ и кричитъ страшнымъ образомъ, размахивая руками. — Платье свое онъ разорвалъ и закинулъ подъ кровать. Въ постоянномъ безпокойствѣ онъ чешетъ и скребетъ свое тѣло, такъ что ему не остается ни одной свободной секунды. Наконецъ онъ замѣтилъ своихъ гостей, — протаскиваетъ имъ о руки; но тотчасъ-же отдергиваетъ ихъ и опять принимается за чесанье. Въ то же время языкъ его не останавливается ни на минуту; онъ называетъ своихъ гостей друзьями, братьями, князьями, полковниками, купцами, канальями, извергами и т. д. Назвавъ одного импе-

раторомъ, другаго 'наслѣдникомъ', третьяго королемъ, онъ, вслѣдъ за тѣмъ, зоветъ перваго генераломъ, втораго кардиналомъ, третьяго купцемъ; онъ указываетъ имъ на окно и описываетъ соборъ Петра и Павла въ Римѣ, церковь св. Стефана въ Вѣнѣ, Исаіевскій соборъ въ Петербургѣ, египетскія пирамиды, и всю эту панораму онъ видитъ действительно, какъ въ волшебномъ фонарѣ; онъ слышитъ колокольный звонъ, видитъ людей въ своемъ магическомъ городѣ и т. д. Не переставая говорить, онъ снова протягиваетъ свои объятія; жметъ гостямъ руки, спрашиваетъ ихъ, любятъ-ли они его и, не дожидаясь отвѣта, рассказываетъ уже имъ о милліонахъ, о фальшивой монетѣ; о своихъ богатствахъ и вслѣдъ за тѣмъ о воровствѣ, арестѣ за долги:

Вотъ еще субъектъ: женщина, мать многихъ дѣтей, честно и трудолюбиво проводившая свою жизнь. Дѣлается съ нею меланхолія; прежде веселая и добродушная, она становится мрачной, молчаливой, бросаетъ домъ надолго и скитается вдали отъ жилья, гдѣ нибудь въ лѣсу. Возвращаясь домой, она стонетъ, вздыхаетъ, говоритъ, что ее мучитъ нечистая сила; что за нею пришли, чтобы тащить ее въ адъ. Домашніе убѣдили ее отправиться къ священнику; но какъ больныхъ нельзя лечить одними увѣщаніями, то она воротилась въ худшемъ положеніи и въ ней стали обнаруживаться уже признаки бѣшенства. Она разбила свою прялку, всю домашнюю посуду, зеркала, выбросила все, что можно, за окно, разорвала платья, распоролла перины и перья выпустила на воздухъ, перепортила и переломала все въ саду и даже разобрала черепицу на крышѣ. Но этимъ не ограничились чудодѣйства больной. Она шумѣла, кричала, прыгала, грозила зажечь домъ, утопиться, повѣситься. Если въ такомъ безумномъ состояніи она выходила на улицу и встрѣчала кого нибудь, то бѣжала опрометью, прямымъ черезъ поля, ручьи, болота и запрятывалась въ лѣсъ. Въ такомъ положеніи прожила она дома полтора года, пока мѣстная власть не догадалась помѣстить ее въ сумасшедшій домъ. Здѣсь она день и ночь прыгаетъ и стонетъ въ своей кельѣ, и кричитъ со слезами: — «только не убивайте, только не убивайте!» — Ее мучатъ страшныя видѣнія; дрожь всѣмъ тѣломъ, она проситъ о прощеніи или рветъ свое платье, мечется изъ угла въ уголъ, карабкается на окно, ругается. Заслыша приближеніе доктора или сторожа, она въ страшномъ испугѣ кричитъ: — «только не закалывайте, не отрубайте головы!» — и эти пароксизмы бѣшенства продолжаются иногда сряду нѣсколько часовъ. Иногда ее мучатъ галлюцинаціи другаго рода: ей мерещатся мертвецы,

могилы, черти, человѣческіе голоса представляются ей бранью и ругательствами; она видитъ тюремную стражу, палачей и старается скрыться отъ нихъ. Кушанья пахнутъ для нея сѣрой и смолой, и она временами отказывается совсѣмъ отъ ѣды, или же припадаетъ ей звѣрскій аппетитъ, такъ что она, въ минуты смѣльнѣйшаго страха и потрясающихъ стѣнаний, вдругъ закричитъ:—«что дадутъ мнѣ съѣсть?»—или проситъ понюхать табуку, что доставляетъ ей величайшее наслажденіе. Ни днемъ, ни ночью не знаетъ она покоя. Лекарства не принимаетъ, боясь отравы. Такого рода бѣшенные, у которыхъ все перецуталось въ головѣ, которыхъ рисуются мрачныя картины, у которыхъ злость забираетъ сердце, бывають очень опасны: они идутъ легко на убійство и на поджогъ.

На одного молодого технолога во время лекціи находить внезапно припадокъ бѣшенства. Онъ бѣжитъ къ кафедрѣ, стаскиваетъ профессора, занимаетъ его мѣсто, снимаетъ сюртукъ, засучиваетъ рукава рубашки и обращается къ изумленнымъ слушателямъ съ самой торжественной рѣчью. Въ видѣ вступленія онъ говоритъ, что всѣ свои теологическія книги онъ сжегъ сегодня утромъ, потому что въ нихъ заключается еретическое ученіе; что всѣ свои учебныя записки и рукописи онъ предалъ всесожженію на кухонномъ очагѣ, во славу божію, и ради обращенія невѣрныхъ. Потомъ онъ обоими кулаками сталъ стучать во всю силу по кафедрѣ, схватилъ стулъ и началъ вертѣть его вокругъ головы,—потомъ принялся кричать такимъ страшнымъ голосомъ, какъ будто онъ хотѣлъ, чтобы его услышали въ Америкѣ:—«я одинъ могу ѣсть мясо въ великую пятницу, я кармелитъ, — я начальникъ монастыря». Затѣмъ онъ бѣжитъ въ садъ и начинаетъ копать лопатой яму, чтобы вырыть своихъ родителей, которые между тѣмъ преблагополучно живутъ неподалеку отъ города. Бросивъ яму, тотчасъ бѣжитъ снова въ комнату и разбиваетъ печку, потому что въ ней сидитъ чертъ; наконецъ хочетъ взобраться на колокольню, чтобы доказать оттуда, что онъ можетъ летать.

Подобное же внезапное бѣшенство случилось и съ извѣстнымъ врачомъ Фатергилемъ, по имени котораго *Tic douloureux* называется фатергилевой личной болѣзью. Фатергиль былъ квакеръ, онъ не имѣлъ никогда женщины, отличался чрезвычайно скромной, умѣренной, честной жизнью и вдругъ, неизвестно почему, на него нападаетъ внезапное безуміе и ему приходитъ мысль пройти по улицамъ Единбурга голымъ, что онъ и сдѣлалъ. Въ этомъ натуральномъ костюмѣ, размахивая ру-

ками и ногами, онъ возвѣщалъ грѣшнымъ жителямъ города, что ихъ ожидаетъ мѣсть божья.

Въ бѣшеныхъ замѣчается необычайная сила, или, лучше сказать, выносливость, вовсе не встрѣчаемая въ здоровыхъ. Хорошій боецъ, повидному, совсѣмъ не знаетъ усталости: онъ шумитъ и кричитъ день и ночь, иногда нѣсколько мѣсяцевъ сряду, и спитъ вообще короткое время. Даже при лазаретной порціи и исхудалости больной выказываетъ сравнительно громадную силу.

Рядомъ съ отсутствіемъ сна, т. е. съ совершенной бессонницей, иногда въ теченіе довольно долгаго времени, больные бываютъ нерѣдко весьма нечувствительны къ жару, холоду и боли. Замѣчательно во многихъ случаяхъ увеличеніе аппетита, доходящее иногда до обжорства и до страсти пожирать все, чего даже нельзя ѣсть, и чего не переваривается желудокъ. Иногда же больной совершенно забываетъ объ ѣдѣ, такъ что въ немъ совсѣмъ незамѣтно чувство голода. Не смотря на большой аппетитъ больные бываютъ всегда исхудалы и отъ этого мускулы лица напрягаются и они кажутся старше.

Ни одна изъ душевныхъ болѣзней не обезображиваетъ такъ лица, какъ бѣшенство. Физиономія больного совершенно измѣняется. Голова большею частью бываетъ приподнята, волосы стоятъ дыбомъ, лице или бѣлки сильно налиты кровью, зрачекъ расширенъ, глаза блестятъ, выдаются впередъ и вращаются дико, судорожно или обращаются къ небу и выдерживаютъ безъ боли сильнѣйшій солнечный свѣтъ. Но иногда лице бѣшеннаго блѣдно, морщинисто, взглядъ неопредѣленный, больной постоянно озирается и пытливо всматривается во все. Въ припадкѣ черты оживляются снова, лице наливается кровью, всѣ движенія быстры и энергичны. Наконецъ, послѣ долгихъ страданій, лице желтѣетъ или темнѣетъ, и получаетъ конвульсивное выраженіе.

Бѣшенство очень часто сѣняется меланхоліей; но есть и такіе больные, у которыхъ въ промежуткѣ припадковъ является, повидному, совершенное душевное здоровіе.

Припадки безумія продолжаютъ иногда только нѣсколько часовъ, а иногда тянутся цѣлые мѣсяцы. Бѣшенство проходитъ или внезапно, или постепенно; въ послѣднемъ случаѣ начинаютъ являться промежутки полного спокойствія, увеличивающіеся все болѣе и болѣе; больной находитъ уже интересъ въ окружающемъ, поведеніе его дѣлается правильнѣе и онъ скучаетъ, чего не бываетъ никогда съ безумными, у

которыхъ всегда такъ много дѣла, что они никакъ не могутъ съ ними справиться.

Если-же больной не выздоравливаетъ, то бѣшенство переходитъ или въ сѣумасшествіе, или наступаетъ незамѣченная психическая слабость — одна изъ видовъ безумія.

X.

Сѣумасшествіе есть болѣзнь параллельная съ бѣшенствомъ, — его видоизмѣненіе. Въ то время, какъ бѣшенный живетъ бурной виѣшней жизнью, сѣумасшедшій болѣе сосредоточенъ; его мысли и представленія спокойнѣе и правильнѣе; у него есть постоянные планы, на которыхъ сосредоточивается вся его дѣятельность.

Въ состояніи сѣумасшествія больной чувствуетъ полное физическое и душевное здоровье: ему пріятно и легко; избытокъ пріятнаго ощущенія длетъ больному огромную самоувѣренность. Чувствуя себя несбычайно сильнымъ, онъ считаетъ все для себя возможнымъ, и эта-то возможность составляетъ обыкновенно тотъ центръ, изъ котораго развивается все міровоззрѣніе сумасшедшаго.

Сѣумасшествіе развивается также какъ и бѣшенство, — преимущественно изъ меланхоліи. Въ началѣ экзальтація имѣетъ неопредѣленный характеръ и колеблется между бѣшенствомъ и сѣумасшествіемъ. Больной шумитъ, какъ безумецъ, то опять спокоенъ; онъ то рассуждаетъ благоразумно и дѣйствуетъ, какъ будто-бы по обдуманному плану, то дурочится, какъ бѣшенный. Но вотъ болѣзнь принимаетъ болѣе опредѣленный строй; ошибочная идея сформировалась и больной вступилъ въ то состояніе, которое хотя и спокойнѣе бѣшенства, но именно по этому-то и доказываетъ сильнѣйшее душевное разстройство. Чѣмъ спокойнѣе сталъ больной послѣ неистовствъ бѣшенства, чѣмъ интенсивнѣе его ошибочныя идеи и чѣмъ онъ постояннѣе въ нихъ, тѣмъ менѣе надежды на возвратъ къ душевному здоровью.

Потому что сѣумасшедшій сознаетъ въ себѣ такую не человѣческую силу, при которой ему кажется все возможнымъ, онъ составляетъ ложное, самоувѣренное убѣжденіе о самомъ себѣ и о своихъ отношеніяхъ къ остальному міру. Все свое довольство и счастье сѣумасшедшій объясняетъ себѣ тѣмъ, что онъ нечто другое, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности; ему кажется, что быть довольнымъ, какъ онъ, обыкновенно

венный человекъ не можетъ; для этого нужно быть или королемъ, или императоромъ. Поэтому-то въ сумасшедшихъ домахъ и бываетъ всегда такое множество императоровъ, князей, папъ, миллионеровъ, и т. д.

Сумасшедшій поступаетъ въ этомъ случаѣ совершенно логически; вся его ошибка только въ томъ, что онъ чувствуетъ въ себѣ силы больше, чѣмъ у него дѣйствительно. Это-то ощущение избытка силы не позволяетъ ему останавливаться на какихъ нибудь мелочахъ; планы его всегда грандіозны: если онъ военный, то составляетъ проекты громадныхъ битвъ, гдѣ сражаются десятки миллионновъ людей, или мечтаетъ о завоеваніи всего свѣта; инженеръ или механикъ придумываетъ *reptum mobile*, или какую нибудь удивительную, разумѣется невозможную, машину, напр. чтобы войска могли летать по воздуху, чтобы строить громадные дома въ одинъ день; ученый устраиваетъ академіи, или просвѣщаетъ человечество и извлекаетъ міръ изъ тяготящаго надъ нимъ невѣжества; человекъ добродѣтельный и религіозный воображаетъ себя апостоломъ, пророкомъ и дѣлаетъ всѣхъ людей счастливыми и довольными.

Но въ своихъ исполнскихъ проектахъ, также какъ и въ своемъ превращеніи изъ обыкновеннаго смертнаго во что-нибудь чрезвычайное, сумасшедшій соблюдаетъ постепенные переходы. Онъ не производитъ себя напр. въ императоры сразу, а служить сначала въ чинахъ меньшихъ. Такъ, солдатъ вообразить сначала, что онъ офицеръ; побывъ въ этомъ званіи нѣсколько дней, освоившись съ нимъ, и чувствуя въ себѣ силы больше, чѣмъ нужно для обыкновеннаго офицера, сумасшедшій производитъ себя сразу въ генералы; но и съ этимъ званіемъ свыкается онъ точно также скоро, и быстро переходитъ въ фельдмаршалы, генералъ-фельдмаршалы, въ императоры, завоеватели всего земнаго шара.

Въ 1848 году, когда типографіи печатали почти исключительно брошюры, летучіе листки и, вообще, изданія по преимуществу политическаго характера, одинъ наборщикъ, оставшійся безъ дѣла и хлѣба, сошелъ съ ума. Онъ вообразилъ себя республиканскимъ императоромъ. Никто не могъ убѣдить его, что это бессмыслица, и что императоръ и республика—два понятія совершенно противоположныя и несовмѣстимыя. Но это его нисколько не смущало; онъ настаивалъ на своемъ республиканскомъ императорствѣ и доказывалъ, что его преслѣдуютъ и держатъ въ сумасшедшемъ домѣ именно потому, что такой случай встрѣчается въ первый разъ, и что необразованный, невѣжественный свѣтъ не въ состояніи понять этой новой политической идеи. «Изобрѣтателя локомотива, сто лѣтъ тому назадъ, считали дуракомъ, потому что свѣтъ тогда былъ глупъ,

какъ онъ глупъ и нынче въ отношеніи новой мысли о значеніи республиканскаго императора, говорить съумасшедшій. Я знаю зачѣмъ я здѣсь, въ съумасшедшемъ домѣ; я уже слышалъ много (галлюцинаціи); я здѣсь за свое счастье. Цѣль моего пребыванія здѣсь—испытаніе моихъ способностей быть тѣмъ, чѣмъ я быть долженъ. Я думаю, что я достоинъ стоять на избирательномъ листѣ, въ которомъ я помѣщенъ. Я назначенъ и избранъ въ республиканскіе императоры. Я это слышалъ, я знаю это отъ людей нѣсколько повыше тѣхъ, которые здѣсь и т. д.

Галлюцинаціи и иллюзіи у съумасшедшихъ довольно часты, и соотвѣтствуютъ всегда настроенію больного. Но вліяніе ихъ сильнѣе и вреднѣе, чѣмъ у бѣшеныхъ, потому что они производятъ на больного болѣе глубокое впечатлѣніе и еще крѣпче утверждаютъ его въ его ошибочныхъ представленіяхъ.

Возбужденіе нервовъ и мозга создаетъ въ съумасшедшихъ такую силу и оригинальность умственной производительности, какой конечно нѣтъ у здоровыхъ. По оригинальности своихъ фантазій и по восторженности съумасшедшій похожъ на вдохновеннаго поэта; поэтому въ съумасшедшихъ домахъ такъ и многочисленны поэтическія произведенія, въ которыхъ, какъ замѣчаетъ Шиллингъ въ своихъ психіатрическихъ письмахъ, не достаетъ только здоровой мысли, а ужъ конечно не вдохновенія, чтобы стоять рядомъ съ Гете и Шекспиромъ. Писать и декламировать такимъ образомъ, какъ это дѣлается ежедневно въ съумасшедшихъ домахъ, и быть психически разстроеннымъ человѣкомъ, конечно, должно казаться весьма непонятнымъ для тѣхъ, кто считаетъ съумасшедшихъ за такихъ людей, у которыхъ мозги переиѣшаны въ кашу и неспособны произвести ничего похожаго на человѣческую мысль. Это однако не такъ. Не говоря уже о томъ, что съумасшедшіе сильнѣе въ своей логикѣ, гораздо находчивѣе и остроумнѣе въ диспутахъ по предмету своего помѣщательства, чѣмъ многіе здоровые; такъ что люди въ здоровомъ умѣ должны класть свое оружіе и признавать себя побѣжденными; но кромѣ того, съумасшедшіе бываютъ нерѣдко вполне общежительные, любезные люди, съ которыми можно проводить время пріятнѣе, чѣмъ съ другими не съумасшедшими, разумѣется, до тѣхъ поръ, пока больной не задѣтъ за чувствительное мѣсто. Очень часто съумасшедшіе судятъ правильно обо всемъ, что лежитъ внѣ круга ихъ помѣщательства; но какъ только что-нибудь толкнетъ его въ этотъ кругъ, онъ садится на своего конька и тогда нѣтъ ему удержу—все должно склониться предъ нимъ и подчиниться его мысли и волѣ. — Нѣчто подобное встрѣчается и въ жизни здоровыхъ людей.

При богатствѣ своей фантазіи съумасшедшій бываетъ постоянно занятъ головой работой; у него всегда такъ много дѣла, онъ думаетъ столько, что можетъ проводить весь свой вѣкъ, сложа руки и не скучая. Запертый иногда на дѣльные мѣсяцы въ свою келью, безъ всякихъ занятій, общества съ кѣмъ нибудь, съумасшедшій не только не находитъ ничего неприятнаго въ этомъ положеніи и не жадуется, но напротивъ, совершенно доволенъ. Причина въ томъ, что онъ слишкомъ занятъ своей внутренней работой; чтобы ему оставалось время для скуки. Поэтому въ съумасшедшихъ домахъ весьма обыкновенны такіе случаи, когда, напримѣръ, больной живописецъ проситъ бумагу и карандашъ. Ему даютъ. На завтра приходятъ къ нему въ комнату и находятъ, что бумага также чиста, какъ наканунѣ. — «Отчего-же вы не рисовали?» — спрашиваютъ его. — «Мнѣ очень жаль, отвѣчаетъ больной, но у меня не было ни секунды времени. — А между тѣмъ у него въ комнатѣ нѣтъ ровно ничего, чѣмъ-бы онъ могъ развлечься; что-же онъ дѣлалъ? Онъ все размышлялъ о разныхъ предметахъ, которые ему необходимо было обсудить; онъ составлялъ планы, а ихъ у него такое множество, что своей его жизни не доставеть, чтобы съ ними покончить. Ну когда же тутъ рисовать? Къ этому нужно прибавить, что съумасшедшаго посѣщаютъ разные, никѣмъ невидимые, гости. То предстанетъ предъ нимъ лучезарный юноша, съ какимъ нибудь особеннымъ, специально ему назначеннымъ, повелѣніемъ, или извѣщеніемъ; то говорятъ съ нимъ голоса, или играетъ для него музыка, или нѣкто открываетъ ему тайны природы, или вся бѣдная обстановка его комнаты превращается для него въ неисчерпаемая сокровища и ему нужно привести свой дворецъ въ порядокъ.

Эти галлюцинаціи соотвѣтствуютъ всегда настроенію больного, и цвѣтъ и характеръ ихъ зависятъ отъ духа времени, особенностей исторической эпохи, образованія, стремленій, наклонностей, воспитанія больного. Поэтому-то во времена религіозныхъ движеній являются безумные съ религіозными представленіями, а во время политическихъ волненій — съ политическими. Но не слѣдуетъ думать, чтобы религія или политика были собственно причинами помѣшательства. Нервы и головной мозгъ были уже разстроены ранѣе, и въ ихъ-то болѣзненномъ состояніи и заключаются собственно причина помѣшательства; что же касается до политическаго или религіознаго направленія мыслей безумныхъ, то это больше ничего, какъ случайность, давшая лишь цвѣтъ съумасшествію. Такъ, наборщикъ, о которомъ говорилось выше, помѣшался отъ солнеч-

наго удара въ голову, а вовсе не отъ политики, и его республиканское императорство не было существенно необходимо ему, а попало совершенно случайно; явись помѣшательство въ 47 или въ 50 году, онъ, можетъ быть, вообразилъ бы себя папой или миллионеромъ-типографщикомъ. Ему нужно было только одно—быть не тѣмъ, что онъ есть, а чѣмъ янбудь исключительнымъ, и онъ, съ такимъ же удобствомъ превратилъ-бы себя въ фельдмаршала, въ принца, съ какимъ надѣлъ на себя мантию республиканскаго императора.

Кромѣ той роли, какую играютъ галлюцинаціи во время самаго помѣшательства, онѣ важны еще и по вліянію на происхожденіе божества. Одинъ пожилой человѣкъ, постоянно, въ теченіе 30 лѣтъ, проводившій вечера въ трактирѣ и возвращавшійся каждый день домой не ранѣе полуночи, при одномъ такомъ путешествіи замѣтилъ въ полѣ, подлѣ дороги, какую-то исполинскую тѣнь, подвигавшуюся съ нимъ параллельно. Дѣло происходило въ ясную, лунную ночь и человѣкъ пьянъ не былъ. Въ слѣдующую ночь, на томъ же самомъ мѣстѣ, поднялась таже самая тѣнь и повторилась таже исторія, какъ и наканунѣ. Но и на этотъ разъ человѣкъ не придавалъ дѣлу большой важности; однако на завтра онъ взялъ съ собой сына. Когда они подошли къ извѣстному мѣсту, отецъ увидѣлъ тѣнь въ третій разъ, но сынъ не видѣлъ ничего. Это такъ поразило старика, что онъ впалъ сначала въ меланхолію, а потомъ и въ помѣшательство. Одинъ 25-лѣтній богатый мельникъ, не особенно одаренный умственными способностями, но счастливый въ коммерческихъ дѣлахъ, составилъ себѣ спекуляціями довольно значительное состояніе. Скупъ онъ никогда не былъ. Разъ, разсматривая старыи мельничный жерновъ, онъ слышитъ голось:—«это золото, чистое золото.» (жерновъ былъ гранитный и на немъ блестѣла слюда).—Сначала мельникъ думалъ, что надъ нимъ шутить кто янбудь, но оглядѣвшись, и не видя никого, онъ отошелъ, свѣясь, отъ камня. Но ужъ слово зашло въ немъ. Когда, спустя вѣсколько дней, мельникъ снова стоялъ подлѣ того-же камня и припомнилъ, что съ нимъ происходило, то услышалъ опять слова:—«это золото, чистое золото».—Порядочно суевѣрный мельникъ вообразилъ, что слова эти шли свыше и началъ съ тѣхъ поръ собирать кусочки слюды, раздумывая постоянно о томъ, какъ онъ будетъ превращать ихъ въ золото. Опыты съ промывкой, прокаливаніемъ не удались и мельникъ, не говоря никому о своемъ намереніи, задумалъ предпринять путешествіе, чтобы гдѣ-янбудь на сторонѣ изучать искусство добыванія золота, о которомъ онъ читалъ въ

сказкахъ. Вездѣ, куда онъ не прѣзжалъ, онъ спрашивалъ алхимическія сочиненія, и на одной ярмаркѣ ему посчастливилось найти подобную книгу. Заплативъ за нее щедро, онъ воротился веселый домой. Нѣсколько лѣтъ сряду занимался новый алхимикъ превращеніемъ слюды въ золото; жена и домашніе не мѣшали ему, глядя на него, какъ на дурачка. Опыты эти кончились пожаромъ конюшни, и алхимикъ объяснялъ, что, испробовавъ всевозможные способы сдѣлать слюду золотомъ, онъ пришелъ наконецъ къ мысли, накаливать ее въ смѣси съ свѣжимъ навозомъ. Опытъ не удался, какъ и прежніе, и мельникъ съ досады бросилъ каленую сковороду въ солому и самъ ушелъ.

До сихъ поръ мельникъ былъ больше ничего какъ мономанъ т. е. человекъ, у котораго была только одна фальшивая, съумасшедшая мысль дѣланія золота. Во всемъ, что не касалось этого дѣла, мельникъ сохранялъ вполне свой здравый смыслъ. Но эта любимая идея все больше и больше проникала все существо мельника; такъ что приготовленіе золота сдѣлалось наконецъ единственной мыслью, занявшей всю его мыслительную область, и мельникъ помѣшался.

Что съумасшедшій слишкомъ высоко цѣнитъ самаго себя, это отражается и въ его языкѣ, и во всемъ его поведеніи.

Съумасшедшіе любятъ облекать свои мысли въ смѣлыя, красивыя формы, или охотно выражаются пословицами, поговорками, афоризмами, они любятъ блестящій, образный слогъ, прибѣгають нерѣдко къ иносказаніямъ, или же кидають короткія, повелительныя фразы, недопускающія противорѣчій. Случается нерѣдко, что обыкновенные слова не удовлетворяють съумасшедшихъ; имъ кажется, что ихъ мысли не могутъ быть выражены вполне ясно существующими словами, тогда они сочиняють свои слова и даже письменные знаки, или какія-нибудь таинственныя фигуры, скрывающія таинственный смыслъ.

Поведеніе больного, или отношеніе его къ другимъ, зависитъ отъ того, увѣренъ-ли съумасшедшій, что его высокое значеніе установилось въ общественномъ мнѣніи и признано всѣми, или ему еще нужно создать себѣ положеніе и заставить себя уважать. Въ первомъ случаѣ, съумасшедшій кротокъ, ласковъ, дружественъ и выказываетъ, вообще, большое расположеніе къ тѣмъ, кто, какъ онъ увѣренъ, питаетъ къ нему почтеніе. Во второмъ, напротивъ, онъ импонируетъ, чтобы заставить признать свое достоинство; онъ гордъ, надмененъ, шутавъ, любитъ спорить, не отказываетъ-

ся даже отъ насилія. Одинъ помѣшавшійся математикъ, вообразившій, что онъ *Rector magnificus*, докторъ и профессоръ всѣхъ докторовъ и профессоровъ, когда врачъ обращался къ нему, называя его по фамилии, отвѣчалъ съ высокомеріемъ: «вы жалкій докторъ,—я докторъ всѣхъ докторовъ; вы грубіанъ, болванъ; развѣ вы не знаете съ кѣмъ вы говорите, вы должны снять шляпу».—Но когда ему говорили господинъ профессоръ, то онъ былъ самый кроткій, любезный и обходительнѣйшій человекъ въ мірѣ; онъ рассказывалъ о себѣ, о своихъ познаніяхъ и заслугахъ, и какъ онъ ждетъ каждый день, что его достоинства будутъ признаны и онъ получить высокое назначеніе. Подобно этому профессору дѣйствуютъ и остальные сьумасшедшіе, и конечно, поступать иначе имъ нельзя, потому что было-бы противно общественной логикѣ, если-бы кардиналъ, фельдмаршалъ, герцогъ или всемірный завоеватель держалъ-бы себя просто. Будь каждый изъ нихъ дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ онъ себя воображаетъ, сьумасшедшій даже пересталъ бы быть такимъ; не логикой мыслей и поступковъ отличаются безумные отъ небезумныхъ, а тѣмъ, что берутъ на себя не принадлежащія имъ роли. Въ этомъ и вся сущность сьумасшествія. Но лишь только помѣшанный измѣнитъ значеніе своего я, онъ начинаетъ и дѣйствовать, какъ велитъ ему его новое положеніе, и въ этомъ-то видна вся сила послѣдовательности безумнаго, и его логика, не отличающаяся ничѣмъ отъ логики людей здоровыхъ. Поэтому-то сьумасшедшіе такъ охотно принимаютъ повелительный тонъ; они любятъ, чтобы имъ повиновались, не терпятъ возраженій, требуютъ быстрого исполненія своихъ приказаній; въ тоже время, они щедры и расточительны, они награждаютъ полной рукой орденами и титулами, если воображаютъ себя королями или герцогами; овл сочинаятъ стихи, дѣлаютъ открытія, если считаютъ себя поэтами и учеными; они составляютъ проекты громаднхъ, величественныхъ зданій, или обширныхъ торговыхъ предпріятій, или завоеваній, если считаютъ себя Ротшильдами, инженерами, фельдмаршалами. Все это, само по себѣ, нисколько небезумно и не противорѣчитъ дѣйствительности; безуміе только въ томъ, что солдатъ вообразить себя фельдцейхмейстеромъ, а бѣднякъ Ротшильдомъ; но за тѣмъ они держатъ себя вполне логически и сообразно своему новому положенію. Если все это выходитъ иногда очень смѣшно, то вѣдь только потому, что сьумасшедшій домъ есть сатира, и иногда очень злая на дѣйствительность. Здѣсь виднѣе всего человѣческія слабости и нецѣпности заблужденій, которы-

ми такъ богата повседневная жизнь, полная тщеславія, суетности, а вмѣстѣ съ тѣмъ, и страданій всякаго рода.

Какъ иногда бываетъ зла сатира, олицетворяемая съумасшедшимъ, показываетъ слѣдующій фактъ, сообщаемый Шлейденомъ. Одинъ съумасшедшій, сидя на карточкахъ передъ печкой, наблюдалъ съ напряженнымъ вниманіемъ за тиглемъ и осторожно помѣшивалъ его палкой. При шумѣ, который сдѣлалъ Шлейденъ, входя въ комнату, безумный обернулся и съ важной миной прошепталъ: «тсс—тсс! не помѣшайте моимъ поросатамъ, они сейчасъ готовы». Шлейденъ съ любопытствомъ приблизился къ съумасшедшему и тотъ съ таинственнымъ видомъ сказалъ ему: «видите-ли, тутъ у меня въ тиглѣ кровяная колбаса, свиные кости и щетина—все что нужно,—не достаетъ только жизненной теплоты.—теперь поросята будутъ готовы».

Изъ приведенныхъ выше примѣровъ, особенно мельника-алхимика, видно ясно, что съумасшествіе не есть внезапная болѣзнь, поражающая человѣка, какъ простуда, лихорадка и т. п. Напротивъ того, оно есть медленный болѣзненный процессъ, въ которомъ человѣкъ постепенно переходитъ изъ своего я въ другое, воображаемое существо. Во всемъ этомъ есть послѣдовательность, логика, система, такъ что съумасшедшій очень хорошо понимаетъ свое положеніе; онъ знаетъ кто онъ, чего ему нужно, и къ чему онъ долженъ стремиться. Поэтому между съумасшедшими является солидарность, образуется общественная связь и они иногда составляютъ планы, которые исполняютъ сообща. Такъ напримѣръ, если нѣсколько съумасшедшихъ замышляютъ о томъ, чтобы убѣжать, то они устраиваютъ заговоръ, и весьма хитро и ловко умѣютъ привести его въ исполненіе.

Какъ примѣръ сильной логики съумасшедшихъ, я приведу еще одинъ фактъ, важный, между прочимъ, тѣмъ, что показываетъ, какъ безуміе отъ любви получаетъ всегда религіозный оттѣнокъ. Объясненіе этого обстоятельства не представитъ читателю никакихъ затрудненій, если онъ обратитъ вниманіе на то, что сердце, задѣтое въ лучшемъ своемъ чувствѣ, легко обращается къ тому нравственному ученію, которое говоритъ:—«дѣти, братья, любите, другъ друга».—Отсюда сумасшедшая,—ибо такія превращенія бываютъ почти исключительно съ женщинами,—доходитъ своей необузданной логикой уже до всѣхъ крайнихъ представленій.

У женщинъ, помѣшавшихся отъ любви, половое раздраженіе составляетъ исходную точку всѣхъ ихъ стремленій, и въ нешт-то нужно

искать объясненія тѣхъ странныхъ представленій, которыми отличаются безумныя этого рода. Вотъ дѣвушка, обманутая своимъ женихомъ, кажимъ-то проѣзжимъ купцемъ. Она постоянно въ веселомъ, любезномъ расположеніи духа, потому что воображаетъ себя обрученной съ баварскимъ королемъ. Почему-же она думаетъ о коронѣ, а не о купцѣ, своемъ дѣйствительномъ женихѣ? Только потому, что сущность представленій съумасшедшихъ заключается въ преувеличенномъ личномъ значеніи; какъ только безумная вообразила себя чѣмъ-то высшимъ, конечно, логика требовала, чтобы и всѣ ея житейскія отношенія поднялись въ соответственномъ размѣрѣ. Съумасшедшая постоянно довольна собою и начинаетъ сердиться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда не хотятъ признать ея значенія. Съ сильной логикой и весьма лозко она согласуетъ вещи, повидимому, неимѣющія никакой связи. Она, напримѣръ, увѣряетъ, что она дочь божья, и, въ тоже время, что она дочь короля, «я дочь итальянскаго короля, мое имя Теодолinda, я умерла и должна была снова вступить въ міръ человѣкомъ. Я происхожу изъ австрійскаго княжескаго дома Марзалетти, которымъ мнѣ оставлено 200,000 флоринновъ. Деньги короля Теодора тоже мои.—Вы уволены, обращается она вдругъ къ доктору, который ей противорѣчитъ,—мы ведемъ религіозную войну, и, если отецъ васъ помилуетъ, вы можете остаться.—Я законная жена короля. Это ясно, какъ солнце, и если я не признана—въ этомъ именно заключается мое несчастіе, обманъ, чтобы удержать мои 200,000 флоринновъ». Все это хотя и безумно, но весьма послѣдовательно. Безумны же, всѣ эти рѣчи не сами по себѣ, а безумны онѣ только по отношенію къ тому лицу, которое ихъ говоритъ; поэтому никакой логикой и діалектикой нельзя подкопаться подъ нихъ, и ничѣмъ нельзя убѣдить дѣвуху, что она говоритъ не дѣло. Чтобы побѣдить ее, ей нужно доказать, что она не то, чѣмъ себя воображаетъ; но какъ же доказать ей это? Изъ этого читатель увидитъ еще разъ, какъ ошибаются тѣ, кто думаетъ, будто съумасшедшаго можно убѣдить словами и доказать ему его заблужденіе.

Съумасшедшіе вылечиваются очень часто и это совершается или внезапно, какъ пробужденіе отъ сна; или постепенно. Въ послѣднемъ случаѣ, у больнаго начинаютъ являться свѣтлыя промежутки, все болѣе и болѣе продолжительныя, и наконецъ онъ выздоравливается; если же болѣзнь не проходитъ, то съумасшедшій или остается при своихъ ошибочныхъ представленіяхъ, лишившись однако экзальтации, но сохраняя полное внѣшнее спокойствіе, или же впадаетъ въ безуміе.

XI.

Нынче экстазъ рѣдокъ и составляетъ исключительное, одиночное явленіе, которому подвергаются болѣе истерическія женщины; но прежде, особенно нѣскольکو столѣтій тому назадъ, онъ былъ въ Европѣ довольно обыкновеннымъ явленіемъ.

Причиной его, чаще всего, фанатизмъ, какъ это замѣчено у браминовъ и факировъ въ Индіи, у методистовъ въ Англіи и у мартинистовъ въ Германіи. Если мономанія этого рода соединяется съ ошибочными представленіями, то они обусловливаются обыкновенно пріятными галлюцинаціями и иллюзіями. Въ этихъ случаяхъ является иногда и эротоманія и андіоманія, что, какъ замѣчено, у протестантовъ бываетъ гораздо рѣже, чѣмъ у католиковъ.

Болѣе или менѣе полная нечувствительность къ внѣшнимъ вліяніямъ составляетъ необходимое условіе всякаго экстаза; это было замѣчено еще въ древнія времена и у разныхъ народовъ; но особенно тамъ, гдѣ въ религіозномъ культѣ играетъ главную роль бѣшеное одушевленіе. Индѣйскій Юги во время своего религіознаго созерцанія сидитъ голый подъ палящими лучами солнца и между пяти огней; онъ держитъ руки вытянутыми, пока онѣмѣютъ жилы; онъ смотритъ, не мигая, на солнце; стоитъ всю жизнь на одной ногѣ, какъ статуя и т. п. Факиры во время экстаза обнаруживаютъ совершенно такую же нечувствительность. Ихъ можно колоть, жечь, но они стоятъ, какъ окаменѣлые, безъ дыханія и чувства. Совершенно такая же нечувствительность бываетъ и во время припадковъ бѣшенства. Въ обоихъ случаяхъ душевное напряженіе доходитъ до крайней степени. Тоже самое бываетъ съ людьми во время сильнѣйшихъ физическихъ страданій, напримѣръ, во время пытки; отъ того-то и были такъ обыкновенны случаи, приводившіе судей и инквизиторовъ въ смущеніе, или заставлявшіе ихъ еще болѣе усиливать пытку. — Многія секты, напримѣръ конвульсіонеры, доходили въ экстазѣ до нечувствительности дерева.

Суевѣріе среднихъ вѣковъ, когда всѣ, даже передовые люди, вѣрили въ колдовство, вѣдмъ и сношеніе съ нечистой силой, создало двѣ особенныя формы помѣшательства: вѣдовство и вампиризмъ. Въ вѣдовствѣ точкой помѣшательства было убѣжденіе больного, что онъ заключилъ съ нечистымъ договоръ, и что поэтому можетъ заколдовать людей и животныхъ; вѣрили даже, что съ чертомъ можно имѣть по-

ловья сношенія. Это помѣшательство имѣло въ Германіи и въ Швейцаріи, въ XVII столѣтіи, эпидемическій характеръ.

При вампиризмѣ больной воображалъ, что его мучить и сосеть изъ него кровь какой нибудь извѣстный покойникъ. По народному повѣрью, вампиры или вурдалаки сосали кровь не только сонныхъ людей, но и животныхъ, и тѣ и другія отъ этого умирали. Шиллингъ приводитъ интересный официальный документъ (1732 г.), относящійся къ этому предмету. Въ одной деревнѣ, въ Сербіи, упалъ съ воза и убился крестьянинъ, по имени Арнольдъ Павелъ. Эготъ Павелъ жаловался нѣсколько разъ на то, что въ Кассовѣ мучилъ его вампиръ, и, чтобы избавиться отъ него, Павелъ натирался землей изъ его могилы и мазался его кровью. Спустя 20 или 30 дней послѣ смерти Павла, нѣкоторые изъ деревенскихъ жителей начали жаловаться, что Павелъ ихъ мучить, и четыре человека вскорѣ умерли. Чтобы прекратить зло, деревня собралась на совѣтъ, и рѣшила выкопать Павла. Могилу разрыли и оказалось, что покойникъ не только цѣлъ и невредимъ, но что у него выступила свѣжая кровь изъ глазъ, носа и ушей, и въ крови запачканы рубашка, саванъ и гробъ; старые ногти на рукахъ и на ногахъ отвалились и выросли новые. «Такъ какъ мы изъ *этого* увидѣли, что онъ *точно вампиръ*, сказано въ документѣ, то мудрый деревенскій совѣтъ рѣшилъ вбить вампиру въ сердцѣ колъ, что и было сдѣлано; при этомъ покойникъ издалъ громкій крикъ, и вытекло изъ него много крови. Совершивъ эту операцію, трупъ сожгли, и золу положили въ ту-же могилу. Но злодѣйства Павла этимъ не ограничились; было достовѣрно извѣстно, что онъ испортилъ много скотинны; а какъ тѣ, кто ѣлъ ея мясо, должны были превратиться тоже въ вампировъ, то, въ теченіи 3 мѣсяцевъ, произведены были подобныя же, какъ съ Павломъ, операціи еще надъ 13 покойниками.

Человѣкъ больной вампиризмомъ страдалъ ипохондріей и боязнью смерти, и умиралъ иногда очень скоро. Въ томъ же документѣ сообщается фактъ, какъ одна здоровая, свѣжая, молодая женщина вскочила ночью со сна, съ страшнымъ крикомъ и, дрожа всѣми членами, объявила, что ее сосалъ недавно умершій сосѣдь. Она чувствовала боль въ груди и слабость, которая увеличивалась такъ быстро, что больная умерла на третій день. Такимъ образомъ помѣшательство заключалось собственно въ припадкахъ ипохондрическаго характера и въ галлюцинаціяхъ; но со смертью больного не кончалась еще его роль: онъ изъ мучимаго превращался въ мучителя, и являлся во снѣ своимъ суевѣр-

нымъ односельцамъ. Весьма вѣроятно, что многіе, быстро умершіе больные, погружались только въ глубокой сонъ, въ родѣ зимней спячки животныхъ, или въ каталепсію, что случается иногда и при обыкновенномъ съумасшествіи. Такой-то воображаемый вурдалакъ, приснившись наиболѣе суевѣрнымъ и трусливымъ людямъ, производилъ въ нихъ сильное нервное потрясеніе, а съ нимъ и ипохондрію, и болѣзнь передавалась отъ одного къ другому, пока рѣшительное средство, въ родѣ употребленнаго съ Павломъ и другими, не успокоивало суевѣрныхъ. Деревенскій совѣтъ, вбившій осиновый колъ въ Павла, призналъ его вампиромъ, потому что покойникъ лежалъ въ гробу, какъ живой.

Но остроумному совѣту никакъ не приходила мысль, что Павелъ можетъ быть, и точно живъ, и люди съ совершеннымъ добродушіемъ убили человѣка и остались даже довольны, что онъ вскрикнулъ, и что изъ него пошла кровь. Еще бы! И остальные тринадцать, посаженные на осиновые колы, какъ жуки на булавку, вѣроятно потѣшались деревенскихъ мудрецовъ крикомъ. Вампиризмъ теперь исчезъ, по крайней мѣрѣ въ Западной Европѣ; но если онъ гдѣ нибудь и существуетъ, и вурдалакамъ предстоитъ альтернатива—сидѣть на осиновомъ колу, или быть похороненнымъ заживо, то очень можетъ быть, что осиновый колъ еще лучше.

Что скажетъ вдохновенный русскій поэтъ?—что это за манера говорить при всякомъ случаѣ дерзости на счетъ русскихъ поэтовъ! подумаетъ читатель, любящій усладить свои досуги прогулками на русскій парнасъ; но читатель, будьте справедливы; если вы изслѣдовали почву русскаго парнаса и познакомились съ растительностію его вертограда, то, даже владѣя скудными ботаническими познаніями, вы замѣтили, что поля русской поэзіи покрыты, почти исключительно, одуванчиками и разными грибами на длинныхъ тоненькихъ ножкахъ, негодными въ свѣдѣ; если же такое мнѣніе есть заблужденіе, и вдохновенные русскіе поэты выросли плодами одного дерева съ Шекспиромъ, или хотя съ Гейне, или имѣютъ одну сердцевину съ Бёрне, то бѣды отъ этого никакой нѣтъ, ибо, въ этомъ случаѣ, наказаны только тѣ, кто заблуждается; а именно: вся вѣрующая русская публика услаждается жареными грибами русской поэзіи, а скептики и отрицатели стоятъ съ злобными лицами всторонѣ, лишая себя добровольно этого наслажденія. И по дѣламъ имъ!—И такъ, что скажетъ поэтъ, если онъ увидитъ, что вдохновенное творчество, даже такихъ молодежь, какъ Шекспиръ, Рафаель, Моцартъ, приравнивають къ состоянію съумасше-

ствія, и что объ этомъ высококомъ предметѣ трактуетъ таже наука, которая изучаетъ и разъясняетъ факты человѣческаго упомоѣшательства? Конечно, состояніе повѣческаго творчества нельзя назвать безуміемъ въ томъ смыслѣ, какъ оно понимается въ примѣненіи къ населенію желтыхъ домовъ; но, вѣстѣ съ тѣмъ, оно не составляетъ и какого-нибудь особеннаго процесса мышленія, производимаго совершенно самостоятельными органами, находящимися исключительно внутри поѣтовъ. То, что работаетъ въ поѣтахъ,—работаетъ и во всѣхъ остальныхъ людяхъ, и состояніе восторженности, въ которомъ находится бѣшенный и сумасшедшій, сочиняющій свои стихи, или экстазистъ въ припадкѣ созерцанія, составляютъ только небольшое видоизмѣненіе одного и того же процесса. Разница здѣсь вовсе не въ сущности, а только въ степени и характерѣ. Въ минуты творчества поѣтъ и художникъ находится точно также въ припадкѣ усиленной мозговой и нервной дѣятельности; въ немъ возникаютъ тоже галлюцинаціонныя представленія, какъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное возбужденіе усиливается въ высшей степени, принимаетъ уже болѣзненный характеръ, и дѣлаетъ человѣка безумцемъ. «Гоффманъ, напримѣръ, отдался подъ конецъ демоническимъ силамъ, которыя онъ вызывалъ въ пылу фантастическаго бреда, до *такой* степени, что онъ въ самомъ дѣлѣ порядочно боялся призракъ своего воображенія, и жена должна была сидѣть съ нимъ, когда онъ, разгоряченный виномъ и музыкой, набрасывалъ ночью на бумагу свои сумасбродныя исторіи». Такъ говоритъ Шерръ (рус. пер.). Здѣсь, какъ видно, галлюцинаціи не только доходятъ до высшаго развитія, но человѣкъ уже впадаетъ въ состояніе съумасшества, потому что онъ боятся своихъ видѣній, принимаетъ ихъ за дѣйствительность и ищетъ защиты. Гоффманъ въ эти минуты, конечно, не отличался ничѣмъ отъ настоящаго помѣшаннаго; вся разница заключалась лишь въ продолжительности припадка. Я привелъ этотъ примѣръ, какъ болѣе рѣзкій, гдѣ видѣте всего приближеніе повѣческаго вдохновенія къ горячечному состоянію и бреду съ открытыми глазами.

Въ другихъ случаяхъ творческое вдохновеніе гораздо спокойнѣе, образы разгоряченной фантазіи не крутятся въ вихрѣ бѣшенной пляски какъ на шабашѣ вѣдьмъ, или галлюцинаціи сумасшедшаго; вдохновеніе приближается къ созерцанію, отличаясь отъ него только тѣмъ, что человѣкъ, въ припадкѣ созерцанія, углубляется самъ въ себя и какъ-бы каменѣетъ, сосредоточиваясь на немногихъ представленіяхъ. Въ поэтическомъ же возбужденіи жизнь полнѣе, потому что, вѣстѣ съ внутрен-

ниги созерцаніемъ, она проявляется во внѣшней дѣятельности—человѣкъ видитъ, слышитъ, живетъ въ окружающемъ его мѣрѣ, и сознаетъ себя. Что вдохновеніе есть дѣйствительно сонъ на яву, и что галлюцинаціи, боги или менѣе сильныя, играютъ при немъ главную роль, можно подтвердить фактами. Рафаэль говоритъ, что онъ писалъ свои картины въ состояніи сна на яву, и самъ удивляется, что свѣтъ находитъ нѣкоторыя изъ его произведеній такими превосходными, потому что, рисуя, онъ никогда не думалъ о механизмѣ исполненія, а постоянно имѣлъ передъ глазами свой идеалъ. Англичанинъ Блекъ, живописецъ, музыкантъ, поэтъ и граверъ, очень часто впадалъ въ экстазъ, и ему являлись лица изъ древнихъ временъ:—«Мнѣ оставалось только ихъ срисовать»—говорилъ онъ. Даже черта онъ не рисовалъ совершенно такимъ, какимъ онъ ему представился. Палестрини про свое лучшее произведеніе сказалъ, что онъ приписываетъ его поющимъ ангеламъ; композиторъ Гоффманъ слышалъ въ своей головѣ чудные тоны, и тогда онъ садился за фортепіано, закрывалъ глаза и, проникнувшись вдохновеніемъ, бралъ затѣмъ перо и писалъ, то, что онъ слышалъ въ себѣ. Моцартъ пишетъ «Если я, напримѣръ, ночью не могу спать... то во мнѣ мысли набѣгаютъ цѣлыми потоками. Откуда и какъ онѣ являются, я не знаю, и я не имѣю надъ ними никакой силы. Я слышу тогда музыку совершенно хорошо и ясно, и могу обозрѣть ее въ умѣ всю сразу, какъ если-бы предо мной стояла прекрасная картина; я слышу въ воображеніи не отдѣльные, разорванные куски, но полное цѣлое». Гете и многіе другіе поэты, какъ извѣстно, проникались «духовнымъ зрѣніемъ». Шиллеру являлись едохновенныя идеи иногда ночью и онъ вставалъ и сейчасъ же ихъ записывалъ. Наконецъ, Гете говоритъ, что извѣстное раздраженіе мозга есть необходимое условіе поэтического таланта. Полагаю, что отзывы компетентныхъ судей совершенно достаточны для убѣжденія въ томъ, что безуміе и поэтическое вдохновеніе развиваются и возникаютъ изъ одного источника.

«Только особенное расположеніе мозга обуславливаетъ то, что гений и талантъ поддаются такъ легко съумасшествію» — замѣчаетъ д-ръ Альберсъ; и дѣйствительно частое самоубійство и помѣшательство поэтовъ, художниковъ, ученыхъ слѣдуетъ приписать единственно раздраженію ихъ мозга. Можно составить огромный списокъ талантливыхъ людей, кончившихъ жизнь самоубійствомъ, безуміемъ, или умершихъ отъ острыхъ болѣзней мозга. Вотъ нѣкоторые изъ болѣе замѣчательныхъ: талантливый французскій поэтъ Жераръ-де-Нерваль—повѣсился. Готт-

Фридрих Ульрих умеръ въ меланхоліи и сумасшествіи; также кончили свою жизнь Ридль, Циммерманъ. Вильке—въ помѣшательствѣ утопился; Эфраимъ Мазесъ-Ку,— другъ Мендельсана и Лессинга, — умеръ въ сумасшествіи; также умерли Рейнгольдъ Ленцъ, Фридрихъ Шульцъ, Карль Ветцель, Ленау, знаменитый Тассо, Жильберъ; англійскіе поэты: Чаттертонъ, Гинрей, Клерей, Робертъ Соутей, Уильямъ Коллинсъ Свифтъ и т. д. Кончили самоубійствомъ: Иоганнъ Генрихъ Меркъ, Генрихъ Клейстъ, Даниэль Лессманъ, Александръ Фишеръ, Теодоръ Гауптъ, Фердинандъ Раймундъ, Энкъ-Фонъ-Бургъ и др. Изъ женщинъ-поэтовъ впади въ меланхолію и умерли отъ самоубійства—Катерина Гюндероде, Луиза Брахманъ, Шарлота Штиглицъ; Фр. Ласбергъ, Элиза Стегеманъ, Летиція Лаудонъ и др. Гайдень, послѣ своихъ «четырехъ временъ года», захворалъ головной болѣзью и умеръ въ отупѣніи; Моцартъ получилъ воспаленіе мозга, и передъ смертью помѣшался на томъ, что Салиери хочетъ его отравить; Салиери сошелъ съ ума и впалъ наконецъ въ полное безуміе; Доницетти помѣшался тоже; композиторъ Кларкъ въ сумасшествіи лишилъ себя жизни. — Все это весьма понятно, если обратимъ вниманіе на то, что люди этого сорта живутъ напряженной умственной жизнью; а иногда даже нарочно раздражаютъ свой мозгъ, чтобы усилить его впечатлительность и продуктивность, ночной работой или возбуждающими средствами, какъ вино, пушшъ, кофе. Односторонность занятій увеличиваетъ тоже опасность помѣшательства, особенно для поэтовъ, которые иногда предаются исключительно своему фантастическому міру. Умственная жизнь требуетъ тоже разнообразной пищи. Сильно даровитые люди, занимавшіеся, кромѣ поэзіи, еще естественными науками, или исторіей, или языками, какъ Шиллеръ, Гёте, Уландъ, Рюккертъ и др. были конечно болѣе застрахованы противъ болѣзней ума.

Еще два факта родственности творческой фантазіи безумныхъ съ творческой фантазіей поэтовъ и художниковъ: — «О если-бы я былъ живописцемъ», — говорилъ одинъ сумасшедшій, — какъ-бы я нарисовалъ черта! (здѣсь важень собственно не чертъ, потому что и другія видѣнія представляются сумасшедшимъ ясно и пластично). — Онъ является мнѣ часто, такъ ясно и живо, что я-бы могъ его срисовать. — «Если-бы я имѣлъ способность излагать, говорилъ другой, я бы написалъ превосходнѣйшіе рассказы, потому что у меня въ головѣ идетъ все такъ романтически.»

XII.

Въ съумасшествіи дѣятельность мозга и нервовъ достигаетъ высшаго развитія, на какое только они способны; въ бѣшенствѣ активность доходитъ до чудовищности; меланхолія представляетъ тоже производительный процессъ. Дойдя до такой высоты, воображенію идти далѣе некуда, и истощившаяся умственная дѣятельность начинаетъ быстро спускаться подъ гору. Въ больномъ, достигшемъ предѣла напряженія нервовъ, наступаетъ реакція; его продуктивность ослабѣваетъ и наконецъ совсѣмъ истощается; интересы умственной жизни уменьшаются, міръ галлюцинацій и иллюзій становится менѣе богатъ образами и представленіями, связь идей начинаетъ обрываться, образуя просвѣты и промежутки, и больной впадаетъ въ то состояніе умственной слабости, которое, начинаясь дураковатостью, кончается безсмысліемъ. Это послѣдняя стадія, далѣе которой остается только смерть.

Основной характеръ этой новой формы есть или совершенное изчезновеніе возбужденія, или сильное его ограниченіе; больной обнаруживаетъ или полную слабость, отсутствіе энергіи, представленій и дѣятельности мысли (безсмысліе), или же психическая слабость еще нѣсколько замаскирована остатками идей прежняго періода болѣзни, на которыхъ больной и останавливается, не создавая ничего новаго (дураковатость).

Дураковатость развивается или изъ меланхоліи, или изъ бѣшенства, или изъ съумасшествія, и больной, остановившись въ своемъ процессѣ, сохраняетъ нѣкоторыя старыя представленія, которыя лелѣетъ съ особенной любовью, и постоянно къ нимъ возвращается. Эти представленія имѣютъ, болѣе или менѣе, свой прежній характеръ т. е. больной считаетъ себя чѣмъ-то чрезвычайнымъ—императоромъ, всемірнымъ владыкой, великимъ ученымъ, хранителемъ тайнствъ природы и т. д. или же, какъ меланхоликъ, страдаетъ отъ постороннихъ злыхъ силъ, боится заговоръ, воровъ, разбойниковъ, замышляющихъ противъ его жизни и имущества, видитъ черта и т. п. Больные удерживаютъ также и ошибочныя представленія относительно собственнаго тѣла, если напр. онъ воображалъ себя прежде масломъ, воскомъ, деревомъ или звѣремъ.

Не смотря на такое вѣншее сходство дураковатости съ тѣми формами помѣшательства, изъ которыхъ оно вышло, главная его особен-

ность заключается, все таки, въ отсутствіи прежняго вдохновенія и творчества, въ жизни одними результатами прежней духовной дѣятельности, въ остановкѣ на одной точкѣ, въ ослабленіи всей логики и связи въ мышленіи. Того остроумія, силы и проникательности, которыя такъ поражаютъ въ сумасшедшемъ, и его системы, методы мышленія и дилектики, которыя даютъ такую силу всему, что онъ говоритъ, въ дураковатомъ уже нѣтъ. И хотя нѣкоторые изъ дураковъ отличаются, повидимому, значительной полнотой мышленія, поражаютъ своими солидными знаніями, остротой взглядовъ и замѣчаній, такъ что съ трудомъ вѣрится, чтобы то былъ безумный, но все это только богатая лажомъ отъ стараго великолѣпія, и встрѣчаются только въ отдѣльныхъ большихъ, нѣкогда обладавшихъ точно замѣчательными способностями. Весь этотъ вѣншній блескъ—только механическое отраженіе обломковъ старой дѣйствительности, и несостоятельность большого обнаруживается вполнѣ, какъ только дѣло коснется отвлеченнаго мышленія—вся кажущаяся сила мысли и проникательность исчезаютъ и больной оказывается дуракомъ, неспособнымъ проникнуть въ предметъ и обсудить его. Перерывчатость мышленія, или думанье скачками, замѣтно еще сильнѣе, если дуракъ вздумаетъ писать; онъ не въ состояніи держаться крѣпко за свою тему и идти съ силой послѣдовательности сумасшедшаго, но безпрестанно срывается съ рельсовъ и опять, безъ всякой связи, возвращается къ своей любимой идеѣ, застѣвшей коломъ въ его головѣ.

Вотъ образчикъ подобнаго безумнаго, образчикъ хотя и не всесторонній, но который можетъ дать довольно вѣрное понятіе о предметѣ.

Солдатъ, положимъ А., дѣлавшій походъ въ Тироль и раненый подъ Экмюлемъ, былъ уволенъ въ отставку. Явившись въ свою родную деревню, онъ, какъ герой и человѣкъ бывалый, очень скоро сталъ пользоваться уваженіемъ и вниманіемъ добродушныхъ крестьянъ. Безконечный болтунъ и хвастунъ, онъ расположилъ свою главную квартиру въ деревенской харчевнѣ, рассказывалъ разныя исторіи и приключенія изъ своей военной жизни, запивалъ порядочно на счетъ простодушныхъ слушателей и проводилъ свою жизнь такимъ приятнымъ образомъ, пока постоянный хмѣль, никогда не выходившій изъ его головы, не сдѣлалъ его съумасшедшимъ.

А. не былъ дурной человѣкъ и напѣренный лгунъ. Его слабостью было тщеславіе, и эта-то слабость заставляла А. не отказываться отъ тѣхъ невинныхъ средствъ, которыя доставляли ему уваженіе слушателей, возбуждали удивленіе къ его рассказамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ, до-

ставляли и даровое приятное угощение. Увлекаясь хвастовством и самолюбием, А и самъ сбился наконецъ съ толку и перепутавъ, все, что онъ видѣлъ лично, съ тѣмъ, что читалъ или слышалъ отъ такихъ же болтуновъ, какъ самъ, или видѣлъ въ галлюцинаціяхъ, вслѣдствіе постоянного опьяненія, А. вообразилъ наконецъ, что всѣ произведенія его фантазіи—несомнѣнная дѣйствительность; что онъ точно видѣлъ все, что онъ рассказываетъ; что онъ все знаетъ, вездѣ былъ, со всѣми знакомъ. Это знаніе всего и всѣхъ составляетъ точку помѣшательства А.

Въ этомъ случаѣ пьянство обнаружило вліяніе менѣе мрачнаго характера, хотя и болѣе печальное, чѣмъ въ бѣлой горячкѣ. При усиленномъ, періодическомъ пьянствѣ, когда человѣкъ не пьетъ, а лопаеть, потрясеніе мозга создаетъ лихорадочное сѣумасшествіе и черныя видѣнія. Больнаго мучать пауки, крысы, мыши, мухи, пчелы, собаки, лошади или полицейскіе. При хроническомъ же пьянствѣ, когда человѣкъ понемногу, но постоянно, поддерживааетъ пары на одной высотѣ, его помѣшательство получаетъ пріятный розовый оттѣнокъ, — пьяница бредитъ королями, императорами, женщинами высшаго круга, и вообще, живетъ въ мірѣ той свѣтлой фантазіи, на высотѣ которой поддерживали его мозгъ винныя пары средняго давленія, недоводимыя до крайней упругости, подавляющей мозгъ и создающей мрачныя представленія. А. перешелъ незамѣтно изъ пьянства въ сѣумасшествіе.

Теперь солдатъ А старикъ уже. 60 лѣтъ, исправляетъ въ сѣумасшедшемъ домѣ должность штукатура. Этимъ дѣломъ онъ занимался и до рекрутства. Опясаный передникомъ, съ шайкой съ извѣстью и лопаткой А. замазываетъ дырки, прогрызенныя мышами, обваливающую штукатурку и поправляетъ небольшія порчи въ корридорахъ и на дворѣ сѣумасшедшаго дома. Пациентъ очень внимателенъ къ существующему порядку, скромненъ, такъ что ему вѣряется, безъ всякой боязни, ключъ отъ корридора и дозволяется работать вездѣ на дворѣ и въ саду, не спасаясь какого нибудь съ его стороны безпорядка. А. очень строгъ къ своимъ товарищамъ и не позволяетъ имъ сдѣлать въ своемъ присутствіи никакой глупости, ни малѣйшаго нарушенія внутренней дисциплины заведенія. Однимъ словомъ, почтенный старикъ нисколько не похожъ на безумца, и въ ежедневныхъ дѣлахъ видитъ себя, какъ и всякій человѣкъ его ремесла. Но стоитъ только задѣть больнаго за живое, чтобы въ немъ обнаружился дуракъ въ полной своей красотѣ.

Такимъ образомъ въ этомъ безумномъ два человѣка, одинъ скромный штукатуръ, исполняющій акуратно и добросовѣстно свое дѣло; а другой бе-

зумець, принимающій всё свои прежнія галлюцинаціи за наличную монету. Теперь у него нѣтъ болѣе ни галлюцинацій, ни возбужденій; онъ всёгь доволенъ и совершенно равнодушенъ ко всему. Онъ оживаетъ только тогда, когда дѣло касается его помѣшательства, и раздражается лишь въ томъ случаѣ, если его сердятъ, или прямо называютъ лгуномъ. Ко всему остальному, и ко всему міру, онъ относится совершенно безстрастно.

Не смотря на то, что помѣшательство его вертится на томъ, что онъ былъ вездѣ, все видѣлъ, знакомъ со всѣми значительными лицами и самъ былъ не маленькимъ человекомъ, онъ, какъ видно, не сдѣлалъ блистательной карьеры: онъ теперь ни король, ни фельдмаршалъ, ни даже генералъ; будь онъ сумасшедшій, онъ непремѣнно произвелъ-бы себя въ очень высокій чинъ, и держалъ-бы себя съ соответственнымъ достоинствомъ, и ужь, разумѣется, не сталъ-бы штукатурить и замазывать мышины норы. Теперь же онъ скромно говоритъ о себѣ, что онъ простой солдатъ, и держитъ себя солдатомъ, не гнушаясь черной работой; штукатурить, колетъ дрова, носить ихъ и т. д. Очень можетъ быть, что убѣжденіе въ скромной долѣ происходитъ въ немъ оттого, что прежде, въ періодъ сумасшествія, онъ не успѣлъ еще произвести себя въ большіе чины, и впалъ въ дураковатость. Какъ-бы то ни было, но А, какъ говорятъ китайцы, утвердился на серединѣ, и безъ всякихъ порывовъ, стремленій и страстей удовлетворяется очень немногимъ и дживаетъ въкъ свой дуракомъ, не зная честолюбивыхъ мученій сумасшедшаго.

Вообще, безумные, дошедшіе до степени дураковатости, обнаруживаютъ апатичность; они неспособны ни къ прежней любви, ни къ прежней ненависти; всё близкіе къ нимъ люди могутъ умереть, міръ разрушиться, и это несколько ихъ не потревожитъ; только въ одномъ случаѣ могутъ пробудиться въ нихъ энергія и дѣятельность воли, если задѣтъ ихъ со стороны ихъ помѣшательства; больной тотчасъ же оживляется, горячится, сердится; если же льстить его безумію, — онъ спокоенъ и доволенъ. Дряблость характера такихъ больныхъ виднѣ всего изъ ихъ взаимныхъ отношеній въ сумасшедшемъ домѣ; они очень довольны своимъ положеніемъ, никогда не составляютъ кружковъ или заговоровъ, хотя, при ихъ постоянномъ численномъ перевѣсѣ, это было-бы очень удобно; одинъ сторожъ легко управляетъ ими всѣми, какъ паству стадомъ, и если одного изъ нихъ накажутъ, всё остальные остаются совершенно равнодушны.

Въ ихъ поведеніи и въ движеніяхъ видна беспорядочность, внезапность и особенность, такъ что, по ихъ вѣшнимъ дѣйствіямъ, можно сей-

часть-же заключить объ ихъ безуміи. Такимъ образомъ, одинъ безумный чувствовалъ и видѣлъ, какъ земля опускалась все ниже и ниже. Съ необычайными усиліями, такъ что потъ градомъ катился съ его лица, безумный старался удержать и вытянуть землю на старое мѣсто шну комъ, который онъ держалъ въ рукѣ, и воображалъ его обмотаннымъ вокругъ земли. Тотъ-же больной прядъ солнечные лучи въ нитки, наматывалъ ихъ въ клубки и передавалъ другимъ, и очень удивлялся, когда тѣ увѣрили, что у нихъ нѣтъ ничего, тогда какъ онъ самъ пересчитывалъ всѣ клубки и чувствовалъ ихъ въ своихъ рукахъ. Каждый больной имѣетъ всегда какую нибудь внѣшнюю странность. Одни постоянно жестикулируютъ, покачиваютъ педантически головой, или дѣлаютъ равномерныя движенія руками. Другіе стоятъ на одномъ мѣстѣ неподвижно, какъ-бы въ припадкѣ вдохновенья; третьи ходятъ постоянно на одномъ и томъ же любимомъ ими мѣстѣ, взадъ и впередъ, какъ звѣри въ клеткѣ, говорятъ, бормочатъ, или поютъ и сочиняютъ стихи. Съ особенной любовью предаются многіе безумные монологамъ. Они ходятъ взадъ и впередъ по комнатѣ и ведутъ разговоръ, но въ этомъ разговорѣ участвуетъ всегда только одно лице—спрашивающій. Фразы бываютъ обыкновенно короткія, но выразительныя: такъ? хм! ага!—хм! такъ! ого! разумѣется!—отчего же нѣтъ? Потомъ пауза и молчаливое размышленіе, и затѣмъ опять—ну да! какъ? что? и т. д. Если войти въ комнату и спросить больного, что онъ говорилъ?— то онъ отрицается. Другіе больные произносятъ отдѣльныя слова:—«мошеники, убійцы, держи ихъ!»—что прямо показываетъ на характеръ ихъ галлюцинацій; наконецъ, есть такіе, которые постоянно уходятъ въ темныя углы ихъ комнаты, къ проходящимъ мимо оборачиваются спиной и сердятся, если имъ помѣшаютъ.

Наклонность къ причудамъ, замѣчаемая во всѣхъ формахъ душевнаго разстройства, у безумныхъ получаетъ характеръ постоянной привычки. Одни вѣчно возятся съ водой; другіе надѣваютъ и снимаютъ башмаки; третьи кричатъ, декламируютъ, поютъ; четвертые наряжаются фантастически соломой, разными лоскутками и тряпками; пятые, наконецъ, выкидываютъ разныя странныя штуки, или кривляются. И во всемъ этомъ нѣтъ той здоровой, энергической дѣятельности, которая замѣчается у сумасшедшихъ.

Галлюцинаціи и иллюзіи являются у безумныхъ довольно часто. Интересный фактъ этого рода представляетъ одинъ безумный въ Бедлемѣ (въ Лондонѣ) Метью. Онъ воображалъ себя то автоматомъ, которымъ дѣй-

ствують нѣкоторыя, извѣстные лица, то всемірнымъ императоромъ. Ему казалось, что шайка злодѣевъ дѣйствуетъ на него изъ комнаты, подлѣ городской стѣны, посредствомъ магнетическаго тока.

Метью очень хорошо видитъ и слышитъ этихъ лицъ и подробно ихъ описываетъ. Эти личности, особенной машиной, которую больной описываетъ подробно, дѣйствуютъ на него самымъ мучительнымъ образомъ, и онъ ничѣмъ не можетъ имъ противиться. Мученія эти слѣдующаго рода:

Подрѣзываніе души отъ чувства: распространіе магнетическаго тока отъ переноса подлѣ основаніе мозга, въ родѣ распущеннаго вѣтра, такъ что чувства сердца совершенно отрѣзаны отъ дѣятельности ума.

Змѣй: какъ дѣти спускаютъ бумажнаго змѣя, такъ эти злодѣи пускаютъ, посредствомъ своего искусства, какую нибудь мысль въ голову больного, и та цѣлые часы двигается тамъ взадъ и впередъ. Какъ-бы пораженный ни старался освободиться отъ впущенной въ него мысли, онъ этого сдѣлать не можетъ, и долженъ все свое вниманіе отнять отъ другихъ мыслей и устремить на гостя. При этомъ онъ понимаетъ очень хорошо, что мысль эта ему чужда и введена въ него извнѣ.

Взрывъ бомбы:—ужаснѣйшая операція. Жизненная жидкость, находящаяся въ мозгу и въ нервахъ, пары, поднимающіеся въ кровяныхъ сосудахъ, и газы желудка, и кашель доводятся до такого изрѣженнаго состоянія, что становятся горючими, что причиняетъ тѣлу ужаснѣйшую боль. Въ то время, какъ человекъ страдаетъ такъ, злодѣи разряжаютъ въ него сильную электрическую батарею, и сотрясеніе, производимое ею, такъ сильно, что разрываетъ все тѣло больного. Особенно ужасенъ взрывъ, происходящій въ головѣ и т. д.

Больные, достигшіе этого періода безумія, становятся снова физически крѣпче и полнѣе тѣломъ; они имѣютъ довольный, суровый видъ, и въ этомъ состояніи доживаютъ до глубокой старости.

Въ безуміи свѣтлыя паузы уже не являются, какъ въ сумасшествіи, въ бѣшенствѣ или въ меланхоли, и все наблюдатели согласны въ томъ, что совершенное излеченіе безумія невозможно. Хорошимъ, соответственнымъ, психіатрическимъ уходомъ удастся однако, въ отдѣльныхъ случаяхъ, довести больныхъ до того, что они сдерживаютъ порывы своего безумія, оставляютъ странныя привычки и дѣлаются способными къ исполненію обыкновенныхъ занятій. Въ этомъ самообладаніи, къ которому можно пріучить больного, заключается причина того, что безумные могутъ играть на сценѣ, и танцуютъ на своихъ балахъ, такъ что посторонній ни въ чемъ не замѣтитъ, чтобы предъ нимъ были бе-

зумные. Но если таких больных предоставить самимъ себѣ, то они больше и больше утверждаются въ своихъ безумныхъ представленіяхъ, которыя завладѣваютъ постепенно всѣмъ кругомъ ихъ мышленія и больной впадаетъ, наконецъ, въ безмысліе.

XIII.

Между дураковатостью и полнымъ безмысліемъ есть еще одна промежуточная степень, при которой въ головѣ больного наступаетъ полная путаница, и онъ безумничаетъ во всемъ: — во всѣхъ своихъ мысляхъ, во всѣхъ: своихъ поступкахъ. Отличительная черта этого безумія есть бессмысленная болтливость. Такой человекъ, говоритъ Пинель, приближается ко мнѣ, смотритъ на меня и обливаетъ меня потокомъ своего пустословія; затѣмъ бѣжитъ къ другому и дѣлаетъ съ нимъ тоже самое. Входить ли онъ въ комнату, онъ переворачиваетъ въ ней все вверхъ дномъ: трогаетъ столы и стулья, трясетъ ихъ, переставливаетъ, и все это безъ особенной какой нибудь цѣли. Не успѣли за нимъ усмотрѣть, ужъ онъ выскочилъ на гулянье и тамъ хозяйничаетъ точно также; болтаетъ, швыряетъ камни, вырываетъ траву; однимъ словомъ, непрерывный токъ безсвязныхъ и бессмысленныхъ идей и такихъ же поступковъ. Въ такомъ дуракѣ нѣтъ одного опредѣленнаго безумнаго представленія, какъ въ меланхоликѣ, или въ сьумасшедшемъ — у него въ головѣ полная галиматія. Разговоръ съ нимъ невозможенъ, потому что онъ несетъ чистую чепуху и не отвѣчаетъ на вопросъ. Его спрашиваютъ напр.—«какъ ваше здоровье?»,—а онъ говоритъ—«что за бессмыслица, моя теща имѣла тоже доктора.»— Въ домашней жизни такой безумецъ совершенно невыносимъ; ему нѣтъ ни до чего дѣла, онъ не знаетъ никого и ничего; не имѣетъ никакихъ привязанностей, и, отчужденный отъ всѣхъ людскихъ интересовъ, составляетъ печальный особнякъ, живущій въ хаосѣ своихъ нелѣпостей. Въ примѣръ подобнаго безумія Шиллингъ приводитъ одного нѣмецкаго доктора и естественнаго испытателя, не называя его однако полной фамиліей.

Н. еще въ молодости обнаруживалъ много странностей и особенностей. У него было много талантовъ и желѣзное прилежаніе. Еще студентомъ медицины онъ обратилъ на себя вниманіе своего знаменитаго учителя физиологівъ, и это обстоятельство, конечно, имѣло вліяніе на дальнѣйшее развитіе Н. Этими знаменитымъ учителемъ былъ Пуркинъ, который употребленію микроскопа, въ физиологическихъ изслѣдованіяхъ и въ ученіи о тканяхъ, придалъ его настоящее высокое значеніе. Идти

за гениальнымъ физиологомъ, по пробитому имъ пути, было уже нетрудно и для посредственностей. Такой посредственностью былъ N, которому однако удалось своими работами вмѣстѣ съ Пуркинѣ, а частью и самостоятельными трудами создать себѣ извѣстность, такъ что имя N. фигурируетъ еще и нынче въ учебникахъ физиологiи и гистологiи.

N возвратился въ свой родной городъ въ качествѣ практическаго врача и съ самаго начала обнаружилъ громадное самолюбіе и слишкомъ высокое убѣжденіе о самомъ себѣ. Лечение ушныхъ болѣзней начало становиться тогда болѣе извѣстнымъ и N. объявилъ себя ушнымъ врачомъ. Диффебахъ обратилъ на себя вниманіе пластическими операціями, и N. принялся тотчасъ-же приклеивать носы и губы. Но его неловкость и торопливость, на этомъ новомъ поприщѣ навлекли ему только непріятности.

Затѣмъ N отправился въ Парижъ, гдѣ своей неоспоримой ловкостью въ обращеніи съ микроскопомъ обратилъ на себя вниманіе корифеевъ науки, и даже получилъ мѣсто, которое приблизило его къ значительнымъ лицамъ.

Съ этого времени начинается поворотъ въ умственной жизни N; болѣзненное расположеніе стало развиваться въ дѣйствительную болѣзнь. Наслѣдство, доставшееся отъ отца, и свои доходы по мѣсту онъ употреблялъ на покупку дорогихъ физическихъ и оптическихъ инструментовъ, которыми онъ совѣмъ не пользовался, и дорогихъ животныхъ, которыя у него сгнили, не дождавшись анатомическихъ изслѣдованій. Онъ началъ изучать астрономію, высшую математику, азіатскіе языки и ни въ чемъ не пріобрѣлъ ясныхъ понятій. Въ тоже время, въ немъ явился цинизмъ и страсть къ болтовнѣ и писанью, которыя дѣлали его совершенно невыносимымъ.

Въ то время, какъ его умственныя способности ослабѣвали съ каждымъ днемъ, въ той же степени развивалось самолюбіе и непомерно-высокое о себѣ мнѣніе. Онъ зналъ все, и зналъ все лучше чѣмъ другіе и раньше всѣхъ. Съ этого момента началось его помѣшательство—пониманія, всезнанія и знанія раньше всѣхъ.

Ему казалось, что его окружаютъ ученые воры, которые крадутъ его открытія, чтобы лишить его славы. Онъ отправился съ жалобой къ Пуркинѣ, и когда тотъ началъ его кротко убѣждать, N его поколотилъ. Послѣ этого, ему, разумѣется, нельзя уже было оставаться въ Парижѣ и онъ, забравъ книги и инструменты, которые казались ему необходимыми, отправился въ сѣверную америку.

Съ этихъ поръ начинается темный, менѣе извѣстный періодъ его

жизни. Положительно извѣстно только то, что онъ распродалъ понемногу свои книги и инструменты; что онъ, въ борьбѣ съ голодомъ и нищетой, прошелъ часть америки, входилъ въ сношенія съ туземцами, индѣйцами, чтобы изучить ихъ 70 языковъ и наконецъ неизвѣстно какъ, но истощенный физически и умственно, очутился наконецъ въ Гаваннѣ, въ госпиталѣ. Отсюда, при помощи земляковъ, онъ былъ доставленъ въ Германію, въ свое семейство.

Здѣсь снова начались его чудодѣйства. Спокойная жизнь была для него невыносима; онъ продалъ свое платье, чтобы купить матеріалы для своихъ дальнѣйшихъ открытій; онъ шатался по городу, надѣдалъ библіотекарямъ и книгопродавцамъ своими колоссальными претензіями; переселился на мансарду, къ пролетарію, чтобы жить дешевле; питался, богъ знаетъ чѣмъ, и дрался съ хозяиномъ.

Самолубіе больного дошло теперь до высшей степени, тогда какъ изъ знаній остались у него въ головѣ только отрывки. Не смотря на ослабленіе умственныхъ силъ, память его отличается необыкновенной остротой; но ему недостаетъ творчества, которое помогаетъ здоровому дѣлать полезное употребленіе изъ своей памяти. Отъ него ни въ чемъ нельзя добиться толку. Спрашиваютъ его о какомънибудь физиологическомъ вопросѣ, подробности котораго должны быть ему извѣстны отлично, онъ начинаетъ замѣчаніемъ, что отъ него нельзя требовать, чтобы онъ выболталъ результаты своихъ, еще не обнародованныхъ, изысканій. Если же высказать ему собственные взгляды по возбужденному вопросу, то онъ станетъ увѣрять, что еще 15 лѣтъ назадъ онъ сдѣлалъ изысканія по этому предмету, и чрезвычайно интересныя, которыя привели его къ совершенно еще неизвѣстнымъ результатамъ. Затѣмъ онъ продолжаетъ съ оживленіемъ и краснорѣчиво свой разговоръ, но постоянно кружась около вопроса, и отступая отъ него все дальше и дальше, такъ что, наконецъ, тема исчезаетъ изъ глазъ. Рядомъ съ этой внутренней пустотой въ немъ страсть къ новостямъ и любопытство. Никто не можетъ спастись отъ его вопросовъ. Какъ только откроетъ онъ глаза, сейчасъ начинаетъ свои распрашиванья; кто-бы ни проходилъ мимо его окна, онъ обращается ко всякому; слышитъ ли онъ, что идутъ мимо его дверей, онъ выкрикиваетъ свои вопросы повелительнымъ тономъ, черезъ запертую дверь, и нисколько не обижается, если ему не отвѣчаютъ; онъ спрашиваетъ еще разъ, или дѣлаетъ новый вопросъ и успокаивается, когда и этотъ оставляютъ безъ вниманія.

Его дѣятельность приняла дѣтскій характеръ съ ученымъ оттенкомъ.

Онъ наблюдаетъ теченіе солнца и для этого устроилъ на своемъ окнѣ солнечныя часы, которые каждый школьникъ сумѣлъ-бы сдѣлать лучше. Часы сумасшедшаго дома онъ считаетъ на столько вѣрными, на сколько они согласуются съ его солнечными часами. Каждый вечеръ онъ отправляется въ садъ и дѣлаетъ тамъ астрономическія наблюденія. Донатову комету, которую онъ отмѣтилъ у себя кометою Карла Великаго, онъ долго не хотѣлъ признавать кометою, потому что у нея хвостъ къ верху. На сломанномъ часовомъ стеклѣ онъ приготовляетъ элементы пищи и предлагаетъ каждому пробы ихъ, которыя онъ носитъ, завернутыми въ газетную бумагу, въ жилетномъ карманѣ. Однимъ словомъ, дѣятельность его неизмѣрима, но результатовъ никакихъ.

Какъ скудна его умственная жизнь, такъ бѣдна и его сердечная сторона. Самое глубокое себялюбіе обнаруживается во всѣхъ его поступкахъ; всѣ существуютъ для него, какъ средство цѣли; самыя близкіе люди могутъ погибнуть и это его нисколько не потревожитъ; онъ не знаетъ ни привязанности, ни благодарности, и если обнаруживается въ немъ чувствительность, такъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда задѣта его драгоценная особа. Покажется ли ему, что его недостаточно уважаютъ, или встрѣтить сопротивленіе своимъ желаніямъ, онъ выходитъ изъ себя, и какъ вѣкогда поступилъ онъ съ своимъ знаменитымъ президентомъ, такъ и нынче никто не застрахованъ отъ его крѣпкихъ кулаковъ.

Описанный субъектъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что подобныя личности составляютъ очень обыкновенное явленіе въ повседневной жизни. Безграницное самолюбіе и своекорыстіе, вѣчное я, я и я, безпредѣльная увѣренность, что только это я знаетъ все, какъ слѣдуетъ, что только оно судить правильно о вещахъ, служить почвой, на которой вырастаетъ деспотизмъ всѣхъ частныхъ и общественныхъ отношеній, вѣчное вмѣшательство въ чужія дѣла, вѣчное желаніе перекроить всѣхъ по своему. Плоды, вырастающіе на этомъ деревѣ человеческой ограниченности, составляютъ не только обыкновенную пищу подначальныхъ въ семейной жизни, но попадаютъ и на общественной трапезѣ. Пока это я не приняло еще гигантскихъ размѣровъ, оно, хотя съ трудомъ, но переносится; но есть черта, за которой самолюбивый и своекорыстный человѣкъ становится нетерпимъ и можетъ жить только съ сумасшедшими. Когда наступаетъ эта переходная грань, — зависитъ отъ терпѣнія и толстокожести страдающихъ, и у невыскательныхъ людей Киты Китычи процвѣтаютъ благополучно въ своихъ семействахъ, вмѣ-

сто того, чтобы служить украшениями съумасшедшихъ домовъ. Вообще, слишкомъ высокая оцѣнка самого себя, доходящая до болѣзненной раздражительности и неспособности переносить никакое возраженіе, есть первый признакъ того несчастнаго разстройства нервовъ и мозга, которое, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, кончается очень легко, какъ у описаннаго доктора-натуралиста.

Этотъ докторъ есть образчикъ той дураковатости, которая, какъ видѣ болѣзни, можетъ быть названа пустотой или отсутствіемъ мысли. Не вотъ другой образчикъ, образчикъ настоящей умственной галматъи, стоящей непосредственно подлѣ полнаго безумія.

У Юліи только одна мысль, да и въ той нѣтъ смыслу; она воображаетъ себя всемогущей. Случается, что она говоритъ и о другихъ предметахъ, но безъ всякой связи.

— «Какъ васъ зовутъ?»—спрашиваютъ ее.

— Я называюсь я; это мое имя. Вы мнѣ должны поле. Я понятиѣ всемогущая. Мой умъ былъ изрѣзанъ, чтобы сдѣлать изъ него передникъ.»

— «Сколько вамъ лѣтъ?»

— «Четырнадцать.—А между тѣмъ ей, по меньшей мѣрѣ, тридцать.

— «Сколько будетъ 45 и 3?»

— «Сорокъ восемь. У меня украли также мое золото и мои драгоценности.»

— «Кто же это укралъ?»

— «Спросите у своихъ мыслей: я всемогущая.»

— «Съ которыхъ же поръ?»

«Всегда, всегда; я всегда была всемогущая» и т. д.

Больная рѣдко обращаетъ на что нибудь вниманіе; она не помнитъ ничего изъ прошлаго и очень мало изъ настоящаго; она способна только къ самымъ простымъ занятіямъ — сдѣлать себѣ постель, одѣться, принести ѣсть. Она не знаетъ ничего имени, хотя живетъ въ съумасшедшемъ домѣ уже нѣсколько лѣтъ. На этой степени безумія больные могутъ оставаться многіе годы, не дѣлая шага къ послѣдней стадіи—полнаго умственнаго разрушенія.

Чтобы попасть на эту стадію, нужно идти къ ней постепенно, начавъ съ маніи (сумасшествіе, меланхолія, бѣшенство) и пройдя всѣ степени дураковатости.

Въ безуміи нѣтъ представленій и мыслей. Впечатлѣнія не перерабатываются, и изъ нихъ ничего не образуется въ головѣ больнаго. Па-

леть исчезает у него почти совершенно, такъ что онъ не только забываетъ все, что дѣлается съ нимъ теперь, но не помнитъ рѣшительно ничего изъ своей прошлой жизни. Больной забываетъ—и это большею частью—даже языкъ, такъ что повторяетъ автоматически нѣкоторыя немногія слова а скучнаго лексикона, или же удерживаетъ въ памяти лишь слоги.

Вмѣстѣ съ этой тупостью воображенія и смысла является сильнѣйшее ослабленіе воли. Чтобы больной принялся за что вибудь, онъ долженъ получить импульсъ извнѣ; очень часто такіе больные не въ состояніи сами удовлетворять своимъ физическимъ потребностямъ: ихъ нужно кормить, потому что они не могутъ даже положить себѣ кушанья съ стоящаго передъ ними блюда; за ними нужно строго наблюдать, потому что они, по своей душевной невинности, не имѣютъ понятія объ опасности, и могутъ подвергнуться легко несчастію. Безумный не знаетъ ни горя, ни радости, ни чувства стыда.

Вслѣдствіе отсутствія воли безумный можетъ быть очень опасенъ. Сьумасшедшій, убивая или поджигая, дѣйствуетъ всегда по извѣстнымъ мотивамъ и цѣлямъ. Опасность эту есть возможность предвидѣть и предупредить; но тихенькій безумный руководствуется внезапнымъ вдохновеніемъ. Онъ убьетъ своего сосѣда ночью, потому что тотъ, можетъ быть, храпитъ, или подожжетъ перваго, потому что ему случилось вытащить изъ печки головню и рядомъ лежала солома. И не смотря на эту большую опасность безумныхъ, за ними обыкновенно наблюдаютъ менѣе, потому что они плохи.

Такое безуміе совершенно уже неизлечимо. И населіе сьумасшедшихъ домовъ состоитъ большею частью изъ подобныхъ несчастныхъ.

Въ безуміи есть одинъ видъ, такъ называемое безуміе апатическое, когда больной, какъ статуя, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ духовной жизни: онъ ничего не думаетъ, ничего не говоритъ, ничего не чувствуетъ, ничего не хочетъ. Эта форма слабоумія является очень часто у стариковъ, а иногда даже и ранѣе старости, "вслѣдствіе мозговыхъ болѣзней.

Не смотря на то, что безумные умерли, повидимому, для всего на свѣтѣ, у нихъ нѣрѣдко является любовь смотрѣть на огонь, или раскладывать его. И какъ въ рукахъ безумнаго все превращается въ оружіе, то особенно нужно стараться, чтобы безумные не видѣли огня. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, чтобы эта слабость составляла исключительную особенность безумныхъ. Люди всѣхъ возрастовъ любятъ смотрѣть на огонь. Кто не испытывалъ этого удовольствія, сидя передъ каминномъ; а иллюминаціи, фейерверки и громадныя деньги, бросаемыя

на нихъ, развѣ не доказываютъ, что и умные отличаются тою же страстью? Безумные, лишеныя средствъ устраивать фейерверки по правиламъ пиротехники, удовлетворяютъ своей наклонности къ огненнымъ зрѣлищамъ посредствомъ поджоговъ, и роль, играемая безумными въ исторіи пожаровъ, такъ серьезна, что болѣзнь поджигательства назвали даже особеннымъ именемъ — пироманіей.

Вмѣстѣ съ любовью къ огню безумные выказываютъ страсть и ко всему блестящему; другіе считаютъ все свое счастье въ куреніи. Напримеръ, одинъ безумный за табакъ или сигару дѣлалъ все, чего отъ него ни требовали. Величайшимъ удовольствіемъ для него было предложить или подать комунибудь огонь. Каждому, кого онъ встрѣчалъ на улицѣ съ потушенной сигарой, или трубкой, онъ съ величайшей любовью предлагалъ огонь, и при этомъ просилъ на табакъ. Этотъ же больной имѣлъ страсть смотрѣть на огонь. Когда онъ сидѣлъ передъ пылающимъ огнемъ, то забывалъ объ ѣдѣ, и нужно было видѣть радость, которой сіяло его лице, чтобы понять, какой пріятный внутренній процессъ происходилъ во всемъ его организмѣ. Ужь, разумеется, гашить не доставилъ-бы ему такого неземнаго наслажденія. Случалось, что этому безумному доставляли экстренное удовольствіе дозволеніемъ затопить печку. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда онъ получалъ отказъ на свою просьбу и, разсердившись, начиналъ грозить—онъ грозилъ всегда поджогомъ.

XIV.

Всѣ, разсмотрѣнныя до сихъ поръ, формы душевнаго разстройства составляютъ частное, индивидуальное явленіе. Болѣзнь, какъ результатъ личныхъ причинъ, поражаетъ только одного человѣка, сосредоточиваетъ всѣ свои силы на немъ одномъ, не переходя на другихъ. Происхожденіе такой болѣзни и весь путь ея развитія, какъ мы видѣли, можно прослѣдить безъ труда. Человѣкъ становится жертвой помѣшательства, или по своей личной винѣ—несоответственнымъ дурнымъ образомъ жизни, или по винѣ другихъ — своихъ родителей, передавшихъ ему пагубно расположеніе къ нервному и мозговому разстройству, или испортившихъ здоровый дѣтскій организмъ сквернымъ воспитаніемъ. Теперь-же мы переходимъ къ новому виду болѣзней чувствующаго организма, болѣзней, поражающихъ сразу множество людей и дѣйствующихъ, какъ зараза. Предъ этими болѣзнями наука становится въ тупикъ; она знакома только съ ихъ внѣшними проявленіями, ограничивается только наблюденіями самихъ фактовъ, но пока не можетъ изъяс-

чего еще сказать о томъ внутреннемъ процессѣ, который происходитъ въ человѣкѣ, повидимому, совершенно здоровомъ, воплѣ владычащемъ своими интеллектуальными способностями, и впадающемъ внезапно въ пароксизмъ особеннаго душевнаго состоянія. Теперешняя загадочность этого явленія заключается собственно въ томъ, какимъ путемъ, какою силой передается такой пароксизмъ немедленно другому, такъ что этотъ другой повторяетъ совершенно тоже, что чувствовалъ и дѣлалъ человекъ его заразившій. Говорятъ, что для этого необходимо однородное нервное расположеніе и сходство темпераментовъ. Такъ; но вѣдь это нисколько не разъясняетъ самой сущности дѣла. Можно, пожалуй, сравнить это явленіе еще и съ извѣстнымъ акустическимъ закономъ созвучія: — по одной струнѣ водять смычкомъ, а другая, настроенная въ тотъ же тонъ, издаетъ звукъ,—но вѣдь и это сравненіе не подвигаетъ насъ ни на шагъ впередъ. Точно также не помогаетъ нашему невѣжеству невинное объясненіе психіатровъ, полагающихъ, что загадка разрѣшена, если сказать, что въ этихъ случаяхъ дѣйствуетъ законъ раздраженія. Хорошо, пожалуй, и этотъ законъ, да только все таки неясно, съ какою стати вамъ, читатель, непременно нужно звать, если зываетъ человекъ, сидящій съ вами рядомъ? Объясняютъ дѣло стадностью, т. е. тѣмъ закономъ, по которому цѣлый табунъ лошадей идетъ за главнымъ жеребцомъ, или стадо овецъ за старымъ бараномъ, или козломъ. И этотъ законъ не дурень, и если-бы мы знали его воплѣ, то конечно разрѣшилась-бы и загадка; но въ томъ-то и дѣло, что мы наблюдаемъ только вишній фактъ, а внутреннихъ пружинъ, заставляющихъ овецъ идти, съ похвальной скромностью и овечьей тупостью, за старымъ козломъ, мы все таки не видимъ. Конечно, читатель не ожидаетъ, чтобы я разрѣшилъ ему этотъ вопросъ, когда его не могли разрѣшить, до сихъ поръ, такіе молодцы, какъ Эскароль, Пинель и цѣлый легионъ психіатровъ, специалистовъ этого дѣла. Ограничиваясь поэтому скромной ролью лѣтописца, я приведу здѣсь только цѣлый рядъ фактовъ, не пускаясь ни въ какія объясненія.

Таинственная раздражительность, на которую ссылаются психіатры, производитъ дѣйствительно чудеса. Мы видимъ ежедневно, какъ одинъ зывающій человекъ можетъ заставить звать десять остальныхъ, сидящихъ съ нимъ въ одной компаніи; одна рыдающая женщина приведетъ въ слезы сонмъ чувствительныхъ старухъ; одинъ весельчакъ, хохочущій во всю силу своихъ здоровыхъ легкихъ и круглаго живота, оживляетъ и заставляетъ смѣяться цѣлое собраніе. Съ этими фактами знакомъ каждый.

Военнымъ также хорошо извѣстно, какъ заразительна храбрость и трусость. Человѣкъ львиной храбрости, идущій отважно впереди въ бой, дѣлаетъ львами цѣлый полкъ солдатъ, въ которомъ можетъ быть на половину трусовъ. Никому изъ этой толпы не придетъ мысль не идти, — нельзя, всё идти, говорить трусь, и становится лють, какъ шакаль. Что заставляетъ этихъ людей, вообще, можетъ быть, очень добрыхъ и мягкосердечныхъ, превратиться вдругъ въ хищниковъ, и съ наслажденіемъ убивать, такъ называемыхъ враговъ, съ которыми они встрѣчаются всего въ первый разъ въ жизни, и не имѣли никогда, ни дружескихъ, ни враждебныхъ столкновеній? — говорить подражаніе; а, положимъ подражаніе.

И факты стадной трусости проявляются точно также. Иногда въ бою командуютъ полку идти въ огонь, и никто ни съ мѣста; всё стоять какъ вкопанные. Ни просьбы, ни брань, ни угрозы—ничто не помогаетъ. Командиръ можетъ быть храбрѣе всѣхъ львовъ въ мірѣ, взятыхъ вмѣстѣ, онъ можетъ отважно броситься впередъ, но за нимъ все таки никто не поидетъ и подражаніе, какъ видно, не дѣйствуетъ. Но вогъ, другому полку, стоящему сзади, командуютъ обойти; онъ обходитъ, продолжаетъ свой маршъ, а за нимъ идетъ теперь и тотъ, который стоялъ какъ привинченный. Почему же неподвижность одного полка не заразила другой, сзади его стоявшій; почему полкъ не шелъ за своимъ смѣлымъ командиромъ, а пошелъ за полкомъ? Почему въ одномъ случаѣ подражательность дѣйствуетъ такъ, а въ другомъ иначе?

Извѣстно, какъ страстная рѣчь оратора дѣйствуетъ на толпу, возбуждая въ слушателяхъ совершенно тѣ же мысли, ощущенія и энтузіазмъ, какіе вдохновляютъ самаго оратора. Этимъ путемъ цѣлыя массы народа становятся иногда вдругъ мягкосердечны до самаго жертвованія, или люты, какъ вампиры, такъ что давай имъ только крови и крови. Ловкій генералъ умѣетъ немногими словами возбудить въ солдатахъ такую боевую страстность, что они совершаютъ чудеса храбрости. Блестательнымъ же фактомъ экстаза, самопожертвованія служить знаменитая ночь на 4 августа, когда французское дворянство отказалось отъ всѣхъ своихъ привилегій.

Но въ самомъ широкомъ объемѣ заразительность примѣра проявлялась во время сильныхъ народныхъ движеній. Здѣсь каждый дѣйствуетъ, какъ зараженная лейденская банка; каждый служитъ центромъ заразы и заражаетъ сосѣда. Народъ образуетъ одну громадную электрическую батарею, въ которой каждый отдѣльный человѣкъ изображаетъ отдѣль-

ный элемент. Въ этой цѣли нельзя найти ни начала, ни конца—всѣ возбуждены, всѣ въ экстазѣ. И это возбужденіе обнимаетъ обыкновенно, обѣ противоположныя партіи. Хотя изъ начала міра принято думать, что подобный экстазъ цѣлыхъ народныхъ массъ лучше всего прекращается матеріальными средствами, но это мнѣніе, подтверждаемое, по-видимому, фактами, не совсѣмъ правильно, потому что фактамъ давали ошибочное объясненіе. Экстазъ проходитъ самъ собой, независимо отъ принятыхъ противъ него мѣръ; пока онъ не совершитъ своего полного круга, ничто остановить его не можетъ; напротивъ того, предоставленный самъ себѣ, онъ кончается скорѣе и съ меньшими жертвами, чѣмъ въ случаѣ противоположномъ.

Громадный, но вмѣстѣ съ тѣмъ, и поучительный примѣръ этого рода представляетъ Франція. Возбужденіе страстей доходило въ ней до послѣдней крайности, и по числу экзальтированныхъ людей, и по размѣру экзальтаціи, и между тѣмъ пароксизмъ продолжался не болѣе трехъ лѣтъ, тогда какъ сравнительно ничтожное движеніе Венгріи тянулось болѣе года.

На экзальтаціи этого рода смотреть, какъ на нѣчто произвольное, вполне зависящее отъ воли людей; въ этомъ-то вся и ошибка. Никакое возбужденное душевное состояніе, обнимающее цѣлыя массы, не зависитъ ни отъ кого въ отдѣльности, потому что оно дѣйствуетъ совершенно также, какъ и всякая гуртовая страсть. Почему подвергаются экзальтаціи одни позже, другіе раньше, одни слабѣе, другіе сильнѣе этого не знаетъ еще ни одна наука въ мірѣ. Наука знаетъ только тотъ фактъ, что существуютъ извѣстныя душевныя настроенія, дѣйствующія эпидемически и заразительно, и что есть люди, которые, во время самаго сильнаго свирѣпствованія подобныхъ эпидемическихъ возбужденій, имъ не подвергаются, какъ не всякій хвораетъ холерой въ холерныя годы, какъ не всякій заражается чумой. Факты, которые я приведу ниже, помогутъ читателю взглянуть лучше въ этотъ вопросъ.

Есть странныя душевныя настроенія и болѣзни, со всеми признаками заразительности и эпидеміи, непостижимыя при настоящемъ состояніи знаний, напримѣръ, самоубійство. Замѣчено, что самоубійство, случившееся въ сумасшедшемъ домѣ, и о которомъ знаютъ больные, производятъ на нихъ чрезвычайно потрясающее впечатлѣніе, и послѣ чего нужно ожидать новыхъ самоубійствъ. Что же побуждаетъ сумасшедшихъ увлекаться примѣромъ и лишать себя жизни изъ подражанія? Конечно, причину нужно искать въ новыхъ безумныхъ представленіяхъ и заключеніяхъ. Но отчего они явились?

Еще поразительные факты эпидемического самоубийства, встречающагося между людьми, повидному, вполне здоровыми. Въ первую французскую имперію застрѣлился разъ на гауптвахтѣ одинъ солдатъ. Вслѣдъ за тѣмъ и многіе другіе выбрали ту-же гауптвахту мѣстомъ самоубійства; начальство сожгло караульню и эпидемія кончилась.—Одинъ инвалидъ (тоже во Франціи) повѣсился на двери; въ слѣдующіе 14 дней, на той же самой двери, повѣсился еще два человѣка; по совѣту Сабатье правительство велѣло заложить и заштукатурить дверь, и, какъ только она исчезла съ глазъ, прекратилось и вѣшанье.

Въ Баваріи образовался разъ клубъ самоубійць; онъ состоялъ изъ 6 членовъ, которые старались завербовать къ себѣ и другихъ. Согласно статуту, убили себя сначала трое, а потомъ по очереди отправились за ними и другіе. Подобный же клубъ былъ и въ Парижѣ; онъ состоялъ изъ 12 лицъ, и, согласно регламенту, ежегодно избирался одинъ членъ, который долженъ былъ лишиться себя жизни.

Въ обыкновенномъ убійствѣ замѣчена подобная же заразительность примѣра. Одинъ человѣкъ меланхолическаго расположенія видѣлъ разъ казнь преступника; вслѣдъ за тѣмъ въ немъ явилось внезапно побужденіе къ убійству, не смотря на то, что онъ дрожалъ отъ одной мысли о преступленіи; онъ горько плакалъ, ломалъ себѣ руки, просилъ своихъ друзей спасти его и искренно благодарилъ ихъ потомъ, что они удержали его отъ страшнаго дѣла. Одинъ ребенокъ 6—8 л. закололъ своего младшаго брата; родители, воротясь домой, и увидѣвъ бѣду, начали распрашивать ребенка, что побудило его на это. Онъ, плача и обнимая мать, говорилъ совсѣмъ чистосердечно, что «сдѣлалъ это, изъ подражанія черту, который закололъ полишинеля».

Интересно, что въ убійствахъ и въ самоубійствахъ бываетъ нѣчто въ родѣ моды. Такъ, совершится, напримѣръ, убійство, какимъ нибудь особеннымъ образомъ, въ родѣ того, какъ убивалъ Люгуркъ — терпугомъ въ спину, противъ сердца, и этотъ способъ такъ понравится убійцамъ, что они все стараются убивать непремѣнно терпугомъ; или войдетъ въ моду кистень, задушеніе и т. п. Въ самоубійствахъ замѣчено тоже самое. Напримѣръ, въ Парижѣ, было одно время въ модѣ бросаться съ колоколенъ, башенъ, или колоннъ; въ дошѣ инвалидовъ, послѣ того, какъ тамъ повѣсился одинъ на колоннѣ, повѣсилось на ней тринадцать человѣкъ. Плутархъ рассказываетъ, что въ Милетѣ свирѣпствовала разъ такая зараза между дѣвушками на самоубійство, что они, не смотря на просьбы и мольбы своихъ домашнихъ и родныхъ, вѣшались

цѣлыми толпами. Умные греки придумали средство, которое ни одному полицейскому учрежденію Европы не пришло-бы ни за что въ голову: городъ объявилъ, что каждая такая самоубійца будетъ выставляться голая, съ веревкой на шеѣ, на рынкѣ, и выставилъ точно нѣсколькихъ, — самоубійства прекратились. — Подобное же эпидемическое самоубійство двѣушекъ повторилось въ Лионѣ, въ XIV столѣтіи.

Особенной силой отличались нравственные эпидеміи въ средніе вѣка, когда преобладало суевѣріе, мистицизмъ и магія. Одна изъ болѣе распро- страненныхъ формъ эпидемій этого рода была пляскоманія, или танецъ св. Іоанна. Болѣзнь эта, свирѣпствовавшая съ особенной силой между 1374—1418 г., прекратилась вполнѣ, только съ тридцатилѣтней войной. Пляско- манія, порожденная суевѣріемъ, явилась послѣ ужасовъ черной немочи, въ Саксонію; отсюда она перешла въ Кельмъ, Ахенъ, Нидерланды, Мець, Стразбургъ и т. д. въ другія мѣста. Цѣлые часы сплошь тан- цовали Іоганисты, мужчины и женщины, кружась и прыгая, пока, съ пѣной у рта, не падали въ судорогахъ, снова вскакивали и опять кру- жились въ своей дикой пляскѣ, пока не лишались силъ. Іоганисты тан- цовали съ вѣнками на головѣ и съ зашнурованными животами. Когда танцоры и танцорки приходили въ изнеможеніе, то ахали и стонали, какъ будто-бы проблвль ихъ послѣдній часъ, пока не перетягивали имъ животъ еще крѣпче. Это шнуровашье было необходимо противъ разви- вавшихся, во время бѣснованья, вѣтровъ; но точно также помогало, если тискали животъ кулаками или мали ногами. Во время припадка танцо- рамъ являлись всевозможныя видѣнія. При вполнѣ развившейся болѣзни, съ одержимыми дѣлались судороги, они падали безъ чувствъ, съ страш- нымъ храпѣніемъ и съ пѣной у рта. Пляска сопровождалась пѣніемъ.

Въ тоже время явился въ Италію тарантизмъ. Это было тоже бѣ- шенство пляски, созданное суевѣрнымъ представленіемъ о томъ, что укушеніе тарантула прозаводитъ неизлечимую меланхолію. Когда разъ нѣкоторые изъ меланхоликовъ, истощенные болѣзнію и голодомъ, и воз- бужденные свирѣлью и барабанами, почувствовали себя легче послѣ бѣ- шенаго танца — совершенно также чувствуютъ себя съумасшедшіе, у которыхъ меланхолія перешла въ бѣшенство — тарантелла зазвучала во всѣхъ деревняхъ и мѣстечкахъ. Больные, истомленные страданіемъ, со- бирались на звуки музыки, чтобы танцовать, а совершенно здоровые зрители впадали въ тотъ же припадокъ танцобѣсія по сочувствію, изъ подражанія. Эта непонятная болѣзнь существовала почти три столѣтія, то усиливаясь, то ослабвая, и прекратилась только съ тридцатилѣтней войной.

Въ какой степени корчи или судорожныя движенія дѣйствуютъ возбуждительно на нервы здоровыхъ людей, показываетъ пляска св. Вита; но иногда судорожныя припадки являются даже отъ одного воображенія. Рамбергъ приводитъ слѣдующій фактъ. На одной англійской прядильнѣ дѣвушка-работница, желая подшутить надъ своею подругой, засунула ей за пазуху мышь. Дѣвушка впала въ судороги, которые не прекращались цѣлыя сутки. На другой день совершенно такія же судороги сдѣлались еще съ тремя дѣвучками; на третій день—съ шестью; а на четвертый всѣхъ больныхъ было уже 24. Изъ этихъ 24, пять не видѣли сами ничего, а только слышали рассказы и, не смотря на то, впали совершенно въ тѣ-же самые судороги, какъ и тѣ, которыя видѣли. Подобный же случай былъ въ Гарлемѣ, гдѣ, въ одномъ воспитательномъ заведеніи сдѣлались, съ одной дѣвучкой судороги отъ испуга, и скоро всѣ дѣвучки и мальчики, безъ исключенія, подверглись тому же припадку.

Эпидемія бѣшенства пляски существуетъ еще и въ наше время, хотя и не доходитъ до такого размѣра, какъ въ средніе вѣка. Въ Шотландіи, напримѣръ, существуетъ прыгательная лихорадка; тѣмъ же припадкамъ подвергается и наша секта скакуновъ, тѣ-же судорожныя эпидеміи существуютъ и въ нѣкоторыхъ штатахъ Америки. Любопытную болѣзнь этого рода описываетъ Маасъ. Она существовала въ Германіи въ 1816—18 году въ видѣ религіозной секты. Фанатики собирались разъ въ недѣлю для вечерней молитвы, пѣли религіозныя пѣсни и, разгорячаясь постепенно, начинали плясать, и наконецъ впадали въ экстазъ, сопровождаемый конвульсивными движеніями.

Секты подобнаго рода, гдѣ судорожное прыганье, танцы или другаго рода конвульсивныя движенія играли главную роль, извѣстны уже съ самой глубокой древности и не прекращаются до сихъ поръ, хотя они уже не свирѣпствуютъ въ такой степени, какъ прежде, благодаря, конечно, ослабленію фанатизма. Такія эпидеміи замѣчены рѣшительно у всѣхъ народовъ—на востокѣ и на западѣ, на югѣ и на сѣверѣ. Даже самодѣды и лапландцы принесли свою давн душевнымъ эпидеміямъ. Гегстремъ рассказываетъ, что лапландцы, когда они слышатъ проповѣдника, слишкомъ размахивающаго руками, или говорящаго очень громко, то падаютъ цѣлыми толпами въ обморокъ; другіе же прыгаютъ, какъ безумные, опрокидываютъ все, что имъ попадается, бьютъ себя и потомъ не помнятъ ничего, что они дѣлали.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ нервныя припадки обнаруживаются въ дикой, безумной формѣ, со всеми признаками помѣшательства. Ужъ это одно обстоятельство показываетъ, что къ подобнымъ болѣзнямъ нужно

имѣть исключительное расположеніе, и что они не могутъ обнимать вдругъ слишкомъ большія массы населенія. Поэтому всѣхъ этихъ трамблеровъ, комиссардовъ, конвульсіонеровъ, скакуновъ, квакеровъ, янсенистовъ, морантостовъ, іоганистовъ, флагелантовъ и подобныя имъ секты, извѣстныя своими нервными пароксизмами, можно считать большими, которыхъ восторженность граничитъ съ безуміемъ.

Только привычка или непониманье мѣшаютъ людямъ видѣть въ ихъ повседневной жизни ту горячность, часто эпидемическаго характера, которая управляетъ всѣми историческими движеніями. Если читатель обратитъ вниманіе только на одинъ фактъ, что съ тѣхъ поръ, какъ люди стали жить обществомъ и выработалась идея государства, не прошло ни одного года безъ внѣшней или внутренней войны—въ дѣйствительности или въ приготовленіи къ нимъ,—и что война не такое дѣло, которыми-бы можно было заниматься спокойно, какъ стиркой бѣлья, то ужъ это одно обстоятельство покажетъ ему характеръ общественнаго настроенія. Но внѣшняя война считается средствомъ правильнымъ, законнымъ, не избѣжнымъ и даже справедливымъ; она обдумывается спокойно, начинается людьми неувлекающимися, исполняется тѣми, кто рѣдко бываетъ ею заинтересованъ; однимъ словомъ, соединяется, повидимому все, что необходимо, чтобы лишить войну всѣхъ признаковъ энтузіазма и увлеченія, и не смотря на все это, увлеченіе играетъ въ ней главную роль, и, какъ электрическій токъ, возбуждаетъ наиболѣе спокойную половину человечества.

Д-ръ Шмидтъ сообщаетъ интересный образчикъ того, какую гуманность обнаруживаютъ судебныя власти Германіи въ отношеніи больныхъ. Одинъ крестьянинъ, сдѣлавшій по глупости фальшивое показаніе и преданный суду, захворалъ въ тюрьмѣ съ припадками безумія. Когда привели больного въ сумасшедшій домъ, то, по осмотрѣ, нашли у него на спинѣ кровяныя рубцы и слѣды старыхъ, новыхъ и новѣйшихъ толчковъ и побоевъ. Судебный сторожъ объяснилъ,—разумѣется въ смягченномъ видѣ,—что эти знаки произошли отъ того, что когда больной не хотѣлъ идти въ тюрьму съ прогулки добровольно, то, не смотря на то, что онъ кричалъ и барахтался всѣми силами, его, сумасшедшаго-то, волочили по землѣ и по лѣстницѣ и привозили этимъ простымъ способомъ въ его номеръ. Когда больной началъ выздоравливать, но еще нуждался въ врачебной помощи, за нимъ явился служитель изъ суда и увелъ опять въ тюрьму.

И. Мисагуновъ.

ДВА ПОКОЛѢНІЯ.

РОМАНЪ ШНИЦГАГЕНА.

VII.

Полчаса спустя по возвращеніи Вольфганга домой, его позвали къ генералу, который сидѣлъ въ одной изъ комнатъ нижняго этажа, выйдяшей прямо въ садъ, и читалъ газету. Ему хотѣлось спросить молодаго человѣка объ одномъ изъ профессоровъ университета, который, на какой-то изъ недавнихъ народныхъ сходокъ, сказалъ чрезвычайно либеральную рѣчь, отрывки которой были напечатаны въ этомъ номерѣ газеты. Вольфгангъ, присутствовавшій на этой сходкѣ, исполнилъ желаніе старика и пополнилъ на память газетные пробы въ рѣчи профессора; слово за слово, онъ увлекся въ политическій разговоръ, который вскорѣ, какъ того и слѣдовало ожидать, принялъ непріятный для молодаго человѣка оборотъ. Старикъ сначала разсердился, потомъ это раздраженіе перешло въ его обычную грубую саркастичность.

— Ты человѣкъ молодой, воскликнулъ онъ, и воображаешься что они и впрямь невѣсть какое дѣло сдѣлали, что тамъ и сямъ повыбили стела въ двухъ, трехъ окнахъ, да наорались и нализились до дремоты? Конечно, что говорить, случается иной разъ, что и самая дрянная кляча лягнетъ тебя, коли ты ей ужъ больно не подь силу возъ навалишь, да безъ толку будешь бить кнутомъ; а все же она чѣмъ была, тѣмъ и останется и какъ увидить, что ляганьемъ ничего не возьмешь, то и потащить себѣ смирнехенько тяжелый возъ. На свѣтѣ

должны быть убогія клячи, которыя надрывались-бы для нашей выгоды, долженъ быть и черныи народъ, который околѣвалъ-бы, работая на нашего брата. Такъ было сначала міра, такъ будетъ и до конца. Пока не перевелись охотники до шампанскаго и до страсбургскихъ пироговъ, не будетъ недостатка и въ томъ жалкомъ, плоскоголовомъ людѣ, который питается картофельной водкой, да кочерыжками. Чѣмъ ты поможешь этому? Нравоченіями? Какъ бы не такъ! Отъ времени до времени, пожалуй, и будутъ нарождаться добродушные дураки, готовые несть въ чужомъ пиру похмѣлье, только изъ добродѣтельныхъ людей, на другой же день, выходятъ плуты, изъ отшельниковъ—веселые, отѣвшіеся аббаты; земля — шаръ, а потому волей-неволей должна вертѣться. Или, быть можетъ, злу пособятъ революціи? Другъ ты мой любезный! Въ тысяча семьсотъ восемьдесятъ девятомъ году я былъ такимъ же молокососомъ, какъ и ты, не въ обиду будь сказано твоимъ красивымъ чернымъ усикамъ; я числялся корнетомъ въ гусарскомъ полку, и сорванецъ былъ не изъ послѣднихъ; мнѣ таки порядкомъ доставалось отъ моего эскадроннаго командира; а потому я, какъ и слѣдовало ожидать, стоялъ горой за *liberté* и за полунагую богиню разума. Мало-ли я въ то время осушалъ съ товарищами бокаловъ вина, распѣвая марсельезу и лаская у себя на колѣняхъ красныхъ дѣвушекъ! Позднѣе, когда я самъ сталъ эскадроннымъ командиромъ и красныхъ дѣвушекъ спровадилъ ко всѣмъ чертямъ, то и я также безцеремонно потчивалъ своихъ корнетовъ фухтелями, какъ во время потчивали меня. *Egalité! Fraternité!* Не слушай ты, братъ, всѣхъ этихъ расказней. Кто силенъ, тотъ и правъ и, по моему, оселъ тотъ и больше ничего, кто даетъ вырвать у себя власть изъ рукъ, если онъ можетъ этому помѣшать. Да, чортъ возьми! Отчего всѣ сильные міра не дѣлаютъ въ большихъ разиѣрахъ того, что я сдѣлалъ въ кампаніи 1792 года? Было у меня въ эскадронѣ два-три безпокойныхъ человѣка, которые перебаламутили и остальныхъ. Постой-же, подумалъ я про себя, проучу-же я васъ, висѣльщики! Черезъ нѣсколько дней послѣ того, за ученьемъ на плацу, я команду налѣво, а цѣлый эскадронъ заворачиваетъ направо, я команду на право, а эскадронъ

береть налѣво. Стой! крикнулъ я. Отчего вы не дѣлаете того, что вамъ велятъ? Оттого, что не хотимъ, загудѣло въ эскадронѣ. Вотъ какъ! вы не хотите? воскликнулъ я, и вызвалъ главнаго зачинщика передъ фронтъ. Онъ выступилъ и остановился передо мною. Отчего ты не такъ ѣздишь, какъ тебѣ велятъ? Оттого, что не хочу, отвѣчалъ грубіянь, и засмѣялся мнѣ въ лице. Долой съ коня! крикнулъ я ему. Тотъ не трогается. Долой съ коня! скомандовалъ я во второй разъ. Мой удалецъ все не трогается. А, коли такъ, воскликнулъ я, чертъ же съ тобой! и выхвативъ пистолеть изъ тариковъ, гдѣ онъ торчалъ уже нѣсколько дней, застрѣлилъ его, какъ собаку. Съ той поры никто уже не заворачивалъ направо, когда я командовалъ налѣво. Что помѣшало остальнымъ изрубить меня въ куски? Мы были одни на плацу, на разстояніи полчаса пути отъ крѣпости; кругомъ не было ни живой души, которая могла-бы меня защитить. Такъ зачѣмъ же стало дѣло? А за тѣмъ, что они были трусы, а у меня сердце было на мѣстѣ. И, вѣрь мнѣ, если-бы у нынѣшнихъ сильныхъ міра оно точно также было на мѣстѣ, сидѣли-бы они теперь на своихъ мѣстахъ также спокойно, какъ я сижу въ этомъ креслѣ. Попробовалъ ты, молодой человѣкъ, солдатскаго житья?

— Я отслужилъ положенный годъ волонтеромъ.

— Гм, гм!

И генералъ принялся молча пускать густые клубы табачнаго дыма изъ своей коротенькой пѣйковой трубки. Вольфгангъ разсматривалъ это старое, поблекшее лицо, которое все еще подергивалось подъ напоромъ неугомонившихся страстей, и въ немъ пробуждалось чувство отвращенія, смѣшаннаго съ изумленіемъ. Ему становилось стыдно за самаго себя, что у него не доставало смѣлости, молвить сѣдому тирану слово опроверженія, а между тѣмъ, языкъ у него точно онѣмѣлъ, и онъ испытывалъ подъ острымъ, пронизательнымъ взглядомъ этихъ черныхъ глазъ, устремленныхъ на него азъ подъ косматыхъ бровей, что-то похожее на ощущеніе птички, когда ей въ гнѣздо смотреть змѣя.

— Отчего ты не остался въ военной службѣ? внезапно обратился къ нему старикъ. Ты не въ примѣръ для нея лучше годишься, чѣмъ твои тонконогіе, бѣлобрысые двоюродные

братцы. Званіе война—единственное званіе, достойное дворянина.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, что я вѣдь дворянинъ только на половину, отвѣчалъ Вольфгангъ съ нѣскольکو принужденной усмѣшкой.

— Это почему? Уже не потому-ли, что твоя мать простая мѣщанка? Оно, конечно, прискорбно, что твой отецъ уронилъ себя неравнымъ бракомъ, а все же...

Гнѣвно вспыхнуло лице Вольфганга.

— Ваше превосходительство! заговорилъ опъ твердымъ голосомъ, вы, кажется, забываете, что та, про которую вы говорите, моя мать.

— Что-о? грянулъ генераль, грозно нахмуривъ брови, и бросая мрачный взглядъ на молодаго человѣка, осмѣливагося заговорить съ нимъ въ этомъ тонѣ. Что-о?

Но тамъ, гдѣ дѣло шло о чести его матери, Вольфганга не такъ-то легко было запугать.

— Я хотѣлъ только замѣтить вамъ, продолжалъ молодой человѣкъ, что нѣтъ такого мужчины, который могъ-бы считать себя обезчещеннымъ бракомъ съ моей матерью, что я горжусь такою матерью, какъ она. Да-съ, ваше превосходительство, горжусь и не намѣренъ болѣе ни минуты оставаться въ домѣ, гдѣ мое вмѣшательство не можетъ оградить ее отъ подобныхъ оскорбленій.—Говоря это, Вольфгангъ поднялся съ своего мѣста и, дрожа отъ внутренняго волненія, но съ выраженіемъ непоколебимой твердости во взглядѣ и во всей своей позѣ, стоялъ передъ генераломъ. Онъ приготовился встрѣтить взрывъ страшнаго гнѣва со стороны стараго деспота, а потому не мало удивился, когда генераль разразился сильнымъ смѣхомъ и, прерываемый припадками капля и хохота, воскликнулъ:

— Э! да мальчишка-то, какъ видно, порядочный!.. Это мнѣ нравится... Ну, не взъищи на старикѣ, не всякое лыко въ строку... Твоя мать препочтенная дама, и очень мнѣ понравилась. Ты правъ, какъ нельзя болѣе правъ... А теперь пойдн и позови ко мнѣ Бригиту... Уфъ, уфъ!.. проклятый кашель.

Вольфгангъ хотѣлъ было помочь старику, но тотъ махнулъ

ему только рукою и онъ успѣшилъ убраться изъ комнаты, радуясь, что такъ дешево отдѣлался.

А школьный учитель правъ! проговорилъ онъ про себя, достигнувъ своей комнаты. Ужасный человѣкъ этотъ угрюмый, свирѣпый старый левъ: настоящій діаволъ! А все же онъ, повидимому, не такое страшилище, какимъ изображали мнѣ его отецъ и другіе. Интересно было-бы знать, можно-ли укротить этого дикаго вепря, да и стоять-ли игра свѣчь?

Вольфгангъ, посаженный цѣлымъ роемъ тревожныхъ думъ, простоялъ у открытаго окна, скрестивъ руки на груди и глядя въ постепенно сгущавшійся мракъ запустѣлаго парка, пока не вошелъ слуга и не позвалъ его къ ужину.

Президентша, между тѣмъ, успѣла возвратиться, и привезла Вольфгангу небольшой чемоданчикъ, на скорую руку, на полненный его матерью всѣми вещами необходимыми для болѣе продолжительнаго пребыванія въ чужомъ домѣ. За ужиномъ, въ которомъ не принимали участія ни генералъ, ни Бригита, президентша была чрезвычайно любезна; она не находила словъ, чтобы выразить Вольфгангу, какое пріятное впечатлѣвіе произвела на нее его мать, и какъ она, президентша, довольна, что ей наконецъ таки довелось, хотя и поздно, но авось либо не слишкомъ поздно узнать эту милую женщину.

Стояло похвалить Вольфгангу его мать, чтобы заручиться его расположеніемъ. Вольфгангъ нашелъ президентшу очень обходительною дамою; а что касается Камиллы, которая держала себя очень скромною и почти не поднимала своихъ шелковыхъ рѣсницъ, то красота ея при свѣчахъ показалась ему еще обаятельнѣе, чѣмъ при дневномъ освѣщеніи. Когда онъ вскорѣ послѣ ужина, удалился въ свою комнату, въ немъ не оставалось и слѣдовъ раскаянія въ томъ, что онъ согласился потѣшить прихоть своего дѣда и уступилъ совѣтамъ родителей. Массивная кровать съ балдахиномъ радушно приняла его усталые члены; одинокіе мѣсячные лучи, украдкою скользя между полами занавѣса, производили въ высокомъ, пустомъ пространствѣ какой-то нѣжашій полусвѣтъ, а въ этомъ полусвѣтѣ на молодого человѣка глядѣла пара карихъ задумчивыхъ глазъ, глядѣла такъ нѣжно, и, въ тоже время, такъ

плутовски, что Вольфгангъ невольно улыбнулся и такъ съ улыбкою и заснулъ.

VIII.

Улыбаясь, проснулся Вольфгангъ на слѣдующее утро и та же улыбка не разъ появлялась на губахъ его въ теченіе слѣдовавшихъ за тѣмъ дней. Онъ и самъ не понималъ хорошенько причину своего веселаго настроенія, да и не старался понять ее; какое-то инстинктивное чувство, свойственное до времени созрѣвшимъ характерамъ, говорило ему о скоротечности этихъ свѣтлыхъ минутъ, и онъ намѣренно избѣгалъ всякаго раздумья. Да и наконецъ, съ какой стати было ему оставаться равнодушнымъ подъ чарующимъ вѣяньемъ этой чудной весны, которая тепломъ и благоуханіемъ сказывалась по полямъ, виноградникамъ и лугамъ? Отчего было ему и не пользоваться возможностью короткаго сближенія съ дѣвушкою, красота которой съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе, приковывала къ себѣ его очарованный взглядъ? Вѣдь подобное счастье въ его серьезной, простой жизни выпадало на его долю впервые. У него никогда не было сестеръ, черезъ которыхъ онъ могъ-бы, подобно другимъ молодымъ людямъ, освоиться съ женскимъ обществомъ. Вся прелесть этого общенія, къ которому другіе привыкаютъ такъ рано, и которое такъ скоро утрачиваетъ для нихъ всякую цѣну, въ первый разъ сказалось двадцатилѣтнему юношѣ среди этого сельскаго уединенія; и такъ не удивительно, что ему мерещились голоса сиренъ тамъ, гдѣ другой разъ слышалъ-бы простую человѣческую болтовню. Изнѣженная президентша была плохой товарищъ для дальнихъ прогулокъ, а потому Камилла и Вольфгангъ, чуть не по цѣлымъ днямъ, бродили по огромному парку вдвоемъ. Молодые люди исходили незнакомую мѣстность вдоль и поперекъ, дѣлая на каждомъ шагу новыя открытія. Прогулки эти сопровождались веселыми приключеніями, придававшими имъ характеръ настоящихъ робинзонадъ. То приходилось имъ пробираться по шаткой переправѣ, на скорую руку устроенной самимъ Вольфгангомъ, къ полуразрушенному храму, возвы-

навшемуся на островѣ, посреди пруда заросшаго тиной. Въ другой разъ, застигнутые бурей, они спѣшили укрыться въ хатѣ и цѣлый часъ сидѣли въ этой очаровательной темницѣ, между тѣмъ какъ на дворѣ дождь лилъ какъ изъ ведра, и обычное безмолвіе парка нарушалось раскатами грома. А то, въ самой отдаленной части парка, они открыли родъ террасы, спрятанной за непроницаемой чащей деревьевъ, и вскарабкались на нее по полустгнившей лѣстницѣ, при чемъ у нихъ много было шутокъ и смѣха. Онутившись на верху террасы, они увидѣли себя окруженными съ трехъ сторонъ листвою, которая, въ тоже время, образовала и надъ головами ихъ нѣчто въ родѣ бесѣдни; съ четвертой же стороны, за оградою парка, виднѣлась широкая рѣка съ своими роскошными берегами. Солнце уже садилось за деревьями парка, но отблескъ заката обливалъ еще розовымъ свѣтомъ извивы рѣки и прощальные лучи солнца играли на поляхъ, покрытыхъ молодыми, ярко зеленѣющими посѣвами. Изъ дальнихъ и ближнихъ слышались звуки вечерняго колокола; мало по малу, алое зарево гасло въ сѣроватыхъ волнахъ и мягкій, голубой туманъ окутывалъ всю окрестность; дольше всего держался отблескъ зари на одномъ изъ оконъ высокаго собора въ «священномъ городѣ», но и то вскорѣ померкло, и звѣзды заглясь въ темно-голубомъ небѣ.

Подобныя картины живоительно влияли на впечатлительнаго Вольфганга, тѣмъ болѣе, что вся эта обстановка служила не болѣе, какъ рамкою для образа той прелестной дѣвушки, съ которой такъ близко свезъ его слѣпой случай. Дѣлаться съ нею всѣми своими мыслями и чувствами, въ сладкой увѣренности, что она сумѣетъ понять его, было для Вольфганга верхомъ блаженства. Она слушала его съ такимъ заискусственнымъ вниманіемъ, съ такимъ участіемъ спрашивала его о его занятіяхъ, планахъ и надеждахъ на будущее, такъ благодарно принимала сообщаемыя имъ полезныя свѣденія, что Вольфгангъ себя не помнилъ отъ восторга. А тутъ еще лукаво и ласково смотрѣли на него ея кроткіе глазки, на нѣжныхъ щекахъ вспыхивалъ стыдливый румянецъ и въ своемъ давнемъ депотѣ она инстинктивно сознавалась ему въ многосчисленныхъ пробѣлахъ своего пансіонскаго воспитанія.

Все это время Вольфгангъ не разставался съ надеждою какъ нибудь встрѣтить въ паркѣ школьнаго учителя Бальтазара; но ожиданія его оставались тщетными; потертый фракъ и желтые нанковые панталоны словно въ воду канули. Но обстоятельство это еще болѣе заинтересовало молодого человѣка загадочною личностью. Онъ старался разузнать о школьномъ учителѣ у домашней прислуги, но, какъ ни осторожны были предложенные имъ вопросы, ему отвѣчали неохотно и уклончиво, пока наконецъ не попался одинъ парень, болѣе словоохотливый чѣмъ остальные, который и сообщилъ ему слѣдующія свѣденія:—Школьный учитель, Бальтазаръ Шмальгансъ, или, какъ его называютъ, старъ и младъ, Ванюшка-дурачекъ, безнадежно помѣшанъ, и ни на что болѣе не годился, какъ обучать азбукѣ деревенскихъ ребятишекъ, потому что вѣдь на это немного ума надобно. У него никогда не водится и гроша за душею; потому что всѣ свои деньги онъ роздаетъ или тратитъ на вздорныя книги, до которыхъ онъ страшно жаденъ. Madame дѣйствительно ему жена, но вотъ уже лѣтъ двадцать, какъ она съ нимъ разошлась и живетъ въ замкѣ, такъ какъ ихъ превосходительство никакъ не могутъ безъ нея обойтись; да и понятно, что ей никакой не было радости жить съ полоумнымъ, который давно-бы околѣлъ съ голоду, если-бы ему каждый день не отпускали съ генеральской кухни кое какія крохи, которыми онъ и довольствовался. А впрочемъ, гласило показаніе, Ванюшка - дурачекъ человекъ смирный и дитя малое не обидитъ, а если разговориться съ нимъ, такъ онъ вамъ такихъ глупостей на скажетъ, что со смѣху помереть можно. Въ кухнѣ замка съ нимъ каждый разъ бываетъ потѣха.

Однажды послѣ обѣда Камилла сидѣла въ комнатѣ своей матери, страдавшей мигренью, и Вольфгангъ разсудилъ, что ему всего лучше убить время, сдѣлавъ визитъ школьному учителю на деревнѣ. И такъ онъ отправился въ путь въ самомъ праздничномъ настроеніи духа. Еще наканунѣ получилъ онъ отъ матери письмо, въ которомъ она извѣщала его, что чувствуетъ себя необыкновенно хорошо, и приписывала это по преимуществу тому веселому настроенію, въ которомъ отецъ Вольфганга пріѣхалъ изъ Рейнфельдена. Отъ имени отца она

просила Вольфганга, по возможности, снисходить къ причудамъ стараго дѣда, и поддерживать съ женою президента и ея дочерью то доброе согласіе, которое такъ неожиданно возобновилось между обоими семействами.

— Ну, объ этомъ-то, кажется, излишне было-бы и просить, проговорилъ Вольфгангъ улыбаясь, и оглянулся на замокъ, между оконъ котораго его зоркій глазъ съумѣлъ отличить окна комнаты президентши, гдѣ въ эту минуту сидѣла Камила.

— До свиданья, милый Вольфгангъ! повторилъ молодой человекъ, въ нѣсколько пріемовъ, каждый разъ измѣняя интонацію своего голоса.

— Нѣтъ, никакъ не попаду въ тонъ! пробормоталъ онъ, качая головою; да и то сказать, что у нея за мягкій, мелодичный голосъ!

И, любуясь свѣтлыми образами, которые рисовала ему фантазія, онъ незамѣтно прошелъ небольшое разстояніе, отдѣлявшее его отъ деревни.

Селеніе Рейнфельденъ состояло изъ кучки одноэтажныхъ, полуразвалившихся домовъ, разбросанныхъ въ перемежку съ дрянными надворными строеніями и крошечными садиками, въ которыхъ ничего не росло, кромѣ сорныхъ травъ. Все это было окружено развалинами каменной стѣны, которая, судя по ея архитектурѣ, принадлежала самой сѣдой старинѣ. Низенькое, полуразрушенное строеніе прилѣпилось какъ-то бокомъ къ этимъ развалинамъ; въ немъ-то и жилъ школьный учитель, какъ узналъ Вольфгангъ отъ какого-то оборваннаго деревенскаго мальчишки.

Наклонившись вошелъ онъ въ низкія сѣни, откуда дверь была отворена въ просторную классную комнату. Въ послѣдней увидѣлъ онъ самаго господина Шмальганса. Понятный учитель былъ безъ фрака и такъ усердно теръ мокрой тряпкою столы и скамьи, что не замѣтилъ вошедшаго гостя, пока не столкнулся съ нимъ лицомъ къ лицу.

— Э, да это добрый, молодой баринъ ко мнѣ припожаловалъ, въ удивленіи воскликнулъ Бальтазаръ, поднимая на гостя свои кроткіе голубые глаза.

— Надѣюсь, что я вамъ не помѣшалъ, господинъ Шмальгансъ, проговорилъ Вольфгангъ.

— О, гѣтъ, нѣсколько, отвѣчалъ школьный учитель, я какъ разъ теперь кончилъ уборку,—и онъ окинулъ всю комнату испытующимъ взглядомъ, какъ-бы желая удостовѣриться, что уборка дѣйствительно кончена.

— Вы, какъ я вижу, строго смотрите за чистотою, господинъ Шмальгансъ?

— А то какъ же? воскликнулъ Бальтазаръ. Бѣднымъ крошкѣмъ и безъ того тяжко сидѣть здѣсь закупоренными въ четырехъ стѣнахъ, когда ихъ такъ и тянетъ на вольный божій свѣтъ, на свѣжій весенній воздухъ; а тутъ еще я не стану заботиться, чтобы они, по крайней мѣрѣ, не сидѣли въ пыли и въ грязи!

Бальтазаръ захватилъ свою щетку и прочія принадлежности только что оконченнаго занятія и пригласилъ Вольфганга послѣдовать за нимъ черезъ сѣни въ горницу.

То была небольшая каморка въ два окна, все убранство которой состояло изъ стола, нѣсколькихъ скамеекъ, узкой кровати и полки, заваленной тетрадами и исчисленными до послѣдней возможности книгами. На стѣнѣ, оббитое вѣнкомъ изъ им-мортелей, висѣло рѣзное распятіе изъ темнаго дерева, мастерская, старинная работа котораго обратила на себя вниманіе Вольфганга.

— Не правда-ли, замѣтилъ Бальтазаръ, успѣвшій, между тѣмъ, напялить на себя долгополый фракъ, — не правда-ли, высоко-художественное произведение? Этимъ самымъ распятіемъ ихъ превосходительство чуть не запустили мнѣ въ голову.

— Какъ такъ? воскликнулъ Вольфгангъ въ изумленіи.

— Ужъ вы на мнѣ не взывайте, добрый молодой баринъ, отвѣчалъ Бальтазаръ, улыбаясь въ замѣшательствѣ. Сказывали мнѣ, что вы доводите въ внучкомъ генералу и мнѣ. Конечно, не слѣдъ-бы рассказывать вамъ про дѣдушку такія вещи; ну, да ужъ разъ они у меня съ языка сорвались, авось либо вы на меня не сердитесь.

— О нѣтъ, будьте покойны, завѣрялъ его Вольфгангъ, я и самъ знаю, что генералъ имѣетъ бѣдовый нравъ. Но какъ же это такъ случилось, что онъ позволилъ себѣ въ отношеніи васъ такую грубую выходку?

— О, это случилось давно тому назадъ. Еще въ то время

я часто хаживалъ въ замокъ играть въ шахматы съ ихъ превосходительствомъ, которые страдали отъ подагры, да спровѣдывать...

Тутъ Бальтазаръ покраснѣлъ и въ замѣшательствѣ началъ откашливаться.

— Ну, да словомъ, чтобъ провѣдывать мою жену, которая ходила за генераломъ во время болѣзни. Надо вамъ сказать, это она еще до замужества жила у генерала въ экономкахъ. а потому, очень естественно, генералъ никого не подпускалъ къ себѣ кромѣ ея, такъ какъ она всѣхъ лучше умѣла на него угодить.

— Ну да, конечно, поддакнулъ Вольфгангъ, желая помочь бѣдному Бальтазару въ тягостномъ для него объясненіи.

— Не такъ ли? воскликнулъ собесѣдникъ, вздохнувъ свободно. И такъ, я часто хаживалъ въ замокъ и отъ души соболѣзновалъ о старомъ баринѣ, которому въ то время жутко приходилось отъ болѣзни. Только вотъ, роясь въ кладовой, которую меня иногда посылали убирать, я отыскалъ среди всякаго хлама это прекрасное изображеніе Спасителя, и мнѣ пришло въ голову, не повѣсить-ли его въ комнату генерала, чтобы больной въ своихъ страданіяхъ укрѣплялся примѣромъ того, который еще болѣе страдалъ. Но ихъ превосходительство ничего этого не захотѣли принять въ соображеніе, они даже очень разгнѣвались, найдя это изваяніе у себя въ комнатѣ, позвали меня и, швырнувъ мнѣ въ голову стуломъ, изволили закричать: Проваливай ты отсюда къ чорту!— Напугался я таки порядкомъ, хотя, благодареніе Богу, отъ ушиба избавился — не сталъ дожидаться вторичнаго приказанія и давай богъ ноги! Бѣдное, поруганное изваяніе я захватилъ съ собою и принесъ его къ себѣ въ домъ, такъ какъ ихъ превосходительство изволили мнѣ его, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ подарить.

— Изваяніе дѣйствительно великолѣпно, замѣтилъ Вольфгангъ. Сколько въ немъ характеристичности, а между тѣмъ, оно не ударяется въ каррикатуру. Я невольно восхищаюсь имъ, хотя вообщемъ не знаю ни одного подобнаго рода изображеній.

— Это почему, добрый, молодой баринъ? спросилъ школьный учитель.

— Потому что они напоминаютъ мнѣ страшныя жестоко-сти, которыя совершались во имя этого кроткаго лика; наконецъ, потому... Но господинъ Шмальгансъ, врядь-ли намъ съ вами можно будетъ сойтись въ положеніи этого вопроса. Надо вамъ сказать, что я не католикъ.

— О, помните, съ жаромъ отвѣчалъ Бальтазаръ, въ моихъ глазахъ это не имѣетъ ровно никакого значенія. Что касается вѣроисповѣданія, то мнѣ въ этомъ отношеніи, какъ есть, всѣ люди равны....

Тутъ Бальтазаръ приостановился и заглянулъ гостю прямо въ лицо.

— Такъ что же было-бы лучше, господинъ Шмельгансъ?

— По настоящему, мнѣ-бы этого и говорить вовсе не слѣдовало, потому что оно нахнетъ страшнымъ вольнодумствомъ и я знаю людей, которые побилы-бы меня каменьями, если-бы это услышали. Но у васъ такіе славные, добрые, умные глаза, что я, кажется, могу вамъ довѣриться вполне.

— О да, безъ сомнѣнія можете, воскликнулъ Вольфгангъ, протягивая школьному учителю руку, которую тотъ пожалъ съ жаромъ. Что же вы хотѣли сказать?

Бальтазаръ выпустилъ руку молодаго человѣка, подошелъ къ окну, затворилъ его, а также затворилъ окна въ клас-ной комнатѣ, заперъ наружную дверь дома и, воротившись, проговорилъ съ нѣкоторою торжественностью: я покажу вамъ, добрый, молодой баринъ, нѣчто такое, чего никто еще до сихъ поръ не видалъ, и въ доказательство моего довѣрія къ вамъ, я поведу васъ въ новое мѣсто, котораго никто, кромѣ меня, не знаетъ. Согласны-ли вы на это?

— Еще-бы, воскликнулъ Вольгангъ, порядкомъ озадачен-ный странною выходкою школьнаго учителя.

Бальтазаръ отворилъ небольшую дверь въ каморкѣ и зна-комъ пригласилъ Вольфганга слѣдовать за собою.

Они вошли въ слабо освѣщенную комнату, которая, судя по очагу, занимавшему ея средину, была когда-то кухней; те-перь же вся меблировка ея состояла изъ верстака, нѣсколь-кихъ досокъ и кучи стружекъ. Изъ этой комнаты полусгнив-шая лѣстница вела на чердакъ, въ который дневные лучи могли пробиваться не иначе, какъ чрезъ щели въ крышу.

— Дайте-ка мнѣ вашу руку, проговорилъ Бальтазаръ, здѣсь много всякаго хлама навалено. Вотъ такъ! А теперь стойте смирно, пока я добуду огня.

Бальтазаръ зажегъ фонарь, который онъ успѣлъ гдѣ-то откопать и, направивъ его свѣтъ на досчатую стѣну, обратился къ Вольфгангу съ вопросомъ: можете-ли вы отыскать здѣсь дверь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вольфгангъ.

— А между тѣмъ, тутъ есть дверь, проговорилъ Бальтазаръ, неся фонарь съ добродушною усмѣшкой. Я таки порядкомъ попотѣлъ надъ устройствомъ этого механизма, пока онъ мнѣ удался. Смотрите!

Онъ пожалъ стѣну рукою и въ ту же минуту, безъ шума, раздвинулось въ стѣнѣ небольшое отверстіе; Вольфгангъ увидѣлъ передъ собою узкій, темный ходъ, замыкавшійся болѣе свѣтлымъ пространствомъ.

— Ступайте себѣ смѣло впередъ, только наклоните немного голову, чтобы не удариться о потолокъ; а мнѣ еще надо за вами запереть дверь.

Вольфгангъ ошущью сталъ пробираться темнымъ ходомъ, имѣвшимъ около десяти футовъ въ длину, и до того узкимъ, что Вольфгангъ почти задѣвалъ обоними плечами каменныя стѣны; наконецъ, молодой человѣкъ очутился въ крутой, довольно высокой комнатѣ, которая освѣщалась, нельзя сказать чтобы слишкомъ ярко, узкими отверстіями, продѣланными въ непомерно толстыхъ стѣнахъ. У одного изъ этихъ отверстій стоялъ большой столъ, а передъ нимъ помѣщалось старинное, деревянное кресло. Столъ былъ заваленъ книгами, образчиками минераловъ, высушенными растеніями и стянками; на полкахъ по стѣнамъ и на полу видѣлась также куча самаго загадочнаго и пестраго хлама.

Вольфгангъ съ удивленіемъ поглядывалъ вокругъ себя; ему приходили на память старыя легенды о чернокожникахъ и волдунахъ; точь въ точь такимъ представлялъ онъ себѣ то мрачное убѣжище, изъ котораго докторъ Фаустъ порывался на горныя выси, освѣщенныя луною.

— Здѣсь намъ никто не помѣшаетъ, проговорилъ Бальтазаръ, усаживая своего гостя въ кресло, а самъ располага-

ясь на нѣсколькихъ фоліантахъ, наложенныхъ другъ на дружку. Эту башню всѣ считаютъ недоступной; и дѣйствительно, въ нее нѣтъ другаго входа, кромѣ того отверстія на моемъ чердакѣ, которое я не безъ труда проломалъ сквозь толстую стѣну, и которое я, какъ вы видѣли, бережно скрылъ отъ любопытныхъ взглядовъ.

— Но что же навело васъ на эту мысль?

— Сначала простое любопытство посмотрѣть, что это за развалившаяся башня, которая въ народѣ слыветъ притомъ вѣдьмъ и служитъ предметомъ суевѣрнаго страха; а потомъ, когда я побывалъ здѣсь, мнѣ пришло въ голову, какъ-бы хорошо было устроить себѣ здѣсь убѣжище, тогда бы я могъ удалиться каждый разъ, какъ мнѣ захочется побыть одному, въ полной увѣренности, что мнѣ никто не помѣшаетъ. Сюда же задумалъ я стащить свои любезныя книги, скупленные мною по аукціонамъ и у разнощиковъ за дорогія деньги, мои растенія и минералы; а то я изъ за нихъ каждую минуту рисковалъ, что господинъ пасторъ объявитъ меня еретикомъ, или даже суевѣрные крестьяне, чего добраго, меня ужокошатъ. Дѣло, видите-ли, добрый, молодой баринъ, въ томъ, что въ этихъ книгахъ, растеніяхъ и минералахъ я прочелъ многое такое, что вовсе не слѣдъ было-бы знать бѣдному школьному учителю.

— И такъ, вы скрываетесь здѣсь отъ тупоумныхъ людей? Подобно послушнику въ «Натанѣ», вы ищете себѣ уголка, гдѣ бы вы могли въ одиночествѣ служить своему богу, въ ожиданіи своего переселенія въ вѣчность.

При этихъ словахъ Бальтазаръ поднялъ глаза на молодого человѣка и молча поглядѣлъ на него нѣсколько минутъ съ какимъ-то кроткимъ, дружескимъ выраженіемъ; потомъ онъ заговорилъ, и голосъ его звучалъ, на этотъ разъ, еще болѣе ребячески мягко, чѣмъ обыкновенно:

— Видите-ли, мой добрый, молодой баринъ, это какъ разъ вводитъ меня на тему, о которой мнѣ давно хотѣлось поговорить съ кѣмъ нибудь, кому-бы я могъ безъ страха открыть свою душу: не лучше-ли бы было для всѣхъ, даже и для малыхъ дѣтей, если-бы ихъ научали той простой истинѣ, что мы, бѣдные, слабые люди, не имѣемъ другой опоры,

крошѣ той, которою мы можемъ служить другъ для друга, и что внѣ этой взаимной любви, нѣтъ для насъ спасенія. Быть можетъ, бѣдныя и несчастныя тѣснѣе сплотились-бы между собою, а быть можетъ, и вовсе не было-бы ни бѣдныхъ, ни несчастныхъ; я глубоко убѣжденъ, что на землѣ не было-бы ни бѣдныхъ, ни нагихъ, ни голодныхъ, если-бы словамъ: «любовь и братство» дать полное житейское примѣненіе...

Въ пылу вдохновенія Балътазаръ снова вскочилъ съ своего мѣста. Красный лучъ заходящаго солнца прокрался въ эту минуту въ сумрачную комнату и озарилъ его блѣдное лице. Вольфгангъ глядѣлъ на него съ удивленіемъ и чувствомъ глубокаго уваженія. Этотъ человѣкъ, глаза котораго горѣли священнымъ огнемъ, и голосъ котораго звучалъ какимъ-то полнымъ, металлическимъ звукомъ, былъ уже не жалкій, смиренный и робкій школьный учитель, надъ которымъ только лѣтний не насмѣхался.

Вольфгангъ, не смотря на свою молодость, слишкомъ хорошо успѣлъ ознакомиться съ жизнью, чтобы не видѣть въ самоотверженіи святой невинности этого человѣка не болѣе какъ прекрасное исключеніе изъ уродливаго правила, а въ мірѣ, порожденномъ его мечтою, не болѣе какъ утопію, осуществимую только въ сердцѣ благороднаго мечтателя, сердцѣ, обнимавшемъ цѣлый міръ своею любовью. Но ему не хотѣлось огорчить этого добраго человѣка своими сомнѣніями, а потому онъ отвѣчалъ:

— Будемъ надѣяться, что человѣчество когда нибудь достигнетъ обѣтованной земли; хотя ея и не увидятъ, ни наше поколѣнѣе, ни слѣдующее за нимъ, и богъ знаетъ еще сколькимъ поколѣніямъ суждено до этого погибнуть въ пустынѣ. Но, какъ-бы то ни было, будемъ утѣшаться надеждою среди дспыльнаги знойнаго пути. Это все, что намъ остается дѣлать.

Балътазаръ, между тѣмъ, снова занялъ свое мѣсто и сидѣлъ, подперевъ голову рукою. Минутное возбужденіе смѣнилось въ немъ какой-то вялостью; ни онъ, ни Вольфгангъ не проронили болѣе ни слова.

Молча сидѣли они другъ противъ друга, погруженные каждый въ свои мысли. Красный лучъ, пробивавшійся въ разще-

лину стѣны, подвигался все выше и выше, пока наконецъ не погасъ, оставивъ комнату въ совершенномъ мракѣ.

— Да, больше намъ ничего не остается дѣлать, проговорилъ наконецъ Бальтазаръ. Онъ испустилъ глубокой вздохъ, провелъ рукою по лбу и по глазамъ, какъ человѣкъ, пробуждающійся отъ глубокаго сна, и обратился къ Вольфгангу.

— Однако совсѣмъ стемнѣло, проговорилъ онъ своимъ обыкновеннымъ, кроткимъ голосомъ;—солнце давно уже сѣло за замкомъ. Васъ могутъ хватиться, если вы не поспѣшите воротиться домой.

Они вышли изъ башни тѣмъ же ходомъ, которымъ вошли; на порогѣ дома Бальтазаръ проговорилъ: если вамъ будетъ угодно, я покажу вамъ другую ближнюю дорогу къ парку, она выведетъ васъ прямо къ калиткѣ, которой я обыкновенно хожу въ замокъ.

За домомъ школьнаго учителя, въ старой стѣнѣ, обходившей все селеніе, была брешь. Этою-то брешью наши путники вышли на узкую тропинку, бѣжавшую вдоль оврага, усаженнаго каштановыми деревьями. Проводивъ гостя до калитки парка, Бальтазаръ сталъ прощаться. Вольфгангъ спросилъ у него, нельзя-ли имъ будетъ на слѣдующій день свидѣться въ паркѣ? Но Бальтазаръ объявилъ, что отправляется завтра довольно далеко на съѣздъ учителей, на которомъ это сословіе должно сказать свое слово по поводу выборовъ, какъ столичныхъ, такъ и франкфуртскихъ депутатовъ.

— Ну, такъ нельзя-ли будетъ хоть послѣ завтра? настаивалъ Вольфгангъ. Я не знаю, долго-ли я еще здѣсь пробуду, но мнѣ, во всякомъ случаѣ, не хотѣлось-бы уѣхать, не повидавшись съ вами. Да вотъ что еще: въ случаѣ что нибудь помѣшаетъ мнѣ проститься съ вами, не забывайте, что вы приобрѣли во мнѣ вѣрнаго друга, всегда готоваго услужить вамъ всѣмъ, что только будетъ въ его власти. И онъ протянулъ ему руку, которую Бальтазаръ схватилъ и задержалъ въ своей.

— Нѣтъ, я васъ не забуду, отвѣчалъ онъ. То, что человеку дано было гвѣдать только разъ въ жизни, забывается не такъ-то легко; а вы единственный человѣкъ, которому я могъ откровенно и безбоязненно высказать то, что мнѣ всего

ближе къ сердцу. Не забывайте же и вы меня! Вѣдь вотъ, вы сочтете меня вздорнымъ и самолюбивымъ мечтателемъ, если я скажу вамъ какая мысль мелькнула сейчасъ у меня въ головѣ: пока мы шли съ вами этою тропинкою, мнѣ вдругъ вообразилось, что вы когда нибудь слова вернетесь тою же дорогою и будете искать у меня убѣжища. У меня иногда бываютъ такія странныя фантазіи, неимѣющія, повидимому, ничего общаго съ дѣйствительностью, такъ что про меня говорятъ люди, будто у меня вотъ здѣсь не совсѣмъ ладно.

Онъ указалъ рукою на лобъ и съ грустною улыбкою взглянулъ на Вольфганга.

— Вы слишкомъ много бываете одни, господинъ Шмальгансъ, замѣтилъ Вольфгангъ. Одиночество—возбуждающій, но, въ то же время, и одуряющій напитокъ. Зачѣмъ судьба не послала вамъ кроткой и доброй подруги, какая была-бы нужна для васъ!

— Добрый мой, молодой баринъ! отвѣчалъ Бальтазаръ, я всегда былъ того мнѣнія, что судьба—это мы сами, съ нашими добродѣтелями и пороками. Дорого я заплатилъ за минутное безуміе, и до сихъ поръ еще за него расплачиваюсь. Желаю вамъ отъ души, чтобы судьба сохранила васъ отъ подобной же глупости. Ну, да вы отъ этого застрахованы; вы человѣкъ умный и смѣлый, а я на половину дуракъ и съ головы до ногъ трусъ; я подстрѣленная птица: однимъ крыломъ я совсѣмъ не владѣю, а другое служитъ мнѣ только на то, чтобы вертѣться въ безвыходномъ кругѣ. Желаю вамъ всего лучшаго, всего, всего!

И кроткіе, большіе глаза горькими наполнились слезами. Онъ взялъ руку молодаго человѣка, прижалъ ее къ груди, потомъ отвернулся и, глубже надвинувъ на брови фуражку съ изломаннымъ козырькомъ, не оглядываясь, пошелъ домой.

IX.

Вольфгангъ долго глядѣлъ ему вслѣдъ съ чувствомъ состраданія, смѣшаннаго съ удивленіемъ.—Неужели и впрямь нѣтъ середины между Діогеномъ и Александромъ? спрашивалъ онъ

себя. И неужели тотъ, кто не обладает всесокрушающей силой молота, долженъ непременно быть наковальней?

Онъ вошелъ въ паркъ и началъ безъ цѣли бродить между кустарниковъ и живыхъ изгородей, по тропинкамъ, коротко уже теперь ему знакомымъ. До ужина было еще долго, да и Вольфгангъ, зная, что ему предстоитъ сѣсть за столъ одному, не смышломъ торопился возвращеніемъ домой. Вечеръ былъ чудесный. Въ кустарникахъ перекликались соловьи; деревья, облитыя свѣтомъ, испускали бальзамическій запахъ; алая полоска свѣта окаймляла западный горизонтъ, между тѣмъ, какъ передъ сводомъ вѣковыхъ деревьевъ мракъ становился все гуще и гуще.

Вольфгангъ все еще находился подъ впечатлѣніемъ страннаго разговора съ учителемъ; впечатлѣніе это походило на то мягкое колебанье, которое упавшій въ воду плодъ сообщаетъ поверхности пруда, покрывая ее все далѣе и далѣе разбѣгающимися кругами. Душа его была наполнена любовью, но не мечтательною любовью филантропа, а тою энергичною, свѣжею любовью молодости, которая олицетворяетъ себѣ цѣлый міръ въ парѣ черныхъ, прекрасныхъ глазъ.

— Нѣтъ, не хочу я изъ-за человѣчества забывать человека! говорилъ онъ про себя. Не хочу я мечтая о будущемъ, упускать настоящее. Я готовъ любить людей. Но я начну съ отдѣльной личности, и прежде всѣхъ съ тебя, моя чудная дѣвушка, съ тебя, чьи глазки свѣтятъ такъ же ярко, какъ вонъ та звѣздочка на небѣ, съ тебя, чей голосъ раздастся слаще соловьиного пѣнья...

Юношею овладѣло какое-то блаженное лирическое настроеніе духа, ни разу еще не извѣданное имъ до сихъ поръ. Серьезный, подъ часъ даже мрачный складъ характера, навязанный ему невеселымъ преждевременнымъ опытомъ, тѣсными рамками его обыденной жизни и строгими требованьями его ученыхъ занятій, спалъ съ него, какъ монашеская одежда. Ему казалось, что онъ теперь только на свѣтъ изродился, теперь только созналъ впервые сколько въ немъ было силы и молодости; казалось что проповѣдь, суроваго самоотреченія, слышанная имъ въ башнѣ изъ устъ святаго отшельника, разбудила въ немъ, дремавшую доселѣ, страстную потребность

счастья, любви и немного наслажденья бытіемъ, столь свойственную молодости.

Онъ бросился на дерновую скамью и закрылъ пылающее лице руками.

Шорохъ шелкового платья, раздавшійся около него, заставилъ его очнуться отъ забытья. Онъ поднялъ голову и увидѣлъ предъ собою Камиллу, всю облитую кроткимъ, послѣднимъ отблескомъ зари. Съ восклицаніемъ радостнаго изумленія онъ вскопчилъ съ своего мѣста, глянулъ въ эти милые, лучезарные каріе глаза, раскрылъ объятія и, минуту спустя, Камилла прижималась къ груди его и уста молодыхъ людей слились въ долгомъ поцѣлуѣ.

— Камилла, дорогая моя, желанная, любишь-ли ты меня, какъ я тебя люблю? Камилла отвѣчала новымъ поцѣлуемъ, еще болѣе жаркимъ, болѣе сознательнымъ, чѣмъ первый, который у обоихъ былъ чисто импульсивнымъ движеніемъ.

Обвивъ рукою стройную талю молодой дѣвушки, Вольфгангъ повлекъ ее за собою въ темныя аллеи парка. Долго бродили они медленными шагами при свѣтѣ все ярче и ярче разгоравшихся звѣздъ;—сердце Вольфганга было переполнено такимъ блаженствомъ, какое и не грезилось ему въ часы самыхъ радужныхъ мечтаній. Онъ говорилъ ей:—Знаешь-ли, дорогая моя, что для меня въ моемъ личномъ счастьи, будто въ зеркалѣ, отражается счастье всего человѣчества; я вѣрю, что любовь всесильна, что она всѣмъ можетъ даровать блаженство, потому что я на себѣ самомъ испыываю ея чудесную силу. Теперь я вижу передъ собою ясно ту цѣль, которая смутно мелькала передо мною еще въ годы моего дѣтства. Меня томилъ жажда дѣятельности, мнѣ хотѣлось участвовать въ великомъ дѣлѣ освобожденія народовъ. Но все, что можетъ сдѣлать отдѣльная личность, это освободить себя изъ подъ гнета той пошлости, которая всѣхъ насъ давитъ; а это освобожденіе можетъ только совершиться посредствомъ любви. Любовь моя къ тебѣ, я это чувствую, дѣлаетъ меня столь же чистымъ, прекраснымъ, какъ и ты сама. Наша взаимная любовь будетъ намъ талисманомъ, и сохранитъ насъ невредимыми среди жизненнаго водоворота. Да и не намъ

однимъ будетъ она расточать свои благодѣянія; всѣ окружающіе насъ почувствуютъ на себѣ ея освящающую силу.

Но, если-бы даже это осуществилось, а любовь наша погибла вмѣстѣ съ нами, подобно тому, какъ аромать цвѣтка пропадаетъ, когда блекнетъ цвѣтокъ, все-же мы не даромъ жили на свѣтѣ: мы были счастливы, несказанно счастливы, не такъ-ли милая?

И снова нѣжный поцѣлуй былъ единственнымъ отвѣтомъ Камиллы на всѣ его рѣчи. Да онъ и не желалъ другаго отвѣта! Ему такъ отраднo было думать, что въ эту цѣломудренную, дѣвственную душу онъ вложилъ все свое богатство, всѣ свои завѣтныя думы и чувства; онъ мечталъ о томъ, какъ онъ, силою своей любви, заставитъ эту нѣмую Психею пробудиться къ сознательной жизни. Она прижалась къ его груди и его пылающая щека касалась ея волосъ, смоченныхъ росю. Вдругъ она вздрогнула.

— Слышишь? воскликнула она, что это такое?

— Ничего, моя милая, это мое сердце бьется.

— Нѣтъ, нѣтъ, кто-то кричалъ, кто-то звалъ тебя по имени. Бѣда, если насъ застанутъ вмѣстѣ.

И съ этими словами она скользнула изъ объятій Вольфганга и, въ мгновеніе ока, скрылась за густыми кустарниками.

Очутившись тагъ внезапно одинъ среди темнаго сада, Вольфгангъ испыталъ то ощущеніе, съ которымъ мы отъ блаженнаго сна просыпаемся къ сознанию печальной дѣйствительности.

Въ этомъ посиѣшномъ бѣгствѣ Камиллы было что-то такое нарушившее неприятною нотю чудную гармонию его настроенія. Но ему некогда было прислушиваться къ вибраціямъ неосторожно затронутой струны; въ эту минуту, почти надъ самымъ его ухомъ, раздался сердитый голосъ экономки, кликавшей его по имени, и ворчавшей въ скобкахъ на «всѣхъ этихъ гостей, по милости которыхъ, ни днемъ, ни ночью, не знаешь покоя.» Предчувствіе какой-то бѣды овладѣло Вольфгангомъ.—Здѣсь, отозвался онъ, что такое случилось?—А, наконецъ-то я отыскала вашу милость! отвѣчала Madame. Вотъ уже третій разъ, какъ генералъ присылаетъ меня за вами въ этотъ проклятый садъ, гдѣ того и гляди, что схватишь себѣ насморкъ или ревматизмъ. Ну, да вамъ, молодымъ господамъ,

какое дѣло до старухи, только-бы вамъ потѣшаться, а тамъ дома, хоть всё переколѣй, такъ все равно.

— Милая *Madame*, мнѣ право жаль, что я вамъ надѣлалъ столько хлопотъ; но скажите же, ради бога, что такое случилось? Не заболѣлъ-ли дѣдушка?

— О, ихъ превосходительство совершенно здоровы, а вотъ у васъ дома такъ не совсѣмъ благополучно.

— Матушка больна или умерла? вскрикнулъ Вольфгангъ, хватая экономку за руку.

— Я почему знаю, отвѣчала та съ досадою. Подите просите кучера, что пріѣхалъ изъ города; онъ уже два часа какъ дожидается васъ на дворѣ.

Не говоря болѣе ни слова, Вольфгангъ опростелъ бросилъ изъ сада. Экономка поглядѣла ему вслѣдъ, злобно усмѣхаясь, и проворчала про себя:—Ну этотъ-бы только убрался, остальные тоже не много здѣсь нагостятъ; объ этомъ ужъ я позабочусь.

На дворѣ замка, Вольфгангъ нашелъ стараго Кебеса, кормившаго хлѣбомъ своихъ лошадей.

Кебесь былъ извощикъ, проживавшій недалеко отъ родительскаго дома Вольфганга и старинный пріятель нашего героя. Человѣкъ онъ былъ не словоохотливый и, даже въ настоящемъ случаѣ, немногаго могъ Вольфгангъ отъ него добиться своими тревожными распросами. Кебесь отвѣчалъ только, что барыня, кажись, больна; а впрочемъ, видно, опаснаго ничего нѣтъ, потому что онъ, Кебесь, еще утромъ возилъ барина на засѣданіе въ ратушу. Въ заключеніе онъ добавилъ, что обо всемъ этомъ, конечно, написано въ письмѣ.

— Въ какомъ письмѣ?

Кебесь указалъ на замокъ.

— Къ генералу?

Кебесь кивнулъ головою.

Вольфгангъ кинулся въ комнату дѣда.

На столѣ, за которымъ обыкновенно сживалъ старикъ по вечерамъ, горѣла лампа съ зеленымъ абажуромъ; но генералъ не сидѣлъ въ креслѣ, а расхаживалъ по комнатѣ, что было у него вѣрнымъ признакомъ гнѣва, или другаго какого сильнаго душевнаго волненія. Только что Вольфгангъ взошелъ,

онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана письмо и, подавая его молодому человѣку, проговорилъ:

— На, пріятель, прочитай самъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, ничего серьезнаго нѣтъ. Вѣчно изъ за пустяковъ по дымутъ тревогу.

Вольфгангъ дрожащими руками схватилъ письмо, оно было отъ его отца и адресовано на имя генерала; въ немъ говорилось, что прошедшую ночь мать Вольфганга вдругъ занемогла своею обычною головою болью и все утро не переставала настоятельно требовать, чтобы послали за Вольфгангомъ. Хотя, продолжалъ отецъ, болѣзнь эта не внушаетъ никакихъ серьезныхъ опасеній, но все-же было-бы желательно, чтобы Вольфгангъ для успокоенія матери вернулся домой, «если только дѣдушка ничего противъ этого не имѣетъ».

— А я-бы душевно былъ радъ, чтобы ты у меня подольше погостилъ, замѣтилъ генералъ, когда Вольфгангъ окончилъ чтеніе письма; ты не въ родню свою задался. Ну, да дѣлать нечего! Пора тебѣ и за работу. А у меня, молодець, есть на тебя виды, послушаешься старика, каяться не будешь. Такъ поѣзжай же себѣ съ богомъ, да смотри, не забудь мнѣ написать, какъ здоровье матери.

И въ голосъ генерала слышалась струя чувства, которой Вольфгангъ никакъ-бы не ожидалъ отъ крутого, бѣшеннаго старика, и которая въ эту минуту вдвойнѣ тронула молодого человѣка, и безъ того уже потрясеннаго столькими сильными ощущеніями. Онъ горячо пожалъ протянутую ему костлявую руку и, пробормотавъ что-то въ видѣ благодарности, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ былъ уже въ каретѣ и выѣзжалъ изъ двора замка. Въ окнѣ прездентши горѣлъ огонь; когда экипажъ поровнялся съ этимъ окномъ, чья-то рука раздвинула занавѣски и дѣвичья голова показалась на минуту за стекломъ. Но Вольфгангъ и не посмотрѣлъ на нее, ему было не до того; въ мысляхъ у него была больная мать и опасность, грозившая этой драгоценной жизни.

X.

Только что Камилла вернулась изъ сада, какъ въ комнату вошла горничная и передала нашимъ дамамъ прощальный привѣтъ молодого человѣка, который велѣлъ сказать, что очень жалѣеть, что поспѣшность его отъѣзда не позволяетъ ему лично проститься съ тетушкой и кузиной. Причина этого отъѣзда вовсе не была тайною для президентши и Камиллы; онѣ знали о ней за послѣдніе два часа т. е. съ самой той минуты, какъ карета стараго Кебеса остановилась подъ окнами ихъ комнаты.

Вѣроятныя послѣдствія этого отъѣзда, на сколько они могли отозваться на положеніи обѣихъ дамъ въ домѣ генерала, послужили предметомъ серьезнаго совѣщанія между матерью и дочерью. Результатомъ этого совѣщанія было то, что Камилла накинула на шею шаль и вышла въ садъ искать, вѣстѣ съ другими, своего двоюроднаго брата. — Это доказательство участія съ твоей стороны будетъ ему очень приятно, замѣтила мать, а при теперешнемъ положеніи дѣлъ лучше пересолить въ любезности, чѣмъ не досолить. Чтобы выразить участіе съ своей стороны, президентша встала съ постели въ ожиданіи прощальнаго визита милаго племянника. и извѣстіе, принесенное горничной, пришлось ей крѣпко не по душѣ. Но это только увеличило ея нетерпѣніе узнать всѣ подробности дочкиныхъ походовъ въ садъ. Какъ только горничная вышла изъ комнаты, она усадила молодую дѣвушку рядомъ съ собою на диванѣ и приступила къ вопросамъ.

— Ну что, говорила ты съ нимъ? Что онъ тебѣ сказалъ? Очень онъ перетревожился? Не благодарилъ-ли онъ тебя за вниманіе?

— О тетушкиной болѣзни у насъ съ нимъ вовсе не было разговора, отвѣчала Камилла.

— Неужто? О чемъ же вы говорили? Какъ это тебѣ посчастливилось обойти эту неприятную тему?

— Онъ не далъ ни слова выговорить, онъ...

— Ну! воскликнула президентша съ напряженнымъ любопытствомъ, видя, что Камилла замялась.

— Я нашла его на деревянной скамейкѣ возлѣ каштановой рощицы: онъ сидѣлъ, опустивъ голову на руку, такъ что я подумала, что онъ спитъ. Я подошла къ нему, въ намѣреннн разбудить его, но тутъ онъ всталъ и... и... ну словомъ, маменька, онъ объяснился мнѣ въ любви.

— Гмъ! это намъ на руку. Ну ты, конечно, отвѣчала ему, какъ подобаетъ благовоспитанной дѣвушкѣ и не позволила ему ничего лишняго.

— Что за вопросъ, маменька! съ досадою воскликнула Камила.

— Ну, ну не сердись, дитя мое, продолжала президентша. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ, такая тактика была-бы не у мѣста. Ничто такъ не связываетъ любящаго человѣка, какъ поцѣлуй: онъ налагаетъ на него извѣстнаго рода обязательства, такъ что съ поклонникомъ, котораго желаешь упрочить за собою, по моему, не слѣдуетъ быть слишкомъ недоступной. Но ты совершенно права, что въ отношеніи Вольфганга надо быть осторожниѣе. Конечно, въ настоящую минуту онъ въ большой милости у дѣдушки; еще не далѣе, какъ вчера вечеромъ, генералъ намекалъ довольно ясно, что ужъ если онъ кому откажетъ все свое состояніе, такъ Вольфгангу. Но можно-ли полагаться на дѣдушкины слова? Нынче онъ говоритъ одно, завтра другое, смотря потому, какую онъ ногою съ постели всталъ, и въ ладу-ли онъ или въ ссорѣ съ Madame. Да, онъ ужасный старикъ, и я приношу тебѣ огромную жертву, дитя мое, оставаясь въ этомъ противномъ домѣ, гдѣ самыя стѣны такъ и вѣютъ на тебя скукой. Что бишь я хотѣла спросить?..

— Да! Что же ты ему отвѣчала?

— Я отвѣчала ему, что подобное признаніе съ его стороны крайне меня удивляетъ, что я и сама не знаю, что на него отвѣчать; что я люблю его почти братскою любовью...

— Эхъ ты моя умница, воскликнула президентша, обнимая и цѣлуя дочь.

— Что я пока не могу сказать ему ничего положительнаго и прошу его дать мнѣ время обдумать мой отвѣтъ.

— Отлично, превосходно! А про меня ты гониче не сказала?

— Мнѣ казалось, что лучше тебя оставить, до поры до времени, въ сторонѣ; вѣдь тебѣ-же бы затруднительно было дать рѣшительный отвѣтъ, пока то дѣло остается нерѣшительнымъ.

— Умница, умница, что и говорить, снова воскликнула президентша въ порывѣ материнской гордости. Вы, какъ нельзя лучше, поняли мою мысль, теперь еще, ни подъ какимъ видомъ, не слѣдуетъ доводить дѣло до формальнаго сватовства. Ну, если дѣдушка передумаетъ? Прошу покорно! Что тогда дѣлать? Конечно, всегда можно найти предлогъ къ разрыву, но все-же вышла-бы пренепріятная исторія. А потому и надо быть осторожной. Теперь тебѣ ничто не мѣшаетъ поддерживать прежнія отношенія съ остальными твоими обожателями, хоть-бы съ тѣмъ же Виламовскимъ; когда умретъ его отецъ, а вѣдь долженъ-же этотъ скряга, рано или поздно, умереть, онъ будетъ партія хоть куда. Я слышу стукъ колесъ, онъ уѣзжаетъ; покажись на минуту у окна, это ни въ какомъ случаѣ не помѣшаетъ. Ахъ, Боже мой! хоть-бы намъ поскорѣе выдти изъ этой неизвѣстности! Чего стоятъ эти усилія придвинуться къ цѣли нашихъ желаній! Я убѣждена, что немногіе дни, проведенные мною въ этомъ замкѣ, сократили мою жизнь на нѣсколько лѣтъ. Я удивляюсь тебѣ, какъ ты все это легко переносишь. Мнѣ стоитъ полчаса провести въ обществѣ этого злаго старика или его возлюбленной, чтобы мои нервы совсѣмъ разстроились. Я не дождусь, когда мы отсюда уѣдемъ.

И утомленная разговоромъ, президентша только-что было прилегла на диванъ, какъ въ комнату снова вошла горничная и доложила, что генералъ проситъ барышню, какъ можно скорѣе, къ нимъ пожаловать.—Наши дамы не знали что подумать о такомъ позднемъ приглашеніи. Востроглазая горничная, подмѣтивъ ихъ замѣшательство, поспѣшила сообщить имъ, что вышло что-то неладно: ихъ превосходительство поругались съ Madame, и такъ громко кричали, что слушать, такъ волосъ дыбомъ становился.

— Чтобы это такое могло значить? съ безпокойствомъ проговорила президентша, спровадивъ горничную.

— А вотъ мы увидимъ, отвѣчала Камилла и вышла изъ комнаты, повидимому, совершенно спокойная.

Черезъ нѣсколько минутъ она снова воротилась.

— Ну что? воскликнула президентша.

— Дѣдушка тебѣ кланяется и желаетъ знать, скоро-ли мы думаемъ воротиться въ городъ.

— Быть не можетъ!

— То были его собственныя слова.

— И такъ, всѣ наши хлопоты истрачены даромъ! О мое бѣднсе, бѣдное дитя.

— Утѣшься матушка, проговорила Камилла, глубокомысленно хмурия свои прекрасныя брови, дѣло, повидимому, еще не такъ-то плохо. Дѣдушка, при всемъ томъ, былъ чрезвычайно любезенъ и, прощаясь со мною, проговорилъ шопотомъ, чтобы не услышала madame, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ подслушивала гдѣ нибудь у двери: не бось, я васъ съ Вольфгангомъ не обижу! Затѣмъ онъ спросилъ, пойду, ли я за мужъ за Вольфганга, если онъ насъ сдѣлаетъ своими наследниками?

Президентша отъ радости всплеснула руками.

— Въ такомъ случаѣ, дѣлать нечего, надо будетъ съ нимъ обручиться.

— Да пожалуй, что такъ будетъ умнѣе, отвѣчала молодая дѣвица.

— Ахъ ты моя разумница, мое сокровище!—и нѣжная мать заключила послушную дочку въ свои объятія.

XI.

Въ одной изъ длинныхъ и узкихъ улицъ стариннаго прейнскаго города стоялъ въ 1843 г., а можетъ и до сихъ поръ стоитъ, одинъ домъ, рѣзко выдающійся изъ среды окружающихъ его, большею частью, очень невзрачныхъ домишекъ. Не подумайте, впрочемъ, чтобы и этотъ домъ отличался особенно красивою внѣшностью. Быть можетъ, когда его только что отстроили, имъ и гордился по праву, какъ честный бюргеръ, его владѣлецъ, такъ и соорудившій его архитекторъ. Но съ той поры прошло три или четыре вѣка, и прошло не безслѣдно для нашего дома. Онъ успѣлъ перекокситься, рѣзь-

ба, украшавшая концы бревенъ, нѣсколько поистерлась, гербъ, высѣченный изъ камня надъ дубовою дверью, былъ почти неузнаваемъ. Но, не смотря на все это, послѣдній владѣлецъ его, типографщикъ и газетный издатель, Петръ Шмицъ, былъ крѣпко къ нему привязанъ, и не промѣнялъ-бы его ни на какой дворецъ, что, безъ сомнѣнія, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что домъ этотъ съ незапамятныхъ временъ принадлежалъ его семейству, такъ что сестра его, Белла, подъ часъ подавалась какому-то затмѣнью, и не шутя воображала, что старый дворянскій гербъ, красовавшійся надъ парадною дверью, былъ фамильнымъ гербомъ Шмицовъ. Но это было недостаточное дѣло; Шмицы, какъ оно и явствуетъ изъ ихъ имени, были истые бюргеры. Самъ Петръ Шмицъ не слишкомъ-то жаловалъ аристократію и каждый разъ, когда сестра его заводила рѣчь о фамильномъ гербѣ Шмицовъ, называлъ ее, смѣясь, старою дуροю. Въ сущности, если судить съ общепринятой точки зрѣнія, то немногимъ чѣмъ было Шмицамъ гордиться. Какая-то злая судьба преслѣдовала ихъ изъ рода въ родъ; правда, трудолюбивому и дѣльному Петру Шмицу удалось пустить въ ходъ старые типографскіе станки, помѣщавшіеся въ пристройкѣ позади дома; но, тѣмъ не менѣе, онъ хорошо помнилъ время, когда станки эти гуляли и все семейство кормилось небольшою лавочкою, въ которой продавались перья, бумага, сургучъ и чернила, приготовляемыя самимъ старикомъ Шмицомъ, по какому то таинственному рецепту. Петръ Шмицъ, бывший тогда еще мальчикомъ, помогалъ отцу составлять эти чернила; впоследствии онъ говаривалъ, что руки такъ навсегда и остались послѣ этого перепачканными, да и весь этотъ печальный періодъ онъ называлъ не иначе, какъ чернильнымъ пятномъ въ исторіи своего семейства, и утверждалъ, что всѣ воды Рейна не смоютъ этого пятна.

Когда сангвиническій, широкоплечій, приземистый Петръ Шмицъ попадалъ на эту тему, что, впрочемъ, случалось не часто, то его покидала обычная его неутомная подвижность; случалось даже, что онъ на нѣсколько минутъ впадалъ въ меланхолію, конечно, не болѣе, какъ на нѣсколько минутъ, потому что ему было недосугъ поддаваться такимъ

сентиментальнымъ прихотямъ. Затѣмъ, онъ раза два проводилъ рукою по своимъ посѣдѣвшимъ волосамъ, да, посѣдѣвшимъ, хотя ему едва-едва за четвертый десятокъ перевалило, насвистывалъ первые три четверти такта какой нибудь пѣсни и снова принимался за работу. Появилось-же вышеупомянутое чернильное пятно на страницахъ фамильной исторіи Шмицовъ слѣдующимъ образомъ:

Лѣтъ тридцать тому назадъ недостатокъ работы и немѣнне наличныхъ денегъ принудили старика, Антона Шмица, закрыть свою типографію и надъ тѣми самыми окнами, гдѣ теперь красуется надпись: «Контора Народнаго Вѣстника», прибить слѣдующую вывѣску: «продажа письменныхъ принадлежностей Антона Шмица». Доведенный до такой крайности, старикъ уже не могъ дать своимъ дѣтямъ то образованіе, какое было хотѣлъ. Четырнадцатилѣтняго Евгенія взяли изъ гимназіи и отправили въ Тюрингенъ на машинную фабрику; сестру его, Беллу, которая была двумя годами старше, помѣстили въ одно помѣщичье семейство, жившее въ деревнѣ, съ тѣмъ чтобы она изучила хозяйство. Младшія дѣти, Петръ и Маргарита, остались, конечно, дома; но и они должны были, по мѣрѣ силъ и возможности, помогать родителямъ. Петръ помогалъ отцу составлять чернила; двѣнадцатилѣтняя Маргарита хлопотала, вмѣстѣ съ болѣзненною матерью, за прилавкомъ. Тяжелыя времена настали для всего семейства. По соудству развитіе письменности было далеко не такъ сильно, какъ-бы того требовали интересы Шмицовъ. Мать все хворала да хворала, наконецъ умерла. Дѣтямъ не везло на чужбинѣ. Евгенію пришлось время нести солдатскую службу; не по нраву пришлась она живому, безпечному прирейнскому уроженцу. Онъ нагрубилъ своему лейтенанту и, по приговору военнаго суда, былъ заключенъ на нѣсколько лѣтъ въ крѣпость. Белла, красивая и умная дѣвушка, вела безотрадную жизнь въ чужихъ людяхъ, мѣняя одно плохое мѣсто на другое, еще худшее. Старикъ, Антонъ Шмицъ, былъ изъ тѣхъ людей, которые не умѣютъ найтись ни въ горѣ, ни въ счастьи; всѣ эти непріятности только ожесточили его нравъ, и невеселое было дома житье Петру и Маргаритѣ. Но, при всемъ томъ, старикъ чистосердечно желалъ счастья своихъ

дѣтей, преимущественно же счастья Маргариты, которая искони была его любимицей. Да и мудрено было не полюбить это очаровательное созданіе. Въ цѣломъ сосѣдствѣ ею гордились и называли ее не иначе, какъ «красавицею Маргаритою.» Но всѣхъ болѣе гордился и любовался Маргаритою ея родной братъ, Петръ Шмицъ. Въ ней олицетворялась для него поэзія, она была ему единственною утѣхою среди всѣхъ невзгодъ его жизни. Одной ея улыбки, одного ея ласковаго слова было достаточно, чтобы заставить его позабыть и ворчанье отца и тяжелый, скучный, прозаическій трудъ; надежда, извлечь ее со временемъ изъ этого бѣдственнаго положенія и окружить богатствомъ и довольствомъ, придавала ему силы для борьбы. И не тщетно напрягалъ молодой человѣкъ, въ борьбѣ съ судьбою, свои упорныя силы. Благодаря своему провицательному уму, онъ вскорѣ понялъ, что главная причина неуспѣшности отцовскаго предпріятія заключается въ его неумѣныи повести дѣло. Онъ предложилъ другой планъ, съ которымъ угрюмый отецъ поневолѣ долженъ былъ согласиться. Онъ сообразилъ, что приготовленіемъ чернилъ, даже въ самомъ благопріятномъ случаѣ, немного наживешь; въ тоже время ему пришло въ голову, нельзя-ли, посредствомъ болѣе рациональнаго способа выдѣлыванья тряпокъ, усовершенствовать и удешевить производство писчей бумаги. Онъ заперся въ своей холодной каморкѣ и тамъ, при свѣтѣ одинокаго сальнаго огарка, съ неутомимымъ рвеніемъ принялся за изученіе физики, химіи и механики. Черезъ нѣсколько времени онъ изобрѣлъ новую систему, достоинства которой были признаны и правительствомъ, выдавшимъ ему патентъ на десять лѣтъ. Теперь не доставало только капитала, чтобы привести въ исполненіе потомъ и кровью выработанную мысль. Нашелся и капиталъ. Старому, убитому горемъ, отцу никто не вѣрилъ ни гроша; но молодому человѣку съ небывалыми умными глазами и плотно сжатыми губами, умѣвшими подъ часъ говорить такъ убѣдительно, охотно давали и тысячи талеровъ. Старикъ не могъ помириться съ блескомъ новой звѣзды, встававшей надъ его развалившимся домомъ. Обидно ему было, что не имъ самимъ проложенными путями достигалась желанная цѣль. Съ того самаго дня, какъ въ пристройкѣ были постановлены новыя

машины, онъ не показывался болѣе въ мастерской. Онъ заперся въ своей комнатѣ много ворчалъ про яйца, которыя-де вздумали курицу учить. За тѣмъ онъ слегъ въ постель и началъ поговаривать о высохшей травѣ, которая на то только и годится, чтобы ее бросить въ печь. Черезъ нѣсколько времени онъ умеръ и доктора такъ и не рѣшили, что собственно было причиною его смерти. Впоследствии Петръ Шмицъ не шутя утверждалъ, что этою причиною были новыя машины. Но въ то время ему некогда было слишкомъ много горевать о смерти старика, котораго онъ, впрочемъ, до конца не переставалъ любить и почитать. Устройство новаго дѣла поглощало дѣликомъ все его силы: Петръ Шмицъ былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ ковать желѣзо пока оно горячо. Наконецъ-то ему открывалась возможность сдѣлать что нибудь для своихъ: для несчастнаго брата Евгенія, получившаго, по случаю какого-то счастливаго событiя въ царствующемъ домѣ, помилованье за свой проступокъ, проступокъ который достаточно было -бы наказать пятидневнымъ арестомъ, и за который онъ пять лѣтъ высидѣлъ въ тюрьмѣ; для сестры Беллы, изнывавшей среди самой суровой обстановки; наконецъ, и это было главное, для младшей любимой сестры Маргариты. Но странное дѣло! Чѣмъ радужнѣе становилось мiръ-созерцанiе Петра Шмица, чѣмъ болѣе сияло бодростью и надеждою его честное лицо, тѣмъ замѣтнѣе увядала румянецъ на щекахъ Маргариты, тѣмъ явственнѣе выступала на ея прелестномъ личикѣ какая то грустная черта.

Долго не умѣлъ Петръ Шмицъ объяснить себѣ эту перемену въ сестрѣ. Сначала онъ было подумалъ, что она горюетъ объ отцѣ, но тутъ онъ припомнилъ, что Маргарита закручинилась еще за долго до смерти старика. Тогда ему пришло въ голову, что она скучаетъ среди этого пустаго, мрачнаго дома и онъ предложилъ ей привести въ исполненiе давно задуманное намѣренье, выписать сестру Беллу. Но, къ удивленiю его, Маргарита объ этомъ и слышать не хотѣла, и повторяла со слезами на глазахъ, что ей только въ одиночествѣ и можетъ быть хорошо. Тщетно ломалъ себѣ голову Петръ Шмицъ, на настоящiй слѣдъ онъ все таки не попадалъ, быть можетъ потому, что самъ-то онъ, въ своей тяжелой

трудоу жизни слишкомъ мало имѣлъ досуга на то, чѣмъ исключительно наполняется жизнь другихъ молодыхъ людей его лѣтъ. Онъ ни разу не былъ влюбленъ; его единственною сильною привязанностью была любовь къ Маргаритѣ и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ былъ вполне убѣжденъ, что это исключительное чувство взаимно. На многочисленныхъ поклонниковъ своей сестры онъ взиралъ съ презрительною самоувѣренностью. Мысль, чтобы его красавица Маргарита могла влюбиться въ какогонибудь темнаго смертнаго, какогонибудь конторскаго писца, прокопченнаго табакомъ и напятаго пивомъ, казалась ему верхомъ нещепости, и онъ отъ души смѣялся надъ молодыми людьми, старавшимися понравиться его сестрѣ. Но не до смѣху ему было, когда одинъ изъ этихъ молодыхъ людей далъ ему однажды понять, что догадывается о причинѣ Маргаритиной недоступности, и что утѣшительнаго въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ровно ничего для ея брата. Петръ вспыхнулъ и потребовалъ отъ молодаго человека, чтобы онъ взялъ назадъ свои слова, или же высказался вполне, грозя въ противномъ случаѣ счесть его за безчестнаго жсца. Молодому человеку, поставленному въ такое положеніе, ничего болѣе не оставалось, какъ открыть Петру о связи, существовавшей между его сестрою и однимъ офицеромъ, лейтенантомъ Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ. Петръ попробовалъ было посмѣяться надъ этимъ увѣреніемъ, но смѣхъ, почему-то, остановился у него въ горлѣ. Молодой человекъ, сообщившій ему этотъ фактъ, былъ его школьный товарищъ и извѣстенъ ему за честнаго малаго; къ тому-же онъ былъ казначеемъ въ томъ полку, гдѣ служилъ лейтенантъ, и былъ посвященъ во всѣ офицерскія тайны. Впрочемъ, какъ утверждалъ казначей, отношенія Маргариты къ Артуру фонъ-Гогенштейну ни для кого уже не были тайною; о нихъ знало полѣсосѣдства и офицеры, товарищи лейтенанта, пили на своихъ пирушкахъ за здоровье «Баллады», такъ прозвалъ одинъ полковой *bel esprit* красавицу-мѣщанку за ея темные, задумчивые глаза.

Что были тѣ слезы отчаянья, которыя Петръ проливалъ еще мальчикомъ надъ своими чернильными стеклянками, въ сравненіи съ тѣмъ горемъ, которое постигло его теперь!

Первою его мыслью было взять старый заржавленный пистолетъ, висѣвшій надъ его кроватью, и застрѣлить соблазителя сестры какъ собаку. Но подумавъ, онъ рѣшилъ, что надо прежде отъ самой Маргариты добиться подтвержденія ходившихъ про нее слуховъ. И такъ, съ камнемъ на сердцѣ и каплями холоднаго пота на лбу, онъ отправился въ комнату сестры, гдѣ та сидѣла у окна и, подобно Гетевской Грстхенъ, слѣдила глазами за вечерними тучами, проносившимися надъ кровлями домовъ. Онъ подошелъ къ ней и проговорилъ тихимъ печальнымъ голосомъ: — Маргарита, что я тебѣ сдѣлалъ, что ты не захотѣла мнѣ довѣриться?

Онъ хотѣлъ еще что-то сказать, но не могъ и, закрывъ лице руками, бросился въ кресло. Маргарита сразу поняла, что онъ уже все знаетъ. Ее схватило жгучее сознаніе своей неблагодарности къ лучшему, добрейшему изъ братьевъ. Она бросилась къ его ногамъ и проговорила рыдая: — Петръ, милый Петръ, прости меня! я не могла поступить иначе. — Жалобный звукъ знакомаго, милаго голоса заставилъ Петра очнуться. Онъ чувствовалъ, что на немъ лежитъ обязанность думать и дѣйствовать за двоихъ. Онъ быстро провелъ по глазамъ рукою, посадилъ рыдающую Маргариту къ себѣ на колѣни и далъ ей выплакать первый взрывъ отчаянья на его груди. Потомъ, когда ее слезы полились покойнѣе, онъ заговорилъ съ нею кротко и ласково; во имя ихъ дружно прожитой молодости, во имя прошлаго горя, которое они привыкли дѣлить пополамъ, онъ заклиналъ ее подѣлиться съ нимъ и настоящимъ своимъ горемъ. И Маргарита, не безъ обильныхъ слезъ и не безъ частыхъ остановокъ, рассказала ему романъ своей жизни.

Она открыла ему, что годъ тому назадъ она познакомилась съ Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ, зашедшимъ однажды утромъ въ лавку купить сигарочницу. Послѣ того онъ часто сталъ навѣдываться въ лавку, то подъ тѣмъ, то подъ другимъ предлогомъ. Маргарита и не подозрѣвала, что она была виновницей этихъ посѣщеній, какъ лейтенантъ сунулъ ей однажды въ руку записку, въ которой говорилъ ей о своей любви. — Я хотѣла отдать тебѣ эту записку, продолжала она, но

у меня не хватило на это силъ, потому что... вѣдь и я его тоже любила.

При этихъ словахъ Петръ вздрогнулъ, но онъ совладѣлъ съ собою и спросилъ спокойнымъ голосомъ: — Что же было дальѣе, Маргарита?

— Послѣ того я его нѣсколько времени не видала; онъ мнѣ писалъ, чтобы я лучше вовсе ему не отвѣчала, если я не раздѣляю его чувства. И такъ, я ему не отвѣчала, а онъ пересталъ ходить, по крайней мѣрѣ въ лавку, потому что я часто видала, какъ онъ проходилъ мимо наше дома. Наконецъ, во время карнавала, когда я еще, помнишь, потеряла тебя въ толпѣ, мы вдругъ столкнулись съ нимъ лицомъ къ лицу. Онъ взялъ меня за руку и я ему не противилась; онъ спросилъ у меня, люблю ли я его? а я, сама себя не помня, отвѣчала ему: Да.

— А что было за тѣмъ, Маргарита?

— Затѣмъ мы видѣлись съ нимъ нѣсколько разъ у моей пріятельницы, Элизы, братъ которой, какъ ты знаешь, служитъ ассистентомъ въ военномъ госпиталѣ, и онъ раза два провожалъ меня до дому.

— И это все, Маргарита?

— Видитъ Богъ, я ничего не утаила.

— И чѣмъ же, ты думаешь, все это кончится?

Маргарита снова принялась плакать. — Не знаю, отвѣчала она рыдая, объ этомъ я никогда не думала.

— Не правда, Маргарита, кротко проговорилъ Петръ, ты думала объ этомъ не разъ и, именно потому, что ты предвидѣла развязку, ты и была такъ печальна. Быть можетъ, порой тебѣ и казалось, что онъ на тебѣ и женится, но только этого не будетъ. Онъ не можетъ взять себѣ въ жены простую мѣщанку, потому что онъ офицеръ и невластенъ жениться на комъ ему заблагоразсудится, если-бы даже онъ и желалъ жениться на тебѣ, въ чемъ я сильно сомнѣваюсь.

— Артуръ меня любитъ, и его наше положеніе также печалитъ, какъ и меня, отвѣчала Маргарита.

— А вотъ это мы скоро увидимъ, проговорилъ Петръ, вставая съ своего мѣста.

— Что ты хочешь сдѣлать, Петръ? испуганно воскликнула Маргарита.

— Да вичего особеннаго; я только пойду къ нему и разъясню ваши отношенія съ нимъ.

— Я его никогда не оставлю, да и онъ меня не покинетъ, воскликнула Маргарита; въ эту самую минуту прощальный лучъ заходящаго солнца упалъ на ея лице; щеки ея горѣли, глаза блестя слезами; въ эту минуту она была прекраснѣе, чѣмъ когда либо. — Бѣдное, бѣдное дитя, проговорилъ Петръ, обнимая и цѣлуя ее въ лобъ.

— Не бойся, Маргарита, продолжалъ онъ, я буду помнить, что у тебя нѣтъ ни отца, ни матери.

И съ опущенною головою, медленными, нетвердыми шагами онъ вышелъ изъ комнаты.

Артура фонъ-Гогенштейна въ этотъ вечеръ не было дома. Слѣдующій день было Воскресенье и Петръ Шмицъ засталъ его какъ разъ передъ отправленіемъ на парадъ. Молодой человекъ былъ въ полномъ мундирѣ и Петръ Шмицъ не могъ не замѣтить его поразительную красоту, хотя ему въ эту минуту и не до того было. Впрочемъ, отъ него не ускользнуло какое-то выраженіе усталости и пресыщенія, проглядывавшее въ этихъ красивыхъ чертахъ.

Артуръ принялъ брата своей возлюбленной съ изысканною вѣжливостью; во всемъ его обращеніи было столько привѣтливости и такта, что Петръ долженъ былъ призвать на помощь всю свою твердость, чтобы не измѣнить своей рѣшимости. И такъ, онъ спокойно выслушалъ увѣренія лейтенанта въ чистотѣ его намѣреній, въ силѣ его привязанности къ Маргаритѣ, въ глубокомъ прискорбѣи, въ которомъ онъ несетъ цѣпи, налагаемыя на него его проклятымъ званіемъ; затѣмъ, Петръ Шмицъ отвѣчалъ: — обо всемъ этомъ вамъ господинъ фонъ-Гогенштейнъ, не мѣшало бы подумать равнѣе, прежде чѣмъ вы рѣшились сдѣлать имя честной дѣвушки предметомъ праздно болтовни въ вашихъ офицерскихъ кружкахъ. Теперь же вопросъ поставленъ такъ:—въ чемъ заключаются ваши дальнѣйшія намѣренія? Вѣдь жениться вы не можете на моей сестрѣ?

— Боюсь, что нѣтъ,—чуть слышно проговорилъ Артуръ.

— Потому что, продолжалъ Петръ, я не въ состояніи дать

за сестрою двѣнадцати тысячъ талеровъ, такъ, что ли? А у васъ, сколько мнѣ извѣстно, нѣтъ никакого состоянія; за то, какъ говоритъ молва, есть куча различныхъ обязательствъ, которыми вамъ, по той, либо по другой причинѣ, шутить не приходится.

При этихъ послѣднихъ словахъ лейтенантъ вспыхнулъ и собирався уже было заговорить: милостивый государь.... но во взглядѣ Петра Шмица было столько спокойной рѣшимости, что онъ долженъ былъ отказаться отъ всякаго покушенія запугать его.

— На сколько въ этомъ правды, продолжалъ Петръ, не знаю, но, какъ-бы то ни было, ясно то, что вы на ней не можете жениться. А вслѣдствіе этого, такъ какъ я не желаю, чтобы на мою сестру указывали пальцами, я и требую отъ васъ честнаго слова, что вы, ни изустно, ни письменно, ни взглядомъ, ни знакомъ, не будете искать сближенія съ моею сестрою и употребите всѣ зависящія отъ васъ средства, чтобы возстановить ея доброе имя, смѣло и во всеуслышанье объявляя ложью всякій намекъ на отношенія, будто-бы существующія между вами и ею.

Артуръ слушалъ его въ раздумьи, опустивъ голову на руку.

— Этого слова я не могу вамъ дать, отвѣчалъ онъ снова выпрямляясь; не могу, потому что я люблю Маргариту; мнѣ такъ же невозможно оторваться отъ нея, какъ и ей отъ меня. Господинъ Шмицъ, продолжалъ онъ, хватая своего собесѣдника за руку, пожалѣйте вашу сестру, пожалѣйте насъ обоихъ. Не будьте болѣе жестокосерды, чѣмъ мои должники! Дайте мнѣ срокъ, дайте мнѣ время подумать. Или мало вамъ того, что нашъ братъ, связанный по рукамъ и по ногамъ преданіями своей касты, долженъ приносить себя въ жертву какому-то Молоху ложно понятой чести? Неужели и вы, счастливицы, стоящія внѣ всѣхъ этихъ преградъ и свободные слѣдовать влеченію своего сердца, хотите своею враждебною подозрительностью надбавлять новую каплю горечи въ нашу чашу?

Петръ Шмицъ никогда не оставался глухъ къ тѣмъ доводамъ, которые другой человѣкъ могъ привести въ свою защиту; къ тому-же, сознавая въ себѣ чувство ревливой нена-

висти къ человѣку, любимому его сестрою, онъ считалъ себя обязаннымъ быть на сторожѣ противъ самого себя. Вслѣдствіе этого, онъ объявилъ лейтенанту, что, во избѣжаніе всякихъ обвиненій въ недоброжелательствѣ, онъ готовъ ему дать восемь дней срока, чтобы онъ могъ обдумать свой рѣшительный отвѣтъ. Затѣмъ Петръ Шмицъ ушелъ, унося съ собою то же горе, съ которыми пришелъ.

Но, въ промежутокъ этихъ восьми дней, случилось событіе, сильно отозвавшееся на положеніи лейтенанта. Отецъ его скоропостижно умеръ отъ удара, не оставивъ послѣ себя ничего, кромѣ значительныхъ долговъ, что, впрочемъ, никого не удивило, такъ какъ и отецъ и сыновья вели чрезвычайно расточительный образъ жизни.

Кредиторы покойнаго не разъ утѣшали себя надеждою, что холостой братъ ихъ должника, Рейнфельденскій генералъ, расщедрится и заплатитъ долги брата; но эта надежда оказалась тщетною. Генералъ объявилъ кредиторамъ, чтобы они убрались къ чорту, — а сыновьямъ своего брата, что они же помогали родителю доваривать кашу, пускай теперь сами ее и расхлебываютъ. Это было легче сказать, чѣмъ сдѣлать; но, такъ какъ нельзя было допустить, чтобы такой древній дворянскій родъ принялъ на себя всѣ послѣдствія своего легкомыслія, подобно остальнымъ смертнымъ, то правитель страны вступился въ это дѣло и спасъ представителей знатнаго рода отъ долговой тюрьмы, заплативъ долги ихъ изъ своей шкапулки; при этомъ, впрочемъ, онъ далъ благодѣтельствуванному понять, что милость эта въ другой разъ не повторится.

Оба старшихъ брата, Гисбертъ, — теперешній полковникъ, и Филиппъ, — теперешній президентъ, поняли смыслъ намека и не замедлили имъ воспользоваться. Въ доказательство своего искренняго намѣренія порвать связь съ прошедшимъ, они женились, какъ только это дозволили приличія. Младшій братъ, Эрнестъ, самый отпѣтый изъ всей семьи, сущій *enfant terrible*, вышелъ въ отставку (онъ служилъ въ военной службѣ, подобно своему брату Артуру) и отправился въ Америку, гдѣ, какъ онъ слышалъ, можно было въ восемь дней дослужиться до генерала.

И такъ, оставался одинъ Артуръ, «красавецъ Гогенштейнъ», какъ всѣ его называли. Никто не сомнѣвался, что онъ извле-

четь выгоду изъ своей красоты и поддѣпить себѣ богатую невѣсту, съ помощью которой окончательно поправить свои разстроенныя обстоятельства. Но случилось совсѣмъ иное.

Около четырехъ мѣсяцевъ прошло уже со времени смерти оберъ-президента, а Артуръ, повидимому, забылъ и думать объ обѣщаніи, данномъ имъ Петру. Петръ находилъ это, какъ нельзя болѣе, естественнымъ при существующихъ обстоятельствахъ; только взгляды его милой Маргариты, все тревожнѣе и тревожнѣе обращавшіеся на него, по мѣрѣ того, какъ приходилъ срокъ ожидаемаго рѣшенія, сильно его заботили. Онъ силился, по возможности, вознаградить ее за все самою заботливою нѣжностью, но ничто не помогало, и на сердцѣ у него становилось все тяжелѣе и тяжелѣе, по мѣрѣ того, какъ онъ убѣждался въ невозможности излечить Маргариту отъ ея страсти; а между тѣмъ, надо было, такъ или иначе, вырвать эту страсть изъ ея сердца; онъ не видѣлъ другаго средства спасти ее.

Такъ сидѣли они однажды вечеромъ вдвоемъ. Былъ ноябрь мѣсяць; на дворѣ, вдоль тѣсной улицы, гулялъ осенній вѣтеръ; дождь хлесталъ въ небольшія оконныя стекла, оправленные въ свинцовыя рамы, и въ трубахъ слышались какіе-то странные стоны, наводившіе страхъ. Никогда еще старый домъ не казался Петру такимъ унылымъ; отъ времени до времени онъ отрывался отъ своихъ счетовъ и поглядывалъ на сестру, сидѣвшую на противоположномъ концѣ стола; давно уже работа праздно лежала на колѣняхъ Маргариты и взглядъ ея былъ пристально устремленъ въ землю; и неволью пришла ей брату на умъ, что лучше-бы ей сойти въ сырую могилу, чѣмъ влечить свои дни въ безвыходномъ горѣ.

Въ эту самую минуту вошла служанка и доложила, что какой-то незнакомый господинъ спрашиваетъ хозяина. Маргарита вскочила и, прижимая руку къ сердцу, обратила тревожный взглядъ на дверь. Петръ, подъ влияніемъ того-же предчувствія, поднялся съ своего мѣста и пошелъ на встрѣчу къ незнакомцу, высокая фигура котораго уже выступала за спиною горничной. Быстрымъ движеніемъ незнакомецъ очутился посреди комнаты, затворилъ за собою дверь и, бросившись къ ногамъ Маргариты, склонилъ къ ней голову на колѣни. Маргарита залилась слезами и, лаская эту любимую голову, по-

глядѣла на брата, улыбаясь сквозь слезы, какъ-бы желая сказать: — вотъ видишь и для меня есть счастье въ жизни!

Такъ, по крайней мѣрѣ, понялъ Петръ этотъ взглядъ, такъ что, когда Артуръ фонъ-Гогенштейнъ поднялся на ноги и, подойдя къ нему, молча протянулъ ему руку, какъ-бы не находя словъ для выраженія своихъ чувствъ, Пётръ не устоялъ въ прежде принятомъ намѣреніи, никогда не касаться этой руки, и отвѣчалъ на его пожатіе.

Артуръ, въ качествѣ свѣтскаго человѣка, первый совладѣлъ съ собою и нарушилъ неловкое молчаніе.— Простите меня, господинъ Шмицъ, заговорилъ онъ, что я, противъ вашего ожиданія и, по всѣмъ вѣроятіямъ, противъ вашего желанія, позволилъ себѣ переступить черезъ порогъ вашего дома; но потребность увидѣть Маргариту была во мнѣ такъ сильна, что я не могъ устоять противъ нея; я пришелъ вамъ сказать, что я, тверже чѣмъ когда либо, рѣшился, будь что будетъ, не разставаться съ Маргаритой.

Маргарита бросилась въ объятія возлюбленнаго; Петръ принялся барабанить пальцами по столу и закусилъ нижнюю губу. Невозможность высказать лейтенанту, не огорчая сестру, все то, что онъ долженъ былъ высказать ему, какъ честный человѣкъ, ставила его въ тягостное затрудненіе. Онъ проклиналъ въ душѣ ловкую затѣю лейтенанта, который, устроивъ встрѣчу съ противникомъ подъ его-же собственнымъ кровомъ, поставилъ себя въ самое выгодное для борьбы положеніе; а между тѣмъ, при взглядѣ на лицо Маргариты, сіявшее счастьемъ, онъ испытывалъ какое-то отрадное ощущеніе, какъ будто тяжелый, тяжелый камень спалъ у него съ сердца. Онъ чувствовалъ даже нѣкотораго рода гордость, что вотъ-де къ нему, темному плебею, пришелъ оберъ-президентскій сынъ, потомокъ знатной фамиліи, и пришелъ въ качествѣ скромнаго просителя.

Артуръ имѣлъ на столько такта, что пришелъ не въ мундирѣ, по поводу чего, Петръ замѣтилъ во время разговора, что ему, Петру, гораздо пріятнѣе видѣть своего гостя въ статскомъ.— Вѣрьте мнѣ, отвѣчалъ на это Артуръ, что я и самъ душою-бы радъ былъ скинуть этотъ шутовскій нарядъ, который мнѣ болѣе всего мѣшаетъ назвать Маргариту моею,

да одна бѣда, куда я безъ него дѣнусь? Для Маргариты я былъ бы всѣмъ готовъ пожертвовать и шпагою, и мундиромъ, и общественнымъ положеніемъ; мало того, я не пожалѣлъ бы и самой жизни, если-бы только жить не значило для меня любить ее.

И, обнявъ Маргариту за талію, онъ началъ ходить съ нею взадъ и впередъ по мало освѣщенной части комнаты; между тѣмъ, какъ Петръ сидѣлъ возлѣ самой лампы, подперевъ голову рукою и, все быстрѣе и быстрѣе, барабанилъ пальцами по столу, все крѣпче и крѣпче закусывалъ нижнюю губу. Вдругъ онъ поднялъ голову и заговорилъ:

— Такъ вы, господинъ фонъ-Гогенштейнъ, дѣйствительно любите мою сестру?

— Люблю-ли я ее! воскликнулъ лейтенантъ съ жаромъ, въ которомъ пробивался, чуть замѣтный, оттѣнокъ театральности.

— Такъ ладно-же, сказалъ Петръ, я вамъ доставлю возможность на ней жениться.

Лейтенантъ съ удивленіемъ поглядѣлъ на Петра, потому что, говоря откровенно, возможность женитьбы представлялась ему и въ этотъ вечеръ столь-же сомнительною, какъ и четыре недѣли тому назадъ.

— Конечно, продолжалъ Петръ, для этого съ вашей стороны потребуется извѣстная доля самоотреченья и мужества, не того мужества, которымъ щеголяете вы, господа военные, но того, въ которомъ нашему брату, мирному гражданину, приходится каждый божій день упражняться и которое, быть можетъ, по этой самой причинѣ и цѣнится у насъ больше, чѣмъ у другихъ людей. Состоянія у меня, какъ я уже вамъ говорилъ, нѣтъ; за то есть у меня работа выгодная, хорошо окупающаяся работа; а одно другаго стоитъ. Отъ васъ зависитъ, раздѣлить со мною и эту работу и приносимый ею барышъ. Вы въ однихъ лѣтахъ со мною и получили гораздо лучшее образованіе, чѣмъ я. То, что мнѣ стоило годы усидчиваго труда, чтобы себѣ усвоить, я могу передать вамъ въ нѣсколько недѣль. Будьте моимъ компаньономъ. Мнѣ нуженъ человѣкъ, который помогалъ бы мнѣ въ работѣ и, въ тоже время, умѣлъ бы поддерживать кредитъ нашего дѣла передъ публикой съ тою ловкостью, которой мнѣ, неотесанному про-

столюдину, не достааетъ. Сколько имешо вы теряете, соглашаясь на мое предложеніе, этого я, конечно, не въ состояніи разсчитать; на то же, что вы черезъ него выпгрываете, мнѣ вамъ нечего указывать, вы и безъ меня знаете.

Въ первую минуту Артуръ чуть не разсмѣялся на это странное предложеніе; только знаніе свѣтскихъ приличій удержало его отъ этой неловкой выходки. Къ тому же, онъ искренно любилъ Маргариту, да и обстоятельства его, не смотря на оказанную его семейству монаршую милость, были таковы, что, рано или поздно, онъ долженъ былъ опасаться, что его принудятъ взять отставку; такъ ужъ не лучше-ли было взять ее добровольно? Съ честнаго лица Петра онъ перенесъ свой взглядъ на темные глаза Маргариты, устремленные на него съ выраженіемъ тревожнаго ожданія, потомъ снова взглянулъ на Петра и проговорилъ:—я готовъ на все, что лежитъ въ моей власти, лишь-бы доказать вамъ чистоту моихъ намѣреній.

Маргарита радостно бросилась ему на шею; Петръ протянулъ ему руку, на этотъ разъ, отъ всей души, потому что Петръ Шмидтъ, разъ уже на что нибудь рѣшившись, не отступалъ ни передъ какими послѣдствіями, вытекавшими изъ принятаго имъ рѣшенія.

Нѣсколько недѣль спустя, въ аристократическихъ салонахъ города съ изумленіемъ заговорили о томъ, что «красавецъ Гогенштейнъ» вышелъ въ отставку и женится на хорошенькой мѣщаночкѣ; поговаривали также о томъ, что бывший лейтенантъ становится тайнымъ компаньономъ своего будущаго шуррина и собирается (такъ, по крайней мѣрѣ, острили на его счетъ нѣкоторые злые языки) поставлять своимъ замодавцамъ бумагу собственнаго издѣлія, чтобы было имъ на чемъ писать свои понудительныя посланія къ нему.

Негодоваіе и изумленіе аристократическихъ салоновъ, по поводу этой скандальной исторіи, не знало предѣловъ. Рейнфельденскій генералъ объявилъ, что «этотъ оборвышъ, конечно, разсчитываетъ на его помощь въ своемъ предпріятіи; но, что онъ, генералъ, не желаетъ имѣть никакого дѣла съ тряпьемъ, ни въ сыромъ, ни въ обработанномъ видѣ. Братья Артура умоляли бросить предпріятіе, которое должно было на-

ложить клеймо на весь ихъ родъ, и совѣтовали, ужъ если ему дѣйствительно нѣтъ другаго выхода, послѣдовать примѣру меньшаго брата и эмигрировать.

Артуръ фонъ-Гогенштейнъ былъ не изъ сильныхъ характеровъ; не легко ему было слушать увѣщанія родственниковъ и насмѣшки товарищей; не прошло и двадцати-четырехъ часовъ послѣ того, какъ безвыходность его положенія и неожиданное стеченіе обстоятельствъ исторгли у него роковое рѣшеніе, и онъ уже горько въ немъ раскаявался; но, какъ характеръ слабый, онъ не рѣшался повернуть назадъ, потому что сознавалъ, что зашелъ уже слишкомъ далеко.

Петръ Шмицъ началъ съ того, что часть капитала, столь необходимаго ему для веденія дѣла, употребилъ на уплату долговъ своего компаньона и на покушку приданаго сестрѣ. Себѣ же онъ оставилъ только половинную долю труда и заботъ. Наши компаньоны могли служить олицетвореніемъ известной басни о карликѣ и великанѣ, пустившихся странствовать по свѣту. Тѣмъ не менѣе, дѣло шло, благодаря неутомимой дѣятельности и промышленному гению Петра, довольно сносно, и Петръ не подумалъ бы роптать на свою судьбу, если бы вскорѣ не оказалось, что въ награду за всѣ жертвы, которыя онъ принесъ счастью своей сестры, между нимъ и этою сестрою возникло отчужденіе, становившееся съ каждымъ днемъ все полнѣе и полнѣе. Да не подумаетъ читатель, чтобы Маргарита была сознательно неблагодарна; далеко нѣтъ! Но дѣло въ томъ, что любовь и справедливость рѣдко уживаются въ одномъ сердцѣ, и что во всѣхъ раздорахъ, возникающихъ между мужемъ и братомъ, можно навѣрное поручиться, что сочувствіе женщины будетъ на сторонѣ перваго. А раздоры между Артуромъ фонъ-Гогенштейномъ и Петромъ Шмицомъ были, къ сожалѣнію, дѣломъ нерѣдкимъ. Молодой дворянинъ освоился съ своимъ новымъ родомъ жизни съ такою легкостью, что самъ Петръ не могъ надивиться; но медленный, тяжелый, усидчивый трудъ былъ ему не по душѣ; ему гораздо болѣе нравилась легкая и сильно возбуждающая игра, называемая спекуляціей, игра, въ которой все зависитъ отъ счастья. — Стоитъ-ли по цѣлымъ годамъ хлопотать изъ-за того, чего можно достигнуть въ какія нибудь сутки?—говаривалъ онъ, и

неотвязно приставалъ къ шурина, чтобы онъ пускался въ такія предпріятія, въ которыхъ онъ могъ разомъ нажитья, но могъ и потерять все, что имѣлъ; само собою разумѣется, Петръ не соглашался на подобный рискъ. Случалось-ли послѣ этого, что дѣла шли хуже обыкновеннаго, что цѣны на бумагу падали, или другое какое неблагоприятное стеченіе обстоятельствъ, онъ изливалъ свою досаду на шурина въ горькихъ упрекахъ Маргаритѣ:—Благодари за все это своего братца, который положилъ себѣ зарокъ оставаться нищимъ. Оно конечно: буржуа всегда останется буржуа; смѣлость—дѣло природное, ни научиться, ни разучиться ей нельзя.

За этимъ разногласіемъ, вскорѣ воспослѣдовалъ между обоими компаньонами открытый разрывъ, и воспослѣдовалъ, при томъ, при такихъ обстоятельствахъ, которыя не могли не наложить на бывшаго дворянина позорное клеймо во мнѣніи Петра Шмица, да и вообще всѣхъ честныхъ людей. Дѣло было вотъ какъ: безъ вѣдома Петра, Артуръ пустился на свой собственный счетъ и на свой рискъ въ спекуляцію, имѣвшую необыкновенно счастливый результатъ, такъ что Артуръ сразу сдѣлался почти богачемъ. Петръ ничего этого не зналъ и Артуръ объявилъ ему о своемъ намѣреніи выйти изъ фирмы не ранѣе, какъ получивъ извѣстіе о благоприятномъ исходѣ своей биржевой игры; предлогомъ къ этому разрыву онъ выставилъ недоразумѣніе, давно уже тянувшееся между Петромъ и имъ, и преднамѣренно раздутое Артуромъ въ ссору. Измѣна была тѣмъ чернѣе, что, какъ разъ въ эту минуту, по всей Германіи кредитъ былъ сильно подорванъ Іюльской революціей и дѣла фирмы стояли очень плохо.

Само собою разумѣется, что счастливый игрокъ вышелъ правъ во мнѣніи свѣта, который и въ настоящемъ случаѣ, какъ и всегда, готовъ былъ преклониться передъ успѣхомъ. Черезъ нѣсколько времени Артуръ фонъ-Гогенштейнъ занялъ въ городѣ самое почетное положеніе. Правда, доступъ въ аристократическіе дома былъ ему по прежнему закрытъ; но обстоятельство это было только новымъ поводомъ для буржуазіи встрѣтить его съ распростертыми объятіями. Либерализмъ былъ тогда въ модѣ, и дешевое вольнодумство, которыми щеголялъ Артуръ фонъ-Гогенштейнъ съ досады на си-

стематическое, неумолимое презрѣніе, которое выказывали ему родичи и вообще всѣ члены его сословія, доставило ему, безъ особенныхъ хлопотъ, репутацію челоѵка дѣльнаго и обладавшаго хорошимъ направленіемъ. О томъ же, что Артуръ ставилъ себѣ въ заслугу образъ дѣйствій, вынужденный у него лишь суровой необходимостью, никто и не догадывался; сытый буржуа чувствовалъ себя польщеннымъ, когда маленькая, нѣжная рука столбоваго дворянина дружески пожимала его неуклюжую лапу. Его избрали сначала городскимъ депутатомъ, потомъ, когда мѣсто штатрата сдѣлалось вакантнымъ, буржуазія настояла на томъ, чтобы вакантное мѣсто было отдано превосходному, обходительному челоѵку, который горой стоялъ за интересы средняго сословія. Правительство, хорошо понимавшее, чего можно было въ наихудшемъ случаѣ опасаться отъ либерализма какого нибудь фонъ-Гогенштейна, утвердило выборъ буржуазіи.

Пока Артуръ фонъ-Гогенштейнъ вкушалъ, такимъ образомъ, дешево доставшіеся ему каштаны, тотъ самый челоѵкъ, который вытаскивалъ ему ихъ изъ огня, теръ по прежнему свою старую ляжку и не видѣлъ себѣ другой награды, кромѣ той, которая дается спокойною совѣстью. Вскорѣ послѣ замужества Маргариты, Петръ Шницъ взялъ къ себѣ въ домъ сестру Беллу. Милое, глубоко-честное существо была эта дѣвушка и всюю душею привязалась она къ брату, но все же она не могла замѣнить ему потерянную. Къ тому-же, и здоровье бѣдной дѣвушки сильно пострадало отъ вынесеннаго ею многолѣтняго рабства, такъ что Петръ, вмѣсто сильной помощницы, которая была такъ нужна ему при его сложномъ хозяйствѣ, имѣлъ на рукахъ больную, требовавшую самага внимательнаго ухода, такъ какъ и душа ея пострадала едва ли не болѣе, чѣмъ тѣло. При всѣхъ своихъ прекрасныхъ душевныхъ свойствахъ, она мучила и себя и окружающихъ своимъ пессимизмомъ и болѣзненною раздражительностью; къ этому присоединялась безумная ревность, которою она преслѣдовала своего несчастнаго брата. Она не могла ему простить ту исключительную привязанность, которую онъ, не смотря ни на что, продолжалъ питать къ Маргаритѣ. Мало того, она мучилась постояннымъ опасеніемъ, чтобы добродушный и

довѣрчивый Петръ какъ нибудь не попался въ сѣти хитрой кокетки, и въ каждой хорошенькой дѣвушкѣ, осмѣливавшейся оказывать ему вниманіе, видѣла соперницу, покушавшуюся занять мѣсто хозяйки за его столомъ.

Бѣдный Петръ! До того ли ему было, чтобы думать о женитьбѣ и, ко всѣмъ своимъ заботамъ, взваливать себѣ на шею еще новую и далеко не шуточную? Кажется, кому бы и знать было, какъ не Беллѣ, чего ему стоило не допускать свое дѣло до остановки, да еще поддерживать бѣдствовавшего брата Евгенія.

Братъ Евгеній, по выходѣ изъ тюрьмы, возвратился къ своему прежнему занятію, сооруженію машинъ; онъ нашелъ себѣ мѣсто главнаго мастера на одной машинной фабрикѣ, снискавъ расположеніе фабриканта, женился на его дочери и сдѣлался компаньонмъ, а по смерти тестя и единственнымъ хозяинмъ фабрики. Но злая судьба преслѣдовала Евгенія Шмица. Все-бы на свѣтѣ ему удавалось, если-бы только случайно обстоятельства не слагались ему прямо во вредъ. Въ непосредственномъ его сосѣдствѣ машинныя фабрики вырастали, какъ грибы, и Евгеній, не имѣвшій въ рукахъ большого капитала, не могъ выдержать конкуренцію. Дѣла его шли все хуже и хуже, и наконецъ.. Ну, наконецъ пришлось, по обыкновенію, обратиться за помощью къ Петру. Петръ помогъ ему и совѣтомъ и деньгами, и если-бы Евгеній такъ же охотно послѣдовалъ братнину совѣту, какъ онъ взялъ его деньги, то, можетъ статья, дѣла бы и пошла на ладъ. Но Евгеній часто поступалъ очертя голову, былъ добродушенъ, легко поддавался на обманъ и фабрика его вскорѣ превратилась для Петра въ бездонную пропасть, безъ жалости поглощавшую всѣ его трудовыя денежки. Одно только и утѣшало Петра во время поѣздокъ въ Тюрингенъ, предпринимаемыхъ имъ по случаю періодическихъ несчастій, постигавшихъ его брата, то была единственная дочка Евгенія, Отилія, наслѣдовавшая отъ отца, прирейнскаго уроженца, его темныя кудри, и отъ матери ея большіе, голубые, чисто германскіе глаза. Въ промежутки этихъ поѣздокъ племянница подрастала все выше и выше и, съ каждымъ пріѣздомъ, все крѣпче и крѣпче привязывался къ ней дядя.

Годы шли своими неслышными шагами, оставляющими, между тѣмъ, такіе глубокіе слѣды. Старый домъ какъ-то еще болѣе осѣлся и окна его глядѣли, по возможности, еще подслѣповатѣе. Глубокія морщины избороздили низкій, прямой лобъ Петра и легли складками вокругъ его плотно сжатыхъ губъ. Жесткіе, все еще густые волосы его совсѣмъ посѣдѣли. Последнее обстоятельство имѣло успокоивающее вліяніе на тетушку Беллу: она не въ такой уже мѣрѣ предавалась теперь опасенію, чтобы пожилѣй братъ ея не сдѣлалъ того шага, который, она была въ томъ убѣждена, долженъ былъ сдѣлать его несчастнѣйшимъ человѣкомъ на весь остатокъ его дней. За то ее донимали ревматизмы, да старая ревность къ Маргаритѣ,—ревность, остававшаяся и до сихъ поръ во всей своей силѣ, не смотря на то, что отношенія между Петромъ и Штадтратомъ дошли до послѣдней степени натянутости, такъ что братъ съ сестрой почти и не видѣлись, и даже Вольфгангъ, такъ охотно бывавшій въ домѣ своего дяди, ходилъ все рѣже и рѣже.

Еще легче сносилъ бы Петръ отчужденіе и разлуку, еслибы у него была увѣренность, что Маргарита счастлива; но этой-то увѣренности ему, по многимъ причинамъ, и не доставало. Во первыхъ, онъ твердо былъ убѣжденъ про себя (хотя никому, конечно, этого не высказывалъ), что никто, кромѣ его, неспособенъ любить и цѣнить Маргариту, такъ какъ она того заслуживаетъ, и всѣхъ менѣе ея мужъ. Все могъ извинить Петръ, кромѣ безчестности; а ею то и провинился передъ нимъ его зять. Человѣкъ же безчестный, по мнѣнію Петра, не могъ любить, такъ какъ въ его глазахъ любовь и истина были въ сущности одно и тоже. Къ тому же, отъ его зоркаго взгляда не ускользнуло, что скорбное выраженіе, свойственное прекрасному лицу Маргариты, становилось съ годами все рѣзче и рѣзче, и, въ рѣдкія свои встрѣчи съ сестрою, онъ подслушалъ не одинъ невольный вздохъ, говорившій о многолѣтнемъ страданіи.

Но болѣе всего тревожили Петра недобрые слухи, ходившіе въ нѣкоторыхъ кружкахъ, будто господинъ фонъ-Гогенштейнъ не совсѣмъ-то чисто ведетъ свои дѣла и будто его благосостояніе не совсѣмъ то надежно. Никто не осмѣли-

вался обвинить штадтрата открыто въ безчестномъ поступкѣ; но передавали другъ другу на ухо, что свои деньги, когда онѣ у него водятся, онъ отдаетъ за черезъ-чуръ уже высокіе проценты, и въ безденежьи (этотъ-же грѣхъ, какъ утверждали, водился за нимъ и того чаще) поднимался на такія штуки, на которыя ни за что не рѣшился-бы ни одинъ солидный негодіантъ; поговаривали также, что онъ не оказываетъ ни малѣйшей пощады своимъ должникамъ и, въ тоже время, не слишкомъ-то торопится уплатою своихъ собственныхъ долговъ. Каждый пожималъ плечами, когда разговоръ заходилъ о штадтратѣ, а это былъ ножъ острый для Петра, который не столько сокрушался о зятѣ, сколько о сестрѣ.

Такъ насталъ 1848 годъ и принесъ съ собою Петру новую жизнь и новую дѣятельность. Съ давнихъ поръ уже, какъ и подобало такому честному, энергическому человѣку, онъ душею былъ преданъ дѣлу свободы, и въ теченіе многихъ лѣтъ лелѣялъ мысль о томъ, какъ-бы заставить послужить этому дѣлу свои типографскіе станки, такъ долго гулявшіе въ пристройкѣ позади его дома. Тысяча восемьсотъ сорокъ осмой годъ далъ ему возможность осуществить эту завѣтную мечту. Нашлись теперь безъ труда богатые люди, готовые пожертвовать на пользу общую часть своего достатка; въ какихъ нибудь восемь дней составилъ на акціяхъ капиталъ, необходимый для задуманнаго Петромъ предпріятія. Такъ же скоро нашелъ Петръ и главнаго редактора для своего «Народнаго Вѣстника» въ лицѣ давнишняго своего друга, доктора Бергарда Мюнцера. Восемнадцатое марта застало газетную дѣятельность, честь нашихъ друзей, въ полномъ разгарѣ, и Петръ Шмицъ весело потиралъ себѣ руки, чего уже давно-давно за нимъ не бывало.

Около мѣсяца спустя, въ самый разгаръ народнаго волненія, по случаю предстоявшихъ выборовъ, когда Петру Шмицу не доставало двадцатичасовой работы, для исполненія лежавшихъ на немъ многосложныхъ обязанностей издателя газеты, вице-президента демократическаго общества и члена нѣсколькихъ комитетовъ, — изъ Тюрингена пришло извѣстіе, нанесшее Петру тяжелый ударъ и заставившее его поскакать туда, не теряя ни минуты.

Дѣло было въ томъ, что роковая звѣзда, преслѣдовавшая Евгенія Шмида всю его жизнь, достигла своего зенита; а затѣмъ внезапно померкла на вѣки; но съ нею вмѣстѣ погасла и жизнь Евгенія. Въ одно прекрасное утро, онъ стоялъ посреди своей фабрики и весело разговаривалъ съ своимъ главнымъ машинистомъ о томъ, что вотъ дѣла фабрики начинаютъ съ нѣкотораго времени замѣтно поправляться; на бѣду онъ остановился какъ разъ возлѣ колеса, которое притянуло его къ себѣ за одну изъ полъ сертука, и однимъ взмахомъ всего изломало. По счастью, Оттиліи не было дома, когда вынули изъ страшныхъ объятій машины размозженные останки ея отца; она гостила у одной своей знакомой. Главный машинистъ, честный малый, коротко знавшій Петра, написалъ наслѣднику письмо, въ которомъ, извѣщая его объ ужасномъ событіи, просилъ пріѣхать, какъ можно скорѣе, такъ-какъ присутствіе его *во всякъ* отношеніяхъ было бы весьма желательно. Петръ, слишкомъ хорошо узнавшій значеніе подчеркнутаго слова, набилъ себѣ въ карманы столько денегъ, сколько только могъ вынуть изъ оборота, наскоро переговорилъ съ докторомъ Мюнцеромъ, объявилъ сестрѣ Беллѣ, что пробудетъ въ отлучкѣ никакъ не болѣе восьми дней, по истеченіи которыхъ вернется съ Оттиліей, и поручилъ ей, какъ можно осторожнѣе, приготовить Маргариту къ извѣстію о смерти ея брата. Белла поплакала и заклинала Петра не скидать, ни подъ какимъ видомъ, фланелевую фуфайку, да позаботиться, чтобы и Оттилія потеплѣе одѣлась на дорогу; затѣмъ они простились и Петръ пустился въ путь.

ХІІ.

Въ тотъ самый вечеръ, когда Вольфгангъ простился у каптани парка съ Бальтазаромъ Шмальгансъ, тетушка Белла, какъ ее называли въ сосѣдствѣ старъ и младъ, сидѣла у окна своей комнаты и вышивала по канвѣ. На дворѣ заходящее весеннее солнце обливало своимъ розовымъ блескомъ кровли домовъ, тѣсно и въ безпорядкѣ жавшихся другъ къ другу въ старомъ прирейнскомъ городѣ. Но въ низкой комнатѣ, выхо-

дившей на узкую улицу, начинало уже темнѣть; только пространство въ непосредственномъ сосѣдствѣ окна выдавалось еще свѣтлымъ пятномъ, такъ что каждому, кто вошелъ-бы въ комнату, тетушка Белла представилась бы въ самомъ выгодномъ освѣщеніи. А тетушка Белла вовсе была не прочь, чтобы добрые люди видѣли ее при самомъ выгодномъ освѣщеніи; не смотря на свои сорокъ восемь лѣтъ, она еще далеко не отреклась отъ всяческихъ тщеславныхъ помысловъ. У нея были темные, Шмицовскіе волосы и темные, живые Шмицовскіе глаза. Послѣдніе, правда, у нея нѣсколько знали и давно утратили, по милости горя и болѣзней, свой бывалый блескъ; но все-же можно было видѣть, что эти глаза, полускрытые теперь подъ нависшими вѣками, лѣтъ двадцать, двадцать-пять тому назадъ, были очень хороши; да и теперь еще, стоило какому нибудь сильному чувству заговорить въ тетушкѣ Беллѣ, а это случалось нерѣдко, и въ нихъ тотчасъ-же загарался отблескъ бывалаго огня. Но пуще всего гордилась тетушка Белла своимъ станомъ, дѣйствительно сохранившимъ на диво всю свою юношескую стройность. Вообще говоря, почтенная дѣвица, если вы ее видѣли прифранченную и издали, могла и до сихъ поръ производить пріятное впечатлѣніе для глаза.

Но въ тотъ вечеръ, о которомъ идетъ рѣчь, тетушкѣ Беллѣ некогда было позаботиться о своемъ туалетѣ. Отъ Петра было получено письмо, въ которомъ онъ писалъ, что пріѣдетъ съ Оттилей на другой день утромъ, и у тетушки Беллы, которая ожидала его цѣлымъ днемъ позднее, было хлопотъ полны руки. Пользуясь отсутствіемъ брата, она предприняла генеральную чистку всего дома и кое-какіе другіе великіе хозяйственные подвиги, по милости которыхъ, нѣсколько позамѣшкалась остальными нужными распоряженіями, а потому и должна была наверстывать потерянное время. У тетушки Беллы былъ тотъ-же энергическій, жаждущій дѣятельности характеръ, какъ и у Петра; свое горе о погибшемъ братѣ и заботу о бѣдной сироткѣ Оттильи она старалась забыть за работою, и это ей отчасти удалось. Но за хлопотами она такъ и не принималась за другое дѣло, которое обѣщалась кончить къ вечеру того же дня, и которое слѣдственно, надо было

кончить во что-бы то ни стало, потому что тетушка Белла не любила шутить даннымъ словомъ.—И такъ, вотъ по какой причинѣ она сидѣла у окна съ очками на носу и, при свѣтѣ погасавшаго дня, такъ усердно вышивала по канвѣ.

Не просто занималась тетушка Белла этими канвовыми работами. Она изготовляла ихъ непарное количество, пользуясь для этого каждою досужею минутою, выдававшаяся между остальныхъ ея занятій. Вышивала она не для собственного удовольствія и не для удовольствія другихъ: по крайней мѣрѣ, не въ этомъ была ея ближайшая цѣль; тетушка Белла работала за деньги. Но обстоятельство это хранилось въ глубочайшей тайнѣ, и добрая душа вполне была убѣждена, что ни единый смертный не догадывается въ чемъ дѣло. Официально зналъ объ этомъ одинъ только Петръ. Нѣсколько дней послѣ того, какъ тетушка Белла переѣхала къ нему въ домъ, она объявила ему:— не дѣло, Петръ, чтобы ты работалъ одинъ за насъ всѣхъ. У тебя и безъ того много заботъ, и сердце мое надрывается, какъ подумаю, что и я еще взвалюсь тебѣ на плечи. Какъ я до сихъ поръ жила своимъ трудомъ, такъ и теперь хочу жить. Конечно, ученье мое было плохое; что я и знала въ школѣ изъ французскаго, то давно уже успѣла перезабыть, а начинать ученье съизнова—года мои ушли. Но я когда-то хорошо умѣла вышивать по канвѣ; вкусу и умѣнья располагать цвѣта у меня довольно; такъ вотъ я и буду вышивать за деньги. Затѣмъ она изложила Петру придуманный ею планъ, который состоялъ въ слѣдующемъ: работы свои она намѣревалась поставлять въ магазинъ издѣлій подобнаго рода. Но, такъ какъ брату ея могло повредить, если-бы въ городѣ стали говорить, что онъ родную сестру не можетъ содержать на свои деньги, то она рѣшилась повести дѣло не прямо отъ своего имени, а выдавая себя за повѣренную одной знатной дамы, будто-бы находящейся въ настоящую минуту въ большой нуждѣ.

Выслушавъ сестру, Петръ Шмицъ весьма расхохотался и объявилъ Беллѣ, что—глупа она, право глупа! развѣ она не видитъ, ужъ коли дѣла пошли между ними на счеты, что она ему втрое больше помогаетъ въ хозяйствѣ, чѣмъ какаянибудь экономка, которую онъ долженъ-бы былъ нанимать за

дорогія деньги! Къ тому же, продолжалъ онъ, дѣла его еще, слава богу, не такъ плохи, чтобы единственная оставшаяся ему сестра (тутъ онъ глубоко вздохнулъ и провелъ рукою по волосамъ) должна была для своего прокормленія портить глаза надъ проклятыми вышиваньями. Впрочемъ, заключилъ онъ, если ужъ она непремѣнно хочетъ, то пускай попробуетъ; не боюсь, скоро надоѣстъ.

Но въ послѣднемъ отношеніи Петръ сильно ошибался; да и вообще, ему недоставало въ пониманіи характера этой сестры, — характера столь родственнаго его собственному, — той проницательности, съ которою онъ схватывалъ тончайшія особенности въ болѣе идеальной, но далеко не столь сильной и богатой натурѣ Маргариты. Белла съ тою же упорною энергіею преслѣдовала разъ задуманный планъ, съ какою братья ея умѣлъ приводить въ исполненіе свои собственные замыслы. И такъ-же строго, а пожалуй и того строже, хранила она свое инкогнито передъ фирмою, дававшюю ей работу, передъ пріятельницами, передъ слугами, — словомъ, передъ цѣлымъ свѣтомъ, хотя цѣлый свѣтъ давнымъ давно зналъ въ чемъ дѣло. Невѣроятныя усилія употребляла тетушка Белла для прикрытія своей тайны, которую всякій угадывалъ, хотя, изъ уваженія къ ней, никто и виду этого не показывалъ. Эта женщина, сама честность и прямота, прибѣгала къ безчестнымъ выдумкамъ: она торговалась съ хозяйкой магазина изъ за какого нибудь гроша, подъ тѣмъ предлогомъ, что не знаетъ, согласится ли таинственная знатная дама сбавить цѣну съ своихъ рукодѣлій; приходившимъ къ ней знакомымъ она старалась отвести глаза, рассказывая имъ про небывалыхъ родственниковъ, проживавшихъ въ Америкѣ, въ Австраліи и въ Китаѣ, которымъ она, будто-бы, вышивала въ подарокъ это несмѣтное количество памятныхъ книжекъ, сигарочницъ, квестовъ, дорожныхъ сумокъ и проч. Разъ она, видите-ли, записалась въ члены богоугоднаго общества, которое взялось поставлять на престольные покровы на мысъ Доброй Надежды; въ другой разъ, она была членомъ ~~нѣкаго~~ общества, предпринявшаго снабжать сиротъ, выпускаемыхъ изъ пріюта, вышитыми туфлями, иносказательно выражая этимъ желаніе, чтобы имъ мягко ступалось по жизненному пути. Послѣ кажда-

дой подобной выдумки совѣсть тетушки Беллы начинала тревожиться; но одного взгляда на полустершійся каменный гербъ, красовавшійся надъ парадною дверью дома, было достаточно, чтобы возвратилось ея прежнее спокойствіе. Если этотъ гербъ не былъ фальшивымъ гербомъ Шницовъ, владѣвшихъ домою въ продолженіи цѣлаго столѣтія, то кому же онъ могъ принадлежать? На этотъ вопросъ никто не могъ отвѣтить, а потому тетушка Белла и рѣшила, пока онъ не разъяснится совершенно удовлетворительно, считать гербъ своимъ, Шницовскимъ.

Для представительницы-же такого знаменитаго древняго рода гораздо извинительнѣе было извернуться маленькою ложью, чѣмъ сознаться въ той унижительной истинѣ, что она работаетъ за грошовую плату наравнѣ съ какойнибудь обыкновенной швеей.

И такъ, тетушка Белла сидѣла у окна и спѣшила кончить работу къ сроку, назначенному таинственной дамой. Мысль ея, между тѣмъ, не переставала дѣятельно работать. Она думала о томъ, какъ перепугалась бѣдная Оттилія, когда ей сказали, что отца ея уже нѣтъ болѣе въ живыхъ, о томъ, какъ-то приметъ это извѣстіе, сестра Маргарита и не лучше-ли бы она, Белла, поступила, если-бы вмѣсто того, чтобы послать ей записку, сама къ ней сходила?

Страннымъ казалось ей со стороны Маргариты, что она и не подумала навѣстить сестру по полученіи роковаго извѣстія.

— Точно мы всѣ ей стали чужіе, подумала она. А что это было за милое, кроткое, ласковое дитя!— Затѣмъ мысль Беллы перенеслась на фланелевую куртку Петра; онъ, конечно, не преминетъ въ такую жаркую погоду ее скинуть, вслѣдствіе чего схватитъ себѣ, навѣрное, сильнѣйшій ревматизмъ, а можетъ стать, и того хуже,—нервную горячку или тифъ, да пожалуй и умереть.

Потомъ тетушку Беллу взяла забота о томъ, что-то станетъ съ нею и съ бѣдною Оттиліею, если Петръ дѣйствительно умретъ, старый домъ продадутъ и обѣ онѣ принуждены будутъ жить на чужой сторонѣ? Да какъ еще на бѣду у нея совсѣмъ отнимутся руки, такъ что она не въ состояніи будетъ работать. И вотъ она вынуждена лечь въ больницу, умираетъ

въ больницѣ, ее вскрываютъ или, о ужась! ошибкою хоронятъ заживо! она очнулась въ гробу, она чувствуетъ надъ собою гробовую крышу, знаетъ, что надъ нею насыпано земли на шесть футовъ, и что воли ея замрутъ въ душной могильной тьмѣ!

Тетушка Белла до того погрузилась въ созерцаніе этой ужасающей картины, что и не замѣтила, какъ вмѣсто одной тѣни взяла другую, такъ что ей предстояло распарывать все, что она нашла за послѣдніа десять минутъ.

Въ отчаяніи она скинула очки и уронила работу къ себѣ на колѣни.—Видно, я въ недобрый часъ родилась, проговорила она съ досадой. Все-то мнѣ не удается!.. Вѣдь вотъ, когда ненужно ихъ, такъ валомъ такъ и валять; а теперь никто носа не покажетъ. Хоть-бы Клерхенъ заглянула, у которой такія золотыя ручки, да и глаза позорче моихъ, и той нѣтъ. Ужасно!

Въ эту самую минуту дверь, которая вела изъ сѣней, открылась и нѣжный, мелодическій голосокъ спросилъ: — можно войти?

— Клерхенъ! воскликнула тетушка Белла, слава тебѣ Господи! Войдите, войдите скорѣе Клерхенъ и извольте раздѣваться. Вы должны мнѣ пособить въ этой противной работѣ. Согласны?

— И еще вы спрашиваете, тетушка Белла! отвѣчала Клерхенъ Мюнцеръ, скинула шляпку, платокъ, поправила руками гладко заплетенные волосы и усѣлась противъ Беллы у окна.

ХІІІ.

— Ладно, ладно, давайте, отвѣчала Клерхенъ, когда Белла объяснила ей въ чемъ состояла ея ошибка—я скорѣе вашего справлюсь съ работой; да вамъ-же, я знаю, и не годится работать въ сумерки.

Послѣ легкаго сопротивленія, тетушка Белла выпустила изъ рукъ работу, сняла очки и, откинувшись назадъ въ своемъ креслѣ, съ удовольствіемъ слѣдила за ловкими движеніями молодой женщины, которая лишь изрѣдка отрывалась отъ работы и поднимала на свою пожилую подругу добрые, честные глаза.

Клерхень Мюнцеръ пользовалась особеннымъ расположеніемъ тетушки Беллы; да и мудро было не полюбить эту тихую, скромную женщину. Правда, она была далеко не красавица, хотя и была одарена отъ природы стройнымъ станомъ, красивою рукою и маленькою, стройною ногою. Темные волосы ея не могли похвалиться особенной густотою, въ сѣрыхъ глазахъ свѣтился умъ и доброта, — наврядъ-ли эти глаза могли бы вдохновить поэта; въ чертахъ лица не было ни тѣни правды, хотя, быть можетъ, вслѣдствіе гармоніи внутренняго существа ея, они производили это впечатлѣніе. Что же касалось цвѣта лица, то сама тетушка Белла допускала, что онъ много-бы выигралъ, если-бы не такъ былъ испещренъ веснушками. — Ну, да вѣдь это все пустяки, говаривала тетушка Белла, — вотъ я и смазлива была смолоду, а что въ томъ толку? главное, чтобы сердце было на мѣстѣ, а у Клерхень Мюнцеръ оно какъ разъ на мѣстѣ, не то что у иныхъ прочихъ.

— Посмотрю я на васъ Клерхень, какъ у васъ работа спорится, проговорила тетушка Белла.

— Немудрено, отвѣчала Клерхень, вѣдь я за то кромѣ рукодѣлій ничего не знаю. Но, скажите, развѣ башмаки непременно должны быть готовы сегодня?

— Ахъ, милая Клерхень, сказала тетушка Белла, вѣдь вы знаете, связалась я съ этимъ несноснымъ обществомъ дѣтскихъ пріютовъ; на будущей недѣлѣ опять выпускаютъ двѣнадцать сиротъ, и я имѣла глупость обѣщать полдюжины туфель, которыя, во что-бы то ни стало, должны быть нынче вечеромъ готовы и отправлены по принадлежности; и какъ разъ теперь, когда у меня и безъ того столько хлопотъ! просто, я вамъ скажу, голова идетъ кругомъ.

— Развѣ отъ Петра пришло письмо? спросила Клерхень.

— Да; а я вамъ развѣ не говорила? онъ будетъ завтра утромъ съ шестичасовымъ поѣздомъ. Шутка-ли, всю ночь пробыть въ дорогѣ! вѣдь это только ему и можетъ придти въ голову такое сумасбродство. У меня просто душа не на мѣстѣ; вѣдь вы знаете какой онъ неосторожный; еще какъ его Богъ хранитъ, что онъ не попалъ подъ колеса машины не хуже бѣднаго, Евгенія...

Тутъ глаза тетушки Беллы наполнились слезами, но она сдѣлала надъ собою усиліе и подавила свое волненіе.

— Бѣдняжка Оттилія, продолжала она, я ее лѣтъ десять какъ не видала; воображаю, какъ она, моя голубушка, перемѣнилась; мнѣ кажется, встрѣтѣсь я съ нею на улицѣ, я-бы ее совсѣмъ не узнала. Ахъ Клерхенъ! ужъ какъ-же я буду ее дѣлать и вѣжить. Родной отецъ съ матерью не стали бы ее больше любить. Вѣрите ли вы этому?

— Конечно вѣрю, отвѣчала Клерхенъ, и не только вѣрю, но и знаю, что оно такъ будетъ; въ то-же время я знаю, что хорошенькая Оттилія совсѣмъ вытѣснитъ дурнушку Клерхенъ изъ сердца тетушки Беллы, такъ что мнѣ, по настоящему, вовсе не слѣдовало-бы радоваться приѣзду Оттиліи.

— Фи, Клерхенъ, и это вамъ не стыдно говорить такія вещи? воскликнула тетушка Белла. Еще я въ жизнь свою никому не измѣняла, пока мнѣ не измѣняли. Да и тогда я, большею частью, продолжала по прежнему любить; а и давно неспособна я измѣнить человѣку, который во мнѣ нуждается, и который... Эхъ, Клерхенъ, какъ вы тамъ не горячитесь каждый разъ, какъ я позволяю себѣ объ этомъ заикнуться— а все же вы не слишкомъ-то счастливы.

Клерхенъ низко склонила голову надъ своею работою и шила съ удвоеннымъ прилежаніемъ. Послѣ небольшой паузы, она проговорила тихо и не поднимая головы.

— Полноте, тетушка Белла, я совершенно довольна своею участію, прошу васъ никогда не говорите, что я несчастлива.

— Эхъ, Клерхенъ, шила въ мѣшкѣ не утаишь. Если-бы вамъ отъ того хотя легче было-бы, что я молчала, тогда я, конечно, рта бы не разинула, но дѣло-то выходитъ наоборотъ; я думаю, что всего лучше прямо высказать, что у тебя лежитъ на душѣ, и что вамъ право не мѣняло-бы высказать всю правду своему муженьку.

— Но, ради бога, тетушка Белла! что же я такое должна ему высказать, проговорила молодая женщина въ замѣшательствѣ.

— А то, отвѣчала тетушка Белла съ жаромъ, что чело-вѣкъ еще не имѣетъ права прикидываться существомъ высшего разряда и драть носъ передъ нашею сестрою изъ-за то-

го только, что онъ написалъ двѣ, три книжки. Вы бы должны были ему сказать, что онъ долженъ снять себя счастливымъ, имѣя такую милую, добрую женушку и такихъ славныхъ малютокъ... постойте, постойте, дайте мнѣ договорить. Немѣшало бы также при случаѣ ему замѣтить, что кричать-то о народномъ благѣ и о всякихъ тамъ великихъ дѣлахъ еще не богъ знаетъ какая премудрость, а что долгъ каждаго человѣка прежде всего позаботиться, чтобы своя крыша не стояла дырявой, и что не вѣрю я во всѣ его рассказы о народномъ благѣ, коли онъ свою собственную, милую, добрую жену не умѣетъ сдѣлать счастливою.

Въ продолженіи этой филиппики, Клерхень Мюнцеръ то блѣднѣла, то краснѣла и съ трудомъ удерживала слезы. Теперь, когда тетушка Белла замолчала, она подняла на нее влажные глаза и проговорила тихимъ и дрожавшимъ отъ внутренняго волненія голосомъ:

— Тетушка Белла, вы знаете, какъ я васъ люблю и уважаю и какъ я дорожу вашею дружбою; вы—мой единственный другъ; но именно потому-то я и прошу васъ не говорить такъ о Беригардѣ; я не могу, я не должна выслушивать это. И если бы я въ самомъ дѣлѣ была несчастна, за что же вы меня хотите лишить моего единственнаго утѣшенія—знакомства съ вами?

— Ну полно, полно, заговорила тетушка Белла, стараясь задобрить свою собесѣдницу,—развѣ я хотѣла тебя обидѣть? Между пріятельницами не годится каждое лыко принимать въ строку, вѣдь этакъ и разговору никакого быть не можетъ. Вы знаете, какого я высокаго мнѣнія о Мюнцерѣ, по позтому-то самому я и желала бы, чтобы онъ въ главномъ-то умѣлъ показать себя путнымъ человѣкомъ, а то во всей его учености, и дѣльности, и даровитости не будетъ никакого толку, какъ есть никакого.

— Но, скажите же, чего вы требуете отъ Беригарда? воскликнула Клерхень. Развѣ онъ не добръ ко мнѣ, не безконечно добръ, какъ я, ничтожное созданіе, того вовсе и не заслуживаю? Развѣ онъ не сама любовь въ отношеніи дѣтей? Развѣ онъ не трудится для насъ день и ночь?..

Тетушка Белла пожала плечами.

— Охъ, то-то и есть, что онъ слишкомъ много трудит-

ся и для другихъ, проговорила она, и что всего хуже, для такихъ, которые его же поднимаютъ на смѣхъ за его сливою. Сколько денегъ раздаетъ онъ ежегодно всѣмъ этимъ непризнаннымъ гениямъ, которые такъ и льнутъ къ нему съ просьбами о вспомошествованіи? Еще я ни слова не сказала бы, если-бы онъ былъ богатъ, но....

— Бернгардъ по неволѣ долженъ такъ поступать, возразила Клерхенъ,—его положеніе того требуетъ. Онъ многимъ и отказываетъ, потому что всѣхъ удовлетворить оцъ не въ состояніи; а между тѣмъ, никто больше меня не желалъ бы, чтобы онъ всѣмъ могъ помогать.

— Разсказывайте, разсказывайте, Клерхенъ, отвѣчала тетушка Белла, будто я и сама не знаю? Въ томъ что я собственными глазами видѣла, меня никто не разувѣритъ. Дай-то только Господи, чтобы и вашъ мужъ и мой братъ не сдѣлались жертвами того, что они величаютъ своими «убѣжденіями.» Ну что, какъ прошелъ нынѣшній день въ городѣ?

— Все было тихо, такъ что мнѣ пришло на мысль, не прогуляется ли со мною Бернгардъ, окончивъ свои дѣла въ редакціи? я такъ давно уже не выходила изъ дому.

— А вотъ я сейчасъ пошлю у него спросить, сказала тетушка Белла.

Клерхенъ было вздумала возражать, но Белла ея не послушалась. Посланная служанка вернулась съ отвѣтомъ, что докторъ Мюнцеръ нынѣшній вечеръ заваленъ работою, а потому не можетъ проводить барыню домой, только проситъ ее вернуться пораньше, такъ какъ сегодня вечеромъ, должно быть, не совсѣмъ спокойно будетъ въ городѣ.

— Опять! воскликнула тетушка Белла, всплеснувъ руками. И что это имъ не живется мирно? Чего они добиваются? Вѣдь ужъ, кажется, добрый король все сдѣлалъ, чего они хотѣли. Постойте, Клерхенъ, я сама провожу васъ домой, мнѣ все равно надо отдать башмаки въ магазинъ; мнѣ обѣщались тамъ отослать ихъ куда слѣдуетъ, это мнѣ будетъ по дорогѣ. Погодите только, Клерхенъ, съ минутку, надо пріодѣться, а то вѣдь я на лѣснаго чорта похожа.

И тетушка Белла скрылась въ сосѣдную комнату, гдѣ провозилась минутъ съ пять, двигая коммодами и гремя ключа-

ми. Надо вамъ сказать, что тетушка Белла, не смотря на свою собственную пуритическую честность, всегда была готова поддѣлывать другихъ, въ особенности слугъ, и никогда не отлучалась изъ своей комнаты, не обезопасивъ, какъ слѣдуетъ, своей стародѣвическій скарбъ отъ возможныхъ покушеній на него слишкомъ длинныхъ рукъ.

Въ ту самую минуту, когда тетушка Белла, въ поношенной шляпѣ съ широкими полями на головѣ, показалась на порогѣ своей спальни, въ комнату вошла служанка и подала письмо писанное рукою Петра. Въ немъ было всего нѣсколько словъ: — мы будемъ въ пятницу вечеромъ съ семичасовымъ поѣздомъ. Оба мы въ добромъ здоровьи. Дай знать Мюнцеру. Au revoir. П.

— Вотъ тебѣ на! воскликнула Белла. Ну ужъ денекъ задался мнѣ сегодня! Хоть-бы комната Петра успѣла просохнуть хорошенько, и того нѣтъ! Ну, Клерхенъ, я не могу идти съ вами. Ступайте, милочка, однѣ, да зайдите по дорогѣ въ магазинъ и отдайте вотъ эту посылочку; скажите только, что она отъ меня; ужъ они тамъ знаютъ, что съ ней дѣлать. Прощайте, милая Клерхенъ; да смотрите, заходите къ намъ завтра. Прощайте, голубушка. — И тетушка Белла чуть не вытолкала свою гостью за дверь, помня, что магазинъ запирается въ половинѣ девятаго. Тетушка Белла въ жизнь свою не простила бы себѣ малѣйшую неакуратность со стороны таинственной знатной дамы въ доставкѣ рукодѣлій.

Едва успѣла Клерхенъ завернуть за уголъ улицы, какъ къ знакомому намъ дому съ другой стороны подѣхали дрожки; изъ этихъ дрожекъ выскочилъ невысокій, широкоплечій мужчина лѣтъ сорока и помогъ выдти изъ экипажа молоденькой дѣвушкѣ, красота когорой до того поразила служанку, выбѣжавшую на крыльцо прнять вещи пріѣзжихъ, что та, будто и не слышала вопроса господина: а гдѣ же запропастилась фрейлейнъ Белла.

Пять минутъ спустя, извѣстіе о пріѣздѣ хозяина и «молоденькой барышни» проникло и въ комнату Петра, которую Белла съ помощью подмастерья и кухарки приводила въ порядокъ, не щадя своихъ силъ. Тетушка Белла сунула вѣникъ,

которымъ орудовала въ эту минуту, въ руки подмастерью (а тотъ не преминулъ скорчить ей вслѣдъ самую отвратительную гримасу) и устремилась внизъ по лѣстницѣ. Распахнуть дверь, залягаться слезами при видѣ хорошенькой Оттиліи, одѣтой въ трауръ, и заключить прелестное дитя въ свои объятія, было для тетушки Беллы дѣломъ одной минуты.

— Ну, ладно, ладно Белла, проговорилъ Петръ, когда чередъ обниманья дошелъ до него; хорошенькаго понемножку. Помоги-ка Оттиліи снять дорожное платье, да дай ей хорошенько отдохнуть. А мнѣ еще надо побывать въ редакціи.

И приласкавъ еще разъ съ отеческой нѣжностью красавицу Оттилію, Петръ отправился въ редакцію. Петру Шмицу былъ недосугъ отдыхать, возвращаясь изъ путешествія.

XIV.

— Здравствуйте, господа! Ну что, какъ дѣла идутъ? проговорилъ Петръ Шмицъ, быстрыми шагами входя въ комнату.

— Плохо! отвѣчалъ докторъ Мюнцеръ, подавая Петру лѣвую руку, а правую продолжая писать статью, которую онъ былъ занятъ въ эту минуту.

— А, здорово Шмицорумъ, воскликнулъ докторъ Гольмъ, обрадовавшись возможности оторваться на минуту отъ скучной работы, поднимаясь съ своего мѣста и протягивая руку Шмицу. Съ прїѣздомъ честь имѣю поздравить. Ну что, благополучно ли вы возвратились изъ страны угрюмыхъ елей? А гдѣ же прелестная дѣвушка, дочь безвременно погибшаго отца?

— Сдѣлайте одолженіе Гольмъ, повремените сыпать цвѣтами вашего плохого краспорѣчія, пока я окончу вотъ эту статью, замѣтилъ докторъ Мюнцеръ.

— Умолкни и пиши себѣ далѣе, проговорилъ докторъ Гольмъ, съ величественнымъ движеніемъ руки обращаясь къ своему трудолюбивому товарищу и, отведя Петра Шмица къ окну, принялся въ полголоса распрашивать его о подробностяхъ поѣздки.

Редакція помѣщалась въ довольно низкой комнатѣ средней

величины, обитой старыми, потемнѣвшими обоями, которые во многих мѣстах поотстали отъ сырыхъ стѣнъ. Все убранство этой комнаты состояло изъ большого стола, заваленнаго бумагами, книгами и письменными принадлежностями; изъ трехъ письменныхъ креселъ и изъ полки для старыхъ газетъ. Въ одной изъ дверей было придѣлано окно, на половину закрытое занавѣскою изъ поливялой зеленой матеріи, въ которое можно было видѣть наборщиковъ, работавшихъ за своими конторками.

Атмосфера комнаты, не смотря на открытыя окна, представляла не совсѣмъ пріятное смѣшеніе запаха свѣжихъ типографскихъ чернилъ съ запахомъ застоявшагося табачнаго дыма.

— Дописалъ! — И съ этимъ восклицаніемъ докторъ Мюнцеръ бросилъ перо на столъ и передалъ въ окошечко еще невысохшую рукопись, съ наказомъ набирать ее какъ можно скорѣе, а корректуру принести къ нему. За тѣмъ онъ еще разъ подавъ руку Петру и проговорилъ: — ну, теперь я могу съ вами поздороваться, mon cher; пора, пора было вамъ воротиться. Настоящая минута критическая; не далѣе какъ нынче вечеромъ должна рѣшиться судьба революціи въ нашемъ городѣ, а черезъ примѣръ, который мы подадимъ, быть можетъ, и въ цѣлой странѣ.

— Что у васъ такое затѣвается? спросилъ Петръ.

— Развѣ вамъ Гольмъ ничего не говорилъ? — И при этихъ словахъ докторъ Мюнцеръ строго взглянулъ на доктора Гольма своими огненными голубыми глазами. — Такъ объ чемъ же, скажите на милость, шель у васъ разговоръ?

— О вождѣленномъ событіи, о пріѣздѣ очаровательной Оттиліи, отвѣчалъ докторъ Гольмъ, вынимая трубку изо рта и выводя ее кончикомъ въ воздухъ букву О.

— Вотъ какъ! сухо возразилъ докторъ Мюнцеръ. Ну, пріѣхали они благополучно, и слава Богу; еще завтра успѣемъ объ этомъ потолковать. А сегодня у насъ на рукахъ болѣе важное дѣло. Я уже писалъ вамъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Петру, что сегодня вечеромъ должна состояться величественная демонстрація. Въ нашемъ распоряженіи находится до пяти тысячъ работниковъ и пролетаріевъ, кото-

рые соберутся передъ ратушей и будутъ требовать оружія. Мы должны задать страху, пока еще время. Надо ковать желѣзо, пока оно горячо.

— Отлично, превосходно, проговорилъ Петръ, не спускавшій все это время глазъ съ своего собесѣдника. Когда же начнется потѣха?

— А вотъ, мы въ восемь часовъ назначили народу собираться въ трактиръ «Римлянинъ». Тамъ самое просторное помѣщеніе.

— И пиво отличное, добавилъ Гольмъ.

— Для Гольма и другихъ жаждущихъ душъ, замѣтилъ Мюнцеръ. Я буду говорить рѣчь и вы тоже, Шмицъ, должны что нибудь сказать. Объ одномъ только я васъ буду просить: откиньте вы на нынѣшній день частичку вашего обычного благодушія; идите до послѣдней границы возможнаго и старайтесь хорошенько ихъ подзадорить плачевнымъ исходомъ тѣла въ Баденѣ.

Въ эту минуту посышалось восклицаніе: — господинъ докторъ, корректура! и чья-то рука просунула въ окошечко влажный листъ.

— Это что такое? Добавочный листокъ? спросилъ Шмицъ.

— Да, отвѣчалъ Мюнцеръ, направляясь съ корректурою къ столу; всего только нѣсколько строкъ: новѣйшія извѣстія изъ Констанца и Донаушингена, съ прибавленіемъ кое-какихъ своевременныхъ размышленій отъ моего лица.

— Сказали бы вы лучше несвоевременныхъ, проворчалъ докторъ Гольмъ, снова усѣвшійся противъ Мюнцера и набиравшій себѣ трубку изъ выдвижнаго ящика въ столѣ, содержащаго всѣ его курительныя принадлежности.

Петръ Шмицъ, обдумывавшій въ эту минуту рѣчь, которую ему предстояло сказать, расхаживалъ быстрыми шагами по комнатѣ и, то и дѣло, ерошилъ себѣ густые сѣдые волосы.

Мюнцеръ окончилъ корректуру, передалъ ее въ окно, снова наказавъ главному мастеру поторопиться, такъ какъ ему хотѣлось, чтобы наборщики попали на скодку, и, скрестивъ руки на могучей груди, остановился у црытолки, задумчиво уставивъ глаза въ землю.

— Странное дѣло, проговорилъ онъ, немного помолчавъ, ме-

дленно и какъ-бы разсуждая съ самимъ собою: мы, нѣмцы, рѣшаемся дѣйствовать только тогда, когда удобная для этого минута уже прошла. Кабы дѣлалось по вашему, Гольмъ, то мы, вмѣсто того, чтобы идти въ народное собраніе, забились-бы куда-нибудь въ кабакъ и, потягивая пиво, сказали-бы, пожалуй двѣ, три рѣчи, въ назиданіе наострившихъ уши филистеровъ, въ которыхъ мы подробно изложили-бы имъ, какъ-бы повели дѣло, если-бы реакція, смиловавшись, отдала намъ книги въ руки.

— Великую ты истину изрекъ, дружище, самъ того не помышляя, весело отвѣчалъ Гольмъ. Само собою разумѣется, что душа моя жаждетъ усладительной влаги, потому что, чтобы тамъ не говорили люди, презирающіе гастрономическія наслажденія.

Dem Guten ist's vergonnen
Wenn des Abends sinkt der Sonnen
Dass er in sich geht und denkt
Wo man einen Guten schenkt... *)

Но не эта потребность, общая мнѣ съ остальнымъ человѣчествомъ, дѣлаетъ меня противникомъ вашего плана; возставляетъ меня противъ него мое положительное убѣжденіе, что минуту для *Coup d'etat* вы выбрали неудобную и что мы потерпимъ жестокое фіаско.

— Но скажите-же, ради бога, почему, почему? воскликнулъ Петръ, который уже разъ порывался перебить доктора Гольма, пока тотъ, по обыкновенію не торопясь, излагалъ свое мнѣніе. Болѣе благопріятной минуты и желать невозможно; Баденскія происшествія громко говорятъ въ нашу пользу...

— Во вредъ намъ, вы хотите сказать, перебилъ его докторъ Гольмъ, это будетъ вѣраѣе. Каждому человѣку, если только онъ не ослабленъ страстно, подобно вамъ, они доказываютъ, что дѣло народа въ самомъ народѣ лишено твердой опоры. Это, конечно, не помѣшаетъ разнымъ буржуа въ каждомъ уличномъ волненіи видѣть превозглашеніе республики, но у нашихъ-то людей падетъ духъ, и это будетъ совершен-

*) Добродѣтельному мужу позволено при захожденіи дневнаго свѣтила погружаться въ самого себя и пораѣмыслить о томъ, гдѣ бы хватить добрый отаканчикъ...

но понятно. И въ такую-то митуту вы требуете выдачи оружія народу. Да знаете-ли вы, что въ переводѣ на языкъ фанатиковъ спокойствія вы провозглашаете, такимъ образомъ, республику? Посмотримъ, далеко ли вы уйдете по этому пути. А въ случаѣ неудачи, которая для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, дѣло можетъ принять очень худой для насъ оборотъ. Ваше избраніе, любезный Мюнцеръ, далеко еще не такъ вѣрно. Президентъ фонъ Гогенштейнъ имѣетъ на своей сторонѣ больше голосовъ, чѣмъ вы полагаете, а нынѣшній вечеръ сдѣлаетъ то, что отъ васъ отойдутъ всѣ колеблющіеся и равнодушные, которые, быть можетъ, еще и подали-бы голосъ въ вашу пользу. Потому-то я и говорю: умнѣе-бы было съ нашей стороны дѣлать возліянiя Бахусу пивомъ; а то, пожалуй, и виномъ; только, что до меня касается, я предпочитаю первое.

И докторъ Гольмъ снова перешелъ въ веселый тонъ, который каждый разъ, какъ разговоръ заходилъ, принималъ серьезный оборотъ, и смѣнялся у него воодушевленною громкою рѣчью.

Мюнцеръ слушалъ его все время съ напряженнымъ вниманіемъ.—Да, да, проговорилъ онъ съ презрительнымъ подергиваньемъ губъ и ноздрей, Гольмъ правъ, совершенно правъ, какъ и всѣ тѣ, которые въ своихъ политическихъ соображеніяхъ принимаютъ людей за то, чѣмъ они представлялись Саллюстію:—за стадо тупыхъ двуногихъ животныхъ, незнающихъ другихъ интересовъ кромѣ интересовъ брюха. Но я не хочу принимать подобное основаніе для моихъ расчетовъ, хотя бы мнѣ и пришлось просчитаться. Я попробую принять за исходную точку своихъ дѣйствій, что я имѣю дѣло съ людьми, а не съ плотоядными и травоядными скотами. Къ тому же, теперь поздно раскапываться; о сдѣлкѣ³ объявлено;—всѣ знаютъ въ чемъ дѣло; вздумай мы теперь повернуть оглобли, на насъ падетъ упрекъ, уже не въ излишней осторожности, а, просто на просто, въ трусости; другими словами, мы лишимъ себя всякаго кредита на будущее время. Вы какъ объ этомъ думаете, Шмицъ?

— Тутъ и спрашивать нечего, отвѣчалъ Петръ, я положительно того мнѣнія, что надо-же намъ наконецъ рѣшиться на

что-нибудь серьезное. Вы знаете мою любимую поговорку: лучше какъ ни на есть покончить дѣло, чѣмъ мучиться нескончаемыми опасеніями. Всюду, гдѣ я ни проѣзжалъ, настроеніе умовъ было для насъ самое благопріятное.

— Вотъ то-то и есть, воскликнулъ докторъ Гольмъ, на этотъ разъ съ серьезнымъ одушевленіемъ, что вы сегодня принимаете народъ за машину, которую вы можете направлять, какъ вамъ угодно, а завтра за квинт-эссенцію жизни, энергіи и высшей мудрости. Въ сущности же онъ ня то, ни другое; онъ не болѣе какъ масса болѣе или менѣе хорошихъ людей, — болѣе или менѣе плохихъ музыкантовъ, изъ которыхъ каждый отдѣльный индивидуумъ преслѣдуетъ свои личные интересы, каковы бы они ни были. И такъ, если вы хотите теперь все это общество подчинить одному началу, то вы должны прежде усвоить себѣ великую тайну, соглашать всѣ эти миллионы разнородныхъ интересовъ между собою.

— Что пользы толковать, воскликнулъ Мюнперъ съ нетерпѣніемъ; мы зашли уже слишкомъ далеко, чтобы поворачивать назадъ. Надо идти въ собраніе; давнымъ давно пора. Идете вы съ нами или нѣтъ?

— Ужъ вы сейчасъ и вывели изъ моихъ словъ богъ знаетъ какія заключенія! отвѣчалъ Гольмъ, выколачивая пепель изъ своей трубки. Тамъ гдѣ всѣ говорятъ, Гольмъ одинъ не будетъ молчать; этакой непослѣдовательности за нимъ не водится. И такъ, идемъ на Римъ!

— Шт! стучать! войдите! Кто-бы могъ быть сей незваный гость?

Дверь съ шумомъ отворилась и въ комнату вломился приземистый, широкоплечій человекъ въ синей блузѣ; грубое, некрасивое лице его было запачкано угольной пылью, потомъ и кровью, косые глаза сверкали гнѣвомъ. Едва вломившись въ комнату, онъ закричалъ задыхающимся голосомъ. Измѣна! измѣна!

— Что такое случилось, Кристофъ? воскликнули всѣ три собесѣдника въ одно слово.

— Собака! Блѣднолицый, желтозубый плуть!.. крикнулъ Кристофъ и при этомъ взмахнулъ въ воздухъ богатырскимъ ку-

лакомъ такъ, что случись тутъ, какой хотите, свлачь-протѣвникъ, его непременно сшибло-бы съ ногъ.

— Да расскажите же, Кристофъ, что такое случилось? проговорилъ Мюнцеръ съ кажущимся спокойствіемъ, которому странно противорѣчиво напряженное, встревоженное выраженіе его лица.

— А вотъ что случилось! И съ этими словами Кристофъ скинулъ шапку, а съ нею вѣтъ и изодранный бумажный платокъ, запачканный кровью, которымъ онъ повязалъ себѣ рану на головѣ, при чемъ нѣсколько капель крови просочилось сквозь его черные косматые волосы и потекло по лбу.

— Скорѣе Кристофъ, возьмите воды вотъ изъ этой бутылки, проговорилъ Петръ Шмицъ, да присядьте, а то вамъ сдѣлается дурно.

— И, вѣтъ, господинъ Шмицъ, ослабился Кристофъ, до этого еще далеко. Бывали мы и не въ такихъ передѣлкахъ; это меня больше съ сердцовъ такъ разобрало. Ну, да ужъ выйдеть же оно ему сокомъ, голубчику.

Кристофъ намочилъ платокъ водою, наложилъ его себѣ на голову, а на верхъ его надѣлъ шапку.—Ужъ не взыщите, господа, проговорилъ онъ, иначе платокъ не будетъ держаться. А теперь, господа, я вамъ расскажу по какой причинѣ я ужъ такъ больно разсвирѣпѣлъ. Вотъ-съ, примѣрно сказать, полчаса тому назадъ, входитъ къ намъ въ мастерскую этотъ блѣднотлицый, желтозубый плутъ, надсмотрщикъ, и говорить, что нынче вечеромъ шабашъ будетъ малую толику раньше, за тѣмъ-де, что господинъ Гейдманъ просить насъ, слышите, ли, просить пожаловать на фабричный дворъ, гдѣ уже и другіе всѣ въ сборѣ, ему-де нужно съ нами поговорить. А я ему на это въ отвѣтъ: коли господинъ Гейдманъ собирается съ нами переговорить о томъ, какъ-бы рабочій день на часокъ поубавить, а заработную плату на пять грошей увеличить, то ладно, а вѣтъ, такъ мы его и слушать не хотимъ. Ну, сами посудите, господа, не дѣло-ли я сказалъ? Вѣдь вамъ извѣстно, господинъ докторъ.

— Къ дѣлу, къ дѣлу, съ нетерпѣніемъ проговорилъ Мюнцеръ.

— Вотъ мы отправились; видимъ, на дворѣ собрались всѣ

рабочіе, съ сотню ихъ будетъ, да и съ залишкомъ, пожалуй, а посреди ихъ стоять... Какъ-бы вы думали, кто стоитъ?—Господишь Гейдманъ и... тутъ Христофъ поглядѣлъ своими косыми глазами на Петра Шмица. Конечно, господинъ Шмицъ, вы тутъ ни душою, ни тѣломъ не виноваты, а не желалъ-бы я имѣть такого плута своимъ зятемъ.

— Развѣ штатдтратъ былъ тамъ? спросилъ Петръ.

— Да, и онъ говорилъ намъ предлинную рѣчь о томъ, что намъ, конечно, не такъ хорошо, какъ бы мы того заслуживали, но что потерпите, молъ, скоро будетъ лучше, только держите себя смирно и не бунтуйте, не то все пойдетъ вверхъ дномъ. Затѣмъ онъ совѣтовалъ намъ не ходить нынѣшней вечеръ на сходку. Господа, которые будутъ тамъ розглагольствовать, продолжалъ онъ, принадлежать къ демократическому обществу, и нарываютъ только въ мутной водѣ рыбу ловить, о нашемъ-же благѣ и не думаютъ. Что онъ тамъ еще говорилъ, не припомню. Постой же, подумалъ я про себя, выведу я тебя на свѣжую воду! Вотъ я протолкался впередъ и говорю:—Слушайте! братцы! все это ложь и пустыя рассказы. Если штатдтратъ доподлинно знаетъ, какъ пособить нашему горю, пускай его идетъ на сходку; тамъ есть люди, которые лучше насъ, людей темныхъ, съужьютъ ему отвѣтить. Да и стыдились бы вы, говорю я, господинъ штатдтратъ, такъ отзываться о демократическомъ обществѣ, въ которомъ, какъ вамъ извѣстно, вашъ же шуринъ, честный господинъ Шмицъ, состоитъ вице-президентомъ. Плохая, я говорю, та птица, которой ни почемъ загрязнить родное гнѣздо.

— Ну, думаю про себя, теперь то тебя, братъ Христофъ, поднять на ура; не тутъ то было! Всѣ стоятъ съ похуренными головами, а кадмошникъ какъ схватитъ меня за грудь, да закричитъ: вонъ его, гони его отсюда! А господинъ Гейдманъ кричитъ:—чтобъ духу его больше не было на фабрикѣ! И цѣлая дюжина подлецовъ, у которыхъ были со мною еще старые счеты, подхватила—вонъ его, гони его!—Я схватилъ надмошника и стряхнулъ его съ себя, при чемъ маленько ударилъ его о стѣну, тутъ всѣ остальные бросились меня колотить. Я оборонялся какъ могъ, только вѣдь, сами знаете, господи, спла солому ломить; кончилось тѣмъ, что меня вы тол

жали на улицу. Ну, да я еще имъ припомню это, не будь моего Кристофъ Ункель, коли я не припомню.

И Кристофъ ударилъ кулакомъ по столу, такъ что чернила плеснули изъ чернильницы на бумагу. Присутствующие переглянулись между собою.

— Да, продолжалъ Кристофъ, штатдиръ побывалъ и у Шейдера, и у Грискофа съ компаніей, и у другихъ, и говорить, что веюду встрѣтилъ сочувствіе, а потому и надѣется, что мы не составимъ исключенія изъ общаго правила.

— Однако дѣло плохо, проговорилъ Петръ Шмицъ.

— Хуже и быть нельзя, замѣтилъ докторъ Гольмъ.

— Ну, да будь что будетъ, съ жаромъ воскликнулъ Мюнцеръ, мы должны исполнить свой долгъ. Отступить въ настоящую минуту народъ, значитъ, на вѣки испортить дѣло. А я еще хочу испробовать, неужели и впрямь народъ пересталъ слушаться моего голоса. Идете вы или нѣтъ?

— Ура, воскликнулъ Кристофъ, теперь начинается потѣха. Мы имъ перещуаемъ ребра, такъ что они въ недѣлю не оправятся.

— Что тутъ спрашивать: конечно мы идемъ съ вами, — отвѣчалъ Петръ Шмицъ, перекидывая черезъ руку запыленное дорожное пальто, брошенное имъ при входѣ на подоконникъ.

— Не откажите мнѣ, Кристофъ, въ опорѣ вашей, могучей мускулистой руки, произнесъ докторъ Гольмъ, поднимаясь съ своего мѣста.

И всѣ четверо вышли изъ редакціи. Въ сѣняхъ Петръ вспомнилъ, что онъ не предупредилъ «бабье» о своемъ уходѣ.

— Перетревожите ихъ только по пустому, замѣтилъ Мюнцеръ; намъ дорогá каждая минута; пойдете!

На улицѣ ихъ встрѣтила толпа вѣрныхъ рабочихъ, давно уже дожидавшаяся тутъ появленія господъ, что пишутъ въ Народномъ Вѣстникѣ, съ тѣмъ, чтобы проводить ихъ процессіей въ «Римъ», гдѣ была назначена сходка.

XV.

Часа два спустя, прозрачная весенняя ночь царилá надъ городомъ. По темному небу плылъ полный мѣсяцъ и лглы свои кроткіе лучи на башни и кровли домовъ.

Но по улицамъ, освѣщеннымъ луною, двгались взадъ и впередъ безпокойныя толпы жителей.

Чудная весенняя ночь и разнесшійся по всему городу смутный слухъ, «что сегодня пойдетъ потѣха», — все это вмѣстѣ не давало людямъ спать. Они собирались небольшими кучками по улицамъ и площадямъ, и съ пѣснями шумными толпами расхаживали по городу. Все это движеніе смахивало на карнавалъ, но ему не доставало веселаго праздничнаго характера, вмѣсто котораго чувствовалось въ воздухѣ какое-то тревожное оживленіе.

Въ старинной залѣ ратуши засѣдали съ самаго полудня старѣйшины города вокругъ своего главы оберъ-бургомистра, доктора обоихъ правъ, Себальдуса Виллиброда Даша. Герръ Виллибродъ Дашъ былъ видный мужчина, шести футовъ роста, и притомъ непропорціонально, другими словами, феноменально тучный. Быть можетъ, Герръ Виллибродъ Дашъ и не успѣлъ-бы такъ раздаться въ ширину, если-бы ему съ той поры, какъ сдѣлался оберъ-бургомистромъ, т. е. за послѣдніе десять лѣтъ, приходилось испытывать, хоть разъ въ мѣсяцъ по двадцать по четыре часа, столько душевныхъ потрясеній, сколько выпало на его долю сегодня. Завистники и враги (а у какого высокопоставленнаго и великаго мужа ихъ нѣтъ?) и то увѣряли, что съ марта текущаго года онъ ежедневно теряетъ вѣсу на одинъ фунтъ. Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію тотъ фактъ, что за все это время ни разу не видали на его широкомъ лицѣ той самодовольной, чтобы не сказать наглой, усмѣшки, которая, въ былыя времена, играла на его толстыхъ, грубо чувственныхъ губахъ и въ маленькихъ, занывшихъ, жирныхъ глазахъ. За то нерѣдко видали, какъ онъ съ озабоченнымъ видомъ утиралъ потъ, струившійся по его лбу; но никогда еще такъ учащенно не повторялъ онъ это движеніе, какъ въ вышеупомянутый теплый весенній вечеръ.

Да и душно же было въ залѣ засѣданія, за толстыми каменными стѣнами. Немудрено, что оберъ-бургомистръ и прочіе члены совѣта, то и дѣло, подходили къ окнамъ и сквозь опущенныя зеленныя занавѣски поглядывали на площадь, кишѣющую народомъ, чтобы удостовѣриться, что батальонъ граж-

данской стражи, нѣсколько часовъ уже стоявшій подъ ружьемъ передъ зданіемъ ратуши, удерживаетъ малодушно свою позицію, съ которой никто и не помышлялъ его сбивать. Чѣмъ болѣе смеркалось, тѣмъ краснѣе разливался по площади отблескъ плашекъ, зажженныхъ въ большихъ канделябрахъ передъ зданіемъ ратуши, тѣмъ жутче становилось почтеннымъ членамъ совѣта. Теперь уже имъ не оставалось и тѣни сомнѣнія въ томъ, что люди, заправляющіе чернью, нарочно затягиваютъ въ долгій ящикъ сходку, происходящую въ Римлянинѣ, чтобы подъ покровомъ ночной тьмы удобнѣе привести въ исполненіе свои злые умыслы. А чего-чего нельзя было опасаться отъ дерзости этихъ людей. Грабежъ, пожаръ, убійство, все было возможно.

Тщетно старались нѣкоторые члены совѣта, изъ болѣе храбрыхъ, ободрить другихъ, доказывая имъ, что ихъ дѣла еще не такъ плохи. Въ особенности штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ напиралъ на успѣхъ, которымъ увѣнчалось его старанія склонить на сторону праваго дѣла фабричныхъ работниковъ. Въ шести большихъ мануфактурахъ, осмотрѣнныхъ имъ послѣ обѣда по порученію совѣта, настроеніе рабочихъ оказалось вполне удовлетворительнымъ. На одной только машинной фабрикѣ Гейдтмана и компаніи раздалось нѣсколько оппозиціонныхъ голосовъ, да и тѣхъ остальные живо заставили молчать. А пока этотъ опасный рабочій классъ не идетъ рука объ руку съ возмутителями, нѣтъ никакого основанія предаваться серьезнымъ опасеніямъ. Затѣмъ штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ выставилъ на видъ, что сходка, если только не солгали поголовно подосланные, многочисленные лазутчики далеко не такъ многочисленна, какъ надѣялись агитаторы, и какъ того опасались друзья порядка; вмѣсто шести тысячъ не собралось и шестисотъ человѣкъ. Онъ допускалъ, что поздній часъ благоприятствуетъ всякой попыткѣ возстанія, что докторъ Мюнцеръ человѣкъ опасный, а шуринъ его Шмицъ, — тутъ штадтратъ пожалъ плечами, — въ высшей степени эксцентричная голова, чтобы не сказать хуже; но все-же оба слишкомъ умны, чтобы безвозвратно компрометировать себя въ предпріятіи, исходъ котораго такъ сомнителенъ, и ни за что ставить свою жизнь на карту. Въ заключеніе онъ объ-

явля, что многіе офицеры изъ его прежнихъ знакомыхъ увѣряли его, что войска горятъ нетерпѣніемъ выместить на народѣ, претерпѣнныя ими за послѣднее время, по его же милости, непріятности военнаго положенія, и только ждутъ приказанія, чтобы кинутся на чернь.

На увѣренія господина фонъ-Гогенштейна не слишкомъ-то поддались; но это не помѣшало почтенному собранію признать великія или, какъ энергически выразился оберъ-бургомистръ Дашъ, безсмертныя услуги, оказанныя сегодня городу его разумнымъ, энергическимъ образомъ дѣйствій; и тѣмъ болѣе выражали ему признательности за эту услугу, что отъ него, какъ отъ отпѣтаго либерала, втайнѣ опасались совсѣмъ иного образа дѣйствій. Въ послѣдніе восемь дней въ штадтратѣ произошла великая перемена: онъ замѣтно начиналъ склоняться на правую сторону; ходили слухи, что онъ окончательно помпирлся съ своимъ богатымъ дядей, со старымъ рейнфельденскимъ генераломъ; а въ какихъ онъ отношеніяхъ находился съ братьями,—это можно было видѣть не далѣе, какъ сегодня утромъ, когда президентъ фонъ-Гогенштейнъ, явившись въ ратушу для переговоровъ съ магистратомъ, облобызался съ братомъ въ пріемной, въ присутствіи всѣхъ канцелярскихъ служителей и разсылныхъ. Оно конечно, какъ было и не вспомнить кровному дворянину въ рѣшительную минуту, что предки его, много и вѣковъ тому назадъ, еще въ то время, когда о нынѣ царствующей династіи не было и помину, могучими баронами царили надъ странною, держа въ своихъ рукахъ право жизни и смерти.

Въ этихъ безсвязныхъ разговорахъ; въ этомъ робкомъ ожиданіи, время шло да шло, и было уже половина десятаго, а совѣтъ все еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Между тѣмъ батальонъ національной гвардіи, стоявшій передъ ратушей, надо было смѣнить другимъ, далеко не столь надежнымъ; какъ первый.

Въ рядахъ начинали раздаваться, тамъ и сямъ, голоса:— курамъ на смѣхъ; что-ли, мы тутъ стоимъ, да смотримъ, какъ смола отъ плешекъ каплетъ намъ на мундиры? Ужъ если и впрямъ демократы собираются поджечь городъ со всѣхъ че-

тырехъ концовъ, такъ шли-бы себѣ господа члены домоу, да оберегали бы себѣ каждый свою семью.

Тщетно офицеры уговаривали недовольныхъ; даже рѣчь, произнесенная оберъ-бургмистромъ Дашемъ съ верхней ступеньки лѣстницы ратуши, не имѣла никакого результата. На его патетическій вопросъ:—развѣ не всѣ мы дѣти одного города? Послышался возгласъ:

— Да здравствуетъ толстый Дашъ, да и намъ, братъ, вмѣстѣ съ нимъ, ура!—И вооруженная сила и народъ весело подхватили этотъ возгласъ. Наконецъ согласилась національная гвардія подождать еще полчаса, но, если и по прошествіи получаса все еще «не начнется потѣха», гвардія объявила, что разойдется по домамъ.

Оберъ-бургмистръ, пыхтя и обливаясь потомъ, возвратился въ залу засѣданія, велѣлъ запереть всѣ двери и попросилъ всѣхъ господъ присутствующихъ подарить ему нѣсколько минутъ вниманія. Когда всѣ собрались вокругъ зеленого стола, онъ началъ силымъ шопотомъ, какъ-бы опасаясь, чтобы звукъ его словъ какъ-нибудь не пробился наружу, сквозь толстыя стѣны и двери.

— Милостивые государи! Рѣшительная минута настала, въ этомъ я уже не могу долѣе сомнѣваться, послѣ всего, что я видѣлъ и слышалъ. Фанатическая чернь распоряжается самоуправно, отгѣснивъ въ сторону людей благомыслящихъ; національная гвардія грозитъ отпаденіемъ; намъ болѣе не на кого полагаться, кромѣ самихъ себя, да превосходнаго регулярнаго войска, послѣдней опоры порядка, олтара и семейнаго очага. Комендантъ города, генераль-майоръ, графъ Гинкель фонъ-Гакельбергъ, сію минуту присылалъ мнѣ сказать съ своимъ адъютантомъ, что все регулярное войско къ нашимъ услугамъ. Надѣюсь, господа, что вы одобрите мой отвѣтъ: я просилъ ему передать, что непремѣнно воспользуюсь его предложеніемъ, если черезъ полчаса грозныя тучи, висящія надъ нашими головами, не разсѣются.

Милостивые государи! я сознаю, что, при настоящихъ томительныхъ обстоятельствахъ, такая долгая отсрочка минуты спасенія есть уже самоотверженіе, граничащее съ героизмомъ;

но, милостивые государи, въ виду недавнихъ событій въ нашемъ городѣ, которыя еще свѣжи въ памяти каждаго, мнѣ казалось, что для поддержанія нашего достоинства, нашей чести, мы должны по возможности избѣгать столкновенія между войскомъ и чернью, пока это хоть сколько нибудь совмѣстно съ общою безопасью. Знаю, господа, что велика моя отвѣтственность, знаю, что въ эти полчаса гроза можетъ разразиться надъ главами многихъ добрыхъ гражданъ, и прежде всего надъ нашими же собственными головами.

Но, пускай критическая минута застанетъ всѣхъ насъ на нашемъ посту; не такъ ли, господа, вы не оставите ваннего оберъ-бургомистра?

Послѣднія слова герръ Виллибродъ Дашъ прозвнесъ глубоко взволнованнымъ голосомъ. Онъ принужденъ былъ на минуту остановиться, чтобы утереть потъ, струившійся по его лицу. Торжественная была минута, когда всѣ присутствующіе поднялись съ своихъ мѣстъ, давая этимъ знать, что они готовы и жить и умереть съ своимъ храбрымъ вождемъ.

— Но, продолжалъ герръ Виллибродъ Дашъ, когда смолкнулъ глухой ропотъ одобренія, — хотя мы съ своей стороны и готовы пожертвовать и жизнью, и имуществомъ для праваго дѣла, на насъ лежитъ обязанность охранять достояніе города отъ дерзкихъ покушеній черни. Прежде всего намъ надо подумать о государственныхъ кредитныхъ билетахъ, суммою на триста тысячъ талеровъ, которые, какъ вамъ извѣстно, господа, вслѣдствіе особыхъ соображеній, до сихъ поръ еще не пущены въ обращеніе; кто поручится намъ, что обстоятельство это неизвѣстно предводителямъ возстанія? Кто поручится намъ, что тамъ (и при этомъ Дашъ указалъ на дверь и еще болѣе понизилъ голосъ) не кроется измѣны? Развѣ мы можемъ полагаться на нашихъ служителей, разсылныхъ, писцовъ? Развѣ мы можемъ безусловно рассчитывать на ихъ благодарность и преданность?

Нѣтъ, господа, не будемъ закрывать глаза на опасности нашего положенія. Мы одни, намъ не на кого болѣе полагаться, какъ на самихъ себя. А потому, послушайте мое предложеніе: — государственнымъ кредитнымъ билетамъ и другимъ важнымъ бумагамъ не слѣдъ оставаться въ такомъ мѣс-

тѣ, про которое знаютъ слишкомъ многіе. Мы должны ихъ препроводить куда-нибудь подальше, и мое точное знаніе всѣхъ угловъ и закоулковъ ратуши помогло мнѣ приискать для нихъ безопасное мѣстечко, куда не проникнуть и самому тонкому мошеннику. Но, вслѣдствіе соображеній, не нуждающихся въ дальнѣйшемъ поясненіи, неблагоразумно было-бы намъ приступить къ перемѣщенію бумагъ всѣмъ вмѣстѣ, а потому я предлагаю вамъ поручить это дѣло мнѣ и другому лицу, которое вы выберете изъ среды васъ самихъ на мѣсто нашего, столь не во время заболѣвшаго, казначея.

— Я предлагаю избрать для этого нашего почтеннаго товарища и друга, господина фонъ-Гогенштейна, который еще сегодня столь доблестно поработалъ на пользу общую и приобрѣлъ себѣ право на нашу признательность, проговорилъ хозяинъ машинной фабрики штадтратъ Гейдтманъ и компанія. Снова раздался глухой ропотъ одобренія. Оберъ-бургомистръ всталъ съ своего мѣста, а за нимъ и остальные старѣйшины города.

— Благодарю васъ, господа, отъ всего сердца, проговорилъ герръ Виллибродъ Дашъ, за хладнокровіе и высокое присутствіе духа, выказанное вами въ столь критическую минуту; достойнаго же моего друга и товарища, штадтрата фонъ-Гогенштейна, покорнѣйше прошу принять павшій на него единодушный выборъ.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ поклонился:—Голова моя и рука всегда къ услугамъ города, проговорилъ онъ, граціознымъ движеніемъ прижимая руку къ сердцу.

Когда оберъ-бургомистръ и герръ фонъ-Гогенштейнъ удалились изъ залы засѣданія, кто-то обратилъ вниманіе присутствующихъ на то обстоятельство, что штадтратъ сильно поблѣднѣлъ, когда Гейдтманъ произнесъ его имя, и что рука его замѣтно дрожала, когда онъ взялъ подсвѣчникъ, чтсбы освѣтить оберъ-бургомистру; но Гейдтманъ и остальные оспаривали этотъ фактъ и выставляли на видъ, что герръ фонъ-Гогенштейнъ достаточно доказалъ въ продолженіе нынѣшняго дня, что онъ и въ званіи городского сановника не утратилъ мужество дворянина и воина. Между тѣмъ, оберъ-бургомистръ Дашъ и его товарищъ пробирались длиннымъ узкимъ корридормъ, оканчивавшимся лѣстницею, которая вела на верхній

этажъ. Тамъ новый корридоръ привелъ ихъ къ запертой двери, замыкавшейся еще кромѣ того желѣзнымъ болтомъ съ привѣшенными къ нему хитрыми замками. Черезъ эту-то дверь, снова бережно заперевъ ее за собою, онъ вошелъ въ архивъ, а изъ архива въ мрачную комнату съ затхлою атмосферою; все убранство этой послѣдней состояло изъ сундуковъ и шкаповъ, по милости которыхъ окна комнаты были снабжены желѣзными рѣшетками. Эта-то комната и была казначейство.

— Уфъ! вздохнулъ докторъ Дашъ, затворивъ за собою тяжелую дверь, я просто не знаю куда дѣться сегодня отъ жару.

— А я такъ напротивъ, зябну, замѣтилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ; здѣсь, должно быть, ужасно холодно.

— Воздухъ сырой! отвѣчалъ докторъ Дашъ. Того и гляди, что уморишь себя по милости этихъ проклятыхъ демократовъ.

— Однако, любезный товарищъ, приступимъ къ дѣлу. Вотъ въ этомъ чемоданѣ лежатъ кредитные билеты; они всего нужнѣе. Подлинность остальныхъ бумагъ можно будетъ представить сомнительной. Но куда мы дѣнемся отъ нашихъ же собственныхъ кредитныхъ билетовъ въ одинъ-и въ пять талеровъ, какъ разъ они попадутъ какимъ нибудь не законнымъ образомъ въ обращеніе? А потому я и думаю, любезный товарищъ, что намъ прежде всего надо обезопасить эти триста тысячъ. Онѣ лежатъ въ жестяной шкатулкѣ вотъ въ этомъ сундукѣ. Позвольте-ка! Насилу-то открылъ! Извольте ли видѣть? А теперь потрудитесь вынуть тамъ ящичкъ, что поменьше; въ немъ прежде лежали первыя двѣсти тысячъ; можетъ статься, что большой ящичкъ не взойдетъ въ то пространство, куда я задумалъ его спрятать, тогда намъ придется переложить деньги въ меньшій ящичкъ. Вотъ этотъ ключикъ подходитъ къ нимъ обоньмъ.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ вынулъ обѣ указанныя ему шкатулки. Но въ ту самую минуту, какъ онъ отвернулся, тяжелая крышка сундука съ шумомъ захлопнулась. Штадтрадъ вздрогнулъ и испустилъ легкій крикъ.

— Падѣюсь, что васъ не ушибло? встревоженно спросилъ оберъ-бургомпстръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ штадтрадъ. Нервы мои сегодня что-то

возбуждены, усталость что ли тому причинной или болѣзнь моей жены.

— Выйдемте скорѣе изъ этого погреба; меня и самого начинаетъ знобить. Я поведу васъ къ задуманному мною мѣсту. Они вышли изъ комнаты казначейства, быстрыми шагами и во избѣжаніе всякихъ встрѣчъ, направились тѣмъ же корридоромъ къ двери, которую отперъ бургомистръ, шедшій на этотъ разъ съ подсвѣчникомъ впереди.

— Это, какъ видите, мой частный рабочій кабинетъ, замѣтилъ онъ. Грабителямъ никогда и въ голову не придетъ, чтобы я могъ отважиться держать городскую казну въ моей же собственной комнатѣ; они будутъ шарить по чердакамъ и подваламъ. Видите-ли этотъ шкафъ, придѣланный въ стѣнѣ, имъ то я и хочу воспользоваться. Никто кромѣ меня не знаетъ о его существованіи; я открылъ его случайно и держу въ немъ, какъ видите, нѣсколько бутылокъ вина, чтобы всегда имѣть ихъ подъ рукою. Потрудитесь переставить бутылки на верхнюю полку; а теперь, прошу васъ, помогите мнѣ поставить шкатулку въ шкафъ.

Но они не прилаживались, шкатулка не входила въ узкое отверстіе.

— Этого то я и боялся, проговорилъ оторопѣвшій оберъ-бургомистръ.

— Надо пріискать другое мѣсто, куда бы спрятать шкатулку, замѣтилъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Другаго мѣста я не знаю, а намъ каждая минута дорога. Надо переложить деньги въ другую шкатулку; больше дѣлать нечего. Вотъ ключъ, я его всегда держу при себѣ. Попробуемте-ка, войдетъ-ли другая шкатулка? Входитъ какъ нельзя лучше! Такъ живо же за работу! Намъ нельзя терять ни минуты.

Герръ Дашъ отперъ шкатулку съ деньгами. Видимо невидимо лежало въ ней новенькихъ кредитныхъ билетовъ, цѣнностью отъ одного и до ста талеровъ, аккуратно разложенныхъ пачками во сто и въ тысячу талеровъ.

— Я буду вамъ ихъ подавать, сказалъ оберъ-бургомистръ, а вы укладываете ихъ въ ту шкатулку. Тяжкимъ бы искуше-

вѣемъ была подобная работа для какого нибудь бѣдняка. Слава богу, что оба мы богаты. Что съ вами?

— Такъ, ничего, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ, осушаясь на ступь и отирая холодный потъ, выступившій у него на лбу. Нервы мои не совсѣмъ въ порядкѣ. Это сейчасъ пройдетъ.

— Выпейте стаканъ этого портвейна, сказалъ оберъ-бургомистръ, вынимая изъ шкапа одну изъ бутылокъ. Это васъ подкрѣпитъ.—Герръ фонъ-Гогенштейнъ дрожащею рукою наполнилъ стаканъ, стоявшій на столѣ, и выпилъ его залпомъ.

— Какъ вы себя чувствуете теперь? спросилъ докторъ Дашъ.

— Мнѣ лучше, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Въ такомъ случаѣ поспѣшимте кончить.

Въ эту минуту съ площади, на которую выходили окна кабинета, раздался громкій крикъ.

— Что это такое? воскликнулъ оберъ-бургомистръ и съ испугу уронилъ пачки, которыя были у него въ рукахъ, снова въ ящикъ.

Оба сановника бросились къ окну. При свѣтѣ мѣсяца и плошекъ можно было ясно разглядѣть все, что происходило на дворѣ.

Изъ одной изъ улицъ, примыкавшихъ къ площади, вышла черная колонна людей прямо по направленію къ ратушѣ. Толпа народа, тѣснявшаяся на площади уже въ теченіи нѣсколькихъ часовъ, колыхалась въ разныхъ направленіяхъ; преимущественно же двигалась на встрѣчу новоприбывшей толпѣ съ гамомъ, свистомъ и съ крикомъ «ура!» Среди этого шума раздавался львиный голосъ толстаго мелори національной гвардіи, командовавшаго:— Заряжай!—Но лишь не многіе слушались этой команды.

Оберъ-бургомистръ, докторъ обоихъ правъ, Себальдусъ Виллибродъ Дашъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Мы погибли, простоналъ онъ, что теперь дѣлать?

— Спѣшите внизъ, господинъ оберъ-бургомистръ, съ живостью возразилъ штадтратъ фонъ-Гогенштейнъ, ваше присутствіе тамъ необходимо. Идите съ крикунами на мировую. Общайтесь имъ выдачу оружія и всевозможныя льготы, пока войска

не подоспѣютъ къ намъ на помощь. Но спѣшите, спѣшите, не то все пропало. Я послѣдую за вами, какъ скоро окончу свое дѣло здѣсь.

— Не пойдете ли вы вмѣсто меня? Жалобно спросилъ собесѣдникъ.

— Помилуйте, докторъ, развѣ я оберъ-бургомистръ? отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ.

— Ваша правда; я иду, я долженъ идти, я долженъ исполнить свой долгъ. Но, пожалуйста, приходите какъ можно скорѣе.

— Непремѣнно поспѣшу, отвѣчалъ герръ фонъ-Гогенштейнъ, и почти вытолкалъ малодушнаго колосса за дверь.

Дверь захлопнулась за оберъ-бургомистромъ и герръ фонъ-Гогенштейнъ послѣдно задвинулъ засовы. Потомъ онъ бросился къ столу, гдѣ стояло вино, налилъ себѣ другой стаканъ по самый край и опорожнилъ его въ нѣсколько глотковъ.

Поставивъ пустой стаканъ на столъ, онъ окинулъ всю комнату сверкающими глазами. Затѣмъ онъ провелъ холодными, какъ ледъ, руками по пылающему лбу и громко захохоталъ.

Да и какъ было не смѣяться? Онъ, злополучный спекуляторъ, зашѣвший по шею въ долгахъ, кое какъ перебивавшійся отъ одного срока до другаго съ помощью возобновляемыхъ, ничего не стоящихъ векселей, и ждавшій себѣ съ часу на часъ неминуемой гибели, ворочаетъ несмѣтными сокровищами, одна двадцатая доля которыхъ выручила бы его изъ бѣды! Еще не далѣе какъ сегодня спрашивалъ онъ себя, и спрашивалъ не въ первый разъ за послѣднія десять лѣтъ, не всего ли умнѣе съ его стороны будетъ всадить себѣ пулю въ лобъ? Но застрѣлиться онъ успѣетъ еще и тогда, когда откроется его воровство.—Воровство? нѣтъ, какое же это воровство? Это только полезное употребленіе денегъ, которыя здѣсь лежатъ безъ всякой пользы. Къ тому же, то что онъ возьметъ, можетъ потомъ замѣстить; лишь бы только удалась спекуляція, которую онъ думалъ сдѣлать на эти деньги. А тамъ и Рейнфельденскій дядюшка, который съ нѣкоторыхъ поръ, повидимому, души не чаялъ въ его сынѣ, не захочетъ же допустить отца своего любимца до тюрьмы. Наконецъ казначей, которому была ввѣрена городская казна, былъ человѣкъ больной и трусоватый, и давно уже поговаривалъ о томъ, что чувствуетъ себя неспособнымъ занимать эту должность въ

такое безпокойное время и собирается подать въ отставку; а по выходѣ больного старика всего вѣроятнѣе было, что вакантную должность предложить ему, Артуру фонъ-Гогенштейну, какъ человѣку, успѣвшему за послѣднее время сдѣлаться необходимымъ, а тогда ему легко будетъ пополнить мало по малу дефицитъ въ кассѣ. Или ужъ не прибрать ли ему къ рукамъ всѣ триста тысячъ и не бѣжать ли съ ними? Скрыться въ этотъ вечеръ будетъ легко; въ Лондонѣ онъ сбудетъ кредитные билеты за одну треть, за четверть ихъ настоящей цѣны, и съ тѣмъ, что ему очистится такимъ образомъ, убѣжить въ Америку. А жена, которая еще не далѣе какъ сегодня такъ тревожно пожимала его руки, когда онъ, мучимый безпокойствомъ уходилъ изъ дому? А сынъ, котораго онъ въ этотъ вечеръ ждетъ къ себѣ и съ которымъ онъ долженъ былъ встрѣтиться, возвращаясь домой съ украденною добычею? Но для кого же онъ и дѣлаетъ это, какъ не для жены и для сына? Не о себѣ же онъ хлопочетъ. Ему смерть не страшна. Сколько разъ стоялъ онъ подъ дуломъ пистолета противника! А послѣ завтра срокъ уплаты по векселю въ десять тысячъ талеровъ! И всего то десять пачекъ изъ этой массы лежащихъ передъ нимъ, десять тоненькихъ, укладистыхъ пачекъ, которыя такъ легко бы было унести въ карманѣ сюртука! Но увы уже слишкомъ поздно. Ты слишкомъ долго колебался.

Герръ фонъ-Гогенштейнъ взглянулъ на часы, висѣвшіе противъ него на стѣнѣ; когда онъ поставилъ на столъ бутылку съ виномъ, взглядъ его случайно упалъ на циферблатъ: было тогда десять часовъ; тотъ-же часъ показывала стрѣлка и теперь. Ужъ не остановились-ли часы? Нѣтъ, маятникъ все по прежнему ходилъ взадъ и впередъ, да и на башенныхъ часахъ въ эту минуту раздался бой большихъ часовъ, помѣщавшихся въ башнѣ ратуши надъ его головою. Весь этотъ міръ кружащихся въ безумномъ вихрѣ мыслей вмѣстился въ тѣсныя предѣлы какой нибудь минуты!

И такъ, еще время... Чу! кажется, чьѣ-то шаги раздаются въ корридорѣ? Они раздаются все ближе и ближе... Теперь или никогда! *Va banque!* И жизнь и честь поставлены на одну карту...

У двери раздается какой-то шорохъ... Чтобы это такое могло быть?

— Господинъ штадтратъ!

— Кто тамъ?

— Я, служитель Венцель. Оберъ-бургмистръ велѣли просить вашу милость какъ можно скорѣе пожаловать внизъ.

— Сейчасъ!

Жестяная шкатулка заперта въ потаенный шкафъ, дверцы примыкаютъ такъ плотно, что онъ и самъ едва можетъ отыскать отверстіе подъ обоями.

Онъ выпускаетъ глубокій вздохъ и застегиваетъ на всѣ пуговицы свой легкій сюртукъ; но, минуто спустя, ему приходитъ въ голову, что это можетъ возбудить подозрѣніе и онъ снова разстегивается. Наконецъ онъ отперъ дверь и показался на порогѣ съ подсвѣчникомъ въ рукѣ. Съ нами сла крестная! восклицаетъ служитель Венцель, на вашей милости лица нѣтъ!

— Мнѣ было очень дурно, любезный Венцель, теперь мнѣ легче. Возьмите, пожалуйста, подсвѣчникъ и ступайте впередъ. Ну что, Венцель, какъ идутъ у васъ дѣлишки?

— Покорно благодарю, господинъ штадтратъ, идутъ по немногу, отвѣчаетъ Венцель, недоумѣвая, съ какой стати герръ фонъ-Гогенштейнъ именно теперь обращается къ нему съ подобнымъ вопросомъ.

— Чай, трудно концы съ концами то сводить. На жалованье то не раскутишься.

— Ну, да что-жъ дѣлать, господинъ штадтратъ, по одежкѣ протягивай ножки отвѣчаетъ служитель, который рѣшительно не можетъ взять въ толкъ, съ чего это вздумалось штадтрату пуститься съ нимъ въ эту минуту въ подобный разговоръ, а потому и порѣшплъ, что штадтратъ, вѣрно, больнѣе, чѣмъ самъ сознается.

— Не угодно-ли будетъ вашей милости опереться на мою руку? Проговорилъ онъ, оборачиваясь къ нему.

— Спасибо, ненужно, любезный, отвѣчаетъ штадтратъ, который въ эту самую минуту застегнулъ послѣднюю пуговицу своего пальта и вдругъ снова поспѣшно разстегивается.

Старикъ служитель не говоритъ уже болѣе ни слова и толь-

ко ускоряетъ шаги; жутко ему оставаться на единѣ съ большимъ штатдратомъ, который говоритъ такія безсвязныя рѣчи и дѣлаетъ такіе странные жесты.

Они спускаются въ нижній этажъ; въ просторныхъ сѣняхъ, предшествующихъ комнатѣ засѣданія, встрѣчаютъ бургомистра и нѣсколько человекъ сановниковъ. Бургомистръ отводитъ штатдрата фонъ-Гогенштейна въ сторону; лице его сіяетъ удовольствіемъ.

— Если не ошибаюсь, мы перетревожились понапрасву, любезнѣйшій сослуживецъ! Мюнцеръ сказалъ небольшую рѣчь и толпа уже расходится. Гдѣ у васъ ключи отъ шкапа и отъ шкатулки?

— Оба здѣсь.

— Премного вамъ благодаренъ. И такъ, я могу перенести завтра шкатулку такъ какъ она есть въ казначейство?

— Конечно, конечно! Вся разница только въ томъ, что деньги переложены изъ большой шкатулки въ маленькую.

— Еще разъ большое спасибо, любезный сослуживецъ.

И оберъ-бургомистръ Дашъ въ порывѣ восторга заключаетъ Артура фонъ-Гогенштейна въ свои объятія. Другіе члены совѣта и во главѣ всѣхъ машинный фабрикантъ герръ Гейдманъ тоже обступаютъ его съ поздравленіями и выраженіями благодарности; они называютъ его спасителемъ города.

Но герръ фонъ-Гогенштейнъ съ какою-то раздражительностью слѣдуетъ прекратить всѣ эти изліянія.

— Благодарю васъ, господа, говоритъ онъ. Я исполнилъ не болѣе какъ свой долгъ. Извините меня, господа, я чувствую себя не совсѣмъ здоровымъ и попросилъ-бы отпустить меня къ моей больной женѣ.

— Карету господину фонъ-Гогенштейну! Скорѣе карету.

— Нѣтъ, ужъ я лучше пойду нѣшкомъ. Ночной воздухъ меня освѣжитъ. Покойной вамъ ночи, господа!

И герръ фонъ-Гогенштейнъ послѣшно протѣснился сквозь ряды присутствующихъ, какъ-бы торопяся выбраться на открытый воздухъ, чтобы не лишиться чувствъ.

— Ну что, не правду-ли я говорилъ? замѣтилъ одинъ изъ членовъ совѣта. На немъ еще въ то время лица не было, когда онъ отправился съ оберъ-бургомистромъ на верхъ.

— Немудрено, отвѣчать другой. Не легкій задался ему нынче денегъ. Къ тому-же и жена его больна...

— А послѣ завтра послѣдній срокъ, замѣтилъ адвокатъ, онъ депутатъ отъ города Кальтебильдъ. Ужъ не знаю, откуда онъ возьметъ деньги, чтобы заплатить по векселямъ.

— Милостивые государи! произнесъ оберъ-бургомистръ, взглядъ мой, конечно, не можетъ проникать въ будущее и я не знаю, что готовятъ намъ послѣдующіе дни; но мнѣ кажется, что мы вправѣ сказать, что на этотъ разъ своимъ хладнокровіемъ и энергіей мы спасли городъ отъ грозившей ему суматохи, не проливъ при этомъ ни единой капли крови.

XVI.

Между тѣмъ опасность, о существованіи которой такъ положительно заявлялъ оберъ-бургомистръ, была далеко не такъ велика, какъ казалось почтеннымъ членамъ городского совѣта, смотрѣвшимъ на вещи въ увеличительное стекло собственнаго страха. Цыфра народа собравшагося въ «Римлянинъ», какъ и предсказывалъ докторъ Гольмъ, вмѣсто шести тысячъ, на которыя рассчитывали Мюндеръ и савгвиническій Петръ Шмицъ, не достигала и шестисотъ; да и изъ числа этихъ шестисотъ очень немногіе были на сторонѣ рѣшительнаго образа дѣйствій. Рѣчи Артура Фонтъ-Гогенштейна, сказанныя имъ по различнымъ фабрикамъ передъ рабочими, не остались безъ дѣйствія. Большая часть рабочихъ или совсѣмъ не пришла на сходку, или выказывала очень мало готовности стоять за общее дѣло. Они откровенно говорили, что не видятъ пользы въ этихъ краснорѣчивыхъ рѣчахъ, пока заработная плата не повышена и число рабочихъ часовъ не уменьшено. Если при настоящемъ положеніи дѣлъ взвалить еще на плечи стоянныя имъ на часахъ и патрульную службу, то женамъ ихъ и дѣтямъ придется умирать съ голоду. Напрасно Мюндеръ, Петръ Шмицъ и даже, подъ конецъ, докторъ Гольмъ истощали все свое краснорѣчіе, доказывая имъ, что они понимаютъ дѣло прямо на выворотъ, что въ политикѣ и въ государственной жизни сила идетъ впереди права, что всѣ тѣ права, которыя

страхъ исторгнетъ для нихъ у собственниковъ въ настоящую минуту, снова отберутся у нихъ, какъ скоро собственники почувствуютъ, что власть возвратилась къ нимъ въ руки; настроеніе оставалось влѣпымъ и Мюнцеръ, занимавшій мѣсто предсѣдателя, остерегался и настаивать на такого рода мѣрахъ, неосуществимость которыхъ, при малочисленности лицъ, явившихся на сходку, было дѣломъ очевиднымъ. Тѣмъ не менѣе онъ съ намѣреніемъ затягивалъ переговоры въ долгій ящикъ, чтобы скрыть по возможности подъ покровомъ наступающей ночи неудачу этой демонстраціи, о которой было напередъ возвѣщено въ такихъ громкихъ выраженіяхъ. Въ заключеніе порѣшили идти на площадь и тамъ, въ виду національной гвардіи, выстроенной подъ ружьемъ передъ зданіемъ ратуши, разойтись при крикѣ: «да здравствуетъ право!» Нѣсколько горячихъ головъ, находившихся между присутствующими, въ томъ числѣ слесарный мастеръ Кристофъ Ункель, подняли, конечно, громкій ропотъ противъ такого несмѣлаго рѣшенія, но они были принуждены замолчать, и въ половинѣ десятаго процессія тронулась, предводительствуемая Мюнцеромъ, Петромъ Шмицомъ, Гольмомъ и другими, и распѣвая Шлезвигъ-Гольштинскій гимнъ.

Передъ ратушею Мюнцеръ говорилъ рѣчь народу, въ которой онъ благодарилъ за оказанное ему довѣріе и настаивалъ на необходимости строго держаться разъ уже принятаго положенія.

— Сегодня вечеромъ, говорилъ онъ и далеко раздавался по людной площади его могучій голосъ, — мы рѣшились нашею умѣренностью и воздержанностью доказать нашимъ противникамъ, что лишь собственная ихъ нечистая совѣсть мѣшаетъ имъ принять насъ въ свои ряды. Можно оспаривать практическую мудрость подобнаго рѣшенія, но нельзя не допустить благородства внушившихъ его побужденій. Мы хотимъ быть сильны нашею слабостью. Мы хотимъ приобрѣтать, ничего не домогаясь, мы хотимъ побѣдить, не вступая въ борьбу. Да послужитъ это урокомъ нашимъ противникамъ. Пускай наши противники не забываютъ, что право не всегда за тѣмъ, кто обладаетъ, что неправое стяжаніе есть мечъ, раздѣаемый ржавчиной. Предоставимъ же ржавчинѣ его раздѣдать; она

дѣлаетъ свое дѣло не торопясь; ей нужны вѣка и тысячелѣтія, а самый долгій срокъ человѣческой жизни семьдесятъ, восемьдесятъ лѣтъ. Но народъ вѣченъ, народъ можетъ ждать; да здравствуетъ великодушный, терпѣливый, безсмертный народъ! А за тѣмъ я распускаю собраніе; пускай всё идутъ по домамъ; часъ теперь поздній, пора спать; да не скажутъ наши противники, что мы пренебрегли хоть одною изъ обязанностей добраго гражданина.

— Ура! да здравствуетъ докторъ Мюнцеръ! И сотни народа, слушавшія рѣчь Мюнцера, шумно разошлись въ разныя стороны.

— Да вы никакъ, Мюнцеръ, хотѣли ихъ всѣхъ на смѣхъ поднять? спросилъ докторъ Гольмъ, стоявшій неподалеку отъ Мюнцера.

— Такъ что-жь? Развѣ я не былъ вправѣ это сдѣлать? бѣшено воскликнулъ докторъ Мюнцеръ. Развѣ это народъ?— это просто стадо барановъ; гоняй его кто хочетъ, а мнѣ ужъ это надоѣло.

И, надвинувъ на брови свою калабрійскую шапку, онъ большими шагами удалился отъ своихъ друзей.

Темно было у него на душѣ. Невѣроятныхъ усилій стоило ему въ этотъ вечеръ сдерживать себя передъ толпою, которая представлялась ему такою близорукою и малодушною; оставшись на единѣ съ самимъ собою, онъ далъ волю своему негодованію, которое, подобно потоку лавы, вырвалось изъ глубины его пламеннаго, гордаго сердца, и разлилось горькими укорами народу, укорами отца, обманутаго въ надеждахъ, которыя онъ въ своемъ ослѣпленіи возлагалъ на любимаго сына. Съ горькою усмѣшкою повторялъ онъ изрѣченіе Гете о тѣхъ «безумцахъ, которые не умѣютъ блюсти свое сердечное богатство и выказываютъ передъ толпою чувство и мысль»; онъ давалъ себѣ слово не браться болѣе за этотъ тяжелый трудъ предводительствованья народомъ, и предоставить его тѣмъ, которые не узнали на опытѣ, что мертвая глыба вѣчно снова и снова скатывается въ глубину.

Обуреваемый этими мыслями, онъ шелъ впередъ, не обращая вниманія на толпы народа, все еще безпокойно расхаживавшія по улицамъ. Ему и въ голову не приходило идти

домой; душа его искала простора, а дома его ожидала тѣсная, мѣщанская, скромная обстановка. Жена приступить къ нему съ распросами о событіяхъ дня, о которыхъ и вспоминать-то ему было въ тягость. Онъ огорчить ее своею рѣзкостью и раздражительностью. Зачѣмъ же идти? Зачѣмъ ему видѣть, какъ спокойно спать по своимъ кроваткамъ его дѣти? Дѣти, дѣти! И зачѣмъ только они на свѣтъ родились, гдѣ такъ мало радости, такъ мало удовлетворенія сердечнымъ потребностямъ человѣка? Правда, они не наслѣдовали отъ отца его страстную организацію; въ нихъ скорѣе было замѣтно преобладаніе материнскаго кроткаго элемента, но все равно! Что толку въ существованіи, похожемъ на мирный ручей, лѣниво извивающійся среди плоской поляны? Что за радость такъ жить, какъ живетъ Клара? И на что ему, безпокойному и недовольному, эта кроткая, скромная, миролюбивая подруга? Хоть-бы она, по крайней мѣрѣ, была счастлива—и того не было. Развѣ она не мучилась неотвязнымъ сознаніемъ, что не такая жена была бы нужна неутомимому борцу, ея мужу? Это сознаніе до времени скосило цвѣтъ ея молодости; оно выражалось въ какой-то скорбной чертѣ, дожившейся вокругъ ея губъ, каждый разъ, какъ она полагала, что никто на нее не смотритъ. Но на комъ же лежала вина, если только можно назвать вполю то, что органически необходимо вытекаетъ изъ взаимно-дѣйствія таинственныхъ силъ, то ищущихъ, то отдающихъ другъ друга? Когда онъ, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, сватался за восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, могъ-ли онъ угадать, что водоворотъ политическихъ событій увлечетъ его съ неудержимою силою въ тѣ пучины, куда не послѣдовать за нимъ его робкой подругѣ? И неужели ему изъ за этого удалиться въ мирную пристань семейной жизни и спокойно глядѣть, какъ борятся и гибнутъ его товарища? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Тотъ, кто чувствуетъ потребность широкой дѣятельности и присутствіе въ себѣ великой силы, не вправѣ замыкаться въ мѣщанскій кругъ обыденной жизни. Тому, кто обрекъ себя на служеніе народу, нечего уже смотрѣть на каждое облачко, которое пробѣгаетъ по лицу его жены. Цѣль его не счастье

семьи, но благо народа; онъ долженъ искать себѣ награды не въ кроткой улыбкѣ, не въ ласковомъ словѣ жены, но въ единодушныхъ кликахъ восторга, которыми благодарный народъ провожаетъ своего вождя изъ форума въ сенатъ. — Но гдѣ же онъ, этотъ благодарный народъ? Я вижу только толпу тупоумныхъ и грубыхъ дѣтннъ, которые неспособны дѣйствовать, какъ взрослые люди, и только умѣютъ кричать и буянить, какъ мальчишки. Что-же? съ богомъ, кричите себѣ, выбивайте стекла въ окнахъ, и, на сонъ грядущій, убаюкивайте себя сладкою увѣренностью, что вы совершили великіе подвиги. На утро васъ ждетъ печальное похмѣлье, въ которомъ ясно скажется вамъ ваша собственная ничтожность.

Мюнцеръ, самъ того не замѣчая, забрелъ въ одну изъ аристократическихъ улицъ города, куда въ обыкновенное время не проникала суета дѣловой жизни; но въ этотъ вечеръ и по ней шатались шумныя, полупьяныя кучки людей. Передъ однимъ изъ домовъ, отворенныя бельэтажныя окна котораго лили яркій свѣтъ на темную улицу, стояла толпа, возрастающая каждую минуту съ изумительною быстротою; толпа шумѣла, кричала и свистѣла. По сосѣдству съ отворенной балконной дверью стоялъ, какъ видно, рояль, изъ котораго чьи то искусные пальцы извлекали самые бѣшенныя, самые причудливые звуки. Чѣмъ грознѣе поднимался на улицѣ ропотъ толпы, тѣмъ громче и величественнѣе гудѣли струны чуднаго инструмента; какъ скоро внизу наставало затишье, звуки разсыпались жемчужною, игривою трелью, точно шаловливый хохотъ воздушнаго Ореола надъ изступленіемъ Калпана.

По крайнѣй шѣрѣ такое впечатлѣніе произвелъ этотъ странный концертъ на сильно возбужденныя чувства нашего героя, который слушалъ его, прислонясь къ садовой рѣшеткѣ, напротивъ самаго дома. Давно уже обращалъ на себя его вниманіе этотъ домъ, выдававшійся между окружающими его зданіями своею красивою архитектурою. Воображеніе его населяло эти роскошныя покои прелестными образами, и онъ нарочно не освѣдомлялся о томъ, кому принадлежитъ этотъ домъ, чтобы не получить въ отвѣтъ, что при-

надлежитъ онъ такому-то банкиру, или такому-то *gentier*, который отдыхаетъ въ немъ отъ скучной работы отрѣзыванья купоновъ. Но пальцы, надъ которыми такъ смѣялись и рѣзались клавиши рояля, не могли принадлежать рукѣ, привыкшей рыться въ грязныхъ деньгахъ; тотъ, кто отваживался съ такимъ вызывающимъ спокойствіемъ относиться къ грозному неудовольствію раздраженной толпы, не могъ быть дюжиннымъ человѣкомъ, и Мюнцеру подсказывало его знаніе человѣческаго сердца, что только женщина можетъ съ такою безпечною отвагою отстаивать свой минутный капризъ.

— За что мы даемъ этимъ дармоѣдамъ потѣшаться надъ нами? сказалъ грубый голосъ возлѣ самаго Мюнцера.

— Мы имъ покажемъ съ кѣмъ они имѣютъ дѣло, крикнулъ другой.

— Этотъ народъ въ одинъ вечеръ сожжетъ больше свѣчей, чѣмъ нашъ братъ въ цѣлый годъ, пропищалъ женскій голосъ.

— А что, братцы, выньте имъ стекла въ окнахъ! Мы тоже хотимъ свою музыку затѣять, кричали бѣснующіеся, а имъ въ отвѣтъ все бѣшеннѣе и рѣзвѣ неслись веселыя трели, какъ будто, вмѣсто грозныхъ криковъ уличной толпы, раздавались восторженные браво потрясеннаго партера.

Вдругъ полетѣлъ камень и одно изъ оконныхъ стеколъ задребезжало. Игра замолкла; высокая женская фигура въ пышномъ темномъ платьѣ показалась у отворенной балконной двери и спокойно простояла тутъ нѣсколько минутъ, скрестивъ руки на груди, какъ-бы давая время уличной толпѣ убѣдиться, что она имѣетъ дѣло съ женщиной. Затѣмъ фигура скрылась и, минутой спустя, снова полились веселые звуки, еще веселѣе и рѣзвѣ чѣмъ прежде.

Эта смѣлость не только не импонировала толпу, но еще подлила масла на огонь.

— Къ чорту наглуую аристократку! Повыньте ей всѣ стекла въ окнахъ, чтобы ей осколки черезъ голову летѣли! Камня на камѣ не оставимъ!

Въ три прыжка Мюнцеръ очутился на противоположной сторонѣ улицы, у самаго подъѣзда дома. Съ минутой онъ простоялъ въ нерѣшимости, держась за ручку двери и не зная,

войти ему или нѣтъ. Но еще взглядъ на толпу, выступавшее которой росло съ каждою минутой, и онъ нажалъ ручку. Дверь, которую перепуганная прислуга не то боялась, не то позабыла запереть, уступила и опять кинулся, мимо двухъ трехпетныхъ фигуръ въ ливреяхъ, по лѣстницѣ, устланной ковромъ, на верхъ; звуки рояля, не перестававшіе раздаваться, указали ему дорогу, и онъ отворилъ дверь.

Яркій свѣтъ множества свѣчей, горѣвшихъ въ канделябрахъ, почти ослѣпилъ Мюнцера послѣ уличнаго полумрака. Въ большой, роскошно убранной комнатѣ никого не было, кромѣ дамы, видѣнной имъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ у окна. Она сидѣла у рояля спиною къ двери и за громомъ fortissimo, которое въ эту самую минуту вырывалось изъ подъ ея стройныхъ могучихъ пальцевъ, не слыхала ни шаговъ вошедшаго Мюнцера, ни даже шума бушевавшей на улицѣ толпы. Въ слѣдующую за тѣмъ минуту, Мюнцеръ былъ возлѣ нея и тутъ только она обернулась къ нему лицомъ. Рука ея спокойно опустилась на клавиши; большіе, блестящіе черные глаза глядѣли скорѣе съ изумленіемъ, чѣмъ съ испугомъ на красивое блѣдное лице, окаймленное черною бородою, которое такъ неожиданно, точно изъ земли выросло около нея, и было обращено къ ней съ выраженіемъ испуга и удивленія.

Прежде чѣмъ изъ роскошныхъ ея губъ успѣло вылетѣть слово, Мюнцеръ схватилъ ее за руки и увлекъ въ глубину комнаты.

— Извините меня, сударыня, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго волненія голосомъ, вамъ грозитъ болѣе серьезная опасность, чѣмъ вы думаете. Позвольте мнѣ сказать, вотъ съ этого балкона, нѣсколько словъ толпѣ, обшнующейся на улицѣ. Другаго средства къ спасенію я не знаю.

И не дожидаясь ея отвѣта, онъ быстрыми шагами прошелъ черезъ комнату и вышелъ на балконъ. И была пора. Толпа уже успѣла вооружиться кирпичами, и слышался грубый голосъ, командовавшій:—ну-ка, братцы, приударимъ всѣ разомъ; разъ, два!...

— Стой! крикнулъ Мюнцеръ громовымъ голосомъ.

Неожиданное появленіе этого энергичнаго человѣка и его

могучій голосъ осадилъ бунновъ; всё, какъ стояли замахнувшись, такъ и остановились, и ни одинъ не посмѣлъ бросить кирпичемъ. Мюнцеръ не далъ имъ времени оправиться отъ смущенія.

— Снажьте, продолжалъ онъ, свободные вы люди или рабы, смущенные съ цѣпи, что вы даромъ тратите свои силы въ безтолковомъ буйствѣ и дѣлахъ безсмысленнаго разрушенія? Или вы сильны только тамъ, гдѣ не ожидаете встрѣтить сопротивленія? Такъ вотъ она, ваша свобода! Вы запрещаете отдѣльной личности жить такъ, какъ ей хочется, хотя-бы она и никому изъ васъ не мѣшала? Что же! дайте волю своему буйству! Бросайте камнями въ этотъ мирный домъ! Но заявите, что я не тронусь съ мѣста, хотя-бы всё ваши камни полетѣли въ меня.

Стоявшіе вблизи съ изумлениемъ переглянулись между собою и опустили поднятыя руки. Многіе между ними лично знали доктора Мюнцера, и еще не далѣе какъ сегодня, слушали его рѣчь въ народномъ собраніи.— Это докторъ Мюнцеръ, душа человекъ! прогудѣло въ отдѣльныхъ кучкахъ; что докторъ Мюнцеръ говоритъ, то вѣрно правда. Онъ намъ повѣстивъ добра желаетъ. Да здравствуетъ Мюнцеръ! ура!

И легко увлекающаяся толпа весело подхватила крикъ, поднятый двумя, тремя голосами. Этому люду, видимо, только того и хотѣлось, чтобы пошумѣть и покричать, но за или противъ кого, со смысломъ или безъ смысла,—это для большинства было все равно.

— Премного вамъ благодаренъ, проговорилъ докторъ Мюнцеръ съ плохо скрываемою ироніей; а теперь объ одномъ прошу васъ: разойдите спокойно по домамъ. Вѣдь и завтра еще успеете нашумѣться, а для нынѣшняго дня за глаза довольно. Покойной вамъ ночи!

И, махнувъ рукою, онъ удаллся съ балкона и заперъ за собою дверь. Толпа проводила его восклицаніями.

— Да здравствуетъ докторъ Мюнцеръ, ура, ура!—и слѣдя его совѣту, а можетъ быть, отчасти и утомившись крикомъ, всё разошлись по домамъ.

XVII.

Когда Мюнцеръ вернулся съ балкона, хозяйка дома стояла посреди комнаты. Вся она была облита яркимъ свѣтомъ, и тутъ только Мюнцеръ разглядѣлъ вполнѣ ея красоту, которую въ первыя тревожныя минуты видѣлъ только мелькомъ. Въ какомъ-то опьяненіи глядѣлъ онъ на эту чудную головку, окаймленную пышными, душистыми кудрями; на эти большіе темные глаза, такъ смѣло и, въ тоже время, такъ кротко выглядывавшіе изъ подъ длинныхъ рѣсницъ; на эти художественно правильныя, на диво выточенныя черты; въ особенности же на этотъ безмолвно краснорѣчивый ротъ, дышавшій любовью. — Вотъ та женщина, которая тебя достойна; передъ тобою стоятъ воплощеніе той мечты, отъ которой столько разъ дрожало твое сердце, — промелькнуло у него въ умѣ.

Происходило-ли что нибудь подобное и въ душѣ этой женщины? Повидимому, оно было такъ, потому что въ глазахъ ея горѣлъ какой-то огонь, ужасающій и сладостный, точно чарующій взглядъ Медузы.

Съ минуту они глядѣли другъ на друга молча; вдругъ красавица звонко раскохоталась и проговорила мелодическимъ голосомъ:

— Вотъ такъ встрѣча! Я сижу себѣ здѣсь и дожпдаюся гостей, которые, какъ видно, изъ трусости заблагоразсудили остаться дома, и вдругъ, вмѣсто этихъ господъ, которыхъ мнѣ, пожалуй, и ненужно, судьба посылаетъ мнѣ незнакомца! Подобно каменному гостю въ Донъ Жуанѣ, онъ является ко мнѣ безъ доклада, и вмѣсто рекомендаціи, запрещаетъ мнѣ играть мои этюды.

— За то теперь вы спокойно можете продолжать ихъ, сударыня, отвѣчалъ Мюнцеръ. Я думалъ оказать вамъ услугу; извините безцеремонность, съ которою я при этомъ позволилъ себѣ помѣшать вамъ въ вашемъ занятіи.

И поклонившись, онъ уже было направился къ двери, но она заступила ему дорогу.

— Позвольте, милостивый государь, дайте же мнѣ; по

крайней мѣрѣ, время поблагодарить васъ за оказанную услугу. Полноте, полноте, не отказывайтесь отъ благодарности. Теперь, когда я опомнилась отъ нашедшаго на меня каприза, я вижу ясно, что снова безъ нужды подвергала себя опасности. Погибнуть, конечно, я бы не погибла, но все же могло кончиться довольно плохо. И то эта милая уличная чернь чуть не попала мнѣ въ голову своими изящными визитными карточками.—И она съ презрѣніемъ дотронулась кончикомъ башмака до большаго обломка кирпича, валявшагося посреди комнаты. Затѣмъ она снова засмѣялась своимъ мелодическимъ смѣхомъ.

— Но встрѣча, встрѣча преинтересная! По настоящему, мнѣ бы слѣдовало отпустить моего каменнаго гостя, не спрашивая о его имени; это придало-бы приключенію романтической интересъ таинственности. Но такъ и быть! мы отложимъ на этотъ разъ романтическія затѣи въ сторону и будемъ практически разсудительны. За неимѣніемъ третьяго лица, которое представило-бы насъ другъ другу, мы должны совершить этотъ обрядъ безъ жреца. Меня зовутъ Антонія...

— А меня Бернгардомъ, отвѣчалъ Мюнцеръ, улыбаясь.

—Но мнѣ казалось, что тамъ на улицѣ кричали другое имя; кажется докторъ Мюнцеръ?

— Да, но такъ какъ вы назвали только первую половину своего имени, то я заключилъ, что вторая не имѣетъ въ вашихъ глазахъ никакого значенія.

— О, у васъ, мужчинъ, фамильное имя не пустой звукъ, не то что у женщинъ. Что намъ въ этомъ имени, которое приклеиваютъ намъ, какъ ярлыкъ на бутылку вина, и которое при случаѣ можно промѣнять на другое. Я дорожу только тѣмъ именемъ, которымъ называютъ меня люди мнѣ близкіе; до другаго мнѣ мало дѣла. Впрочемъ, самъ вы желаете знать: мое фамильное имя — фонъ-Гогенштейнъ. Ну вотъ, обрядъ исполненъ, а такъ какъ теперь мы по формѣ познакомились, то мы сдѣлаемъ видъ, будто вы одинъ изъ всѣхъ моихъ знакомыхъ явились ко мнѣ на вечеръ, и не будемъ тужить объ отсутствіи другихъ. Нѣтъ, нѣтъ, господинъ докторъ Бернгардъ Мюнцеръ, пожалуйста безъ возраженій! Я не терп-

лю возражений, въ особенности отъ новыхъ знакомыхъ, которыхъ надо разъ на всегда приучить къ послушанію. Положите куда нибудь вашу несчастную шляпу, которую, вотъ уже цѣлыхъ пять минутъ, вы безпощадно мнете. Вы мой гость и, какъ человѣкъ съ тактомъ, не захотите выставить меня глупѣй передъ моими слугами.

И не дожидаясь его отвѣта, она позвонила и крикнула вошедшему слугѣ: приготовить въ маленькой гостиной ужинъ на два прибора!—Скорѣй только! и когда будетъ готово, доложить мнѣ.

— Слушаю, сударыня, отвѣчалъ слуга, и, бросивъ на Мюнцера удивленный взглядъ, вышелъ изъ комнаты.

— А теперь, проговорила Антонія, не угодно ли поставить вашу шляпу вонъ туда, на столъ. Вотъ такъ! А сами садитесь вотъ въ эти кресла; дайте мнѣ еще хорошенько удостовериться, что вы согласны быть моимъ гостемъ. Я вамъ, пожалуй, что нибудь сыиграю, если это только окажется возможнымъ; боюсь что въ роялѣ лопнуло нѣсколько струнъ.

Она сѣла къ роялю и тонкіе ея пальцы блестящими гаммами пробѣжали взадъ и впередъ по клавишамъ.

— Ничего, еще можно играть, воскликнула она; и такъ, прошу слушать!

Она взяла нѣсколько полныхъ, могучихъ аккордовъ. Затѣмъ понеслись туманныя волны звуковъ, изъ которыхъ мало по малу образовалась мелодія, полная какого-то сумрачнаго, унылаго томленія. Съ трепетомъ восторга слушалъ Мюнцерь. Духъ его, оторванный отъ родной почвы годами суроваго, подавляющаго, безжалостнаго труда, снова уносился въ свою настоящую отчизну, въ страну сказочныхъ чудесъ, въ область романтизма, исполненную для германскаго духа такихъ всецѣльныхъ чаръ. Онъ болѣе не помнилъ гдѣ онъ; не видѣлъ передъ собою прекраснаго образа, на который былъ устремленъ его неподвижный взглядъ; ему казалось, что онъ стоитъ въ прохладѣ лѣса; туманные женскіе образы пестрыми мелькали мимо его и улыбаются ему такими чарующими улыбками, что въ немъ разумъ мутился. Ему казалось, что онъ слышитъ броженіе стихійныхъ силъ, что онъ увле-

каютъ его въ свой круговоротъ, какъ будто самъ онъ сливается въ одно съ лѣсной тишиной и лѣснымъ ароматомъ.

Тутъ ему послышалось, сначала издалека, потомъ все ближе и ближе, какое-то пѣніе, отрадное и манящее, какъ свѣтъ мѣсяца и мерцаніе звѣздъ.

Голосъ замолкъ; послѣдніе звуки рояля замерли въ воздухѣ. Мюнцеръ вскрикнулъ и вскочилъ съ своего мѣста.

— Боже мой, что съ вами? спросила Антонія, тоже поспѣшно вставая.

Мюнцеръ, не отвѣчая, большими шагами прошелся по комнатамъ и, вернувшись, остановился прямо противъ Антоніи.

— Что съ вами? повторила Антонія, на васъ лица нѣтъ.

Мюнцеръ провелъ рукою по лицу, какъ человѣкъ пробуждающійся отъ сна, и проговорилъ какими-то беззвучнымъ голосомъ:

— Извините меня, сударыня, когда вы перестали пѣть, вѣдь вы пѣли, не такъ ли? Что-то жгучее кольнуло меня въ сердце. Теперь это прошло; еще разъ извините меня.

— Тутъ и извинять нечего, отвѣчала она съ лукавой усмѣшкой. Вся ваша вина состоитъ развѣ въ томъ, что вы вовсе не слушали моей любимой баллады. Вообразить, что я пѣла! какво! Нѣтъ, вы рѣшительно походите на каменнаго гостя, и я начинаю васъ бояться. Хорошо, что мой храбрый Жанъ идетъ съ докладомъ, что столъ накрытъ.— Все готово? хорошо; можете удалиться. Да вотъ что еще, Жанъ: уберите все здѣсь и погасите свѣчи. Когда что будетъ нужно, я позвоню. И, слегка опираясь на руку Мюнцера, она пришла въ небольшую комнату, помѣщавшуюся уже въ фасадной половинѣ дома. Комната эта, менѣе парадная чѣмъ тѣ, которыми они только-что проходили, смотрѣла какъ-то еще теплѣе, ароматнѣе и уютнѣе. Тяжелыя темно-зеленыя гардины скрывали двери и окна; полъ былъ устланъ толстыми коврами, по которымъ ступалось неслышно. Непосредственно подъ лампою, висѣвшею съ потолка, былъ накрытъ, со всевозможною роскошью круглый столъ, къ которому были придвинуты два кресла на недалекомъ разстояніи одно отъ другаго. На одно-то изъ этихъ креселъ Антонія указала своему гостю.

Мюнцеръ окинулъ бѣглымъ взглядомъ все убранство этого очаровательнаго уголка, и снова устремилъ глаза на Антонію, которая казалась ему теперь совсѣмъ другою женщиною, чѣмъ прежде: въ ней не было той величавости, за то она стала милѣе и привѣтливѣе. Новизна и неожиданность его настоящаго положенія имѣла въ себѣ что-то сказочное, что-то похожее на сонъ; разнообразныя событія этого вечера, такъ быстро смѣнявшіяся одно другимъ, отзывались на немъ какимъ-то лихорадочнымъ возбужденіемъ. Подобно тому, какъ въ настоящемъ бреду всѣ пространственныя представленія болѣзненно извращаются, — великое кажется малымъ и малое великомъ, такъ и ему всѣ дѣла людскія представлялись въ какомъ-то обманчивомъ свѣтѣ; добро и зло, разумъ и безуміе становились для него безразличны, и самая дѣйствительность казалась ему простымъ сновидѣніемъ. Онъ отказался отъ плодовъ, которыми подчивала его Антонія и, наполнивъ стаканы виномъ, проговорилъ:

— За ваше здоровье, моя прекрасная хозяйка, не до пищи тому, кто удостоился лицезрѣть идеалъ красоты. Пью за ваше здоровье и желаю, чтобы эта минута была послѣднею въ моей жизни.

И жадными губами онъ осушилъ стаканъ съ драгоценною влагой. Антонія, улыбаясь, глядѣла на своего гостя.

— Покорно благодарю, проговорила она, прикасаясь губами къ своему стакану. Но зачѣмъ желать, чтобы эта минута была въ вашей жизни послѣднею? Я такъ, напротивъ, желала бы, чтобы судьба подольше оставила мнѣ человека, который, въ моихъ глазахъ, предпочтительно передъ многими, заслуживаетъ имя мужчины. Позвольте мнѣ еще разъ наполнить вамъ стаканъ и выпьемте на долгую... или, нѣтъ! не на долгую дружбу, потому что такъ мы успѣемъ постарѣть и отупѣть, а я ненавижу все старое и тупое. И такъ, выпьемъ на доброе товарищество, которому не прекращаться до тѣхъ поръ, пока наши жизненные пути идутъ вмѣстѣ.

— Не долго-же ему въ такомъ случаѣ суждено продержаться, возразилъ Мюнцеръ. Наши двѣ дороги скрестились

случайно, и для того только, чтобы тотчасъ же разойтись въ противоположныя стороны. Вѣдь вы не знаете кто я такой.

— Да и знать не хочу! Какое мнѣ дѣло до званія и до общественнаго положенія? Въ человѣкѣ я ищу человѣка и больше ничего. Ваше имя—Мюнцеръ. Если не ошибаюсь, я уже не разъ слыхала это имя въ разговорахъ о политикѣ, которыхъ я по возможности стараюсь не слушать. Помнится мнѣ также, что васъ часто называли въ моемъ присутствіи демократомъ, возмутителемъ народа, крайне опаснымъ человекомъ, который можетъ сдѣлать изъ черни все, что ему угодно. Но, что мнѣ до всего этого? я политикой не занимаюсь, и считаю разговоры о политикѣ величайшею пыткой, которой только можно подвергнуть разумное существо. Аристократовъ нашихъ я нахожу невыносимо скучными, денежная аристократія мнѣ просто противна; добрые наши бюргеры неуклюжи, угловаты, и вообще таковы, что чѣмъ дальше отъ нихъ, тѣмъ лучше; наконецъ, нашъ милый простой народъ грязенъ, грубъ и нахаленъ. Къ которой же изъ этихъ категорій хотите вы, чтобы я питала сочувствіе? Человѣчество, въ общей своей сложности, кажется мнѣ или ненавистнымъ, или достойнымъ презрѣнія. Только въ отдѣльной личности ищу я ума, красоты, остроумія и, видитъ богъ, какъ я рѣдко нахожу ихъ тамъ, гдѣ ищу. И вы тоже, не отпирайтесь, ушли не дальше моего. Вы, конечно, стараетесь завѣрить себя, что дѣйствительно любите этихъ людей, за которыхъ вы распинаетесь, и которыхъ вы будто-бы уважаете; но въ дѣйствительности вы ихъ не любите. Вотъ хоть-бы, напримѣръ, меня вы, по всѣмъ вѣроятіямъ; уважаете очень мало; пока вы сидите здѣсь, вы уже, конечно, не разъ задавали себѣ вопросъ, не обязаны-ли вы, въ качествѣ человѣка изъ народа, во имя вашего высокаго нравственнаго чувства, и пр. и пр., съ презрѣніемъ относиться ко мнѣ, аристократкѣ, не слишкомъ-то соблюдающей законы такъ называемой нравственности? т. е. не то, чтобы совѣтъ презирать, а такъ себѣ, чуть-чуть. А между тѣмъ.... только, пожалуйста, погодите дѣлать такое угрюмое лицо; взгляните на меня немного прिवѣтливѣе! вотъ такъ! А между тѣмъ, говорю я, вы были-бы

вовсе не прочь сдѣлать для меня какую нибудь колоссальную глупость; если-бы только я была доволью жестока, чтобы отъ васъ требовать это.

— Быть можетъ вы и правы, отвѣчалъ Мюнцеръ, не спуская съ Антонія глазъ. Но что-же этимъ доказывается? Знаете ли вы древнюю басню о титанахъ, которые хотѣли взять приступомъ небо, чтобы за трапезою безсмертныхъ позабыты свое земное горе? Завистливые боги стали метать своими молніями въ дерзкихъ великановъ, и отбросили ихъ назадъ на землю, потому что она-то и есть истинный тартаръ, адъ кромѣшный для гордаго титаническаго духа. Видите-ли, сударыня, мы, люди, — жалкіе эпитоны тѣхъ славныхъ отцовъ, и, какъ ни мало въ насъ удѣляло фамильнаго сходства, все-же мы не забыли свое происхождение и въ насъ живетъ еще какое-то смутное воспоминаніе о блаженной жизни на высотахъ олимпа, гдѣ не существуетъ ни добродѣтели, ни порока, ни мудрости, ни безумія, и гдѣ царитъ одна красота, чудная, опьяняющая, проникающая въ сердце священнымъ трепетомъ. Это-то воспоминаніе и есть любовь. Но видите-ли, прекрасная моя хозяйка, если этого было мало для нашихъ предковъ, титановъ, то и подавно мало для насъ, простыхъ смертныхъ. Сумма счастья, которую людямъ предстоитъ раздѣлить между собою, такъ невелика, что всѣ получаютъ слѣдующую имъ долю только тогда, когда каждая отдѣльная личность будетъ сама себя ограничивать, и не будетъ забирать на свою долю болѣе того, что она готова предоставить и своему ближнему. Это воззрѣніе, выражающееся въ подвигахъ стиренія и самоотверженія, мы называемъ справедливостью. Вы говорите, что я не люблю людей, за которыхъ я распинаюсь, и вы правы; я не люблю ихъ, мало того, мнѣ даже кажется подъ часъ, какъ напрямѣръ сегодня вечеромъ, что я ихъ просто презираю; но въ отношеніи того, кого я не уважаю, я могу, по крайней мѣрѣ, оставаться справедливымъ. Совсѣмъ иное дѣло вы; относительно васъ у меня не можетъ быть и рѣчи, ни объ уваженіи, ни о справедливости; всѣ эти понятія, которыя въ глазахъ людей имѣютъ и должны имѣть такую важность, не имѣютъ ничего общаго съ мо-

имъ чувствомъ къ вамъ, потому что встрѣча съ вами пробудила во мнѣ неумирающую природу титана, а потому вы, быть можетъ, и правы, когда утверждаете, что я способенъ сдѣлать для васъ какую угодно глупость, хоть-бы, на примѣръ, колоссальную глупость—полюбить васъ.

Антонія откинулась въ креслѣ и занялась своимъ тихимъ мелодическимъ хохотомъ. Но вскорѣ она снова облокотилась на столъ и, глядя на Мюнцера пристальнымъ взглядомъ, проговорила:

— Не даромъ предполагала я въ васъ самаго загадочнаго человѣка, какого я только когда либо видала. Скажите, кто вы такой? Я подозреваю, что вы царскій сынъ, лишенный отцовскаго престола, и въ гнѣвѣ своемъ скрывающійся среди народа и возбуждающій его возстать на похитителя. Быть не можетъ, чтобы вы сами были изъ народа, для этого у васъ слишкомъ стройныя, аристократическія руки, а главное, слишкомъ гордый, повелительный видъ. Признайтесь же мнѣ, насъ никто не услышитъ: гдѣ ваше царство и кто ваши царственные родители?

Вы смѣетесь надо мною, отвѣчалъ Мюндеръ съ грустной усмѣшкой; и точно, вы вправѣ смѣяться. Вы хотите знать, гдѣ лежитъ мое царство? Вотъ здѣсь, въ этой головѣ, въ тѣсныхъ предѣлахъ этого черепа. Вы спрашиваете, кто мои царственные родители? Бѣдные крестьяне, цѣлый вѣкъ свой насаживавшіе спины, таская корзины съ землею на уступы каменистаго утеса, которые въ два, въ три года разъ давали имъ жалкій сборъ винограда. Первая игрушка, которую дали мнѣ въ мои аристократическія руки, былъ заступъ. Мои царственные родители умерли съ голода и съ горя, и я, ихъ единственный отпрыскъ, подвергся бы той же участи, если-бы пасторъ сосѣдняго селенія, единственный священникъ, достойный этого имени, котораго мнѣ довелось знать, не сжалился надъ оборваннымъ мальчишкой и не раздѣлил со мною свой скудный кусокъ хлѣба и свое скудное знаніе. Когда мнѣ ничему болѣе не оставалось у него учиться, онъ отправилъ меня въ здѣшнюю школу, давъ мнѣ, въ видѣ мапутственнаго благословенія, совѣтъ трудиться и жить въ страхѣ божемъ.

Трудиться можно, и даже очень много трудиться. А потому я и налегъ на трудъ, не изъ любви къ знанію, а изъ честолюбія, изъ жгучаго, пожирающаго честолюбія, которое заставляло меня забывать и холодъ, и голодъ, и насмѣшки моихъ школьныхъ товарищей. Да-съ, какъ же они смѣялись надо мною, всѣ эти красивенькіе юнкеры и сытые купеческіе сынки; они прозвали меня «волкомъ» за мою, голодную, заморенную наружность, и легкомысленные мальчики были отчасти правы: я дѣйствительно смотрѣлъ волкомъ. Человѣческое общество представлялось мнѣ большимъ, безмысленнымъ, жирнымъ стадомъ животныхъ, и я ненавидѣлъ это стадо какою-то волчьей ненавистью. Мнѣ хотѣлось обладать громадною ученостью, быть всезнающимъ, чтобы имѣть черезъ это возможность отомстить людямъ за ихъ презрѣніе и насмѣшки. Сто разъ призывалъ я къ себѣ на помощь діавола, предлагая ему въ залогъ свою душу, но діаволъ не приходилъ, и это навело меня на мысль, что чорта то, пожалуй, и вовсе нѣтъ.

Разъ ступивъ на эту дорогу, я дошелъ до совершенно новыхъ, неожиданныхъ результатовъ.

Я пришелъ къ тому заключенію, что если въ самихъ людяхъ надо искать истинныхъ ихъ пороковъ, то въ нихъ же самихъ и источникъ ихъ добродѣтелей, и если до сихъ поръ они не сдѣлались лучше, то вина этого, конечно, должна лежать въ какихъ нибудь недостаткахъ государственнаго и общественаго устройства, за которыя отвѣтственность падаетъ на все человѣчество, но никакъ не на отдѣльную личность. Подобно тому, какъ другіе, по выраженію великаго поэта, «изъ полноты любви упивались ненавистью къ людямъ», такъ я изъ полной чаши своей ненависти почерпнулъ любовь къ людямъ. Но и любовь моя стала такъ же бѣдна и вяла, какъ подъ конецъ и моя ненависть.

Любовь моя вытекала не изъ сердца; она вытекала изъ ума и изъ сознанія, что несправедливо ненавидѣть или презирать людей за ихъ пороки, какъ несправедливо гнушаться проказными и калѣками. Мое участіе къ людямъ—было участіе врача къ больному; я утѣшалъ, помогалъ, какъ умѣлъ, разда-

валъ бѣднымъ все, что только могъ. Но сердце мое не участвовало во всемъ этомъ, оно оставалось мертво и пусто.

Мюнцеръ вдохнулъ глубоко и медленно допилъ свой стаканъ.

— Несчастный вы человекъ, проговорила Антонія, слегка прикасаясь рукою къ его рукѣ.

— Да, несчастный, потому что нѣтъ больше несчастія, какъ стоять одиноко среди людей. Когда миновались первые взрывы отчаянья, я покорился своей судьбѣ, отказавшись развѣ на всегда отъ надежды на счастье. Я ясно видѣлъ, въ чемъ состояла моя жизненная задача, и этого съ меня было довольно. Я видѣлъ бездонную пропасть, которая раздѣляетъ современное намъ человѣчество на двѣ неравныя половины: на многихъ званыхъ, и немногихъ избранныхъ, на знающихъ и незнающихъ, на жрецовъ и непосвященныхъ; я понималъ, что эта пропасть, подобно той, которая, гласитъ преданье, разверзлась среди форума, можетъ наполниться только тогда, когда мы набросаемъ въ нее все, что у насъ ни есть самаго драгоценнаго, когда мы лучшіе наши силы употребимъ на то, чтобы примирить людей между собою. Этому великому дѣлу рѣшился я послужить, на сколько станетъ моихъ силъ. Для себя лично я ничего не желалъ, по крайней мѣрѣ, ничего исключительнаго, ничего такого, чтобы не было дано въ удѣлъ и остальному человѣчеству. Я не желалъ даже оставаться одинъ съ своимъ горемъ, не желалъ даже любви, которая порой наполняла мою душу какимъ-то сладостнымъ, опьяняющимъ томленіемъ. Я обзавелся, по примѣру добрыхъ людей, женою и дѣтьми, въ надеждѣ, что хоть это спасетъ меня отъ помѣшательства или отъ самоубійства, къ которому, рано или поздно, должна была привести такая жизнь, какъ моя.

Мюнцеръ замолчалъ. Ни разу еще не случалось ему съ такою завѣтною откровенностью говорить о самомъ себѣ. На душѣ у него было тяжело, какъ на душѣ приговореннаго къ смерти. Онъ глядѣлъ на Антонію, какъ-бы ожидая отъ нея утѣшенія.

— И такъ, у васъ есть жена и дѣти? проговорила она помолчавъ.

— Да, у меня есть жена, честное, любящее создание, и лучше бы было для нея, если-бы она умерла никогда не видя меня; есть у меня дѣти, славныя, двѣтушія малютки, но лучше бы имъ было на свѣтъ не родиться. Я не умѣю быть счастливымъ, но я настоящій геній въ адскомъ искусствѣ терзать другихъ.

Говоря это, Мюнцеръ ходилъ большими шагами по комнатѣ; вдругъ онъ остановился передъ Антоніей, которая, закрывъ лице руками, сидѣла въ глубокой задумчивости, и проговорилъ сквозь зубы.

— Горе и вамъ и мнѣ, если наши жизненные пути не разойдутся съ этой минуты на вѣки. Я брошу въ вашу жизнь такую искру, отъ которой вамъ не уйти; она изведетъ васъ пожаромъ и сожжетъ васъ до тла; мнѣ-же вы все таки не дадите счастья. Минуетъ блаженный бредъ и я снова пойду на работу; и если только окажется, что вѣтъ уже у меня прежней бодрой отваги въ борьбѣ съ безуміемъ, что дерзкая попытка съѣсть за трапезу боговъ ничего не принесла мнѣ кромѣ стыда и раскаянья, тогда...

— Ну, что тогда? договаривайте! проговорила Антонія, и губы ея поблѣднѣли.

— Тогда, воскликнулъ Мюнцеръ, бросаясь къ ея ногамъ и хватая ея руки,—тогда я возненавижу тебя, чудо красоты, возненавижу тебя съ тою же силою, съ какою люблю тебя теперь.

Антонія еще болѣе поблѣднѣла; она дышала тяжело, ноздри ея раздувались. Она высвободила свои руки изъ его рукъ, положила ихъ ему на плечи и, наклонясь къ нему такъ близко, что губы ихъ почти сливались, прошептала:

— Что-жъ! хотя-бы ты возненавидѣлъ, хотя-бы убилъ меня, гордый человекъ, за то только, что мы горячо любимъ другъ друга, все же я буду тебя любить, да и ты не уйдешь отъ любви.

И охвативъ его шею руками, она поцѣловала его долгимъ, горячимъ поцѣлуемъ.

Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ раздались шаги. Антонія

вздрогнула, Мюнцеръ быстро вскочилъ на ноги и взглянулъ на дверь, которая тотчасъ же отворилась.

— Полковникъ фонъ-Гогенштейнъ, доложилъ слуга и въ маленькихъ его глазкахъ пробѣжала при этомъ злая усмѣшка. Прежде чѣмъ Антонія успѣла выговорить слово, — въ комнату вошелъ полковникъ и слуга удалился.

Испугъ полковника при встрѣчѣ съ знаменитымъ демагогомъ въ домѣ невѣстки почти равнялся испугу Мюнцера и Антоніи при его неожиданномъ появленіи. Отъ него не ускользнуло странное выраженіе лицъ обоихъ. Лукавая усмѣшка на лицѣ слуги, слухи, ходившіе въ обществѣ, о непростительномъ легкомысліи его невѣстки, все это навело полковника на смутныя догадки, которыхъ, впрочемъ, было достаточно, чтобы воспламенить въ немъ бѣшенную ревность

— Извините меня невѣстушка, проговорилъ онъ, бросая грозный взглядъ на Мюнцера, если я пришолъ не во время! Раньше я не могъ урваться, потому что цѣлый вечеръ провѣлъ по долгу службы въ казармахъ. По выходѣ изъ казармъ вдругъ узнаю, что передъ вашимъ домомъ произведены разныя буйства. Спѣшу сюда, и что же нахожу? Въ фасадныхъ окнахъ темно, но подъѣздъ еще не запертъ и вашъ Жанъ объявляетъ мнѣ, что у барыни сидитъ еще гость. Еще разъ прошу у васъ извиненія за несвоевременный визитъ. Пока говорилъ полковникъ, Антонія успѣла оправиться отъ своего смущенія.

— Дѣйствительно, я никакъ не ожидала васъ видѣть у себя сегодня вечеромъ, проговорила она съ ледяною холодностію. Пока вы съ своими солдатами сидѣли въ казармахъ, у меня успѣли повывить стекла въ окнахъ, и вы конечно опоздали бы съ вашимъ полкомъ, меньше-то полка вѣдь вы врядъ ли бы привели? Если-бы вотъ этотъ господинъ не былъ такъ добръ и не уговорилъ толпу разойтись. Однако позвольте мнѣ, господа, представить васъ другъ другу...

— Я уже имѣлъ случай познакомиться съ докторомъ Мюнцеромъ, перебилъ полковникъ съ церемоннымъ поклономъ, на который Мюнцеръ, съ своей стороны, отвѣчалъ не менѣе церемонно.

— Позвольте мнѣ, сударыня, пожелать вамъ спокойной ночи, проговорилъ Мюнцеръ, обращаясь къ Антоніи, я и такъ уже слишкомъ долго докучалъ вамъ своимъ присутствіемъ.

Антонія хотѣла было удержать его, но взглянувъ на его лицо, поняла, что это будетъ напрасный трудъ. Она держала за звонокъ и сказала вошедшему слугѣ:

— Посвѣтите господину доктору!— Потомъ, обратившись къ нему, продолжала, протягивая ему руку:— Au revoir, надѣюсь, что мы скоро увидимся.

Мюнцеръ поцѣловалъ протянутую ему руку, слегка поклонился полковнику, который, не вѣря глазамъ своимъ, глядѣлъ на эту сцену прощанья, и поспѣшилъ за слугой.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДѢЛЕНІЕ РУССКАГО НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ.

ЕСТЕСТВЕННЫИ И УМСТВЕННЫИ УСЛОВІЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ ПОСЕЛЕНІИ
ВЪ РОССІИ.

(Окончаніе.)

У.

Изъ всего предъидущаго очерка видно, что естественныя, силы и условія всецѣло преобладали надъ умственными усиліями, средствами и основами нашихъ земледѣльческихъ поселеній. Въ устройствѣ и географическомъ распространеніи ихъ не видно умственной дѣятельности, знанія, а вездѣ явственно отпечатлѣлось преобладаніе физическихъ законовъ и непосредственныхъ вліяній природы русской земли. Во-первыхъ, въ дѣлѣ распространенія земледѣльческой колонизаціи и культуры не доставало самаго главнаго—разумнаго и подробнаго землевѣдѣлія. До Петра великаго, когда собственно и совершалась разработка и обстройка русской земли, — народъ нашъ, по словамъ Петра, не зналъ ни земли, ни воды своей. Правительственныя описи—земляныя списки, писцовыя, обкладныя и другія книги только отрывочно и крайне-поверхностно измѣряли и описывали «земли ораныя, земли добрыя, середнія и худыя, лѣса пашенныя и непашенныя». Рациональнаго, научнаго знанія почвъ и климата русской земли не было ни у народа, ни у самаго правительства *).

*) Известный писатель царствованія Алексея Михайловича, Юлій Крыжаничъ, первый высказалъ правительству, еще только какъ *prim desiderium*, мысль о необходимости изслѣдованія естественно-производительныхъ силъ русской земли. Онъ писалъ: «Добро-бы было выслать углянниковъ (дозорщиковъ, наблюдателей) по всему царству; или наче державнымиъ (областнымиъ

Отсюда происходили весьма частыя ошибки въ выборѣ мѣстъ для земледѣльческихъ поселеній. Не смотря на обиліе хорошихъ, хлѣбородныхъ земель, поселенцы часто, по незнанію, селились на тощихъ земляхъ, и послѣ горько жаловались на бесплодность своихъ полей. Большею частію земледѣльская культура и колонизація шла наугадъ и на авось, безъ всякаго предварительнаго обслѣдованія и изученія почвы и климата выбираемой подѣ заселеніе мѣстности. Отсюда, весьма нерѣдко случалось, что одни крестьяне выбирали и расчищали черныя дпкой лѣсъ, распахивали пашни, ставили починки, деревни и селились въ нихъ, — и земля выпадала на ихъ долю хорошая. А рядомъ, въ той-же области, цѣлая волость населялась на землѣ худой, бесплодной. И не было точнаго знанія ея. Тогда какъ писцы находили въ этой волости много доброй земли, — сами землевладельцы жаловались на ея совершенную бесплодность. Тагъ въ вятской области, въ хлыновскомъ уѣздѣ, въ бобинскомъ стану, гдѣ было 209 дворовъ кретьянскихъ и бобыльскихъ, по писцовымъ книгамъ 1629 года, было » пашни паханныя добрыя земли 48 четвертей съ четверникомъ, средней земли 464 чети, » худой земли 24 чети». А землевладелецъ этого бобинскаго стана въ 1670 году жаловался, что «*тотъ бобинскій станъ на Вяткѣ самый нужный, — земли боровыя, песчаныя, а не хлѣбородныя, и крестьяне кормятся отъ того, жгутъ смолу и уголья на продажу, а не отъ пашень*» *). Крайній недостатокъ разумаго плана и направленія русской земледѣльской колонизаціи и культуры, между прочимъ, довольно наглядно обнаружился въ томъ характеристическомъ фактѣ, что вмѣсто наиболѣе-обширнаго и энергическаго направленія къ югу, въ обширную полосу чернозема, въ область умѣреннаго климата, ближе къ поясу пшеницы, винограда и кукурузы, — наша земледѣльская колонизація, много вѣковъ, съ бесплоднымъ и страдальческимъ напряженіемъ, устремлялась на сѣверъ, къ тундрамъ и ледовитому морю. И мы, такимъ образомъ, не путемъ научнаго изслѣдованія, а путемъ горькой и неудачной крестьян-

начальникамъ, воеводамъ) заповѣдать: да бѣху обысковиали и отвѣдовали и обличали, гдѣ ся буйно (хорошо, обильно) родить, либо родиться можетъ кое жито, зелье, дравеи или былье, якоже: ленъ, конопле, хмѣль, медь, главатница, лукъ, и вноее. (о моск. госуд. розд. III стр. 44). Петръ В. предписывалъ Камеръ-Коллегіи, какъ средоточію *Земляго Экономства*: «*о состояніи, натурѣ и плодородіи каждой провинціи уведомляется, и стараться какъ-бы запустѣлыя земли заселить*». (П. С. З. № 3466).

*) Доп. къ А. Ист. т. IV, № 14, стр. 82.

янской практики — *страдаемой* работы, изъ ошибочнаго направленія и изъ напрасныхъ усилій нашихъ земледѣльческихъ поселеній узнали границы земледѣлія на сѣверѣ Россіи, напримѣръ—на р. Сосвѣ въ Першинскихъ юртахъ, въ Реполѣ при Иртышѣ, на Пельымѣ въ Атимье-паулѣ, на Кондѣ въ Шаимѣ, близъ Пузяйма и по близости Сатига, близъ устья Щугоры, при устьяхъ Ижмы и Цыльмы *). Незнаніе почвы и климата постоянно и жестоко наказывало наши земледѣльческія колоніи за этими границами земледѣлія. Въ актахъ историческихъ часто встрѣчаются жалобы сѣверныхъ поселенцевъ на то, что они поселились «на украинѣ, у студенаго моря, земля пришла каменистая, и стужа великая, и снѣги по вся лѣта мало сходятъ, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побиваетъ». Сѣверныя крестьянскія поселенія, устроившіяся по указу правительства, большею частію были бѣднѣйшія. Вотъ, напримѣръ, челобитная крестьянъ пустозерскаго острога, 1667 года: «бьютъ челомъ сироты, Пустозерскаго острога бѣдные остальные Пермаченка отъ разброду, отъ хлѣбнаго голоду, сотской и всѣ крестьяне: мы бѣдные людшка бѣдны и безхлѣбны и безоленные, что было оленншокоъ остальныхъ отъ прежнихъ самоядцкихъ грабежовъ, и тѣхъ достальныхъ самоядъ всѣхъ оттонили... Для рыбныхъ и бѣлужихъ промыслишковъ не ходимъ на морѣ, и судовъ у насъ морскихъ, людей и кочей нѣтъ, что дѣлать не умѣемъ и не изъ чего, лѣсу нѣтъ, мѣсто тундряное», и проч. **). Или посмотрите на крестьянскія поселенія, напримѣръ, на пути отъ Соликамска до Чердыни: вся страна кажется безплодною и жители бѣдны. Во многихъ мѣстахъ деревни состоятъ изъ нѣсколькихъ дворовъ, да и то большая часть изъ нихъ, а иногда и всѣ пусты: бѣдные обитатели ихъ переселились въ другіе уѣзды губерніи, особенно въ осинскій, и заняли тамъ земли. Но и тутъ, не умѣя выбрать хорошія земля, или посредственную почву сдѣлать достаточно-хлѣбородною, переселенцы принуждены бывають оставлять новыя свои жилища и вести полукочевую жизнь ***). Что значить умъ въ борьбѣ съ природой на крайнемъ сѣверѣ Россіи,—показываютъ, между прочимъ, наши туруханскія колоніи духоборцевъ и разныхъ другихъ смельныхъ поселенцевъ. Духоборцы, по словамъ

*) Записки рус. географ. общ. 1849 г. кн. III, стр. 165—166.

***) Доп. V, № 35, стр. 172.

* *) Зап. Географ. Общ. 1853. кн. VII. Дневн. Латкина въ Пегорѣ въ 1840—1843 г. стр. 6.

Кастрена, живущіе умно in dem geräumigen Tempel der Natur, и отличающіеся примѣрнымъ трудолюбіемъ, — сѣужьли домовито устроиться и въ суровомъ климатѣ, и на бесплодной почвѣ туруханской медовитой тундры, за предѣлами земледѣлія, кончающагося на Енисѣѣ въ дер. Вороговой въ андеевской волости. Они сѣужьли развести здѣсь даже сады съ хорошими корнеплодными растеніями, съ макомъ, съ астрами, съ гераніями и проч. Между тѣмъ, другіе русскіе ссыльные колонисты, кромѣ кое-какихъ плохихъ жилищъ, ничего не могли завести, не умѣли, подобно духоборцамъ, успѣшно заниматься культурой и оставались безъисходными страдальцами суровой сѣверной природы и своей несчастной доли. Само правительство, для своихъ цѣлей заселяя пустыя мѣста, устроила крестьянъ въ села и слободы, большею частію наугадъ и ошибочно отводило имъ земли на заселеніе, и въ мѣстностяхъ крайне-невыгодныхъ, непроезжихъ. Такъ, напримѣръ, самаровскихъ ямскихъ охотниковъ, пашенныхъ крестьянъ, «посадила подъ самаровскими горами, на дальнемъ пустомъ мѣстѣ непашенномъ» *). Таковы же все сѣверныя поселенія, въ родѣ жалкихъ деревушекъ пустозерскихъ, обдорскихъ, березовскихъ, туруханскихъ, [нижне-колымскихъ и т. п. Въ Сибири, гдѣ производилась специальная земледѣльческая колонизація, правительство поручало воеводамъ составлять росписи и чертежи пашеннымъ мѣстамъ**). «На росписи эти составлялись небрежно, наугадъ, невѣрно. И въ наше время иногда весьма неудачно отводились земли для поселенія крестьянъ, напримѣръ, на Аянѣ и на Амурѣ: многіе переселенцы перемерли, а другіе назадъ возвращались, остальные бѣдствовали. Какъ русскіе крестьяне, такъ и иноплеменные колонисты, отъ незнанія сибирскихъ мѣстностей и почвъ, и отъ неправильнаго указанія земель мѣстнымъ начальствомъ, часто должны были долгое время блуждать безпріютно по пустынямъ Сибири. Такъ, колоніи сомыльныхъ лютеранскаго исповѣданія испытали такія бѣдственныя странствованія по пустынямъ минусинскаго округа. Напримѣръ, 5 семействъ изъ нихъ, со скотомъ, почти цѣлое лѣто, въ 1847 году, тянулись на отведенную имъ землю, въ 200 верстахъ ниже Минусинска, вблизи Енисея. И что-же увидѣли, когда пришли? На первыхъ порахъ эти несчастные нашли голые, ска-

*) Доп. IV, № 96.

***) Доп. II, № 89, стр. 243—248.

листые берега Енисея, испытали продолжительныя бури надъ безлѣсною мѣстностью, увидали тощую и негодную степную траву, убѣдились въ недостаткѣ удобной земли и строеваго лѣса, словомъ, послѣ перваго обзора мѣстности, они пришли къ тому убѣжденію, что имъ предстоитъ лишь возможность поддержать свое жалкое существованіе единственно рыбной ловлей. Это обстоятельство вынудило путешественниковъ направиться на югъ, и опять, въ тоскѣ и невѣрности, блуждали они долгое время, все отыскивали землю плодородную, разбродясь только на зиму по русскимъ деревнямъ. Наконецъ, уже въ 1851 году, послѣ долгихъ, изнурительныхъ, безплодныхъ и разорительныхъ странствованій, они нашли искомую землю и поселились въ мѣстности, совершенно необитаемой, при рѣчкѣ Суэтукуъ *). Точно также каждое лѣто тянутся въ Сибирь безпрерывныя и длинныя вереницы горемычныхъ добровольныхъ переселенцевъ — крестьянъ, — и большая часть изъ нихъ идутъ туда на авось, безъ всякаго знанія почвъ, на которыхъ хотятъ селиться, или зная вновь искомыя и выбираемыя земли только по невѣрнымъ, обманчивымъ слухамъ и преданіямъ. Худо, что этимъ переселенцамъ не сообщаются предварительныя, подробныя и точныя свѣдѣнія о почвѣ и климатѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ можно селиться крестьянамъ, или куда они сами идутъ. На помощь имъ и вообще колонизаціи Сибири, у насъ какъ-то немислимы ни компанія или общество колонизаціи, на подобіе французско-алжирскаго, или англо-американскихъ, ни какія-нибудь популярно-научныя вѣстники земледѣнія, которые бы распространяли въ народѣ точныя и подробныя знанія о русской и сибирской землѣ—знанія физико-географическія, климатическія, почвенныя или химическія и т. п. — Между тѣмъ, по причинѣ нерациональнаго выбора мѣстъ подъ населенія, — наши земледѣльческія колоніи часто жестоко страдали не только отъ вліяній климата и безплодья или истощенія почвъ, но и отъ другихъ мѣстныхъ физико-географическихъ вліяній. Не умѣя предотвратить разрушительныя дѣйствія природы, не зная средствъ противодействовать сокрушительнымъ силамъ стихій, — наши поселенцы не всегда умѣли и устроиться разумно, предусмотрительно и прочно. Если не пожары, не бури, то весенніе разливы рѣкъ и наводненія нерѣдко разрушали или потопляли цѣлыя волости. Напримѣръ, въ 1679 го-

*) Записки Сибир. Отдѣл. Геогр. Общ. 1864. кн. VII, смѣсь, стр. 17—18.

ду, пашенные крестьяне чечюйской волости на Ленѣ жаловались: «въ 186 году, въ чечюйскомъ острожкѣ, судомъ божиимъ, вешнею водою, дворенка ихъ льдомъ изломало, и скотиншко и хлѣбныя запасы и всякое борошнншко потопило и насянныя въ поляхъ великаго государя и ихъ крестьянскій хлѣбъ и сѣнные покосы и скотинные выпуски пескомъ и иломъ насадило»^{*)}). Въ 1660 году енисейскій воевода писалъ: «въ нынѣшнемъ, во 168 году, апрѣля противъ 17 числа, въ ночь, божіею волею, пришла вешняя большая вода изъ Тунгуски, съ Байкала озера, и изъ Енисея и изъ стороннихъ рѣкъ, и пошелъ ледъ, и тою большею водою енисейскій острогъ и въ посадѣ дворы поняло, и лдомъ сложило наугольную фроловскую башню, и отъ той башни, подлѣ Енисея рѣки, выломило острожной стѣны 170 сажень, и у жилецкихъ многихъ людей избы и дворы ихъ поломало и поносило и дома разорило; а въ енисейскомъ уѣздѣ въ деревняхъ, которыя деревни стояли и пашни были на низкихъ мѣстахъ, на лугахъ, и въ тѣхъ деревняхъ у енисейскихъ служилыхъ и посадскихъ людей и у пашенныхъ крестьянъ насянныи хлѣбъ, рожь, что сѣяна въ прошломъ во 167 году къ нынѣшнему ко 168 году, льдомъ скопало и водою смыло и снесло, и на тѣ-жъ сноспыя земля, гдѣ были сѣяны ржи, послѣ большія воды, какъ та земля обсохла, многіе крестьяне сѣяли яровой хлѣбъ гдѣ была посѣяна рожь; и тѣ енисейскіе всякіе жилецкіе люди отъ того великаго потоку обѣднѣли и въ конецъ одолжали, и дома у многихъ разнесло, и впередъ чаемъ отъ воды надъ городомъ великаго дурна»^{**)}). Такъ стихіи природы, волны рѣкъ сносили съ лица земли и разрушали цѣлыя волости и города. Не умѣя предотвращать разрушительныя дѣйствія разливовъ рѣкъ, поселенцы не знали также никакихъ искусственныхъ средствъ завоевывать у природы и улучшать почвы на земляхъ неудобныхъ, напримѣръ, — болотистыхъ, кочковатыхъ, каменистыхъ и пр. И по невѣжеству своему, или умственному безсилію жаловались на безземелье, когда кругомъ было много земля подъ болотами или подъ кочками. Лепехинъ, во время путешествія своего по Россіи усмотрѣвшій вообще много умственныхъ недостатковъ въ нашихъ земледѣльческихъ поселеніяхъ, между прочимъ, писалъ о всѣхъ деревняхъ, лежащихъ между Москвою и Арзамасомъ: «рѣдко найдешь деревню, гдѣ бы крестьяне почитали себя довольными пахатною зем-

^{*)} Доп. VIII, № 51, стр. 226.

^{**)} Доп. IV, № 76. Также т. VII, № 74, стр. 348, № 38 стр. 205.

лею, но вездѣ жалуются на недостатокъ оной, хотя нерѣдко передъ глазами ихъ лежатъ обширныя мѣста, годныя ко всякому плодородію. Я разумѣю болотистыя мѣста, которыя небольшими трудомъ изсушить можно. Они не только бы съ избыткомъ могли наградить трудъ тучною пашнею, но и много бы способствовали къ прекращенію другихъ вредностей, какія какъ сами крестьяне, такъ и скотъ въ разсужденіи здоровья чувствуютъ; не упоминая о препятствіи въ ростъ лѣсовъ и пахатныхъ произрастеній, да и самая ржа, нерѣдко побивающая хлѣбъ и скоту непріязненная, по большей части отъ болотныхъ мѣстъ начало свое имѣетъ. На мѣсто изсушенія болотистыхъ мѣстъ, употребляютъ крестьяне другой родъ распространенія пашенъ, который *новинкою* называютъ... Такого распространенія пашенъ во многихъ мѣстахъ находились сожалительные остатки; ибо кромѣ мѣста, которое себѣ крестьянинъ назначилъ подъ пашню, нерѣдко обширныя палестины лѣса выгораютъ.»*) Въ Сибири, въ новоустроенныхъ поселеніяхъ, на новыхъ, свѣжихъ почвахъ, чуть, по выраженію актовъ, *выпахивалась земля*,—поселенцы непремѣнно страдали отъ безхлѣбья, бѣднѣли, били челомъ царю о помощи, о хлѣбной и денежной ссудѣ изъ казны, и, не зная никакихъ средствъ возстановить или усилить плодородіе почвы, не находили никакого другаго исхода, кромѣ переселенія на новую землю, или полученія хлѣба изъ казенныхъ жигницъ: иначе разбродились врознь. Такъ, въ тобольскомъ уѣздѣ, въ софійскихъ слободахъ, по словамъ акта 1658 года, «учинился хлѣбу недородъ, пашенныя земли выпахались, крестьяне отъ хлѣбнаго недорода обнищали и одолжали великими долги»,—и одно только средство знали они, какъ избавиться отъ истощенія почвы и хлѣбнаго недороду—занятіе и распашку новыхъ земель по р. Пышмѣ.***) «На Ленѣ,—писалъ въ 1679 году якутскій воевода,—пахатныя земли выпахались, хлѣбъ не родится»,—и вслѣдствіе этого въ Якутскѣ помирали съ голоду, ѣли сосновую кору и всякую мерзость, а другіе разбродились врознь.***) Вообще, не естественно-научными знаніями руководилась земледѣльческая колонизація и культура, а шла, по словамъ актовъ, куда шелъ топоръ, шла коса и соха, распространялись по непосредственному указанію природы, вполне и рабски подчиняясь топо-

*) Дневн. Записки изд. 1795 г. ч. I стр. 62—63.

**) Доп. IV, № 55.

***) Доп. VIII, стр. 234.

графическимъ, климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. И вотъ, земледѣльческія поселенія наши закосѣли въ умственномъ и рутинномъ рабствѣ передъ природою, передъ законами климата, почвы и, вслѣдствіе того, въ застоѣ и бѣдности *).

Вѣковое преобладаніе въ Россіи земледѣльческой колонизаціи и культуры надъ распространеніемъ и индустриальнымъ развитіемъ городовъ не совсѣмъ выгодно было для умственного саморазвитія русскаго народа. Народъ нашъ, въ сравненіи съ европейскими передовыми націями, стоитъ на низшей степени гражданственности и умственного развитія, между прочимъ, именно отъ того, что онъ всегда былъ главнымъ образомъ земледѣльческимъ народомъ. А націи и государства чисто земледѣльческія всегда развиваются съ особенною медленностью, и долго косяются на одной и той-же степени умственного состоянія. Исключительно земледѣльческая колонизація и культура, по причинѣ существенной и пассивной зависимости своей отъ природы, гораздо болѣе, чѣмъ бытовья и умственныя условія городовъ, благопріятствовала развитію предрасудковъ и суевѣрія.

Въ Россіи, кромѣ незнанія законовъ метеорологическихъ, вообще

*) Извѣстный нашъ государственный умъ, Мордвиновъ, писалъ: «Народъ просто земледѣльческій всегда бываетъ бѣденъ, и въ случаѣ неурожаевъ не имѣетъ даже способовъ избавиться отъ голода... Что принадлежитъ въ особенности до казенныхъ поселеній, то великая площадь, занимаемая въ русскаго государства 12 милліонами сихъ мужес. и женск. пола людей, при настоящемъ положеніи у насъ сельскаго хозяйства, не можетъ не оставаться на долго въ дикомъ и скудномъ состояніи. Тамъ, гдѣ сохою сребрутъ землю не глубже, какъ на 4 пальца, гдѣ работаетъ скотъ малосильный, всегда тощій, гдѣ паренина существуетъ, гдѣ урожаи даютъ отъ 3 до 4 зеренъ, гдѣ и на десятины накашиваютъ 30 или много 50 пудъ сѣна, гдѣ коровы пятаются соломою, а люди ѣдятъ хлѣбъ макинный, конечно, владыкѣ сихъ 12 милліоновъ душъ достаточнаго стяжанія отъ нихъ ожидать невозможно. Нѣтъ на семь великомъ удѣлѣ, составляющемъ 4-ю почти часть пространнаго русскаго государства и могущемъ вмѣстѣ нѣсколько европейскихъ королевствъ, нѣтъ ни благоустроенныхъ усадебъ, ни богатыхъ на явкахъ урожаевъ, ни добрыхъ коней, ни удобныхъ къ обработкѣ земли орудій, ни руководящихъ заведеній, ни обогащающихъ народъ промысловъ, ни сословія инаго, кромѣ крестьянскаго, ни лицъ, могущихъ управлять, ни лицъ, *могущихъ просвѣщать*, нѣтъ и начальныхъ даже учрежденій въ возрожденію впродъ благоустройства. Какое незаобразованное великой части широкія состояніе! Но въ сей дикости она и на вѣки остаться должна будетъ, если населяющіе ее 12 милліоновъ пахателей и пастуховъ, живя среди мховъ и дебрей, въ грубыхъ деревенскихъ хижинахъ, оставляемы будутъ безъ всякаго просвѣщенія». (О причин. разстройства. въ Россіи. Чтен. моск. общ. истор. 1860 г. кн. 1, отд. V, стр. 31).

незнаніе природы, въ теченіи первоначальной колонизаціи и культуры, породило въ земледѣльческихъ поселеніяхъ много всякаго рода суевѣрій. *) При отсутствіи въ древней Россіи естественно-научнаго образованія и промышленной городской дѣятельности, — устроившіяся въ темныхъ, дикихъ лѣсахъ земледѣльческія поселенія, во всѣхъ своихъ основахъ и отправленіяхъ, провиннуты были суевѣріями и предрасудками. Возникало ли вновь село, — происхожденіе его представляли какииъ нибудь чудомъ. **) Удачный выборъ новаго мѣста для поселенія обуславливался и гарантировался не разумнымъ расчетомъ удобствъ, а суевѣрными примѣтами и знаменіями. Когда хотѣли селиться на новое мѣсто, рубить лѣсъ и ставить дворъ, то прибрѣгала къ разнымъ суевѣрнымъ обрядамъ. Между прочимъ, лебеникъ давалъ такія правила: «когда хочешь дворъ ставить на новомъ мѣстѣ, или избу, или иные которые хоромы, и ты вели исчесть три хлѣба маленькіе: вынь ихъ изъ печи, и подложи одинъ хлѣбецъ подъ пазуху, а другой подъ другую, а третій положи на сердце, и вшедши на то мѣсто, гдѣ хочешь избу ставить, и ставъ на томъ мѣстѣ, спусти на землю тѣ три хлѣбца подпазушные и отъ сердца. И если всѣ три хлѣбца лягутъ къ верху коркою верхнею, то мѣсто добро: тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставъ избу и всякіе хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставъ и то мѣсто повинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ къ верху верхнею коркою, еще ставъ — добро; когда же падеть одинъ хлѣбецъ къ верху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ.» Вотъ какими соображеніями руководствовались и до сихъ поръ руководствуются наши крестьяне, окруженные непроницаемой тьмой невѣжества.

Точно также народъ имѣлъ свой взглядъ на годовыя перемѣны и вліянія погоды. Въ сборникахъ, на примѣръ, распространялись такія сказанія о вліяніи праздниковъ на погоду и плодородіе: «еще будетъ рождество христово въ недѣлю, зима снѣжна и велика, а весна дождева, жатва суха, меду пооскудно, скотомъ и овцамъ пагуба; еще будетъ рождество христово въ понедѣльникъ, зима добра, весна дождева, жатва суха, обиліе всему міру; еще будетъ прилу-

*) Подробнѣе объ этомъ будетъ сказано въ историч. очеркахъ интеллектуальнаго или умственнаго развитія народонаселенія, въ исторіи земледѣльческаго народнаго міросозерданія.

**) Владим. Сборн. стр. 67.

чится рождество христово во вторникъ, то зима велика и снѣжна, жатва ведрена, очень добра, овощей и меду и пряныхъ зелей пооскуду, скотомъ и овцамъ пагуба, и женскому полу болѣзненно», и т. д. *) Подъ влияніемъ такого міровоззрѣнія, земледѣльческія поселенія руководствовались разными примѣтами и мистическими понятіями при взглядѣ на природу.

Такъ, въ сборникѣ пословиць, изданномъ Далемъ, земледѣльческій мѣсяцесловъ заключаетъ въ себѣ до 983 суевѣрныхъ примѣтъ. Кроме того, въ томъ же сборникѣ напечатано до 560 суевѣрныхъ примѣтъ и гаданій, относящихся собственно къ земледѣлію и погодѣ. (Чтен. общ. истор. 1862 г. кн. 1, стр. 970—1029). И развитіе земледѣльческаго суевѣрія довело, такимъ образомъ, сельскія поселенія до глубокаго умственного рабства. — Суевѣріе до того наконецъ сѣзило сферу земледѣльческаго міросозерцанія и культуры, что кроме немногихъ видовъ хлѣбовъ и нѣкоторыхъ огородныхъ овощей, — многіе изъ нашего народа не только не находили нужнымъ и не умѣли, но даже считали излишней, грѣховной затѣей, — разводить какія-нибудь другія растенія.

Расколъ возвѣстилъ ученіе, что такія произведенія, какъ табакъ, картофель — богомерзкія, чортовы произрастенія, и съ фанатическимъ отвращеніемъ возсталъ противъ производства и употребленія этихъ растений. Въ рукописяхъ раскольниковыхъ, ходящихъ по рукамъ, встрѣчаются, напр., слѣдующія наставленія: «Аще кто изъ православныхъ дерзнетъ пить чай, стѣзется самага Господа І. Х. троекратно; аще кто дерзнетъ пить кофе, въ томъ человекъ будетъ ковъ лукавый, не будетъ благодати божіей. Возниче трава бѣсовская — табакъ». Картофель, по рукописямъ раскольниковымъ, выросъ изъ трупа какого-то царя, котораго народъ считалъ богомъ. «На VІІ вѣкъ приплодился онъ — картофель по всей землѣ и возлюбить губину — сирѣчь картофій **»). Въ пословицахъ, изданныхъ Далемъ, подъ словами: *изувѣрство — расколъ*, читаемъ такія раскольничьи бредни: «Чай, кофе, картофель, табакъ — прокляты на семи вселенскихъ соборахъ. Пагуба душевная и тѣлесная: чай, кофе, табакъ. Картошка проклята, чай двою проклятъ, табакъ да кофе трою. Разводить и продавать картофель еще можно, но ѣсть грѣшно. Не сѣт-

*) Сборн. Солов. Библ. № 889. Пам. стар. р. чит. III, стр. 157—158.

***) Матер. для географ. и стат. Россіи. Казанск. Губ. стр. 476.

ное, проклятое быліе, еже по еллински обиліе т. е. картофель. Кто кофе пьет, того Богъ или громъ убьетъ. Кто пьетъ чай, тотъ спасенія не чай. Китайская стрѣла въ Россію вошла, въ христіанскія сердца—сгубила всѣхъ до конца. Корень горести высь прозябаетъ—табакъ. Кто табакъ пьетъ т. е. нюхаетъ да курить—Святаго Духа изъ себя турить», и т. п.*). Въ рукописяхъ старовѣрскихъ встрѣчаются даже цѣлыя легенды или большія повѣсти о нечистомъ происхожденіи и богопротивности картофеля и табака **). Вслѣдствіе такого нелѣпаго взгляда, въ XVII в. само правительство нѣкоторое время запрещало разводить табакъ, а впослѣдствіи цѣлыя селенія готовы были бунтовать противъ разведенія картофеля. Извѣстны такъ называемыя *картофельныя бунты*.

VI.

Съ другой стороны, сильная зависимость земледѣльской колонизаціи и культуры отъ климата, почвы и вообще отъ природы была естественной причиною умственного застоя земледѣльческихъ поселеній въ социальномъ отношеніи. Какъ отъ незнанія законовъ метеорологическихъ и отъ совершеннаго отсутствія духа изслѣдованія и естествознанія сильно развилось въ земледѣльческихъ поселеніяхъ суевѣріе,—такъ отъ незнанія законовъ естественно-историческихъ и социальныхъ, отъ совершенной неразвитости политическаго смысла сильно развилось и укоренилось невѣжество и суевѣріе социально-экономическое. И главной причиною этого была именно умственная подавленность земледѣльческихъ поселеній, подъ гнетомъ тяготящихся надъ земледѣліемъ законовъ природы. Только всестороннее естественно-научное развитіе просвѣщаетъ умственный горизонтъ общественаго міросозерцанія и самосознанія, даетъ людямъ свѣтъ — опознаться въ сферѣ природы и жизни, осмысливаетъ и эманципируетъ отъ гнета природы бытъ и складъ общества, раскрываетъ истинныя причины общественныхъ недостатковъ, истинныя условія и средства ихъ исправленія и, наконецъ, истинныя законы общественнаго строя и развитія. Безъ этого, непонятые законы природы,

*) Послов. изд. Далеми въ Чтен. Общ. стр. 15.

**) Пам. стар. р. лнт. вып. II, стр. 427 — 435. У меня есть такая же рукописная легенда о происхожд. картофеля.

дѣйствующіе въ общественныхъ явленіяхъ, наказываютъ общество не только деморализаціей, слабостью и пассивностью силъ общественныхъ, бѣдствіями физическими и экономическими и, наконецъ, суевѣріемъ или слѣпымъ умственнымъ рабствомъ и страхомъ передъ природою, но и глубокимъ умственнымъ коснѣніемъ. Такимъ путемъ у насъ, въ древней Россіи, первоначальное прирѣпленіе крестьянъ къ землѣ мало по малу обратилось въ полное крѣпостное рабство.— Климатическіи или метеорологическіи неудачи земледѣлія и постепенное истощеніе почвы, при господствовавшемъ въ старину экстенсивномъ, хищническомъ хозяйствѣ, безвозвратно поглощавшемъ у почвы минеральныя и органическія производительныя силы, также естественно вели земледѣльческіи поселенія къ застою и лишенію гражданской свободы. Въ концѣ XVI в. и въ XVII столѣтіи великорусская земля была заселена уже довольно плотно; массы народа, въ XVI вѣкѣ и даже въ началѣ XVII столѣтія, еще не уходили въ Сибирь на новыя почвы, а наполняли и обрабатывали старыя великорусскія земли. Вслѣдствіе этого, почва великорусской земли естественно истощилась, особенно при тогдашней, крайне-перациональной, хищнической культурѣ. А часто случавшееся, въ то же время, раннее и внезапное наступленіе морозовъ, на истощенныхъ почвахъ еще болѣе учащало случаи хлѣбныхъ недородовъ, на которые въ XVII вѣкѣ крестьяне постоянно жаловались. По такимъ естественнымъ причинамъ, именно вслѣдствіе обѣднѣнія почвы и частыхъ неурожаевъ, крестьяне, по собственнымъ словамъ ихъ, «обнищавшіе и оскудѣвшіе до копца и должавшіе великіи долги» для собственнаго прокормленія и для уплаты долговъ и государственныхъ налоговъ, невольно подвергались въ XVII в. кабалѣ и рабству. Въ самомъ дѣлѣ, чуть истощенная почва не родила хлѣба или морозъ побивалъ посѣвы, крестьяне толпами бѣжали въ вотчинныя и помѣщичьи слободы, села и деревни, охотно обращались въ закладчиковъ и захребетниковъ за сильныхъ людей, за богатыхъ землевладѣльцевъ и такимъ образомъ поступали въ зависимость отъ нихъ,— въ зависимость, которая послѣ окончательно, и *de facto* и *de jure*, сдѣлалась крѣпостнымъ рабствомъ. Толпы сельскихъ людей, не имѣя на столько силъ или энергіи, чтобы заставить почву прокармливать себя, шли въ боярскіе и вообще земледѣльческіе дворы, и часто изъ-за куска хлѣба, изъ-за одного прокормленія закабалались въ вѣчныя холопы. Дибихъ прекрасно раскрываетъ этотъ естественный процессъ порабощенія и униженія земледѣльцевъ, вслѣдствіе истощенія почвы.

«Наибольшая свобода и независимость, говоритъ онъ, составляетъ уаѣль земледѣльца, владѣющаго такимъ участкомъ земли, который онъ и его дѣти могутъ обработать собственными руками, который достаточно производителенъ, чтобы дать возможность уплачивать требуемые государствомъ налоги, и доставить ему съ семействомъ средства къ удовлетворительному существованію и нѣкоторой степени благосостоянія; увеличеніе семейства составляетъ для него благословіе. Если, вслѣдствіе истощенія и обѣднѣнія почвы, свободный земледѣлецъ исчезаетъ, то съ нимъ вмѣстѣ угасаетъ истинная гражданская доблесть и любовь къ отечеству, потому что въ земледѣльцѣ сохраняются религіозныя убѣжденія и привязанность къ землѣ, на которой онъ родился, которую онъ обрабатываетъ и холитъ; болѣе другихъ онъ способенъ цѣнить дары природы, живительный лучъ солнца и плодотворный дождь; что былъ бы онъ безъ нихъ? Его небольшой участокъ, которымъ онъ живетъ; для него дорогъ; онъ цѣнитъ его не деньгами, онъ имѣетъ для этого болѣе вѣрный масштабъ. Но если въ своемъ невѣдѣніи онъ нарушаетъ законы природы и противодѣйствуетъ имъ, — онъ долженъ получить за то возмездіе; его трудъ и заботы, его прилежаніе къ обработкѣ своихъ полей только ускоряютъ ихъ истощеніе. Для него наступаетъ наконецъ тяжелое время, когда истощенная почва не даетъ ему столько, чтобы пропитать его съ семействомъ. Онъ не понимаетъ причины своего обѣдненія и приписываетъ разнымъ другимъ причинамъ уменьшенія урожая, никогда не попадая на настоящую. Онъ надѣется, что придутъ лучшіе годы, и прибѣгаетъ, для покрытія настоятельныхъ нуждъ, къ займамъ; сборщикъ податей наконецъ заставляетъ его продать хлѣбъ еще на корнѣ, несжатый; послѣ нѣсколькихъ гепераций участокъ переходитъ въ руки заимодавцевъ. Изъ нѣсколькихъ небольшихъ крестьянскихъ хозяйствъ возникаетъ тогда большое хозяйство; крупный землевладѣлецъ прогоняетъ семейство земледѣльца и оставляетъ только рабочія руки», и пр. *). Такимъ естественно-историческимъ путемъ и у насъ изъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ и поселеній составились большія землевладѣльческія крѣпостныя имѣнія, и къ концу XVIII вѣка захватили въ свое крѣпостное владѣніе большую часть такъ называемыхъ *черныхъ волостей*—единственныхъ свободныхъ сельскихъ общинъ, еще уцѣлѣвшихъ въ XVIII вѣкѣ. Вообще, земля дѣлала

*) Химія въ приложеніи къ земледѣлю, стр. 69—70.

всѣхъ земскихъ людей служебными, крѣпостными государства, и земледѣльцовъ въ особенности. Когда царь Иванъ Грозный постановилъ государственнымъ закономъ, чтобы земля изъ службы не выходила, — земледѣльцамъ уже невозможно было быть свободными, неврѣпкими земля и землевладѣльцамъ, неслужебными и повинными государству. А потомъ, безсиліе въ борьбѣ съ природой на томъ тяжкомъ, многотрудномъ вѣковомъ пути, куда шолъ топоръ, шла коса и соха, частые, внезапные и совершенные подрывы всѣхъ расчетовъ, какія неумолимо и неотвратно производились физическими законами климата, истощенной почвой и неурожаями, постоянная необходимость, вслѣдствіе того, посторонней помощи, поддержки и опеки въ случаѣ неурожаевъ — вотъ окончательные мотивы къ умственному застою земледѣльческаго населенія, къ крѣпостной зависимости и подчиненію. Когда истощалась почва и были частые неурожаи, — крестьяне невольно, по собственнымъ жалобамъ ихъ, «обнищали и оскудали до конца» и, вслѣдствіе того, или «задолжали великими долгами» и потомъ за долги закабалались заимодавцамъ, или «разбродились врознь», или селились въ слободы и села богатыхъ землевладѣльцевъ закладчиками и захребетниками за сильныхъ людей, и потомъ становились крѣпостными ихъ. Все, такимъ образомъ, вело или прямо къ крѣпостному рабству, или вообще къ несвободному, зависящему положенію. А за тѣмъ уже, на нихъ, обнищавшихъ и оскудѣвшихъ до конца, не имѣвшихъ никакой могучи, легко было наложить всякаго рода крѣпостное иго. И вотъ, они съ XVII вѣка погрязли въ немъ, и съ тѣхъ поръ законѣли въ совершеннѣйшей неразвитости и неподвижности. Никакой разумно-сознательной идеей не осмыслены были азійски-дикія движенія крѣпостныхъ массъ въ бунтъ Стеньки Разина, въ Пугачевщинѣ. Безсмысленны, суевѣрны и ложны также и всѣ политическія ученія раскольничьихъ общинъ. Не было никакой разумно-сознательной идеи въ политическихъ движеніяхъ и эмиграціи нашихъ разныхъ сектъ. Тогда какъ, напримеръ, пуритане, эмигранты Англии, поселились въ Новомъ Свѣтѣ, на берегахъ Новой Англии, во имя *идеи*, во имя человѣческаго братства и основали цвѣтущія, свободныя колоніи (штаты Коннектикутъ, Роде-Айландъ, Массачусеть, Вермонтъ, Нью-Гемпширъ, Майнъ), создали новую, поучительную для человѣчества общественную организацію, — наши сектанты, какъ безсмысленныя стада или овцы безъ пастыря, бѣжали, гонимые однимъ страхомъ гоненій, безъ

всякой разумной, ясно-сознательной идеи, на крайины Россіи, на Кавказъ, въ Сибирь, въ Турцію, въ Австрію, въ Польшу. И колоши ихъ были или жалкимъ скопищемъ грубаго стараго суевѣрія и невѣжества, какъ наприм. Вятка, стародубскіе слободы, свиты поморскіе и нижегородскіе и проч., или сбродомъ хищниковъ и разбойниковъ, какъ наприм. поселенія алтайскихъ каменщиковъ, или ассоціаціями мистико-спиритуалистическаго направленія, совершенно чуждыми истиннаго понятія о духовной свободѣ человѣческой, какъ-вы, напримѣръ, общины духоборцевъ, на Молочныхъ Водахъ, и т. п.

VII.

Наконецъ, обратитъ вниманіе пслѣдователей исторіи русскаго народа на фізіолого-географическія условія земледѣльческихъ поселеній. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ своего Будена (Boudin), который бы составилъ намъ подробную медицинскую географію. Мы поневоля должны ограничиться только общей и поверхностной наметкой нѣкоторыхъ гигиено-статистическихъ и медицинско-географическихъ вопросовъ земледѣльческой исторіи.

Мѣста жительства, города и села, говоритъ Кетлѣ, имѣютъ вліяніе на цифры плодovitости жителей. По 10-лѣтнимъ выводамъ бельгійскимъ, съ 1803—1813 г., найдено, что 100 браковъ производятъ въ городахъ 484 рожденія, а въ селахъ 450. Что касается до энергіи плодovitости по отношенію къ населенію, то въ большихъ городахъ оно превосходитъ силу плодovitости сельскихъ общинъ. По таблицѣ, напечатанной въ Bulletin des sciences géographiques за апрѣль 1831 г., главные города даютъ 1 рожденіе на 22,4 жит., и такихъ городовъ до 78. Города, представляющіе крайніе предѣлы, суть: Утрехтъ 19,0; Ливерпуль, 18,0; Опорто, 19,6... Лондонъ, 40,8; Петербургъ, 46,7. Въ Бельгіи число рожденій, относительно населенія, также въ селахъ меньше, въ городахъ—больше. Именно, въ селахъ рожденіе къ населенію относится какъ 1 къ 30,4, а въ городахъ 1 къ 29,1, въ теченіи 1825—29 г. Ясно, слѣдовательно, что въ городахъ представляется больше причинъ, дѣйствующихъ на плодородіе, чѣмъ въ деревняхъ*). У насъ, въ Россіи, и теперь еще большая часть го-

*) Sur l'homme et le développement de ses facultés, ou essai de physique sociale, par A. Quetelet (1836) t. I. p: 86—88.

родовъ не много разнятся и даже почти ничѣмъ не разнятся отъ сель-, и потому находятся въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ плодородія. Въ старину же, города или посады, по плодovitости жителей, еще менѣе разнились отъ сель. Разница стала замѣчаться только съ развитіемъ въ Россіи большихъ, столичныхъ и губернскихъ городовъ. По нѣкоторымъ даннымъ, теперь и у насъ оказывается, что сельскія поселенія менѣе благоприятствуютъ плодородію, чѣмъ городскія, и особенно менѣе, чѣмъ лучшіе губернскіе города. Напримѣръ, въ костромской губерніи, въ уѣздныхъ, большею частію земледѣльческихъ поселеніяхъ, maximum рождаемости относится къ суммѣ населенія какъ 54 : 1000, а minimum какъ 39 : 1000. А въ поселеніяхъ городскихъ число рожденій или сила рождаемости къ суммѣ городского населенія находится въ пропорціи 69 : 1000. Это отношеніе очевидно показываетъ, что плодородіе между сельскимъ населеніемъ слабѣе, чѣмъ между городскими жителями. Причина этого ясно заключается въ наибольшемъ довольствѣ городскихъ поселеній въ сравненіи съ сельскими *). Въ виленской губерніи также ежегодное приращеніе сельскаго населенія отъ прибыли новорожденныхъ составляетъ только 1,4%, а въ городахъ, гдѣ ежегодно рождается среднимъ числомъ до 2,962 душъ об. п., ежегодное приращеніе новорожденныхъ равняется 3,8% **). За то сельскія поселенія, вообще, больше благоприятствуютъ живучести, долгожизненности населенія, чѣмъ городскія. «Между мѣстными причинами, имѣющими влияние на смертность, говоритъ Кетлѣ, несомнѣнно ваіяніе мѣста жительства въ городахъ или селахъ. Въ Бельгіи, напримѣръ, вотъ результаты послѣднихъ лѣтъ (его времени):

Населеніе:	Среднее число смертныхъ случаевъ:	1 смертный случай на
городовъ 998,118	27,026	36,9 жителей
деревень 3,066,091	65,265	46,9 —

Ясно, что смертность городская относится къ смертности сельской почти какъ 4 къ 3 ***). По социальнo-физическимъ изслѣдованіямъ вообще оказывается, что земледѣльческія поселенія гораздо меньше под-

*) Матер. для географ. и статист. Россіи. Костромской губерніи. стр. 180.

**) Виленск. губерніи. (Мат. для географ. и стат. Р.) стр. 342—343.

**) Sur l'homme, par A. Quetelet. t. I, p. 147—149.

лежать смертности, чѣмъ мануфактурныя. «Статистики, говоритъ Кетле, теперь уяснили, что шансовъ для смертности гораздо болѣе въ странахъ мануфактурныхъ, чѣмъ въ аграрныхъ, земледѣльческихъ, и больше въ окрестностяхъ и внутри большихъ городовъ, чѣмъ среди сельскихъ общинъ. Если мы взглянемъ на Англiю, то найдемъ весьма ясныя различія между провинціями мануфактурными и провинціями аграрными. Вотъ нѣкоторые результаты, которые сообщилъ относительно этого предмета M. Villermé, за годы 1813—1830 вклучительно:

Въ мѣстностяхъ:	Изъ 10,000 смерт. случаевъ приходится	
	Въ возрастъ до 10 лѣтъ.	Отъ 10 до 40 лѣтъ.
Въ общинахъ земледѣльческихъ дистриктовъ.	3505	3142
Въ общинахъ дистриктовъ частію земледѣльческихъ, частію мануфактурныхъ.	2828	3318
Въ общинахъ мануфактурныхъ дистриктовъ	4355	3727

Очевидно, что здѣсь всѣ преимущества на сторонѣ дистриктовъ земледѣльческихъ. Въ Нидерландахъ провинція болѣе земледѣльческая de Gueldres, и смертный случай въ ней только 1 на 53,7 индивидуумовъ; между тѣмъ какъ въ коммерческихъ провинціяхъ Голландіи смертность относится какъ 1 къ 35. Въ Бельгiи, меньше всего насчитываютъ смертныхъ случаевъ въ провинціяхъ de Luxembourg, de Natur и de Hainaut; а эти провинціи—существенно земледѣльческія, хотя двѣ послѣднія и имѣютъ города мануфактурныя... Ясный знакъ, что состояніе болѣе благопріятное челоѣку, есть то состояніе регулярной жизни, которое достаточно обезпечиваетъ его нужды и не агитируетъ его страстями, или иррегулярностью городской жизни. Въ земледѣльческихъ занятіяхъ челоѣкъ преимущественно находитъ состояніе довольства, обезпеченности; онъ не подвергается, какъ въ странахъ мануфактурныхъ, альтернативамъ роскоши и нужды, и проч. *). Сообразно съ такимъ естественно-соціальнымъ принципомъ,

*.) Sur l'homme, par Quetelet I, 216.

и въ Россіи земледѣльческія поселенія заключали въ себѣ менѣе условій смертности, чѣмъ городскія. Напримѣръ, въ такихъ большихъ мануфактурныхъ городахъ, какъ Петербургъ и Москва, смертность неизбежно сильнѣе, чѣмъ въ селахъ, особенно занимающихъ здоровыя и удобныя мѣстности. Въ виленской губерніи, въ городахъ среднимъ числомъ ежегодно умираетъ 3,295 обоюбого пола душъ, или изъ числа городского населенія ежегодно умираетъ 4,2%. Превышеніе умершихъ надъ родившимися равняется 0,4%. Между тѣмъ какъ въ сельскихъ поселеніяхъ ежегодное приращеніе отъ перевѣса родившихся надъ умершими составляетъ 1,4%. Ежегодное уменьшеніе городскихъ жителей, безъ сомнѣнія, происходитъ отъ образа и способовъ городской жизни*). Въ костромской губерніи, максимумъ умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 36 изъ 1000 душъ, напр. въ костромскомъ уѣздѣ 36 на 1000, въ перехтскомъ 35, въ буйскомъ 33 и т. д. минимумъ умершихъ въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ 22 изъ 1000 душъ, напр. въ варнавинскомъ уѣздѣ 22, въ солигаличскомъ 24. Въ городахъ же костромской губерніи изъ 4000 человекъ умирало въ годъ, среднимъ числомъ, 57 душъ. Смертность между городскими жителями, — замѣчаетъ г. Крживоблоцкій, — сильнѣе, чѣмъ между сельскими обывателями**). Въ казанской губерніи, въ большей части сельскихъ поселеній, въ 1848 до 1858 г., смертность уменьшилась на 6%, между тѣмъ какъ въ самомъ городѣ Казани изъ 100 умерло 8, 3, 9, 5 и даже 10%.

Впрочемъ социальнo-физическій законъ наименьшей смертности въ земледѣльческихъ поселеніяхъ и наибольшей въ городскихъ часто видоизмѣняется или реагируется въ своемъ дѣйствіи другими естественными условіями и законами — физико-географическими. Климатъ разныхъ странъ и областей, безспорно, имѣетъ вліяніе на рождаемость и смертность, какъ земледѣльческихъ, такъ и городскихъ поселеній. М. Benoiston de Châteaufort, въ своихъ сочиненіяхъ sur l'intensité de la fécondité en Europe, au commencement du XIX siècle, говоритъ: «Если раздѣлить Европу на два климата, изъ которыхъ одинъ, начиная отъ Португаліи и кончая Pays-Bas, распространяется такимъ образомъ отъ 40° до 50° с. ш., и характеризуется югъ; между тѣмъ какъ другой, идя отъ Брюсселя до Стокгольма, отъ 50° до 67° с. ш., опредѣляетъ сѣверъ, то окажетъ

*) Виленск. губ. матер. для геогр. и стат. Р. стр. 343.

***) Костром. губ. матер. для географ. и стат. Россіи, стр. 183—184.

что въ первомъ 100 браковъ даютъ 457 рожденій, а во второмъ тоже число союзовъ производятъ только 430 рожденій. Различіе окажется еще больше, если сравнить между ними двѣ крайнія температуры. Въ Португаліи приходится 5,10 дѣтей на бракъ, а въ Швеціи только 3,62. Наконецъ, въ самой Франціи можно найти новое доказательство этого наблюденія. Плодородіе, говоритъ Moheau, умножается во Франціи съ сѣвера на югъ. Здѣсь средній терминъ рожденія 5,03 на ежегодный бракъ; а въ провинціяхъ сѣверныхъ только 4,64. Старый выводъ и теперь истина для насъ. Въ южныхъ провинціяхъ (Дофинэ, Лангедокъ, Провансъ) среднее число рожденій, за 5 лѣтъ (1821—25), представляетъ 4,34 на бракъ; а во Фландріи и Пикардіи оно только 4,00 *). У Кетле находится еще слѣдующее наблюденіе:

1 смертный случай приходится

На сѣверѣ Европы на 41,1 жителя.

Въ центрѣ . . . — 40,8 —

На югѣ . . . — 33,7. —

Обращаясь къ Россіи, мы хотя и не находимъ подробныхъ статистическихъ фактовъ, но можемъ сдѣлать нѣкоторые приблизительныя заключенія. Статистическія таблицы за 1856 годъ принимаютъ, на примѣръ:

1 рожденіе.

1 смертный случай.

Въ Сибири . . . на 27,62 жителя на 40,00 жителей.

— Кавказскомъ на мѣстничествѣ . . . — 26,74 — — 36,90 —

Въ европейскихъ губерніяхъ и областяхъ . — 23,04 — — 28,05 —

Очень естественно можетъ быть, что въ кавказскомъ на мѣстничествѣ, съ одной стороны, жаркій климатъ долинъ, съ другой стороны—холодъ снѣжныхъ альповъ Кавказа, и особенно болотныя мѣазы, производящія тамъ гибельные изнурительные поносы болотнаго худосочія, послѣ перемежающихся лихорадокъ,—всѣ эти причины, во взаимнодѣйствіи, уменьшаютъ силу рожденій и увеличиваютъ смертность. Въ Сибири, напротивъ, слишкомъ холодный кли-

*) Quetel, I, 82—84. Вилерме говорятъ les époques du *maximum* et du *minimum* des conceptions avancent dans les pays chauds, et retardent dans les pays froids, surtout l'époque du *minimum*.

мать восточно-континентальный и ледовито-тушдренный, въ связи съ этнологическими и народно-бытовыми условіями, уменьшая возбужденность и даже возможность излишнихъ супружескихъ сочетаній, убиваетъ или ослабляетъ эвергію рождаемости; а съ другой стороны, закаляя родившихся въ привычѣ къ суровымъ, но здоровымъ морозамъ и не обуславливая болотныхъ лихорадокъ и отравленій, болотныхъ вахесой, смертоносныхъ изнурительныхъ поносовъ и т. п. болѣзней, какіе обычны въ жаркихъ и болотныхъ мѣстностяхъ Кавказа, такимъ образомъ естественно уменьшаетъ смертность *). Въ европейской же Россіи, въ центральныхъ областяхъ, умѣренно холодный климатъ очень благопріятствуетъ рождаемости и уравниваетъ ее съ смертностью. — Еще въ 1819 году Каразинъ, составляя свое «статистическое обзорѣніе слободско-украинскихъ губерній», нашелъ, что южные, слободско-украинскія поселенія, въ 1808 и 1811 г. давали среднимъ числомъ такія отношенія къ числу жителей:

рожденій.	смертныхъ случаевъ.	браковъ.
1:23	1:28	1:109.

Въ сѣверной, вологодской области отношенія были уже менѣе выгодны: рождался 1 на 25, умиралъ 1 изъ 30, бракъ заключался въ числѣ 113 жителей. А еще сѣверо-восточнѣе, въ тобольской губерніи, въ то же время, заключался только 1 бракъ въ числѣ 119 жителей, слѣдовательно и рожденій было менѣе**).

По отношенію къ народному здоровью и правильному физиологическому развитію, весьма важное значеніе имѣютъ мѣста народнаго поселенія, и ихъ физико-географическій и топографическій характеръ. Изъ ряда цифръ Кетле заключаетъ, что смертность менѣе въ умѣренныхъ климатахъ, чѣмъ на сѣверѣ и на югѣ, и что она болѣе въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ. «Если, говорить онъ далѣе,—рассматривать каждую страну въ частности, то найдутся, по мѣстностямъ, большія различія. Такъ во Франціи департаментъ de l'Огне

*) „Остѣки, говоритъ Георгіи, по причинѣ суроваго воздуха не могутъ размножиться, однакожь число ихъ и не уменьшается. (Опис. нар. ч. I, 67), Женщины самоѣдовъ, пишетъ онъ же, не очень плодородны, и съ 30 года перестаютъ уже рожать... Суровый поясъ ихъ страны конечно также причиною тому... Однакожь онѣ и отъ обыкновенныхъ у нихъ болѣзней—горячекъ и лихорадокъ мало умираютъ, доживаютъ до 60 и до 70 лѣтъ [ч. III, 5.] по Делепину и до 100 лѣтъ (Дневн. записки IV, 276).

**) Въ чтен. общ.

дасть только 1 смертный случай на 52,4 жителя, а департаментъ du Finistère дасть 1 смертный случай на 30,4 жителей, — различіе весьма значительное для мѣстъ столь близкихъ. Въ странѣ des Pays-Bas и за десятилѣтній періодъ, 1815 — 1824 г. въ провинціи Зеландіи считали 1 смертный случай на 28, 5 жителей, въ провинціи de Namur не насчитывали болѣе 1 смертнаго случая на 51, 8 жителей. Надобно замѣтить, что большая смертность почти всегда идетъ въ уровень съ большимъ плодородіемъ. Такъ, напримѣръ, въ указанныхъ мѣстностяхъ:

	на 1 рожденіе	на 1 бракъ	на 1 смертный случай
Въ департаментѣ			
de l'Orne	44,8	147,5	52,4.
— du Finistère	26,0	113,9	30,4.
Въ провинціи de			
Namur	30,1	141,0	51,8.
— de Zeland	21,9	113,2	28,5.

И такъ, Зеландія и департаментъ министерскій производятъ мало браковъ, роженій и смертныхъ случаевъ, между тѣмъ какъ противное представляютъ департаментъ орнскій и провинція намурская. Столь большія разности произошли не отъ фальшивости счетовъ, а отъ мѣстныхъ причинъ. Въ провинціи зелаидской, напримѣръ, которая вся находится въ атмосферѣ влажной, сырой, господствуютъ горячки и другія болѣзни, которыя и обусловливаютъ наибольшую смертность, какъ мы замѣтили. Вслѣдствіе этого, населеніе, которое постоянно стремится удержаться въ уровнѣ существованія и численности, производитъ приращеніе, какое мы замѣтили въ роженіяхъ и бракахъ *). Изучая вліяніе мѣстности на поверх-

*) Sur l'homme, Quetelet t. 1, 144—152. Ce que nous observons dans ces provinces, peut se remarquer encore dans d'autres pays, où l'on voit également marcher de front une grande fécondité et une grande mortalité, et réciproquement. L'Angleterre et la république de Guanaxuato au Mexique, en donnent des exemples frappans; ainsi, l'on compte:

états	Habitans		
	pour un mariage.	pour une naiss.	pour un décès
En Angleterre	134,00	25,00	58,00.
Dans la république de Guanaxuato	69,76	16,08	19,70.

Съ сими, для аинси дуре, ле деу экстремес лимитес данс л'эчелле де ла популяціон, ет л'он пур рает ажуае пеут-этре данс л'эчелле де ла цивилізаціон. Он пеут дуре ку'ун пайс пассе а ун эае плус проспэре, куанд ил донне ла вие а моинс де сітоyens, маис ку'ил лес консерве миеу. Ле-ахрооіссемєнс сонт ентієрємєнт а сон авантаже; кар сі ла фэкондітэ у ест моиндре, лєс һоммес атібєс у сонт плус номбреу, ет лєс гэнэрэціонс не се рєновєллєнт пас ауссі рэпидємєнт ау гранд дэтрїмєнт де ла націон.

ности менѣе обширной и сравнивая различныя части одной и той же провинціи, находятъ довольно часто результаты слишкомъ несходные. Такъ, судя по тому, ровныя или гористыя страны, континентальныя или приморскія, числа смертныхъ случаевъ могутъ весьма значительно разниться въ нихъ. М. Bossi въ своей *statistique du département de l'Ain*, на основаніи документовъ 1802, 1803 и 1804 г., пришелъ къ такому результату:

	1 ежегодный или годовой смертный слу- чай на жите- лей.	1 годовой бракъ на	1 годовое ро- жденіе на
Въ общинахъ или поселеніяхъ горныхъ	38,3	175 жит.	34,8 жит.
— береговыхъ . .	26,6	145	28,8
На равнинахъ . .	24,6	135	27,5
Въ странѣ стоячихъ водъ или болотъ. .	20,8	107	26,1

Изъ этихъ результатовъ видно, между прочимъ, какое вліяніе имѣютъ на здоровье и жизнь поселеній мѣстности поморскія или береговыя, низменныя или горныя *) Въ Россіи также весьма замѣтно

*) Quetelet, 1, p. 157—159. M. Willermé cite un exemple très frappant de l'influence des marais: „A Vareggio, dit ce savant, dans la principauté de Lucques, les habitans en petit nombre et dans un état déplorable de misère et de barbarie, étaient chaque année, depuis un temps immémorial, attaqués, à la même époque, par des fièvres d'accès; mais, en 1741, on construisit des écluses dont les portes mobiles permettaient l'écoulement dans la mer de l'eau des marais, et s'opposaient à ce que ceux-ci fussent de nouveau submergés par la mer, lors des flux et des tempêtes. Cette construction, qui supprima les marais d'une manière permanente, fit aussi-tôt disparaître les fièvres. Bret, le canton de Vareggio est aujourd'hui l'un des lieux les plus salubres, le plus industrieux, les plu riches des côtes de la Toscane; et une partie des familles dont les grossiers aïeux succombaient, sans savoir s'en garantir, aux épidémies d'aria cattiva, y offrent une santé, une vigueur, longévité et un caractère moral qui jadis était inconnus.“ De semblable épidémies régurent à des époques déterminées sur les bords de l'Escaut et produisent ce que l'on nomme dans le pays les fièvres des pol'ers; ces fièvres viennent à la suite des grandes chaleurs et contribuent beaucoup à mettre la Zelande dans un état qui se rapproche de celui de Vareggio et des pays mercageux cités par M. Bossi. M. Willermé m'a fait remarquer un nouvel exemple de l'accroissement de mortalité, produit sous l'influence des marais. Ainsi, dans l'île d'Ely en Angleterre, et pendant la période de 1813 à 1830 inclusivement, sur 1000 décès qui auraient eu lieu depuis la naissance jusqu'à l'âge le plus avancé, on en a compté 4731 avant l'âge de 10 ans

вліяніе различныхъ мѣстностей на физиологическій бытъ поселеній, на ихъ плодородіе, здоровье и смертность. Русскимъ и финскимъ поселенцамъ надобно имѣть много природнаго здоровья и выносливья вѣрпкія натуры, чтобы привыкнуть жить въ болотистыхъ и туманныхъ мѣстностяхъ сѣверо-поморскихъ областей. Въ нѣкоторыхъ тамошнихъ мѣстахъ, особенно невыгодно расположенныхъ, поселения, вовсе не могли существовать. Такъ, напримѣръ, Лепехинъ сообщаетъ о Спасскомъ селѣ верхотурскаго уѣзда: «суровость мѣста отчасти разогнала, отчасти истребила жителей. Топкія мѣста и болотная рѣчка, изъ которой жители почерпаютъ воду, нанесла имъ цыпготную болѣзнь, которая почти въ ихъ обществѣ сдѣлалась наследственной... Остатки сихъ бѣдныхъ жителей, какъ страждущіе при распутѣ Лазари, у всякаго проѣзжающаго требовали помощи *)». Точно также первые русскіе поселенцы на берегахъ Охотскаго и Ледовитаго морей, по собственнымъ жалобамъ ихъ, постоянно «цынгаля» и страдали «чирьями» *). Въ южно-русскихъ приморскихъ областяхъ, не смотря на ихъ природное изобиліе и географическую удобство для торговли, смертность, усиливаемая вліяніемъ приморскаго климата, превышаетъ даже большую сумму рожденій, обусловливаемую здѣсь избыткомъ жизненныхъ средствъ. Еще Каразинъ въ своихъ статистическихъ соображеніяхъ, исчисливъ губерніи, начиная съ кавказской и кончая астраханской, замѣтилъ: «изъ отношенія содержанія рожденій къ одержанію смертности открывается истинное условіе умноженія народа, его здоровье. Сравнивъ изложенныя нами содержанія разныхъ краевъ многосоставнаго нашего отечества, мы увидимъ, что за исключеніемъ нѣсколькихъ изъ полуденныхъ губерній, самыя благополучныя въ семъ разумѣ суть тѣ, кои, принадлежа къ древнему сердцу Россіи, занимаютъ самое темя ея, озлащенное уже безсмертнымъ Ломоносовымъ: возвышенность, изъ которой текутъ въ разныя моря великолѣпныя ея рѣки. Особливо губерніи Калужская, Тульская и Рязанская заслуживаютъ вниманіе всѣхъ европейскихъ статистиковъ, такъ какъ Воронежская,

accomplis, tandis qu'on en a compté seulement 3505 dans l'ensemble des autres districts agricoles de l'Angleterre. Ce serait aussi dans l'île d'Ély, 3712 décès de 40 à 40 ans, sur 1000 qui ont eu lieu depuis l'âge de 10 ans jusqu'à la plus grande vieillesse; et seulement 3142 dans les autres districts agricoles mais non marqués comme l'île d'Ély.

*) Дневн. записки путеш. Лепехина ч. III, стр. 83.

Тамбовская, Пензенская, Саратовская и Оренбургская, по необычайному умноженію народонаселенія. Число рождающихся превосходит тамъ вдвое число умирающихъ. Самый же несчастный край въ семь разумѣ, не смотря на все природное его изобиліе и отличное положеніе для торговли, есть наследіе черноморскихъ нашихъ казаковъ. Необыкновенное содержаніе рожденій (слѣдствіе народнаго во всемъ избытка) не помогаетъ въ семь краю. Ибо содержаніе смертности еще превышаетъ оное. Тамань есть наша Остъ-Индія *)». Въ болотистыхъ мѣстахъ жаркихъ областей, наприм. въ Закавказьи и Бессарабіи, болотной мiazмой или болотнымъ отравленіемъ обуславливается сильное и гибельное господство перемежающихся и послабляющихъ лихорадокъ, хроническаго язвеннаго процесса въ кишкахъ или изпурительнаго поноса болотнаго худосочія, поражающаго обыкновенно въ началѣ зпы, послѣ лютыхъ перемежающихся лихорадокъ (*ileo-collite chronique, colitis follicularis, Fluxus coeliacus*), болотной кахексїи (*cachexia paludosa*) и т. п. Вслѣдствіе такихъ мѣстныхъ причинъ, еще недавно было на Кавказѣ, что почти каждый госпиталь на все число больныхъ своихъ имѣлъ отъ 25 до 30 одержимыхъ изпурительными поносами, особливо въ началѣ зимы, и большинство этихъ поносовъ происхожденіемъ своимъ обязано было болотнымъ перемежающимся лихорадкамъ, которыя здѣсь эндемическія болѣзни. И теперь еще количество такихъ больныхъ составляетъ тамъ почти 16 на 1000 общаго числа больныхъ. Въ 1860 году въ войскахъ Закавказскаго края въ общемъ выводѣ приходилось 532,2 одержимыхъ лихорадкою на 1000 случаевъ всѣхъ заболѣваній; въ войскахъ Кубанской области—607 лихорадочныхъ на 1000 заболѣваній;—на 1000 заболѣваній вообще на Кавказѣ приходится 14,4 водянокъ и 15,3 страданій кишечнаго канала, какъ исходовъ, по большей части, лихорадокъ, между тѣмъ какъ въ остальной части арміи рус. — водянокъ 8,3 и страданій кишечнаго канала 4,6 на 1000. Къ числу мѣстъ, гдѣ свирѣпствуютъ перемежающіяся лихорадки съ ихъ исходами, относятся: въ Закавказьи—Александрополь (5,090 р. ф. надъ пов. моря), Карсъ (5,950 р. ф.), Лорійская плоская возвышенность съ урочищами Джепаль - Оглу и Гергеры (5,230 р. ф.), Нахичевань въ долинѣ р. Аракса (2,100 р. ф.), Тифлисъ 1,350 р. ф.) и Елисаветполь (940 р. ф.)—оба въ доли-

*) Чтен. общ. 1860. Замѣтки о Кавказѣ, стр. 206.

нѣ р. Буры; на Кавказѣ—лѣвый берегъ р. Кубани, укрѣпленія—Крымское, Абинѣ и друг. *). Всѣ подобныя мѣстности, значить, не совсѣмъ здоровы для поселеній.

Точно также, нѣкоторыя плодородныя равнины или рѣчныя долины, обильныя водами, но ограниченныя съ одной или съ обѣихъ сторонъ скалистыми горами, лежащія большею частію не выше 3000 ф. надъ ур. моря, специально благопріятствуютъ развитію зоба и кретинизма. Въ такихъ между-горныхъ рѣчныхъ долинахъ не свободно циркулирующая атмосфера бываетъ обыкновенно сильно нагрѣта и чрезмѣрно влажна. Она походитъ, въ этомъ отношеніи, на воздухъ мастерскихъ или ремесленныхъ домовъ. Для растительности подобная атмосфера бываетъ чрезвычайно благопріятна, но неизвѣстно, вслѣдствіе какихъ особенныхъ свойствъ, она неизбѣжно производитъ *кретинизмъ*. Сначала дѣйствіе ея обнаруживается только продолжительнымъ зобомъ. Потомъ этотъ зобъ, усиливаясь и передаваясь отъ генерациі къ генерациі, и достигая извѣстной величины и расширенія, является причиной или вѣрнымъ предвѣстникомъ полнаго кретинизма. Такъ, въ ленской долині, начиная отъ петровской деревни въ 86 верстахъ отъ Качуга и до 8-й или 9-й станціи отъ Киренска—Дубровы, Ерманъ, путешествовавшій тамъ въ 1829 году, повсюду въ деревняхъ встрѣчалъ сильно развитые и распространенные зобы, такъ что, по наблюденію Фодерѣ, они скоро должны были сопровождаться совершеннымъ кретинизмомъ, и развитіе послѣдняго только приостанавливается или замедляется браками съ вновь-приходящими ссыльными и горными тунгусами, но не устраняется. Застой и сгущеніе атмосфернаго воздуха, чрезвычайно глущее дѣйствіе солнца и сильная влажность, производимая Леной и со всѣхъ сторонъ вливающимися въ нее притоками, въ жаркія лѣта ленской страны усиливаютъ вліяніе стѣнъ долины на температуру и на развитіе мѣстной, эндемической болѣзни. Какъ въ долині Маугіёппе Фодерѣ признаетъ роскошныя деревья спутниками кретинизма, такъ точно, по словамъ Ерманна, между скалами ленской долины, отъ 55 до 57 с. ш., близко къ холоднѣйшему меридіану земли, являются характеристической флорой прекрасныя и разнообразныя хвойныя или красныя лѣса, такъ же какъ при подошвѣ Mont Cenis — лавровыя и фишашковыя деревья. Особенно замѣтны и распростране-

*) Медицинск. отчетъ о состоян. здоровья войскъ за 1860 — 1863 г. стр. 116, 126 и 129. Диссертація М. Скорова. Сиб. 1863 стр. 5 и 13.

ны зобы на Ленѣ между 1050 и 606 париж. фут. надъ моремъ, также какъ въ Европѣ высота отъ 1100 париж. ф. надъ ур. м. представляется самою благопріятною для кретинизма, а высота 750 париж. ф. является крайнею границею этого феномена. Также аналогичны факты, что въ ленской долинѣ деревни, какъ, наприм. Турупкая и Рижная, по причинѣ благопріятнаго положенія близъ нагрѣтыхъ скалъ и особеннаго обилія водъ, гораздо болѣе подвержены зобамъ, чѣмъ другія близко къ нимъ лежащія деревни, и что женщины подвергаются этому эндимическому уродству легче, чѣмъ мужчины, а взрослые иностранцы—никогда. Замѣчательно, прибавляетъ Ерманъ, что не нужно было и двухъ полныхъ столѣтій, чтобы въ колоніяхъ ленской долины, совершенно здоровую русскую расу сдѣлать близкою къ кретинизму *). Точно также развитію зоба благопріятствуютъ мѣстности по притокамъ верхней Ангары, гдѣ онъ часто достигаетъ весьма большой величины. По Ирвуту, по Бѣлой, по Удѣ и вообще въ Илимскомъ округѣ, подходящемъ къ ленской долинѣ, зобъ распространенъ почти повсемѣстно. По самой же Ангарѣ онъ встрѣчается очень рѣдко, а начиная съ братскаго острога и вовсе исчезаетъ **). И въ этомъ эндимическомъ оазисѣ, русскія земледѣльческія поселенія были одни изъ самыхъ раннихъ приангарскихъ колоній.

Или, вотъ, на совершенно противоположной, сѣверо-западной сторонѣ представляются другія медицинско-географическія и народно-гигіеническія условія поселеній. Въ Ковенской, напримѣръ, губерніи климатъ, подъ вліяніемъ моря, есть болѣе приморскій, чѣмъ континентальный, съ преобладающимъ числомъ дней пасмурныхъ надъ ясною погодою. Дней ясныхъ или облачныхъ тамъ, среднимъ числомъ, 128, попеременно—50, пасмурныхъ 112, туманныхъ отъ 6 до 13, дождливыхъ отъ 46—61, снѣжныхъ 23; слѣдовательно, ясныхъ или облачныхъ дней вполнину менѣе числа дней переменныхъ, пасмурныхъ, дождливыхъ и проч. Число вѣтровъ сухихъ относится къ числу влажныхъ, какъ 0,4:0,6; средняя влажность первыхъ есть 0,80, послѣднихъ 0,87; слѣдовательно вообще, влажность въ Ковенской губерніи 0,84. Уже вслѣдствіе этого преобладанія влажности,—мѣстности Ковенской губерніи не совѣмъ здоровы для

*) Erman, Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oeeane in den Jahren 1828—1830. В. II. Abth. I. 5 207. 218—222.

**) Труды Сибирск. экспедиц. русс. географич. Общест. 1864 г. стр. 73.

поселеній. Но кромѣ того, въ ней много болотистыхъ, низменныхъ мѣстъ, которыя, высыхая во время сухаго и жаркаго лѣта, производятъ вредныя испаренія, наприм. въ повенежскомъ уѣздѣ, при биржанскомъ озерѣ, и особенно въ шавельскомъ уѣздѣ. По причинѣ излишней влажности воздуха, частыхъ рѣзкихъ переимѣнъ температуры и вреднаго вліянія испареній въ мѣстахъ болотистыхъ, низменныхъ, — упорныя и всевозможныхъ видовъ перемежающіяся лихорадки (*febnes intermittentes*) составляютъ постоянную болѣзнь въ поселеніяхъ ковенской губерніи, и, кромѣ того, много другихъ болѣзней, обусловливаемыхъ главнымъ образомъ климатомъ. Вслѣдствіе этого въ уѣздныхъ земскихъ поселеніяхъ Ковенской губерніи было, въ десятилѣтней сложности:

	Рождений.	Смертныхъ случаевъ.
Въ Ковенскомъ уѣздѣ.	55,359	об. п 53,227
— Вилюмѣрскомъ . .	58,856	57,364
— Новоалександров. .	46,277	32,378
— Повенежскомъ. . .	46,715	38,705
— Шавельскомъ. . .	66,207	59,221
— Тельшевскомъ. . .	53,194	45,308
— Россіенскомъ. . .	64,290	53,231

По абсолютнымъ числамъ больше всего умершихъ въ шавельскомъ уѣздѣ. Причины этого чисто мѣстныя. Въ шавельскомъ уѣздѣ вредны для жителей болотистыя, низменные, безъ проточной воды, мѣста въ грудзевскомъ и шакиновскомъ приходахъ, особенно въ грудзевской экономіи помѣщика Нарышкина и въ принадлежащихъ къ ней фольваркахъ: Вербунахъ, Медседахъ, Пауперахъ, Гавенайче, Моноше, Пиктуйше, Іодзе, Бержанахъ, Аугуде, съ принадлежащими къ нимъ деревнями. Тамъ мѣстные жители болѣютъ колатуномъ, лихорадкою, тифозною горячкою. Также болотисты и вредны для здоровья приходы: крупевскій, векшнянскій, окмянскій, отчасти радзивиличскій и шавельскій; въ двухъ послѣднихъ лежитъ болото Тируле. Недостатокъ воды и дурное ея качество испытываются въ окрестностяхъ м. Янишекъ шавельскаго уѣзда, и также въ городѣ Россіены и нѣкоторыхъ мѣстахъ этого уѣзда. Поэтому и въ росіенскомъ уѣздѣ смертность великая. Въ вилюмѣрскомъ уѣздѣ болотистыя пространства очень обширны, именно, они занимаютъ до 239 кв. верстъ, или 24,89 десятинъ. И здѣсь смертность, послѣ шавельскаго уѣзда,

самая большая. *) Если сравнить роды болѣзней и число умирающихъ отъ нихъ въ казанской и воронежской губерніяхъ, то, кромѣ этнологическаго вліянія, окажется, что воронежская губернія топографически здоровѣе для поселеній, чѣмъ казанская. Каждогодно, приблизительно, умираетъ въ десятилѣтней сложности:

	Отъ								
	перемежающихся лихорадокъ.	тифа.	чахотки, легочнаго туберкула.	холеры.	кроваваго поноса.	скорбута.	вошняка.	воспаленія брышны.	воспал. желудка и кишекъ.
Въ казанской губерніи за 1848—58.	460	631	850	107	314	110	349	2	26
— воронежской губерніи	1	384	252	100	403	13	151	29	65

Эти цифры приблизительно даютъ знать, что по топографическимъ и атмосфернымъ условіямъ казанская губернія менѣе благоприятна для здороваго развитія поселеній, чѣмъ воронежская. И дѣйствительно, сѣверная половина казанской губерніи представляетъ низменную и сырую мѣстность, за исключеніемъ мамадышскаго уѣзда и частию казанскаго, при томъ почти сплошь покрытую лѣсомъ. Въ этой мѣстности есть пунеты, гдѣ цѣлыя околodka имѣютъ зобъ. Большія и полноводныя рѣки—Кама, Волга и меньшія—Свияга, Казанка, Илетъ, Кокшага и многія другія, имѣющія плоскія берега, по спаденію весеннихъ водъ, оставляютъ множество неглубокихъ стоячихъ водъ; въ нихъ разлагаются растенія и другія органическія вещества, отчего сырость и испаренія такихъ водъ вредно дѣйствуютъ на здоровье тамошнихъ жителей. Потому, въ казанской губерніи особенно свирѣпствуютъ изнурительныя перемежающіяся лихорадки. **) Въ Воронежской же губерніи мѣстныхъ, такъ называемыхъ эндемическихъ болѣзней совершенно нѣтъ, такъ какъ нѣтъ вредныхъ мѣстностей и другихъ причинъ и условій, способныхъ производить эти болѣзни; незначительныя виды лихорадочныхъ болѣзней, которые встрѣчаются въ селеніяхъ по рр. Воронежу, Битюку и отчасти Хопру, во время весенняго разлива водъ,—по своимъ незначительнымъ проявленіямъ и слѣдствіямъ, не могутъ быть отнесены къ разряду болѣзней энди-

*) Ковенская губернія. Матер. для геогр. и стат. Р. стр. 196—198, 210—213.

**) Казан. губ. матер. для геогр. Р. стр. 132—133.

ническихъ. Болѣзни большою частію бываютъ легкія и легко вылечиваются. *) Что же касается до того, что въ воронежской губерніи больше желудочныхъ болѣзней, чѣмъ въ казанской, то это, вѣроятно, зависитъ отъ того, что тамъ больше употребляютъ плодовъ и, кромѣ того, какъ лакомство и подспоры къ пищѣ, разные растенія, наприм. *Sonchus oleraceus*, *Tragopogon floceosus*, *Chaerophilium bulbosum*, *Amarantus paniculatus*, *Xanthium strumarium*, *Lactuca scariola* и др. Наконецъ, относительно собственно земледѣльческихъ поселеній надобно замѣтить, что тѣ мѣста или области, — гдѣ климатъ характеризуется большимъ непостоянствомъ и рѣзкими переходами отъ жара къ холоду, отъ сырости къ удушливой сухости и т. п., безъ медицинской реакціи или противодѣйствія противъ вредныхъ дѣйствій непостояннаго климата и нездоровыхъ мѣстностей, — обуславливають, вопреки общаго закона, наибольшую смертность въ селахъ, чѣмъ въ городахъ. Такъ, въ Бессарабской области приходится:

	1 родившійся на	1 умершій на	двое вступившихъ въ бракъ изъ
Въ области вообще.	24 жител.	50 жител.	100 жител.
въ томъ числѣ:			
— городахъ. . .	28 »	57 »	112 »
— селеніяхъ. . .	20 »	43 »	88 »

Изъ этихъ цифръ видно, что относительно смертность въ селеніяхъ превосходитъ смертность городовъ, вопреки общему закону обратнаго явленія. Тутъ причина та, что села, — въ особенности по долинамъ рѣкъ, въ мѣстахъ болотистыхъ, покрытыхъ камышомъ, какъ наприм. по теченію Днѣпра отъ Кріулянъ внизъ до Аккермана, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ по р. Пруту, а также по теченію Реута, Иккеля и прочихъ рѣчекъ, столько же подвергаясь вредному вліянію воздуха, наполненнаго испареніями болотъ, и быстро смѣняющимся крайностямъ жара и холода, сухости и влажности, какъ и нѣкоторые города, наприм. Бѣльцы, Оргѣевъ и др., — далеко не имѣютъ столько медицинскихъ средствъ, чтобы бороться съ вреднымъ дѣйствіемъ климата, сколько пользуются ими города. Послѣ мѣстныхъ естественныхъ причинъ, самая главная причина большей смертности въ селеніяхъ та, что сельскіе жители почти лишены врачебной помощи, потому что во всей Бессарабіи было 33 врача, изъ нихъ на

*) Воронеж. губ. стр. 76—77.

службъ 29, въ томъ числѣ въ г. Башинорѣ 12, въ прочихъ уѣздныхъ городахъ 17. Слѣдовательно 1 врачъ приходится на 30,684 души. При медицинскомъ пособіи тамъ умиралъ 1 изъ 12 заболѣвавшихъ. А пользовался медицинскою помощью только 1 изъ 72 заболѣвавшихъ. Ясно, что при такой предоставленности природѣ, сельскіе жители, при невыгодныхъ для здоровья мѣстныхъ условіяхъ, должны были сильно умирать. *) Вообще, надобно замѣтить, что въ фаніологическомъ или гигиеническомъ отношеніи земледѣльческія поселенія у насъ предоставлены силамъ природы и почти вовсе не имѣютъ медицинскихъ средствъ бороться съ ними, противодействовать ихъ вліянію. Въ государственныхъ сельскихъ поселеніяхъ, напримѣръ, въ 1858 году, приходился только 1 врачъ на 101,508 чел. об. п. и 1 больница на 1,010,000 чел. об. п. Вслѣдствіе этого, въ сельскихъ поселеніяхъ сильно распространено вредное колдовство, знахарство и множество суевѣрныхъ наговоровъ и заговоровъ противъ болѣзней и проч. **)

Таковы, въ общихъ чертахъ, естественныя и умственные условія историко-географическаго распространенія и устройства самаго многочисленнаго русскаго народонаселенія — земледѣльческаго сословія, крестьянства.

Умственная подавленность передъ природой дѣлала народъ безсильнымъ и въ службѣ государству, въ отправленіи государственныхъ налоговъ и повинностей, потому что онъ не умѣлъ открывать и извлекать изъ естественной экономіи русской земли и воды столько матеріальныхъ средствъ, чтобы и самому быть безбѣднымъ и обезпеченнымъ, и легко уплачивать государственныя налоги. Вслѣдствіе этого онъ, по словамъ царя Михаила Ѳедоровича, былъ въ «скорби конечной», или, по словамъ одного лѣтописца конца XVII вѣка, «сердца народныя были сильно опечалены и тоскою наполнены».

*) Бессарабская область. матер. для географ. и стат. Россіи. стр 198—200.

**) Объ этомъ подробно будетъ сказано въ историческихъ очеркахъ народнаго міросозерцанія и суевѣрія, именно въ очеркѣ медицинскихъ понятій русскихъ и инородческихъ.

Въ жалобѣ на экономическое безсиліе состоятъ почти всѣ народныя челобитныя XVII в. На земскомъ соборѣ 1642 г. всѣ земскіе люди жаловались на то, что они обнищали и оскудѣли до конца и разбродились врань». Пассивное положеніе народа въ области природы русской земли, крайнее неумѣнье пользоваться сокровищами естественной экономіи такъ рѣзко обнаруживалось во всемъ умственномъ и экономическомъ быту народномъ, что образованные европейцы указывали на него, какъ на главный и характеристическій умственный недостатокъ русскаго народа. Das Land ist, говорить напр. Петрей, überaus schön, gut und fruchtbar; das Volk aber grob, bauerisch, tölpisch und unhöflich, und fang weder zu Wasser, noch zu Lande, darzu sie selbst Ursach sein. Wollen keine Zucht und Erbarkeit lernen. *) Петръ В. первый понималъ, что главной причиной бѣдности и безсилія русскаго народа было именно незнаніе природы или естественной экономіи русской земли и неумѣнье открывать, извлекать и примѣнять къ материальной культурѣ и цивилизаціи разныя естественныя данныя. «Наше російское государство, — говорилъ Петръ, въ указѣ 10 дек. 1719 г. предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче же не такъ употреблены были, какъ принадлежить; сему пренебреженію главнѣйшая причина была та, что наши подданные рудокопнымъ дѣламъ, и какъ оныя въ пользу государственную произвести, не разумѣли». Вслѣдствіе этого, Петръ В. первый посѣялъ на умственной почвѣ Россіи идею естествознанія. Потомъ эту идею всего болѣе распространялъ и укоренялъ въ русскомъ обществѣ Ломоносовъ. И только съ тѣхъ поръ, подъ руководствомъ такихъ образованныхъ естественниковъ — европейцевъ, какъ напр. Делиль, Гмелинь, Палласъ, и др., — стали мало помалу образоваться и въ русскомъ обществѣ новыя, лучшія генерациі народа, съ естественно-научнымъ развитіемъ и направлениемъ; культура и цивилизація русскаго народа, въ нѣкоторыхъ сферахъ, стала принимать характеръ европейскій, рациональный, и нѣмѣсть съ тѣмъ стало развиваться въ меньшинствѣ этихъ новыхъ генераций стремленіе къ разумно-свободному развитію въ сферѣ природы и общественной жизни. Но всѣ эти зачатки естественно-научнаго интеллектуальнаго саморазвитія и самосознанія еще крайне слабы и ограничены, проявляются только въ лучшемъ, естественно-научно мыслящемъ меньшинствѣ русскаго общества, и нисколько незамѣтны въ

массах народа. Изъ 528,494 учащихся, по статист. табл. 1858 г., только около 18,000 получили, въ большей или меньшей степени, естественно-научное образованіе. И изъ нихъ едва-ли болѣе 7000 болѣе или менѣе знакомы съ полнымъ курсомъ естественныхъ наукъ, да и эти лица больше поглощаются службою, чѣмъ посвящаютъ себя народной индустріальной дѣятельности. И въ самыхъ городскихъ обществахъ, наиболѣе образованныхъ и читающихъ, еще слишкомъ слабы умственные наклонности къ естествознанію. Это выразилось даже въ самомъ содержаніи и направленіи нашей литературы. Напримѣръ, въ пятилѣтіе 1801—1806 г., по естественнымъ наукамъ издано было только 33 сочиненія, — между тѣмъ какъ по одной, такъ называемой изящной словесности, кромѣ романовъ, вышло 205 сочиненій. И послѣ, въ 1828 году, даже петербургское общество, въ своей исключительно русской библіотекѣ, изъ числа 10,924 всѣхъ сочиненій, по естественнымъ наукамъ имѣло только 239 сочиненій, тогда какъ по изящной литературѣ и краснорѣчію 4250 сочиненій. Эти факты, представляющіе лучший масштабъ нашего интеллектуальнаго прогресса и умственныхъ интересовъ, служатъ въ то-же время лучшимъ мѣриломъ, насколько наши умственные силы успѣли запасть къ тѣмъ знаніямъ, которыя составляютъ единственную и самую могучую силу и главный факторъ челоѣческой цивилизаціи, насколько мы стремимся, путемъ естествознанія, къ свободѣ отъ старой зависимости передъ природою, насколько мы богаты и запасены естественно-научными силами и средствами къ покоренію силъ и законовъ природы потребностямъ своей матеріальной и умственной цивилизаціи, на сколько мы, по самопознанію въ сферѣ физическихъ законовъ и исторіи и по успѣхамъ покоренія природы, ушли впередъ отъ древней Индіи, Египта, Мексики и Китая, и достигли современной Англіи, Франціи, или сѣверную Америку — страны могучаго естество-испытательнаго разума, великихъ естественныхъ открытій, производящихъ перевороты въ движеніи цивилизаціи, страны, гдѣ началась новая эпоха или новый великій періодъ общечеловѣческой цивилизаціи — *естественнонаучный*. Мейшинство нашихъ новыхъ, послѣднихъ молодыхъ генераций, всецѣло отдавшееся естествознанію и естествоиспытанію, вносящее въ общечеловѣческій умственный запасъ и въ общечеловѣческую сокровищницу цивилизаціи хоть частичку новыхъ естественныхъ знаній, новыхъ изслѣдованій и открытій — вотъ вся искупительная надежда и весь залогъ молодой

европейской Россіи. Только посредствомъ этого естественнаго меншинства Россіи, массами своими граничащая и тяготѣющая къ Азіи, связуется съ Европой и начинаетъ органически привыкать къ новому великому общеевропейскому, общечеловѣческому обществу естествопознавательной цивилизаціи. Только по мѣрѣ того, какъ въ массѣ народныхъ будетъ выростать и множиться естественнонаучно-мыслящее меньшинство, и, возвращаясь въ нихъ, просвѣщать ихъ, рационализировать ихъ бытъ и культуру, — по мѣрѣ того, массы нашего народа будутъ освобождаться, посредствомъ искушительной и могуче-творческой силы естествознанія, отъ тяготѣющаго надъ ними доселѣ владычества природы.

А. Ищановъ.

ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

(изъ *Лонифелло*).

День холоденъ, мраченъ и дождикъ идетъ,
Безъ усталы вѣтеръ осенній реветъ.
Къ стѣнѣ льнетъ и вѣется, какъ прежде, лоза,—
Но мертвые листья срываетъ гроза...
День мрачный, холодный, дождливый!

Я холоденъ, мраченъ и въ жизни моей
Дождь льется и вѣтеръ реветъ все сильпѣй.
Къ былому льнуть мысли, отстать не хотѣть,—
Но юныя грезы по вѣтру лѣтять...
День мрачный, холодный, дождливый!

О, сердце! не мучься тяжелой тоской,—
Не меркнетъ свѣтъ солнца за тучей густой.
Удѣлъ твой такой же, какъ прочихъ людей:
Никто не дойдетъ до могилы безъ дней
Суровыхъ, холодныхъ, дождливыхъ!

Е. Зинковъ.

ЧАЙЛДЪ-ГАРОЛДЪ.

ПѢСНЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

Visto ho Toscana Lombordia, Romagna,
Quel Monte che divide, e quel che serra
Italia, e un mare e l'altro che la bagna
Ariosto, Satira III.

I.

Я былъ въ Венеціи. Стояли
Передо мной тюрьма... дворець...
И словно зданья выплывали
Изъ темныхъ водъ. Здѣсь свой вѣнецъ
Тысячелѣтье величаво
Въ наследство завѣщало намъ,
Здѣсь умирающая слава
Улыбку шлетъ тѣмъ временамъ,
Когда всѣ націи неслило
Смотрѣли съ трепетомъ кругомъ
На тѣ дворцы съ крылатымъ львомъ,
Когда Венеція сидѣла
Царицею ста острововъ,
Гдѣ царскій тронъ ей былъ готовъ.

II.

Она являлася Сибелой
Съ тѣрою среди вудрей,
Съ осанкой царскою и смѣлой,

Богиней гордою морей.
 Всѣхъ дочерей ея приданыиъ
 Востокъ богатый награждалъ
 И перлы ей дождемъ неожиданныиъ
 Онъ на колѣни высыпалъ.
 Она подъ пурпуромъ блистала,
 Дивила роскошью весь миръ,
 Она къ себѣ на пышный пиръ
 Не разъ монарховъ созывала
 И каждый царь, какъ самъ народъ,
 Всегда цѣнилъ такой почетъ.

III.

Тамъ нынче смолкли пѣсни Тасса,
 Нѣтъ гондохьеръ и нѣтъ пѣвцовъ,
 Вкругомъ руинъ забытыхъ масса —
 Слѣды разрушенныхъ дворцовъ.
 Ихъ вѣкъ прошелъ, но и донынѣ
 Тамъ красота еще живетъ...
 Да, гибнуть царства и святыни,
 Искусство гаснетъ, — не умретъ
 Одна безсмертная природа.
 Венеція всегда была
 Ей дорога; она слыла
 Веселымъ мѣстомъ для народа.
 Она для міра — пышный багъ,
 Для итальянцевъ — карнавалъ.

IV.

Она донынѣ чтима нами,
 Но не за славу прежнихъ лѣтъ
 Съ ея великими тѣнями;
 Не дорогъ намъ величья слѣдъ
 Среди тѣхъ стѣнъ, гдѣ жили дожи....
 Иной троеей для насъ дороже.
 Какъ все погибнуть онъ не могъ:
 Отелло, Пьеръ и жидъ Шейлокъ
 Уничтоженья не страшатся,
 Ихъ образъ вѣченъ и могучъ;
 Они — подъ сводомъ арки ключъ.

И ими будетъ оживляться,
 Лишь ихъ присутствіемъ сильна,
 Та опустѣвшая страна.

V.

Созданья мысли — заслужили
 Свое безсмертье. Тѣни ихъ
 Своимъ сіяньемъ озарили
 Существованіе другихъ.
 Тамъ, гдѣ судьба нашъ жизнь мутила,
 Подъ гнетомъ рабства, смерти, зла,
 Тамъ гениальной мысли сила
 Мирить насъ съ жизнью могла.
 Все ненавидимое нами
 Она преслѣдуетъ, казнить,
 Сердца надеждою живить
 И населяетъ ихъ мечтами
 И насаждаетъ вновь цвѣты
 Среди сердечной пустоты.

VI.

Созданья мысли гениальной!
 Въ нихъ вѣрить юноша привыкъ
 И съ ними свой удѣлъ печальный
 Всегда бодрѣй несетъ старикъ.
 О, сколько гѣсенъ вдохновенъ
 Родить въ часы уединенья!...
 Но и дѣйствительность порой
 Фантазію съ ея игрой
 Собою рѣзко затемняетъ.
 Есть образы — ихъ красоты
 Создать не могутъ и мечты,
 Воображенъ ихъ не знаетъ
 И имъ подобный идеалъ
 Еще поэтъ не создавалъ.

VII.

Я видѣлъ прежде ихъ — во снѣ. мн.,
 Иль на яву, — не знаю я.
 Они нежданно прилетѣли

И сномъ исчезли отъ меня.
 Я ихъ теперь считаю снами,
 Я-бъ снова могъ, когда-бъ хотѣлъ
 Сбѣнить ихъ новыми мечтами,
 Рой новыхъ грезъ созвать умѣлъ,
 Но, богъ ужъ съ ними! Умъ холодный
 И отрезвѣвшій отъ потерь
 Привыкъ преслѣдовать теперь
 Мечты фантази свободной;
 Иныя думы въ немъ кипятъ,
 Иные образы манять.

VIII.

Въ странахъ чужихъ я былъ какъ дома,
 Увоилъ я чужой языкъ.
 Умамъ свободнымъ незнакома
 Тоска по родинѣ: привыкъ
 Ее отыскивать я всюду;
 А между тѣмъ я не забуду,
 Что я родился въ той странѣ,
 Которой можно-бъ было мнѣ
 Гордиться смѣло. Для чего же
 Я бросилъ островъ, гдѣ найдуть
 Свобода, умъ себѣ приютъ,
 И жизнь усталую тревожа,
 Средь новыхъ странъ пошелъ опять
 Отчизну новую искать?

IX.

Любилъ я родину, быть можетъ,
 И если прахъ остывшій мой
 Въ чужой землѣ въ могилу сложать,
 Мой духъ вернется въ край родной,
 Къ мѣстамъ знакомымъ и любимымъ,
 Надѣюсь я: въ родной странѣ,
 На языкѣ моемъ родимомъ
 Потомки вспомнить обо мнѣ;
 Но если я лишусь права
 Участья ждаты отъ земляковъ,
 И если жребій мой таковъ,

И если такъ минута слава,
 Не баловавшая меня,
 И если счастье, измѣня, —

X.

Не дасть мнѣ мѣста въ славномъ храмѣ,
 Гдѣ чтить народъ своихъ пѣвцовъ,
 То пусть вѣнчается онъ вѣнками
 Чело достойныхъ мертвецовъ,
 Ко мнѣ-жъ слова примѣнить эти,
 Что „въ славной Спартѣ были дѣти
 Его достойны“....*) Никакой
 Не надо мнѣ любви людской!..
 Всѣ тѣ шипы, что я собираю,
 Я самъ взлелѣялъ и взростилъ,
 И тихо кровью истеваю.
 Понять я долженъ былъ впередъ:
 Каковъ посѣвъ — таковъ и плодъ.

XI.

Теперь оплакала супруга
 Ты, Адриатика — вдова;
 Бракъ ежегодный — праздникъ юга —
 Не повторяется. Хоть льва
 Святаго Марка и донинѣ
 На площади встрѣчаетъ взоръ,
 Но онъ стоитъ ужъ безъ гордыни,
 Какъ-бы понявши свой позоръ
 Въ мѣстахъ, гдѣ прежде унижались
 Владыки гордые земли,
 Монархи съ завистію шли
 И предъ Венеціей склонялись;
 Когда невѣстою она
 Была богата и сильна.

XII

.....

 И гнетъ оковъ кругомъ сковался
 Свободной жизни городской...

*) Это былъ отвѣтъ матери Бразилла, македонскаго полководца, тѣмъ, которые передъ нею восхваляли ея сына.

Едва лишь страны достигаютъ
 До ошуряющихъ высотъ,
 Гдѣ ихъ величье славы ждетъ,
 И—съ высоты они спадаютъ,
 Какъ грозной лавины обвалъ,
 Когда она летитъ со скалъ...
 О, если-бы явилась снова
 Даноло тѣнь, того слѣпаго,
 Который старцемъ страшень былъ
 И Византію побѣдилъ.

XIII.

Предъ площадью св. Марка
 Изъ бронзы лошади стоятъ,
 Еще блестя на солнцѣ ярко,
 И ихъ ошейники горятъ.
 Но Дорій правъ былъ: въ наши годы
 Тѣ кони взызданы... Гдѣ-жъ слѣдъ
 Тринадцати вѣковъ свободы?
 Былой Венеціи ужъ нѣтъ;
 Она погибла тамъ, гдѣ встала,
 Морской травой въ морской волнѣ...
 О, лучше-бъ въ водной глубинѣ
 Иль подъ землей ты смерть узнала,
 Чѣмъ погупать среди оковъ
 Покой постыдный у враговъ.

XIV.

Какъ новый Тиръ-жила ты славой;
 Съ побѣднымъ именемъ твоимъ
 Носилась ты въ борьбѣ кровавой
 Грозою націямъ чужимъ;
 Всегда свободная, умѣла
 Всѣхъ обращать кругомъ въ рабовъ
 И берегла Европу смѣло
 Отъ мусульманъ—ея враговъ...
 О, волны вѣчныя, возстаньте
 Почтите минувшіе года,
 Героевъ подвиги, когда
 Случилась битва при Лепантѣ:

Ихъ дѣлъ не истребить въясъ:
Иль хищныхъ деспотовъ руда...

XV.

Рядъ гордыхъ дождей въ прахъ разбится;
Въ гробницахъ тлѣютъ ихъ сердца,
Лишь только остовъ сохранился
Великолѣпнаго дворца.
Разбитый скиптръ и мечъ ихъ ржанный
Для чужестранца сталъ забавой.
О, кто-бъ Венецію узналъ:
Чужія лица, арии зыль
Пустыхъ, на улицахъ не людно...
Когда припомнить о быломъ
Съ его величьемъ, торжествомъ—
Венецианцу будетъ трудно
Своихъ гонителей любить
И яго тяжкое сносить.

XVI.

Былъ страшный бой при Сиракузахъ
И шелъ въ цѣпяхъ афинскій станъ,
Тогда Аттическая муза
Пришла къ спасенью афинянь;
Печальный гимнъ—былъ примиритель,
Пронесся пѣсни грустной звукъ
И побѣжденный побѣдитель
Роняетъ грозный мечъ изъ рукъ.
Онъ цѣпи плѣнныхъ разрываетъ,
Великодушный до конца,
И вдохновеннаго пѣвца
Благодарить ихъ заставляетъ:
Пѣвецъ нагѣвомъ чудныхъ строевъ
Освободилъ ихъ отъ оковъ.

XVII.

Венеція! И ты когда-то
Могла того же ожидать
И пѣсни славнаго Торквато
Должны бы цѣпь съ тебя сорвать

И иго прошлаго тирана.
 Твоя судьба — народамъ стыдъ;
 Стыдъ ей, царицѣ океана,
 Стыдъ Англїи: она глядитъ,
 Какъ погибають моря дѣти,
 Не подавая имъ руки!..
 О, Англїя! Пусть велики
 Твои владѣнія на свѣтѣ,
 Но и тебя, быть можетъ, ждетъ
 Паденье тоже, тотъ-же гнетъ.

XVIII.

Волшебный городъ! Порывался
 Къ тебѣ я много лѣтъ назадъ.
 Ты въ морѣ синемъ поднимался
 Какъ рядъ кристальныхъ колоннадъ;
 Твой образъ мнѣ обрисовали
 Радклифъ и Шиллеръ и Шекспиръ...
 О, пусть оплакалъ ты въ печали
 Свой обезславленный кумиръ,
 Но и теперь мнѣ дорога ты —
 Венеція! Дороже ты
 Въ обломкахъ прошлой красоты...
 Твои дворцы, твои палаты,
 Какъ монументъ прошедшихъ лѣтъ,
 Оставили безсмертный слѣдъ.

XIX.

Я населять умѣю снова
 Ее тѣнями прошлыхъ дней,
 Но и безъ помощи былаго
 Я и теперь встрѣчаю въ ней
 Не мало новыхъ наслажденій
 Для думъ мучительныхъ, для глазъ
 И для высокихъ вдохновеній,
 Меня смущавшихъ тамъ не разъ.
 Мѣста Венеціи прекрасной!
 О, я провелъ не мало тутъ
 Счастливыхъ дней, святыхъ минутъ...
 Есть чувства, — пыткой ужасной

Нельзя ихъ вырвать изъ души
Такъ эти чувства кореш.

XX.

Такъ на утесахъ вырастаетъ
Свободно гордая сосна,
На почвѣ каменной пускаетъ
Тамъ корни крѣпкіе она.
Альпійскій вѣтеръ, бури съ ревомъ
Надъ ней проносятся, порой,
Она-жъ въ величїи суровомъ
Ихъ потѣшается игрой,
Широко вѣтви разрастали.
И вотъ, подъ хохоть буръ и громъ,
Явилось дерево колосъъ
Тамъ на гранитномъ пьедесталѣ;
Такъ точно мысль людей растетъ
И наконецъ рождаетъ плодъ.

XXI.

Жизнь можетъ долго протянуться
И всѣ страданія земли
Корнями въ сердцѣ разрастутся.
Подъ тяжкой ношею, въ пыли
Идетъ верблюдъ въ степи безводной
И издыхаетъ волкъ голодный
Безмолвно. Вотъ для насъ урокъ:
Ужъ если звѣрь ничтожный могъ
Безъ жалобъ вынести страданья,
То долженъ съ гордостью страдать
И о страданїи молчать
Ты, человѣкъ—вѣнецъ созданья.
Всѣ муки жизненныхъ тревогъ
Всегда даются намъ на срокъ.

XXII.

Страданья насъ иль разрушаютъ,
Иль разрушаются. Одни,
Въ комъ силы юности играютъ,
Живутъ не падая: они,

Мужая, вновь идуть на дѣло;
 Другіе робко и несмѣло
 До срока падаютъ въ борьбѣ,
 Покорные своей судьбѣ.
 Иные-жъ, ринувшись въ движенье,
 Къ себѣ опорю зовуть—
 Войну, науку, церковь, трудъ,
 Добро и даже преступленье.
 Кто что поищетъ—то найдетъ:
 Инымъ позоръ, инымъ почетъ.

XXIII.

Но муки вѣчныя, безъ стона
 Надолго сдержанныя въ насъ,
 Какъ боль отъ жала скорпіона,
 Къ намъ возвращаются не разъ.
 Одинъ намекъ, пустое слово
 Странанье старое вернетъ
 Съ прошедшей горечью и снова
 Больное сердце загрызетъ.
 Звукъ, нота пѣвни музыкальной,
 Июльскій вечеръ, ночь, луна,
 Букетъ цвѣтовъ, весиръ, волна,
 Веселый видъ и видъ печальный —
 Все можетъ рану въ насъ раскрыть
 И скорби цѣпь зашевелить.

XXIV.

Кто мысль слѣдилъ въ ея полетѣ?
 То быстрой молніи полетъ.
 —Всегда сильна, всегда въ работѣ
 Она не разъ насъ потрясетъ
 Сильнѣй громоваго удара,
 Оставивъ сзади ядъ угара;
 Она, смущая въ насъ умы,
 Выводитъ призраки изъ тьмы
 И никакія заклинанья
 Не могутъ прочь ихъ отогнать;
 Они приходятъ къ намъ опять
 Любви угасшей упованья,

Сердца умерших давно:
Имъ право жизни вновь дано.

XXV.

Но возвращусь съ своей кручиной
Туда, гдѣ съ думой я бродилъ
Среди руинъ живой руиной,
Какъ привидѣнье межъ могилъ,
Гдѣ подъ землею почилъ сила
И рядъ имперій, гдѣ сильна
Была великая страна,
Гдѣ и *теперь* ее щадилъ
Природа нѣжная рука
И ей щедроты расточаетъ.
Прошедшигъ блескомъ велика
Она и нынче сохраняетъ
Инаго времени черты, —
Нетлѣнность вѣчной красоты.

XXVI.

Республика... герои Рима...
Италія—вселенной садъ!
Самой природой ты хранима,
Искусства—твой священный кладъ.
Ты всѣхъ дивишь еще понинѣ
Везсмертной прелестью своей
Всадъ, и даже и въ пустынь
Твоихъ забытыхъ пустырей.
Ты велика въ своемъ паденьи
И эти славныя мѣста
Не покидала красота,
Когда свершилось разрушенье.
Его зловѣщее крыло
Тебя коснуться не могло.

XXVII.

Взошла луна, но ночь не снѣла
Еще сойти. Въ лучахъ зари
Все небо синее агло...
Тамъ дальше,—путигъ, посмотри,—

Тамъ будто моремъ славы заить
 Рядъ голубыхъ Фриульскихъ горъ;
 Мракъ тучъ свинцевыхъ не печалитъ
 Небесь открывшійся просторъ.
 Весь западъ красками пылаетъ
 И день спѣшить на ложе сна,
 А тамъ серпомъ взошла луна
 И на востокъ выплываетъ
 И въ этотъ дивный край чудесъ
 Смотритъ съ улыбкою съ небесъ.

XXVIII.

Одна звѣзда съ луною рядомъ
 Надъ небомъ ласковымъ царитъ...
 Вотъ свѣтъ лучистымъ водопадомъ
 Верхушки горъ покрытъ; спѣшитъ
 День съ темной ночью состязаться,
 Пока въ борьбѣ не взнемогъ,
 И въ Брентѣ стали отражаться,
 Переминаясь въ краткій срокъ,
 Цвѣта румяно-нѣжной розы,
 Окрасивъ струйки тихихъ водъ,
 И голубой небесный сводъ
 Съ тѣнями легкими, какъ грезы,
 И отражалась въ ней, горя,
 Съ небесъ вечерняя заря,

XXIX.

И солнца яркій лучъ прощальный,
 Дня улетаваго привѣтъ,
 И пурпуръ запада и дальній
 Звѣздъ золотистый, теплый свѣтъ.
 Но вотъ на горы тѣнь ложится,
 День умираетъ. Такъ, порой,
 Дельфинъ предъ смертью шевелится
 И каждый разъ иной игрой
 Цвѣтовъ различныхъ онъ сверкаетъ;
 Когда-жъ кончаетъ жизнь дельфинъ,
 Тогда бываетъ мигъ одинъ
 Онъ краснымъ цвѣтомъ заиграетъ,

Но смерть придетъ, застынетъ кровь,
Тогда онъ сѣрымъ станетъ вновь.

XXX.

Въ Аркуѣ есть одна могила,
Въ ней въ саркофагѣ опочилъ
Пѣвецъ Лауры и уныло
Бѣ гробницѣ странникъ приходилъ,
Чтобъ тамъ почтить пѣвца страданья
Онъ первый высказалъ протестъ
И бросилъ крикъ негодованья
На рабскій гнетъ родимыхъ мѣстъ
И на враговъ родного края.
Онъ вмѣстѣ съ Музою рыдалъ,
Слезами землю орошалъ,
Лауры имя повторяя
И въ пѣснѣ, плача и любя,
Онъ создалъ славу для себя.

XXXI.

Его въ Аркуѣ схоронили
Въ деревнѣ, брошенной межъ горъ;
Здѣсь дни поэта проходили,
Здѣсь умеръ онъ и съ этихъ поръ
Гордится этимъ сельскій житель,
(И гордость та честна во оупнѣ)
Когда-жъ завязий посѣтителъ
Пройдетъ по горной той странѣ,
На знаменитую могилу,
Ему укажутъ гордо тамъ:
Она идетъ къ его стихамъ
И обаятельную силу
Въ себѣ имѣетъ, хотъ надъ ней
И не поставленъ мавзолей.

XXXII.

Онъ жилъ здѣсь въ хижинѣ. Казалось,
Она построена для тѣхъ,
Которымъ жизнь лишь улыбалась
Въ уединеніи отъ всѣхъ,

Въ густой тѣни холмовъ зеленыхъ,
 Вдали отъ пышныхъ городовъ,
 Безумнымъ шумомъ оживленныхъ;
 Ихъ бѣсъ не манить изъ садовъ,
 Изъ тишины не вызываетъ...
 Вокругъ все ярко и свѣтло...
 Здѣсь солнце свѣтитъ такъ тепло
 И столько счастья разливаетъ,
 Что не захочется опять
 Блаженства новаго искать.

XXXIII.

Вкругъ солнце льетъ потоки свѣта
 На зелень листьевъ и цвѣты...
 Его лучами все согрѣто...
 О, счастье! здѣсь понятно ты!
 Здѣсь жизнь пройдетъ, какъ сонъ пріятный...
 Покой и лѣнь въ нѣмой глуши...
 Но въ этой лѣни благодатной
 Окрѣпнетъ умъ и мощь души.
 Да, если люди научаютъ
 Нашъ жизнь земную признавать,
 То мы умѣемъ умирать
 Въ уединеніи: не мѣшаетъ
 Тщеславье грезамъ и мечтамъ;
 Борисъ одинъ съ судьбою тамъ—

XXXIV.

Иль съ тайнымъ бѣсомъ, что тревожитъ
 Мысль человѣка безъ конца
 И жертвой дѣлаетъ и глохнетъ
 Всегда печальныя сердца
 Тѣхъ, чья душа со дня рожденья
 Привыкла къ мраку, къ тишинѣ;
 Ихъ роковое назначенье:
 Страдать и въ жизни и во снѣ;
 Имъ солнце кажется кровавымъ,
 Земля—могилой; ихъ страшатъ
 Смерть и могила словно адъ.
 Страдалцы бѣдныя! Всегда вамъ

Страшнѣй назался самый адъ,
Зловѣщей тьмой кругомъ объять.

XXXV.

Бродя по улицамъ Феррары,
Поросшимъ дикою травой,
Глядишь съ поникшей головой.
Увы! пролятія удары
Надъ древнимъ городомъ лежать,
Гдѣ прежде царствовала слава

.
.
.
.
.
.
.
.

XXXVI.

И Тассъ былъ славой ихъ когда-то.
Прислушайтесь къ стихамъ пѣвца
И въ келью скромную Торевато
Войдемъ: онъ жилъ здѣсь до конца.
Альфонсъ отвелъ жилище это,
. Онъ хотѣлъ
Смирить великаго поэта
И окружить его умѣлъ
Безумцами и адомъ новымъ,
Жизнь съ тайной злобой отравлялъ,
Но лучъ бессмертья засіялъ
Надъ тѣмъ челомъ въ вѣнѣхъ лавровомъ,
Разсѣявъ массу облаковъ.—
И славнымъ именемъ вѣковъ —

XXXVII.

Торевато имя намъ осталось.
Межъ тѣмъ Альфонсъ, ты-бъ былъ забыть,
Твое бы имя затерялось,
Когда-бъ твой гнусный, тяжкій стыдъ

Не связанъ былъ съ судьбой поэта.
 Нѣтъ, будутъ долго проминать
 Тебя съ презрѣнiемъ за это.
 Альфонсъ! ты не умѣлъ блистать,
 Твое величье въ прахъ разбилось
 И если-бы въ быту другомъ
 Ты родился, тогда-бъ рабомъ
 Назвать тебя судьба стыдилась,
 Рабомъ того, кого ты гналъ,
 Кто отъ руки твоей страдалъ.

XXXVIII.

Ты жилъ, чтобъ вѣсть, сносить презрѣнье,
 И умеръ смертью скота,
 Вдругъ околѣвшаго въ забвеньи;
 Межъ вами разница лишь та,
 Что ты пышнѣй имѣлъ корыто
 И хлѣвъ обширнѣе имѣлъ.
 А онъ?—Чело его покрыто
 Вѣнцомъ лучей; вѣнецъ торѣлъ
 На немъ въ виду враговъ презрѣнныхъ,
 И зависть мелочная ихъ
 Встрѣчала съ злобой каждый стихъ,
 Звукъ каждый пѣсень вдохновенныхъ,
 Стыдившихъ смѣло до конца
 Труды бездарнаго пѣвца.

XXXIX.

Тынь оскорбленная Торквато!..
 О, миръ съ тобой!.. Пѣвецъ сгорѣлъ,
 Злость ядовитая собрата
 Въ него бросала тучи стрѣлъ,
 Хотя его не уязвила.
 Онъ—побѣдитель. Каждый годъ
 Толпа повтовъ въ миръ идетъ,
 Но гениевъ межъ ними мало;
 Ихъ ждемъ мы цѣлые вѣка,
 И если-бъ блескъ воѣхъ киръ сливался
 Въ сиянье одного вѣка—
 Блескъ этотъ скоро-бъ миновался;

Пѣвцы создать бы не могли
Другаго солнца для земли

XI.

Онъ былъ великъ, но съ Тассомъ рядомъ
Еще два генія идутъ;
Они, какъ онъ, родились тутъ,
Но только раньше. Первый „Адомъ“
Себя прославилъ на землѣ,
Тосканецъ, съ мыслью на челѣ...
Другой—пѣвецъ его достойный,
Великій, гордый и спокойный,
Своимъ магическимъ жезломъ
Свѣтъ новый вызвалъ вдругъ для міра.
Онъ пѣлъ любовь, военный громъ
И раздавалась нѣжно лира,
И чудный слышался напѣвъ
Въ честь храбрыхъ рыцарей и дѣвъ.

XLI.

Гроза съ статуи Аріосто
Вѣнокъ желѣзный орвала
Изъ листьевъ лавра. Тутъ была
Права стихія. Очень просто:
Не тронетъ молнія вѣнца,
Сплетеннаго могучей славой;
Вѣнецъ искусственный пѣвца
Лишь могъ служить грозѣ забавой.
О, люди! помните одно,
Что здѣсь жалѣть намъ не пристадо:
То мѣсто ужъ освящено,
Гдѣ въ землю молнія упала,
И голова пѣвца двойнѣ
Священнѣй сдѣлалась странѣ.

XLII.

Италія! Ты овладѣла
Несчастливымъ даромъ красоты,
Но съ ней надѣла трауръ ты
И лишь, страдать въ слезахъ умѣла.

Морщины муки и скорбей,
 Чело прекрасное покрыли
 И буквы огненные были
 Всегда въ исторіи твоей.
 О, Боже! Лучше-бъ ты осталась
 Не такъ прекрасна, но сильна:
 Тогда-бъ возстала вся страна
 И власть гонителей порвалась,
 Которымъ пить въ краю пришлось
 Лишь смѣсь изъ крови и изъ слезъ.

XLIII.

Тогда-бъ ты только устрашала
 И въ неизвѣстности жила,
 И красотою не смущала,
 И сожалѣнья не звала;
 Тогда-бъ толпой вооруженной
 Враги не шли съ альпійскихъ скалъ
 Испить воды окровавленной
 Изъ рѣчки По; тогда-бъ не сталъ
 Здѣсь сторожить твои предѣлы
 Иноплеменцевъ чуждый мечъ,
 И не бояся съ ними встрѣчь,
 Ты право ровное имѣла
 Быть у родимыхъ береговъ
 Рабой друзей, рабой враговъ.

XLIV.

Когда подъ вѣтромъ разсѣкала
 Равнину водъ моя ладья,
 Римлянинъ мудрый! Видѣлъ я
 Гдѣ проходилъ ты. (*) Здѣсь вставала
 Мегара прямо предо мной,
 А сзади—новая картина—
 Лежали: древняя Эгина,
 Пирей, Коринфъ... Влекомъ волной,
 Смотрѣлъ я грустенъ и печаленъ,
 И мнѣ казалось, что они
 Стоять теперь, какъ и въ тѣ дни,
 Когда на груды ихъ развалинъ

*) См. знаменитое письмо Сервія Сульпиція къ Пипперову.

И историческихъ руинъ
Глядѣть другъ Тулія одинъ.

XLV.

Да, время ихъ не исправляло;
Лишь гнѣзда варваровъ росли
У древнихъ стѣнъ, что заставляло
Любить руины той земли
Еще сильнѣй. Смотрѣлъ Римлянинъ
На тѣ могилы городовъ
Ихъ прежней славой отуманенъ.
Теперь изъ всѣхъ его трудовъ
Одна страница намъ осталась
И въ ней есть нравственный урокъ,
Завѣщанный на долгій срокъ:
Въ немъ горько истина сказалась.
И этотъ памятникъ нѣмой
Теперь лежитъ передо мной.

XLVI.

Страницу эту чту я свято...
Развалины его страны
Причислить мы теперь должны
Екъ тѣмъ павшимъ царствамъ, что когда-то
Онъ самъ оплакалъ. Остовъ ихъ
Донинѣ живъ несокрушимо
И Римъ... о, гдѣ-жъ величье Рима?
Онъ палъ во прахъ межъ стѣнъ своихъ,
Не стало больше великана.
Смерть, разрушеніе кругомъ...
Повѣсивъ голову, идемъ
Мы мимо павшаго титана,
Который въ пепелъ обращенъ,
Но и подъ пепломъ дышетъ онъ.

XLVII.

Италія! Твои страданья
Навѣрно будутъ жить вѣка.
Ты—мать искусствъ. Твоя рука

Насъ берегла, дала намъ знанья.
 Ты—мать религіи, чудесь!
 Предъ ними націи склонялись,
 Ихъ руки рабски простирались,
 Чтобъ получить ключи небесъ.
 Въ отцеубійствѣхъ сознаваясь,
 Европа наша, можетъ быть,
 Придетъ тебя освободить
 И, варваровъ изгнать стараясь
 И покоривши ихъ въ борьбѣ,
 Найдеть прощеніе въ тебѣ.

XLVIII.

Но насъ инья ждуть картины...
 Насъ Арно манить къ тѣмъ стѣнамъ
 Гдѣ вы, этрурскіе Аѳины,
 Достойны вызвать фиміамъ.
 Амѳитеатръ холмовъ зеленыхъ
 Родитъ и масло и вино;
 Рогъ изобилія всѣмъ равно
 Несетъ дары; въ струяхъ безсонныхъ
 Тамъ Арно весело бѣжитъ
 И край богатый и торговый
 Новѣйшей роскошью дивить,
 И тамъ воскресла съ силой новой
 Наука, спавшая во мглѣ
 Подъ смертнымъ саваномъ въ землѣ.

XLIX.

Тамъ бюстъ Венеры разливаетъ
 Кругомъ блескъ дивной красоты
 И воздухъ ей благоухаетъ...
 Съ тебя покровъ упалъ и ты
 Стоишь, богиня! Въ удивленьи
 На эти формы мы глядимъ:
 Здѣсь человѣка вдохновенье
 Природу гениемъ своимъ
 Могло осилить. Преклоняясь,
 Мы падаемъ у дивныхъ ногъ.
 О, только гений древнихъ могъ,

Красою древней вдохновляясь,
Такою статую создать,
Чтобъ все потомство поражать.

Л.

И мы глядимъ, той красотою
Упоены, ослѣплены, —
Мечта смѣняется мечтою...
Искусства чары такъ сильны
И власть его не отразима...
О, нѣтъ, слова безсильны тутъ, —
(То шарлатановъ жалкій трудъ)
Оно въ слова неуловимо.
У насъ есть сердце, нервы, кровь,
У насъ одно есть только зрѣнье,
Черезъ нихъ понятна намъ любовь
И предъ прекраснымъ восхищенье;
Лишь только ими понята
Богини дивной красота.

ЛІ.

Скажи, въ такомъ-ли точно видѣ
Передъ Парисомъ стала ты?
О, тѣже-ль чистыя черты
Впервые богъ войны увидя,
Съ любовью палъ у дивныхъ ногъ?
Склонившись на твои колѣни,
Въ истомѣ сладострастной гнѣни
Смотрѣлъ въ лицо влюбленный богъ.
А ты? съ румяныхъ устъ Венеры
Лобзанья лавою теги,
Съ блаженствомъ неба и земли
Лились безъ счету и безъ мѣры.
Ея лицо, рѣсницы, бровь —
Все выражало въ ней любовь.

ЛІІ.

Упоены любовью боги,
Порой и въ блескѣ божества
Не находя конца тревогъ,

Вдругъ на земныя существа
 Походятъ. Также есть мгновенья,
 Когда и люди на землѣ
 Лучъ божества и вдохновенья
 Носили гордо на челѣ,
 Пока не скрыла ихъ могила...
 Но есть видѣнья чудныхъ грезъ
 И имъ поспорить-бы пришлось
 Съ красотою статуй; таже сила
 И тѣже формы,—только богъ
 Въ ту красоту облечь ихъ могъ.

LIII.

Пускай артисты и педанты
 И всѣ ученые шуты
 Покажутъ намъ свои таланты
 Въ изображеньи красоты;
 Пускай дадутъ намъ описанье
 Того, что трудно уловить,
 Но я бѣ желалъ, чтобъ возмутить
 Не смѣло скверное дыханье
 Струи, гдѣ дѣвственна, сильна
 Та красота отражена —
 Мечты свободной изваянье,
 На землю посланной съ небесъ
 Въ залогъ божественныхъ чудесъ.

LIV.

Въ предѣлахъ древнихъ Санта-Кроче
 Великія закрылись очи;
 Здѣсь прахъ безцѣнный опочилъ
 И пыль его среди могилъ
 Есть ужъ безсмертье. Гроба двери
 Здѣсь дали мѣсто для костей
 Микель-Анжело, Альфиери;
 Здѣсь опочилъ ты, Галилей,
 Поклонникъ звѣздъ и другъ печали;
 Здѣсь смерть дала тебѣ постель
 Великій умъ — Макіавель...
 Тѣла великихъ пылью стали,

Они изъ праха въ міръ пришли
И стали прахомъ той земли.

LV.

Четыре генія могучи
Какъ и стихіи и опять
Могли бы новый міръ создать.
Италія! Сатурнъ изъ тучи
Твои одежды изорвалъ,
Но онъ тебѣ не отказалъ
Въ великихъ людяхъ. Ты въ паденьи
Еще полна благовѣнья;
Въ печальныхъ остовахъ равнинъ,
Среди развалинъ и руинъ
Лучемъ божественнаго свѣта
Еще дослѣ ты согрѣта
И геній тѣхъ былыхъ временъ
Теперь въ Кановѣ возрождень.

LVI.

Но гдѣ же прахъ Петрарка, Данта?
Гдѣ прахъ Боккачіо лежитъ —
Почти имъ равнаго таланта?
Не видимъ ихъ могильныхъ плитъ,
Хотя до смерти и въ могилѣ
Имъ данъ особый былъ вѣнецъ.
Иль прахъ ихъ по вѣтру пустили?
Иль не нашелся тамъ рѣзецъ,
Чтобъ въ мраморѣ ихъ бюсты оставить
И обезсмертить ихъ черты?
Каменоломни-ли пусты?
Иль позабыли ихъ прославить?
Иль ты Флоренція отъ нихъ
Вдругъ отреклась, какъ отъ чужихъ?

LVII.

Какъ Сципіонъ, спитъ Дантъ далеко
Отъ береговъ страны родной,
Гдѣ оскорбленъ онъ былъ жестоко

И изгнанъ дарва въ край ищю,
 Пройдутъ вѣка и стануть дѣти
 То имя свято обожать
 Съ смущенной совѣстью на свѣтѣ...
 А тотъ вѣнецъ, что сталъ сверкать
 Надъ головой Петрарка въ живна
 Принадлежалъ чужой землѣ;
 Своимъ сіяньемъ на челѣ,
 Какъ и могилой, онъ отчизнѣ
 Былъ не обязанъ, ей чужой
 Всегда—и мертвый и живой.

LVIII.

Одинъ Боккачю, конечно,
 Въ родной землѣ похороненъ?
 И надъ собою слышитъ вѣчно
 Тосканы рѣчь сквозь смертный сонъ.
 Языкъ Тосканскій—пѣснь сирены,
 Гдѣ рѣчь есть музыка? О, нѣтъ,
 Исчезъ его могилы слѣдъ.
 Отъ тайной злобы и измѣны
 Рукой злодѣевъ хищныхъ онъ
 Могилы скромной былъ лишенъ;
 Имъ не хотѣлось въ тайной злобѣ,
 Чтобы на атомъ славномъ гробѣ
 Прохожій взоръ остановилъ
 И прахъ Боккачю почтилъ.

LIX.

Тѣхъ урнъ Флоренція не знаетъ,
 Но тѣмъ замѣтите она.
 Такъ бюста Брута лишена
 Статуя Цезаря смущаетъ
 Римлянъ и ихъ великій сынъ
 На умъ приходитъ имъ одинъ.
 Ты больше счастлива Равенна!
 На берегу твоемъ почальъ
 Равно изгнанникъ вдохновенный;
 Аркуа также рядъ могилъ
 И бережетъ и сохраняетъ,—

Одна Флоренція не знаетъ
Своихъ изгнанниковъ и ждетъ
Вотъ—вотъ одинъ изъ нихъ придетъ.

LX.

Къ чему же мраморныя плиты,
Порфиръ и яшма и агатъ,
Гдѣ флорентинцами зарыты
Теперь ихъ герцоги лежать?
Трава среди холмовъ зеленыхъ,
Росой ночью окропленныхъ,—
Гдѣ скромно гении леги,
Чьи имена для всей земли
Есть мавзолеей несокрушимой, —
Народъ ногой не оскорбитъ:
Трава могла бы священнѣй плить

.
.
.

LXI.

Но все жъ сюда стремятся взоры.
Здѣсь храмъ искусства; здѣсь рѣзецъ
Заводитъ съ живописью споры,
Здѣсь чудеса есть, наконецъ.
Но мнѣ они чужими стали;
Картинамъ древнихъ галлерей
Я измѣнилъ для синей дали,
Для красокъ неба и морей.
Я удивляюсь искусству,
Но кровь оно не шевелитъ
И мало сердцу говорить
И говорить не много чувству;
Ему оружіе дано,
Но то оружіе холодно.

LXII.

Нѣтъ, въ дефилеяхъ Фразименскихъ,
Гдѣ римлянъ ждалъ кровавый бой,
Доволенъ больше я судьбой.

Здѣсь рядъ продѣлокъ карфагенскихъ
 Я словно вижу. Между горъ,
 Врага обманывая всюду,
 Они сошлись съ нимъ въ упоръ;
 Здѣсь храбрецы ваглись въ грудь
 И ихъ толпы являлись вновь;
 Потокъ проливалась кровь
 И рѣки кровью той алѣли,
 Равнины пышныя красѣли,
 Гдѣ наступалъ со всѣхъ сторонъ
 За легионъ легионъ,

LXIII.

Какъ лѣсъ, низринутый вѣтрамп.
 Такъ былъ силею той битвы жаръ,
 Что былъ неслышенъ межъ горами
 Землетрясенія ударъ;
 Никто не слышалъ колебанья
 Земли, отрывшей часть могилъ
 Для тѣхъ, кто палъ на щитъ безъ силъ.
 Такъ велико негодованье
 Людей во время ихъ рѣзни,
 Когда сражаются они,
 Такъ опьяняетъ часто злба,
 Когда двѣ націи у гроба
 Сойдутся грозно межъ собой,
 Чтобы начать смертельный бой.

LXIV.

Для нихъ земля ладью казалась.
 Они неслись куда нибудь...
 Предъ ними море отрывалось,
 Но не понятенъ былъ имъ путь,
 Не страшно имъ землетрясенье,
 Когда всѣ птицы вверхъ летятъ
 Искать послѣдняго спасенья
 Изъ гнѣздъ отброшены назадъ;
 Когда по нивѣ, спотыкаясь,
 Бѣгутъ ревуція стада
 И гибнуть въ прпастяхъ, когда

Самъ человекъ, въ бѣдѣ терясь,
Стоять недвижимъ и безъ словъ,
Съ природой спорить не готовъ.

LXV.

Но Фразименъ теперь не страшень.
Спокойно озеро блестить,
И зелень тучныхъ нивъ и пашень
Плугъ селянина бороздить.
Деревья обросли корою,
Ужъ труповъ нѣтъ у ихъ корней,
И только маленький ручей
Своимъ названіемъ— порою
Напомнить день кровавый тотъ;
Напоминаетъ Сангвинетто,
Что кровь людей и смертный потъ
Здѣсь орошали мѣсто это,
Играла пурпуромъ волна,
Отъ крови воиновъ красна.

LXVI.

А ты, Клитумнъ! Волной кристальной
Ласкаешь нѣжно ты наядъ
И въ глубинѣ твоей зеркальной
Онѣ ныряютъ и шалать;
Отъ волнъ твоихъ поля тучнѣютъ,
На нихъ пасется бѣлый мулъ
И воды свѣтлыя имѣютъ
Спокойный видъ. Военный гулъ,
Рвзая тебя не осквернили,
Ты волны тихія катилъ
И только зеркаломъ служилъ,
Гдѣ отражать всегда любилъ
Свои прекрасныя черты
Богини юной красоты.

LXVII.

На берегу твоёмъ счастливомъ
Глядитъ простой, изящный храмъ

Съ высотъ холма; внизу же тамъ
 Бѣжишь ты дарственно-лѣнивый.
 Лишь иногда по струйкамъ водъ
 Сверкнетъ чешуйчатая рыба,
 Шалитъ, играетъ, вьется гибко
 И въ глубинѣ вдругъ пропадетъ.
 Порою, вѣжная лилея
 Скользитъ, покорная волнѣ,
 И дремлетъ, будто-бы во снѣ.
 Волна несетъ ее, легка,
 Качая тихо и легко,
 Ей шепчетъ сказки на ушко.

LXVIII.

Здѣсь чуемъ генія повсюду.
 Когда эфиръ въ лице пахнетъ —
 Свой подвѣлуй съ нимъ геній шлетъ;
 Когда, подобно изумруду,
 Поля отероются для глазъ
 И разливается прохлада,
 Когда душа забыться рада
 Отъ скучной жизни хоть на часъ,
 Отъ жгучей пыки всѣхъ волнений,
 Тогда отъ горя и заботъ
 Тебя въ мѣръ новый унесетъ
 Тѣхъ мѣстъ счастливыхъ добрый геній,
 И ты, свободный отъ оковъ,
 На благодарность будь готовъ.

LXIX.

Но, чу! ревъ водъ. Съ вершинъ Веллио
 Спадаетъ въ бездну водопадъ, —
 Реветь и пѣнится. Картина
 Совсѣмъ нова: то — водный адъ,
 Гдѣ волны, словно въ адской мукѣ,
 Со стономъ прядаютъ, кипятъ
 И брызги бьютъ изъ-за громадь —
 (То Флегетона слышны звуки)
 И составляютъ скалы кругъ,
 Откуда къ верху бьютъ насвады,

Наводятъ страхъ и ужасъ вкругъ,
И въ бѣшенствѣ, комя преграды,
Ихъ пѣнистый, кипучій валъ
На волю рвется изъ за скаль—

LXX.

И брызги до небесъ бросаетъ,
Откуда падаетъ дождемъ,
И тамъ весна благоухаетъ,
Гдѣ онъ разсыплется; кругомъ
Трава роскошно зеленѣетъ...
О, какъ пучина глубока!
Волна неистово-дика
Въ скачкахъ гигантскихъ... Тамъ бѣлѣтъ
Внизу рядъ скаль, промытыхъ ей.
Въ порывѣ злобнаго веселья
Среди недвижныхъ камней,
Волна пробилъ въ нихъ ущелья
И, прорываясь сквозь гранитъ,
Такою массою бѣжитъ,

LXXI.

Что можно думать: это море,
Рожденное среди тѣхъ скаль,
Но водопадъ тотъ жизнь давалъ
Лишь скромнымъ рѣчкамъ; на просторѣ,
Среди долинъ онѣ бѣгутъ.
Смотрите! чудный видъ предъ нами.
Вкругъ разрушая все волнами,
Каскады мчатся и режутъ,
Какъ будто въ вѣчность все уносятъ,
Все разбивая на лету,
И дикую картину ту
Едва взоръ робкій переноситъ
И каждый ужасомъ обнять...
О, страшно-дивный водопадъ!

LXXII.

Вотъ новый видъ открылся взглядамъ:
Съ одной вершины до другой,

При блескъ солнца, надъ каскадомъ
 Явилась радуга дугой, —
 Подобна радостной надеждѣ
 Надъ смертнымъ ложемъ, — и горитъ
 Въ своей сіяющей одеждѣ.
 Пусть водопадъ кругомъ шумитъ,
 Она сіянья не теряетъ,
 Вкругъ проливая нѣжный свѣтъ
 И постоянныхъ красокъ цвѣтъ
 Ей никогда не измѣняетъ.
 Такъ иногда слѣдять любовь,
 Когда въ безумцѣ бродитъ кровь.

LXXIII.

Я снова вижу Аппенины,
 Они бы были милы мнѣ,
 Когда-бъ альпійскія вершины
 Я не видалъ; тамъ въ вышинѣ
 Родятся сосны, тамъ обвалы
 Несутся съ грохотомъ со скалъ;
 Тамъ я Юнгерау посѣщалъ,
 Гдѣ вѣчный снѣгъ, какъ покрывало,
 Ее скрываетъ въ облакахъ
 Среди нагорнаго тумана;
 Я былъ въ холодныхъ ледникахъ
 Всѣмъ недоступнаго Монблана,
 И слышалъ часто между горъ
 Стихій громовый разговоръ.

LXXIV.

Я видѣлъ, какъ орлы летали
 И, поднимаясь на парнасъ,
 Какъ будто славы тамъ искали;
 Я, какъ троянецъ, могъ не разъ
 Смотрѣть на Иду. Незамѣтны
 Мнѣ Аппенины съ тѣхъ временъ,
 Какъ видѣлъ я вершину Этны,
 Олимпъ и Атласъ и Афонъ,
 И лишь безснѣжныя вершины
 Соракты привлекли мой взоръ.

Она безъ свѣта съ давнихъ поръ.
И здѣсь-то всѣмъ намъ есть причины
Стихи Горация прочесть:
Въ стихахъ пѣвца страница есть

LXXV.

О той горѣ. Она волною,
Застывшей въ воздухѣ, стоитъ
И хочетъ рухнуть внизъ стѣною...
Пусть каждый здѣсь разшевелитъ
Свои классическія знанья,
Цитаты римскія, названья
Проговоривъ межъ этихъ горъ.
Я самъ былъ слишкомъ живъ и скоръ,
Чтобъ изучить вполне поэта;
Уроки были скучны мнѣ,
Когда въ родимой сторонѣ
Мой менторъ строго ждалъ отвѣта
И принуждалъ въ короткій срокъ
Знать слово въ слово свой урокъ.

LXXVI.

Хоть я потомъ и измѣнился
И сталъ уморно размышлять
О томъ, чему тогда учился,
Бого же въ этомъ обвинять?
Капризный и нетерпѣливый,
Я наслажденія искалъ,
Когда еще не погружалъ
Въ науку умъ свой прихотливый;
Не тѣмъ-бы сталъ я, можетъ быть,
Когда-бъ меня не принуждали,
Но прежнихъ чувствъ мнѣ не забыть, —
Онѣ съ лѣтами вырастали,
И ненависть моя сильна,
Какъ и въ былыя времена.

LXXVII.

Прости, Гораций! Каюсь въ этомъ,
Тебя я вовсе не любилъ.

Несчастливъ тотъ, кто не цѣнилъ
 Твоихъ стиховъ. Ты былъ поэтомъ,
 Ты чтилъ искусство высоко;
 Какъ моралистъ, ты глубоко
 Проникъ и въ жизнь и въ омутъ міра;
 Твоя прекрасная сатира
 Умѣла совѣсть шевелить, —
 Тревожа сердце, не хотѣла
 Ему ранъ тяжкихъ наносить.
 Но всежъ съ тобой прощаюсь смѣло
 И шлю теперь тебѣ, поэтъ,
 Съ горы Соракты свой привѣтъ.

LXXVIII.

О, Римъ родной! Друзья страданья
 Пускай къ тебѣ теперь придуть:
 Ничтожно горе наше тутъ.
 Что наши скорби и рыданья?
 Здѣсь кипарисъ бросаетъ тѣнь,
 Совы полночной слышны стоны.
 Идемъ съ ступени на ступень,
 Гдѣ распадались храмы, троны...
 О, люди! Стихнутъ въ кроткій срокъ
 Всѣ ваши скорби съ вѣчнымъ страхомъ.
 Смотрите: здѣсь у вашихъ ногъ
 Великій Римъ сталъ тѣмъ же прахомъ,
 Которымъ также будемъ мы,
 Узнавъ покой могильной тьмы.

LXXIX.

Богиня націй! Ты почила,
 Дѣтей и трона лишена...
 Пустую урну опустила
 Рукѣй израненной она.
 Пусты могилы Спиціоновъ,
 Отъ пепла ихъ исчезъ и слѣдъ,
 И вы, владыки грозныхъ троновъ,
 Среди гробницъ васъ тоже нѣтъ.
 Въ обломкахъ рухнули святыни...
 О, старый Тибръ! Лишь ты одинъ,

Свидѣтель лучшихъ твоихъ годинъ,
 Бѣжишь по мраморной пустыни!
 О, поднимись и массой водъ
 Залей печальный городъ тотъ!

LXXX.

О, вѣчный городъ! Войны забавы,
 Гнѣтъ, христіанство и потопъ
 Тебѣ готовили свой гробъ.
 Ты видѣлъ: гасли звѣзды славы,

Дворцы и храмы разрушались...
 Ты видѣлъ хаосъ, смерть и тьму.
 Среди разрушеннаго свѣта
 Кто-бъ могъ здѣсь прошлое сыскать
 И снова точно разсказать:
 „Здѣсь было то, здѣсь было это!“
 Кто могъ здѣсь хаосъ превозмочь,
 Когда кругомъ царила ночь?

LXXXI.

Двойная ночь весь Римъ сковала —
 Невѣжества и тьмы вѣковъ
 И мысль здѣсь оцупью блуждала.
 Есть планъ морей для моряковъ,
 Есть карта звѣздъ, лишь только въ Римѣ
 Мы, какъ въ степи, идемъ чужими
 И спотыкаемся. Порой,
 Кричимъ мы „еврика!“ въ надеждѣ
 Узнать о томъ, что было прежде,
 Но то миражъ своей игрой
 Насъ ввелъ невольно въ заблужденье,
 Какъ мимолетное видѣнье,
 И вновь все въ мракъ погружено
 И недоступно и темно.

LXXXII.

Гдѣ жъ гордый Римъ? Гдѣ та минута,
 Когда вижалъ героическій Грутта

Блескъ побѣдителя смутилъ
 И лавры славы заслужилъ?
 И гдѣ теперь пѣвецъ Виргилій?
 Увы! гдѣ Туллія языкъ?
 Гдѣ наконецъ и ты, Титъ-Ливій?
 Тогда сіющій ихъ языкъ
 Былъ воскресеніемъ для Рима.
 Все остальное—смерти тьма.
 Сіянье строгаго ума
 Для насъ теперь неуволнимо...
 Ихъ взглядъ такъ гордъ и свѣтелъ былъ,
 Когда ты, Римъ, свободно жилъ.

LXXXIII.

О ты, всегда счастливый Силла,
 Ты, покорявшій всѣхъ враговъ,
 Тиранъ, въ которомъ говорила
 И месть и злоба,—чьихъ орловъ
 Рабою Азія встрѣчала,
 О ты, чей гордый, дерзкій взглядъ
 Могъ уничтожить весь сенатъ!
 Ты до конца, какъ и сначала
 Римлянинъ былъ, хоть былъ жестокъ
 И не одинъ имѣлъ порокъ;
 Ты, власть чужую попиравшій
 И въ прахъ короны низвергавшій
 И лавръ диктаторскій,—тогда,
 Въ тѣ отдаленные года —

LXXXIV.

Ты одного не могъ предвидѣть,
 Что до ничтожества дойдетъ
 Все, что въ тебѣ привыкли видѣть
 Великаго, и что падетъ
 Не отъ римлянъ величье Рима.
 Онъ, *стѣнный* городъ, чьи поля
 Дрались всегда непобѣдимо,
 Чьи грани были велики,
 Чьи безконечные предѣлы
 Шли изъ конца въ другой конецъ,
 Онъ, всемогущества вѣнецъ

Носившій нѣкогда такъ смѣло,
 Онъ, этотъ вѣчный, гордый Римъ
 Исчезъ съ величьемъ своимъ.

LXXXV.

Такъ, побѣдителемъ былъ Силла.
 Нашъ Кромвелъ тоже Силлой былъ,

.

Его судьба—урокъ другимъ:
 Его побѣды годовщина
 Раскрыла темный гробъ предъ нимъ.
 Когда предъ властью исполна
 Два государства ницъ легли,
 Въ тотъ день онъ прахомъ сталъ земли.

LXXXVI.

Тотъ день, когда-то давшій силу
 И власть могучую ему,
 Тотъ день открылъ ему могилу
 И съ трона свелъ въ нѣмую тьму.
 Судьба намъ этимъ доказала,
 Что блескъ и счастье на землѣ,
 Все, что тщеславіе искало,
 Родило думы на челѣ—
 Все это смерть одна смиряетъ
 Зловѣщимъ сумракомъ гробовъ...
 Какъ жаль, что міръ среди трудовъ
 Объ этомъ рѣдко вспоминаетъ!..
 Тогда бы люди, можетъ быть,
 Съумѣли жизнь перемѣнить.

LXXXVII.

Статуя грозная! Донья
 Ты тамъ стоишь въ своей гордынѣ.

Ты помнишь: предъ тобой стоялъ,
 Съ улыбкой смѣлою и строгою,
 Самъ Цезарь, драпируясь тогой,
 И гордо кровью истекалъ?
 То—жертва грозной Немезиды,
 Царицы неба и земли,
 Всѣмъ гнѣвно мстящей за обиды...
 Героевъ нѣтъ... ихъ дни прошли...
 Погибъ Помпей... О, неужели
 Вы всё когда-то власть имѣли;
 Иль, ставъ игрушкою молвы,
 Лишь только куклы были вы?..

LXXXVIII.

И ты кормилицею Рима
 Была волчица въ тѣмѣ вѣковъ.
 Донинѣ съ бронзовыхъ сосковъ
 Въ бассейнъ спадаеть несдержимо
 За каплей капля молока.
 О, мать! Была ты велика,
 Вскормивъ тогда такого сына...
 Теперь, грозой опалена,
 Ты, какъ великая рупна,
 Стоишь, но дѣтямъ предана,
 Ты и теперь была-бъ готова
 Кормить дѣтей погибшихъ снова?
 Вѣдь бережеть твой нѣжный взглядъ
 Безсмертныхъ этихъ волченятъ?

LXXXIX.

Да, это такъ; но эти дѣти
 Уже исчезли на всегда;
 Изъ ихъ гробницъ потомъ на свѣтъ
 Сооружали города
 И люди кровью истекали;
 Они дорогой римлянъ или
 И имъ со страхомъ подражали
 И въ грозныхъ битвахъ смерть нашли,
 Но не далась имъ римлянъ слава,
 Хоть проходили за вѣкомъ вѣкъ.
 Одинъ лишь гордый человекъ

Сталь съ нимъ рядомъ величаво;
Онъ живъ еще, но межъ оковъ
Онъ сталь рабомъ своихъ рабовъ.

XC.

Онъ отъ влччя растерялся,
И, чтобъ бытъ цезаремъ другимъ,
Идти путемъ его старался —
Неровнымъ шагомъ... Вѣчный Римъ!
Герой твой созданъ былъ иначе:
Онъ страсти пылкія имѣлъ,
Но хладнокровіемъ владѣлъ;
Его спасалъ отъ неудачи
Инстинктъ безсмертный. Разный видъ
Онъ принималъ: то, какъ Алкидъ,
Сидѣлъ онъ съ прямой неизмѣнной
У ногъ царицы несравненной,
То вдругъ любовь позабывалъ
И шель, смотрѣлъ и побѣждалъ.

XCI.

Но тотъ, кто укротилъ такъ скоро
Своихъ властительныхъ орлятъ,
Довелъ до бѣгства, до позора
Побѣдной Галліи солдатъ,
Тотъ, чья душа была могола,
Былъ странно созданъ — и упалъ.
Его тщеславіе сгубило.
Куда онъ шель? Чего желалъ?
Къ чему упорно порывался
Его честолюбивый умъ?
Въ какія тайны темныхъ думъ
Тотъ властолюбецъ погружался?
Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
Напрасно ждать — отвѣта нѣтъ.

XСII.

Всѣмъ или ни чѣмъ — онъ быть рѣшился.
Когда бъ онъ только ждать умѣлъ,
То, можетъ быть, похоронился
Съ почетомъ цезарей... Удѣлъ

Печальный очень для героя..
 Такъ для чего же, арики строя,
 Триумфовъ вѣстеть человекъ?
 Къ чему вѣнокъ ему плетется
 И кровь людей потокомъ льется?
 Гдѣ тотъ спасительный ковчегъ,
 Гдѣ-бъ былъ приютъ для всѣхъ несчастныхъ?
 Спасенья нѣтъ отъ бурь ужасныхъ,
 Весь миръ въ крови... О, если-бъ богъ
 Дать снова радугу намъ могъ!

XXIII.

И вотъ плоды отъ жизни скудной.
 Въ насъ чувства—узки, умъ—не смѣлъ,
 Жизнь—коротка, дорогой трудной
 Дается истина. Съумѣлъ
 Обычай насъ держать во власти;
 На зло и правдѣ и уму,
 Могущества земнаго страсти
 Нерѣдко гонять насъ во тьму;
 Добро и зло для насъ случайно,
 И люди многие года
 Дрожали строгаго суда,
 Свободной мысли чрезвычайно
 Сграшились, прятаясь во мглѣ,
 Пугаясь свѣта на землѣ.

XXIV.

И такъ тѣ люди прозябають
 Бездѣльно цѣлые вѣка
 И отъ разврата умирають;
 До смерти злоба ихъ дика,
 Она идетъ въ наслѣдство дѣтямъ;
 И Завѣтомъ дѣдовскихъ гробовъ
 Передаются внукамъ этимъ
 Оковы тяжкія рабовъ
 И вновь за эти цѣпи внуки
 Какъ гладиаторы падуть,
 И снова кровью истекуть
 На мѣстѣ томъ, гдѣ тѣ же муки

И ту же цѣль въ тѣмной борьбѣ
Несли ихъ братья на себѣ.

ХСV. ХСVІ.

ХСVІІ.

Но Франція, подъ кровью братіи,
Средь преступлений и проклятій,
Ударъ свободѣ нанесла
И міру пагубна была.
Рядъ сатурналий, сценъ кровавыхъ
И честолюбье гордеца
И козни замысловъ лукавыхъ
Свободу гнали до конца.
Между надеждой благородной
И человекомъ стать должна
Несокрушимая стѣна

.
.
.

ХСVІІІ.

Но все же ты жива, свобода!
Твой стягъ, изорванный кругомъ,
Стоитъ святынею народа;
Твой голосъ, слышанный словно громъ,
Теперь усталый грянетъ снова,
И въ сердцахъ дерева большого
Подъ старой, вѣтхою корой,
Гдѣ виднѣнъ рѣзкій слѣдъ сѣкиры,
Еще кипитъ и нынче въ мірѣ
Сокъ жизни съ прежнею игрой,
И сѣмена его до нынѣ
Найдемъ и въ сѣверной пустынѣ,
И скоро міру лучшей плодъ
Весна иная принесетъ.

ХСІХ.

Есть башня древняя. Оградой
Такой она окружена,

Что армія двоею громадой
 Была-бы башнѣ не страшна.
 Стоитъ руина распадаясь,
 Всѣ стѣны обрастаютъ мхомъ—
 Гирляндой вѣчности. Кругомъ
 Все умираетъ разрушаясь...
 Кто-жъ эту башню здѣсь сложилъ?
 Что за сокровища въ ней скрыты?
 Кто въ ней въ иное время жилъ?
 Какія кости здѣсь зарыты?
 Здѣсь, посреди разбитыхъ плитъ
 Гробница женщины стоитъ.

С.

Кто-жъ эта смерти королева,
 Который домъ—есть гробъ червей?
 Была-ль она чиста, какъ дѣва?
 Иль ложа брачнаго царей
 Была достойна? Родила-ли
 Героевъ славныхъ для побѣдъ,
 Иль дочь, которой краше нѣтъ?
 Какія страсти и печали
 Она имѣла, и когда?
 Любила-ль въ юные года?
 И здѣсь-ли, наконецъ, въ могилѣ
 Ея останки положили,
 Гдѣ башня вѣкѣмъ надъ ней
 Стоитъ, какъ вѣчный мавзолей?

СІ.

Была ли любящей женою?
 Иль мужъ чужой ей былъ любимъ?
 Такія жены стариною
 Бывали; ими древній Римъ
 Богатъ по лѣтописямъ старымъ.
 Она блистала-ль южнымъ жаромъ
 Египетской царицы той,
 Что мѣръ смущала красотой?
 Иль въ ней Корнелии движенья
 Пугали строгостью своей?

Иль береглась она страстей;
Иль обожала наслажденья,
Иль чувству подчиняла умъ,
Иль вѣкъ жила подь гнетомъ думъ?

СII.

Иль умерла она, быть можетъ,
Въ дни первой юности? Она,
Быть можетъ, здѣсь схоронена
Какъ жертва мукъ? хотъ не тревожить
Теперь ничто почившій прахъ,
Тогда вдругъ туча омрачила
Ту красоту и блескъ въ очахъ
И варыта ранняя могила?
Иль вечеръ жизни залить былъ
Лучистымъ солнцемъ заходящимъ
И блескомъ смерти освѣтилъ,
Лучемъ прощальнымъ, преходящимъ
Тотъ бѣдный лигъ, и вспыхнулъ онъ,
Багрянымъ свѣтомъ озаренъ?

СIII.

Она почила, можетъ статья,
Въ тѣ дни, когда была стара,
Когда ужъ стали появляться
На кудряхъ пряди серебра
И ей года напоминали,
Когда тѣ кудри заставляли
Дрожать отъ страсти цѣлый Римъ?..
Но съ увлеченіемъ своимъ
Впередъ ушелъ я очень смѣло:
Одно мы знаемъ, что жила
И въ Римѣ древнемъ умерла
Женой римлянина, Метелла.
Онъ былъ богатъ... Такъ вотъ вамъ слѣдъ
Тщеславія погибшихъ лѣтъ!..

СIV.

Стою я предъ тобой, гробница,
И словно знаю образъ той,

Чей прахъ лежитъ здѣсь подъ плитой;
 Иные дни, иные лица,
 Иная музыка встаетъ,
 И эта музыка растаетъ,
 Какъ громъ торжественный по сваламъ,
 Когда вдали слабѣетъ онъ.
 На этомъ камнѣ обветшавомъ,
 Разрушенномъ со всѣхъ сторонъ,
 Готовъ стоять, я до мгноденья,
 Пока неясныя мечты,
 Не встанутъ въ формахъ красоты,
 Пока мое воображенье,
 Здѣсь изъ могилъ минувшихъ дней
 Не вызоветъ былыхъ тѣней,

CV.

Пока я изъ досокъ разбитыхъ
 Себѣ не сдѣлаю ладью
 И ввѣрю ей, судьбу свою,
 Чтобъ спорить съ массой водъ ~~сердитыхъ~~..
 Реветь, набѣжавъ на берега,
 Ихъ несдержимое теченье,
 Гдѣ оставляетъ разрушенье
 Всего, чѣмъ жизнь мнѣ дорога.
 Но если даже я исправлю
 Ладьи обломки, то куда
 Я полечу на ней тогда?
 Куда же смѣло бѣгъ направлю?...
 Отчизну, счастье на пути
 Лишь только здѣсь я могъ найти.

CVI.

Такъ войте-жъ вѣтры! Ихъ стenanье.
 Я вѣчно слушать здѣсь готовъ,
 Здѣсь ихъ ночное завыванье
 Смирится только врикомъ совъ;
 Вотъ какъ теперь при блѣдномъ свѣтѣ
 Съ вершины омраченныхъ горъ
 Ночной ихъ слышу разговоръ,
 Чу! мрачно стонуть втѣщи эти,
 Раскрывъ блестящiе глаза

И мрачно крыльямъ махая...
 О, пусть здѣсь высохнетъ слеза!..
 На этомъ мѣстѣ скорбь людская
 Совѣмъ не кстати, а мѣдъ —
 О ней молчу я утая.

СVII.

Мохъ и трава кругомъ обвали...
 Теперь развалины стоятъ,
 Гдѣ прежде были арки, залы
 И рядъ высокихъ колоннадъ,
 И своды старыя суровы,
 Со стѣнъ всѣ фрески сбиты прочь
 И населяютъ только совы
 Пещеры темныя, какъ ночь.
 Чтожъ это: бани? храмъ? палаты?
 Кто намъ на это дастъ отвѣтъ?
 Мы знаемъ только: то былъ слѣдъ
 Стѣны, разрушенной когда-то...
 То императорства гора!
 Давно црошца ея цора.

СVIII.

Какой урокъ для человѣка!
 Онъ повторяется всегда:
 Сперва свобода—сила вѣкъ,
 Тамъ—славы много года,
 Развратъ, порокъ, а послѣ что же?
 Что остается наконецъ?
 Лишь только варварства вѣнецъ.
 Во всѣхъ исторіяхъ о, боже!
 Одну страницу лишь найдемъ,

.

Но бросимъ славу и назадъ
 На эту гору, кинемъ взглядъ,

СIX.

Любуйтесь, плачьте, смѣйтесь, злитесь
 И негодуйте люди тутъ,

Своимъ ничтожествомъ казнятесь!
 Подъ этой кучей сложенъ трудъ
 Столѣтій; троны поднимала
 Здѣсь пирамидою гора

.....

 Что солнца—лучъ среди небесъ
 Отъ нихъ еще свѣтлѣй казался..
 И гдѣ-жъ слѣды отъ тѣхъ чудесъ,
 Которымъ мѣръ весь удивленія?
 Гдѣ золоченныхъ троновъ рядъ?
 Гдѣ ихъ властители лежать?

СХ.

О, Туллій! Твой языкъ едва-ли
 Краснорѣчивъ, какъ та скала...
 Гдѣ Цезарь съ лаврами чела?
 Желалъ бы я, чтобъ увѣчали
 Меня съ могилы славной мхомъ...
 И чья колонна эта? Тита?
 Трояна? Все здѣсь мертвымъ сномъ
 И строгой вѣчностью сокрыто.
 Колонны, арки сбиты въ прахъ.
 Гдѣ императоры почилн
 Теперь стоять на тѣхъ мѣстахъ
 Иныя статуи; въ могилѣ
 Подъ небомъ вѣчно голубымъ
 Имперскій прахъ сталъ недвижнмъ.

СХІ.

Въ гробницахъ тѣхъ почило тѣло
 Того, чей духъ при жизни могъ
 Величіемъ гордиться смѣло.
 То былъ послѣдній полу-богъ,
 Властитель міра, слава Рима.
 Его потомки не могли
 Стоять, какъ онъ, неповадно
 За блескъ родной своей земли.
 Самъ Александръ предъ нимъ блѣднѣеть.
 Онъ кровью рукъ не обагрилъ
 И добродѣтелью дивилъ.

До нынѣ мiръ благоговѣтъ
 Предъ памятью твоей, Траянъ!
 Ты будешь гордостью всѣхъ странъ...

СХІІ.

Гдѣ та гора, гдѣ Римъ въ гордынѣ
 Своихъ героевъ обнималъ?
 Скала Тарпейская гдѣ нынѣ?
 Гдѣ мысль, съ котораго упалъ
 Измѣнникъ, сброшенный для казни?
 И гдѣ грабители земли
 Беречь безъ страха и боязни
 Свои сокровища могли?
 Да, тамъ внизу теперь истгвля
 Развратъ, крамолы многихъ лѣтъ.
 Вотъ Форумъ—славы прошлой слѣдъ,
 Гдѣ рѣчи нѣкогда гремѣли,
 Гдѣ словно живъ до нынѣ онъ,
 Краснорѣчивый Цицеронъ.

СХІІІ.

О, поле славы и свободы,
 Крвопролитій и крамолъ!..
 Здѣсь пстощалась мощь народа
 Съ дней возрожденья въ морѣ золь.
 Давно свобода тамъ закрыла
 Свое лице и уступила
 Анархiи былую власть,
 Я только царствовала страсть,
 Пока погой своей желѣзной
 Не потопталъ одинъ солдатъ
 Предъ нимъ трепещущій сенатъ —
 Рабовъ, поставленныхъ надъ бездной,
 И сталъ, чтобъ людямъ угрожать,
 Холоповъ тмусныхъ поддупать.

СХІV.

А ты, Италiя подлора,
 Петрарки другъ, герой Римлячъ,
 Ты, искупитель ихъ позора —

Риензи! Пусть на твой кургамъ
 Кладутъ печальные народы
 Листы, которые расгутъ
 На тощемъ деревѣ свободы —
 И ими гробъ твой обовьютъ.
 Чело твое вѣнчала дума.
 Подвижникъ Форума, — ты былъ
 Начальникъ гордый римскихъ силъ,
 И бросилъ мѣръ, какъ новый Нума,
 Гдѣ, къ сожалѣнью, только могъ
 Ты властвовать лишь враткѣй сродъ.

СХУ.

Эгерія! Созданье грезы,
 Прелестный, дивный уголокъ
 Гдѣ забывать земныя слезы
 Сынь праха въ упоенныя могъ.
 Кто ты? воздушная Аврора,
 Иль нимфа въ блескъ красоты,
 Иль та земная дѣва ты,
 Которая пльняеть скоро
 Боговъ, сошедшихъ въ мѣръ съ небесъ?..
 Но гдѣ бы ты не возродилась,
 Выла ты перломъ всехъ чудесъ;
 Въ тебѣ такъ яро воплотилась
 Неуловимая мечта
 И чистой грезы кра ота.

СХVI.

Топилась твой въ бризгахъ водоема
 Зеленой мехъ водою вретись,
 Въ твоимъ ручьѣ, поди тѣнью густа,
 Духъ эвнихъ лавать изъ струй талины.
 Искусство живъ не везала,
 Зеленихъ, дивныхъ береговъ,
 Тенень воды не задавно
 Звалъ иго мраморныхъ оковъ.
 Съ подножья статуи разбитой
 Ока бѣгутъ едва журча
 На мшихъ яркаго ключа.

Здѣсь - плющъ вокругъ дерева обвитый,
Тамъ—ароматные цвѣты
И изумрудные листы.

СХVII.

Холмы мелькаютъ въ отдаленьѣ,
Съ земли несется аромать...
И пестрыхъ ящеричъ движенье
И пѣнье птицъ... Цвѣты манять,
Зовутъ къ себѣ улыбкой ласкн.
Разнообразно-хороши
Ихъ фантастическія краски
Въ благоухающей тиши.
Здѣсь темно-синими глазами
Фиалки нѣжныя глядятъ,
И ихъ невинный, кроткій взглядъ
Лазурью спорить съ небесами,
Какъ будто вѣтъ ихъ съ высоты
Вдругъ перешелъ на тѣ цвѣты.

СХVIII.

Ты здѣсь когда-то обитала
Эгерія! Здѣсь часто ты
Ждала любовника, дрожала...
И ночь подъ ризъ и теплоты
Скрывала тайное свиданье.
Какъ дорогъ былъ его приходъ...
Конечно, этотъ темный гротъ,
Хранившій тайну обожающа,
Сооруженъ парочно вновь
Для этой любящей богини,
Приживней смертнаго любовь...
Любовь витала въ той рунѣ;
Весь міръ любви таюй лавиль
Считать оравуломъ привиль.

СХIX.

Отвѣтивъ на любовь земную,
Ты страсть таюю подила,
Съ земнымъ восторгомъ ты...

Восторгъ божественный, — пную
 Жизнь пробудивши на землѣ.
 Съ своимъ безсмертьемъ на челѣ,
 Скажи: земныя наслажденья,
 Земныя страсти и томленья
 Могла-ли обезсмертить ты?
 Могла-ль избавить отъ страданья,
 Отъ той сердечной пустоты,
 Гдѣ пресыщенныя желанья
 Въ гробницу сердце превратить,
 Въ которой чувства наши спятъ?

СХХ.

Мы чувства на вѣтеръ бросаемъ,
 Безцѣльно тратимъ съ раннихъ лѣтъ,
 Въ своей душѣ мы насаждаемъ
 Цвѣтъ снотолубья, мертвый цвѣтъ, —
 Растенья, милыя для взгляда,
 Но смерть которыхъ таятъ...
 Дыханье ихъ — зловредный ладъ
 И смрадъ могилъ — ихъ ароматъ.
 Вотъ садъ, которымъ мы проходимъ
 Путемъ страстей земныхъ всегда;
 Вездѣ запретнаго плода
 Мы ищемъ, ищемъ и находимъ,
 Но этотъ запрещенный плодъ
 Намъ истощенье лишь даетъ.

СХХІ.

Любовь! ты гостя въ мірѣ этомъ
 Къ тебѣ, незримый серафимъ,
 Мы порываемся съ привѣтомъ
 И съ свѣтлымъ помысломъ своимъ.
 Въ сердцахъ разбитыхъ скрыта вѣра,
 Но все жъ не можемъ мы взглянуть,
 Гдѣ ты живешь, гдѣ эта сфера
 Любви, свершяющей свой путь.
 Кто эти формы созерцаетъ?
 Ты нашей мыслью создана.
 Какъ мысль, фантазій вѣрла

Пространство неба заселяеть,
 Такъ и въ любви она творить
 И наши страсти шевелить.

СХХII.

Влюбленная въ свое созданье,
 Въ насъ мысль становится больна,
 И въ лихорадкѣ обожанья
 Бываетъ вымыслу вѣрна.
 Кто далъ скульптору идеалы?
 Они сокрыты въ немъ самомъ.
 А наши грезы, что бывало,
 Насъ увлекали дивнымъ сномъ,
 Какимъ-то раемъ неизвѣстнымъ,
 И мы рвались подъ чарой грезъ
 Въ попыткахъ дѣтскихъ, въ мукахъ слезъ
 Къ какимъ-то образамъ прелестнымъ,
 И ни художникъ, ни поэтъ
 Не уловилъ еще ихъ слѣдъ...

СХХIII.

Любовь—безумство. Но ужаснѣй
 Еще лекарство отъ любви.
 Оно любви самой опаснѣй;
 Исчезнетъ первый жаръ въ крови
 И убѣгутъ очарованья,
 И наши идолы падуть,
 Исчезнутъ пылкихъ грезъ созданья,
 Мечта уйдетъ, но даже тутъ
 Не сбросимъ мы любви оковы,
 Посвявъ вѣтры, мы найдемъ
 Лишь бури страшныя кругомъ,
 Мы будемъ думать, что готовы
 Найти сокровища въ тотъ часъ,
 Когда ужъ бездна близко насъ.

СХХIV.

Отъ юныхъ лѣтъ мы вянемъ хило,
 Бредемъ безъ цѣли цѣлый вѣкъ,
 Но до конца, но до могилы

Все ищетъ слабый человѣкъ
 Какой-то призракъ, но проклятье
 На немъ съ пелень еще лежитъ.
 О, слава и любви объятъ!
 То и другое насъ мутить,
 То и другое минеть скоро.
 Ихъ безотрадна красота;
 Они исчезнуть, какъ мечта,
 Какъ блескъ случайный метеора;
 Ихъ тушитъ другъ столбомъ «воинъ»
 Зловѣщей смерти черный дымъ.

СХХV.

Почти никто любить не смѣетъ
 Ту, для которой онъ рожденъ,
 Хоть случай часто и умѣетъ
 На насъ навѣять ложный сонъ
 И заглушить воспоминанья;
 Но скоро въ насъ воскреснуть вновь
 Ошибки старья, страданья
 И не умершая любовь.
 Случайность—этотъ злобный геній
 Приходитъ съ горемъ и тоской
 И намъ грозитъ своею ключою,
 И отъ ея прикосновеній
 Надежды наши въ прахъ падутъ,
 И никогда не развѣтутъ.

СХХVI.

Жизнь наша—вѣчный грѣхъ природы,
 Насланіе небесныхъ каръ,
 Клеймо судьбы, позоръ свободы;
 Жизнь наша—тоже что *Анчаръ*
 Съ его смертельною отравой
 И ядовитою росой.
 Жизнь—служить хищною забавой
 Для мукъ, недуговъ; смерть съ косою
 За ней слѣдитъ. Жизнь—есть страданья,
 Хоть ихъ, порою, не видать, —
 Они съумѣютъ потерзать
 Изгрысть всю грудь безъ состраданья;

А въ сердцѣ боль царить одна
Неукротима и сильна.

СХХVII.

Все жь будемъ размышлять мы смѣло.
Безчестно отступать отъ правъ:
Мысль—наше право, наше дѣло
И я храню ее уставъ.
Хоть съ дня рожденья мысль въ насъ гнали,
Водили къ пыткамъ и на казнь,
Терзали, жгли и оскорбляли,
Хотя завистливо боязнь
Ее во мракъ содержала,
Чтобъ съ свѣтомъ не жилъ человекъ,
Но все-жь порою видѣлъ вѣкъ,
Что мысль лучемъ своимъ сіяла;
И мы узнали наконецъ,
Что прозрѣваетъ и слѣпецъ.

СХХVIII.

Надъ альпами восходятъ арки!
Какъ будто бы рѣшился Римъ
Въ нихъ завѣщать вѣкамъ подарки
Великимъ зданіемъ своимъ.
То — Коллизей. Луна сіяетъ
Подобно ожжедамъ въ ночи,
Какъ будто Римъ лишь позволяетъ
Одной лунѣ бросать лучи
На этотъ памятникъ богатый
Отъ улетѣвшей старины,
И озаряетъ блескъ луны
Весь городъ, сумракомъ облитый,
И хоть лазуревая тьма
Стоитъ недвижна и нѣма,

СХХIX.

Но въ ней какъ будто-бы послысь
Слова, — манили въ небеса
И Риму вѣчному дивились....
Здѣсь спать въ громадахъ чудеса!

Здѣсь время все не истребило,
 Какой-то духъ живъ въ тѣхъ мѣстахъ
 Съ косою, изломанной въ рукахъ...
 И не понятная есть сила
 Въ обломкахъ стѣнъ, сѣдыхъ колоннъ;
 Они — безсмертныя сказанья
 Иныхъ столѣтій и времёнъ.
 И передъ ними блѣдны зданья—
 Постройки пылѣвшихъ годовъ—
 Среди новѣйшихъ городовъ.

СXXX.

О, время! Смерть ты укрощаешь,
 Ты смыслъ развалинамъ даешь,
 Ты наше сердце психуешь,
 Ты нашъ разумокъ бережешь,
 И отгоняешь заблужденья!..
 О время! пробный камень ты
 Любви и истины. Движенья
 Твои суровы, какъ мечты
 Философа. Ты — мститель свѣта.
 Къ тебѣ я сердце приношу
 И у тебя теперь прошу
 Я, вмѣсто всякаго привѣта,
 Одной награды роковой,
 Прошу съ поникшей головой.

СXXXI.

Между обломковъ разрушеній,
 Соорудившихъ твой алтарь,
 Межъ самыхъ лучшихъ приношеній,
 Что для тебя хранила старь,
 Я приношу тебѣ руины
 Своихъ разрушенныхъ годовъ,
 Хоть не знакомы намъ сѣдины...
 О, если въ гордости готовъ
 Сносить я ненависть спокойно,
 И мнѣ нестрашенъ злобы гнетъ,
 Желая я, чтобъ вѣчный ледъ
 Я могли осить въ груди достойно

Чтобъ этотъ ледъ, во всѣ года,
Въ груди не таялъ никогда.

СХХХІІ.

А ты, бичъ гнусности, порока,
Ты, Немезида! Предъ тобой
Склонялся часто міръ съ мольбой.
Ты, призывавшая жестоко
Всѣхъ фурій адскихъ злобно выть
И съ визгомъ прыгать вокругъ Ореста,
Чтобы Оресту отплатить
За мщенье звѣрское, — здѣсь съ мѣста
Гдѣ ты царишь, я въ этотъ часъ
Тебя изъ праха вызываю!..
То просьба сердца прорвалась.
Возстань! Должна ты, умоляю,
Во что-бъ ни стало изъ гробовъ
Прийти на мой послѣдній зовъ.

СХХХІІІ.

Быть можетъ, я-бъ привыкнулъ къ ранѣ,
Когда-бы могъ узнать заранѣ,
Что справедливъ былъ тотъ ударъ
Меня сразившій; этотъ даръ
Я вынесъ-бы безъ сожалѣнья,
Но нынче черной раны кровь
Земля не б;детъ пить ужъ вновь
И я зову тебя для мщенья,
Зову одну теби къ мечу,
Затѣмъ, что самъ я не хочу
Прибѣгнуть къ мести и угрозѣ.
И такъ, я сплю предавшись грезѣ,
И за меня теперь должна
Ты встать, на мигъ не зная сна.

СХХХІV.

Я не боюсь своихъ страданій.
Кто видѣлъ на моемъ челѣ
Слѣды тревогъ и содраганій?
Но я желаю на землѣ

Остаться жить въ страницѣ этой.
 Не даромъ брошу я слова,
 Хоть въ прахъ согнусь, въ гробу отпѣтый,
 Временъ грядущая молва
 Мой гнѣвъ предъ всѣми оправдастъ,
 Теперь мой гордый, смѣлый гнѣвъ
 Стиховъ пророческій напѣвъ
 Въ груди усталой пробуждастъ.
 Мое проклятіе въ народъ
 На многихъ смертныхъ упадетъ.

СXXXV.

Земли и небо! мнѣ внимайте:
 Я долженъ былъ идти на бой,
 Страдая, съ грозною судьбой.
 Мои вѣс муки сосчитайте.
 Не изушили-ли я свой умъ?
 Не сокрушили-ли сердца въ пенель?
 Какой отравы въ жизни не пилъ
 Среди тяжелыхъ, черныхъ думъ!
 И если я, не зная страха,
 Себѣ въ борьбѣ не измѣнилъ,
 То потому, что созданъ былъ
 Не изъ того простаго праха
 Людей ничтожныхъ предо мной,
 Съ ихъ мелкой завистью земной.

СXXXVI.

И развѣ мало преступленій
 О, родъ людской, падѣлалъ ты
 Отъ самыхъ сильныхъ огорченій
 До ядовитой клеветы?
 Та клевета отравой гада
 Все отравляетъ порою рада;
 Она, какъ Янусъ два лица
 Имѣть: взглядами льстеца,
 Мишурной истиной обманеть,
 И люди вѣрить сгоряча
 Пожатыю льстивому плеча,
 И клевета порочигь станеть

Съ лукавой лестью до конца
Инаго добраго глупца.

СХХХVII.

Но я на свѣтѣ жиль не даромъ;
Быть можетъ, умъ мой ослабѣлъ
И кровь бѣжить не съ прежнимъ жаромъ,
Но я за то въ борьбѣ сумѣлъ
Смирить и время и мученья,
Я даже послѣ погребенья,
Останусь жить съ своей тоской,
И долго надъ душой людскою
Незримо буду я носиться,
И каменистую ихъ грудь
Я разбужу когда нибудь;
И въ ней тогда зашевелится
И угрызенье и тоска,
Имъ неизвѣстная пока.

СХХХVIII.

И такъ, привѣтъ тебѣ, богиня!
Ты возбуждаешь въ насъ не страхъ,
Но увѣренъ. Въ тѣхъ мѣстахъ,
Гдѣ снить въ развалинахъ пустыня,
Являлась ты цорой ночной,
Какъ ризой, скрыта темнотою
Въ мѣстахъ, гдѣ влещь по камнямъ вьется,
Гдѣ все прихоть твоя оживлять,
Гдѣ чрезъ тебя скорый поймется
Весь смель руинъ и дивихъ скалъ.
И все, что прахъ вѣбовъ скрываетъ
Для насъ мгновенно оживаетъ,
Тогда готовы слиться мы
Съ картиной, вышедшей изъ тьмы.

СХХХIX.

Да, раздавался вѣдъ когда-то
Восторгъ народа, шепотъ, крикъ,
Здѣсь братъ съ убійствомъ шелъ на брата
И смертью скованъ былъ языкъ.
Законы Цирка заставляли

Ихъ умирать и забавляли
 Ихъ трупы кесарей тогда.
 Мы всё умремъ, что-жь за бѣда —
 Погибнуть въ циркѣ или въ сраженьѣ?
 Насъ здѣсь и тамъ найдетъ червякъ,
 Глаза закроетъ вѣчный мракъ,
 И всё мы ляжемъ безъ движенья,
 И здѣсь и тамъ ужь съ давнихъ поръ
 Смерть — торжествующій актеръ.

СXL.

Я вижу: на руку склоняясь,
 Паль градіаторь... жалкій видъ.
 Чело блѣднѣетъ, опускаясь, —
 Изъ смертной раны кровь бѣжитъ,
 По каплямъ на песокъ струится.
 Арена передъ нимъ кружится,
 Въ глазахъ туманъ и смерти мракъ,
 Онъ жизнь оканчиваетъ такъ
 Подъ крикъ толпы безчеловѣчной,
 Которая кругомъ реветъ
 И побѣдителю несетъ
 Порывъ восторга безконечный,
 И слышитъ онъ, какъ этотъ крикъ
 Неумолимъ и звѣрски дикъ.

СXLІ.

Онъ умираетъ безъ сожалѣнья,
 Но живы въ немъ бывше сны,
 Его несетъ воображенье
 На берега родной Двины.
 Тамъ ждутъ его жена и дѣти
 Въ убогой хижинѣ теперь,
 А онъ, опора ихъ на свѣтъ,
 Погибнуть долженъ, словно звѣрь,
 Забавою позорной Рима.
 Когда онъ кровью истекалъ,
 Онъ будто вновь ихъ увидалъ,
 Ихъ образы скользнули мимо...
 О, мщенье! что же медлить тутъ!
 Когда же Готты мстить придутъ?

СХLII.

II здѣсь, гдѣ прежде паръ кровавый
 Дымился съ черныхъ, смертныхъ ранъ,
 Здѣсь, гдѣ злодѣйствами и славой
 Полна исторія Римлянъ,
 Гдѣ приговоры раздавались,
 Теперь царить здѣсь тишина,
 Ступени дряхлыя распались
 И на стѣнѣ лежитъ стѣна.
 Арену звѣзды освѣщаютъ.
 Вездѣ молчанье, пыль и мракъ,
 Лишь эхо мой чуть слышный шагъ
 По галлереймъ повторяетъ
 И межъ разрушенныхъ колоннъ
 Проносится и гулъ и звонъ.

СХLIII.

Развалины! Изъ нихъ слагались
 Дворцы, чуть-чуть не города,
 Онѣ-жъ все прежними остались,
 Какъ будто тѣ-же, что тогда,
 Какъ будто ихъ не разрушали...
 Но если ближе подойдемъ,
 Ихъ разрушеніе поймемъ, —
 Слѣды погрома и печали...
 Здѣсь освѣщаетъ солнца свѣтъ
 Все то, что время не щадило,
 Чему теперь возврата нѣтъ,
 Что варварство давно сгубило,
 Что ужъ давно въ могилахъ сить, —
 Здѣсь солнца лучъ все озаритъ.

СХLIV.

Когда-жъ луна надъ этимъ сводомъ
 Глубокой полночью всплыветъ,
 Залещутъ звѣзды хороводомъ
 И вътерокъ ночной пахнетъ,
 И плоть зеленый закачаетъ,
 Віющійся вокругъ стѣны,
 Когда блескъ ночи озаряетъ

Картину эту съ вышины,
Тогда герои покидаютъ
Свои гробницы и встаютъ.
И нынче люди тамъ плутъ,
Гдѣ ихъ останки отдыхаютъ;
Вѣдь попрали и они
Тотъ самый прахъ въ былые дни.

СXLV.

„Цѣль Коллизей — и слава въ Римѣ,
„Онъ палъ — надеть съ нимъ вмѣстѣ Римъ,
„А Римъ — въ руинахъ, — вмѣстѣ съ нимъ
„Погибнетъ свѣтъ.“ Такъ пилигримъ
Когда-то дѣлалъ предсказанья,
Но Римъ еще теперь стоитъ,
И не распался Рима зданья
И Коллизей тотъ же видъ
И мѣръ — огромная пещера,
Всегда дающая приютъ,
Для всѣхъ, которые войдутъ:
Для вора и для лицемера
Не стерся въ пыль до этихъ поръ
И живъ, готовый на раздоръ.

СXLVI.

О храмъ великій, незамѣнный,
Храмъ всѣхъ боговъ и всѣхъ святыхъ,
Ты всталъ съ главѣй своей священной,
Цезарѣвнѣ власть вѣковъ сѣдихъ.
Вкругъ государства неслезли,
Колонны стѣны, гододе,
Вдругъ люди въ мукахъ умирали. —
Данъ молодымъ ты былъ всегда.
Кому здѣсь время возмало,
Тираны бить слонали свой —
Въ припадкѣ злости надъ тобой —
Твое величье устояло.
О Пантеона славный храмъ,
Углы на вѣчно стать ты тамъ!

CXLVII.

О, памятникъ минувшей славы,
 Ограбленный со всѣхъ сторонъ,
 Но все стоящій величаво,
 Благоговѣнне будить онъ.
 Здѣсь изъ развалинъ одинокихъ
 Глядитъ величье на народъ
 И много думъ святыхъ, глубокихъ
 На богомольцевъ наведетъ
 Алтарь; сюда для поклоненій,
 Гдѣ слава предвкусаетъ сонъ,
 Сойдутся люди на поклонъ,
 Которымъ дорога римскій геній:
 Здѣсь бюсты Римлянъ вдругъ стоятъ,
 И на прохожаго глядятъ.

CXLVIII.

Иду. Передо мной темница.
 Что вижу... всюду темнота.
 Но чьи двѣ тѣни тамъ? чьи лица?
 Ужель они — одна мечта.
 Но нѣтъ, я вижу, — точно это —
 Съ прекрасной женщиной старикъ,
 Въ сей кровъ, какъ нектаръ, свѣтъль ливъ.
 Зачѣмъ же здѣсь, гдази отъ свѣта
 Стоитъ прекрасная жена?
 Зачѣмъ же грудь обнажена,
 Зачѣмъ открыта эта шея.
 Бѣла, какъ нѣжная лилея?
 Я вижу ясно въ темнотѣ
 Передъ собой фигуры тѣ.

CXLIX.

Грудь поднимается высоко,
 Та грудь, которую сосеть
 Дитя, заснувшее глубоко,
 Той грудью мать ему даетъ
 Сладчайшей пищею жизнь и силу.
 Капризы дѣтскіе ей милы.
 Ей такъ пріятно и легко
 Давать ребенку молоко.

Она у дѣтской колыбели
 Находить радость и покой
 (О, вѣрно, радости такой
 Понять мужчины не умѣли!)
 Мать ждетъ отъ сына славныхъ дѣлъ,
 Но... вѣдь и Каинъ мать имѣлъ.

СЛ.

А здѣсь отца теперь питаетъ
 Она цѣлебнымъ молокомъ,
 Она часть крови возвращаетъ
 Ему назадъ. Надъ старикомъ
 Дотогѣ смерть не пронесется,
 Пока въ той груди, въ жилахъ льется
 Младая, огненная кровь,
 Пока сильна къ отцу любовь.
 О, пей старикъ изъ этой груди!
 Спасенный силою любви,
 Пей молоко и вновь живи!...
 Вѣдь даже въ лучшемъ мѣрѣ люди,
 Куда ихъ души упорхнутъ,
 Питья такого не найдутъ.

СЛІ.

Той нѣжности не сохранила
 И басня о пути млечномъ,
 Какъ тотъ разсказъ, гдѣ дочь кормила
 Отца сѣдаго молокомъ.
 Его созвѣдіе -- свѣтлѣе,
 Чѣмъ тѣ блестящіе міры,
 Что свѣтять въ темномъ небѣ млѣя,
 Среди таинственной игры.
 О, ты кормилица святая!
 Потокъ твой чистый съищеть путь
 Къ отцу разслабленному въ грудь,
 И эта влага пролитая
 Дастъ жизнь тому, кто умиралъ,
 Кто жизнь тебѣ же даровалъ.

СЛІІ.

Вотъ холмъ забытый Адріана,
 И этотъ островъ великана

По прихоти имѣеть видъ
 Египта древнихъ пирамидъ.
 Плодъ дерзкихъ замысловъ фантазій,
 Стоитъ громадный образецъ
 Инаго вѣка безобразій,
 Величья ложнаго вѣнецъ;
 Онъ возведенъ былъ Адрианомъ
 И возбуждаетъ смѣхъ одинъ
 Въ тебѣ, прохожій пилигримъ.
 Покрытъ забвеньемъ, какъ туманомъ,
 Гигантскій холмъ сооруженъ
 Надъ тѣмъ, кто въ пепелъ обращенъ.

СLIII.

Смотрите! передъ нами зданье!
 Предъ нимъ Діаны чудный храмъ
 Избушкой кажется. Созданье
 И чудо Ееса главамъ
 Моимъ когда-то представлялось.
 Въ степи стѣна его распалась,
 Гдѣ лишь съ гнѣною шаваль
 Его обломки носѣщала;
 Мечеть Софійскую когда-то
 Я видѣлъ тоже, осмотрѣть
 Успѣлъ я древнюю мечеть...
 Она священна и богата,
 Ислама вѣрные сыны
 Молились въ ней средъ тишины.

СLIV.

Но ты, межъ храмовъ вставши строго,
 Стоишь одинъ. Лишь только ты
 Достоинъ стать быть храмомъ бога
 Съ тѣхъ поръ, какъ пали высоты
 И стѣны древняго Сіона.
 Нѣтъ, никогда во время оно
 Для славы бога и небесъ
 Такихъ не строили чудесъ.
 Здѣсь все: величье, слава, сила
 И неземная красота,
 Въ себѣ одной постройка та

Смысль вѣры истинной вѣстнаа.
 Съ благоговѣніемъ народъ
 Предъ этой храминой идетъ.

CLV.

Войдемъ. Громада насъ не давить,
 Хоть та громада велика,
 Но здѣсь душа растетъ, мужаетъ,
 Въ своемъ полетѣ высока.
 Здѣсь освящаются надежды.
 Настанетъ день: раскрывши вѣжды,
 Узнаешь ты безсмертья свѣтъ
 И гласа божьяго привѣтъ.
 Тебѣ откроется дорога
 Къ инымъ, небеснымъ высотамъ,
 И въ вѣчно новомъ блескѣ тамъ
 Лицомъ къ лицу увидишь бога,
 И взоръ божественный и видъ
 Твоей души не утратить.

CLVI.

Идемъ — а зданье вырастаетъ.
 Такъ, посреди Альпійскихъ горъ,
 Чѣмъ дальше путникъ вверхъ вползаетъ,
 Тѣмъ необъятнѣй ихъ просторъ.
 Идемъ, а зданье вырастаетъ,
 Но, не теряя красоты,
 Оно величіемъ пугаетъ:
 Колонны мрамора чисты,
 Блестятъ лампы золотыя
 И куполъ сверху смотритъ внизъ
 И словно въ воздухѣ повисъ,
 А съ образовъ глядятъ святыя
 И въ этомъ храмѣ по стѣнамъ
 Ихъ лики видны здѣсь и тамъ.

CLVII.

Здѣсь взоръ теряется въ просторѣ,
 Здѣсь по частямъ все видитъ глазъ.
 Такъ береговъ зеленыхъ моря
 Не осмотрѣть въ единый разъ.

Тамъ нужно все смотрѣть отдѣльно,
 Чтобъ оцѣнить, какъ все кругомъ
 Тамъ гармонично, строго, цѣльно,
 И вѣсть высшнмъ божествомъ.
 Тамъ разомъ взоръ не въ состояннхъ
 Постичь великой красоты,
 Лишь понемногу только ты
 Доводишь умъ до обожанья
 И, ощутивъ невольный страхъ,
 Предъ красотой падеши во прахъ.

CLVIII.

Мы можемъ только постепенно
 Все нашимъ чувствомъ обнимать,
 Все, что не такъ обыкновенно.
 Словами вдругъ не передать
 Величя такого зданья.
 Своей ничтожности сознанье
 Сначала тамъ смущаетъ насъ,
 Когда же привыкастъ глазъ
 Къ картинѣ стройной и спокойной,
 Тогда и наша мысль растетъ
 До пониманя красотъ,
 И чувствуетъ себя достойной
 Начать неслышннй разговоръ
 Со всѣмъ, что вдругъ увидѣлъ взоръ.

CLIX.

Смотри и стой здѣсь безъ движенья.
 Въ томъ созерцанн дано
 Намъ не одно благоговѣнсе
 И не чудесное одно,
 Пить, не одно разбудить чувство
 Остатокъ древняго искусства,
 Но здѣсь сокрытъ великнй слѣдъ
 Великихъ думъ прошедшихъ лѣтъ,
 Здѣсь научиться можешь разомъ
 Тому, какъ былъ великъ тотъ вѣкъ,
 Когда жилъ древннй человекъ,
 Какъ былъ возвышенъ древннй разумъ
 И геннй тѣхъ былыхъ вѣковъ,
 Поднявшнй храмъ до облаковъ.

CLX.

Иль взглянемъ имъ на образъ бога.
 Поэзии и жизни богъ!
 Онъ держитъ лукъ, склонясь шемово.
 Лишь просвѣтленный свѣтъ и строгъ.
 Его побѣда оживляла...
 Сейчасъ стрѣла его упала.
 Местъ бога свѣтитъ въ очагъ,
 Въ его раздувшеемъ ноздряхъ
 Замѣтно гордое презрѣше.
 Онъ дышетъ силой, красотой
 И вѣчнымъ блескомъ залвтой,
 Такое принялъ онъ движенье,
 Что видъ его сказать бы могъ:
 Смотрите люди — это богъ!..

CLXI.

Во всей его прекрасной позѣ
 Сонъ вѣчной страсти отраженъ,
 Какъ будто въ лучезарной грезѣ
 Онъ грустной нимфою пѣвнень.
 Въ его фигурѣ отразилась
 Та красота, что возродилась
 Въ неясныхъ обличкахъ мечты;
 Безсмертья высшаго цвѣты
 Своими залили лучами
 И блескомъ чуднаго вѣнца
 Черты прекраснаго лица.
 И передъ нашими очами,
 Какъ воплощенная мечта,
 Открылась бога красота.

CLXII.

Пусть Прометей унесъ украдкою
 Съ небесъ огонь, — свою мечту
 Вложилъ художникъ въ мраморъ гладкій
 И въ камень вдунулъ красоту.
 И если это изваянье
 Дала намъ смертная рука,
 То какъ безсмертное созданье

Переживетъ оно вѣка.
Его и время пощадило,
Оно не рухнетъ отъ гнѣвъ;
Богъ вѣчнымъ пламенемъ согрѣтъ,
Въ немъ та божественная сила,
Которую зажегъ рѣзецъ
И ты, невѣдомый творецъ.

CLXIII.

Но гдѣ жъ герой мой? Не пора-ли
Его въ разсказъ ввести опять?
Нѣтъ; ужъ ему темеръ не встать.
Героя нѣтъ. Его печали
Теперь окончились для насъ.
Онъ самъ—ничто. О немъ разсказъ
Мы не начнемъ какъ прежде снова.
Напрасно образа живаго
Искать хотѣли бы мы въ мѣстѣ.
Исчезнулъ онъ, какъ словидица,
И унесло своимъ крыломъ
Его изъ міра разрушенъе,
И разрушенъемъ этимъ онъ
Въ пучину бездны погруженъ,

CLXIV.

Гдѣ погибаетъ безвозвратно
Все то, что въ свѣтъ намъ дано,
Чѣмъ доля жизни намъ пріятна.
Той страшной безднѣ суждено
Смущать насъ тьмой и облаками.
Они становятся межъ вамп
И свѣтлымъ прошлымъ каждый разъ,
И такъ идетъ за часомъ часъ
И слава въ этой тьмѣ блѣднѣетъ,
Терлетъ свой блестящій видъ
И, точно сумерки, глядитъ,
Темнѣ ночи тяготѣетъ
И безлокая каждый взоръ,
Родитъ сомнѣнъе и укоръ.

CLXV.

И всѣхъ насъ въ пронасть посылаетъ
Пытать судьбу и узнавать,

Что насъ за гробомъ ожидаетъ,
 И о величїи мечтать
 И съ суетой своей теряться...
 Вотъ въ чемъ должны мы убѣждаться!..
 Былой намъ жизни не вернуть:
 Однажды только носить грудь
 Всѣ муки сердца и страданья,
 И не забьется больше вновь
 Людское сердце; смерзнетъ кровь,
 Уснутъ бесплодныя желанья;
 Мы жить не будемъ никогда,
 Какъ жили въ прежніе года.

CLXVI.

Но, чу! Изъ бездны крикъ раздался,
 Протяжный и ужасный звукъ,
 Какъ будто кровью обливался
 Нараодъ истерзанный отъ мукъ;
 Средь тьмы и бури разверзалась
 Земля и грозно поднималась
 За тѣнью тѣнь; логъ призракъ всталъ—
 То—королева. Не блистала
 На ней вѣнецъ; она стояла
 Съ печалью матери въ глазахъ,
 Блѣдна, прекрасна и съ слезохъ
 Ребенка къ сердцу прижимала.
 Увы! напрасно стала мать
 Къ груди ребенка прижимать!...

CLXVII.

Надежда націй, неужели
 Тебя ужъ нѣтъ, ты умерла?
 Зачѣмъ же смерть тебя взяла,
 Какъ будто нѣтъ иной ей цѣли?
 Однажды въ полночь, послѣ мукъ,
 Ребенка не спускала съ рукъ,
 Ты съ сердцемъ, обограннымъ кровью,
 Склонилась тихо къ изголовью
 И въ этой жизни умерла,
 Съ собой всѣ скорби унесла.
 Когда же ты закрыла вѣжды—

Съ тобой исчезли всѣ надежды,
Которымъ вѣрить былъ готовъ
Народъ имперскихъ острововъ.

CLXVIII.

Крестьянки, ставши матерями,
Здоровый принимаютъ видъ.
А ты, которая блеститъ
Звздой межъ всеми королями,
Ты въ полномъ блескѣ умерла,
Хоть обожаема была,
Была любимицей народа...
Тебя оплакала свобода.
А ты, убитый горемъ мужъ,
Несчастный принцъ—одинъ остался.
Скажи же намъ теперь: къ чему-жъ
Такъ не на долго съ ней вѣнчался?
Лишь на годъ ты надѣлъ вѣнецъ,
Ребенка мертваго отецъ!..

CLXIX.

Костюмъ твой брачный—власяница.
Ребенку твоему дана
Не люлька дѣтская—гробница...
Почила чудная жена!..
Мы ей вѣрили наши силы,
И нашу славу и умы
И дѣтимъ завѣщали мы
Ей вѣрить до дверей могилы,
И тѣмъ, кто будетъ ей рождень...
Для насъ надежды этой сонъ,
Какъ пастуху въ степи безводной,
Всходилъ звездою путеводной;
Но этотъ лучъ для насъ исчезъ,
Какъ метеоръ среди небесъ.

CLXX.

Такъ будемъ сожалѣть съ тоскою,
Но не о ней, а о себѣ; *)

(*) Смерть принцессы Шарлотты была даже почувствована здѣсь (въ Венеціи); Англія должна была быть потрясена ею до самаго основанія.

Она, покорная судьбѣ
 Въ могилѣ вѣтрилась покою...
 Быть можетъ, дерзкій приговора,
 Языкъ измѣны, судъ слѣсивый,
 Оракулъ мстительный и лживый,
 Боторый съ давнихъ уже поръ,
 Какъ звукъ могильный, раздавался
 Надъ головою королей,
 Пока уставшій отъ скорбей,
 Народъ за мечъ свой не хватался, —
 Капризъ судьбы въ единый мигъ
 Въ прахъ низвергающій владыкъ. —

CLXXI.

Вотъ все, что послѣ, можетъ статься,
 Ее въ вѣвахъ грядущихъ ждетъ.
 Но можно-ль съ этимъ соглашаться?
 Ты, такъ любившая народъ,
 Такъ молода и такъ прекрасна,
 Жена и мать и... все напрасно!..
 Теперь сковался твой языкъ.
 О, сколько было въ смертный мигъ
 Сердцецъ убито сожалѣньемъ:
 Отъ сердца мужа, до сердцецъ
 Всѣхъ подданныхъ!.. Да, твой конецъ
 Пронесся вокругъ землетрясеньемъ
 Въ странѣ, которая тебя
 Тогда оплакала, любя...

CLXXII.

Вотъ Ними, скрыто межъ холмами
 Такъ далеко, что ураганъ,
 Дубъ вырывающій съ корнями
 И поднимавшій океанъ
 Съ грозой до самыхъ тучъ небесныхъ, —
 Не возмущаетъ струй прелестныхъ,
 И тихо озеро стоитъ,
 И холодеетъ, спокоенъ видъ,
 Какъ назрѣвающая злоба.
 Оно свернулось, какъ въ клубокъ,
 И спать и этотъ сонъ глубока

Подобно темной ночи гроба.
 Такъ спать ужасная змѣя,
 Отраву страшную тая.

CLXXIII.

Въ долину рядомъ—блескъ Альбано;
 Тамъ Тибра плещется волна,
 Тамъ блещетъ лоно океана,
 А здѣсь Троянская война
 Когда-то жарко разгоралась,
 И здѣсь надъ Римомъ закигалась
 Звѣзда Трояна; здѣсь лежатъ
 Остатки Туллія; тамъ рядъ
 Высокихъ горъ и полуругомъ
 Они капризно облегли
 Ту часть известную земли,
 Гдѣ въ фермѣ, предъ зеленымъ лугомъ
 Когда-то отдыхалъ поэтъ,
 Пѣвецъ давно минувшихъ-лѣтъ.

CLXXIV.

Мой пилигримъ дошелъ до цѣли.
 Должны разстаться я и онъ;
 Мы все сказали, что хотѣли;
 Послѣдній взоръ нашъ устремленъ
 Впередъ надъ Средиземнымъ моремъ.
 Мы гулу моря вмѣстѣ вторимъ,
 И здѣсь съ вершинъ Альбанскихъ скалъ
 Глядимъ, какъ плещетъ бѣлый валъ.
 Вотъ океанъ, нашъ другъ любимый!
 За нимъ слѣдили долго мы
 До мѣстъ, гдѣ вырасталъ изъ тьмы
 Евксинъ, дѣя глазъ неуловимый,
 Гдѣ и призрачна и сильна
 Взбѣгала на берегъ волна.

CLXXV.

Мы оба вмѣстѣ долго жили,
 Хотя немного этихъ лѣтъ.

Печать страданья сохранили
 И онъ и я, но все же свѣтъ.
 Мы исходили съ нимъ не даромъ;
 И наслажденье съ новымъ жаромъ.
 Вкушать умѣли на землѣ;
 Насъ грѣло солнце въ темной мглѣ,
 Изъ нѣдръ земли и съ дна морскаго
 Мы брали радости однѣ,
 Безъ бурь бѣжали наши дни,
 Какъ будто бы никто сурово
 Не могъ тѣхъ радостей смутить,
 Не могъ насъ горемъ подарить!..

CLXXVI.

О, почему въ глухой пустынѣ
 Съ прекрасной женщиной вдвоемъ
 Я не могу укрыться нивѣ,
 Забывъ людей съ земнымъ ихъ зломъ?
 Стихи! Вы одушевляли
 Меня когда-то въ старину, —
 Хотя бы вы мнѣ это дали:
 Уединенье и жену.
 Созданья милыя! Едва-ли
 На свѣтѣ я не встрѣчу васъ?
 Хоть рѣдко въ жизни, только разъ,
 Но вы предъ смертными мелькали,
 Хоть изрѣдка, но средь земли
 Являгся все же вы могли.

CLXXVII.

Въ лѣсахъ — есть много наслажденья,
 Какъ на пустынныхъ берегахъ;
 Есть музыка и упоенье
 Въ морскомъ волненьи и валахъ,
 Привязанъ сильно я къ народу —
 Но больше я люблю природу
 Съ тѣхъ поръ, какъ я ее узналъ.
 Чѣмъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ,
 Она сказала мнѣ и съ нею
 Я всѣми чувствами слился,

Ей всей душою отдался;
Хоть чувство выразить не смѣю
Хоть не умѣю передать,
Но не могу о нихъ молчать.

CLXXVIII.

Бѣгите жъ волны океана!
Васъ бороздили корабли
И человекъ — гроза земли
Робѣлъ предъ вами. Громъ, бураны,
Крушенье гордыхъ кораблей —
Вотъ чѣмъ встрѣчали вы людей.
И человекъ, какъ капля въ морѣ
Терялся въ водяномъ просторѣ,
Въ волнахъ безслѣдно пропадалъ,
Потративъ бесполезно силы,
И въ океанѣ умиралъ
Безъ погребенья, безъ могилы,
Безъ скорбныхъ почестей земли,
Отъ милой родины вдали.

CLXXIX.

Слѣдовъ онъ въ морѣ не оставитъ,
Твоимъ волнамъ не страшенъ онъ,
Твоей пустыней онъ не правитъ
И гнѣвъ его морямъ смѣшонъ.
Его тѣ волны презираютъ
И къ облакамъ, порой, бросаютъ
Иль вдругъ уносятъ къ берегамъ,
Къ его пенатамъ и богамъ,
Несутъ до перваго залива,
И выкинуть холодный трупъ
Тамъ, на какойнибудь уступъ,
Гдѣ онъ погибнетъ молчаливо
Среди всеобщей тишины,
Капризной жертвою волны.

CLXXX.

Вооруженій грозныхъ флоты —
Бичи для стѣнъ и городовъ,
Вы, повергавшіе въ заботы

И властелиновъ и рабовъ,
 Вы, ужасящiе страны —
 Въ стальной бронѣ Лепидовъ,
 Хотя вашей славы мiръ весь знаетъ —
 Вы — есть игрушки этихъ волнъ,
 Вы таете въ морскомъ просторѣ,
 Какъ снѣгъ, упавшiй съ облаковъ;
 И сила грозная падаетъ
 Равно страшна въ глубокомъ морѣ
 Для легкихъ лодокъ рыбаковъ
 И для громадныхъ кораблей.

CLXXXI.

Вкругъ государства погибали...
 Афины, Римъ и Карфагенъ!
 Ихъ волны моря окывали
 Во дни свободы, въ дни мести,
 Во дни владычества тирана.
 Ихъ парства нани навсегда,
 Лишь только волны океана
 Бѣгутъ, какъ въ прошлые года.
 О, океанъ! ты не старѣешь,
 Ты также юнъ до нашихъ лѣтъ
 Съ тѣхъ дней, когда были созданы свѣтъ,
 Ты неизмѣнный видъ имѣешь,
 Какъ вѣчность, постоянно страгъ,
 Какъ вѣчность самая, глубокъ.

CLXXXII.

Въ тебѣ, какъ въ веркахъ, мелькаетъ
 Ликъ всемогущаго творца.
 Всегда, — грозилъ съ тобой играть
 Иль дуетъ вѣтеръ безъ конца,
 Въ полярной стужѣ, въ стужахъ знойныхъ,
 Не видя береговъ спокойныхъ
 Ты, безконеченъ и великъ,
 Великолѣпенъ, гордъ и дикъ.
 На днѣ твоёмъ явились гады
 И безднѣ ужасныхъ чудеса,
 И всѣ земные вещи
 Передъ тобой смкритыся рады...

Тайнственъ, страшень и угрюмъ
Бѣжишь ты полный грозныхъ думъ.

CLXXXIII.

Сжился я съ дѣтства съ океаномъ;
Я съ дѣтства рашнито мечталъ
Подъ раннимъ утреннимъ туманомъ
Тебѣ отдаться, бѣлый вагъ;
Съ прибоемъ волнъ твоихъ порою
Любилъ шалить я; пхъ игрою,
Подъ часъ опасной, не смущень,
Глоталъ я жадно моря стоиъ.
Я былъ дитей твоимъ, казалось,
Я довѣрялъ твоимъ волнамъ,
На гриву волнъ, игравшихъ тамъ,
Я руку клалъ и мвѣ случалось,
Какъ и теперь, то повторять
И морю жребіи свой ввѣрять.

CLXXXIV.

Я кончилъ. Пѣснь моя смолкаетъ.
Пора разрушить призракъ сновъ.
Мой факелъ вновь не зажигаетъ
Полночной лампы. Трудъ готовъ.
Онъ могъ быть лучше, но, къ несчастью,
Я ужъ не тотъ; подобно счастью
Мечты неясны для меня,
И въ жилахъ нѣтъ того огня
И нѣтъ благо вдохновенья,
И пламя прежнее едва
Хранить безцѣльно голова;
Оно—безъ всякаго движенья
Бросаетъ трепетный лишь свѣтъ:
Чѣмъ прежде былъ—того ужъ нѣтъ

CLXXXV.

Прости! Вотъ слово на прощанье.
Близка разлука. Пилигримъ,
Окончивъ длинное сказанье,
Здѣсь плетъ *прости!* друзьямъ своимъ.
Когда въ ихъ памяти осталось,

Хоть что нибудь, что имъ сказалось —
Онъ радъ, что въ руки посохъ бралъ
И длинный путь свой начиналъ.
Простите! Пусть несетъ страданья
Онъ въ сердцѣ, гдѣ живетъ печаль,
А вамъ оставилъ онъ мораль, —
Мораль отъ этого сказанья:
Съ его моралью, можетъ быть,
Вамъ будетъ легче въ мѣрѣ жить.

Д. Мишастъ.

КВАДРОНКА. (*)

ИЗЪ ЛОНГФЕЛЛО.

Среди широкаго залива
Корабль невольничій стоялъ
И, паруса спустивъ; прилива
И лунной ночи ожидалъ.

Въ ладъ у берега сидѣли
Матросы всѣ, и въ тишинѣ,
Глазами сонными глядѣли,
Какъ аллигаторъ ползъ на днѣ.

Цвѣтовъ и травъ благоуханьемъ
Окрестный воздухъ трезеталъ,—
Какъ будто рай своимъ дыханьемъ
Миръ преступленья наполнялъ.

Плантаторъ медленно, солидно
Курилъ, разлегшись въ шалашъ;
Предъ нимъ купецъ,—и было видно,
Что ждать купцу не по душѣ.

Онъ говорилъ: «Среди залива
Стоять корабль; снаряжены
Мы въ путь,—и только ждемъ прилива
И восхожденія луны.»

Слѣзая онъ кончить... Съ нимъ рядомъ
Квадронка—дѣвушка стоитъ,
И любопытнымъ робкимъ взглядомъ
Въ глаза плантатора глядеть.

*) Квадронами называютъ рожденныхъ отъ бѣлаго человѣка и черной женщины.

Глаза широкіе сверкають;
 Лицо горить; она боса,
 И всю одежду составляют
 Цветная юбка да коса.

А надъ губами молодыми
 Улыбка носится, горя
 Такъ свято, какъ передъ святыми
 Горитъ лампада алтаря.

Плантаторъ думалъ. «миѣ деньжонки
 Нужны для поправленья дѣла...»
 И онъ сперва въ лицо квадронки,
 Потомъ на деньги посмотрѣлъ.

Любовь отца съ корыстью страстной
 Въ его душѣ судьбу вела;
 Онъ зналъ, чья кровь лилась въ несчастной,
 Чья страсть несчастной жизнь дѣла.

Но все корысть преодолѣла.—
 И взялъ онъ деньги со стола..
 Какъ смерть, квадронка поблѣднѣла
 И вся застыла, замерла.

Купецъ повѣлъ ее съ собою,
 Чтобъ сдѣлать бедную потомъ
 Своей паложницей, рабою
 Въ краю далекомъ и чужомъ!

И. Мейбергъ.

ВОСПОМИАНІЯ ДѢТСТВА.

Меня воспитывали родной братъ моего отца и его жена, которыхъ я называлъ, какъ они меня учили, сначала тятенькой и мамонькой, а какъ выросъ больше — папенькой и маменькой.

Долго меня занимало вотъ что: видѣлъ-ли я свою мать родную? Воспитатели и по сихъ поръ говорятъ мнѣ, что я ее не видалъ, потому что она умерла черезъ четырнадцать недѣль, какъ меня окрестили. Прежде я долго сердился на себя: какъ же я былъ живой человѣкъ съ глазами, ушами и, какъ есть, со всѣми чувствами, а не помню своей матери? Глупъ же вѣрно я вышелъ на свѣтъ божій. То, что я видѣлъ и зналъ свою родную мать, я заключаю изъ того, что говорила мнѣ не однажды тетка, а именно тогда, когда ей хотѣлось похвастаться своею добротой. Вотъ что она говорила:— «мать твоя, какъ теперь помню, лежала въ больницѣ въ голубенькомъ, ситцевомъ платишкѣ, и какъ только я принесу тебя къ ней, ты и замашешь рученкамъ и заревешь. Возьметъ тебя мать на руки. ты глядишь такъ какъ-то весело глазенками и слюни у тебя бѣгутъ по губамъ. Ничего ты не понимаешь, безрогая скотина, а тоже что-то было у тебя такое, что ты не ревелъ, когда тебя брала мать на руки. А возметъ тебя другой, ты заревешь; даже если и я возьму тебя отъ матери, ты долго реवेशь и грудь сосать не хочешь...» Могу я вамъ положительно сказать, что я, кажется, началъ понимать съ третьяго или четвертаго года, потому-что я кой-что помню за это время, а раньше я былъ положительно глупъ и такая же безтолочь какъ кукла, только живая кукла.

Когда ужъ я сдѣлался рослымъ мальчишкой и навидался разныхъ ребятъ годовалыхъ, я удивлялся: неужели и я былъ такой-же соплявый, ревунъ и безтолочь? Я сравнивалъ этихъ годовалыхъ людей съ годовалыми кошками и собаками, и мнѣ почему-то досадно было, что кошки и собаки въ это время лучше понимаютъ, чѣмъ годовалый человекъ; по крайней мѣрѣ съ ними возни нѣтъ. И неужели, думалъ я, также мучились и со мной, какъ мучатся и съ этими ребятами, также колотили за ревъ, какъ и ихъ? Тетка это подтверждала.

И то, что я видѣлъ и что я дѣлалъ на четвертомъ году, я помню очень плохо. Я помню только то, что особенно произвело на меня впечатлѣнiе: напр. я помню, какъ одинъ разъ, ночью, меня разбудили стукотней и крикомъ мои воспитатели. Они бѣгали и кричали: пожаръ! пожаръ! И дѣйствительно горѣлъ сосѣднiй домъ. Я въ испугѣ дрожалъ и ревелъ. Думалъ-ли я что нибудь въ это время—не знаю, а помню хорошо, что я кричалъ на весь домъ и держался руками за платье тетки такъ крѣпко, что когда она меня стала бить и отрывать отъ себя, я порвалъ у нее платье и снова вцѣплялся занею зубами такъ плотно, что укусилъ даже самую тетку въ какое-то мѣсто... Помню, какъ я въ первый разъ смотрѣлъ: какъ идетъ ледъ на рѣкѣ, какъ появился первый пароходъ, и удивлялся всему этому.

Помню, что я былъ большой баловникъ и ѣлъ очень много. Только пробужусь и кричу: ись! ись! Поставятъ самоваръ—я уже и лезу въ шкафъ, достаю чашку и иду къ теткѣ: мама ись! Это очень забавляло дядю и тетку, но они старались всячески отъучить меня отъ обжорства, такъ какъ я просилъ ѣсть разъ по десяти въ день. Жилось мнѣ какъ-то нескучно: я или игралъ съ дѣтьми нашихъ постояльцевъ, или съ кошкой, или съ собакой; или терся при теткѣ, стараясь переменить ея стряпню; или заглядывалъ, забывшись на стулъ, какъ дядя пишетъ что-то на бумагѣ. А очень мнѣ было смѣшно, какъ дядя писалъ: голову свою сдѣлаетъ на бокъ, пальцы скорчить и возить по бумагѣ... Вижу я, что сначала на бумагѣ много мѣста пустого, а какъ дядя поведетъ пальцами съ перомъ—и сдѣлается ровная черточка, и много-много будетъ такихъ черточекъ! Сначала я только удивля-

ся этому; а потомъ мнѣ почему-то смѣшно становилось, какъ дядя пишеть, пишеть и пзругается, а потомъ скоблить начнеть.

— Чему ты гогочешь, песь! закричить дядя. Я того пуше засмѣюсь. Дядя прогонитъ меня, а я опять зайду къ нему тихоенько сзади. Сначала крѣплюсь, а потомъ и прысну со смѣха... Мнѣ хорошо казалось, какъ дядя ворчитъ; мнѣ играть хотѣлось съ нимъ и я толкалъ его въ правое плечо, за что мнѣ больно приходилось. Любилъ я послѣ этого представлять дядю, или вѣрнѣе—мнѣ хотѣлось ухитриться сдѣлать также, какъ дѣлаетъ и онъ. Возьму я кусочикъ бумаги, подойду къ столу и начну чертить на бумагѣ перомъ съ чернилами; по у меня выходило все криво, все дуги, да колеса, да круги и меня это очень забавляло. Кончу я свою работу и кажу теткѣ или кому нибудь въ восторгѣ; тѣ меня хвалятъ. Но я часто надоѣдалъ своей работой теткѣ и она ругала меня за то, что я бумагу порчу, руки и рубашку мараю въ чернилахъ. Отъ меня стали прятать чернила и карандаши, я сталъ съюнями писать или черкалъ гдѣ попало, углемъ.

Весьма хорошо казалось мнѣ, какъ меня тетка возила зимой въ пошевешкахъ, или санкахъ, когда она ходила на рынокъ или въ гости. Я не любилъ ходить пѣшкомъ; если оставила меня дома, я кричалъ и боялся, думая, что меня утащитъ черный мужикъ трубочистъ, посадить меня въ мѣшекъ и бросить въ прорубь. А этому меня напугала тетка и ея родные. Теткѣ хотѣлось показать людямъ *своего сына*, а я не хотѣлъ идти; нести меня тяжело ей было; вотъ она и возила меня въ санкахъ; да ей и жалко было меня:—«куда ему еще ходить! малъ очпино?»—Такъ-же мнѣ хорошо казалось, когда у насъ собирались гости, или когда я бывалъ въ гостяхъ. Чего-то чего тутъ не было! Поютъ пѣсни, говорятъ какъ-то весело, кричатъ, ругаются. Я тогда одѣтый съ новую рубашку и новые штаны, которые тетка называла штаниками, сидѣлъ смирно на стулѣ, глядѣлъ на всѣхъ или на того, кто мнѣ больше правился,—и удивлялся. Если бывали дѣти, я игралъ съ ними въ углу скорлупами отъ орѣховъ. Но больше всего мнѣ нравилось, когда меня дарили пряниками и сладями. Тетка давно старалась приучить меня къ тому, чтобы я благодарилъ за подарки, но я тугъ былъ на это.

— Что-же ты, болбесъ, не говоришь: покорно благодарю, моль.

Я молчу. Мнѣ совѣстно; я щиплю рубашку, смотрю въ уголь.

— Ну говори!

Молчу. Чувствую, что плакать хочется, а думаю: не скажу!

— Экой упрямой! Ну, впередъ не получишь. Знаешь ты: ласковое телятко двѣ матки сосеть, а упрямое одной не видитъ,—и пойдутъ, и пойдутъ говорить наставленія; а я кукуюсь и злюсь: а не скажу! А все таки хочется больше набрать сластей. Бывали случаи, что я, когда проворчатся и уже неподають сластей, вдругъ скажу: «покорно благодарю» чуть-чуть слышно. И совѣстно мнѣ и чувствую, что щеки горять, и легче кажется; а самъ все таки думаю: ну и чертъ съ вами! вслухъ все-таки не скажу. Право не скажу!..

Тетка любила рассказывать всякому повому знакомому, а старымъ знакомымъ въ сотый разъ, про мопхъ настоящихъ родителей. Надо замѣтить, что незнакомые тетки почитали меня за ея сына, а знакомые ея не вѣрили ей, когда она говорила, что я воспитанникъ, и начинала рассказывать цѣлую исторію: кто была моя мать, отецъ, какъ она умерла и пр. Мнѣ досадно было, напримѣръ, вотъ это: пойду я куда нибудь съ теткой по городу (у тетки много знакомыхъ; знакомые были все люди бѣдные, и штукъ тридцать изъ нищей братіи), попадаетея какая нибудь женщина и смотритъ на меня.

— Это твой сынокъ-то?

— Како мой; на воспитаніе взяла.

— Ой ты matka! не врешь-ли?

— Спчасъ умереть.

— Да чей-же онъ такой?

— Братнинь. Женли брата пьяницу; а мать умерла.

— Эко диво! Отчего же она умерла-то?

— Да съ пожару. Испугалась, знаешь, и захворала. Вотъ мнѣ на шею и бросила.

— Ну, matka, выростеть возблагодарить.

— Ну ужъ, дождайся! Онъ и теперя такой, что бѣда.

— А ты, дятятко, слушайся маменьки. Слушаться надо. А у тебя, Matka, нѣту-ка своихъ-то дѣтей?

— Нѣту; да куда съ ними.

— Все же родной-то лучше.

Я замѣчалъ, что тетка дѣлала глаза какъ-то строго при этихъ словахъ, и думалъ, что ей это не по нутру. Исторія же моихъ родителей была такого рода: оба они были духовнаго званія, да и другіе родственники наши тоже были этого званія, но имъ не посчастливилось и они вышли въ свѣтскіе очень рано. Такъ, дѣдъ нашъ былъ дьячекъ, а дядя на четырнадцатомъ году былъ уже почтальономъ; отецъ мой былъ дьячкомъ. Онъ воспитывался у дяди, такъ какъ отецъ его былъ очень бѣдный человѣкъ и семейный. Онъ рано началъ пить водку и рано спился совсѣмъ. Дядя и молодая его жена, желая избавиться отъ него и желая сдѣлать его годнымъ человѣкомъ, т. е. чтобы онъ не пилъ водку, задумали женить его. Вотъ что говорила про эту женитьбу тетка:

— Ну и стала я сбивать его жениться. Послушай, говорю, братъ, женись?

— На кой мнѣ лѣшій жениться? говорить онъ.

— Водку не станешь пить.

— Не знаю... А што?

— Право женись.

— А жить то какъ?

— Въ почтальоны ступай.

— Ну и то ладно. А самъ послѣ этого пойдетъ, слышь ты, и налижется какъ стелька...

Была у меня на примѣтѣ дѣвушка, сирота дьяконская. Смирная такая, красивая, рукодѣльница. Жила она тоже у чиновника, рядомъ съ нашимъ домомъ: Ну, и посоветовала я ей выйдти замужъ за брата. Долго она не шла: боюсь, говорить, пьяница женихъ-то, да и ни у него, ни у меня ничего нѣтъ. Ничего, говорю, мы поможемъ. Ну и согласилась. Братъ ходилъ къ ней двѣ недѣли и водку не пилъ въ это время. Золото сталъ человѣкъ. Только вели-то они себя какъ чужіе. Придетъ онъ къ ней, поклонится и скажетъ: здравствуйте...

— Здравствуйте, отвѣтитъ она и покраснѣетъ. Она сядетъ на стулъ къ столу и начнетъ вышивать, а онъ пойдетъ въ кухню, трубку курить. Накурится, посидитъ на диванѣ и пойдетъ домой. Придетъ онъ я и спрашиваю его:

- Ну что, правится?
- Ничего... ладно.
- А разговаривалъ съ ней?
- Чего говорить-то?

Ну и вѣлю я ему кедровыхъ орѣшковъ свести невѣстѣ на другой разъ... Такъ и женили мы его. Какъ женили, онъ и запыль. Она, бѣдная, все плакала... все плакала... хорошо, что онъ не билъ ее и не бранилъ и изъ ея вещей ничего не пропивалъ. Да и у нее, голубушки, ничего лишняго не было. А ужъ такая-то была смирная, дай богъ ей царство небесное!... И стала, слышь-ты, я замѣчать, что она въ тягости!. И больно же она голубушка, плакала...—Что, говорю, ты все плачешь?

— Не знаю, говорить.

— Ну полно; онъ можетъ и перестанетъ пить.

— Да онъ дома-то рѣдко живеть, да и со мной-то рѣдко сидитъ: придетъ завалится спать на полати; а встанетъ—наѣст-ся и опять уйдетъ.

Ужъ я говорила ему, чтобы онъ ладненько жилъ съ ней; онъ только молчалъ. Постушилъ онъ въ почталыоны и хуже запилъ. Жили мы тогда въ уѣздномъ городѣ. Его перевели въ губернской, и насъ тоже перевели. Надо намъ было ѣхать, она и родила вотъ этого болбеса. Только мы приѣзжасмъ въ губернской всѣ вмѣстѣ, а тамъ весь городъ горѣлъ въ это время; она испугалась и захворала. Думаю: куда мнѣ съ ней вознѣтся, и свезла я ее въ больницу. Она и говорить мнѣ: возьми ты его, сесирючка, къ себѣ.. Ужъ не оставь ради бога, будь матерью... Слушаться не будетъ—на колѣнки ставь. Слышишь, что наказывала мнѣ? обращалась грозно ко мнѣ всегда тетка. Ты долженъ ноги мои мыть, да воду эгу пить. А какъ она, голубушка, любила то его (т. е. меня): Да не далъ Богъ вѣку, умерла. Ну, думаю, куда дѣвать парня, и взяла къ себѣ... Теперь ужъ покаялась, да поздно.

Всѣмъ этимъ разговорамъ я сначала не вѣрилъ, а потомъ въ голову начинала закрадываться мысль: что же это такое въ самомъ дѣлѣ тетка говоритъ? Какая еще такая у меня была мать, и, говорятъ, какой-то отецъ есть, а я его не вижу! Врутъ, поди! И больше этого ничего не думалъ. Мнѣ хорошо жилось: я игралъ, шилъ, ѣлъ въ волю и хотя меня

крѣпко достегивали за баловство, но все таки тетка меня и ласкала частенько въ это время.

На шестомъ году, когда я уже понималъ больше, я не то что любилъ своихъ воспитателей, но, какъ говорится, былъ привязанъ къ нимъ. Дядя меня никогда не ласкалъ, и я почему-то всегда боялся его. Тетка хоть и колотила меня, но и ласкала, кричала на меня и всячески заботилась, чтобы я былъ сытъ, цѣлъ, т. е. не порѣзалъ-бы руку, и чтобы рубашка моя была всегда цѣлая и чистенькая. Я, кажется, любилъ тетку, и какъ ни больны были ея комотушки, и какъ я не ревѣлъ съ досады, что я самъ не смѣю дать сдачи, я все таки любилъ тереться при ней и при этомъ что нибудь спакостить: напр. въ квашенку съ тѣстомъ плюну и стараюсь, чтобы она замѣтила это; вяжетъ она чулокъ, я петли распущу, когда она уйдетъ, а потомъ говорю, что это кошка сдѣлала; поетъ она пѣсни и я тоже стараюсь подтягивать ей, только выходило очень плохо; начнетъ она шить, я лезу къ ней, терблю ее за ссережки, вдернутыя въ кончики ушей, хватаю ее за шею руками... И все это, какъ помню я, дѣлалось безсознательно; все это или правилось ей, или ужъ я очень надоѣдалъ ей. Тетки я не боялся, а дяди боялся и не любилъ его, вѣроятно потому, что онъ дома бывалъ рѣдко, со мной ничего не говорилъ и гналъ меня прочь, если я лезъ къ нему. — Я любилъ все, что-только впервые попадалось мнѣ на глаза. Купить что нибудь тетка, я смотрю, удивляюсь, спрашиваю, стараюсь въ руки взять, на себя напялить, углемъ начернить или съѣсть, — смотря потому, какая вещь. И мнѣ крѣпко доставалось за мое любопытство. Особенно мнѣ доставалось за книгу: «Священная исторія ветхаго и новаго завѣта» съ картинками. У дяди только я и видѣлъ эту книгу на столѣ въ переднемъ углу. Смотрѣть ее мнѣ строго запрещалось. Дядя пзъ неничего не читалъ, и только тетка старательно каждый день стирала съ нее пылъ, но привычка стирать пылъ съ такихъ вещей, которыя заслуживали сея вниманія. Когда дядѣ и теткѣ нечего было дѣлать, тетка брала эту книгу, ложилась на кровать къ дядѣ и просила его почитать: ну-ко читай, что тутъ?..

— Уйди, стану я читать!

— Почитай, ты вѣдь у меня золото. Ахъ, если бы я умѣла грамотѣ!

— Не хочу. Мало-ли что тутъ писано.

— А это что за картинка?

Я встрепенусь и подбѣгаю къ кровати.

— Ты зачѣмъ! закричить на меня тетка.

Я молчу; знаю, что меня не звали, а уйти не хочется. Дядя начнетъ рассказывать теткѣ содержаніе картинки, или читать; тетка повернется къ нему лицомъ, а я забудусь на стулъ къ подушкамъ и стараюсь заглянуть на картинку. Досадно мнѣ, что картинки нѣтъ, и я протягиваю къ книжкѣ руку. Дядя замѣтитъ это и щелкнетъ меня книжкой по лбу:

— Тебѣ говорятъ, болбесъ ты эдакой, или нѣтъ? Пошелъ!

Я стою.

— Ахъ ты подлая рожа. Гдѣ ремень?

Я убѣгу.

За то какъ останусь я одинъ дома, то вволю насмотрюсь на картинки, на листки и на переплетъ. И достанется же тогда книгѣ: мнѣ очень нравилось прокалывать иглой или булавкой глаза изображаемымъ на картинкѣ людямъ и прокалывать также буквы, или чертить карандашемъ на листкахъ разныя каракули. Дядя, когда читалъ книгу, догадывался, что это мои продѣлки, и тетка расправлялась со мной, заставляя цѣлый день простоять на колѣняхъ въ углу. Мнѣ обидно казалось стоять, и я рѣшилъ, что лучше будетъ, если я картинки вырву изъ книги, а самую книгу брошу въ печь. Долго я хохоталъ надъ своей выдумкой и ждалъ къ тому случая. Такъ и сдѣлалъ. Вечеромъ, когда дядя и тетка ушли въ гости, а меня оставили домомничать. Я заперъ двери на крючекъ, подбѣжалъ къ столу, схватилъ книгу и началъ операцію. Помню, что мнѣ страшно почему-то казалось вырывать изъ книги картинки, и я думалъ: а что, если они воротятся? А если они теперь въ окно смотрятъ, я погасилъ свѣчку, подошелъ къ окну и прилежнѣе прежняго продолжалъ свою операцію, выдирая какъ попало, лишь-бы скорѣе кончить работу... Книгу потомъ я спряталъ подъ шкафъ, гдѣ лежали только старыя теткинны ботинки. Дядя и тетка домой пришли поздно, когда я уже спалъ. Книжки они не хватились; а тетка еще, какъ раз-

дѣбалась, дала мнѣ конфетку, пряникъ и грецкій орѣхъ. Цѣлую ночь я не спалъ. Какъ только тетка склала утромъ въ печку дрова, я живо бросилъ книгу въ печь, но бросилъ такъ, что она свалилась на бокъ къ самой загнетѣ. Тетка стала затоплять печь. Она любила, чтобы у нее дрова въ печкѣ хорошо были складены; поэтому она, замѣтивъ книгу, сначала подумала, что это кирпичъ.

— Что за дьяволъ, откуда это кирпичъ? Съверху что-ли выпалъ... и стала вытаскивать клюкой этотъ кирпичъ. Каково же было ея удивленіе, когда она увидала свою любимую книгу безъ картинокъ и съ ободранными листками!

Дядя долго меня дралъ ремнемъ за эту продѣлку.

Онъ очень любилъ картинки, но никогда не покупалъ ихъ. Разъ ему подарилъ кто-то картинку лубочной фабрики, изображающую войну. Дядя сталъ любоваться на картинку съ теткой, а я сидѣлъ въ углу. Больно меня брало любопытство посмотреть картинку, точно меня бѣсъ толкалъ въ бока.

— Ишь дьяволъ! Смотри-ко это ноги въ эполетахъ-то генералъ? говорила тетка.

— Какъ же.

— А это?

— Ты смотри: у этого орденовъ сколько,—и это генералъ.

— Экое счастье... Гляди же, сколько онъ людей-то давить! Смотри копыто-то на трехъ головахъ стоитъ... А саблей-то вонъ пятерыхъ зацѣпилъ...

Между тѣмъ я уже подкрался къ нимъ, приподнялся на пальцы ногъ,—не видать; зашелъ съ боку.

— Ты что? крикнулъ дядя.

Я отошелъ немного и скорчилъ глаза. Тетка пожалѣла меня и подозвала къ столу. Я ничего не понималъ въ картинкѣ и когда дядя взялъ ее въ руки, я хотѣлъ еще посмотреть и рванулъ ее такъ, что одна половинка ея осталась въ моей рукѣ. За это дядя такъ ударилъ меня по головѣ, что я ударился объ полъ; изо рта пошла кровь.

Съ этихъ поръ я крѣпко не залюбилъ дядю.

Меня учили молитвамъ, учили молиться утромъ, вечеромъ, передъ обѣдомъ и послѣ нихъ, учили уважать и почитать старшихъ, любить тетку и дядю, называть ихъ родителями,

и всему этому учила меня тетка. Но молитвы я зналъ плохо, а зналъ больше пѣсенъ и сказокъ; тетку и дядю я уважалъ, боялся, и такъ какъ я былъ малъ, то безъ ихъ спросу ничего не могъ сдѣлать, и это безспіе свое я испытывалъ на себѣ каждый день. Старшихъ я не могъ любить всѣхъ, а любилъ только тѣхъ, которые были ласковы ко мнѣ; съ кѣмъ хороши были мои воспитатели, кого они любили, того и я называлъ хорошимъ человѣкомъ и къ тому лѣзъ безъ церемоніи. Одно только я не могъ тогда понять: зачѣмъ мнѣ молиться еще за родную мать и за роднаго отца? вѣдь я не видалъ ихъ? Зачѣмъ молиться за отца, когда тетка называетъ его пьяницей и часто пугаетъ меня тѣмъ, что отошлетъ меня къ нему?.. Тетка мнѣ на мои вопросы или отвѣчала бранью, что я безтолочь, скотъ и пр. или говорила, что молиться нужно. Молился я вслухъ, такъ какъ меня научили молиться. Умою я лицо и хочу молиться. Тетка говоритъ: подожди, болбесъ, рано: еще чай не поспѣлъ... Чай готовъ, дядя и тетка садятся пить чай. Я встаю по срединѣ комнаты и говорю вслухъ молитвы. Всѣ молчатъ. Если я ошибусь тетка поправитъ меня.

Большихъ успѣй стоило ей растолковать мнѣ, что у меня была родная мать, что не она, тетка, родила меня, а только воспитываетъ и кормила меня по началу грудью, какъ свое дѣтище. Но мнѣ тогда все равно было: родная ли она мнѣ мать. Я только зналъ и понималъ, что она меня кормитъ, и что за обиду, нанесенную мнѣ уличными мальчуганами, которые нерѣдко тревожили мой носъ до крови, всегда заступалась; значитъ, я былъ не чужой ей. Я плохо понималъ тогда, что значить мать, отецъ и сынъ, и только гордился иногда тѣмъ, что я живу у такихъ людей, которыхъ любятъ другіе люди, и часто важничалъ. Напримѣръ, бывало, придетъ какойнибудь нищій къ намъ я и говорю ему: «дома нѣту». А самъ думаю: «вотъ и ничего не дали. Маменька велѣла подавать грошки, а я не подамъ тебѣ, себѣ возьму». Придетъ къ дядѣ проситель какойнибудь, да дядя спитъ, я и говорю ему: «спать еще.» Знаю я, что нужно сказать ему: подождите или сядьте, а я думаю: постойте, невѣжа-баринъ... Если мнѣ давали подачки, я думаю, что мнѣ такъ и слѣдуетъ давать подачки, потому что я сынъ ихній, а этотъ мнѣ чужой. То, что я былъ не

чужой дома, я зналъ хорошо, и если слышалъ, что дядю кто нибудь ругаетъ, и пересказывалъ теткѣ да дядѣ, и дядя говорилъ, что онъ отомститъ тому человѣку чѣмъ нибудь...

Съ каждымъ днемъ мнѣ тяжелѣе становилось бывать дома. Я дома ужъ не баловалъ, но озорничалъ, и нарочно дѣлалъ то, что не нравилось теткѣ, которой я не могъ ничѣмъ угодить. За всякую пеловкость она бранила меня, кричала; я сначала злился, а потомъ плакалъ, сознавая, что меня напрасно ругаютъ. Родственники мои, дѣти однихъ со мною лѣтъ, знали, что я терплю много, и постоянно говорили мнѣ: «за чѣмъ ты боишься ихъ? Вѣдь они не родные тебѣ». Я сначала отмалчивался и не жаловался на нихъ, а потомъ, слушая каждый день ихъ совѣты, сталъ размышлять въ тяжелыя минуты: а зачѣмъ я боюсь ихъ? Ну я не стану бояться... Тетка скажетъ мнѣ: становись на колѣни! Я не встаю.

— Тебѣ говорятъ! крикнетъ она..

— Это что значить?

Я не слушаюсь.

— Вы не родная мнѣ...

Тетка озлится, схватитъ ремень и начнетъ неистовствовать по моей спицѣ. Но я не просилъ прощенія и не выдавалъ своихъ друзей... Эти сцены стали повторяться часто; меня наказывали больно, а я день ото дня становился злѣе и упрямѣе. Поставятъ меня на колѣни,—я цѣлый день простою и не попрошу прощенія; не накормятъ меня—я самъ украду хлѣба... И въ это время, ненавидѣлъ своихъ воспитателей...

Больно мнѣ было слышать то, что меня попрекали моимъ роднымъ отцомъ, говоря, что мой отецъ никуда негодный человѣкъ, что дядя держалъ его у себя изъ милости, дѣлалъ ему много добра, которое онъ отплачивалъ ему различными неприятностями. Тетка молила Бога, чтобы я захворалъ и умеръ; а дядя корилъ тетку, что она женила его брата, и что она одна виновата въ томъ, что я родился и живу теперь у нихъ, а пользы отъ меня никакой не выходитъ кромѣ того, что я выхожу очень дрянной мальчишка: не слушаюсь ихъ, грубилъ и начинаю поворовывать.

Оба они требовали, чтобы я дѣлалъ тоже, что дѣлаютъ и они: говорилъ съ толкомъ, не игралъ съ ребятами, сидѣлъ смиренно

на стулѣ и исполнялъ всѣ ихнія приказанія безъ ошибки. Но могъ ли я это слѣлать? Меня манили игры товарищей; мнѣ завидно было, что другія дѣти живутъ какъ-то вольнѣе. Если же я видѣлъ, что ихъ обижали не хуже меня, били еще хуже,—я какъ-то радовался...

Все таки я любилъ тетку болѣе дяди. Дядя бывалъ дома рѣдко. Утромъ онъ вставалъ рано; рано мы пили чай, за чаемъ шли разсужденія, что сострипать или испечь сегодня; онъ разсказывалъ о дѣяніяхъ своихъ сослуживцевъ, она ему поддакивала или говорила про какую нибудь сосѣдку. Я сидѣлъ въ углу, какъ посторонній человѣкъ, счтя глотки дядины и теткыны, и дожидаясь, когда мнѣ подадутъ чашку чая. Выпивъ чашку, я подходилъ къ дядѣ и теткѣ подѣловать у каждого руку. Дядя ничего не отвѣчалъ на мою благодарность, а тетка все что нибудь да замѣчала: «ты не стопшь того, чтобы тебя понть чаемъ! Это тебѣ послѣдній разъ», и т. п. Когда дядя уходилъ изъ дома, я долженъ былъ или сидѣть смирно у окна, или чистить вареный картофель, подносить теткѣ воду, выносить помои и за неумѣлость получалъ подзатыльники; но за то она кормила меня сдобнымъ печеніемъ и разными сладостями,—произведеніями своихъ рукъ раньше, чѣмъ сама пробовала; мыла меня въ это время въ банѣ, чесала и помадила голову и брала съ собой въ гости... Вотъ за это-то я и любилъ ее больше всего на свѣтѣ. Отъ чего это? Отъ того, вѣроятно, что она сердилась на меня и колотила меня безсознательно, не умѣя иначе научить меня хорошему, приучить къ своему характеру, слѣлать изъ меня подобіе себѣ и мужу, и ей все-таки жалко было меня тогда, когда она не суетилась, а сидѣла молча за работой. Не даромъ же она такъ лелѣла меня, такъ ухаживала за мной четыре года, какъ за роднымъ дѣтищемъ...

— И matka! Вѣдь мнѣ жалко его. Хотѣ и побьешь и побранишь его, да опять таки и пожалѣешь... Авось, какъ станешь добромъ-то обращаться, вспомнеть и меня.—Говорила она иногда по вечерамъ какой нибудь своей подругѣ.

— Бить-то его ненадо.

— Не могу, нравъ ужъ такой у меня... И сама я не знаю, какъ будто я люблю его.

— Еще бы: вѣдь маленькова взяла...

— Упрямъ только больно: весь въ мать.

— Ну выростеть, за все отблагодарить.

— Вотъ ужъ:—по шеѣ бить будетъ.

— Эй ты, жепихъ, поди ка сюда!.. Будешь ты любить маменьку?

— Буду.

— Ну, не ври.

Мнѣ досадно было слышать такія слова; въ эти мунуты я готовъ былъ богъ знаетъ что сдѣлать для тетки, чтобы она меня похвалила.

Когда дядя меня билъ,—а онъ билъ рѣдко, да мѣтко,—тетка всегда заступалась за меня. Нужно мнѣ что нибудь, она поворочитъ поворочитъ и выпроситъ у дяди.

Была у меня бабушка по теткѣ. Ей было въ это время уже годовъ семьдесятъ; но она была здоровая женщина. Утромъ она пекла калачи, днемъ торговала на рынкѣ калачами, а вечеромъ вязала или шила. На рынокъ я ходилъ каждый день то за картофелею, то за капустой и т. п. и всегда подходилъ къ бабушкѣ. Она давала мнѣ калачикъ и мѣдную гривну на пряники. Вечеромъ около нее собиравлись ребята и вдѣвали въ иголку штку, когда она что нибудь кропала. Она очень любила пась, маленькихъ ребятъ, говорила такъ ласково. Мы любили слушать ея пѣсни, которыя она пѣла на тонъ убогаго Лазаря, котораго поютъ янщѣ въ радоницу, и какъ она рассказывала сказки. Всѣмъ было весело съ нею, потому что она говорила какъ-то смѣшно и, постоянно смѣшила насъ своими рассказами. Она любила тетку больше всѣхъ своихъ дѣтей, и любила меня больше всѣхъ своихъ внуковъ.

— Бѣдная ты спрота. И пожалѣть-то тебя некому: говорила она мнѣ.—Ишь какъ избилъ тебя. А ты, голубчикъ, терпи: стерпится, слюбится, говорятъ пословица. Выростешь, спасибо скажешь?

— Зачѣмъ она, бабушка, бьетъ меня?

— Ужъ я говорила ей: что-молъ ты парня-то бьешь? креста что-ли у тебя на вороту нѣту-ка?

— Ну?

— Не буду, говорятъ, бить.

— А вотъ она и бьетъ. Я и не буду слушаться ее.

— Не балуй!

— Право не буду.

— Грѣхъ. Вѣдь она все-же и заступи тебя. Ну, коли она забранится, ты сможешь, она и не ударитъ.

Ребята просили бабушку, чтобы она пристала и за меня и за нихъ, и она изъ за насъ распекала своихъ дѣтей, которыя вымѣщали свою обиду на насъ иговорили бабушкѣ, что она вмѣшивается не въ свое дѣло.

На седьмомъ году дядя сталъ брать меня съ собою рыбачить. До этого времени я всегда удивлялся тому: какъ это дядя рыбъ ловить? Придетъ онъ съ рыболовства и приносить съ собою туссокъ съ живой рыбой. Тетка въ восторгѣ; дядя ругается, что сегодня плохо клевала рыба, а я засовываю руку въ туссокъ и ловлю рыбу. Миѣ очень хотѣлось посмотреть какъ онъ удить, но онъ всегда одинъ уплывалъ въ лодкѣ на рѣку. Приставалъ я къ нему, чтобы онъ меня взялъ рыбачить, но онъ не бралъ. Надо замѣтить что дяди я очень боялся, потому, во первыхъ, что сама тетка побалвалась его; а это я зналъ изъ того, что онъ часто покрикивалъ на нее за щи, или за то, что она не заштопала ему дыру на брюкахъ или халатѣ, и она всегда говорила безъ него: ахъ какъ-бы миѣ упаровать ему! Во вторыхъ, я зналъ его здоровые кулаки. Когда потомъ дядя бралъ меня съ собою на рыболовство, я, послѣ каждаго рыболовства, всячески старался угодить ему и теткѣ, чтобы онъ взялъ меня рыбачить. Я зналъ, что если тетка попроситъ его, онъ возметъ меня, и зналъ также то, что онъ не всегда слушалъ тетку. И дѣлалъ я ему различныя угожденія: заставитъ меня тетка чистить дядины сапоги, я старательно чищу цѣлый часъ, или до тѣхъ поръ, пока тетка не выхватитъ у меня щетку и не ударитъ ею по моей головѣ, и не дочиститъ сапогъ сама. Скажетъ онъ, чтобы я шелъ копать червей, я не шелъ, а бѣжалъ, подпрыгивая на одной ногѣ, думая: а вотъ я рыбачить пойду! и наконую ему что ни на есть самыхъ лучшихъ червей изъ навоза. Миѣ очень правилось спдѣтъ съ дядей въ лодкѣ и я спдѣлъ вмѣсто *лебедь*, какъ называлъ меня дядя, потому что дядя миѣ не давалъ уделишка. Миѣ

вправлась большая рѣка, рыболовы, вправлось искусство дядино ловить рыбу: какъ онъ закидываетъ лѣсу въ воду, поплеывая предварятельно на червячка, насаженнаго на удочку; какъ поплавокъ пляшетъ на водѣ: какъ дядя подсѣкаетъ удилшкомъ; какъ онъ пзгибается, когда тащитъ большую рыбу, говоря, чтобы я сидѣлъ смрно; какъ эта рыба возитъ лѣсу; какъ дядя вытаскиваетъ ее въ лодку и какъ онъ проваливаетъ все и всѣхъ, когда не вытащить рыбы.

А дядя золь былъ ругаться. Раньше этого я не слыхалъ, чтобы кто нибудь умѣлъ ругаться такъ, какъ ругается мой дядя. Онъ ругался даже и тогда, когда говорилъ съ кѣмъ нибудь. Онъ ругалъ все и всѣхъ, живыхъ и мертвыхъ, свиньями, дармоѣдамъ, разными матерями и называлъ себя самымъ умнымъ человѣкомъ, котораго все и всё обижаютъ. Мнѣ весело было тогда, когда онъ ругался; я такъ привыкъ къ его ругани, что думалъ, что онъ только тогда и веселъ, когда ругается. Я обыкновенно сидѣлъ въ носу или въ кормѣ лодки, а дядя по серединѣ и я сравнивалъ дядю съ бубновымъ королемъ—такъ ужъ онъ больно походилъ на него въ своемъ халатѣ, шляпѣ и съ трубкою въ зубахъ. Я ловилъ руками рыбу въ тескѣ, издѣвался надъ червями, при чемъ лодка качалась, дядя злился, кричалъ: тебѣ говорятъ или нѣтъ!.. Я присмирюсь, спужу какъ сычъ; а потомъ онять начинаю уже нествовать въ лодкѣ. Дядя терпнть-терпнть да какъ «свспнетъ» меня удилшкомъ по затылку и закричитъ.

— Я тебѣ говорилъ или нѣтъ? Ахъ-ты этакой!..—И зубы, у него словно трещать, и лицо такое сдѣлается страшное, что меня ужасъ возметъ; я опять присмирѣю, такъ что даже и сосѣдніе рыболовы смѣются.

— Валяй ево! валяй хорошенько...

— Ишь какой, только шалить!

— Смотри рыбу-то отгоннть всю!

Дядя, какъ видно, осердится и скажетъ пзтъ: не ваше дѣло! такъ что и тѣ присмирѣють.

Дядя, какъ онъ самъ говорилъ, былъ злой рыбакъ. Онъ ни что не любилъ такъ сильно, какъ рыболовство, и страшноругался, если ему въ какой-нибудь день не удавалось рыболовить. Онъ удилъ постоянно отъ елки. Елку эту онъ срубилъ

въ лѣсу за двѣ версты отъ города и къ своей лодкѣ перъ ее на своихъ плечахъ, проклиная свое житье. Также перъ онъ къ лодкѣ пятипудовые камни и хвастался, что онъ силачъ. Дѣйствительно съ пятипудовыми каменьями онъ обращался довольно нецеремонно и вертѣлъ ихъ, какъ полупудовые. Къ верхушкѣ елки онъ привязывалъ веревку, которою были обвязаны два или три камня, пудовъ въ восемь или девять; къ корню привязывалъ тоже веревку длинной сажень въ пять и наплавъ. Елку свою онъ бросалъ такимъ образомъ. Сначала раздѣвался и мѣрялъ дно рѣки противъ одного мѣста, близко отъ города, и щупалъ плиту, т. е. гладкое, ровное дно. Мѣрялъ дно онъ также и багромъ. Смѣривши дно, онъ тащилъ въ лодку камни, клалъ ихъ на дощечку, положенную поперегъ носа на края лодки, потомъ клалъ лодку и веревку съ наплавомъ. Выбросивши веревку съ наплавомъ, онъ мѣрялъ дно снова, и, удостоверившись, что здѣсь хорошо поставить елку, выбрасывалъ ее ловко изъ лодки, а потомъ бралъ за одинъ конецъ доску и опрокидывалъ ее тоже ловко въ воду; камни и елка исчезали и оставался только одинъ наплавъ. Наплавъ означалъ мѣсто елки. Отъ елки дядя считалъ лучше удить, чѣмъ отъ заѣздки, потому что противъ самой елки проносъ воды очень тихой и елку можно всегда перетаскать, да и притомъ дядя думалъ, что съ елкой меньше возни. Часто дядю злила тѣмъ, что отрывалъ наплавъ отъ елки, а иногда и всю веревку; а отрывали или плоты, или суда, или городскіе ребята по ночамъ. Впоследствии я самъ былъ большой охотникъ на эти штуки. Если нѣтъ наплава, дядя долго ругался, плевалъ въ воду и искалъ елку кошкой, сдѣланной изъ большихъ гвоздей на подобіе якоря, и если не находилъ елки, срубалъ новую. Если у него было свободное время онъ всегда сидѣлъ у елки, будь тутъ громъ, дождь и валы. Онъ злился въ это время на громъ и на Илью, отъ котораго, по его понятіямъ, гремѣлъ громъ, но дождь и валы онъ любилъ. Если его сильно мочило, онъ подплывалъ къ берегу, втаскивалъ на берегъ лодку, опрокидывалъ ее и забивался подъ нее, выжидая, когда, дождь перестанетъ идти. Послѣ дождя рыба хорошо клюетъ говорили всѣ наши рыболовы. Дядя никогда не ѣлъ свою рыбу, онъ говорилъ, что ему жал-

ко ѣсть ту рыбу, которую выудилъ онъ, а тетка каждый день стряпала для себя изъ нее пироги. Это ужъ рѣдкость, когда ядя будетъ хлѣбать уху изъ пойманной рыбы.

Дядя любилъ рыбачить одинъ и я незнаю, зачѣмъ онъ меня бралъ съ собой. Вѣроятно потому, чтобы я привыкалъ къ рыболовству, привыкалъ ко всякой погодѣ, а можетъ быть и потому, чтобы я не баловалъ дома. И я сидѣлъ въ лодкѣ какъ кукла. Помню, что онъ въ два мѣсяца, когда я сидѣлъ съ нимъ въ лодкѣ, не сказалъ мнѣ ни одного ласковаго слова, не сказалъ ни одного наставленія, называлъ меня шельмой, и если его обманывала рыба, онъ ругалъ рыбу, плевалъ со злости въ воду, ругалъ меня, говоря: «это все отъ тебя не клюетъ рыба! Какъ отецъ твой несчастный такъ и ты такой-же шельма»... Можетъ онъ хотѣлъ испытать мое счастье и поэтому бралъ меня съ собой. А у него была такая замашка. Впослѣдствіи мы рыбачили неводомъ и закидывали неводъ на счастье тетки, дяди и мое. Оказывалось, что рыбы попадаю мало и заключали, что всему этому я виной. Одинъ разъ какая-то рыба оборвала всю лѣсу у дяди чуть не по самое удилишко. Дядя обругалъ меня: это все отъ тебя! Поплылъ за лѣсой, но лѣсы не могъ поймать. Съ этихъ поръ онъ не сталъ брать меня съ собой и я рыбачилъ уже самъ съ берегу, да и это случалось очень рѣдко, потому что меня одного боялись отпускать къ рѣкѣ, чтобы я не утонулъ. За то если я рыбачилъ, то становился по колѣно въ воду, болталъ удилишко въ водѣ, когда не клевала рыба и особенно любилъ ловить раковъ.

Наши родственники держали своихъ дѣтей очень строго и рѣдко отпускали насъ другъ къ другу. У тетки дѣти не собирались, а собирались мы у дяди Антипина, у котораго было три дочери и двое сыновей и къ которому приходили его племянники, три мальчика. Съ уличными ребятами намъ рѣдко приходилось играть, потому что насъ не пускали на улицу, и если случалось что мы дрались съ дѣтьми мѣщанъ, насъ наказывали за то, что намъ не слѣдуетъ связываться съ дѣтьми мѣщанъ, потому-де, что мы переймемъ отъ нихъ скверныя привычки. Намъ дозволяли играть во дворѣ и въ огородѣ. Мальчики, старше насъ, съ нами не игра-

ли, у нихъ были свои игры: они стругали стрѣлы, дѣлали луки, стрѣляли въ цѣль и къверху, дѣлали суденки и корабли съ парусами, пускали ихъ по пруду, находящемуся въ огородѣ Антипина, и занимались большею частію рыболовствомъ. Если мы приставали къ нимъ съ распросами, они, какъ старшіе, звертывали насъ, т. е. теребили за волоса. Поэтому нашей братьи собиралось отдѣльно человѣкъ шесть и такъ какъ у насъ почему-то не было расположенія играть въ мячикъ или бабки, то большинство изъ насъ играли *въ клѣтки* и угощали другъ друга разными кушаньями изъ глины. Въ куклы любили играть двѣ дѣвушки и эти куклы представляли тоже живыя существа замѣняющія собой бабушку, или какого-нибудь родственника. Заберемъ мы, бывало, лѣтомъ въ уголокъ за сараемъ, у огорода, для того, чтобы насъ не тревожили старшіе и начнемъ играть.

И дѣлаемъ мы чашки, пирожки, крендельки и т. п. изъ глинны, и угощаемъ другъ дружку такимъ образомъ. Также угощаются и лелѣются куклы наши, которыя въ одинъ день бываютъ и матушкой попадѣй, и тетушкой, и сестричкой, и посторонней гостѣй, и если кукла капризится, ее щиплютъ, снимаютъ съ нее платье и т. д. И чего-то чего не наговоримъ мы тутъ; какъ ни выскажемъ свою заботливость, свои вужды и печали, да и не только свои, а и своихъ родныхъ. Напримѣръ:

— Ахъ Маша, у меня нѣтъ чаю. (Это значитъ вчера у ея матери не было чаю).

— Купи у меня.

— Продай. Много-ли возьмешь?

— Рубль.

И дастъ Оля Машѣ пять плитокъ отъ изломаннаго горшка. Случалось, что иногда, по капризу кого нибудь изъ насъ, чай стоилъ сто рублей. А по нашему сто и тысяча рублей тоже очень много значили, хотя мы и не видали никогда столько денегъ. Цѣлый день мы проиграемъ такъ, и весело намъ, и нескучно. Взрослый человѣкъ, послушавши насъ, сказалъ бы: что это они городятъ такое? никакого толку отъ нихъ не добьешься. Взрослый человѣкъ скучаетъ весь день, весь день недоволенъ, и не понимаетъ онъ этого особаго дѣтскаго

міра, который дѣти сами создали или приняли отъ другихъ: нравится имъ эта безтолковая игра, она занимаетъ ихъ, болтаютъ она все, что только взбредеть въ голову, все что они запомнили отъ людей;—здѣсь никто не стѣсняетъ ихъ, потому что они предоставлены сами себѣ, — и весело имъ. Странно только то, что многимъ изъ родныхъ нашихъ не нравились подобныя игры; странно, потому что они, когда были дѣтьми, также играли, а это я зналъ изъ того, что всѣ дѣти, сколько я не видалъ ихъ въ то время и послѣ въ нашемъ городѣ, также играли. Не скучно намъ было и тогда, когда шелъ дождь, или зимой. Лѣтомъ мы забивались въ чуланъ или куда нибудь въ такое мѣсто, откуда насъ не гнали, и тамъ также играли въ плетки и въ деньги. Зимой мы забивались на печь, и играли больше въ карты, хотя и не умѣли еще играть, при чемъ валеты, дамы и прочая карточная знать шла у насъ въ ходъ. Такъ напримѣръ, моего дядю называли пиковымъ] валегомъ, а я наставлялъ на томъ, что мой дядя бубновый король.

Любили еще мы играть въ войны или отпѣвать. Голосъ тогда у меня былъ хорошій и мнѣ часто доставалось за него. Найдеть, напримѣръ, кто нибудь изъ насъ подохню воробышка, косточку отъ курицы, крылышко или что нибудь въ этомъ родѣ, мы всей ватагой и давай дѣлать ямку, гробикъ, завертываемъ предметъ нашего удовольствія въ тряпочку, и загребаемъ его землей. На другой день мы смотримъ тутъ ли погребенная нами вещь. Но раньше этого мы спорили.

— Тутъ, или нѣтъ?

— Нѣту...

— А вотъ посмотримъ.

Предметъ нашего удовольствія всегда бывалъ на мѣстѣ. Въ войны же играли такъ: возьмемъ каждый по палкѣ, станемъ всѣ въ рядъ, кромѣ дѣвушекъ, старшіе командуютъ: разъ! два. Мы вытягиваемъ ноги и хохочемъ. Это у насъ называлось «войной», о которой мы имѣли такое понятіе потому, что видѣли какъ маршируютъ солдаты, и если намъ говорили, что на войнѣ убиваютъ, мы не вѣрили... Мы знали, что за убійство наказываютъ; а это мы знали изъ того, что мимо нашего дома каждую субботу возили на рынокъ *уръшниковъ*.—

Лишь только услышимъ мы барабанный бой и кричимъ: «грѣшника везутъ» и бѣжимъ на улицу. Изъ всѣхъ воротъ выходили мужчины, женщины и дѣти и каждому хотѣлось взглянуть на грѣшника.

Невольно, и я побѣгу посмотрѣть.

— Смотри недолго. Я бы сходила да некогда: говорить мнѣ тетка.

— Мама пусти.

— Куда тѣ, я сама пойду.

— Я съ дяденькой.

И пойдутъ люди смотрѣть, какъ наказываютъ грѣшника, и дѣти за ними идутъ все молча, или говорятъ:

— Экое, подумаешь, наказанье! Подумаешь ты: вѣдь неловко ему бѣдному.

— Поди, кается голубчикъ.

— Ахъ, Машка я и забыла грошикъ-то взять?.. Какъ я пойду съ пустыми руками: вѣдь неловко какъ не бросишь на шафотъ-то.

— Ну я за тебя брошу.

— Нѣтъ ужъ я своими руками.

— Говорятъ, что этотъ палачъ себя беретъ.

— Ну, Богъ съ нимъ! Ты лучше нищему не подай.

— Ай дяденька! за что его везутъ-то.

— За воровство.

— Ишь-ты! Вотъ-бы Анкудиниху такъ-то пробрать?

— Чего Анкудиниху! Вонъ Тарасовъ что дѣлаетъ....

Не казнятся черти... А поди и они тутъ-же, и т. п.

Дядя мой ругалъ тѣхъ людей, которые бѣгаютъ смотрѣть грѣшника. Онъ говорилъ, что это дураки бѣгаютъ, сами не зная почему бѣгаютъ, также какъ сами не знаютъ, почему они ходятъ пожары смотрѣть; говорилъ онъ также, что они ходятъ для развлечения, потому что дома имъ нечего дѣлать. Но дядя мой понималъ это по своему, а тетка и люди по своему; тетка даже говорила, что она не потому ходитъ, чтобы смотрѣть какъ наказываютъ, а чтобы пожалѣть его и бросить ему гривенку денегъ. Того же мнѣнія и люди были. Мы-же дѣти, ходили бессознательно, и намъ очень было жалко наказываемаго, страшно, потому что въ это время была такая

мертвая тишина, что только и слышны стоны наказываемаго. Мы уходили молча, сердца наши билсь; по ночамъ мы бредили и кого-то боялись. За то днемъ находилсь пзъ насъ такіе артисты, которые изображали подобную же операцію надъ деревомъ, веревкой или голкомъ. Выходило забавно, но еще забавнѣе выходило то, что этого артиста непременно въ этотъ день наказывали розгами или родной батюшко или родная матушка.

Играли мы еще въ лошади, но украдкой и за эту игру намъ больно доставалось отъ родныхъ. За то намъ не запрещали пускать змѣйки. Сдѣлаешь змѣекъ и бѣжишь въ восторгѣ, распуская пнтки, то по улицѣ, то по огороду, и только тогда присмрѣешь когда услышишь крикъ дяди или родственника:

— Я тебя, шельма ты этакая!..

Родные наши очень были строги и не любили всѣ наши игры. Они хотѣли, чтобы мы сидѣли смарно; они боялись, что мы издеремъ и измаремъ рубашки и платья, ушибемъ. Все это дѣлалось конечно съ цѣлю, чтобы сберечь насъ. Но что же было намъ дѣлать, какъ только не играть? Намъ ничего не читали, ничего не рассказывали хорошаго, не велѣли дотрогиваться до книгъ. Если же мы спрашивали: а почто это гремитъ? Почто идетъ такъ скоро туча? Намъ говорили: не ваше дѣло!.. Если мы приставали съ распросами, намъ отвѣчали подзатыльниками. Какъ теперь помню, вся забота нашихъ родныхъ состояла въ томъ, чтобы мы во всемъ слушались ихъ, пересказывали все, что говорилось другимъ про ихъ, не знались съ тѣми, кого и они не любятъ, меньше ѣли. При этомъ они говорили, что хочуть изъ насъ сдѣлать подобіе себѣ и указывали на какого-нибудь служащаго молодаго человѣка: «посмотри-ка какой человѣкъ-то сталъ!.. А вѣдь какъ блин-то его, бѣднаго... За то выучили».

Дядя началъ меня учить грамотѣ. Азы я училъ цѣлый мѣсяць, писалъ букву *a* тоже цѣлый мѣсяць. Знаю, что много терпѣнья затратилъ дядя на мое ученье. Подзоветь онъ меня къ столу, заставляетъ читать и такъ строго заставляетъ, что я боюсь его и молчу. Онъ крикнетъ на меня: ну? Я задрожу. Онъ ударитъ меня, я въ слезы; онъ же: првивя-

жетъ меня къ столу и уйдетъ. Какъ только онъ уйдетъ, я начинаю ковырять указкой буквы, вырываю листки изъ азбуки. Дядя выспится, придетъ ко мнѣ.

— Выучилъ?

Я молчу.

— Что же ты?

Я смотрю на него, надуваю губы и со злостью смотрю на него.

— Такъ-то ты! и онъ схватитъ ремень и начнетъ меня драть. Я возьму да и укушу ему руку....

Родственники жалѣли меня и называли все-таки лѣнтяемъ. Одна только бабушка жалѣла меня

— Учпсь ты, дитятко, учпсь!

— Не хочу!

Она на меня прикрикнетъ: въ солдаты что ли захотѣлъ? Я заплачу:

— И ты такая-же злая.

Товарищи-друзья издѣвались надо мной: вотъ мы такъ много выучили.

Наконецъ дядя отдалъ меня одному старому отставному чиновнику съ платою ему четыре рубля въ мѣсяцъ. У этого чиновника, какъ я помню, было двѣ страсти въ это время: онъ любилъ птицъ, которыхъ у него было постоянно до семидесяти штукъ и восемьдесятъ садковъ, и отчего комната его, безъ того грязная и темная, имѣла довольно неказистый видъ; птицы пѣли, стучали носами, онъ поддразнивалъ какую нибудь птицу. Онъ изрѣдка продавалъ птицъ и продавалъ только такихъ, которые ему чѣмъ нибудь не нравились; хорошихъ птицъ онъ держалъ съ какою-то цѣлю и свою цѣль никому не высказывалъ, а говорилъ, что ему нравится держать птицъ. Онъ съ наслажденіемъ осматривалъ каждую птицу, съ наслажденіемъ чистилъ садки и говорилъ: «о ты моя маточка! Ишь какъ расходилась! Ну-ко, куси палець»... Забавно было смотрѣть, какъ онъ бралъ особенно любимую имъ птицу въ руку, дулъ на нее, цѣловалъ и говорилъ: такъ бы и съѣлъ тебя, маточка, да жалко. Чиновники пазывали его птичьимъ сводникомъ, рѣдко заглядывали къ нему и говорили, что онъ сошелъ съума отъ птицъ, хотя ни я, ни ученики его этого не замѣчали. Онъ до безумія любилъ свою сестру, ко-

торая, какъ говорили люди, вовсе не сестра ему, потому что многимъ моложе ее. Когда она вскричитъ на него, онъ растеряется такъ, что у него и садокъ выпадетъ изъ рукъ; скажетъ ему: «сходи на рынокъ», онъ и птичью любезность броситъ, побѣжитъ на рынокъ, но предварительно лѣзетъ цѣловаться съ сестрой, которая при этомъ говорила ему: иди мохнорылой; ишь не обрлся, а туда же цѣловаться лезеть!

— Некогда, маточка.

— Набралъ себѣ поганыхъ птицъ; вотъ распущу всѣхъ...

— У, ты курочка мохноножка!

Вторая страсть его была учить дѣтей. Своихъ дѣтей Богъ ему не далъ, вотъ онъ и взялся по знакомству учить ребятъ. Всѣхъ насъ было штукъ восемь и мы у него учились мало, потому что онъ задавалъ намъ уроки на домъ, а дома только спрашивалъ по книжкѣ и кое-что рассказывалъ изъ священной и всеобщей исторіи. Кромѣ этого мы помогали ему чистить садки и учились пѣть. Въ праздники онъ водилъ насъ въ церковь и пѣлъ съ нами на клиросѣ. Онъ никогда не тербилъ насъ за уши или за волосы, а любилъ наказывать насъ голикомъ своими руками. —

— Ты не сердись, голубчикъ.. Я маленько, потому что мнѣ это нравится, да и тебѣ привыкать надо къ этому, — говорилъ онъ намъ передъ наказаніемъ. Мы были привычны къ этому и всегда смѣялись, когда онъ наказывалъ насъ. А онъ очень легко наказывалъ насъ, такъ что его сестра говорила ему:

— Что ты ихъ мажешь?

— Думасшь я тебѣ доврѣю... Я люблю ребятокъ...

Я кое-какъ умѣлъ разбираться печалью и кое-какъ писалъ крупные азы; поэтому три мѣсяца моего ученія у чиновника прошли безъ пользы для меня. Не знаю долго ли бы я проучился у него, только я ему хорошо насолилъ. Какъ-то я остался одинъ у него. Мнѣ захотѣлось посмотреть, летаютъ ли эти птицы по комнатѣ и улицѣ, а того и не сообразилъ, что онѣ могутъ улетѣть совсѣмъ. Я отворилъ сначала окно и растворилъ четыре садка. Птицы вылетѣли изъ садковъ, полетали по комнатѣ и одна за другой улетѣли въ растворенное окно на улицу. Я хотѣлъ было поймать, да ихъ и слѣдъ простылъ... Стою я у окна и плачу; входитъ учитель:

— Что ты, разбойникъ, дѣлаешь? И онъ оттолкнулъ меня отъ окна.

— Ничего... а самъ думаю: убѣтъ онъ меня.

— А за чѣмъ плачешь? Ахъ, Господи! Гдѣ соловей?.. гдѣ кенарейка?.. Ахъ!.. ахъ!..

— Убѣжали...

— Да знаешь ты, мошенникъ эдакой, я за нихъ тысячи не возьму...

Онъ меня вытолкалъ въ шею и я съ тѣхъ поръ не видалъ ужь его.

Уже съ годъ поговаривали, что меня отдадутъ въ училище и я очень радовался, что буду учиться въ училищѣ, гдѣ много будетъ товарищей. Но дядя все откладывалъ почему-то, говоря, что я еще малъ. — Мы тогда жили въ почтовой дворницѣ и я дѣлалъ тамъ разныя штуки. Мнѣ очень было забавно, какъ почтальоны дрались у печки и я пользовался случаемъ, чтобы злить ихъ какъ можно чаще. У одной печки стряпали двѣ-три семьи, потому-что около одной печки жило двѣ-три семьи и стало быть каждая имѣла право на стряпню въ этой печкѣ; но каждая хотѣла непременно одна стряпать. Сдвинетъ напрямѣръ, Семениха горшокъ, другая толкаетъ ее горшокъ, и ставитъ свой горшокъ. Третья лѣзетъ прожки жарить.

— Ты куда?

— А ты куда?

— Ты подождешь!

— Плевать мнѣ на твои горшки!

— Подожди; тебѣ говорить?

— Экая фри! Откуда ты, сволочь, выплыла?

— Тѣфу ты проклятая...

И пойдетъ цанотня. Придутъ мужья.

— Ну-ну смирно!

— Я вотъ-те покажу, не твое дѣло.

— Молчи! ты знай свое дѣло въ конторѣ, а мнѣ не мѣшай.

Трудно было мужьямъ разнимать своихъ женъ, и они со всѣмъ отступались отъ нихъ. Тетка жила хотя и въ особой комнатѣ, но стряпала въ одной кухнѣ съ тремя семействами. Она была неуступчивая и всегда жаловалась дядѣ на обиды ихъ, дядя жаловался почтмейстеру. Хозяйки, заявляющія свои

права на печь, спльно не любил тетку и всячески старался пакостить ей. Тетка ругалась и говорила мнѣ, чтобы я не знался ни съ кѣмъ изъ нихъ. Этого я сдѣлать не могъ, потому что на одномъ корридорѣ всего жило четыре семьи и мнѣ нравилось тереться у какой нибудь семьи. А нравилось потому, что я выглядывалъ тамъ, нѣтъ ли хорошихъ картинокъ, хорошихъ книгъ съ картинками; мнѣ нравились платья, мебель и пр. и быть тамъ казалось веселѣе. Увижу мѣдные деньги, непременно стяну гривну или копѣйку. Если деньги были считаны, то жаловались теткѣ, что я укралъ; я записался; тетка говорила, что на меня говорятъ напрасно. Если кто ругалъ меня или обижалъ, я самъ тому мстилъ такимъ образомъ: однажды на только-что развѣшанномъ во дворѣ для сушенья бѣльѣ, я начертилъ углемъ косые кресты; меня замѣтила одна женщина и призвала къ теткѣ за уши. Когда мнѣ задали за это хорошую баяню, я придумалъ новое средство къ своей цели: нашелъ во дворѣ подохлаю кошку, принадлежавшую этой женщинѣ, и бросилъ ее въ кадку съ водой, принадлежавшей этой же женщинѣ. Подумали на меня: меня отодрали и пожаловались почтмейстеру, что отъ меня никому нѣтъ покоя. Почтмейстеръ сдѣлалъ выговоръ дядѣ. После этого мнѣ такъ нравилось злить почтовыхъ женщинъ, что я почти каждый день придумывалъ какую нибудь штуку. И больно правилъ мнѣ мои штуки и больно мнѣ приходилось за нихъ. Лишь только отдерутъ меня, я сажусь куда нибудь въ уголъ и думаю: что же мнѣ такое сдѣлать? да такъ чтобы не узналъ никто. Пройдетъ мимо меня почтальонъ и смѣется:

— Что спишь, драмая харь.

— Что ты дразнишься, несъ ты экой?

Почтальонъ щиплетъ меня за волосы.

— Что дерешься, подлець! Ия ударю его.

Онъ отойдетъ и говоритъ: воръ! воръ! неходи, во вооръ...

Я соскочу и брошу въ него чѣмъ-нибудь.

— Я тѣ сволочь! скажетъ другой почтальонъ выходя изъ дверей.

Пройдетъ женщина и со злостію направляя на меня кулаки, говоритъ:

— У, подкидышъ!

— Молчи чуча!..

— Молчи! чума сибирская!.. Плюнетъ на меня женщина, уйдетъ и скажетъ теткѣ, что я обозвалъ ее скверною руганью.

Я крѣпко затаю злобу и начинаю выдумывать что-нибудь, и только выдумую, смѣшно мнѣ становится. «Ужъ сдѣлаю же я надъ вами праздникъ!» думаю я. И весь день я веселъ, такъ что тетка удивляется, что я веселъ.

— Надъ чѣмъ ты все смѣешься?

— Ничего... такъ.

— Опять, вѣрно, спакостилъ что-нибудь?

Стоитъ въ корридорѣ чей-нибудь самоваръ. Самоваръ шумить. Я вытащу изъ него кранъ и брошу его куда-нибудь въ хорошее мѣсто, а самъ спрячусь дома. И совѣстно мнѣ становится своей глупости и все-таки думаю: пускай!

Слышу я, что въ корридорѣ суетятся: голоса бабы.

— Что-то баба запоетъ?—думаю.

— А наказанье божье этотъ паренъ!

— Смотри какъ сѣлъ!.. Вѣдь восемь рублей стоитъ самоваръ-отъ! Ахъ будь онъ проклятъ этотъ паренъ.

— Ужъ это онъ,—больше некому.

И вытаскать меня и начинаютъ расправляться.

И выходило послѣ этого-то, что все кражи, сдѣланныя не мной, сваливали на меня. Меня драли, мнѣ тяжело было жить, а дядѣ еще хуже, потому что онъ платилъ деньги, и ему не было проходу: вотъ онъ вашъ-то сынокъ, что опять падѣлать.

— Да будте вы прокляты все! скажетъ дядя и думаетъ, что я—страшный разбойникъ и что отъ меня надо всячески избавиться. Онъ отдалъ меня въ бурсу, на томъ основаніи, что я принадлежалъ духовному сословию хотя и родился тогда, когда отецъ былъ почтальономъ. То, что меня взяли въ бурсу, ухитрился сдѣлать дядя, у котораго много было знакомыхъ изъ консисторскихъ.

Сначала мнѣ хорошо казалось жить съ товарищами и я велъ себя очень скромно. Но когда меня, черезъ недѣлю послѣ поступленія въ бурсу, жестоко отодрали, я не залюбилъ бурсу. Мнѣ не нравилась жизнь въ заведеніи, несоюзность товарищей и жестокия розги; мнѣ показалось, что у дяди воляше

жить и лучше. Дядя и тетка наказывали за дѣло, а здѣсь за какіе-то уроки, которые я не считалъ нужнымъ учить, меня два раза выстегаали до обѣда, да разъ послѣ обѣда... Цѣлые двѣ недѣли меня не выпускали никуда изъ заведенія и почти каждый день драли, какъ лошадь, если не разъ, то по два раза; товарищи били меня за то, что я воровалъ у нихъ булки, сушенныя лепешки, привезенныя имъ родными и родственниками. Я ни съ кѣмъ не жилъ въ ладу, хвастаясь дядей, и никто не любилъ меня; всѣ стали жаловаться, что я краду булки; да если и былъ неправъ я, такъ находились товарищи, которые сами воровали и сваливали всю вину на меня. Такъ я прожилъ мѣсяцъ, и въ это время ужасно перемѣнился—похудѣлъ и схватилъ золотуху. Тетка дала мнѣ двѣ-три пары рубашекъ и подштанниковъ, но я весь мѣсяцъ носилъ только одну рубашку, брюки и сюртукъ, а остальное у меня разворовалъ. Мнѣ невтерпежъ стало житье въ заведеніи и я задумалъ бѣжать. Бѣжать къ дядѣ я боялся, потому что дядя меня приведетъ въ заведеніе, а тамъ я видалъ, какъ наказывали бѣглецовъ. Мнѣ очень хотѣлось бѣжать къ дядѣ, пасть передъ нимъ, плакать и просить, чтобы онъ взялъ меня къ себѣ; я хотѣлъ всячески постараться угождать ему, не сердить его и не дѣлать никакихъ пакостей ни ему, ни другимъ; но я все таки боялся уйдти къ нему, боялся даже и тетки. Наконецъ я таки рѣшился уйдти во чтобы то ни стало. Рано утромъ я ушелъ на колокольню, думая, что тамъ никто меня не найдетъ. Съ замираніемъ сердца я просидѣлъ на вышкѣ надъ колоколами то время, когда звонили къ заутрени. Послѣ заутрени мнѣ скучно сдѣлалось, я заплакалъ и спустился къ колоколамъ. Долго я смотрѣлъ на городъ и на рѣку, долго думалъ: куда бы мнѣ уйдти, но ничего не придумалъ. Мнѣ страшно захотѣлось ѣсть, а сойдти съ колокольни боялся: я и теперь думалъ, что изъ каждаго окна смотрятъ на колокольню, видятъ меня и говорятъ: вонъ онъ куда спрятался! и я представлялъ себѣ картину: какъ схватятъ меня, какъ приведутъ къ зрителю и какъ начнутъ драть... Въ сердцѣ точно кто ножомъ водилъ тогда, когда я думалъ: «а вѣдь теперь учатся!.. Ихъ дерутъ, а меня нѣтъ... Меня не найдти имъ»,—и я радовался своему героизму... Послѣ обѣда мнѣ еще тяжелѣе сдѣлалось; голодъ

меня мучилъ. Пошелъ дождь, загремѣлъ громъ и я съ трепетомъ, прижавшись въ уголь, дождался себѣ смерти. Я такъ и думалъ, что громъ непременно убьетъ меня; но все таки мнѣ еще жить хотѣлось... Когда прошла гроза и пересталъ дождь, я хотѣлъ идти въ городъ, но не пошелъ. Вечеромъ мнѣ страшно сдѣлалось: я боялся провести ночь на колокольнѣ.. Мнѣ вдругъ представилось, что колокольня можетъ унести и убьетъ меня... Я подошелъ къ большому колоколу, моля его, чтобы онъ пришибъ меня, но онъ подвигался... Долго послѣ этого я стоялъ у перилъ и мнѣ вдругъ захотѣлось броситься внизъ. Закружилась голова и я чуть не бѣгомъ слѣзъ съ колокольни. Ночь я провелъ на берегу у одной лодки, а утромъ отправился за рѣку. Весело мнѣ было на вольномъ воздухѣ, на свободѣ, я улыбаясь смотрѣлъ на городъ и рисовывалъ на бумажку одну часть города. Я ходилъ какъ помѣшанный отъ голода и кое-какъ отъискала рыбацїи шалаши. Въ немъ не было ничего. Тамъ я увидалъ воль-ковриги хлѣба, взялъ его съ собой и, не знаю почему, обрѣзалъ нѣсколько удочекъ у снастей, распластавъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ неводъ, и сдѣлалъ дыру на одной лодкѣ. Этотъ день я провелъ хорошо, прогуливаясь по травѣ и по лѣсу, и пѣвая пѣсни. Я радовался, что я на свободѣ, что меня никто не стѣсняетъ и я могу дѣлать все, что только хочу, я торжествовалъ надъ тѣмъ, что я одинъ изъ всѣхъ бурсаковъ убѣжалъ далеко, что ихъ дерутъ... «Пусть васъ дерутъ!» говорилъ я громко и хохоталъ. Я очень былъ счастливъ и не находилъ счастливѣе себя человѣка. Я думалъ: «а какъ хорошо! Ни за что я не пойду отсюда никуда, ни за что не пойду .. Я и къ дядѣ не пойду». Мнѣ ничего не пужно было, хотя и казалось мнѣ, что въ каждомъ кусткѣ дерева кто-то сторожитъ меня, а на нѣкоторые кусты я даже и смотрѣть боюсь. Когда проходилъ мой страхъ, я думалъ: а хорошо бы здѣсь соорудить домъ. Я бы тогда дядю и тетку взялъ съ собой жить, они бы тогда не стали меня бить. Потомъ мнѣ думалось: нѣтъ лучше бы денегъ побольше найдти тогда бы меня прямо сдѣлали священникомъ и учиться бы не заставили. Потомъ мнѣ вдругъ захотѣлось плыть куда-то дальше. Я сталъ грести къ верху, но мои силы плохи были и меня пер-

ло къ низу. Я приплыль къ берегу и сталъ доѣдать кусокъ хлѣба, поглядывая на городъ.

— Я тѣ подлюю рожу! ахъ ты мошенникъ экой, каторж-пой! услыхаль я позади себя. Когда я оглянулся, то увидаль на горкѣ мѣщанина. Лицо его было такъ страшно для меня, что я сильно испугалъ. Онъ подбѣжалъ ко мнѣ.

— Такъ-то ты! такъ-то!.. Я тебѣ!.. И онъ началъ тузить меня не на милость, а на смерть... Я ничего не понималъ, а только чувствовалъ его полновѣсные удары, а потомъ ужъ ничего не чувствовалъ. Очувствовалъ я уже тогда, когда не было ни лодки въ водѣ, ни мѣщанина на берегу. На лицѣ была кровь, голова страшно болѣла, волосы лѣзли. Я кое какъ всталъ, началъ бродить по берегу, не зная, что мнѣ теперь дѣлать. Не знаю сколько времени бродилъ я по берегу, только, кажется, вскорѣ послѣ того, какъ я всталъ съ земли, я услыхаль свою фамилію съ словамъ: вотъ онъ, бѣглець! Когда я взглянулъ на рѣку, то на серединѣ ея увидаль двѣ лодки и въ каждой по два сторожа и по три семпнариста. Я пустился бѣжать въ лѣсъ, не помня себя. Не помню долго-ли я бѣгалъ, только двѣ дюжія руки схватили меня, связали накрѣпко и потащили безжалостно по кочкамъ, камнямъ и травѣ, прибавляя въ спину полновѣсные, крѣпкіе удары палкой. У лодокъ меня дожидались дюжіе бурсаки и смѣялись: «бѣглець! бѣглець! Вотъ тебѣ зададутъ жару!» Я просилъ ихъ, плача, отпустить меня, жаловался, что меня избилъ; но они все хуже и хуже издѣвались надо мной.

И была-же мнѣ баня!.. Послѣ этой бани я два мѣсяца лежалъ въ лазаретѣ.

Вы думаете я не сталъ послѣ этого бѣгать? Какъ-бы не такъ! Я еще въ лазаретѣ обдумываль планъ побѣга, и какъ только вышелъ изъ него, черезъ день же убѣжалъ въ заводъ, находящійся въ трехъ верстахъ отъ города. И знаете ли, какъ я тамъ промышляль себѣ пищу и пристанище въ теченіи полоторыхъ недѣль? Какъ только я вышелъ изъ города, я бросилъ сюртучокъ въ рѣку, вымараль грязью свою рубашку, штаны, лицо и пошолъ въ заведенія и дома просить хлѣба ради Христа .. Меня спрашивали:

— Чей ты паряюга?

— Чей? Материнъ, отвѣчалъ я.

— Знаю что не собачій... Кто у тѣ мать-то?

Я затруднялся отвѣчать и молчалъ.

— Что молчишь?

— Да мамка-то померла у меня, давно померла; бросила...

— Ишь-ты! Экое, подумаешь, наказанье!.. Ты-бы въ люди пошолъ.

— Не принимаютъ. Я плакалъ, и плакалъ я не представляюсь, а не знаю почему мнѣ горько было, и горячи были мои слезы....

— То-то. Видно, молъ, трудно. А ты поди къ управителю, онъ тѣ пристроить.

— Боюсь, стегать будетъ.

— Ужь не безъ того... А ты ужю похлебай щецъ.

Я радъ не радъ, что меня признать добрая хозяйка, а самъ думаю, чтобы да она не сказала кому-нибудь про меня, да не узналъ-бы дядя? Сяду я на лавку и сижу смирно, смотрю дико. Ребята оглядываютъ меня, сторонятся какъ-то, а говорятъ со мною не хочуть и только шепчутся.... Сядетъ хозяйня обѣдать и дѣтей посадить съ собой, а я все сижу въ углу, да смотрю, какъ они уписываютъ, да на меня смотрятъ. Мнѣ такъ и кажется, что они издѣваются надо мной, да думаютъ: посмотри-ко какъ мы ѣдимъ!.. И сижу я какъ собачка, съ жадностью и злостію смотрящая на своихъ хозяевъ, какъ они ѣдятъ хлѣбъ и хлѣбають щи, и что по ихъ вкусу, и съ гордостію смотрятъ на нее, говоря: «подождешь! вотъ остатки будутъ... А не будутъ—извини»... И жду я этихъ остатковъ, и стыдно мнѣ, что я жду, такъ вотъ и хочется самому схватить все со стола и все поѣсть... И думаешь со злостію: «экіе у нихъ рты-то огромные!.. экъ они ѣдятъ-то сколь!.. А кто они такіе?.. Погодите, утру я вамъ носъ!.. А чѣмъ,—я и не знаю, стыжусь своего положенія; боязнь опять приходитъ ко мнѣ... Славно я наѣмся чужаго хлѣба и сладокъ этотъ хлѣбъ!.. Не даромъ-же я просилъ его Христа ради! Ночами я время проводилъ и у мастеровыхъ или гдѣ-нибудь на сараяхъ.

И много я увидалъ тамъ, много я замѣтилъ хорошаго; мнѣ такъ понравилась простота ихняя, что я хотѣлъ на всю жизнь остаться у нихъ...

Сколько я ни старался избѣгать нищихъ, которыхъ я не любилъ по своему, но мнѣ все-таки приходилось сталкиваться съ ними. Дѣти ихъ, старше и моложе меня годами, были слишкомъ грубы. Я захаживалъ въ ихъ жилища и много я тамъ узналъ такого, что заставляетъ ихъ ходить помѣру. Изъ ихъ жизни можно бы было написать цѣлые романы и исторіи, но не все-же интересно для большинства; много есть такого, чему можно и не повѣрить. Здѣсь я расскажу, какъ можно короче, нѣсколько примѣровъ нищенства.

Нищенку Аринку зналъ весь заводъ. Знали ее потому, что она всѣ собираемыя деньги тотчасъ же пропивала въ кабацѣ и валялась послѣ этого пьяная на улицѣ. Ее ужъ не брали въ полицію. А не брали ее въ полицію потому, что казакамъ взять съ нее было нечего, и такъ какъ въ полиціи всегда было много людей, а для Аринки нужно просторное мѣсто, потому что она никакъ не можетъ сидѣть или стоять, то рѣшили, что ей гораздо лучше лежать на улицѣ. У нее были двѣ дочери: Анна 8 лѣтъ и Парасковья 9 лѣтъ. Онѣ также ходили по міру и жили въ общей квартирѣ, въ стойлѣ, гдѣ пока не было коровы, и которою снабдилъ ихъ изъ жалости мастеровой. Она была солдатская жена. Вышла она замужъ за крестьянку 18 лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ мужа ея взяли въ солдаты. Ей трудно было жить въ чужой семьѣ съ двумя ребятами. Однако она билась полгода. Ее стали кормить чужими хлѣбами, отняли мужнино домище, а ее вытолкали. Она пошла въ городъ на работу; но что можетъ сдѣлать одна женщина съ маленькими ребятами? Сначала она работала на кирпичномъ заводѣ, оставляя дѣтей въ какомъ нибудь углу, а спала въ самомъ заводѣ. Потомъ она приучилась попивать водку съ рабочими, заболѣла и больная пошла по міру. Ходить по міру ей очень понравилось. Дѣти тоже пошли по міру и ходили одни, безъ нея. Онѣ часто сталкивались со мной, но я прятался отъ нихъ, потому что мнѣ не хотѣлось дѣлать по-дачекъ.

Много есть такихъ нищенокъ, которыя съ самаго дѣтства нищенствуютъ. За то онѣ ругаются, какъ иной пьяница неругается, предаются разврату съ мужчинами ихнаго сорта, пьянствуютъ, дерутся и обижаются, если имъ подаютъ мало.

Ипшенка Танька росла въ чужихъ людяхъ. Много она приняла горя въ чужихъ людяхъ; много бита была. Но и въ чужихъ людяхъ бываютъ радости. Она полюбила одного гимназиста. Ее выгнали изъ дома. Долго она ходила изъ дома въ домъ, ее не принимали; не принимали ее и въ больницу и она, чтобы найти себѣ пріютъ, украла на рынкѣ у какой-то старухи кошель съ деньгами и ее посадили въ острогъ. Въ острогѣ ребенокъ ея умеръ. Ее оставили въ подозрѣніи, а послѣ трехъ лѣтъ ее обвинили опять въ воровствѣ. Она пробыла годъ въ острогѣ, испортилась тамъ совсѣмъ, и когда получила свободу, то пошла по міру. И часто эта Танька сидѣла въ острогѣ и въ полиціяхъ безвинно. И никто не любилъ ее, а подавалъ ей милостыню только ради Христа, хотя и знали, что не въ прокъ эта милостыня. И жалко было смотрѣть на эту бѣдную, но ее никто не жалѣлъ...

И много—много я видѣлъ такихъ нищенокъ!

Всеело и грустно мнѣ казалось, когда мнѣ приводилось быть въ ихъ компаніи, а отъ чего это такъ—я плохо смыслилъ въ то время... Шумно они проводили время, но не всѣ такъ проводили время, многіе плакали. Сидитъ, наиримѣръ, какойнибудь отставной солдатъ съ орденомъ на шинели, съ деревяжкой подъ лѣвымъ колѣнкомъ, сидитъ онъ грустно. Надъ нимъ смѣются; а онъ то и дѣло псеть: «Ахъ больно сердцу моему!» и стучить кулаками отчаянно по столу.

— Гдѣ ты ногу-то пропилъ?

— Гдѣ? На войнѣ...

— Врешь ты все—отморозилъ,

Сердится солдатъ и выкладываетъ съ досады остальные гроши, приговаривая: вотъ-гдѣ! и потомъ рассказываетъ въ сотый разъ исторію, какъ онъ лишился ноги и отъ чего онъ пошелъ нищенствовать. Я только знаю его слова такого рода: вы думаете, я сталъ бы якшаться со всякой швалью?.. а я поди-ка,—жрать хочу; нажить деньги могу... Ну и наживаю, да пропиваю, а какъ пропью и пойду собирать.

— Такъ зачѣмъ ты по міру ходишь, коли работать можешь?

— А обидно, что за работу мало даютъ. Обидно, что за ногу мало дали... А будь-ка нога, я бы козыремъ ходилъ и

съ вапимъ братомъ не сталъ бы якшаться. Думаете, мнѣ не обидно что-ли, сволочь вы экая! И запретъ: больно сердцу моему!

На меня всѣ смотрѣли, какъ на звѣря. Многіе думали, что я непременно барскаго роду, потому что на мнѣ была ситцевая рубашка и лицо у меня было незагорѣлое.

— Ты парень кто такой?

— Материнъ. Обыкновенно отвѣчалъ я.

На это мнѣ отвѣчали ругательствами. Обзывали мою мать, моего отца и многимъ тут доставалось.

— Чей ты? спрашивали меня опять.

— Не знаю.

Меня опять поролн и опять доставалось всѣмъ живымъ и мертвымъ.

— Пей водку!

— Не хочѹ.

— Тебѣ говорятъ: пей!

Ко мнѣ приставала вся честная компанія: кто теребилъ меня за волосы, кто наливалъ мнѣ на голову водки, кто засовывалъ руку за мою пазуху и обиралъ все, что было у меня тамъ спрятано.

— Пляши!

— Не умѣю.

Меня начинали бить и силой заставляли плясать.

Послѣ подобныхъ сценъ у меня голова ходила кругомъ. Я долго не могъ опомниться отъ всего слышаннаго и видѣннаго. Я даже досадовалъ на себя, зачѣмъ я пошелъ въ заводъ. Такъ мнѣ показались гадки всѣ нищіе, что я всячески старался избѣгать ихъ; но они все таки находили меня и тащили съ собой. Я кричалъ и просилъ встрѣчныхъ, чтобы меня спасли отъ нихъ, но никто не давалъ помощи. Искалъ я въ заводѣ и такого человѣка, который-бы заставилъ меня работать, но меня не хотѣли брать безъ имени, а своего имени я не хотѣлъ сказывать... И богъ знаетъ, что-бы было со мной дальше, если бы не спасла меня одна женщина. Разъ я пришелъ въ одинъ домъ просить ради Христа. Лишь только я вошелъ въ избу, меня взялъ страхъ: я увидѣлъ ту самую женщину, которая по два раза въ недѣлю носила теткѣ молоко и знала ме-

ня очень хорошо. Эта женщина любила меня и носила мнѣ пряничныхъ пѣтушковъ въ праздники.

— Что это съ тобой? сказала она, увидѣвъ меня, и хлопнула руками по бокамъ.

— Ничего.

— Зачѣмъ ты здѣсь? Ахъ стражъ какой!

Я заплакалъ.

— Вотъ-то будетъ тебѣ пару и жару!... Отецъ хороший человекъ, а онъ, гляди-же ты, по міру ходитъ. Меня обступили ея дѣти; я плакалъ.

— Ай, ай! бѣда какая! Тебя тамъ сбились, ищутъ, а онъ гляди-же ты.

— Не сказывай тетушка, родименькая... плакалъ я, чувствуя всю свою бѣду.

— Ахъ ты, пострѣлъ ты эдакой! Ну, какъ я приму тебя? Ну, зачѣмъ ты пришелъ ко мнѣ?..

Я не зналъ, что отвѣчать и плакалъ. Она сжалилась надо мной: умыла меня, одѣла, накормила и уложила спать, а сама отправилась въ городъ. Она ушла потому, чтобы ей выслужиться передъ дядей, и наговорить про меня ужасовъ, вѣроятно изъ состраданія, такъ какъ и у нее были дѣти, только ея родные...

Дѣло извѣстное, что было послѣ этого... Результатомъ моего бѣгства было то, что меня исключили изъ духовнаго сословія и я сдѣлался работникомъ своихъ воспитателей. Мнѣ тогда исполнилось только что десять лѣтъ, т. е. пошелъ уже одиннадцатый. Трудно мнѣ жилось въ это время! Я забылъ всѣхъ своихъ товарищей по бурсѣ, забылъ учителей и зналъ, что меня всѣ забыли. Последнее мое бѣгство было скрыто отъ семинарскаго начальства. Помню только то, что въ это время я былъ очень задумчивъ и сѣмъ собою выучился читать и писать.

Ф. РѢСНИКОВЪ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ.)

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПЕРВЫЙ ВОПРОСЪ.

(Статья первая).

X.

Базаровъ — циникъ; взглядъ Базарова на женщину проиницуть самымъ грубымъ цинизмомъ; — такое сужденіе вы услышите отъ каждаго русскаго человѣка, прочитавшаго романъ Тургенева, и умѣющаго произнести слова «циникъ» и «цинизмъ». Въ устахъ русскаго человѣка эти слова имѣютъ, конечно, ругательное значеніе; такъ какъ мы сами, до сихъ поръ, не были причастны ни къ одной философской школѣ, то мы ухитрились все дошедшее до насъ философскіе термины осмыслить по своему, сообразно съ уровнемъ нашихъ умственныхъ отправленій. Вслѣдствіе этого, получились самые неожиданные результаты: — кто въль, пилъ и елъ за четырехъ, тотъ былъ произведенъ въ матеріалисты; а набоные дураки, не умѣющіе приняться ни за одно практическое дѣло, получили титулъ романтиковъ или идеалистовъ. Въ этомъ всеобщемъ маскарадѣ, въ которомъ наши пошлости прикрылись иностранными словами, циническая клика старика Діогена досталась тѣмъ людямъ, которые въ дамскомъ обществѣ произносятъ непечатныя слова, и украшаютъ свою вседневную жизнь разными неприличными поступками. Такихъ людей у насъ не мало; понятія о томъ, что прилично и что неприлично, очень извѣнчивы и растяжимы; вслѣдствіе этого, и слово циникъ стало прилагываться, безъ дальнѣйшаго разбора, къ такимъ вещамъ, которыя сами по себѣ очень хороши, и къ такимъ, которыя во всѣхъ отношеніяхъ

Стд. II.

отвратительны. Цинизмъ называютъ у насъ, съ одной стороны, человѣка прямодушнаго и откровеннаго, презирающаго всякое эрарство, и безопасно разоблачающаго гадости, которыя мы любимъ облекать въ граціозныя формы и смягчать благозвучными словами. Съ другой стороны, я напому читателю Іону-циника, выведеннаго въ послѣднемъ романѣ Писемскаго. Кто говоритъ рѣзкую правду, тотъ, по нашему, циникъ; и кто оскорбляетъ или тиранитъ беззащитнаго человѣка, тотъ, по нашему, также циникъ. Понятно, что послѣднія черты циническаго образа бросаютъ грязную тѣнь на первыя, и получается въ общей суммѣ неопредѣленное представленіе о чемъ-то дикомъ, неумолимомъ и звѣроподобномъ. Если какой нибудь Ловеласъ стремится насильно поцѣловать женщину, путешествующую съ нимъ въ малыостѣ, мы называемъ его любезности циническими; если какой нибудь тупоумный господинъ глумится и куражится надъ своею женою, мы называемъ его обращеніе циническимъ. И тоже самое, загрязненное слово мы прикладываемъ не только къ характеру людей совершенно другаго закала, но даже къ умственной дѣятельности тѣхъ великихъ мыслителей, которые спокойно и рассудительно анализируютъ, съ физиологической точки зрѣнія, чувство чистой дѣйственной любви, и процессъ поэтическаго творчества и норвы возвышеннаго героизма. Все это, по нашей терминологіи, — циники, и всѣ ихъ разсужденія вытекаютъ изъ гнуснаго желанія унижить человѣческую личность, и измать грубыми руками нѣжныя чувства и розовыя надежды довѣрчиваго читателя. Принимая слово «цинизмъ» въ такомъ широкомъ и разнохарактерномъ значеніи, я, пожалуй, готовъ допустить, что Базаровъ дѣйствительно циникъ; но, въ такомъ случаѣ, я надѣюсь доказать моимъ читателямъ, что въ базаровскомъ цинизмѣ нѣтъ рѣшительно ничего дурнаго, то есть, ничего оскорбительнаго для человѣческаго достоинства, и несовѣстнаго съ разумнымъ уваженіемъ къ женщинѣ. Я намѣренъ разобрать довольно подробно всѣ отношенія Базарова къ Одинцовой, и я имѣю причины думать, что этотъ этюдъ въ настоящее время будетъ не совсѣмъ бесполезенъ; онъ до нѣкоторой степени облегчитъ намъ пониманіе того сѣниска, который называется молодымъ поколѣніемъ, и который, подъ этимъ названіемъ, наводитъ недоумѣніе и ужасъ на очень многихъ добрыхъ людей обоего пола. Увидавши Одинцову на балѣ у губернатора, Базаровъ прежде всего обращаетъ вниманіе на ея наружность. «Кто-бы она

ни была, говорить онъ Аркадію, просто ли губернская львица, или «эманципация», въ родѣ Кукиной, только у ней такія плечи, какія я не видывалъ давно. — Аркадія покорило отъ цинизма Базарова. — (Отцы и дѣти. стр. 112). Вотъ и чудесно! Слово «циннизмъ» сразу вырвалось у самаго Тургенева. Это даетъ самый удобный случай проанализировать, какого рода штука этотъ циннизмъ. Что молодой человѣкъ равнодушенъ къ красотѣ молодой женщины, — въ этомъ, кажется, самый строгій моралистъ и самый восторженный поэтъ, каждый съ своей точки зрѣнія, не найдутъ ровно ничего предосудительнаго. Ужъ на томъ свѣтъ стоитъ, что молодые люди нравятся другъ другу, и что любовь, начинается преимущественно съ того пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ привлекательная наружность. Когда человѣкъ почувствовалъ это пріятное впечатлѣніе, то почему-же его и не высказать третьему лицу, которому это сообщеніе нисколько не можетъ быть оскорбительно? — Да, конечно, скажетъ мой вязанный читатель, но какъ высказать? — О, я знаю; въ этомъ какъ и заключается настоящая загвоздка. Молодому человѣку дозволяется говорить о красотѣ женщины, даже о ея бюстѣ, даже о ея роскошныхъ формахъ, но при этомъ онъ, во первыхъ, долженъ выражаться отборными словами, специально обточенными для подобныхъ живописаній; а во вторыхъ, онъ долженъ, во время такого разговора, имѣть и благоговѣть, прищуривать глаза и изображать на своихъ губахъ блаженную улыбку небеснаго созерцанія. Тогда никому въ голову не придетъ произнести слово «циннизмъ»; тогда скажутъ, напротивъ того, что молодой человѣкъ — художникъ, способный увлекаться высшими идеалами, и что онъ въ конечной формѣ усматриваетъ безконечную идею прекраснаго. — Но, такъ какъ Базаровъ говорить спокойно и называетъ плечи — плечами, а не формами, и о безконечной идеѣ прекраснаго не заикается, то сейчасъ является на сцену «циннизмъ», и начинается коробить благонаправнаго Аркадія, который однако способенъ, подобно большей части юныхъ птенцовъ, выслушивать съ величайшимъ наслажденіемъ самыя нескромныя описанія, если только эти описанія производятся по вѣрнымъ правиламъ эстетики. Куда ни кинь, вездѣ на эстетику натыкаешься. Любопытно замѣтить, что самъ Добролюбовъ съ этой стороны заплатилъ дань эстетикѣ. Защищая какой-то характеръ, кажется, характеръ Катерины, онъ говоритъ, что его могутъ извратить и опозорить въ своемъ пониманіи только тѣ грязные люди, которые все мараютъ своимъ прикосновеніемъ,

которые даже на какую нибудь Венеру Милосскую смотреть съ прилическою улыбкою и съ изящными чувственными помышлениями. Я совершенно согласенъ съ Добролюбовымъ, что скалить зубы передъ мраморною статуею—занятіе очень глупое, безплодное и неблагодарное; но, наперекоръ всѣмъ художникамъ и эстетикамъ въ мірѣ, я осмѣлюсь утверждать, что всѣ экстазы самыхъ просвѣщенныхъ и рафинированныхъ поклонниковъ древней скульптуры въ сущности ничѣмъ не отличаются отъ прилическихъ улыбокъ и чувственныхъ похлывовеній. Послѣднія только проще, непосредственнѣе и откровеннѣе; въ дѣйствіе чего и нелѣпость послѣднихъ обрисовывается гораздо рѣзче. Именно, эта очевидная нелѣпость дѣлаетъ ихъ менѣе вредными, сравнительно съ утонченными восторгамъ. Человѣкъ нехитрый взглянетъ на статую, ослабится своею неизящною улыбкою, постоитъ минуты двѣ—три передъ чудомъ искусства, да и пройдетъ мимо. А люди, посвященные въ таинства экстазовъ, поступаютъ совершенно иначе: они часто всѣ свои силы и всю свою жизнь ухлопываютъ на то, чтобы доставлять эти экстазы себѣ и другимъ; два класса людей, эстетики и художники только этимъ и занимаются, и при этомъ они находятъ, что дѣлаютъ дѣло. Такую трату свѣжихъ умственныхъ силъ и драгоценнаго времени слѣдуетъ назвать, по меньшей мѣрѣ, непроизводительною и убыточною. Смотрѣть съ прилическою улыбкою на живую женщину не только глупо, но даже дерзко и совершенно непозволительно, по той простой причинѣ, что такая улыбка можетъ оскорбить, или, по крайней мѣрѣ, привести въ замѣшательство ту личность, къ которой она адресуется. Но Базаровъ говоритъ съ постороннимъ лицомъ, такъ что объ оскорбленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Стало быть, остается только разрѣшить вопросъ, какимъ языкомъ лучше говорить о красотѣ женщины: высокимъ и восторженнымъ, или простымъ и естественнымъ. Можно было бы сказать, что ужъ это дѣло личнаго вкуса, но я намѣренъ пойти далѣе, и осмѣлюсь выразить то мнѣніе, что говорить въ этихъ случаяхъ простымъ, базаровскимъ языкомъ гораздо благоразумнѣе, и достойнѣе мыслящаго человѣка. Въ другомъ мѣстѣ того же романа, Базаровъ умоляетъ своего друга, Аркадія Николаевича, «не говорить красиво», но, по своему обыкновенію, Базаровъ не пускается въ дальнѣйшія диалектическія тонкости, и не объясняетъ причины, почему красивыя рѣчи возбуждаютъ въ немъ непобѣдимое отвращеніе. Между тѣмъ, такая

причина дѣйствительно существуетъ, и ее никакъ нельзя назвать неосновательною. Люди, пробудившіе въ себѣ способность размышлять, ежедневно и ежечасно играютъ сами съ собою въ очень странную и смѣшную игру. Придетъ-ли ему въ голову какая нибудь мысль, шевельнется ли въ его нервной системѣ какое нибудь ощущеніе, человѣкъ тотчасъ хватывается за это душевное движеніе и начинаетъ его осматривать съ различныхъ сторонъ: что, молъ, это за штука? И какъ ее сформулировать? И подъ какую категорію подвести? И изъ какихъ основныхъ свойствъ моей личности она вытекаетъ? Конечно, процессъ анализа почти никогда не поднимается до настоящихъ физиологическихъ причинъ даннаго явленія; останавливаясь на половинѣ, или, еще чаще, въ самомъ началѣ пути, этотъ процессъ обыкновенно заканчивается тѣмъ, что данная мысль или данное ощущеніе получаетъ себѣ то или другое названіе. Если нашему аналитику удастся подобрать названіе красивое, то онъ немедленно почувствуетъ удовольствіе, и даже проникнется нѣкоторымъ уваженіемъ къ своей особѣ:—однако, подумаетъ, я молодецъ. Вотъ какія тонкія мысли и высокія ощущенія я способенъ въ себѣ вынашивать. Но вѣдь прискивать красивыя названія и пригонять къ этимъ названіямъ психическіе анализы—дѣло совсѣмъ немудреное; если только приобрести въ этомъ занятіи нѣкоторый навыкъ, то можно дѣйствовать безъ промаха, и въ каждой плоской выдумкѣ своего я, въ каждомъ естественномъ отправленіи своего организма усматривать бездну граціи, изящества, мягкости, великодушія и всякихъ другихъ благоухающихъ атрибутовъ. Тутъ, конечно, удовольствію и самоуваженію не будетъ конца. Когда человѣкъ покупаетъ себѣ самоуваженіе дорогою цѣною полезнаго и неустрашимаго труда, когда онъ поддерживаетъ въ себѣ это чувство ежедневными усиліями ума и воли, направленныхъ къ великимъ, общечеловѣческимъ цѣлямъ, тогда самоуваженіе облагораживаетъ его, то есть, постоянно укрѣпляетъ его на новые подвиги труда и борьбы. Но, когда человѣкъ платитъ себѣ за самоуваженіе фальшивою монетою красивыхъ выраженій и плоскихъ софизмовъ, когда онъ, такимъ образомъ, бессознательно выучивается шулерничать съ самимъ собою, тогда онъ быстро пошлѣетъ и опускается, продолжая по прежнему воскуривать себѣ свой затхлый фиміамъ. Чѣмъ мельче становятся мысли и чувства, тѣмъ вычурнѣе и красивѣе подбираются для нихъ названія, потому что навыкъ съ каждымъ днемъ усиливается въ

этомъ ремеслѣ, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Такихъ-то именно путемъ и вырабатываются отъявленные тунеядцы, считающіе себя русскими лириками. Такихъ-же точно путемъ многіе великіе умы парализовали и оскопили свою дѣятельность. Гете, а вмѣстѣ съ нимъ и добрякъ Шиллеръ, совершенно чистосердечно убѣдили сами себя и другъ друга, что имъ стоитъ только потоньше ощущать, да повозвышеннѣе мыслить, да помудренѣе выражаться, и что они тогда окажутъ всему человѣчеству неизмѣримыя благодѣянія. Утвердившись на этой позиціи, великія свѣтила нѣмецкой поэзіи вскорѣ сдѣлали открытіе, что ощущенія ихъ достаточно тонки, мысли достаточно возвышенны и выраженія достаточно замысловаты. Тогда осталось только любоваться своими совершенствами и продовольствовать простое человѣчество не грубыми плодами полезнаго умственнаго труда, а тонкимъ изяществомъ просвѣтленныхъ личностей. Восхищайтесь, молъ, нами и благодарите бога за то, что мы живемъ среди васъ, и что вы можете созерцать такую невиданную красоту души и ума. А увѣривъ себя въ этомъ, Гете самъ себя считалъ великимъ. Какъ могъ онъ, при своемъ громадномъ умѣ, предпочитать узкій міръ своихъ личныхъ ощущеній широкому міру волнующейся жизни человѣчества? Какъ-могъ онъ ставить субъективную мечту, отправленіе единичнаго организма, выше той дѣйствительной драмы, которая ежеминутно, на каждомъ шагу, съ учрежденія первыхъ человѣческихъ обществъ, разыгрывается передъ глазами каждаго мыслящаго наблюдателя? Филистерская трусость Гете не разъяснить намъ этой загадки. Если-бы тутъ была одна трусость, Гете не могъ-бы такъ чистосердечно уважать и обожать себя. Нѣтъ; міръ личныхъ ощущеній былъ для него не убѣжищемъ, а храмомъ, въ которомъ онъ поселился съ полнымъ убѣжденіемъ, что прекраснѣе и священнѣе этого мѣста нѣтъ ничего на свѣтѣ. Чтобы увидать въ самомъ себѣ свѣтлый храмъ, а въ окружающей жизни грязную базарную площадь, чтобы забыть, такимъ образомъ, естественную солидарность своего я съ окружающими глупостями и страданіями остальныхъ людей, надо было систематически подкупить и усыпить свой критическій смыслъ красотой отборныхъ выраженій: Мелкія мысли и мелкія чувства надо было возвести въ перлъ созданія; Гете выполнилъ этотъ фокусъ, и подобные фокусы считаются до сихъ поръ величайшимъ торжествомъ искусства; но производятся такія штуки не только въ сферѣ искусства, а также и во всѣхъ остальныхъ

сохраняетъ человеческой жизни. Маленькій, но поучительный примѣръ такого фокуса представляется намъ въ романѣ Тургенева, въ лицѣ Павла Петровича. — «Я очень хорошо знаю, на примѣръ, говорить этотъ *perfect gentleman*, что вы изволите находить смѣшными мои привычки, мой туалетъ, мою опрятность наконецъ, но это все происходитъ изъ чувства самоуваженія, изъ чувства долга, да-съ, да-съ, долга. Я живу въ деревнѣ, въ глуши, но я не роняю себя, я уважаю въ себѣ человѣка.» (стр. 74). — Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы магическая сила красивыхъ словъ могла обрисоваться когда нибудь и гдѣ нибудь ярче и нагляднѣе, чѣмъ она обрисована въ этомъ мѣстѣ. Циникъ, подобный Базарову, скажетъ: я умываю лице и руки, стригу ногти, причесываю волосы, кожу въ баню, мѣняю бѣлье—и только. И эти простые слова не возбуждаютъ въ говорящей личности никакого пріятнаго чувства удовлетворенной гордости. А эстетикъ, подобный Павлу Петровичу, скажетъ: — я повинуюсь чувству долга, я поддерживаю свое достоинство, я уважаю въ себѣ человѣка—значить, я развитая личность, значить, я себя по головкѣ поглажу, значить, я дѣло дѣлаю, значить, я могу съ спокойною совѣстью почивать на лаврахъ. И мужикъ ходить въ баню, но онъ ходить по грубой животной потребности, а я хожу съ размышленіемъ, я одухотворяю процессъ физическаго омовенія высшимъ процессомъ мыслительной дѣятельности. — Такимъ образомъ, будетъ постоянно возрастать дешевое самоуваженіе, и съ каждымъ днемъ неизлечимѣе и безнадежнѣе будутъ становиться пустота, пошлость и праздность фразерствующей личности. Если человѣкъ не сумасшедшій можетъ ставить себя въ заслугу то, что онъ умывается душистымъ мыломъ и носить туго нахрамленные воротнички, и если даже эта незамысловатая вещь можетъ уложиться въ опрятную и красивую фразу, то понятно, какой неистощимый матеріалъ самовосхваленія могутъ доставить такому человѣку самыя простыя отношенія къ женщинѣ. Полюбоваться красотою женщины, кажется, не велика мудрость и не важный подвигъ; но эстетикъ самъ себя представитъ свои ощущенія въ такомъ вѣрно облагороженномъ видѣ, что, при семъ удобномъ случаѣ, непременно умилился надъ нѣжностью, мягкостью, чуткостью, воспримчивостью и утонченною страстностью своей натуры. Результатъ извѣстенъ: циники, подобные Базарову, уважаютъ себя только за то, что крѣпко трудятся; а эстетикъ уважаетъ себя за то, что красиво ѣдятъ, красиво пьютъ, красиво умы-

ваются и красиво глядят на красивыхъ женщинъ. Въслѣдствіе этого, реалисты, чтобы сохранить себѣ свое собственное уваженіе, продолжаютъ крѣпко трудиться; а эстетика, для достиженія той-же самой цѣли, продолжаютъ красиво ѣсть, красиво пить, красиво умываться и красиво глядѣть на красивыхъ женщинъ. Что лучше и что общеплезнѣе—объ этомъ я предоставляю судить благосклонному читателю.—Кажется мнѣ только, что плечи слѣдуетъ называть плечами, и что, любуясь красотой живой женщины или мраморной Венеры, мы не оказываемъ особенно великаго одолженія ни отечеству, ни человечеству. Ощущеніе очень обыкновенное; стало быть, и выраженіе должно быть просто и положительно. Энтузіазмъ не мѣшаетъ приберегать на другіе случаи, болѣе торжественные, о которыхъ травоядные эстетика не имѣютъ понятія.

XI.

Въ жизни Базарова трудъ стоитъ на первомъ планѣ, но Базаровъ совсѣмъ не ригористъ, и вовсе не прочь отъ того, чтобы доставлять своей особѣ удовольствія. Одинцова понравилась ему съ перваго взгляда, и ему пришло въ голову приволокнуться за нею. Мысль безнравственная, но какъ вы уберегетесь отъ подобныхъ мыслей при настоящихъ условіяхъ воспитанія жизни и общественныхъ отношеній? — Увѣрять женщину въ любви, когда любви этой на самомъ дѣлѣ не имѣется, — значить, лгать, а лгать, во всякомъ случаѣ, скверно, тѣмъ болѣе тогда, когда ложь такъ близко затрогиваетъ личные интересы того человѣка, съ которымъ мы имѣемъ дѣло. Если-бы Базаровъ разыгралъ съ Одинцовой систематическую и хладнокровно рассчитанную комедію любви, то поступокъ этотъ былъ бы очень предосудителенъ, и вся личность Базарова явилась бы передъ нами въ сомнительномъ свѣтѣ. Но мнѣ кажется, что Базаровъ ни въ какомъ случаѣ не сталъ бы актерствовать; если-бы даже онъ принялся за это утомительное занятіе, то у него не хватило бы терпѣнія дотянуть дѣло до развязки, и онъ—послѣ первыхъ двухъ—трехъ приступовъ, убѣдился бы въ томъ, что игра не стоитъ свѣчей. Съ молодыми людьми случается часто, что они строятъ въ умѣ своемъ какой-нибудь отчаянно-макиавелевскій планъ; все такъ хорошо обдуманно, и ложь и при-

творство поставлены на свое мѣсто, расчетъ произведенъ блистательно, и теоретическая сторона дѣла оказывается безукоризненною; это значитъ, что мысль работаетъ исправно и отличается надлежащею смѣлостью полета; но такъ, на одномъ смѣломъ полетѣ мысли дѣло и останавливается, потому что, при первой встрѣчѣ съ практическою стороною задуманной дьявольщины, юный макиавелистъ оказывается добродушнымъ и чистосердечнымъ человѣкомъ, который немедленно махнетъ рукою и скажетъ про себя: — а ну ихъ къ черту! Съ какой стати я ихъ надувать буду! — Такъ могло случиться, и до нѣкоторой степени такъ случилось и съ самимъ Базаровымъ. Онъ оказался гораздо моложе и пѣжибе, чѣмъ онъ воображаетъ себя. Съ кабинетными работниками, у которыхъ теоретическій умъ далеко обгоняетъ опытъ жизни, — сплошь и рядомъ случаются такія иллюзии. Справляясь съ идеями, мы думаемъ, что намъ также легко справляться и съ живыми явлениями, а вдругъ оказывается, что живое явленіе затрогиваетъ насъ съ такой стороны, которую мы и не подозрѣвали въ своей особѣ, когда производили наши теоретическія комбинаціи. — Я думаю однако, что Базаровъ даже въ чистой теоріи не задавалъ себѣ задачи актерствовать и лицемерить предъ красивою обладательницею «богатаго тѣла». Онъ просто думалъ, что Одинцова — пѣчто въ родѣ Евдокіи Кукшиной, а въ такомъ случаѣ комедія была бы излишнею роскошью. Стоило только сказать нѣсколько красивыхъ любезностей на счетъ наружности, да наговорить по больше вздору о Либихѣ и Жоржъ Зандѣ, о Мишлѣ и Прудонѣ, о Бузенѣ и о женскомъ вопросѣ — и дѣло было бы улажено къ обоюдному удовольствію. Тутъ дѣло съ самаго начала велось бы на чистоту, безъ всякихъ хитростей, и женщина даже не требовала бы отъ мужины серьезнаго чувства, потому что не была бы даже способна насладиться такимъ чувствомъ и отплатить за него тою же монетою. Тутъ не было бы ничего, кромѣ болтовни и объятій, и, разумѣется, Базарову очень скоро пріѣлось бы такое препровожденіе времени. Но Базаровъ, съ перваго разговора своего съ Одинцовою, замѣтилъ, что эта женщина умѣетъ уважать свое достоинство, и смотритъ на жизнь серьезными глазами мыслящаго человѣка. Шутить съ такою женщиною было невозможно; обманывать ее было трудно и опасно; можно было попасть въ просакъ и поставить самаго себя въ самое глупое и безвыходно-позорное положеніе; наконецъ, если бы, паче чаянія, обманъ уда-

ся, то онъ оказался бы капитальною подлостью, потому что возбуждать въ такой женщинѣ чувство и потомъ, рано или поздно, обнаружить свою полную неискренность, значило бы оскорбить и огорчить эту женщину самымъ жестокииъ, незаслуженнымъ и мещиническимъ образомъ. Все это Базаровъ сообразилъ, или вѣрнѣе, почувствовалъ почти мгновенно, и все его поведеніе съ Одинцовой пронизанно, съ начала до конца, самою глубокою, искреннею и серьезною почтительною. «Какой я смиренный сталъ», думалъ онъ про себя въ первыя минуты своего пребыванія въ деревнѣ Одинцовой (Стр. 122), и потомъ онъ сдѣлался еще болѣе «смирненнымъ», потому что онъ *полюбилъ* Одинцову; а когда такой «циникъ» любитъ женщину, тогда онъ ее уважаетъ дѣйствительно, то есть, тогда ему становится невозможно схитрить передъ нею словомъ, взглядомъ или движеніемъ. Искренность Базарова доходитъ до крайнихъ предѣловъ, и мнѣ кажется, что именно эта искренность, эта полнѣйшая честность, неподдѣльность приводятъ за собою его неудачу и разрывъ только-что зарождавшихся отношеній. Эта неподдѣльность показалаь некрасивою, а женщины наши, повидимому, очень крѣпко держатся за эстетику, и въ смыслъ психическихъ явленій не заглядываютъ почти никогда.

XII.

Самые искренніе люди бываютъ часто самыми сдержанными людьми, и самыя сильныя чувства этихъ людей никогда не выражаются ими, а вырываются изъ нихъ только тогда, когда уже не хватаетъ силъ ихъ задерживать. Въ строгомъ смыслѣ, только такія выправшіяся чувства и могутъ быть названы совершенно неподраженными. Когда же человекъ сознательно выпускаетъ изъ себя чувство, то есть, говорить о немъ и описываетъ его, то мы уже тутъ имѣемъ дѣло не съ сырымъ матеріаломъ, а съ умственнымъ трудомъ, построеннымъ на основаніи этого матеріала. Чѣмъ изящнѣе и граціознѣе эта постройка, тѣмъ больше на нее положено искусства, то есть, другими словами, тѣмъ спокойнѣе и сознательнѣе произведена обработка первобытнаго матеріала. Чѣмъ красивѣе выраженіе, тѣмъ слабѣе чувство, а такъ какъ женщины дорожатъ преимущественно красотою, въ чемъ-бы она ни проявлялась, то и

обязывается въ результатѣ, что онѣ обыкновенно отвертываются отъ искреннихъ людей и бросаются на шею фразерамъ или красивымъ кукламъ. Чѣмъ сильнѣе человѣкъ любитъ, тѣмъ невыгоднѣе его положеніе и тѣмъ вѣрнѣе онъ можетъ рассчитывать на полную неудачу. Истину этого неутѣшительнаго изреченія въ совершенствѣ испыталъ на себѣ Базаровъ.—Онъ полюбилъ Одинцову очень скоро; серьезная любовь началась въ немъ вѣроятно послѣ первой ботанической экскурсіи, которую они предприняли вдвоемъ послѣ завтрака, и которая продолжалась до обѣда. Это было на другой день послѣ пріѣзда молодыхъ людей въ деревню Одинцовой. Что любовь возникла такъ быстро, этому удивляться нечего. Физическая красота бросается въ глаза съ перваго взгляда; умъ обнаруживается въ первомъ же разговорѣ; а когда, такимъ образомъ, вся фигура женщины и каждое слово производятъ на человѣка стройное и пріятное впечатлѣніе, то чего-же вамъ больше? И кровь волнуется, и мозгъ раздражается, и все это такъ обаятельно—ну вотъ и любовь готова. Чѣмъ больше такихъ пріятныхъ впечатлѣній ляжетъ безъ перерыва одно на другое, тѣмъ сильнѣе будетъ становиться любовь; но фундаментъ, незамѣтный зародышъ этого чувства, заложенъ уже самымъ первымъ впечатлѣніемъ. Полюбивши Одинцову, Базаровъ проводитъ вмѣстѣ съ нею, подъ одною кровлею, и въ постоянныхъ дружескихъ разговорахъ, больше двухъ недѣль. Во все это время онъ говоритъ съ нею, какъ съ умнымъ мужчиною, о предметахъ, имѣющихъ дѣйствительный интересъ: о химіи, о ботаникѣ, о новѣйшихъ открытіяхъ натуралистовъ, о различныхъ взглядахъ передовыхъ умовъ на жизнь природы, на личность человѣка и на потребности общества. Если уважать женщину, значить обращаться съ нею, какъ съ мыслящимъ существомъ, то, съ этой стороны, поведеніе «циника» Базарова надо признать совершенно безукоризненнымъ: онъ старался удовлетворять умственнымъ требованіямъ своей собесѣдницы, и не проронилъ ни одного слова о томъ, что мучило и волновало его самага. Ни слова не было сказано о томъ, что могло возвысить въ глазахъ любимой женщины личность самага Базарова; ни о своемъ прошедшемъ, ни о своихъ стремленіяхъ и планахъ въ будущемъ Базаровъ не занялся; а между тѣмъ, въ его прошедшемъ было много упорнаго труда и непобѣдимаго терпѣнія, а въ его взглядѣ на будущее широко и обаятельно развертывались свѣтлое могущество его мысли и неудержимая страсть

его сознательной любви къ людямъ. И онъ все-таки молчалъ объ этомъ, потому что ему было отвратительно подумать, что онъ способенъ рисоваться, интересничать и говорить красивыя слова передъ любимую женщиною. Это честное и глубокое отвращеніе къ ложной эффектности постоянно обливало его холодною водою, когда онъ начиналъ увлекаться, и когда въ этомъ увлеченіи начинали проблескивать высшія и симпатичныя стороны его ума, его характера и его дѣятельности. Онъ не хотѣлъ становиться на ходули, и поэтому оставался постоянно ниже своего настоящаго роста. Что дѣлать? Человѣкъ почти всегда пересаливаетъ въ ту или въ другую сторону; но кто пересолитъ подобно Базарову, тотъ, по крайней мѣрѣ, не продастъ гнилаго товара за свѣжій и не залезетъ обманомъ ни въ кошелекъ, ни въ душу своихъ собесѣдниковъ.—Дѣльные разговоры Базарова занимаютъ Одинцову, какъ женщину умную и любознательную; но именно, какъ умная женщина, она понимаетъ, что, говоря обо всемъ, Базаровъ не высказываетъ бездѣлицы—самого себя; а какъ женщина любознательная и даже любопытная, она жаждетъ вырвать у Базарова эту тайну, она хочетъ объяснить себѣ настоящій смыслъ этой сильной и замѣчательной личности. Она старается перевести разговоръ съ общаго поля великихъ умственныхъ интересовъ на болѣе интимный тонъ личныхъ признаній и изліяній. Базарову, какъ влюбленному человѣку, такой поворотъ разговора былъ бы чрезвычайно выгоденъ, а между тѣмъ Базаровъ упирается и выдерживаетъ свое упорство до самого конца. Одинцова все къ чему-то подходитъ; ей, повидимому, хотѣлось-бы, чтобы оба они понемногу разпѣжились, и чтобы слово любви было произнесено какъ-то незамѣтно для обоихъ, во время нѣжнаго и мечтательнаго разговора; она бы желала увлечься нечувствительно, безъ страстныхъ порывовъ и безъ рѣзкихъ ощущеній. Базарову всѣ эти тонкости непонятны. Какъ это, думаетъ онъ, готовить и настраивать себя къ любви? (Когда человѣкъ дѣйствительно любитъ, развѣ онъ можетъ граціозничать и думать о мелочахъ внѣшняго изящества? Развѣ настоящая любовь колеблется? Развѣ она нуждается въ какихъ-нибудь внѣшнихъ пособіяхъ мѣста, времени и минутнаго расположенія, вызваннаго разговоромъ?)—Базаровъ мѣрзаетъ на свой аршинъ психическія отравленія другихъ людей, и поэтому онъ относится сурово и враждебно ко всѣмъ попыткамъ Одинцовой придать ихъ отношеніямъ ласкающій и ложный колоритъ. Ему всѣ эти попытки

кажутся искусственными маневрами кокетки, или, по меньшей мѣрѣ, невольными капризами избалованной аристократки. Если бы она меня любила, думаетъ онъ, она бы давно поняла, какъ сильно я ее люблю, и тогда все между нами было бы ясно, просто и разумно, и тогда къ чему всё ухищреніе? Но вѣдь она меня не любитъ и, въ такомъ случаѣ, какъ же она смѣетъ забавляться со мною задушевыми разговорами? Дикарь этотъ Базаровъ! Первобытный человекъ! Онъ упускаетъ изъ виду то обстоятельство, что ея любовь можетъ явиться, какъ результатъ многихъ мелкихъ причинъ, многихъ вѣшнихъ, случайныхъ и неважныхъ впечатлѣній. Онъ оwsѣмъ не заботится о томъ, чтобы доставить ей эти впечатлѣнія и потомъ эксплуатировать ихъ въ свою пользу. Онъ хочетъ, чтобы ея любовь была сильна, естественна и самородна, чтобы эта любовь свалилась на нее, какъ снѣгъ на голову, такъ какъ его любовь обрушилась на него, Базарова. А любовь высиженная, вымученная, тепличная, воспитанная нѣжными словами, эффектными взглядами, пустотою деревенской жизни, тишиною и полумракомъ лѣтняго вечера, — такая любовь очень понравилась бы Базарову, когда онъ хотѣлъ завести интригу съ красивою барынею, но притворною и отвертательною показала бы она ему тогда, когда онъ самъ подюбилъ серьезно. Дикарь этотъ Базаровъ! Его уваженіе къ женщинѣ выражается въ томъ, что онъ ничѣмъ не хочетъ и, по натурѣ своей, ничѣмъ не способенъ насиловать чувство этой женщины. Выше этого уваженія ничего нельзя себѣ представить, но для нашихъ дрессированныхъ, обезсиленныхъ и обезцвѣченныхъ женщинъ такое уваженіе оказывается совершенно неумѣстнымъ и непонятнымъ. Женщина сама, всѣмъ направлениемъ своихъ поступковъ и рѣчей, упрасиваетъ, чтобы ее заставили полюбить, чтобы ее «увлекли», чтобы ей «вскружили» голову, то есть, короче, чтобы ее лишили воли и сознанія и чтобы тогда дѣлали съ нею, что хотятъ. Тогда, думаетъ она, пожадуй, я долюблю, и потомъ спасибо скажу тому доброму человеку, который отнялъ у меня способность и печальную необходимость обдумывать мои поступки. А иначе какъ же? Какъ же бы я сама? какъ бы я, находясь въ здравомъ умѣ, сама распорядилась своею особою? Никогда и ни за что бы я сама не распорядилась. Я бы постоянно стремилась и постоянно робѣла бы. На то я и женщина! А дикарь стоитъ себѣ, сложа руки, и говорить: рѣшайся сама. Думай за себя. Люби самостоятельно. Ни увлекать, ни убѣждать, ни умо-

мать тебя я не намеренъ, да и не умѣю. Я равный тебѣ человекъ. Я не опасаюсь тебя. И хоть-бы у меня анархизмъ сдѣлался, и хоть-бы у меня сердце лопнуло отъ любовнаго волненія, все таки я не съумѣю и не захочу дружить тебѣ голову и опаздывать тебя дурманомъ граціозныхъ ніжностей и эффектной жестакуляціи. Я говорю съ тобою, какъ съ разумнымъ существомъ, и не умѣю говорить иначе ни съ кѣмъ изъ тѣхъ людей, которые разъ на всегда заслужили мое уваженіе. Если-бы я не уважалъ тебя, то я-бы тебя и не любилъ; а такъ какъ я тебя люблю, то я и не могу, абсолютно не могу, посягать словами или поступками на твою умственную самостоятельность.—Какой дикарь; но кѣмой хорошій дикарь! Жаль только, что не въ коня кормъ.

XIII.

Читателю можетъ показаться, что я самъ сочинилъ себѣ Базарова и Одинцова, вовсе непохожихъ на героевъ Тургеневскаго романа— до такой степени мои размышленія и заключенія рѣзко противорѣчатъ тому понятію, которое, по милости нашей образцовой тупости, установилось въ читающемъ обществѣ на счетъ базаровскаго типа, и преимущественно на счетъ его *циническихъ* отношеній къ женщинамъ. Мнѣ теперь надо доказать, что я не сочиняю, и что каждое мое слово, основывается исключительно на правильномъ пониманіи тѣхъ матеріаловъ, которые даетъ Тургеневъ, и которые, мнѣ кажется, самъ Тургеневъ не всегда рассматриваетъ съ надлежащей точной вѣрностію, хотя фактическія подробности всегда поразительно вѣрны. Я приведу длинный рядъ доказательствъ изъ двухъ рѣшительныхъ сценъ Базарова съ Одинцовой (отцы и дѣти. Стр. 244—176). Базаровъ сказалъ, что онъ скоро уѣзжаетъ къ своему отцу; это было сказано безъ всякаго дипломатическаго умысла, и Тургеневъ при этомъ замѣчаетъ, что Базаровъ «никогда не сочинялъ». (Стр. 139). Одинцова, по поводу этого близкаго отъѣзда, находится въ полу-грустномъ, полу-нижнемъ настроеніи. Сидятъ они вдвоемъ, поздно вечеромъ, въ комнатѣ Одинцовой.—Одинцова два раза подрядъ говоритъ ему: «мнѣ будетъ скучно».—На первый разъ онъ отвѣчаетъ:—«Аркадій останется», а на второй:—«во всякомъ случаѣ, долго вы скучать не будете».—Вслѣдъ за тѣмъ, онъ говоритъ ей, что она непогрѣшительно-правильно устроила свою жизнь, такъ что въ ней не мо-

жеть быть мѣста никакимъ тяжкимъ чувствомъ. — «Черезъ нѣсколь-
 ко минутъ, прибавляетъ онъ, пробьетъ десять часовъ, и я уже
 напередъ знаю, что вы меня прогоните. — Нѣтъ, не прогоню, Евгений
 Васильевичъ, отвѣчаетъ она, вы можете остаться». — Онъ остается.
 — «Разскажите мнѣ что нибудь о самомъ себѣ, говоритъ она, вы нико-
 гда о себѣ не говорите. — Я стараюсь бесѣдовать съ вами о пред-
 метахъ полезныхъ, Анна Сергѣевна,» — Она настаиваетъ съ осо-
 бенною ласковостью. — Базаровъ думаетъ про себя: «зачѣмъ она го-
 воритъ такіа слова?» (Стр. 143) и отвѣчаетъ ей: «мы люди тем-
 ные. — А я, по вашему, аристократка? — Да, промолвилъ онъ пре-
 зуменственно рѣзко». — Одинцова защищается: — «Я, говоритъ она, вѣкъ
 когда нибудь разскажу свою жизнь... но вы мнѣ прежде разскажи-
 те свою». — Базаровъ это третье приглашеніе пропускаетъ мимо ушей
 и переводитъ разговоръ на личность Одинцовой. — «Зачѣмъ вы, съ ва-
 шимъ умомъ, съ вашею красотою, живете въ деревнѣ? — Какъ? Какъ
 вы это сказали, съ живостью подхватила Одинцова. Съ моею... кра-
 сотою?» — Бѣдная женщина! Какъ она обрадовалась! Должно быть, Ба-
 заровъ не избаловалъ ее жемчужинами. А Базаровъ-то! Одишкарь!
 О бурлакъ! Вотъ онъ затупевываетъ свою печальную любезность:
 «Базаровъ нахмурился. — Это все равно, пробормоталъ онъ, —
 я хотѣлъ сказать, что не понимаю хорошенько, зачѣмъ вы посели-
 лись въ деревнѣ». — Его, очевидно, покоробило и смутило то, что
 онъ сказалъ. Говоритъ съ любимою и уважаемою женщиною о ея
 красотѣ кажется ему плоскостью и, следовательно, дерзостью. И
 это тотъ самый Базаровъ, который говорилъ съ Аркадіемъ о пле-
 чахъ и о богатомъ тѣлѣ этой снѣжной Одинцовой? И тутъ нѣтъ ни-
 какого противорѣчія? Тогда онъ ея не зналъ и, стало быть, для
 него существовали только линіи и краски ея фигуры; по этимъ гз-
 вѣстнымъ ему даннымъ онъ и высказывалъ о ней свое сужденіе.
 Кромѣ того, онъ говорилъ съ третьимъ лицомъ, и тогда эти слова
 имѣли свой смыслъ, какъ всякое другое сужденіе о какомъ нибудь
 предметѣ, остановившемъ на себѣ вниманіе человѣка. Но говорить
 самой женщинѣ, что она хороша собой — это бессмыслица, годная
 только на то, чтобы наскутить ей, если она умна, или польстить
 ей, если она глупа. Къ сожалѣнію, надо замѣтить, что очень мно-
 гимъ женщинамъ такіе разговоры не надобдають, и, увы! Кажется,
 даже Одинцова не прочь послушать такіа рѣчи изрѣдка. Что дѣлать?
 Сильна наша глупость и безчисленны ея убѣжища; и у самыхъ ум-

ныхъ людей еще отведены для нея уютные уголки, и нѣтъ, быть можетъ, того мыслителя, который подъ часъ не оказывался-бы престоилею. Но Базаровъ, по своей дикой суровости, не хочетъ принимать въ соображеніе слабости своей собесѣдницы. Потворствовать этимъ слабостямъ и пользоваться ими онъ, очевидно, считаетъ не только пошлымъ, но и безчестнымъ дѣломъ. — Черезъ нѣсколько минутъ, Базаровъ встаетъ. — «Куда вы? медленно проговорила она. — Онъ ничего не отвѣчалъ и одулся на стулъ». — Разговоръ, не смотря на безконечную свирѣпость Базарова, становится конфиденціальнымъ и почти нѣмымъ. «Кажется, говорить она, если-бъ я могла сильно привязаться къ чему-нибудь... — Вамъ хочется полюбить, перебить ее Базаровъ, а полюбить вы не можете: вотъ въ чемъ ваше несчастіе. — Развѣ я не могу полюбить? — Едва-ли! Только я напрасно назвалъ это несчастіемъ. Напротивъ, тотъ скорѣе достоинъ сожалѣнія, съ кѣмъ эта штука случается. — Случается, что? — Полюбить. — А вы почему это знаете? — *По наслышки, сердито отвѣчалъ Базаровъ. — Ты кокетничаешь, подумалъ онъ, ты скучаешь и дразнишь меня отъ нечего дѣлать, а мнѣ...* Сердце у него, дѣйствительно, такъ и рвалось». (Стр. 147) «По моему, продолжаетъ Одинцова, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взять мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо. — *Что-о-о?* замѣтилъ Базаровъ, *это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ... не нашли, чего желаете.* (Стр. 147). — Но вы бы сдумали отдаться? спрашиваетъ она. — *Не знаю, хвататься не хочу.* (Стр. 148) Базаровъ опять встаетъ; она еще разъ его удерживаетъ: погодите, куда же вы спѣшите... мнѣ нужно сказать вамъ одно слово. — Какое? — Погодите, шевнула Одинцова. — Ея глаза остановились на Базаровѣ; казалось, она внимательно его разсматривала. — Онъ прошелъ по комнатѣ, потомъ вдругъ приблизился къ ней и торопливо сказалъ: — «прощайте,» стиснувъ ей руку такъ, что она чуть не вскрикнула и вышла вонъ. (Стр. 148).

На другой день Одинцова сама зоветъ его къ себѣ въ кабинетъ, и, пришедши туда, прямо говоритъ ему, что хочетъ возобновить вчерашній разговоръ. Опять начинаютъ съ ея стороны вызовы на откровенность, а со стороны Базарова упорное отпѣкиванье. Онъ говоритъ: «*между вами и мною такое разстояніе*». Она говоритъ на это: «*какое разстояніе? Полноте, Евгенийъ Васильевичъ; я*

вамъ, кажется, доказала. «Или, можетъ быть, продолжаетъ она, вы меня, какъ женщину, не считаете достойною вашего довѣрія? *Вѣдь вы насъ всѣхъ презираете?*—*Васъ я не презираю, Анна Сергѣевна, и вы это знаете.*—*Нѣтъ я ничего не знаю,* отвѣчаетъ она, и затѣмъ требуетъ, чтобы Базаровъ сказалъ ей, что въ немъ происходитъ, и какая причина его сдержанности и напряженности. Что-же остается дѣлать этому несчастному Базарову? Вѣдь наконецъ всякія человѣческія силы должны истощиться, и всякое ослиное терпѣніе должно лопнуть, когда любимая женщина два дня подъ рядъ умоляетъ объ одномъ и томъ же, когда она васъ упрекаетъ въ томъ, что вы ее презираете, и когда всѣ ея просьбы, всѣ ея ласковыя слова клопаются исключительно къ той самой цѣли, къ которой вы сами стремитесь всѣми силами своего существа. Поневоля надо было высказать самую глубокую тайну, и Базаровъ ее высказалъ, только совершенно по-базаровски. «Такъ знайте-же, говоритъ онъ, что я васъ люблю глупо, безумно... *Вотъ чего вы добились.*» — И эти сердитыя слова онъ произноситъ, не глядя на Одинцову, отошедши отъ нея къ окну, и стоя къ ней спиною». Онъ задышался; все тѣло его видимо трепетало. Но это было не трепетаніе юношеской робости, не сладкій ужасъ перваго признанія овладѣлъ имъ: это страсть въ немъ билась, сильная и тяжелая—*страсть, похожая на злобу и, быть можетъ, сродни ей...* *Одинцовой стало и страшно, и жалко его.* Евгенийъ Васильевичъ, проговорила она, и *невольная нѣжность зазвенѣла въ ея голосѣ.*» (Стр. 154, 155). Ну, тутъ, разумѣется, онъ бросился къ ней и обнялъ ее. Еще-бы онъ не бросился! Еще-бы онъ не обнялъ! Эта *невольная нѣжность въ голосѣ* была для него послѣднимъ и рѣшительнымъ ударомъ, передъ которымъ уже не могла устоять никакая сдержанность, никакая напряженность, никакая искусственная суровость. Онъ ее обнялъ, — гдѣ же тутъ дерзость, гдѣ оскорбленіе? Развѣ, обнимая *любящую* женщину, любящій мужчина наноситъ ей оскорбленіе? И развѣ Базаровъ могъ, и развѣ онъ смѣлъ сомнѣваться въ томъ, что Одинцова его любитъ? Все было высказано, высказано просто, грубо и угрюмо, высказано съ глубиной, тяжело выстрадавшимъ упрекомъ: «*вотъ чего вы добились,*» и послѣ этого «*нѣжность въ голосѣ!*» Какое же тутъ можетъ быть сомнѣніе? И выразить подобное сомнѣніе, колебаться послѣ этой проклятой «*нѣжности*» еще одну секунду—вѣдь это значило бы глубоко огорчить и оскорбить любящую

женщину, значило бы требовать от нея, чтобы она вымалывала вашу любовь, подобно тому, какъ она уже вымолила ваше признаніе. И вдругъ она отъ него отскакиваетъ, и вдругъ она говоритъ ему: «вы меня не поняли!» А что же дѣлаетъ Базаровъ? Ничего. Онъ закусываетъ губы и выходитъ изъ комнаты. А потомъ, вечеромъ, онъ извиняется передъ Одинцовой:— «Я долженъ извиниться передъ вами, Анна Сергѣевна. Вы не можете не гнѣваться на меня.»—А она ему отвѣчаетъ:— «Нѣтъ, я на васъ не сержусь, Евгенийъ Васильевичъ, но я огорчена.»— О, Анна Сергѣевна Одинцова, замѣчу я отъ себя, какъ вы безмѣрно великодушны! Неужели вы можете не сердиться на этого ужаснаго преступника, котораго неслыханное преступленіе состоитъ въ томъ, что вы поджаривали его на медленномъ огнѣ въ продолженіе двухъ дней? Преклоняюсь передъ вашею женственною кротостью и говорю вамъ безъ всякой ироніи, что вы въ этомъ отношеніи стоите выше многихъ, очаровательныхъ, умныхъ и безукоризненныхъ женщинъ. Тѣ также терзаютъ людей, мажутъ ихъ по губамъ, разбиваютъ ихъ счастье, говорятъ имъ: «вы меня не поняли»— и, сверхъ всего этого, ненавидятъ ихъ самою упорною и холодною ненавистью. Бываютъ, конечно, и мужчины въ такомъ же родѣ, потому что, когда дѣло зайдетъ о глупостяхъ, тогда ни одинъ полъ не уступить другому. Но исторія Базарова поучительна; онъ измученъ, онъ же извиняется, онъ же получаетъ великодушное полу-прощеніе, онъ самъ, во все время своего знакомства съ Одинцовой, не говоритъ ей ни одного непріятнаго или непочтительнаго слова, онъ обходится съ нею, какъ съ святынею, и, при всемъ томъ, его же вся читающая публика обвиняетъ въ нахальствѣ, въ дерзости, въ цинизмѣ, въ неуваженіи къ достоинству женщины, и чертъ знаетъ еще въ какихъ неправдоподобныхъ гадостяхъ. Но вотъ о чемъ не мѣшаетъ подумать нашей добрѣйшей и почтеннѣйшей публикѣ:—дали ей въ руки печатную книгу; въ этой книгѣ была написана яснымъ русскимъ языкомъ исторія Базарова и Одинцовой; прочитали эту исторію и опытные критики, и простые, непредубѣжденные читатели; и изъ всего этого привлежнаго чтенія, изъ всѣхъ критическихъ разсужденій произошло, по неисповѣдимымъ законамъ судебъ, самое удивительное пониманіе на выворотъ, или, еще вѣрнѣе, совершенное непониманіе. Я спрашиваю у каждаго безпристрастнаго читателя моей статьи, есть-ли какая нибудь возможность понять и объяснить факты, собранные мною въ этой

главѣ, по какому нибудь другому способу, несходному съ моимъ объясненіемъ? Я увѣренъ, что каждый читатель скажетъ: «читать, невозможно», и даже назоветъ мое объясненіе ненужною болтовнею, потому что факты ясны, какъ день, и сами за себя говорятъ. Ну да, ясны какъ день, а вѣдь однако ухитрились же люди ихъ не понять и исказить, и для многихъ легковѣрныхъ господъ судьба Базарова, какъ литературнаго типа, рѣшена безапелляціонно. Ихъ теперь и не вытащить изъ заколдованнаго круга ихъ затверженныхъ сужденій. И это случилось съ печатною книгою, которую стоить только раскрыть и прочесть внимательно для того, чтобы уничтожить всякое заблужденіе, и возстановить настоящее значеніе рассказанныхъ событій. Поставьте же теперь на мѣсто книги живое явленіе, которое никогда не бываетъ такъ ясно и такъ удобно для изученія, какъ литературное произведеніе. Подумайте, какая тутъ произойдетъ катавасія! Если наша публика, ни съ того ни съ сего, совершенно несправедливо оплевала тургешевскаго Базарова, то каково же поступаетъ она съ живыми Базаровыми, которыхъ понять гораздо труднѣе, и которымъ однако больно и досадно, когда на нихъ сыпятся незаслуженныя оскорбленія отъ отцевъ, матерей, сестеръ, и особенно, особенно отъ любимыхъ женщинъ? Подумайте, сударыня-публика, не пора ли вамъ заподозрить непогрѣшимость вашихъ сужденій о такихъ явленіяхъ, которыхъ вы не сумѣли понять даже по печатной книгѣ? Я нарочно выбралъ для примѣра «любовную» исторію Базарова, потому что это именно такой предметъ, въ которомъ каждый человѣкъ считаетъ себя компетентнымъ судьей. Ну и что же, компетентные судьи, много вы разсудили?—Нравоученіе изъ этого извлекается только то, что обругать человѣка недолго, но что и пользы изъ этого выходитъ немного.

XIV.

Вамъ, можетъ быть, угодно знать теперь, почему Одинцова не полюбила Базарова, или, точнѣе, почему ея зарождавшаяся любовь къ этому человѣку не повела за собою никакихъ счастливыхъ послѣдствій. А потому же самому, почему король Лиръ оттолкнулъ отъ себя ту единственную дочь, которая дѣйствительно была къ нему привязана; потому что чувство Базарова, подобно чувству Корделии,

выразилось некрасиво, то есть, несогласно съ эстетическими требованиями того лица, къ которому это чувство адресовалось. Я говорю это безъ всякихъ предположеній, основываясь на словахъ самаго Тургенева. «Она задумывалась и краснѣла, вспоминая почти зѣвское лице Базарова, когда онъ бросился къ ней.» (Стр. 155). Она даже не рѣшила хорошенько, какъ ей поступить, то есть, отдаться ли Базарову, или разойтись съ нимъ. «Или? произнесла она вдругъ, и остановилась, и тряхнула кудрями.» (Стр. 156.) Неподрожаемымъ комментариемъ къ этому забубенному *или* можетъ служить слѣдующая цитата изъ того же романа: «Ямщикъ ему попался лихой, онъ останавливался передъ каждымъ кабакомъ, приговаривая: «чкнуть?» или: «аль чкнуть?», но за то, *чкнувши*, не жалѣлъ лошадей» (стр. 211). Къ сожалѣнію, Одинцова, въ дѣлѣ лихости, далеко уступала ямщику, и на первый разъ она рѣшила, что лучше не надо «*или?*» Но это рѣшеніе никакъ нельзя считать окончательнымъ; нельзя по той простой причинѣ, что она его нѣсколько разъ подтверждала впоследствии, а это значитъ, что передъ каждымъ подтвержденіемъ въ ея умѣ шевелился болѣе или менѣе явственно обозначенный вопросъ: «аль чкнуть?» И подтвержденіе являлось постоянно по случаю неэстетичности. «Одинцова раза два — прямо, не украдкой — посмотрѣла на его лице, строгое и желчное, съ опущенными глазами, съ отпечаткомъ презрительной рѣшимости въ каждой чертѣ, и подумала: «нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ.» (Стр. 157). «Вѣдь вы,—извините мою откровенность, говорить ей Базаровъ вечеромъ того же дня,—не любите меня и не полюбите никогда? — Глаза Базарова свергнули на мгновенье изъ подъ темныхъ его бровей. Анна Сергѣевна не отвѣчала ему; «я боюсь этого человѣка, мелькнуло у ней въ головѣ.» (Стр. 158). Одинцова приѣзжаетъ въ умирающему Базарову, и вотъ первое ея ощущеніе при взглядѣ на больного: «она просто испугалась какимъ-то холоднымъ и томительнымъ испугомъ; мысль, что она не то бы почувствовала, если-бы точно его любила, мгновенно свергнула у ней въ головѣ. (Стр. 294). Вотъ видите: до самой послѣдней минуты вопросы: «любила-ли она его», и «точно-ли любила» оставались для нея вопросами. А полюбила-ли бы она его, если-бы онъ не умеръ, и могла ли она вообще полюбить его — это такіе вопросы, которые навсегда остались для нея неразрѣшимыми. Базаровъ поставилъ вопросъ слишкомъ ясно: или отдаться, или разойтись, Одинцовой еще

Не хотѣлось рѣшиться ни въ ту, ни въ другую сторону; ей хотѣлось еще поговорить, и она не разъ выражала это желаніе, и у нея были на то очень законныя причины. Для того, чтобы стать въ уровень съ Базаровымъ, чтобы понять его и взглянуть на его личность свѣтлымъ взглядомъ мыслящаго человѣка, сбросившаго съ своего ума оковы эстетической рутинны, для этого Одинцовой дѣйствительно необходимо было поумнѣть, а она, какъ даровитая женщина, умнѣла довольно быстро подъ живительнымъ вліяніемъ дѣльныхъ разговоровъ съ Базаровымъ. Но Базаровъ, при всей своей «сатанинской» гордости, не сознавалъ, что онъ въ умственномъ отношеніи стоитъ выше ея; онъ не замѣчалъ, что его вліяніе производитъ въ ней перемѣну; поэтому онъ и думалъ, что если она не любитъ его теперь, то и не полюбитъ никогда. Значить, онъ уважалъ ее слишкомъ много, и было-бы гораздо — о, гораздо лучше, если-бы онъ уважалъ ее поменьше. Но замѣчательно, что вѣдь Базарова-то принято упрекать какъ разъ въ противоположной погрѣшности. Желаніе Одинцовой «еще поговорить,» выражается въ двухъ случаяхъ самымъ очевиднымъ образомъ. Во первыхъ, тотчасъ послѣ неудавшагося поцѣлуя, Базаровъ присылаетъ ей записку слѣдующаго содержанія: «долженъ ли я сегодня уѣхать — или могу остаться до завтра?» Она ему отвѣчаетъ: «зачѣмъ уѣзжать? Я васъ не понимала — вы меня не поняли.» — Выводъ ясенъ; «поговоримъ еще, и, можетъ быть, договоримся до взаимнаго пониманія. «Во вторыхъ, когда Базаровъ, спустя нѣсколько недѣль, заѣзжаетъ въ послѣдній разъ, на короткое время, въ деревню Одинцовой, она упрашиваетъ его остаться, и еще наивнѣе выражаетъ свое желаніе «поговорить.» — «Развѣ, говоритъ она, вы уѣзжаете? Отчего же вамъ теперь не остаться? Оставайтесь... съ вами говорить весело... точно по краю пропасти ходишь. Сперва робѣешь, а потомъ откуда смѣлость возьмется. Оставайтесь. (Стр. 271). Тутъ опять ясно сквозитъ такая мысль: «дайте мнѣ понабраться смѣлости, и тогда я, чего добраго, брошусь въ самую пропасть, которая перестанетъ меня пугать,»... Но Базаровъ не видитъ этой сквозящей мысли, или же у него не хватаетъ силъ дожидаться, пока Одинцова поумнѣетъ и перестанетъ робѣть. — «Спасибо за предложеніе, Анна Сергѣевна, отвѣчаетъ онъ ей, и за лестное мнѣніе о моихъ разговорныхъ талантахъ. Но я нахожу, что я и такъ слишкомъ долго вращался въ чужой для меня сферѣ.» — Нелюбезно и почти дерзко отвѣчаетъ онъ на ея при-

глашеніе, но ее этотъ отвѣтъ не оскорбляетъ. Взглянувши на его блѣдное лице, подернутое горькою усмѣшкою, она подумала: «этотъ меня любить!» и съ участіемъ протянула ему руку. Но онъ не взялъ эту руку, и оттолкнулъ прочь ея непрошенное участіе, потому что люди, подобные Базарову, берутъ себя любовь женщины, или ровно ничего не берутъ. «Нѣтъ, сказалъ онъ, и отступилъ на шагъ назадъ. Человѣкъ я бѣдный, но милостыни до сихъ поръ не принималъ. Прощайте-съ и будьте здоровы.» — Она опять рванулась къ нему: — «Я убѣждена, что мы не въ послѣдній разъ видимся, произнесла Анна Сергѣевна *съ небольшимъ движеніемъ.*» (это опять тоже самое, что «невольная нѣжность въ голосѣ,» и знаменательный вопросъ «или?») Но Базаровъ неприступенъ, и опять осаждаетъ ее назадъ. — «Чего на свѣтѣ не бываетъ! отвѣчалъ Базаровъ, поклонился и вышелъ. (Стр. 271). Женщина сама всего лучше можетъ судить о томъ, оскорблена-ли она или нѣтъ; а Одинцова, тотчасъ послѣ Базаровскаго объятія, не чувствовала себя оскорбленною: «она скорѣе чувствовала себя виноватою». (Стр. 156). Она никогда, ни прежде, ни послѣ рѣшительной сцены, не смотрѣла на Базарова, какъ на нахальнаго циника. Ей, въ самый день поцѣлуя, хотѣлось сказать ему какое нибудь доброе слово, но она не знала, какъ заговорить съ нимъ,» (Стр. 158.) — «Вы знаете, говорить она ему во время ихъ предпослѣдняго свиданія, что я васъ боюсь... и въ то же время я вамъ довѣряю, потому что въ сущности вы очень добры.» (Стр. 268.) Что за удивительная смѣсь различныхъ чувствъ! И боязнь, и довѣріе и уваженіе, и желаніе дружбы, и неудовлетворенное любопытство. Боязнь тутъ не что иное, какъ неполное пониманіе, потому что мы всегда боимся того, что кажется намъ страннымъ, незнакомымъ или необъяснимымъ.. Но отчего же изъ всей этой смѣси чувствъ не составляется та своеобразная кристаллизація, которая называется любовью? Всѣ составные элементы любви даны, и даже нѣтъ того *физическаго* отвращенія, которое иногда бываетъ въ такомъ дѣлѣ необходимымъ препятствіемъ; отчего же не образуется любовь? Оттого, что эстетика мѣшаетъ; оттого, что въ чувствѣ Базарова нѣтъ той внѣшней миловидности, *joli a voir*, которыя Одинцова совершенно безсознательно считаетъ необходимыми атрибутами всякаго любовнаго пафоса. Читатель подумаетъ, вѣроятно, что эстетика — мой кошмаръ, и читатель въ этомъ случаѣ не ошибется. Эстетика и реализмъ дѣйствительно находятся въ

непримиримой враждѣ между собою, и реализмъ долженъ радикально истребить эстетику, которая въ настоящее время отравляетъ и обезсмысливаетъ всѣ отрасли нашей научной дѣятельности, начиная отъ высшихъ сферъ научнаго труда и кончая самыми обыкновенными отношеніями между мужчиною и женщиною. Я немедленно постараюсь доказать читателю, что эстетика есть самый прочный элементъ умственнаго застоя и самый надежный врагъ разумнаго прогресса.

XV.

Въ томъ-то и состоятъ пошлость всякихъ эстетическихъ приговоровъ, что они произносятся не вслѣдствіе размышленія, а по вдохновенію, по внушенію того, что называется голосомъ инстинкта или чувства. Взглянулъ, понравилось — ну, значить, хорошо, прекрасно, изящно. Взглянулъ, не понравилось — конечно дѣло, скверно, отвратительно, безобразно. А почему понравилось или не понравилось — этого вамъ не объяснить ни одинъ эстетикъ. Все объясненіе ограничится только ссылкой на внутренній голосъ непосредственнаго чувства. Эстетикъ выставитъ вамъ, конечно, цѣлую систему второстепенныхъ правилъ, но чтобы поставить весь этотъ затѣйливый эшафодажъ на какой нибудь фундаментъ, онъ все таки сошлетъ подъ конецъ на непосредственное чувство. Но эти ссылки непременно должны имѣть опредѣленный физиологическій смыслъ; или же, въ противномъ случаѣ, онъ не имѣютъ ровно никакого смысла. Напримѣръ, пѣкоторые люди не могутъ ѣсть никакой рыбы, и запереживаютъ, какъ только въ ихъ пищеварительный каналъ попадетъ малѣйшій кусочекъ этого нестерпимаго для нихъ вещества, которое, у большей части людей, считается однако лакомою и здоровою пищею. Въ этомъ случаѣ отвращеніе совершенно законопно. Значить, въ устройствѣ желудка или пищепаго канала есть какая нибудь индивидуальная особенность, отрицающая рыбу. Всякій дѣльный физиологъ скажетъ, подобно Льюису, что надо повиноваться голосу желудка, потому что урезопить его невозможно, апеллировать на него некуда, а бороться съ нимъ, значить только вызывать тошноту и разныя другія болѣзненные явленія. Другой примѣръ: рѣзкій свистъ локомотива абсолютно неприятенъ, или, выражаясь другими словами, неизященъ, отвратите-

лень, безобразенъ, потому что отъ этого пронзительнаго звука страдаетъ слуховой нервъ. Физиологическая причина существуетъ, и, стало быть, дѣло опять таки рѣшается окончательно. Третій примѣръ: женщина *А* чувствуетъ непобѣдимое физическое отвращеніе къ мужчинѣ *Б*. Ей противно прикоснуться къ его рукѣ, а поцѣловать этого челоуѣка было-бы для нея настоящею пыткой. Такія явленія дѣйствительно существуютъ въ природѣ, и, разумѣется, имѣютъ какое нибудь физиологическое основаніе, хотя, можетъ быть, современная наука и не въ состояніи въ точности опредѣлять ихъ причину. И въ этомъ случаѣ не слѣдуетъ насиловать природу. И госпожа *А* поступить очень неблагоуразумно, если, вопреки этому физическому отвращенію, разсудочными доводами заставить себя выйти замужъ за господина *Б*. Нашъ организмъ имѣетъ свои безспорныя права, и предъявляетъ ихъ, и не терпитъ ихъ нарушенія. Но скажите пожалуйста, какія права своего организма заявляла, напримеръ, французская публика времени Вольтера, когда она систематически осмистывала всякую трагедію, въ которой не было *un atome* *rien et une atomeuse*? Или какія права организма выражались въ томъ, что нашимъ уѣзднымъ барышнямъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ нравились почти исключительно блестящіе мундиры и разочарованные герои? Согласитесь, что тутъ, не можетъ быть допущено даже легкое предположеніе объ особенномъ устройствѣ какихъ нибудь зрительныхъ, слуховыхъ, желудочныхъ или другихъ нервовъ. И барышни, и французская публика очень горячо ссылались на голосъ непосредственнаго чувства, и были готовы божиться въ томъ, что ужъ такъ устроила ихъ природа, что они иначе не могутъ чувствовать и разсуждать, что у нихъ есть врожденное стремленіе къ однимъ предметамъ, и такое же врожденное отвращеніе къ другимъ. Странное дѣло! Уѣздныя барышни считаются тысячами, и во французскіе театры ходили, при Вольтерѣ, также тысячи людей. Эти тысячи отдѣльныхъ организмовъ представляли самое пестрое индивидуальное разнообразіе; тутъ были умные и глупые, полнокровные и худосочные, раздражительные и апатичные, и такъ далѣе, до безконечности. И у всѣхъ этихъ различныхъ организмовъ оказывается вдругъ одна общая черта, самая тонкая и неуловимая, та, вслѣдствіе которой французамъ нравились только любовныя трагедіи, а барышнямъ только разочарованные войны. Воля ваша, такое предположеніе еще болѣе неправдоподобно, чѣмъ если-бы

мы предположили, что всѣ наши барышни родились съ крошечнымъ темнымъ пятномъ надъ лѣвымъ глазомъ. Само по себѣ такое пятно вовсе не удивительно, и оно такъ-же удобно можетъ помѣститься надъ лѣвымъ глазомъ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, но чтобы оно появилось разомъ у всѣхъ новорожденныхъ дѣвочекъ цѣлой обширной мѣстности—это невозможно. Чтобы такое *врожденное* свойство держалось постоянно въ теченіи двухъ десятилѣтій, и потомъ исчезло-бы безъ слѣда, замѣняясь для слѣдующихъ поколѣній *врожденнымъ* свойствомъ—это уже ни съ чѣмъ не сообразно. Ясно, стало быть, что природа тутъ ни при чемъ, и что внутренній голосъ непосредственнаго чувства повторяеть только, какъ попугай, то, что нажужжали намъ въ уши съ самой ранней молодости. Французъ XVIII вѣка видѣлъ постоянно трагедіи съ любовнымъ пламенемъ, и слышалъ постоянно, что такіа трагедіи считаются превосходными—онъ и требуетъ себѣ такихъ трагедій, и дѣйствительно чувствуетъ къ нимъ особенную симпатію. Барышня съ трехъ лѣтъ до пятнадцати видитъ постоянно, что старшія родственницы ея любезничаютъ съ офицерами печоринскаго типа, и слышитъ постоянно, что взрослыя дѣвицы находятъ такихъ офицеровъ очаровательными; очень естественно, что, надѣвши длинное платье, эта барышня сама стремится любезничать съ такими же офицерами, и въ самомъ дѣлѣ чувствуетъ какое-то особенное замираніе сердца при одномъ взглядѣ на восхитительный мундиръ. Пассивная привычка—считать какой-нибудь предметъ хорошимъ и желательнымъ, становится до такой степени сильною, что превращается, наконецъ, въ дѣйствительное чувство и въ активное желаніе. Такія превращенія происходятъ въ нашемъ внутреннемъ мірѣ на каждомъ шагу. Въ этомъ последнемъ случаѣ, конечно, привычка—дѣло очень хорошее, но не потому, что она—привычка, а потому, что она ведетъ за собою общепользныя послѣдствія, необходимыя для благосостоянія человѣчества. Допуская и поощряя результаты привычки, когда она приносятъ намъ пользу, мы не имѣемъ, въ тоже время, никакого основанія преклоняться передъ нашими привычками вообще, и считать ихъ неприкосновенными даже въ томъ случаѣ, когда онѣ вредны, безразсудны, стѣснительны или неудобны. Поэтому, когда внутренній голосъ непосредственнаго чувства начинаетъ намъ что нибудь докладывать, мы можемъ его выслушать, но вовсе не обязаны принимать его совѣты на вѣру, безъ дальнѣйшихъ критическихъ изслѣдованій. Вѣрить этому чревоушанію

на слово, значить, обречь себя на вѣчную умственную неподвижность. Наши инстинкты, наши бессознательныя влеченія, наши безпричинныя симпатіи и антипатіи, словомъ, всѣ движенія нашего внутренняго міра, въ которыхъ мы не можемъ дать себѣ яснаго и строгаго отчета, и которыя мы не можемъ свести къ нашимъ потребностямъ или къ понятіямъ вреда и пользы, — всѣ эти движенія, говорю я, захвачены нами изъ прошедшаго, изъ той почвы, которая насъ выкормила, изъ понятій того общества, среди котораго мы развились и жили. Это наслѣдство и составляетъ силу и основаніе всѣхъ нашихъ эстетическихъ понятій. Что нравится намъ безотчетно, то нравится намъ только потому, что мы къ нему привыкли. Если эта безотчетная симпатія не оправдывается сужденіемъ нашей критической мысли, то очевидно, эта симпатія тормозитъ наше умственное развитіе. Если въ этомъ столкновеніи побѣдитъ трезвый умъ, — мы подвинемся впередъ, къ болѣе здоровому, то есть, къ болѣе общепользному взгляду на вещи. Если побѣдитъ эстетическое чувство, — мы сдѣлаемъ шагъ назадъ, къ царству рутины, умственнаго безсилія, вреда и мрака. Эстетика, безотчетность, рутина, привычка — это все совершенно равносильныя понятія. Реализмъ, сознательность, анализъ, критика и умственный прогрессъ — это также равносильныя понятія, діаметрально противоположныя первымъ. Чѣмъ больше мы даемъ простора нашимъ безотчетнымъ влеченіямъ, чѣмъ сильнѣе разыгрывается наше эстетическое чувство, тѣмъ пассивнѣе становятся наши отношенія къ окружающимъ условіямъ жизни, тѣмъ окончательнѣе и безвозвратнѣе наша умственная самостоятельность поглощается и поработается бессмысленными вліяніями нашей обстановки. Люди, обожающіе красоту и эстетику, рассуждаютъ обыкновенно такъ: мнѣ это нравится, слѣдовательно, это хорошо. Утвердившись на той позиціи, что *это* хорошо, они начинаютъ подбирать второстепенныя условія, при которыхъ можетъ и должна развиться полная красота даннаго предмета, и этимъ подбираниемъ ограничивается то скромное шевеленіе мозговъ, которое называется эстетическимъ анализомъ. Мысль при этомъ вертится въ предѣлахъ того крошечнаго кружка, который очерченъ вокругъ нея заранѣе. Повертится, повертится, передвинетъ съ мѣста на мѣсто кое-какія пылинки, да на томъ и успокоится. Современники Вольтера убѣдили себя разъ навсегда въ томъ, что прекрасная трагедія непременно должна заключать въ себѣ любовную интригу. Такая трагедія прекрасна, потому что она намъ нравится — это была ихъ

основная аксіома Отъ этой аксіомы отправляясь нхъ анализъ, и клонился къ тому, чтобы разъяснить, при какихъ условіяхъ *такая* трагедія можетъ быть особенно прекрасна. Этотъ робкій и жалкій анализъ, разумѣется, оканчивался шлифованіемъ мельчайшихъ подробностей, составлявшихъ бесполезный, хотя и логическій выводъ изъ совершенно пустой и ложной основной идеи. Вольтеръ осмѣиваетъ рутинную узкость этихъ ходячихъ эстетическихъ теорій, и при этомъ самъ также вертится въ совершенно замкнутомъ кругу, который только чуть-чуть пошире перваго. Вольтеръ приходитъ въ эстетическій ужасъ, когда одинъ изъ его современниковъ, Ламотъ-Ударъ (La Motte-Houdart) начинаетъ доказывать, что трагедіи могутъ быть прекрасны, даже въ томъ случаѣ, если въ нихъ не соблюдены три единства (времени, мѣста и дѣйствія) и если даже онѣ написаны прозою. Вольтеръ допускаетъ, что трагедія можетъ быть прекрасна безъ любви, но ереси Ламота онъ допустить не можетъ, и драматическія произведенія Шекспира все таки ужасають его своими варварскими неправильностями. Но и Ламотъ-Ударъ, при всей своей смѣлости, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Бѣлинскій сталъ ему доказывать, что трагедіи Корнеля и Расина никуда не годятся, и что ихъ даже смѣшно сравнивать съ Шекспиромъ. Но и Бѣлинскій, при всей своей гениальности, пришелъ бы въ ужасъ, если бы Базаровъ сказалъ ему, что «Рафаэль гроша мѣднаго не стоитъ, и что, слѣдовательно, люди очень удобно могутъ жить на свѣтѣ даже совсѣмъ безъ трагедій. И Французы, обожавшіе любовную трагедію, и Вольтеръ, и Ламотъ, и Бѣлинскій, при всемъ различіи своихъ взглядовъ, были все-таки эстетиками, и это обстоятельство проводитъ ясную и неизгладимую границу между этими людьми и представителями чистаго реализма. Существенная разница заключается не въ томъ, что одни признають, а другіе отрицають искусство; это только второстепенные выводы. Можно быть эстетикомъ, не выходя изъ сферы чисто практическихъ интересовъ; и можно быть реалистомъ, съ любовью изучая Шекспира и Гейне, какъ гениальныхъ и великихъ людей. Существенная разница лежитъ гораздо глубже; эстетикки всегда останавливаются на аргументѣ: *«потому что это мнѣ нравится»*, и, чаще всего, даже не доходятъ до этого послѣдняго аргумента. Реалисты, напротивъ того, и этотъ послѣдній аргументъ подвергаютъ анализу. «Это мнѣ нравится, думаетъ реалистъ. Хорошо. Но, чтобы узнать цѣлу моихъ симпатій, не мѣшаетъ сначала узнать, что за

штука это я, такъ отважно произносящее свои рѣшительные приговоры. Между моими сверстниками было много дураковъ и негодяевъ; мои наставники пороли меня по вдохновенію, и заставляли меня лгать и подличать; мои родственники жили и живутъ безгрѣшными доходами; мои родственницы смѣшиваютъ Гоголя съ Польде-Коконь, и говорятъ, что писателя, какъ вреднаго сплетника, опасно пустить на порогъ порядочнаго дома. Посреди всѣхъ этихъ, и многихъ другихъ подобныхъ, вліяній слагалась и развѣвалась моя личность. Были, конечно, и другія впечатлѣнія, совѣсьмъ другаго сорта, впечатлѣнія, по милости которыхъ мнѣ удалось бросить критическій взглядъ на разпообразный соръ моей родной избы. Были разговоры немногихъ умныхъ людей, и чтеніе многихъ умныхъ книгъ. Не дерзко-ли и не глупо-ли было бы принять за непреложную истину, что благотворное вліяніе этихъ людей и книгъ совершенно очистило мою личность отъ всѣхъ грязныхъ ингредиентовъ, вошедшихъ въ нее изъ почвы? Ясно теперь, что именно существованіе этой высшей руководящей идеи у послѣдовательнаго реалиста и отсутствіе такой идеи у эстетика составляетъ основное различіе между этими двумя группами людей. Какая же это идея? Это—идея общей пользы или общечеловѣческой солидарности. Какъ всѣ люди, и даже всѣ животныя вообще, эстетикъ и реалистъ оба вполнѣ эгоисты. Но эгоизмъ эстетика похожъ на безсмысленный эгоизмъ ребенка, готоваго ежеминутно облопаться сквернѣйшими леденцами и коврижками. А эгоизмъ реалиста есть сознательный и глубоко-разсчитливый эгоизмъ зрѣлаго чловѣка, заготовляющаго себѣ на цѣлую жизнь неистощимые запасы свѣжаго наслажденія.—Идея общечеловѣческой солидарности извѣстна очень многимъ эстетикамъ, но они относятся къ ней, какъ, напримѣръ, къ какому нибудь мексиканскому вопросу.—Да, молъ, хорошая идея и интересныя вещи объ ней пишутся. Отчего не почитать на счетъ этой идеи? Отчего даже, при удобномъ случаѣ, не заявить печатно, что *homo sum et nihil humani...* Словомъ, отчего-же намъ, эстетикамъ, не побаловать себя и эту идею, какъ мы балуемъ себя всѣми цвѣточками этого лучшаго изъ возможныхъ міровъ?—Такимъ образомъ эстетикъ, нисколько не содѣйствуя выясненію и практическому торжеству этой идеи, овладѣваютъ ею, утѣшаются ею, по своему обыкновенію, весьма миловиднo, искусно и тонко вводятъ ее въ замкнутый кружокъ своихъ неподвижныхъ симпатій, и безусловно подчиняютъ ее своему высшему, хета и затѣенному, принципу, велико-

му аргументу: *потому что мнѣ нравится*. При такой обстановкѣ, великая идея, господствовавшая деспотически надъ умами міровыхъ гениевъ, становится милою бездѣлкою, которую пріятно поставить на письменный столъ, въ видѣ легкаго *presse-papier*, для того, чтобы она напоминала пишущему барину, что и онъ тоже работаетъ для человѣчества. Да и какъ же не для человѣчества? Какую-бы глупость онъ ни написалъ, все таки его будутъ читать не лошади, а люди. — Всѣ мои насмѣшки могутъ относиться вполнѣ только къ эстетикамъ *нашего* времени. У эстетиковъ *прежнихъ* времянь, у людей, подобныхъ Вольтеру или Бѣлинскому, идея общечеловѣческой солидарности медленно созрѣвала подъ эстетическою скорлупкою. Теперь эта идея созрѣла и проявляется въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, по всѣмъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Стало быть, кто теперь отворачивается отъ этой идеи, и самодовольно возится съ ея разбитою скорлупою, тотъ или слѣпъ, или умышленно замуриваетъ глаза. А смѣяться надъ умственною слѣпотою людей, считающихъ себя квинтъ-эссенціею человѣчности, это не только позволительно, но даже необходимо для выясненія и очищенія великой идеи, превращенной въ будуарное украшеніе.

ХVI.

Для реалиста идея общечеловѣческой солидарности есть просто одинъ изъ основныхъ законовъ человѣческой природы, одинъ изъ тѣхъ законовъ, которые ежеминутно нарушаются нашимъ невѣденіемъ, и которые своимъ нарушеніемъ порождаютъ почти всѣ хроническія страданія нашей породы. Человѣческій организмъ, разсуждаетъ реалистъ, устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими подобными себѣ организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, необходимо общество другихъ людей. На земномъ шарѣ существуетъ множество отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ; между этими обществами могутъ существовать или дружескія, или враждебныя отношенія. Первые несравненно выгоднѣе послѣднихъ. Чѣмъ больше дружескихъ отношеній, и чѣмъ меньше вражды, тѣмъ лучше для каждаго изъ отдѣльныхъ обществъ;

а чѣмъ успѣшнѣе развивается общество, тѣмъ пріятнѣе живетъ каждому изъ его членовъ, то есть, каждому отдѣльному человѣческому организму. Такимъ образомъ и выходитъ, что участь одного зависитъ отъ участи всѣхъ. И на оборотъ, когда отдѣльная личность вполне расчётливо пользуется своими естественными способностями, тогда она неизбѣжно, сама того не сознавая, увеличиваетъ сумму общеловѣческаго благосостоянія. Если-бы эта личность сознавала значеніе своей дѣятельности для общаго блага, то ей все таки не было-бы надобности измѣнять въ своей дѣятельности какую бы то ни было мелочную подробность. Вполнѣ расчётливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія. Но сознавая важное и высокое значеніе своего личнаго труда, видя въ этомъ трудѣ свою неразрывную связь съ милліонами другихъ мыслящихъ существъ, трудящаяся личность еще сильнѣе привязывается къ своей дѣятельности, еще смѣлѣе развертываетъ свои способности, и, ясно понимая законность своихъ стремленій, становится болѣе счастливою, то есть, болѣе независимою отъ тѣхъ тяжелыхъ ощущеній, которыя порождаются мелкими неудачами. Я не ошибаюсь въ общемъ направленіи моей жизни, думаетъ такая личность; я повишусь основному закону природы. Если мнѣ приходится пережить кое-какія непріятности, то я все таки знаю, что я изъ многихъ золъ выбираю меньшее. Если я пойду въ разрѣзъ съ естественнымъ закономъ, если я уклонюсь отъ него въ сторону, то, въ общемъ результатѣ, жизнь моя пойдетъ еще хуже. — Эстетики вообще восторгаются, умиляются и человѣколюбствуютъ гораздо чаще и шумнѣе, чѣмъ реалисты, которые обыкновенно обнаруживаютъ упорную антипатію ко всякому порывистому энтузіазму. Но эстетики считаютъ совершенно невозможнымъ дѣломъ провести идею дѣятельной любви во всѣ мельчайшіе поступки собственной жизни. Для нихъ эта идея — блестящій мундиръ, который можно и даже слѣдуетъ надѣвать по табельнымъ днямъ, но который, при всей своей красотѣ, превратится въ орудіе пытки, если вы станете таскать его каждый день, съ ранняго утра до поздней ночи. Когда имъ говорятъ, что это даже не мундиръ, а очень просторное домашнее пальто, то они этому рѣшительно не вѣрятъ, и людей, высказывающихъ подобныя мысли, называютъ или фантазерами, или лицемѣрами. Помните, вопіють эстетики, эти сухіе, черствые люди, эти угловатыя фигуры, толкующія постоянно о выгодахъ и убыткахъ, хотятъ увѣрить насъ,

что имъ удалось рѣшить такую задачу общеловѣческой любви, которая оказалась не по силамъ даже намъ, людямъ мягкимъ, нѣжнымъ и высоко развитымъ въ дѣлѣ пониманія самыхъ изящныхъ сторонъ природы и человѣческой души. Не есть-ли это съ ихъ стороны дерзкая и возмутительная ложь?—Конечно, если-бы реалисты къ каждому своему шагу приплетали высокія разсужденія о челоѣколюбіи и глубокіе вздохи о челоѣческихъ страданіяхъ, то это было-бы и глупо, и скучно, и наконецъ сдѣлалось-бы невыносимымъ, какъ для самаго реалиста, такъ и для всѣхъ его знакомыхъ. Но идея любви проводится въ жизнь гораздо проще и гораздо дѣйствительнѣе. Къ этой высшей идеѣ реалистъ обращается чрезвычайно рѣдко. Обыкновенно онъ имѣетъ дѣло только съ ея практическими выводами и частными приложеніями. Доживши до тѣхъ лѣтъ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой челоѣкъ, неспорченный богатствомъ и барственнымъ лѣнью, начинаетъ всматриваться въ свои способности, и дѣлаетъ попытки по разнымъ направленіямъ, до тѣхъ поръ, пока не отыщеть себѣ такой трудъ, который ему пріятенъ, и который, при томъ, можетъ его прокормить. Разсматривая различныя сферы занятій, молодой челоѣкъ, сколько нибудь способный размышлять, непременно ставитъ себѣ нѣкоторые вопросы, на которые ему необходимо получить отъ себя отвѣты. Не безцеленно-ли это занятіе, то есть, не вредять-ли оно естественнымъ интересамъ большинства? Не подѣйствуетъ-ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственныя способности? Обезпечитъ ли оно мою нравственную самостоятельность, то есть, буду ли я мочь трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы поставить и рѣшить, въ ту или въ другую сторону, нѣсколько подобныхъ вопросовъ, не надо быть ни гениальнымъ мыслителемъ, ни героемъ или фанатикомъ челоѣколюбія. Надо просто быть неглупымъ челоѣкомъ и получить въ какомъ нибудь университетѣ довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество, и что такое умственный трудъ. Конечно, выбирая то или другое поприще, надо взглянуть на дѣло широко и серьезно, надо обратиться къ высшей руководящей идеѣ, и ей надо безусловно подчинить разныя второстепенныя соображенія, которыя обыкновенно называются практическими, а на самомъ дѣлѣ всегда оказываются ложными и блуждающими. Если напримѣръ, лѣтъ пять тому назадъ, молодому челоѣку, вышедшему изъ университета, предложили бы *выгодное мѣ-*

сто по откупамъ, то разумѣется, онъ, во имя идеи, обязанъ былъ безусловно отказаться отъ этого мѣста, не смотря ни на какія выгоды. Идея требуетъ отъ него этой жертв; но намъ стоитъ только взглянуть внимательно на дѣло, чтобы немедленно убѣдиться въ томъ, что тутъ жертва чисто внѣшняя, и что требованія высшей идеи здѣсь, какъ и вездѣ, совпадаютъ вполне съ внушеніями эгоистическаго разсчета. Молодой человѣкъ стоитъ на распутьѣ: направо — дорога въ откупъ, на лѣво — грошове уроки и неизвѣстное будущее. Если бы какой нибудь волшебникъ могъ понавѣть ему — его самого, какъ онъ будетъ лѣтъ черезъ пятнадцать, пошедши направо, и потомъ опять таки его самого, пошедшаго на лѣво, и пережившаго такой же промежутокъ времени, то, конечно, молодому человѣку захотѣлось бы избрать тотъ путь, который приводитъ къ наиболѣе благообразному результату. Я не думаю, чтобы молодому человѣку понравилась та личность, которую онъ увидѣлъ бы въ первомъ случаѣ. Жизнь въ брюхо, грязные друзья и сослуживцы, равнодушіе ко всякимъ высшимъ интересамъ, извращеніе умственныхъ способностей, тупая и боязливая ненависть ко всему, что можетъ нарушить выгодное спокойствіе мутнаго болота, рѣзкій разрывъ съ честными университетскими товарищами, словомъ, всѣ признаки безнадежнаго паденія — результатъ непривлекательный! — Въ этому результату *приходятъ* тѣмъ или другимъ путемъ многіе пламенные юноши, но *идутъ* они не къ этому результату, и если бы они могли видѣть его заранѣе, то изъ этихъ многихъ почти всѣ повернули бы куда нибудь въ другую сторону. Значитъ, тутъ происходитъ ошибка въ разчетѣ, и отъ такихъ ошибокъ, неизбежныхъ при нашей юношеской неопытности и самонадѣянности, насъ всего лучше можетъ предохранить та кажущаяся жертва, которую мы приносимъ требованіямъ высшей идеи. Очень многія отрасли труда находятся въ полномъ согласіи съ самыми строгими требованіями идеи. Которую же изъ этихъ отраслей долженъ выбрать себѣ молодой человѣкъ? И здѣсь интересы общества сходятся съ интересами личности. Пусть молодой человѣкъ выбираетъ себѣ то, что ему всего пріятнѣе. Тогда, и именно только тогда, онъ, наслаждаясь процессомъ своего труда, принесетъ обществу такое количество пользы, которое вполне соответствуетъ размѣрамъ его личныхъ способностей. — Положимъ теперь, что требованія идеи соблюдены, дѣятельность молодого человѣка вошла въ свою ровную колею, и, удовлет-

воря его умственнымъ потребностямъ, съ каждымъ годомъ становитея болѣе драгоценною и необходимою частью его существованія. Каждый неглупый человекъ можетъ найти себѣ такую дѣятельность; а какъ только жизнь наполнена осмысленнымъ трудомъ, такъ задача можетъ считаться рѣшенною: идея общечеловѣческой любви проведена во всѣ поступки жизни. Вашъ трудъ полезенъ, вы его любите, вы посвящаете ему всѣ ваши силы, вы ни за что не согласитесь дѣлать его кое-какъ, вы готовы бороться съ затрудненіями и переносить неприятности, чтобы довести его до возможной степени совершенства, вы понимаете и стараетесь расширить практическое значеніе вашей работы — кажется, этого довольно, и кажется, вы, поступая такимъ образомъ, ни на одну минуту не забываете вашей солидарности съ остальными людьми, и ни однимъ вашимъ движеніемъ не уклоняетесь въ сторону отъ самыхъ неумолимыхъ требованій высшей идеи. — Итоги всѣхъ этихъ разсужденій можно подвести такъ: эстетикъ — великодушный баринъ, способный, въ минуту героическаго порыва, бросить бѣдному человечеству даже трехрублевую бумажку, которая, немного позднеѣ, вмѣстѣ со всѣми остальными деньгами и симпатіями этого барина, непременно полетѣла бы въ руки поющей цыганки; а реалистъ — расчетливый акціонеръ, пустившій въ оборотъ все свое состояніе, и всѣми силами служащій дѣлу компаніи, для увеличенія собственнаго дивиденда. Иной акціонеръ, ради собственной поживы, вздумаетъ, пожалуй, обокрасть компанію, но вѣдь это расчетъ не столько вѣрный, сколько отважный. На такихъ изобрѣтательныхъ акціонеровъ есть уголовный судъ, а на мошенниковъ въ общемъ дѣлѣ человечества — презрѣніе честныхъ людей, надъ которымъ не во всякое время можно смѣяться безнаказанно. Поверхностному наблюдателю эстетикъ можетъ показаться симпатичнѣе реалиста, потому что реалистъ понятенъ только тому, кто разглядитъ общее направленіе его поступковъ, и разгадаетъ высшее значеніе идеи, составляющей внутренній смыслъ его существованія. А эстетикъ весь какъ на ладони, и внутренняго смысла въ его жизни вы не найдете.

XVII.

Реалистъ — мыслящій работникъ, съ любовью занимающійся трудомъ. Изъ этого опредѣленія читатель видитъ ясно, что реалистами

могутъ быть въ настоящее время только представители умственного труда. Конечно, трудъ тѣхъ людей, которые кормятъ и одѣваютъ насъ, въ высшей степени полезенъ, но эти люди совѣтъ не реалисты. При теперешнемъ устройствѣ матеріальнаго труда, при теперешнемъ положеніи чернорабочаго класса во всемъ образованномъ мірѣ, эти люди ничто иное, какъ машины, отличающіяся отъ деревянныхъ и желѣзныхъ машинъ невыгодными способностями чувствовать утомленіе, голодъ и боль. Въ настоящее время эти люди совершенно справедливо ненавидятъ свой трудъ, и совѣтъ не занимаютъ размышленіями. Они составляютъ пассивный матеріалъ, надъ которымъ друзьямъ человѣчества приходится много работать, но который самъ помогаетъ имъ очень мало, и не принимаетъ до сихъ поръ никакой опредѣленной формы. Это—туманное пятно, изъ котораго выработаются новые міры, но о которыхъ до сихъ поръ рѣшительно нечего говорить. Заниматься съ любовью матеріальнымъ трудомъ — это въ настоящее время почти немисливо, а въ Россіи, при нашихъ допотопныхъ приемахъ и орудіяхъ работы, еще болѣе немисливо, чѣмъ во всякомъ другомъ цивилизованномъ обществѣ. Такимъ образомъ, самый реальный трудъ, приносящій самую осязательную и неоспоримую пользу, остается внѣ области реализма, внѣ области практическаго разума, въ тѣхъ подвалахъ общественного зданія, куда не проникаетъ ни одинъ лучъ общечеловѣческой мысли. Что-жъ намъ дѣлать съ этими подвалами? Понуда приходится оставить ихъ въ покоѣ и обратиться къ явленіямъ умственного труда, который только въ томъ случаѣ можетъ считаться позволительнымъ и полезнымъ, когда, прямо или косвенно, клонится къ созиданію новыхъ міровъ изъ первобытнаго тумана, наполняющаго грязные подвалы. — Изъ всѣхъ реалистовъ только одни естествоиспытатели, раздвигающіе предѣлы науки новыми открытіями, работаютъ для человѣчества *вообще*, безъ отношенія къ отдѣльнымъ національностямъ и къ различнымъ условіямъ мѣста и времени. Остальные реалисты работаютъ также для человѣчества, но задачи и приемы ихъ дѣятельности должны измѣняться сообразно съ обстоятельствами и приспособляться къ потребностямъ отдѣльныхъ человѣческихъ обществъ. Мѣстные и временныя условія нашей русской жизни завляютъ свои опредѣленные требованія, и русскій реалистъ не можетъ оставлять ихъ безъ вниманія. Этими требованіямъ онъ непремѣнно долженъ подчинить свою дѣятельность,

если только онъ не посвятилъ себя исключительно изученію природы. Мнѣ кажется, вліяніе нашихъ мѣстныхъ обстоятельствъ выражается преимущественно въ томъ, что отдѣльныя направленія реалистическаго труда до сихъ поръ не выяснились и не опредѣлились. Наша мысль только что пробуждается въ немногихъ головахъ; въ дѣлѣ умственнаго труда одному и тому же человѣку приходится, сплошь и рядомъ, и землю пахать, и сапоги шить, и широгю печь, и дрова колоть. Рациональное раздѣленіе труда до сихъ поръ еще невозможно; взяться основательно за специальную задачу, значить уйдти далеко впередъ отъ пониманія общества, съузить, безъ малѣйшей пользы, сферу своего вліянія, и не встрѣтитъ въ соотечественникахъ ничего, кромѣ равнодушія и недоумѣнія. За какое бы общепольное предпріятіе вы ни взялись, вамъ, во всякомъ случаѣ, придется вить веревку изъ песку, то есть, собирать и склеивать искусственными средствами такія разсыпающіяся частицы, которыя не имѣютъ, не хотятъ и не могутъ имѣть, ни малѣйшей связи, ни между собою, ни съ вашею идеею. Каждого соотечественника придется уговаривать поодиначкѣ, и каждого придется, при этомъ удобномъ случаѣ, обучать тѣмъ элементарнымъ истинамъ, которыя человѣкъ непрѣменно долженъ знать для того, чтобы имѣть какое нибудь мнѣніе о вашемъ предпріятіи. Это значить, вамъ нуженъ строевой лѣсъ, а ногъ руками у васъ мѣра желудей; конечно, если положить эти желуди въ землю, то лѣсъ вырастетъ, но, рассчитывая на этотъ лѣсъ, подирать плотниковъ, это было бы съ вашей стороны опрометчиво. А вѣстятъ, подирать-то не кого, потому что плотники, подобно строевому лѣсу, также находятся въ зачаточномъ состояніи. Какъ-же тутъ прикажете поступить мыслящему реалисту? Если онъ придетъ въ уныніе и опуститъ руки, то онъ очень скоро сдѣлается жирнымъ олистеромъ, и его уныніе перейдетъ въ хроническую улыбку тунаго самодовольства. Если онъ будетъ суетиться и метаться изъ угля въ уголь, не требуя отъ своихъ условій essentialнаго результата, и не задавая себѣ даже вопроса о томъ, возможенъ ли такой результатъ, то онъ окажется Репетловымъ, или трудящеюся мартышкою. Въ томъ и въ другомъ случаѣ, онъ перестанетъ быть реалистомъ; горизонтъ его мысли быстро съузится, и вся личность его завянетъ и сморщится, потому что и бездѣйствіе и безмысленная суетня дѣйствуютъ на человѣка самымъ оплошавшимъ образомъ. Чтобы поддѣрпывать и возмущать человѣческую лич-

ность, умственный труд непременно долженъ быть полезнымъ, то есть, онъ не только долженъ быть направленъ къ извѣстной разумной цѣли, но онъ, кромѣ того, долженъ достигать этой цѣли. Реалистъ не можетъ успокоить себя тою отговоркою, что я, молъ, исполнилъ свой долгъ, стараясь, говорилъ, убѣждалъ, а если не послушали, такъ, стало быть, и нечего дѣлать. Такія отговорки полезны только для эстетика, для дилетанта умственной работы, для человѣка, которому надо, во чтобы то ни стало, получить отъ самаго себя квитанцію въ исправномъ платежѣ какаго-то невещественнаго долга. А въ глазахъ реалиста такая квитанція не имѣетъ никакого смысла; для него трудъ есть необходимое орудіе самосохраненія, необходимое лекарство противъ заразительной пошлости; онъ ищетъ себѣ полезнаго труда съ тѣмъ неутомимымъ упорствомъ, съ какимъ голодное животное ищетъ себѣ добычи; онъ ищетъ и находитъ, потому что нѣтъ такихъ условій жизни, при которыхъ полезный умственный трудъ былъ бы рѣшительно невозможнымъ. Реалистъ убѣждается въ томъ, что намъ, прежде всего, необходимы знанія. Это — великая истина, превратившаяся даже въ избитую фразу, благодаря тѣмъ мудрецамъ, которые, произнося всевозможныя слова, не поняли во всю свою жизнь ни одной мысли. Но реалистъ не останавливается на голой фразѣ, и немедленно выводитъ изъ основной идеи всѣ ея практическія послѣдствія. Общество нуждается въ знаніяхъ, но оно само почти совсѣмъ не сознаетъ и не чувствуетъ, до какой степени оно бѣдно въ умственномъ отношеніи, и до какой степени эта умственная бѣдность мучительно отзывается во всѣхъ подробностяхъ его ежедневной жизни. Завалите такое общество превосходнѣйшими учебниками, переведите для него всѣ лучшія научныя сочиненія величайшихъ европейскихъ мыслителей — и все это принесетъ ему очень мало пользы. Обставьте больного всевозможными микстурами и доктоктами — и онъ все таки не выздоровѣетъ, если не будетъ принимать вашихъ лекарствъ, и не захочетъ исполнять ваши гигиеническія предписанія. Когда больной считаетъ себя здоровымъ, тогда ему, прежде всего, необходимо доказать, что онъ жестоко ошибается. Именно такимъ образомъ слѣдуетъ поступить и съ нашимъ обществомъ. Оно не только мало размышляетъ, но оно даже не имѣетъ никакого понятія о томъ, что такое дѣятельность мысли. Лексиконъ мудреныхъ словъ, цѣлые сборники готовыхъ изреченій, цѣлыя библіотеки игрушечныхъ произведеній праздной фантазіи, — вотъ весь

умственный капиталъ, обращающійся въ нашемъ обществѣ, и обладаніе такими сокровищами во всѣхъ отношеніяхъ должно считаться болѣе тягостнымъ бѣдствіемъ, чѣмъ самая голая умственная нищета. Мы изъ каждой дѣльной мысли выхватываемъ только ея формальное выраженіе, и къ обширному сборнику нашихъ затверженныхъ изреченій прибавляемъ, такимъ образомъ, еще новую фразу, изъ которой улетучивается весь ея жизненный смыслъ.

Имѣемъ-ли мы какое нибудь понятіе о животныхъ и растеніяхъ, о физическихъ и химическихъ законахъ, о свойствахъ воды, воздуха, металловъ и различныхъ составныхъ частей почвы?—Ровно никакого.—Знаемъ-ли мы что нибудь о жизни европейскихъ обществъ?—Совсѣмъ ничего.—Понимаемъ-ли мы ихъ исторію?—Нисколько.—Извѣстно-ли намъ положеніе Россіи?—Рѣшительно неизвѣстно.—И въ то же время, при этомъ кругломъ невѣжествѣ, мы все знаемъ, мы знаемъ ужасно много, мы все читаемъ и обо всемъ пишемъ.— Мы знаемъ, что есть телескопъ, микроскопъ, химическій анализъ, жирафа, Александръ Гумбольдъ, хлѣбное дерево, анатомія, кокосовые орѣхи, эмбриологія, коралловые рифы, и многія другія естественныя произведенія, интересныя съ той или съ другой стороны для изслѣдователей природы. Познанія наши по части европейской политикѣ еще болѣе обширны и разнообразны. Мы знаемъ, что въ англійскомъ парламентѣ сидитъ мистеръ Геннеси; что Гарибальди сначала подстрѣлили при Аспро-Монте, а потомъ вымечили и простили; что Викторъ Гюго живетъ въ Брюсселѣ и написалъ новый романъ: «Les misérables»; что черногорцы—наши братья, и дерутся съ турками; что фабриканты, машинисты и работники, совокупными силами, создали чудеса новѣйшей промышленности, но что, къ сожалѣнію, тутъ появился антагонизмъ сословій, породился лауперизмъ, а потомъ явились коммунисты и социалисты, которые еще болѣе перепутали дѣло; всего же основательнѣе мы знаемъ, по разсказамъ нашихъ путешествовавшихъ соотечественниковъ, что поѣзды и дебаркадеры желѣзныхъ дорогъ устроены удобно, что лоретки — женщины пикантныя, и рулетка — препровожденіе времени очаровательное, но во многихъ отношеніяхъ изнурительное. Мы, какъ видите, знаемъ чрезвычайно много; всякія собственные имена, всякія спеціальныя слова и техническія выраженія, все это намъ доподлинно извѣстно. Не знаемъ мы только бездѣлицы, — не знаемъ тѣхъ живыхъ явленій, которыя обозначаются этими словами, и не

знаемъ; кромѣ того, такими образомъ эти невѣдомыя намъ явления связываются одно съ другимъ. Мы знаемъ вѣкъ, недриньбрь, что науцеризмъ значить бѣдность, но каковы размѣры этого явленія, въ какихъ формахъ оно выражается отсюда оно произошло, исходу оно въ одной сторонѣ развилось сильнѣе, чѣмъ въ другой — этого мы не знаемъ, и мы бы даже очень удивлялись, если-бы кто нибудь заподозрѣлъ насъ въ способности когда нибудь задеть себя такими вопросами, и узнать такіа запутанныя исторіи. — Что такое Литва? спрашиваетъ одинъ изъ обывателей города Калинова, въ драмѣ «Гроза». — А эта Литва къ намъ съ неба свалилась, отвѣчаетъ другой, и любознательность перваго гражданина немедленно удовлетворяется этимъ отвѣтомъ. — Литва — это народъ такой, отвѣтитъ себѣ образованный человекъ, и также удовлетворится. А вѣдь въ сущности узнать, что невѣстный мнѣ народъ называется Литвою, а не Капустою, и не Самоваромъ, это значить только прибавить къ своему лексикону новое двусложное слово. И точно такое же значеніе имѣетъ каждый голый фактъ, вырванный изъ общей картины жизни и поднесенный невзыскательному читателю ватѣливымъ составителемъ журнальнаго или газетнаго обозрѣнія. А такъ какъ наша публика, кромѣ такихъ голыхъ реалій, не получаетъ отъ своихъ обыкновенныхъ просвѣтителей рѣшительно ничего, и такъ какъ она даже не знаетъ, чего-бы она могла отъ нихъ потребовать, такъ какъ она читаетъ отъ нечего дѣлать, и даже не обращаетъ вниманія на свою полную умственную пасивность, то реалісты, притомъ вглядѣвшись въ эти спеціально-русскія отношенія между писателями и читателями, говорятъ рѣшительно и просто, что общество не знаетъ ровно ничего, и не умѣетъ даже отличать живую дѣятельность мысли отъ бессознательной игры словъ и оборотовъ. Но реалісты должны не только высказать такое сужденіе, а еще, кромѣ того, доказать его строгую вѣрность, и сдѣлать такъ, чтобы общество увидѣло и почувствовало справедливость его слова. На чемъ же спать наши соотечественники, или, выражаясь яснѣе, что ихъ утѣшаетъ и успокоиваетъ, что маскируетъ пустоту ихъ жизни и избавляетъ ихъ отъ необходимости умирать со скуки, или заниматься полезною работою. Водка, табакъ, карты, рыбакъ, докучанство, гончія собаки — все это предметы, играющіе самую почетную роль въ жизни нашего общества, и прошивъ нить, воссоздающіи современный реалізмъ безжизненъ. Эти творяны будутъ отодвинуты въ сторону

только тогда, когда реализмъ войдетъ въ дѣйствительную жизнь, то есть, когда реалистовъ будетъ уже очень много, и когда общество, вслѣдствіе ихъ вліянія, начнетъ въ самомъ дѣлѣ проникаться тѣмъ сознаніемъ, что трудиться гораздо полезнѣе и пріятнѣе, чѣмъ ис- лать сильныхъ ощущеній въ игрѣ, въ пьянствѣ или въ псовой охотѣ. Эти времена лежатъ еще далеко впереди, и поэтому реализмъ не долженъ въ настоящее время тратить свою энергію на бесплодныя проповѣди. Реализмъ долженъ думать только о тѣхъ людяхъ, кото- рые могутъ проснуться и превратиться въ реалистовъ. Такіе люди въ нашемъ обществѣ существуютъ. Чтеніе составляетъ для нихъ дѣйстви- тельную потребность и они читаютъ много, и, не смотря на то, все таки спятъ. Эти любители умѣютъ читать даже серьезныя статьи и понима- ютъ въ нихъ каждое слово (напримѣръ пауперизмъ—бѣдность, ботаника наука о растеніяхъ, Либихъ—нѣмецкій химикъ). Но, такъ какъ на- стоящія, задушевныя симпатіи этихъ людей влекутъ къ беллетрис- тикѣ и къ поэзіи, то они и серьезныя статьи и книги читаютъ, какъ повѣсти и какъ поэмы. Они говорятъ, для собственнаго назиданія, что серьезныя вещи читать полезно, и они даже всякій разъ, одолѣвши что нибудь серьезное, утѣшаютъ себя тѣмъ пріятнымъ размышленіемъ, что они исполнили священный долгъ, и что теперь, успокоивъ свою требовательную совѣсть, можно побаловать свою грѣшную душу романчикомъ или стихами. Но, при всемъ томъ, даже исполняя священный долгъ, они ищутъ во всякомъ серьез- номъ чтеніи все той же, любезной имъ, беллетристической зани- мательности. Когда же они этого сладкаго ингредиента не нахо- дятъ, тогда они стараются только какъ можно скорѣе прожевать и проглотить сухую матерію, для того чтобы умиротворить свою со- вѣсть. Надо отдать имъ справедливость, что совѣсть ихъ очень требовательна; она все шепчетъ имъ самымъ озлобленнымъ шопо- томъ: «слѣди же за вѣкомъ! читай же дѣльныя книги! Будь же мы- слящимъ существомъ!» И повинувшись этому повелительному голосу, спящіе читатели совершаютъ дѣйствительно чудеса храбрости. Чи- тать серьезныя сочиненія безъ общаго плана, узнавать отдѣльныя подробности, не видя въ нихъ общаго смысла, проводить черезъ свою голову чужія мысли, не имѣя понятія о живыхъ явленіяхъ, породившихъ эти идеи, напрягать свое вниманіе, не отыскивая никакого отвѣта на вопросы и сомнѣнія своей собственной жизни и мысли — это занятіе умственно-скучное. Это все равно, что чи-

тать лексиконъ, или приходо-расходную книгу совершенно неизвѣстнаго вамъ человѣка. И что выходитъ изъ этого чтенія? Запоминаются слова и факты, но въ тѣхъ мысляхъ, которыя управляютъ жизнью самаго читателя, не происходитъ ни малѣйшаго передвиженія. Наши русскіе читатели даже твердо убѣждены въ томъ, что между книгою и жизнью не можетъ быть никакого взаимнаго дѣйствія. И все это оттого, что они выучились читать и полюбили чтеніе исключительно по романамъ и поэмамъ. У нихъ установился взглядъ на чтеніе, какъ на препровожденіе времени, то есть, какъ на средство *убить время*, потому что время, это драгоцѣннѣйшее достоинствѣ мыслящаго человѣка, есть смертный врагъ нашихъ соотечественниковъ, врагъ, котораго слѣдуетъ гнать и истреблять всѣми возможными орудіями, начиная отъ желудочной воды и кончая статьями «Русскаго Вѣстника». Чтеніе нашихъ соотечественниковъ не имѣетъ цѣли; русскій человѣкъ ничего не ищетъ въ книгѣ, ни о чемъ не спрашиваетъ, ни къ чему не желаетъ придти. Онъ просто хочетъ, чтобы писатель повеселилъ его душу. Если писатель веселитъ его утопченными ощущеніями, и если увеселяемый читатель понимаетъ всѣ утопченности, то онъ считаетъ себя развитымъ человѣкомъ, и, любуясь на свою развитость, называетъ тонкаго увеселителя великимъ гениемъ, и вѣняя себя въ заслугу то, что онъ ихъ понимаетъ, русскій читатель вноситъ и во всякое дѣльное чтеніе тѣ приемы мышленія, которые онъ приобрѣлъ въ обществѣ тонкихъ увеселителей. Хоть русскій читатель и увѣряетъ себя, что онъ читаетъ серьезную книгу *для пользы*, но вѣдь это только такъ говорится. О настоящей *пользѣ* онъ и понятія не имѣетъ. Слово *пользы* не вызываетъ въ его умѣ никакого опредѣленнаго представленія, и въ общемъ результатѣ, всякое чтеніе все таки приводитъ за собою только истребленіе времени; а запоминается нѣтъ прочитанной книги, и нравятся въ ней исключительно то, что повеселило душу. Если-бы безобразіе и пошлость такого занятія выступили передъ пониманіемъ читателя во всей своей отвратительной наготѣ, то ему сдѣлалось-бы очень совѣстно. Онъ встревожился-бы и сталъ-бы искать чего нибудь менѣе нелѣпаго. Онъ именно попалъ-бы съ постели на полъ, и открылъ-бы свои отяжелѣвшія очя. Къ этой цѣли и направляются усилія нашихъ реалистовъ; сдѣлать такъ, чтобы русскій человѣкъ, собирающійся вздремнуть или помечтать, по-

стоянно слышать въ ухахъ своихъ звуки рѣзкаго смѣха, сдѣлать такъ, чтобы русскій человекъ самъ принужденъ былъ смѣяться надъ своими возвеличенными пигмеями—это одна изъ самыхъ важныхъ задачъ современнаго реализма. Вамъ нравится Пушкинъ?—Извольте, полюбуйте на вашего Пушкина.—Вы восхищаетесь Демономъ Лермонтова?—Посмотрите, что это за бессмыслица.—Вы благоговѣте передъ Гегелемъ?—Попробуйте сначала понять его изрѣченія.—Вамъ хочется уснуть подъ снѣною «общихъ авторитетовъ поэзіи и философіи?»—Докажите сначала, что эти авторитеты существуютъ, и на что нибудь годятся. — Вотъ какъ надо поступать съ русскимъ человекомъ. Не давайте ему уснуть, какъ-бы онъ ни закутывалъ себя голову теплыми иллюзіями и темными фразами. Реалисты наши такъ и дѣлаютъ: они смѣются, и ихъ звонкій смѣхъ прорѣзываютъ такіе туманы, которые не поддаются серьезной аргументаціи. Русскіе писатели смѣются уже давно, но смѣхъ сатириковъ нашихъ, отъ Капниста до г. Щедрина, тратился постоянно на такія явленія, которыя на сатиру не обращаютъ никакого вниманія. Искоренять сатирою взяточничество—что можетъ быть невиннѣе и бесплоднѣе этого занятія? Реалисты, конечно, неспособны тратить свой смѣхъ на такія упражненія. Они очень хорошо понимаютъ, что взятка никогда не будетъ казаться смѣшною тому человеку, котораго она кормитъ и одѣваетъ. Если идеи и чувства лириковъ, эстетиковъ, романтиковъ, педантовъ, фразеровъ, сдѣлаются смѣшными для общества, то общество перестанетъ ими увлекаться, и направитъ свои симпатіи въ другую сторону. Результатъ получится осязательный, и я смѣю думать, что, такимъ образомъ рѣшится очень серьезная задача, потому что въ настоящее время всего необходимѣе превращать чувствительныхъ тушеядцевъ въ мыслящихъ работниковъ.

XVIII.

Началъ я съ общечеловѣческой солидарности, а кончилъ тѣмъ практическимъ заключеніемъ, что намъ, русскимъ реалистамъ, можно только осмѣивать потихоньку наши мелкія глупости, и медленно учиться, вмѣстѣ съ нашею лѣнливою публикою, самымъ элементарнымъ истинамъ строгой науки. Какое торжественное начало и какой мизерный конецъ! Гора мышь родила, подумаетъ читатель, и я никакъ не осмѣлюсь ему противорѣчить. Я уже говорилъ въ пер-

вой части этой статьи, что мы бѣдны и глупы; теперь намъ приходится убѣдиться въ томъ, что наша бѣдность и наша глупость доходятъ дѣйствительно до самыхъ почтенныхъ размѣровъ, — до такихъ размѣровъ, что глупость мѣшаетъ намъ понимать пользу необходимаго лекарства, а бѣдность мѣшаетъ намъ приобрести себѣ за разѣ достаточную дозу этого лекарства. Вслѣдствіе этого и приходится употреблять это лекарство самымъ поверхностнымъ образомъ и въ самыхъ микроскопическихъ приемахъ. Великая и плодотворная идея должна пристроиться къ самому мелкому практическому примѣненію, и только при этомъ условіи она можетъ, съ грѣхомъ пополамъ, проникнуть въ сознаніе лучшаго меньшинства нашей читающей публики. Въ этомъ печальномъ обстоятельстве виноваты, разумеется, не основныя особенности реалистической идеи, не личныя свойства нашихъ реалистовъ. Представьте себѣ, что вы превосходно изучили рациональную агрономію, и что вамъ приходится прикладывать ваши знанія къ обыкновенному мужицкому хозяйству, и всего оборотнаго капитала у васъ рублей сорокъ или пятьдесятъ. Если вы не кустой фантазеръ, то вы, разумеется, оставите покуда въ сторонѣ всякіе помыслы о паровыхъ плугахъ, о молотилкахъ, объ искусственномъ травосѣяніи и о химическомъ анализѣ почвы. Вы ограничитесь тѣмъ, что на первый годъ купите, напримѣръ, желѣзную борону и для удобренія корову. Значить, и здѣсь гора мышь родна, но вѣдь это обстоятельство нисколько не доказываетъ, что приложение химіи къ земледѣлію — чепуха, или что вы сами ничему не выучились. Ни чуть не бывало. Если вы одарены яснымъ практическимъ умомъ и твердымъ характеромъ, если вы способны ровнымъ шагомъ идти къ далекой цѣли, не спуская съ нея глазъ ни на одну минуту, и постоянно соразмѣряя ваши собственныя силы съ тѣмъ разстояніемъ, которое вы должны пройти, то вы непременно докажете на дѣлѣ вашимъ деревенскимъ сосѣдямъ, что рациональная агрономія не пустяки, и что вы сами не даромъ потратили время на ея изученіе. За бороною и коровою будутъ слѣдовать ежегодно новыя улучшенія, которыя, постоянно увеличивая вашу доходъ, постоянно будутъ расширять кругъ вашей преобразовательной дѣятельности. Каждое новое улучшеніе будетъ вытекать изъ прошлаго и, такимъ образомъ, корова и борона сдѣлаются фундаментомъ всего вашего послѣдующаго благосостоянія. Если-бы корова и барана и остались безъ дальнѣйшихъ послѣдствій, тогда, конечно,

можно было бы сказать, что гора родила мышь; но вѣдь тутъ дѣло идетъ, какъ говорятъ французы, *de fil en aiguille*; стало-быть, гора родитъ цѣлую цѣпь явленій, которыя могутъ вылестя изъ горы не иначе, какъ одно за другимъ. Я хотѣлъ говорить о русскомъ реализмѣ, и свелъ разговоръ на отрицательное направленіе въ русской литературѣ. Читатель можетъ подумать, что я дѣлалъ это по цѣлому самолюбію, по пристрастію къ моему муравейнику и къ своимъ собственнымъ муравьинымъ занятіямъ. Въ этомъ случаѣ, читатель рѣшительно ошибется. Я съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ отыскивалъ въ общественныхъ явленіяхъ нашей вседневной жизни какіхъ нибудь признаковъ здороваго реализма, и не нашелъ въ нихъ ничего похожаго, не только на реализмъ, но даже на какое нибудь созвнательное движеніе мысли. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, только въ одной литературѣ и проявлялось до сихъ поръ хоть что нибудь самостоятельное и дѣятельное. Гоголь, Бѣлинскій, Добролюбовъ — вотъ вамъ въ трехъ именахъ полный отчетъ о всей нашей умственной жизни за цѣлое тридцатилѣтіе; къ этимъ именамъ можно было-бы прибавить еще два-три имени, но и эти послѣднія также принадлежать къ литературѣ, и, по направленію своей дѣятельности, примыкаютъ или къ Бѣлинскому, или къ Добролюбову. А гдѣ же наши изслѣдователи, гдѣ наши практическіе работники? Были, есть и будутъ и тѣ и другіе. Г. Соловьевъ, г. Среаневскій, г. Бодямскій, г. Буслаевъ — вотъ какія громкія имена мы можемъ выдвинуть въ параллель нѣмецкимъ именамъ: Либихъ, Дюбуа-Реймонъ, Фохтъ, Гельмгольцъ, или французскимъ: Клодъ-Бернаръ, Де-Кандолль, Эли де-Бомоль, Мильтъ-Эдвардъ, или англійскимъ: Дарвинъ, Ляелль, Форбесъ, Бейль. Что же касается до практическихъ работниковъ, то ихъ не зачѣмъ и пересчитывать. — Нѣкоторые *настоящіе* изслѣдователи, приносящіе *дѣйствительную* пользу общечеловѣческой наукѣ, живутъ, правда, въ русскихъ городахъ, и даже иногда носятъ русскія одежды, но ихъ труды остаются для нашего общества мертвыми и даже неизвѣстными капиталомъ. Нашъ академикъ Карлъ Эрнстъ Фомъ-Беръ считается во всей Европѣ однимъ изъ величайшихъ эмбриологовъ нашего времени. Дарвинъ, Карлъ Фохтъ, Гексли всегда цитируютъ его мнѣнія съ особеннымъ уваженіемъ. Льюисъ въ своей «Физиологіи вседневной жизни», ссылается на изслѣдованіе Фьялинникова о спинномъ мозгѣ, и Дюбуевича о нервныхъ клеточкахъ. Французскій ученый Бекларъ упоминаетъ въ своей эмбріологіи о

нѣкоторыхъ экспериментальныхъ работахъ Бодкина и Съченова. Ну, а мы? мы, я чай, и понятія не имѣемъ о томъ, что у насъ могутъ существовать такіе люди, которые, въ самомъ дѣлѣ, не шутя, занимаются эмбриологіею, нервными клеточками и физиологическими опытами. Мы узнаемъ объ этихъ людяхъ изъ иностранныхъ книгъ, и чувствуемъ себя польщенными, точно будто мы сами не спимъ, а занимаемся дѣломъ. И вдругъ, узнавши таинимъ случайнымъ образомъ о подвигахъ русскихъ людей, какой-нибудь мыслитель изъ «Сына Отечества» или изъ «Сѣверной Пчелы» влѣмывается въ амбиціи, и заявляетъ жалобнымъ голосомъ всю патріотическую претензію. «На что-же молъ это похоже? Въ Россіи есть умные люди, а я, русскій мыслитель и образованный человекъ, объ этомъ ничего не знаю. Какъ же вамъ не грѣхъ такъ поступать, родимые специалисты? зачѣмъ же вы пишете по латыни или по нѣмецки? Вы должны писать по русски, тогда бы я васъ зналъ и мнѣ было-бы приятно, а русское общество получило-бы отъ васъ назиданіе и пользу. Смотрите-же, родимые специалисты, непременно пишите по русски». Такія жалобы и такія увѣщанія слышатся очень часто, и читатель имъ обыкновенно сочувствуетъ тѣмъ дряблымъ и ни на что негоднымъ сочувствиемъ, которыми мы вообще чрезвычайно богаты, и которое никогда не можетъ повести насъ дальше какихъ нибудь обѣдовъ по подписѣ или спектаклей съ благотворительными предлогами. Но эти жалобы и увѣщанія такъ же пусты и праздно, какъ и большая часть тѣхъ мыслей, съ которыми сочувственно соглашаются русскіе читатели. Какая бы, въ самомъ дѣлѣ, вышла польза, если-бы Овсянниковъ написалъ свое изслѣдованіе по русски? Пользы никакой, а вредъ очевидный; вѣдь Льюисъ не сталъ-бы учиться русскому языку ради одной диссертациі о спинномъ мозгѣ; ну, стало-быть, у Льюиса однимъ полезнымъ пособіемъ было-бы меньше, а мыслитель «Сына Отечества» или «Сѣверной Пчелы» все-таки не прочелъ-бы диссертациі родимаго специалиста; а если-бы и прочелъ, то ничего бы изъ нея не понялъ и не извлекъ, потому что выучиться нѣмецкому или латинскому языку гораздо легче, чѣмъ понять специально ученый трудъ, написанный даже по русски. Если-бы мыслитель былъ способенъ заниматься серьезнымъ дѣломъ, то нѣмецкій или латинскій языкъ не составилъ-бы для него непреодолимаго препятствія. А если онъ, отъ лица публики, жалуется на трудность иностраннаго языка, то онъ еще пуще того будетъ жаловаться на непонятность научнаго изло-

женія. Ему что надо? Ему надо, чтобы Бэръ явился передъ русскою публикою и сказалъ ей съ подобающею любезностью: «честь имѣю рекомендоваться: я—Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ. Я занимаюсь эмбриологіею. Эмбриологія есть наука о развитіи живыхъ существъ. Эта наука составляетъ часть естествознанія, а естествознаніе—вещь очень полезная, вотъ почему, и вотъ почему. Я сдѣлалъ нѣсколько новыхъ открытій, и объясню вамъ значеніе этихъ открытій, примѣняясь къ вашему убогому пониманію и стараюсь растолковать вамъ самыя элементарныя истины, извѣстныя каждому нѣмецкому школьнику, но совершенно новыя для мыслителей нашихъ газетъ и журналовъ. — «Ахъ, какъ-бы это было хорошо и благоразумно! На это галантейное росшаркиваніе Бэра передъ русскою публикою ушло-бы очень много времени, а время Бэра очень дорого, потому что великій натуралистъ могъ-бы употребить его на новыя изслѣдованія. Бэръ — превосходный специалистъ, раздвигающій предѣлы науки, а мы, по нашей глузости, хотимъ, кромѣ того, чтобы онъ сдѣлался для насъ школьнымъ учителемъ; и если-бы наше глупое желаніе исполнилось, то однимъ великимъ изслѣдователемъ сдѣлалось-бы меньше, и однимъ плохимъ писателемъ больше. И такія же требованія, вмѣстѣ съ такими же нелѣпыми упреками, сыпятся на нашихъ остальныхъ дѣльныхъ специалистовъ. Эти требованія и упреки очень поучительны, потому что въ нихъ выражается, самымъ наивнымъ образомъ, изумительная пассивность нашихъ умственныхъ привычекъ. Чуть только появится у насъ какой нибудь дѣльный человѣкъ, мы сейчасъ наровимъ пристроиться къ нему подъ крылышко. Мы уже ждемъ отъ него какой-то манны небесной, и намъ даже въ голову не приходитъ та мысль, что намъ слѣдуетъ быть дѣятельными помощниками, а не убогими приживалками этого полезнаго человѣка. Мы говоримъ дѣльному человѣку: благодѣтель, отецъ родной! Просвѣти насъ, научи насъ, наставь на путь истины. Мы тебя будемъ слушать и вѣкъ за тебя будемъ Бога молить. — Написано, на-примѣръ, дѣльное научное сочиненіе, открывающее какія нибудь новыя истины. Значитъ, нашелся въ обществѣ мыслящій человѣкъ, который сдѣлалъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ. Если общество живетъ полною и здоровою жизнью, то этотъ утѣшительный фактъ никакъ не останется одинокимъ и случайнымъ явленіемъ; немедленно найдется другой дѣльный человѣкъ, который объяснитъ открытіе перваго; потомъ, какой нибудь третій человѣкъ придумаетъ для

этихъ открытій практическое примѣненіе, — словомъ, дѣло изслѣдователя будетъ проведено въ сознаніе и въ жизнь общества рвѣнныи популяризаторами и техниками. А у насъ, напротивъ того, десятки людей будутъ жаловаться на то, что изслѣдователь пишетъ неясно, и ни одинъ изъ этихъ покоющихъ десятковъ не потрудится разяснить и переработать собственными силами то, что онъ находитъ неудовлетворительнымъ. Да онъ и не находитъ ничего неудовлетворительнымъ; онъ просто хочетъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, сибаритствовать, заниматься пріятнымъ чтеніемъ и, отдавшись безусловно въ руки спеціалиста, прибрѣтать отъ него знанія безъ малѣйшаго напряженія мысли. При такой полной пассивности нашего общества, русскіе спеціалисты поставлены въ необходимость писать свои изслѣдованія на иностранныхъ языкахъ. Это даже выгодно для нашего общества, не говоря уже объ интересахъ общечеловѣческой науки. Положимъ, напримѣръ, что докторъ Боткинъ произвелъ какія нибудь новыя изслѣдованія надъ леченіемъ нервныхъ болѣзней. Напечатаетъ онъ эти изслѣдованія на русскомъ языкѣ они точно въ воду кануть. Но, какъ только они попадутся въ руки европейскихъ ученыхъ, такъ тотчасъ сотни дѣятельныхъ умовъ дополняютъ и переработаютъ ихъ своими собственными наблюденіями, и открытіе нашего доктора вернется къ намъ въ Россію въ усовершенствованномъ видѣ, и большые наши испытаютъ на собственномъ тѣлѣ благодѣтельные послѣдствія того факта, что русский ученый написалъ свое изслѣдованіе на нѣмецкомъ языкѣ. Если-бы умственная жизнь нашего общества отличалась силою и энергіею, тогда спеціалисты наши писали-бы по русски, тогда у насъ было бы много спеціалитовъ, и тогда европейскіе ученые находили-бы для себя полезнымъ учиться русскому языку, подобно тому, какъ они въ настоящее время учатся английскому, французскому и нѣмецкому. Спеціалиста съ непобѣдимую силою притягиваетъ та сфера, въ которой его спеціальнй трудъ будетъ всего лучше понятъ и оцененъ, и въ которой онъ, слѣдовательно, произведетъ самое плодотворное и живительное впечатлѣніе. И спеціалистъ поступаетъ совершенно благоразумно и добросовѣстно, подчиняясь безусловно дѣйствию этой притягательной силы. Мы даже не имѣемъ никакого права говорить, что русскіе ученые не думаютъ о потребностяхъ русскаго общества. Какіе русскіе ученые? Русскіе ученые не существуютъ. Развѣ тѣ-же ученые, которыхъ мы называемъ русскими, порождены умственнымъ движе-

ниемъ и умственными потребностями нашего общества? Ни чуть побывало. Мы даже до сихъ поръ не имѣемъ понятія о томъ, что такое умственное движеніе или умственная потребность. Все это я говорю не для того, чтобы обидѣть такихъ специалистовъ, какъ Бэръ, Овсянниковъ, Якубовичъ и другіе, а только для того, чтобы доказать, что специалисты, перевезенные изъ Европы въ Россію, или, точнѣе, порожденные обще-европейскимъ движеніемъ мысли, всегда будутъ и должны тянуться къ своей умственной родинѣ. Они въ нашемъ обществѣ также одиноки, какъ если-бы они находились въ арабійской пустынѣ. Они не могутъ создать въ обществѣ умственное движеніе. Не специалисты создаютъ то или другое общественное настроеніе, а на оборотъ, общество, настроившись такъ или иначе, дѣйствіемъ общихъ причинъ, испытываетъ тѣ или другія потребности, и выдвигаетъ, для удовлетворенія этимъ потребностямъ, теоретическихъ изслѣдователей или практическихъ дѣятелей. Общество должно само работать надъ своимъ образованіемъ, и только оно одно, совокупными усиліями всѣхъ своихъ членовъ, можетъ выполнить надъ собою это дѣло умственнаго перерожденія. А пока оно будетъ сидѣть, сложа руки, и ждать себѣ манны небесной отъ отдѣльныхъ личностей, до тѣхъ поръ манна къ нему не сойдетъ, хотя-бы эти личности и были европейскими знаменитостями, подобными Бэру. Что европейская наука насаждена и поддерживается у насъ искусственными средствами, это очень хорошо, потому что безъ искусственныхъ средствъ она-бы не поддержалась, но если общество думаетъ, что оно имѣетъ какое-нибудь право контроля надъ такою наукою, которая возникла и держится помимо его содѣйствія, то общество сильно ошибается. Пусть оно сначала поработаетъ, пусть выдѣлитъ изъ себя научныхъ дѣятелей, и тогда ему не на что будетъ жаловаться: эти новые дѣятели, обязанные ему своимъ происхожденіемъ, будутъ безусловно преданы его умственнымъ интересамъ. До сихъ поръ, наше общество создало своими собственными силами только одну журналистику, которая дѣйствительно возникла, развилась и держится независимо отъ всякихъ востороннихъ вліяній. И въ самомъ дѣлѣ, журналистика, въ лицѣ своихъ даровитѣйшихъ представителей, всегда служила самымъ добросовѣстнымъ образомъ умственнымъ потребностямъ общества. Такая предварительная дѣятельность совершенно необходима. Базаровъ замѣчаетъ совершенно справедливо, что всѣ наши акціонер-

ныя компаніи лопаются отъ недостатка честныхъ и дѣльныхъ людей. Стало быть, надо сначала сформировать честныхъ и дѣльныхъ людей, а потомъ уже приниматься за составленіе акціонерныхъ компаній, или за какія-нибудь другія, столь же общественныя предпріятія. Къ этой цѣли и направляются наши реалисты, отчасти осмѣивая мѣшающія глупости, отчасти распространяя научныя свѣденія.—Деятельность очень скромная, по мы за блескомъ и не гонимся. Намъ нужна польза для себя и для всѣхъ.

XIX.

Трудъ современныхъ реалистовъ такъ же доступенъ самой слабой женщинѣ, какъ и самому сильному мужчине. Въ этомъ трудѣ нѣтъ ничего грубаго, рѣзкаго и воинственнаго. Надо только понимать и любить общую пользу, надо распространять правильныя понятія объ этой пользѣ, надо уничтожать смѣшныя и вредныя заблужденія, и вообще, надо вести всю свою жизнь такъ, чтобы личное благосостояніе не было устроено въ ущербъ естественнымъ интересамъ большинства. Надо смотрѣть на жизнь серьезно; надо внимательно вглядываться въ фیزیономію окружающихъ явленій, надо читать и размышлять, не для того, чтобы убить время, а для того, чтобы выработать себѣ ясный взглядъ на свои отношенія къ другимъ людямъ, и на ту неразрывную связь, которая существуетъ между судьбою каждой отдѣльной личности и общимъ уровнемъ человѣческаго благосостоянія. Надо думать;—въ этихъ двухъ словахъ выражается самая насущная, самая неотразимая потребность нашего времени и нашего общества. Эти слова могутъ показаться фразою, но что-же съ этимъ дѣлать? Нѣтъ того слова, которое мы не съумѣли-бы обезсмыслить и превратить въ пустой звукъ тѣми безцѣльными и бессознательными повтореніями, которыя навдняютъ нашу литературу. А между тѣмъ, дѣйствительно намъ надо думать, и нѣтъ другаго слова, которое яснѣе и проще выражало-бы то, въ чемъ мы нуждаемся въ настоящую минуту. Есть такіе люди, есть такіе книги, которыя выучиваютъ насъ думать. Надо, чтобы такихъ людей и книгъ у насъ было какъ можно больше; тогда всякая пробуждающаяся мысль будетъ находить себѣ поддержку и здоровую пищу. Надо думать и надо размножать тѣ предметы, которые пробуждаютъ

человѣческую мысль, и содѣйствуютъ успѣху ея работы. Женщина можетъ думать, и можетъ дѣлиться своими мыслями съ другими людьми; поэтому я и говорю, что трудъ современныхъ реалистовъ совершенно доступенъ женщинамъ. Въ природѣ женщины нѣтъ ничего такого, что отстраняло-бы женщину отъ дѣятельнаго участія въ рѣшеніи насущныхъ задачъ нашего времени; но въ воспитаніи женщины, въ ея общественномъ положеніи, словомъ, въ тѣхъ условіяхъ, которыя составляютъ *искусственную* сторону ея теперешней жизни, въ этихъ условіяхъ, говорю я, есть очень много препятствій, которыя въ настоящее время преодолеваются только самыми умными женщинами, при содѣйствіи исключительно счастливыхъ обстоятельствъ. Подъ именемъ «счастливыхъ обстоятельствъ» я, разумѣется, понимаю не то, что понимаетъ большинство нашего общества. Счастливою называютъ у насъ обыкновенно ту женщину, которая богата, хороша собою, выходитъ замужъ по любви, веселится и блеситъ въ свѣтѣ, потомъ пристроиваетъ благополучно своихъ дѣтей, и, наконецъ, умираетъ, окруженная внучатами, приживалками и домашними животными. По моему мнѣнію, такая счастливая жизнь, проведенная въ полномъ спокойствіи, то есть, въ полномъ подчиненіи господствующей рутинѣ, оставляетъ мысль женщины совершенно непробужденною. Можетъ быть, такая умственная дремота чрезвычайно пріятна, но я знаю навѣрное, что ни одинъ человѣкъ, пробудившійся отъ подобнаго усыпленія, не захочетъ ни за какія блага въ мірѣ возвратиться къ этому состоянію первобытной невинности. Поэтому, я называю счастливыми тѣ обстоятельства, которыя, даже причиняя женщинамъ тяжелыя страданія, насильно заставляютъ ее браться за умъ, и задумываться надъ тѣми нелѣпостями, которыя она видитъ и слышитъ вокругъ себя. За размышленіемъ слѣдуетъ отвращеніе, а такъ какъ природа не терпитъ пустоты, то женщина старается замѣнить въ своемъ умѣ выброшенныя нелѣпости какимъ нибудь живымъ и осмысленнымъ содержаніемъ. Если женщина, въ эту критическую минуту своей жизни, встрѣтитъ умнаго человѣка, или умную книгу, тогда она устроитъ у себя въ головѣ порядокъ и чистоту, и тогда она будетъ совершенно застрахована противъ тѣхъ безплодныхъ восторговъ, которыми увлеклась, на примѣръ, госпожа Свѣчина. Именно, такія обстоятельства я и называю вполне счастливыми; какой нибудь рѣзкій толчекъ долженъ пробудить мысль, а встрѣча съ умнымъ ру-

ководителемъ должна направить эту мысль туда, гдѣ она можетъ найти себѣ удовлетвореніе, то есть, реальныя знанія и полезный трудъ. Такъ случилось съ Вѣрою Павловною Лопуховою, но такъ случается рѣдко, и огромное большинство нашихъ и даже европейскихкихъ женщинъ проводятъ свою жизнь безъ размышленія, безъ знаній и безъ труда. Онѣ живутъ внѣ общихъ интересовъ человечества. Онѣ задавлены мелочами кухни, спальни и моднаго магазина, подобно тому, какъ масса чернорабочихъ задавлена физическимъ утомленіемъ и голодною нищетою. Имъ некогда думать; жизнь ежеминутно задаетъ имъ множество мельчайшихъ вопросовъ, которые волнуютъ и раздражаютъ ихъ, но которые всѣ могутъ быть разрѣшены безъ помощи размышленія; у нихъ нѣтъ ни спокойствія, ни дѣятельности, а есть только безконечная суета, которая утомляетъ человека и мѣшаетъ его мысли сосредоточиться на какомъ нибудь отдѣльномъ и важномъ вопросѣ жизни. Это суетливое движеніе начинается у нашихъ женщинъ съ самаго ранняго дѣтства. — Ты, другъ мой, должна быть образованною дѣвицею, говорятъ опытыя воспитательницы маленькому существу, одѣтому въ короткое платье, и маленькое существо, по ихъ командѣ, суетливо выдается отъ географіи къ фортепяно, отъ фортепяно къ пуническимъ войнамъ, отъ подвиговъ Аннибала и Сципіона къ шассе вправо, шассе назадъ, потомъ къ естественной исторіи Горизонтова, потомъ къ рисованію цвѣтовъ и носовъ, и разныя лохмотья знаній, разныя упражненія по части пріятныхъ искусствъ проходятъ, какъ китайскія тѣни, черезъ несчастный мозгъ ошеломленнаго маленькаго существа. И чуть только въ дѣвочкѣ шевельнется любознательность, чуть только она пожелаетъ посмотрѣть по внимательнѣе на одну изъ промелькнувшихъ тѣней, ее тотчасъ останавливаютъ, потому что такое неестественное желаніе нарушаетъ заведенный порядокъ систематической суеты. Въ день надо непременно продѣлать семь или восемь различныхъ штукъ по части наукъ и искусствъ, стало быть, если одна штука разрастется въ ущербъ остальнымъ, то изъ этого провозидеть безпорядокъ, который въ благоустроенномъ педагогическомъ хозяйствѣ не можетъ быть допущенъ. Кромѣ того, извѣстно всѣмъ и каждому, что дѣвушка, прежде всего, должна быть пріятною въ обществѣ, а пріятность эта заключается, между прочимъ, въ разнообразіи ея талантовъ и знаній, поэтому любознательность можетъ быть терпима въ дѣвочкѣ на столько, на сколько она содѣйствуетъ

исправному изученію обязательныхъ уроковъ; когда же любознательность стремится выдти изъ этихъ естественныхъ границъ, тогда она можетъ повредить будущей пріятности; слѣдовательно, она идетъ тогда на перекоръ основнымъ тенденціямъ воспитанія, и ее необходимо подавлять и искоренять мѣрами кротости, и, въ случаѣ упорства, мѣрами строгости. Впрочемъ, любознательность дѣвочки очень рѣдко вызываетъ противъ себя отпоръ со стороны воспитательницъ. Вся система преподаванія, всѣ объясненія учителей и весь комплектъ учебниковъ тщательно подобраны такимъ образомъ, что любознательность рѣшительно не можетъ возникнуть, и мысли дѣвочки постоянно стремятся вонъ изъ класной комнаты, прочь отъ книгъ и уроковъ, къ міру дѣйствительной жизни, то есть, къ балу, къ театру, къ модному магазину и къ другимъ очаровательнымъ предметамъ, въ которыхъ каждая благовоспитанная дѣвочка видитъ весь смыслъ и весь интересъ жизни и дѣйствительности. За суетою уроковъ въ жизни дѣвушки слѣдуетъ суета свѣтскихъ удовольствій, которая, въ большей части случаевъ, усложняется кислою суетою домашней бѣдности. Поѣхать на балъ необходимо, но и пообѣдать тоже не мѣшаетъ; нанять карету необходимо, но и купить сажень дровъ слѣдуетъ; надо заказать новое платье—и надо въ тоже время заплатить долгъ въ овощную лавку; нельзя же быть одѣтою хуже какой нибудь Сидоровой или Антоновой,—но какъ же распорядиться, когда папенька бранится за излишніе расходы «на тряпки»? Не поѣхать на балъ, но на балѣ будетъ *онъ*. При такихъ непримиримыхъ требованіяхъ дѣйствительной жизни драма слѣдуетъ за драмою; каждая грошовая ленточка смачивается горькими слезами; каждое пошлое слово дурака или негодяя, встрѣченнаго на балѣ, и поставившаго себя задачею жизни ухаживать за всеми красивыми барышнями, — вызываетъ живыя надежды, за которыми слѣдуютъ быстро и непремѣнно мучительныя разочарованія. Все это бури въ стаканѣ воды, все это смѣшно и глупо, но вѣдь тутъ льются человѣческія слезы, тутъ проводятся бессонныя ночи, и то существо, которое мечется по постелѣ и обливаешь слезами свою подушку, это существо, говорю я, страдаетъ дѣйствительно, страдаетъ такъ, какъ будто-бы причина страданія была велика и серьезна. И это же самое существо, съ тѣмъ же тѣлосложеніемъ, съ тѣмъ же темпераментомъ и устройствомъ черепа, могло бы, при другихъ условіяхъ развитія и жизни, стать на ту нормальную высоту человѣ-

скаго пониманія, на которую никогда не забирются грязныя и мучительныя волненія о новомъ платьѣ Сидоровой, или о пятой кадрили, протанцованной вѣроломнымъ Ивановымъ съ легкомысленною Антоною. Для большинства нашихъ теперешнихъ женщинъ эта нормальная высота недостижима, и препятствія, отрѣзывающія имъ путь къ человѣческому благоразумію, вытекаютъ естественнымъ образомъ изъ того основнаго принципа, которому подчинены воспитаніе и вся жизнь женщины.

XX.

Реалисты, построившіе всю свою жизнь на идеѣ общей пользы и разумнаго труда, относятся презрительно и враждебно ко всему, что разъединяетъ человѣческіе интересы, и ко всему, что отвлекаетъ человѣка отъ общепользной дѣятельности. Поэтому они строго осуждаютъ ту мелкость понятій и узкость симпатій, которыя прививаются къ женщинамъ всѣмъ направленіемъ ихъ воспитанія. Это враждебное отношеніе реалистовъ къ искусственной ограниченности женщинъ послужило поводомъ къ бессмысленной клеветѣ. Добрые люди пустили слухъ, что реалисты отрицаютъ семейство, осмѣиваютъ бракъ и стараются поставить развратъ на степень общественной добродѣтели. Эта выдумка столько же остроумна, сколько доброжелательна. Эта выдумка могла показаться правдоподобною только нашему невинному обществу, совершенно не привывшему контролировать распускаемые слухи самостоятельнымъ наблюденіемъ дѣйствительныхъ фактовъ. Общество знаетъ нашихъ реалистовъ по роману: «Отцы и дѣти». Какіе же факты сообщаются въ этомъ романѣ?— А вотъ какіе. Базаровъ разговариваетъ съ Одинцовою. Она говоритъ ему: «по моему, или все или ничего. Жизнь за жизнь. Взявъ мою, отдай свою, и тогда уже безъ сожалѣнія и безъ возврата. А то лучше и не надо».—Онъ отвѣчаетъ ей: «что-жь? это условіе справедливое, и я удивляюсь, какъ вы до сихъ поръ не нашли, чего желали».—Эти слова нельзя принять иначе, какъ за самое искреннее выраженіе его взгляда на отношенія между мужчиною и женщиною. Базарова нельзя заподозрить въ желаніи соблазнить Одинцову этимъ косвеннымъ обѣщаніемъ вѣрности, потому что, когда она, вслѣдъ за тѣмъ, спрашиваетъ у него прямо: «но вы бы съумѣли отдаться?»—тогда онъ отвѣчаетъ ей: «не знаю, хвастаться не хочу». Замѣтьте слово

«хвастаться». Въ этомъ словѣ Базаровъ опять невольно проговаривается, значить, онъ считаетъ способность отдаться на всю жизнь великимъ достоинствомъ. И онъ понимаетъ въ тоже время, что не всякій обладаетъ этою способностью, и не всякому представляется въ жизни счастливый случай приложить эту способность къ дѣлу, и не всякій умѣетъ воспользоваться счастливымъ случаемъ, когда онъ ему представляется. Гдѣ же, въ комъ же изъ настоящихъ реалистовъ добрые люди подмѣтили наклонность къ разврату? Каждый настоящий реалистъ, прежде всего, работникъ. Хороша-ли, дурна-ли его работа, объ этомъ онъ самъ знаетъ, и объ этомъ онъ не будетъ давать отчета тѣмъ добрымъ людямъ, которые изобрѣтають и распускають ложные слухи. Хороша-ли, дурна-ли его работа, но во всякомъ случаѣ онъ трудится какъ волъ, а кто не трудится, тотъ и не можетъ называться реалистомъ, какъ бы краснорѣчиво онъ ни разсуждалъ о человечествѣ и объ общей пользѣ. Кто не трудится, а только разсуждаетъ, тотъ или пустой болтуны, или вредный шарлатанъ, но ужъ ни въ какомъ случаѣ не реалистъ. Стало быть, настоящимъ реалистамъ вѣтъ никакой надобности ратовать противъ цѣломудрія и противъ супружеской вѣрности. У реалиста трудъ стоитъ на первомъ планѣ. Что помогаетъ успѣху его труда, то онъ любитъ. Что мѣшаетъ его труду, то онъ ненавидитъ. Когда женщина является мыслящимъ существомъ, способнымъ помогать его работѣ и ободрять его своимъ сочувствіемъ, тогда онъ любитъ и уважаетъ женщину. Когда женщина является капризнымъ ребенкомъ, требующимъ себѣ не участія въ полезной работѣ, а пестрыхъ игрушекъ, тогда онъ отворачивается отъ нея, чтобы она не мѣшала ему трудиться и не надоѣдала ему безсмысленною болтовнею. Такой бракъ, который увеличиваетъ силу и энергію работника, называется, на языкѣ реалиста, полезнымъ, благоразумнымъ и счастливымъ. Такой бракъ, который уменьшаетъ или извращаетъ рабочую силу, называется вреднымъ, безразсуднымъ и несчастнымъ. Для прочной связи между мужчиною и женщиною необходимо, по мнѣнію реалиста, общій трудъ. Мужчина долженъ трудиться и женщина также должна трудиться. Если они трудятся въ одинаковомъ направленіи, если они оба любятъ свою работу, если оба способны понять ея цѣль, то они начинаютъ чувствовать другъ къ другу симпатію и уваженіе, и наконецъ, мужчина и женщина объявляютъ свое рѣшеніе передъ обществомъ и призываютъ на свой

союзъ благословеніе любви. Все это, по мнѣнію реалиста, очень естественно и благоразумно. Если бракъ заключенъ при такихъ условіяхъ, то, по мнѣнію реалиста, счастье обоихъ супруговъ съ каждымъ годомъ должно увеличиваться, и, вѣсть съ ихъ счастьемъ, должна постоянно увеличиваться ихъ взаимная привязанность. Реалистъ улыбнется самою презрительною улыбкою, если вы попросите сказать ему, что за обладаніемъ должно слѣдовать охлажденіе. Да, отвѣтитъ онъ вамъ на это, такъ всегда бываетъ съ тѣми людьми, которые, отъ нечего дѣлать, раздражаютъ свою чувственность и горячатъ свое воображеніе въ то время, когда они начинаютъ сближаться съ красивою женщиною и обладаніе представляется ихъ праздному уму высшею цѣлью жизни. Когда эта цѣль достигнута, является разочарованіе, является чувство внутренней пустоты; а чтобы наполнить эту пустоту, они ставятъ себѣ новую цѣль въ такомъ же родѣ, то есть, они направляютъ всѣ усилія къ тому, чтобы соблазнить другую женщину. И потомъ опять пустота, и опять стремленіе къ новымъ побѣдамъ. Все это въ порядкѣ вещей, но у меня, продолжаетъ реалистъ, такіе переходы отъ безумной любви къ безумному разочарованію совершенно невозможны. Цѣль моя въ жизни была всегда одна и таже, и эта цѣль поставлена такъ далеко и такъ высоко, что сотни поколѣній будутъ къ ней стремиться, и сотни поколѣній умрутъ прежде, чѣмъ она будетъ достигнута, не смотря на то, что каждое новое поколѣніе будетъ стоять къ ней ближе всѣхъ предъидущихъ. Съ этою настоящею цѣлью моей жизни обладаніе любимою женщиною никогда не имѣло ничего общаго. Я всегда видѣлъ въ счастливой любви очень большое наслажденіе, помогающее намъ переносить трудности и непріятности утомительной работы и упорной борьбы съ человѣческими глупостями. Я всегда смотрѣлъ на любовь не какъ на самостоятельную цѣль, а какъ на превосходное и незамѣнимое вспомогательное средство. Поэтому, я никогда не составлялъ себѣ преувеличеннаго понятія о наслажденіяхъ любви, и, слѣдовательно, я былъ совершенно застрахованъ противъ всякихъ разочарованій и охлажденій. Мнѣ нравится наружность моей жены, но я бы никогда не рѣшился сдѣлаться ея мужемъ, если-бъ я не былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что она во всѣхъ отношеніяхъ способна быть для меня самымъ лучшимъ другомъ. Я зналъ всю ея жизнь и всѣ ея наклонности, прежде чѣмъ я рѣшился сдѣлать ей предложеніе. Она знала всю мою жизнь и всѣ мои наклонности, прежде чѣмъ она

рѣшилась принять мое предложеніе. Съ тѣхъ поръ, какъ мы сошлись, мы ведемъ трудъ нашъ общими силами. Она понимаетъ, чего я хочу и я тоже понимаю, чего она хочетъ, потому что мы оба хотимъ одного и того же, хотимъ того, чего хотять и будутъ хотѣть всѣ честные люди на свѣтѣ. Она знаетъ, какимъ образомъ моя работа связывается съ общею цѣлью; она знаетъ, зачѣмъ я читаю ту или другую книгу, зачѣмъ я пишу ту или другую статью, зачѣмъ я принимаю одно занятіе и отказываюсь отъ другаго; и она тоже читаетъ, пишетъ, занимается тѣми или другими работами; и я также знаю, какъ нельзя лучше, почему она поступаетъ такъ, а не иначе. Мы часто читаемъ вмѣстѣ, часто читаемъ врознь, часто споримъ объ отдѣльныхъ подробностяхъ и часто измѣняемъ эти подробности, когда споръ кончается торжествомъ противоположныхъ аргументовъ. Всѣ силы ея ума и ея начитанности постоянно находятся въ моемъ распоряженіи, когда я нуждаюсь въ ея содѣйствіи; всѣ силы моего ума и моей начитанности постоянно подослѣвуютъ къ ней на помощь, когда она чѣмъ нибудь затрудняется. Этотъ ежеминутный обмѣнъ услугъ превращаетъ самую сухую работу въ живое наслажденіе и оставляетъ за собою неизгладимый рядъ самыхъ обаятельныхъ воспоминаній. Чѣмъ больше такихъ воспоминаній, чѣмъ больше взаимныхъ услугъ, чѣмъ больше работъ, улаженныхъ общими силами, тѣмъ тѣснѣе наша дружба, тѣмъ полнѣе наше взаимное довѣріе, тѣмъ непоколебимѣе наше взаимное уваженіе. А тутъ еще присоединяется ощущеніе любви, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, тутъ еще дѣти, какъ новая живая связь между мною и ею; а тутъ еще ея неизбѣжныя страданія, которыя дѣлаютъ женщину священою въ глазахъ каждаго мыслящаго человѣка. Я этихъ страданій не могу раздѣлять съ нею, по неволѣ же я долженъ вознаградить ее за нихъ удвоенною нѣжностью и безграничнымъ уваженіемъ; а тутъ еще воспитаніе дѣтей, какъ новый видъ общей работы, которую мы оба сьумѣемъ вести сообразно съ далекою и высокою цѣлью всего нашего существованія. Одна и таже личность является, такимъ образомъ, для меня товарищемъ по работѣ, другомъ, женою, страдальцею, матерью и воспитательницею моихъ дѣтей,—и вдругъ выдумываютъ, что я не способенъ любить эту личность. И вдругъ произносятъ тутъ слова: охлажденіе, разочарованіе, супружеская ревность или супружеская невѣрность. Чортъ знаетъ, что за чепуха! Охлаждѣть къ другу потому, что онъ десять лѣтъ былъ другомъ. Разочаровать-

ся въ этомъ другѣ потому, что мы вмѣстѣ съ нимъ постарѣли на десять лѣтъ. Подозрѣвать этого друга въ томъ, что онъ будетъ со мною лицебрять. Искать себѣ новой привязанности, когда старый другъ живетъ со мною въ одномъ домѣ. Снажите, пожалуйста, есть ли человѣческій смыслъ въ подобныхъ предположеніяхъ? А вѣдь для эстетиковъ и романтиковъ эти самыя предположенія оказываются непреложными истинами. Почему? Очень просто. Потому что жена никогда не бываетъ для нихъ другомъ. И мужчины, и женщины, одержимые эстетическими стремленіями, постоянно, въ теченіе всей своей жизни, играютъ въ игрушки. У нихъ и мужъ—игрушка, и жена—игрушка. Пока игрушка блеститъ, пока она имѣетъ прелесть новизны, до тѣхъ поръ ею потѣшаются. А чуть только блескъ и новизна пропали, является горькое сожалѣніе о томъ, что игрушку нельзя бросить въ помойную яму. Соотечественники! Кто сложилъ поговорку: жена не башмакъ; съ ноги несбросишь? Кажется мнѣ, что эта поговорка была въ полномъ ходу въ то время, когда еще прадѣды современныхъ реалистовъ не рождались на бѣлый свѣтъ. И кто, или что мѣшаетъ вамъ сбросить жену, какъ башмакъ, не заботясь о томъ, куда она упадетъ? Неужели вамъ мѣшаетъ ваша собственная добросовѣстность? Нѣтъ, друзья мои, вамъ мѣшаетъ только законъ, а то бы тысячи утонченныхъ эстетиковъ, повторяющихъ наивную поговорку съ тяжелымъ вздохомъ, пустили бы на всѣ четыре стороны своихъ женъ, вмѣстѣ съ малолѣтними дѣтьми, и безъ копѣйки денегъ. И эти же самыя рѣзвые ребятишки, обожающіе всякія новыя игрушки, смѣютъ распускать безсмысленные слухи о развратныхъ стремленіяхъ такихъ людей, которые всю свою жизнь проводятъ въ рабочихъ кабинетахъ, за книгами или за письменнымъ столомъ! Только наша русская безтолковость и способна переваривать такія вопіющія нелѣпости.

XXI.

Во всѣхъ двадцати главахъ, которыя я до сихъ поръ написалъ о нашихъ реалистахъ, я старался доказать, что наше общество не поняло и оклеветало этихъ людей съ чужаго голоса. Чтобы сдѣлать доказательства мои какъ можно болѣе убѣдительными, я взялъ за представителя нашего реализма Базарова, того са-

маго Базарова, котораго одна часть нашей критики считала каррикатурою, а другая—правдивымъ, но строжайшимъ обличеніемъ, направленнымъ противъ тенденцій молодого поколѣнія. Вы находите, господа, сказалъ я, что это карриатура, или обличеніе. Положимъ, что это дѣйствительно такъ. Карриатура или обличеніе, какъ вамъ угодно. Во всякомъ случаѣ, вы согласитесь, что этотъ образъ написанъ безъ малѣйшаго желанія польстить нашимъ реалистамъ. Этотъ образъ написанъ человѣкомъ правдивымъ, но уже вовсе не способнымъ увлекаться юношескими стремленіями къ новымъ идеямъ и къ новымъ людямъ. Хорошо. Я беру именно этотъ образъ, именно то, что вы считаете карриатурою или обличеніемъ. Я анализирую каждую черту этого образа, я принимаю каждое слово Тургенева за наличную монету, я выслушиваю, такимъ образомъ, сильнѣйшаго и умнѣйшаго врага современнаго реализма, такого врага, который «все-таки неспособенъ лгать», и изъ всѣхъ показаній того врага я не могу извлечь ни одной черты, которая дѣйствительно превращала бы реалистовъ въ людей глупыхъ, безчестныхъ, безнравственныхъ и вредныхъ для общества и для благосостоянія отдѣльныхъ личностей. Говорятъ, что реалисты непочтительны къ своимъ родителямъ—неправда! Они только разрознены съ ними роковымъ вліяніемъ общихъ историческихъ причинъ. Реалисты возстаютъ дѣтей противъ родителей — неправда. Они стараются сблизить старшее поколѣніе съ младшимъ. Реалисты не уважаютъ женщинъ—неправда! Они уважаютъ ихъ гораздо сильнѣе, чѣмъ ихъ уважали поэты и эстетика. Реалисты отрицаютъ бракъ—и это неправда! Они хотятъ только, чтобы благосостояніе отдѣльныхъ семействъ было въ строгомъ согласіи съ великими интересами общества. Откуда-же вы, милые русскіе журналисты, взяли всѣ ваши обвиненія противъ реалистовъ? Изъ романа Тургенева? Нѣтъ, врите, тамъ нѣтъ этихъ обвиненій. Тамъ даются голые факты, которые надо только понять. А если вы извратили эти факты сообразно съ вашими закулисными выгодами, то вы напрасно прикрываетесь именемъ честнаго, хотя и отсталаго, русскаго писателя. Имя Тургенева надѣлало, быть можетъ, много путаницы, но Тургеневъ не виноватъ въ томъ, что его именемъ пользуются хлестаковы и держиморды нашей журналистики. И всѣ идеи Базарова остаются вѣрными и честными идеями, не смотря на тотъ толстый слой грязи,

которым завалили ихъ. Конечно, Тургеневъ могъ бы быть менѣе пассивнымъ въ то время, когда его ния марали гг. Катковы и Скарятины, но вѣдь известное дѣло, старость не радость, и шумъ журнальной полемики ему уже не по лѣтамъ. Отношенія реалистовъ къ живымъ людямъ такимъ образомъ очерчены, хотя и не вполне выяснены. Мнѣ остается поговорить объ отношеніяхъ ихъ къ искусству и къ наукѣ поговорю въ послѣдствіи.

СЛАВЯНОФИЛЫ ПОБѢДИЛИ.

Недавно «Эпоха» возвѣстила Россіи радостную вѣсть: «Славянофилы побѣдили», и принялась праздновать эту побѣду вмѣстѣ съ московскими публицистами, которые, въ свою очередь, радуются «отрезвленію общества». Постороннему зрителю остается повѣрить успѣху этихъ журналистовъ и поздравить публику съ отрезвленіемъ, а публицистовъ съ побѣдою.

Дѣло во всякомъ случаѣ заслуживаетъ поздравленія. Если побѣда дѣйствительно одержана большинствомъ журналистики надъ меньшинствомъ, то это не болѣе, не менѣе, какъ успѣшное приведеніе къ концу дѣла, изъ за котораго большинство публицистовъ столько лѣтъ хлопотало. Дѣло это было единственнымъ дѣломъ, единственною цѣлью всей дѣятельности этихъ журналистовъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Въ немъ весь смыслъ этой дѣятельности, все практическое и нравственное значеніе ея. Если мы исключимъ пѣснопѣнія лириковъ, да прежнюю беллетристику, то нельзя выбрать ни у одного этихъ изъ журналь публицистовъ ни единого слова, которое было-бы обращено на что-нибудь другое, кромѣ пораженія противниковъ ихъ, которыхъ они называли сперва свистунами, а потомъ нигилистами. Вопли противъ свистуновъ и нигилистовъ были такъ единодушны и раздавались такимъ согласнымъ хоромъ, что теперь между разными публицистами возникаетъ даже распря изъ за того, кто первый возопилъ противъ свистуновъ и нигилистовъ. На каждую выходку противъ этихъ жертвъ является нѣсколько претендентовъ, и я сомнѣваюсь, чтобы они могли полюбовно подѣлить побѣдные лавры и трофеи.

Въ прежнее время публицисты могли найти довольно приличное оправданіе для того обстоятельства, что вся дѣятельность ихъ посвяще-

на исключительно борьбу против свистуновъ. Разумѣется, имъ давно можно было указать, что въ сущности они играютъ жалкую роль, что они вполне зависятъ отъ своихъ противниковъ, потому что существуютъ только отрицаніемъ ихъ. Не смотря на всѣ вопли ихъ противъ отрицательнаго характера нигилистовъ, сами они ничего не дѣлали положительнаго и ничего не сдѣлали, что и доказалъ имъ еще Добролюбовъ. Но они имѣли тогда возможность возразить, что свистуны мѣшаютъ всякой положительной дѣятельности, и что положительныя желанія литературы до тѣхъ поръ не будутъ осуществимы, пока въ ней не перестанутъ преобладать и господствовать нигилисты. Поэтому, рассуждали они логично: мы и обращаемъ всѣ наши силы сперва противъ этихъ людей, чтобы имѣть возможность потомъ придать дѣйствительное значеніе нашей дѣятельности. Въ такомъ видѣ дѣло получало видъ довольно приличный и благообразный. Выходило, что какъ будто публицисты понимаютъ, что свистуны не настоящіе противники положительной дѣятельности и ея плодовъ, а только помѣха къ достиженію ихъ. Противъ этого можно было спорить, но все-же тутъ былъ складъ и смыслъ. Конечно, принципиальные люди могли сомнѣваться и сказать публицистамъ положительнаго характера: врите вы, совѣтъ вы этого не думаете, а если думаете, то тѣмъ хуже для васъ; потому что пока вы успѣете достигнуть вашей ближайшей, но второстепенной цѣли, вы такъ себя изуродуете, что ужъ ни на что не будете годны. Но недалекое большинство могло упустить изъ виду, что путь, избранный публицистами, поведетъ ихъ черезъ такія влозки наущничества и обскурантизма, что никакъ не приведетъ ихъ къ положительной дѣятельности, сколько-нибудь благовидной. Поэтому имъ могли одобрительно поддакивать и не ставить имъ въ строкъ всѣ совершаемыя ими безобразія, въ томъ чаяніи, что все это кончится полезными результатами.

Поощряемые такимъ образомъ, они храбро шли по этому пути, и въ послѣднее время дошли до подвиговъ истинно изумительныхъ. Быть можетъ, зрители наконецъ надоѣло-бы все это и они усумнились-бы въ пользу такой дѣятельности, обѣщавшей въ будущемъ одни бранныя клики и неистовыя завыванія; но наконецъ публицисты возвѣстили о своей побѣдѣ. Зрителей это должно было обрадовать. Побѣда обѣщала въ этомъ случаѣ, судя по прежнимъ внушеніямъ публицистовъ, превращеніе ихъ отрицательной и начало настоящей, положительной дѣятельности. Препятствіе устранено, слѣдовательно открыта дорога къ

шли. Самая обстановка заставляла предполагать наступление вожделѣннаго времени въ литературѣ. Бранныя тревоги смолкли, политическія горизонты прояснились и политическія дѣла могутъ внушать только полное спокойствіе и желаніе обратиться къ мирной дѣятельности, а не къ опасеніямъ и волненіямъ. Здѣсь-то именно, на поприсѣвъ мирной дѣятельности, и слѣдуетъ ожидать теперь положительныхъ дѣйствій со стороны побѣдоносныхъ публицистовъ.

«Славянофилы побѣдили!» восклицаютъ публицисты, «литература и общество отрезвились», говорятъ они. Слѣдовательно, имъ предстоитъ начать новый родъ дѣятельности, потому что если они думаютъ, что дѣятельность ихъ имѣетъ какой-нибудь смыслъ литературный, то очевидно, что именно теперь-то и слѣдуетъ доказать это. Прежде мѣшали свистуны и нигилисты и было необходимо развязаться съ этимъ зломъ. Хорошо. Но вотъ «Правдолюбовъ умеръ, другіе и т. д.», какъ говорить «Эпоха». Настало слѣдовательно время, когда дѣятельность публицистовъ должна сдѣлаться положительною. Если они хотѣли и надѣялись что-нибудь совершить, но враги мѣшали имъ, то теперь ничто не препятствуетъ имъ творить свое дѣло. Если-же они, протрубивъ о своей побѣдѣ, будутъ заниматься тѣмъ-же, чѣмъ и прежде, то оправдаютъ тѣхъ скептиковъ, которые предрекали неспособность къ чистому дѣлу въ человѣкѣ, прошедшемъ черезъ болота. Это докажетъ, что публицисты надували публику, притворяясь, что имъ мѣшаютъ свистуны; докажетъ, что къ положительной дѣятельности они способны только въ сферѣ воплей и брани.

Прошелъ годъ или болѣе съ того времени, когда «Московскія Вѣдомости» въ первый разъ возвѣстили о своей побѣдѣ; прошло нѣсколько мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ въ «Эпохѣ» появилась замѣтка, возвѣщавшая о побѣдѣ славянофиловъ. Поэтому, принимая въ соображеніе все, что было сказано публицистами съ того времени, можно сказать, что скептики оказались дальновиднѣе большинства, и что «снохожительная дѣятельность», приносящая плоды кому нибудь, кромѣ самихъ дѣятелей, есть не болѣе, какъ обманъ, которымъ публицисты прикрывали свои подвиги. Публицисты трубятъ о своей побѣдѣ, но продолжаютъ дѣлать тоже самое, что и въ то время, когда вопіяли противъ литературнаго деспотизма... Перебирая ихъ произведенія и слѣдя за дѣятельностью ихъ въ послѣднее время, нельзя открыть въ нихъ ничего, кромѣ воплей, кликовъ и брани. У всѣхъ, какъ и прежде, полемика противъ нигилистовъ на первомъ планѣ, и вообще характеръ

текущей литературы болѣе полемическій, чѣмъ когда либо. Ниже я постараюсь оцѣнить эту полемику и указать, симптомомъ чего именно должно считать ее.

«Московскія Вѣдомости» не прекращаютъ своихъ воззваній и бранныхъ кликовъ, какъ будто врагъ все еще посягаетъ на Смоленскъ, какъ будто Кіевъ все еще въ опасности и даже самой Москвѣ все еще грозить 12 годъ. Конечно, это не есть еще положительная дѣятельность. Но «Московскія Вѣдомости» не могутъ иначе говорить: пережѣнить тонъ, значить отказаться отъ своего завиднаго мѣста, отъ возможности стоять на завидной для другихъ газетъ высотѣ и поражать оттуда противниковъ крикомъ. Такое положеніе имѣть много выгоды. Приведу слова самихъ «Московскихъ Вѣдомостей»: «Мы не заслуживаемъ», говоритъ эта почтенная газета, «той массы непріязни, которою чествуютъ насъ противники русскаго дѣла. За собою лично мы не признаемъ никакой особенной заслуги, а также никакого особеннаго повода къ враждѣ и, стало быть, не видимъ, почему именно на насъ должна сосредоточиваться ненависть противной стороны. Нельзя видѣть особенную заслугу въ томъ, что дѣлается по простой обязанности. Мы были обязаны дѣйствовать такъ, какъ мы дѣйствовали, говорить то, что говорили». (№ 195) Въ этихъ словахъ, замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ, особенно выдается первая фраза, вполне типичная для «Московскихъ Вѣдомостей». Этою фразою газета эта прикрываетъ себя противъ всякихъ возраженій и опроверженій. Думаете-ли вы, что гг. Катковъ и Леонтьевъ пишутъ въ своей газетѣ нехлѣбности—вы противникъ русскаго дѣла. Думаете-ли вы, что г. Катковъ не совершилъ блистательныхъ подвиговъ въ области философіи, политической экономіи и публицистики—вы врагъ русскаго дѣла. Думаете-ли вы, что письма Байбороды оставляютъ желать лучшаго, что критики г. Юркевича не есть идеалъ благородства, что Густавъ де-Молинали и г. Щебальскій не могутъ считаться первостепенными писателями — думаете-ли вы это? О, въ такомъ случаѣ, разумѣется, ваши цѣли, ваши намѣренія, ваши убѣжденія—ясны; ясно—вы врагъ русскаго дѣла. Не совѣтую вамъ также вспоминать о твердости убѣжденій г. Каткова, о разнообразныхъ направленіяхъ его, въ которыхъ онъ постоянно терпѣлъ неудачи, пока не выбралъ болѣе крѣпкой позиціи, если вы слѣдуете это, то будетъ несомнѣнно, что вы врагъ русскаго дѣла, ибо г. Катковъ есть олицетвореніе этого дѣла.

Такимъ образомъ положеніе, нынѣ занимаемое г. Катковымъ, столь

выгодно, даже въ чисто журнальномъ отношеніи, что стоитъ похлопотать о продленіи его. Вотъ прихвѣръ тѣхъ доводовъ, которыми оно оберегается и охраняется:

«Когда дѣло идетъ не о томъ, чтобы подставлять свои лбы подъ вражескія пули и ядра», говорятъ «Московскія Вѣдомости», «когда дѣло идетъ не о борьбѣ съ опасностью, уже явно представшею, а о предупрежденіи опасности, приближающейся и грозящей въ будущемъ, болѣе или менѣе отдаленномъ, то насъ, повидимому, покидаютъ всѣ силы, мы теряемъ всякую способность употреблять ихъ въ дѣло.— Умѣя умирать за отечество, они (вышіе классы нашего общества) должны умѣть и жить для него. Они призваны ежедневно блюсти его интересы, принимать ихъ живо къ сердцу, вникать въ нихъ сѣрьезною мыслию, предусматривая опасность, еще издавѣка наступающую, и напрягать усилія къ предотвращенію ея отъ націи. Только при такой чуткости вышнихъ классовъ къ національнымъ интересамъ, всенародная готовность жертвовать всѣмъ за спасеніе отечества способна вести къ процвѣтанію государства. Но обладаемъ-ли мы этою чуткостью?» (№ 207). Разумѣется, доказывается далѣе, что не обладаемъ.

Всякій видитъ, куда и къ чему клонятся эти разсужденія. Не думайте, что я намѣренъ перемѣнить духъ и тонъ моихъ статей, желаю сказать г. Катковъ, не воображайте, что я что-нибудь буду говорить: я по прежнему буду только вопіять, буду «бдѣть» и стараться усовершенствовать въ себѣ и въ другихъ упомянутую чуткость. Я не перемѣню своихъ восклицаній оттого только, что времена перемѣнились; вы слѣпы и думаете, что нѣтъ больше повода кричать и бѣсноваться, а я думаю, что «миръ существуетъ на то, чтобы готовиться къ войнѣ». Слѣдовательно знайте, что я не сбавлю воинственнаго азарта, кака-бы Аркадія не зацвѣла у насъ.

Причина такого упорства нехитрая. Для г. Каткова дѣло идетъ не только объ удержаніи выгодной позиціи, но вообще о томъ— «быть или не быть», конечно какъ публицисту. Предполагаю, что съ водвореніемъ вождельной тишины и спокойствія добрые люди объявляютъ себя нерасположенными слушать дальнѣйшія филиппики; положимъ, что они настоятельно потребовали отъ литературы обращенія къ дѣламъ мира. — Добрыхъ людей занимаютъ мирныя, домашнія дѣла и при томъ они находятъ, что ристаніе въ шлемѣ и съ обнаженнымъ мечемъ, съ воинственными призывами, столь-же странно въ мирное время, какъ и сценическое представленіе малой войны, съ ея засадами; хи-

требамъ, «бдительностью» и «чуткостью». Публика приглашаетъ этого господина съѣсть подь свою куцу и смоковницу и, закуривъ кальянъ мира, приступить къ обсужденію различныхъ общественныхъ и литературныхъ вопросовъ мирнаго свойства. Ясно, что подобныя требованія поставили бы г. Каткова въ затруднительное положеніе. Передъ кѣмъ и передъ чѣмъ онъ будетъ парадировать своими филиппиками? Куда ему приложить этотъ старый запасъ краснорѣчивыхъ воззваній, восклицаній, антитезъ и метафоръ, которыя никуда не годятся при обсужденіи простыхъ вещей, и расходуются только на торжественные случаи? А такъ какъ въ жизни народовъ торжественныя событія исключительны, а будничная дѣятельность постоянна, то краснорѣчію г. Каткова остается подражать монологамъ того испанскаго рыцаря, который декламировалъ передъ вѣтранными мельницами. Такимъ образомъ всякій путь къ отступленію подь покровъ англомаши, аристократическаго элемента, либеральныхъ началъ и т. д. отрѣзанъ для «Московскихъ Вѣдомостей». Помощь въ этотъ благословенный мирный пріютъ, если даже и можно, благодаря изумительной подвижности своего характера, то во всякомъ случаѣ въ немъ нельзя ожидать прежняго процвѣтанія. Если и прежде гг. Катковъ и Леонтьевъ подвергались въ нитъ неприятнымъ пассажамъ, то теперь и подавно нельзя будетъ рта разинуть, слова вымолвить, не услыхавъ безчисленныхъ цитатъ изъ собственныхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и «Русскомъ Вѣстникѣ». Но къ несчастію, въ случаѣ, если-бы публика заявила вышесказанныя желанія, то подобная разработка не могла-бы имѣть мѣста. Мудрено-ли послѣ этого, что, поставленный между этими двумя перспективами, г. Катковъ старается удержать даже всепожирающее время и остановить теченіе политическихъ событій? Удивительно-ли, что онъ толкуеть объ отдаленныхъ опасностяхъ, о недостаткѣ «чуткости» и о необходимости развивать это качество?

Замѣчательно, что о томъ же самомъ и почти въ тѣхъ же выраженіяхъ толкуеть «День». Вотъ что говоритъ эта газета въ № 42: время и обстоятельства требуютъ отъ насъ патриотизма иного качества, нежели въ прежнія годины народныхъ бѣдствій; одного внѣшняго, такъ сказать, патриотизма, возбужденнаго видомъ внѣшней грубой опасности, еще недостаточно; есть опасности иного рода, несравненно опасѣйшія; надо умѣть стоять за Россію не только головами, но и головою, т. е. не однимъ напоромъ и отпоромъ грозной силы матеріальной — но и

силою нравственною; не одною силою государственной, но и силою общественной; не однимъ оружіемъ вещественнымъ, но и оружіемъ духовнымъ; не противъ однихъ видимыхъ враговъ, въ образѣ солдатъ непріятельской арміи, но и противъ невидимыхъ и неосязаемыхъ недруговъ; не во время войны только, но и во время мира.»

Я представилъ грустную участь, которая неизбежно ожидаетъ московскихъ борзописцевъ по водвореніи мира и тишины въ государствѣ и въ обществѣ. Теперь я постараюсь напомнить, что ожидало бы самое общество, если-бы осуществились задушевные желанія борзописцевъ. Ни одинъ борзописецъ не посмѣетъ, конечно, сказать (впрочемъ отъ нихъ можно всего ожидать), чтобы война и бранная тревога могли быть желанною нормою общественнаго состоянія. Однако они желаютъ, если не увѣковѣченія этого состоянія, то по возможности продленія его. Я уже показалъ причины, побуждающія ихъ желать этого. Предположимъ теперь, что желанія борзописцевъ исполняются. Результатомъ этого будетъ для общества грустная ошибка, которая заставитъ его, вмѣсто того, чтобы наслаждаться Аркадіей и по мѣрѣ силъ хлопотать о своихъ выгодахъ, обрѣтаться въ бесполезной тревогѣ, морочить другъ друга и служить забавою людямъ благоразумнымъ; для литературы — крайняя степень униженія, потому что, что-же можетъ быть униженіе, какъ сражаться съ призраками, намѣренно колотиться лбомъ объ стѣну и обращать свою ярость на неповинную стѣну. Лафа будетъ только двумъ, тремъ борзописцамъ, которые, такимъ образомъ, удержатся на своей позиціи и избѣгутъ Сциллы и Харибды.

Не знаю, какъ будетъ дальше, но повуда — послѣднее предположеніе ближе къ осуществленію, чѣмъ первое. Хотя библиографія даетъ свѣдѣнія довольно утѣшительныя, показывающія, что публика благополучно вынесла всѣ махинаціи, совершенныя и совершаемыя надъ ея головой журналистами, трубящими тревогу, но сами журналисты дѣйствуютъ такъ, какъ будто имъ вовсе не угрожаетъ присутствіе здраваго смысла въ читателяхъ, и какъ будто трубы ихъ по прежнему производятъ смѣненіе. Оставляю въ сторонѣ политическія предсказанія «Московскихъ Вѣдомостей» и «Дня», потому что вообще я не желаю касаться здѣсь политическихъ вопросовъ, я укажу только на нѣкоторые, особенно замѣчательныя, рѣдкости этихъ газетъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ подвиги «Московскихъ Вѣдомостей» и «Современной Лѣтописи», по огражденію de la morale publique. Г-жа П-на въ №№ 36 и 37 «Современной Лѣтописи» и Читатель въ № 187

Вѣдомостей мужественно защищаютъ своихъ дѣтей отъ покушеній г. Трутовскаго—развратить сердца этихъ птенцовъ. Г. Трутовскій—авторъ рисунковъ, украшающихъ новое изданіе басенъ Крылова. Въ этомъ изданіи рисунки изображаютъ не звѣрей и деревья, какъ обыкновенно, а людей въ обстоятельствахъ, соответствующихъ смыслу басни. Я не буду распространяться о достоинствахъ этого изданія и его иллюстрацій; это тѣмъ болѣе не нужно, что блюстители нравственности обращаютъ свое вниманіе не на остроуміе и шуткость рисунковъ, а на нравственность ихъ. Г-жа П-на повѣствуетъ слѣдующее о своихъ бѣдствіяхъ: дама эта, пріѣхавъ на короткое время въ Москву, отправилась въ книжный магазинъ Баунова, чтобы купить для своихъ дѣтей книгу. «Само собой разумѣется, говоритъ она, «прежде всего мнѣ бросилась въ глаза книга большаго формата, въ хорошемъ переплетѣ, съ надписью: Басни Крылова.» Далѣе оказывается, что, обольщенная хорошиимъ переплетомъ и большимъ форматомъ, чадолюбивая мать, не взглянувъ на книгу дальше переплета, «поспѣшила(?)сказать: заверните мнѣ эту книгу!» Потомъ описывается трогательно радость дѣтей при видѣ книги и семейная сцена, разыгравшаяся при этомъ. «Послѣ обѣда мы, всей семьей, торжественно(?)сидимся вокругъ большаго стола.» Но здѣсь то и разразилась бѣда, которую впрочемъ легко бы было предотвратить, если-бы развернуть книгу въ магазинѣ. Бѣдствіе, постигшее мать и птенцовъ въ такую торжественную минуту, состояло въ томъ, что книга оказалась предназначенною не для дѣтей, а для взрослыхъ. Собственно говоря, что-же тутъ ужаснаго? При столькихъ изданіяхъ Крылова для дѣтей, неужели не можетъ быть одного для взрослыхъ? Или Крыловъ ужъ непременно долженъ читаться только дѣтьми? Не знаю, что думаетъ объ этомъ г-жа П-на, но какъ-бы то ни было, а результатъ вышелъ тотъ, что, вмѣсто всѣмъ извѣстной вороны съ кускомъ сыра и лисицы, засѣданіе узрѣло картинку, изображающую камелию, выманывающую деньги у старика. Само собою—торжественное засѣданіе было прервано, что прекрасно описано самою г-жею П-ной: «Это ее лапаша! произнесла сквозь зубы, поспѣвъ закрыть книгу.» Не правда-ли, какъ находчиво и благоразумно поступила эта дама?

Но оказалось, что дама эта была въ нѣкоторомъ родѣ пороховымъ погребомъ, и картинкѣ г. Трутовскаго суждено было сдѣлаться искрою, запавшею среди ракетъ и брандсбургелей материнскаго негодованія. И, боже мой! чего не наговорила разъяренная дама въ пылу негодованія на несчастнаго г. Трутовскаго. Два номера «Современной Лѣтописи» съ трудомъ вѣстили всю лаву, излившуюся изъ этого вулкана-

на. Статейка г-жи П-ной озаглавлена: Голосъ женщины. Помилосердствуйте, ради бога, какой это голосъ, да еще женскій! Это вопли, крики, плачи, а не голосъ. Это какая-то іереміада, преполненная стонъ и злобы. Чего только не приплела г-жа П-на къ г. Трутовскому. Во первыхъ, обращаясь къ нему, она декламируетъ ему басню: *Сочинитель и разбойникъ*, вѣроятно желая сказать, что охотно бы заняла должность Мегеры въ отношеніи г. Трутовскаго, если бы открылась вакансія. Далѣе, продолжая поражать художника оружіемъ, заимствованнымъ изъ басенъ Крылова, она предрекаетъ ему, что его съѣстъ (ей богу не выдумываю) какой нибудь нигилистъ, развращенный пшъ посредствомъ басенъ. Затѣмъ она присоединяется сама къ той партіи изъ числа двухъ, представленныхъ въ баснѣ *Прохожій и Собака*, которая одержима желаніемъ кусать и лаять. Причина, почему г-жа П-на причислила себя добровольно къ этому обществу, заключается въ томъ, что у г. Трутовскаго прохожіе изображены въ видѣ нигилистовъ. Затѣмъ г-жа П-на оставляетъ басни и г. Трутовскаго и вопли ея все болѣе и болѣе распространяются. Касается она и безразличности учебныхъ заведеній, и кошуства, и русскихъ лондонскихъ изданій, и славянофильскихъ костюмовъ, и затолчешскихъ проповѣдниковъ,— но чего она не касается, вотъ вопросъ? Жалуется она, что отъ порядочныхъ женщинъ, желающихъ преподавать въ народныхъ школахъ, требуется экзаменъ и полицейское свидѣтельство, что составляетъ для нихъ непреодолимое препятствіе. «А нигилисткамъ не тяжело исполнить всю эту тяжелую формальность!» восклицаетъ она, точно съ завистью. «Мнѣ указывали на одну дѣвицу,» продолжаетъ она, и читатель, разумѣется ожидаетъ, что г-жа П-на намѣрена разказать о нигилисткѣ, не испугавшейся «тяжелой формальности.» Но не тутъ-то было. Рассказывается просто о томъ, что одна дѣвица ушла отъ родителей и живетъ съ однимъ господиномъ, отъ котораго имѣетъ ребенка. Но въ пылу негодованія простительно пренебрегать послѣдовательностью. Далѣе г-жа П-на ноетъ о недостаткѣ хорошей прислуги, сообщая, что у нея была горничная, отличительными качествами которой были вѣтренность и грубость.» Отъ нытья по прислугѣ она переходитъ мгновенно къ нытью по учителямъ. Оказывается, что положеніе ея, а главное ея дѣтей, самое плачевное, такъ что дѣйствительно о немъ «стоитъ крѣпко задуматься.» Она, видите-ли, боится учить своихъ дѣтей, потому что кому поручить ученіе? Студенту? Но они всѣ имѣютъ «нигилистическую закваску.»

это «смѣсь повѣйшаго вольнодумства съ весьма старою привычкою кокетства» — опять пельзя. Иностранцу? Но «сказываютъ,» скорбятъ г-жа П-на, что извѣстный отецъ іезуитъ, князь Гагаринъ, попалъ на эту дорогу вслѣдствіе внушеній своего гувернера». Судите сами, можно ли, послѣ такого примѣра, взять гувернера? Положеніе, чортъ возьми, скверное! Видно дѣтямъ такъ таки и придется неучами оставаться. А каково это сердцу-то матери?

«О», взываетъ г-жа П-на, «пусть подумаютъ люди основательнаго характера и честныхъ убѣжденій, что пора имъ тѣснѣе сомкнуться между собою, чтобы поставить крѣпкій оплотъ на мѣстѣ прорвавшейся плотины! Еще недавно началась гибельная пропаганда, а ужъ взгляните, какъ все занялось кругомъ, пожаръ быстро разливается повсюду, цѣлыя поколѣнія могутъ погибнуть (вонъ оно куда пошло!) въ борьбѣ и отодвинуть Россію, быть можетъ, на цѣлое столѣтіе. Каково намъ будетъ тогда догонять Европу?! (А въ самомъ дѣлѣ, объ этомъ-то мы и не подумали! Каково въ самомъ дѣлѣ будетъ?!) Велика сила вражьи, но неужели мы отдадимся ей въ руки? (Никогда! Ляжемъ костями, мертвые бо страху не имутъ). Одно моленіе: поднять уровень общественнаго образованія и общественной нравственности. (Ухъ! отлегло! ларчикъ-то просто открывался). Пока наше общество не возьмется съ горячностью за это дѣло, мы все будемъ врозь страдать... сложа руки и глядя съ сердечнымъ сокрушеніемъ, какъ дѣйствуютъ люди новаго порядка. У тѣхъ живо дѣло кипитъ въ рукахъ. Они за все взялись; науки, искусства, ремесла—все служатъ проводникомъ ихъ идей, изъ всего они извлекаютъ для себя пользу». (Совр. Лѣт. № 37). Замѣчательно, что изъ числа московскихъ публицистовъ не одна только г-жа П-на имѣетъ привычку смотрѣть на купленную книгу не прежде, какъ прійдя домой. Тѣ-же самыя превратности, которыя постигли, по повѣду басень Крылова, г-жу П-ну, постигли другое лице, которое докладываетъ о нихъ читателямъ «Московскихъ Вѣдомостей». Господинъ этотъ также явился въ книжный магазинъ Базунова и тоже увлекся форматомъ и переплетомъ злополучныхъ басень. Подобно г-жѣ П-ной, онъ заплатилъ за книгу 5 рублей и, подобно ей, мечталъ о наслажденіи, которое доставитъ этой книгой дѣтямъ. Но господинъ умалчиваетъ, произошла-ли дома торжественная сцена, описанная г-жей П-ной, ѣли-ли дѣти его за обѣдомъ или нѣтъ, и, если ѣли, то много ли или мало (дѣти г-жи П-ной, по словамъ ихъ матери, не ѣли ровно ничего, отъ нетерпѣнія увидѣть картинки); господинъ умалчиваетъ, видѣли-ли дѣти соблазнительную лисвицу, и былъ-ли онъ на столько находчивъ, какъ г-жа П-на. Но за то онъ обращаетъ вниманіе свое или,

лучше сказать, ярость противъ одного лица, упущеннаго изъ виду г-жею П-ной, которая вся отдалась чувству ненависти къ г. Трутовскому и своимъ стenanіямъ объ испорченности вѣка. Господниъ возненавидѣлъ издателя этой книги и его книжный магазинъ. Послѣдній—онъ называетъ «домомъ разврата», а книгопродавцу желаетъ разориться. Такіе ужасы должны утратить послѣдняго, и можно надѣяться, что впредь онъ или не будетъ переплетать басни Крылова въ соблазнительныя для чадолюбивыхъ отцовъ и матерей переплеты, или будетъ покорнѣе просить публику покупать товаръ лицомъ. А то вѣдь найдется наконецъ покупатель столь свирѣпый, что рѣшится собственноручно поджечь «домъ разврата», соблазняющій его красивыми переплетами. Мораль изъ этого та, что вообще книгопродавцамъ плохо въ городѣ, жители котораго покупаютъ книги, какъ крупу или мыло.

Если ужъ противъ такихъ невинныхъ явленій, какъ изданіе Крылова для взрослыхъ, поднимается такой содомъ, то можно себя представить, что совершается въ верхнихъ столбцахъ этихъ газетъ. Вышеприведенная прокламація г-жи П-ной къ «честнымъ и основательнымъ людямъ» есть пароль всѣхъ этихъ упражненій. Они доказываютъ, что г. Катковъ еще вовсе не помышляетъ о прекращеніи своихъ воинственныхъ декламаций, и желаетъ продолжать заугивать публику разными опасностями, по мѣрѣ надобности возникающими въ его головѣ. Слѣдовательно, въ отношеніи этого публициста, по крайней мѣрѣ, побѣда славянофиловъ не принесла ничего новаго. Были всегда вопли протпвъ свистуновъ и нигилистовъ и будутъ они длиться, пока будутъ находиться слушатели. О положительной дѣятельности публицисты и говорить перестали, зная, вѣроятно, что никто не повѣритъ имъ.

Опасности, показываемыя въ перспективѣ, и разные буки, которыми угрожаютъ публикѣ, выручаютъ изъ затрудненія и «День». Благодаря этимъ букамъ, въ «Днѣ» проходятъ подъ шумокъ незамѣченными такія статьи, которыя въ другихъ случаяхъ возбудили-бы хохотъ въ самомъ ревностномъ читателѣ «Дня», исключая развѣ г. Аксакова. Такъ напримѣръ, въ 32 № «Дня» въ передовой статьѣ разбирается вопросъ: имѣютъ-ли евреи въ Россіи «права на бытіе», и разумеется, рѣшается отрицательно. Затѣмъ въ 40 № происходитъ по этому поводу препирательство съ «Биржевыми Вѣдомостями», которыя оказались столь просвѣщенными, что вступились за права евреевъ на существованіе. А вспомнимъ, съ какими презрѣніемъ попрекали свистуна—Добролюбова за то, что онъ не восхищался, когда литература съ торжествомъ возвѣщала: Что жидъ есть тоже человекъ.

Хороши теперь тѣ, которые восхищались этимъ, а нынче снова видятъ, что вопросъ этотъ вовсе не рѣшенъ и не конченъ, и что объ- немъ по прежнему идуть пренія.

Спрашиваю г. Аксакова: считаетъ-ли онъ свою дѣятельность положительною? Если онъ думаетъ это, то ошибается. Вопросы поднимаемые имъ лишены всякаго положительнаго значенія. Они ни къ чему не ведутъ, и самъ г. Аксаковъ встанетъ въ тупикъ, если, выслушавъ его разсужденія о томъ, что евреи не могутъ жить въ Россіи, согласи- ться съ нимъ и спросить, что же дѣлать? Вся хитрость такихъ бор- зописцевъ состоитъ въ томъ, чтобы о чемъ нибудь разглагольствовать въ ожиданіи, что найдутся какія нибудь «Биржевыя Вѣдомости», которыя увидятъ въ этомъ поводъ заявить свой гуманный образъ мыслей. Наш- лись, возразили,— ну и пошла писать, и есть о чемъ разсуждать. А спроси, что же дѣлать? борзописецъ встанетъ въ тупикъ. Вѣд не- прилично же ему отговариваться тѣмъ, что я-де только указываю зло, что я не могу предлагать средства для поправленія его. Это бы вышло отрицаніе, за которое было столько попрековъ отъ борзописцевъ ихъ противникамъ. Но тамъ дѣло было иное. Публика очень хорошо понимала, что такіе попреки достойны тѣхъ, кто прибѣгалъ къ нимъ, что противники борзописцевъ знаютъ чего хотятъ. Вотъ тоже «Эпоха» гово- рить о необходимости перекрещивать вѣмцевъ. Начни спорить—одолжишь, только того и надо. Но достаточно спросить: какъ-же это такъ? какъ же слѣдуетъ приступить къ этому? и миссіонеръ этотъ всталъ бы въ ту- пикъ. Такимъ образомъ «День» и его читатели ровно ничего не вы- грали отъ побѣды своей; дѣятельности положительной нѣтъ, какъ нѣтъ, такъ что, если съ нимъ не спорить, то ему придется по прежнему *отрицать* бытіе жидовъ и мечтать о Прагѣ и соединеніи славянъ. Но это только мечты, а не положительная дѣятельность, представите- лями которой, равнымъ образомъ, не могутъ почестся ни пинъ Щер- бина, ни витійствующая г-жа Кохановская; впрочемъ, послѣдней уже начало мерещиться разное неподобіе. По крайней мѣрѣ она сама го- ворить въ 41 № «Дня» о своихъ галлюцинаціяхъ.

Вѣроятно по праву своей побѣды славянофилы берутъ какъ *spolia optima* достояніе враговъ. Въ 45 № «Дня» я, къ великому изумленію моему, открылъ подобный побѣдный трофей «Дня», сорванный имъ съ моего собственнаго трупа. Я долго не могъ понять въ чемъ дѣло и началъ даже подозрѣвать себя, что ужъ не пишу-ли я тайкомъ отъ самого себя въ «Днѣ». Дѣло въ томъ, что «День» вознахѣрился по- мѣщать у себя иногда выписки изъ нашихъ современныхъ журналовъ

подъ заглавіемъ: *Перлы русской журналистики*. Но меня успокоило на счетъ самого себя только то обстоятельство, что въ статейкѣ «Дня» задѣвается и «Русское Слово», въ лицѣ г. Писарева. Ну, ужъ до такого двоедущія я не дойду, подумалъ я успокоившись, если только можеть успокоиться человѣкъ, съ котораго неумолимый побѣдитель совлекаеть перлы. Тутъ не послужить даже въ утѣшеніе поговорка, что чужое добро въ прокъ нейдетъ. Читатель пойметъ теперь, почему мнѣ, менѣе чѣмъ кому либо, можно сомнѣваться въ побѣдѣ славянофиловъ. Въ петербургской журналистикѣ полемика свирѣпствуетъ и родить чудеса. Сособенно знаменита полемика «Современника» съ «Эпохой». По поводу статей, появлявшихся по этому поводу въ «Современникѣ», «Отечественныя Записки» достали письмо какого то провинціала, который будто-бы выписываетъ «Современникъ» и, возмущенный до глубины души неприличіемъ его политическихъ приѣмовъ, обращается по начальству, т. е. пишетъ жалобу на «Современникъ» А. А. Краевскому, предполагая, вѣроятно, въ немъ лицо, начальствующее въ литературѣ. Полемическіе приѣмы «Современника», на которые указываетъ этотъ провинціалъ, дѣйствительно не отличаются изяществомъ, хотя теперь «Эпоха» узнала наконецъ, что выходки «Современника» противъ нея заимствованы изъ ея-же статей противъ этого журнала но самъ «Современникъ» говорить, что воздалъ «Эпохѣ» капиталъ ругательствамъ съ процентами. Надо сознаться, что проценты вышли не христіанскіе. Провинціалъ указываетъ, напримѣръ, на такое живописаніе: «Бельведерскій двадцать четыре раза испускалъ необыкновенную отрыжку и затѣмъ пять разъ плююлъ усиленнымъ и напряженнымъ манеромъ, потому что слюна его была очень густа, прилипала къ языку и губамъ и не отлетала по воздуху прочь, какъ бываетъ обыкновенно, а повисала на усахъ и бородѣ». Краснорѣчивое описаніе это, какъ-бы то ни было, составляетъ процентъ весьма неумѣренный. «Современникъ» говорить, что «Эпоха» сама подала ему поводъ касаться такихъ предметовъ, какъ напр. сколько кто выпилъ, какія были послѣдствія и такъ далѣе. Но сомнительно, чтобы подробности о выпитой водкѣ и съѣденной при этомъ колбасѣ были достойны подражанія. Къ тому-же и «Эпоха» не первая выдумала ихъ, какъ доказываетъ январскій фельетонъ «Современника». Впрочемъ, провинціалъ тоже дастъ порядочнаго маху, если, испугавшись полемическихъ приѣмовъ «Современника», предпочтетъ ему «Отечественныя Записки». Я даже удивляюсь, какъ у «Отечественныхъ Записокъ» хватило духа напечатать письмо провинціала; развѣ ужъ очень захотѣлось уколоть «Совре-

менникъ» и пригрозить ему отпадением провинціальныхъ подпечниковъ, или, быть можетъ, черезъ чуръ поправилась новая и мѣткая острота на счетъ того, что, по мнѣнію «Современника», для счастья человечества всего важнѣе брюхо, иначе животъ». Только этими догадками можно объяснить помѣщеніе жалобы на описаніе качествъ слюней и отрывки въ журналѣ, который выражался, не далѣе, какъ въ іюньской книжкѣ, слѣдующими оборотами: «Русское Слово только тѣмъ и дышетъ, что *перезевываетъ мертвую слюну Добролюбова*». Чего же возмущаться отрывкой, описанной въ «Современникѣ», послѣ этого? Получивъ письмо отъ провинціала, Отечественнымъ Запискамъ слѣдовало отвѣчать ему: милостивый государь, вы не понимаете, въ чемъ состоитъ соль; острота «Современника» безподобна и весьма значительна; если въ чемъ можно урекнуть его, то въ недостаткѣ остроумія, потому что еще лучше-бы было, если-бы, вмѣсто слюны живаго, изображена была слюна мертваго, и если-бы она не выплевывалась, а жевалась. Въ такомъ случаѣ, что могло-бы быть ядовитѣе; подумайте, на что ужъ долженъ быть похожъ человѣкъ, жуящій мертвую слюну? и т. д. Вообще, нельзя сказать, чтобы писатели наши лазили за словомъ въ карманъ.

Перебранки, доходящія до такихъ изумительныхъ непристойностей составляющія главную и самую видную часть журналистики, свидѣлствуютъ о плачевномъ состояніи литературы. Онѣ показываютъ, что область, подлежащая литературѣ, доведена до самыхъ микроскопическихъ размѣровъ, что на ней не осталось ровно ничего, кромѣ самой журналистики и личностей, подвизающихся на поприщѣ ея. Журналы другъ другу и сами себѣ опротивѣли до крайности, но, за неимѣніемъ другаго дѣла, должны заниматься другъ другомъ, что не способствуетъ смягченію и умиротворенію ихъ взаимныхъ отношеній. Дѣло доходитъ наконецъ до того, что существованіе какого-нибудь направленія въ журналѣ объявляется нелѣпостью, подвергается шуткамъ и насмѣшкамъ. Возвѣщается, что въ жизни нѣтъ ничего, что-бы могло дать журналу какое-нибудь направленіе. Все это сказано «Библіотекой для Чтенія», въ іюльской книжкѣ этого журнала. На первый взглядъ это кажется безсмыслицей удивительной. Какъ-бы не шла жизнь, но развѣ это можетъ мѣшать человѣку или извѣстному обществу людей находить одно бѣлымъ, другое чернымъ, одно справедливымъ, другое нелѣпымъ, одно полезнымъ, другое вреднымъ? А если жизнь такъ изказила тебя, что ты и самъ пересталъ отличать, что по твоѣму дурно, а что хорошо, такъ оставайся въ толпѣ, — не лезь на кафедру. — Да литература не кафедра, отвѣчаютъ такіе люди, у которыхъ осталось о дво

сознаніе, что они жалкіе и бесполезные тунеядцы. Но конечно, ихъ литература не кафедра, не трибуна. Литература съ романомъ *Некуда*—ковюшня, — а не трибуна. Что-же въ ней такого соблазнительнаго, что манитъ къ себѣ человѣка, сознающаго свою неспособность разобрать, что лучше, что хуже? Самъ видитъ, что тупъ, никому не нуженъ, ничего не видитъ, литература—свиная закута, а все-таки отиравается въ нее и начинаетъ толковать, точно онъ что-нибудь понимаетъ, точно литература—трибуна. И о чемъ толкуеть? о томъ, что у него пѣтъ и не будетъ направленія, что не откуда и взять ему его, что жизнь не даетъ ничего, почему-бы можно было отличать хорошее отъ дурнаго? Стоило-же ротъ открывать, чтобъ сказать это, послѣ чего всякій тунеядецъ, сколько-нибудь смышленный, долженъ поспѣшить снова зажать ротъ, раскрывшійся не въ добрый часъ.

Но, съ другой стороны, нельзя не согласиться, что направленіе есть излишняя роскошь, которую могутъ допускать у себя развѣ наглансты, а прочей журналистикѣ оно не только не нужно, а просто лишнее бремя. Всѣ эти «Эпохи», «Отечественныя записки», «Библиотеки для Чтенія» процвѣтали такъ себѣ безъ всякихъ направленій. И благо имъ что у нихъ ничего подобнаго не было, и что они даже возвели въ догматъ отсутствіе его. Они не то, что московскіе журналисты. Тѣ все дѣлали видъ, что натворятъ чудесъ, какъ только справятся съ нигилистами. Естественно, что при первыхъ побѣдныхъ кликахъ къ нимъ обращаются съ требованіемъ дать то «положительное», о чемъ они толковали. Но здѣшніе—подобны птицамъ небеснымъ, потому что никогда не сѣяли, хотя въ житницы собирали. Попадалось прежде въ житницы семя либерализма—брали, клали въ житницы и предлагали публикѣ; теперь попадаетъ «Некуда», не брезгаютъ и имъ, берутъ и подносятъ. А кто вы такіе? спрашиваютъ ихъ. Но они смѣло и храбро отвѣчаютъ, что сами не знаютъ кто они, что они и зачѣмъ они, такъ — мѣшокъ, что положить, то и несутъ. Но публика не имѣетъ никакого права претендовать на нихъ за это; не потому, чтобы жизнь избавляла ихъ отъ обязанности имѣть какой-бы то ни было взглядъ на вещи, а потому что имъ рѣшительно нечего дѣлать. Развѣ можно требовать, чтобы они добровольно сунулись въ Сциллу и Харибду, между которыми носится челнъ «Московскихъ Вѣдомостей»? Какъ-бы то ни было, они избрали сравнительно благою долю; и одно, что должно еще смущать ихъ, это неловкій вопросъ, зачѣмъ они пишутъ и толкуютъ? Слыша отъ нихъ самихъ о невозможности имѣть, какое нибудь убѣжденіе, видя въ нихъ рѣшительную невозможность свернуть на старую проторенную дорожку либерализма, потому что каждый изъ нихъ чѣмъ нибудь замаранъ, кто «Взба-

домученным моремъ,» кто статьями объ обращеніи нѣмцевъ, что «Некуда», приходишь къ заключенію, что безразсудно-бы было и требовать отъ нихъ какого-нибудь единообразія или единодушія, какогонибудь склада и лада. Зачѣмъ имъ все это, когда удобнѣе быть просто мѣшкомъ?

Однако подобнымъ мѣшкамъ также угрожаетъ опасность: не проходить мѣсяца, чтобы въ свѣтъ не вышло нѣсколькихъ дѣльныхъ переводныхъ сочиненій. Число ихъ быстро возрастаетъ, и я право не понимаю, какъ г. Аксаковъ не обратилъ до сихъ поръ вниманія на это и не оплакалъ столь грустное явленіе. Вѣдь подумайте, что это значить! Вѣдь это значить, что публикѣ надоѣла ваша туземная болтовня, и что она съ жадностью хватается за продукты европейскаго ума. Не печально-ли это по вашему? Естественно, что при такомъ распространеніи переводовъ иностранныхъ сочиненій, необходимъ такой журналъ, какъ «Заграничный Вѣстникъ», которому можно предсказать блестящую будущность, если онъ продолжится до тѣхъ поръ, пока не выгнѣснитъ «Отечественныя Записки» и проч. паразитовъ, питающихся теперь крохами, падающими съ его стола. «Заграничный Вѣстникъ» имѣетъ обыкновеніе заранѣе печатать списокъ статей, которыя намѣренъ помѣстить въ слѣдующихъ номерахъ, и этотъ-то списокъ служить вдохновеніемъ для паразитныхъ журналовъ. Выходитъ то, что они на половину набиваются переводами, въ выборѣ которыхъ явно руководствуются спискомъ «Заграничнаго Вѣстника». Возьмемъ, напри- мѣръ, «Отечественныя Записки»: изъ десяти статей іюньской книжки переводныхъ пять: Тэнъ, Ревиль, Ренанъ — все это открыто для паразитовъ «Заграничнымъ Вѣстникомъ». Понятно значеніе этого журнала. 9/10 нашей литературы — переводы; слѣдовательно, необходимъ журналъ, который-бы специально слѣдилъ за европейскою жизнью и литературой, указывалъ-бы издателямъ на сочиненія, заслуживающія быть переведенными, и наконецъ, печаталъ такія статьи, которыя по объему неудобны для отдѣльнаго изданія. Нельзя сказать, чтобы «Заграничный Вѣстникъ» безукоризненно выполнялъ эту программу. Ему можно пожелать побольше разнообразія, болѣе строгаго выбора статей, такъ какъ передъ нимъ неисчерпаемое изобиліе матеріала. Можно замѣтить, напри- мѣръ, что «Заграничный Вѣстникъ» уже слишкомъ интересуется Тэнномъ, что онъ напрасно помѣщаетъ такія вещи, какъ статья Ж. Сандъ о сочиненіи В. Гюго, которой мѣсто развѣ въ хроникѣ сьумасшествій. Но все это мелочи, за которыя нельзя серьезно упрекать журналъ, сдѣлавшій такъ много полезнаго въ 9 мѣсяцевъ своего существованія. Журналъ ведется хорошо и очень важенъ для нашей литературы, въ этомъ

нѣтъ сомнѣнія. Но когда паразиты на половину заимствуютъ медь, собираемый этииъ журналомъ, а другую половину набиваютъ туземною дрянью, то становится стыдно. Картина дѣлается безобразною, когда рядомъ съ Дарвиномъ помѣщаются гоненія на нѣмцевъ, романы «Некуда» и т. п.

И въ той же книжкѣ встрѣчаемъ разсужденія о книгѣ Дарвина, объ «Утилитаріанизмѣ» Милля, переводъ лекцій Макса Мюллера, и тутъ-же продолженіе «Некуда», и тутъ-же съ безпримѣрнымъ самоотверженіемъ продолжаетъ писать г-жа Евгенія Туръ. Кстати объ этомъ сопоставленіи: редакція «Библіотеки», разумѣется, отрицается отъ попользованій г. Стебницкаго; нельзя было и ожидать, что она скажетъ: теа сира и принесетъ публичное покаяніе. Но такъ какъ всѣ ея возраженія состоятъ въ браня и ничего не доказывающихъ фразахъ, то не заслуживаютъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ «Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ» нашелся знакомый г. Стебницкаго, который даже обѣщаетъ издать исправленное и дополненное изданіе романа «Некуда». Я же считаю совершенно неудобнымъ указывать «Библіотекѣ» на личности ея памфлета; во первыхъ, это лишнее, потому что «Библіотека» не можетъ не знать этого, во вторыхъ, этому мѣшаютъ самыя подробности объ этихъ лицахъ, описываемыя въ памфлетѣ. Скажу только, что напрасно «Библіотека» стыдится упоминать, говоря о памфлетѣ, нѣкоторыя имена. Памфлетъ тѣмъ и отличается отъ сатиры, что не можетъ обидѣть лицъ, противъ которыхъ направленъ. Впрочемъ, вѣроятно «Библіотека» стыдится произнести во всеуслышаніе продѣлку, на которой ее поймали. Напрасно. Слѣдовало стыдиться прежде, а то памфлетъ-то напечатать храбрости хватаетъ, а говорить о немъ потомъ стыдно.

Чѣмъ же ознаменовалась, слѣдовательно, побѣда славянофиловъ? Тѣмъ, что литература подарила русской публикѣ «Марево» и «Некуда»; тѣмъ, что журнальныя перебранки дошли до попрековъ отрыжкой и до «пережевыванія мертвой слювы»; тѣмъ, что переводныя сочиненія окончательно берутъ верхъ надъ журналистикой, и наполняютъ ее, оставаяя мѣсто лишь для подобной полемики и разныхъ туземныхъ уродствъ. Славянофилы и вся прочая братья сами отрѣзали себѣ отступленіе на старыи, торный путь либерализма и принуждены послѣ своей побѣды, какъ и до нея, ограничиваться лаемъ на свистуновъ и нигилистовъ, даже не заикаясь о положительномъ направленіи, о которомъ мечтали. Ихъ положительное направленіе — разсужденія о необходимости не терпѣть нѣмцевъ, евреевъ и всякихъ иновѣрцевъ. Въ довершеніе посрамленія, они принуждены объявлять невозможнымъ имѣть

какое нибудь направлѣніе. Подумайте-ка, во что вы превратились? Что вы сдѣлали съ той крупницей порядочности, которая была у васъ нѣкогда? Назовите хотя одинъ изъ тѣхъ *вопросовъ*, которые поднимали, рѣшали и которыми такъ кичились четыре года тому назадъ, отъ котораго вы бы не отступились съ ужасомъ и отвращеніемъ теперь. Припомните свое негодованіе на Добролюбова за то, что онъ смѣлся надъ вами, когда вы толковали о гласности, когда вы обличали вѣточничество и когда отстаивали права евреевъ, однимъ словомъ, когда начинали свое: «въ настоящее время, когда»... Теперь даже либеральный «Голосъ», устами либеральнаго г. Лохвицкаго, возстаетъ (зри № 259) противъ опубликованія именъ уличныхъ ловеласовъ, людей, рассчитывающихся съ извозчиками кулаками, и другихъ героев. Можно-ли послѣ этого въ чѣмъ нибудь вѣрить журналистикѣ? Можно вѣрить ей, что гласность — хороша, что жидъ тоже человѣкъ, что свобода совѣсти должна уважаться и т. д., когда черезъ годъ она сама протестуетъ противъ всего этого?

И такъ, вотъ въ чѣмъ выразилась и вотъ какіе дала результаты побѣда славянофиловъ. Остается только повторить вкратцѣ тѣ истины, которыя добыты въ послѣднее время русской журналистикой:

- 1) Евреи и нѣмцы не имѣютъ права существовать.
- 2) Беллетристика и полемика должны обращать главное вниманіе на домашнюю жизнь людей, на то, что и сколько кто пьетъ и ѣстъ, какія съ нимъ бываютъ отъ этого послѣдствія, чѣмъ кто боленъ и т. д.
- 3) Журналы не могутъ имѣть направленія, — направленіе есть излишняя роскошь, которой могутъ предаваться развѣ одни пигидисты.
- 4) Искусство для искусства — вздоръ; искусство есть подпорье для сплетень; служеніе наукъ — дичь: *cedit toga armis*. Поэтому докторскій дипломъ есть награда храброму, а не учености.
- 5) Гласность вредна, уличныя похождения рыцарей Кулака и литературныя — рыцарей сплетни не должны подвергаться обличенію. Мало того, гласность смѣшна, быть абличителемъ — позорно.

А главное 6) литература должна находиться постоянно на военномъ положеніи и неустанно пугать публику слухами о какихъ-то тайныхъ интригахъ и проискахъ.

Пока только; подождемъ, найдутся результаты еще болѣе удовлетворительныя.

В. Зайцевъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ЛІСТОКЪ.

Стихотворенія Н. Некрасова. Часть III. Спб. 1864.—Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія Д. Стюарта Милля. Въ трехъ частяхъ. Часть 1. Статьи историческія. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1864.—Краткій учебникъ эвіологіи Л. Германна. Переводъ съ немѣцкаго, просмотрѣнный и дополненный Н. Стѣеновымъ. Изданіе В. Ковалевскаго. Спб. 1864 — Мѣсто чловѣка въ царствѣ животномъ. Сочиненіе Томаса Генриха Гукслей. Перевелъ съ нѣмецкаго изданія д-ра В. Каруса Н. Гольдендахъ. М. 1864.—Русская женщина въ до-монгольскій періодъ. Историческое изслѣдованіе Александра Добрякова. Спб. 1864.—Повѣсти, разсказы и очерки Н. Г. Помяловскаго, съ біографією и портретомъ автора. Т. I. Спб. 1864 г. — Смертная казнь по результатамъ научныхъ изслѣдованій, успѣховъ законодательства и опытовъ. Соч. К. Ю. Миттермайера. Переводъ Д. Саранчова. Спб. 1864 г.

На этотъ разъ я намѣренъ говорить съ читателями о стихотвореніяхъ г. Некрасова. То, что я скажу о нихъ, будетъ лишь отголоскомъ того, что думаетъ о нихъ вся образованная Россія, но за то совершенно несогласно съ отзывами литературы. Въ то время, какъ вся русская молодежь читала, читаетъ и знаетъ наизусть стихи г. Некрасова, литературная критика послѣднихъ лѣтъ большинствомъ голосовъ отказывала ему не только въ тѣхъ достоинствахъ, какія признавались за нимъ публикою, но и въ десятой долѣ тѣхъ, воторыя та же критика находила въ изобиліи у гг. Фета, Тютчева и Майкова. Нечего и говорить, что главною причиною такой критической оцѣнки было то, что г. Некрасовъ не только поэтъ, но и издатель «Современника». Конечно, подобные мотивы не дѣлаютъ чести безпристрастію эстетической и всякой другой критики. Но о безпристрастіи въ этомъ случаѣ не можетъ быть и рѣчи; достаточно, напр. вспомнить, что г. Некрасова упрекали въ томъ, что одна изъ героинь его подучаетъ своего возлюбленнаго водкой. Впрочемъ, пристра-

стіе и придирки можно бы было до известной степени оправдать, потому что не мытьемъ, такъ катаньемъ, говорить пословица: чѣмъ бы не доѣхать врага, лишь бы доѣхать. Но дѣло въ томъ, что ужъ если доѣзжать, то надо такъ, чтобы изъ этого вышелъ дѣйствительно ущербъ врагу, а не посрамленіе самой критикѣ. Въ отношеніи же г. Некрасова критика поступила такъ, что всякому человѣку, не принадлежащему къ врагамъ «Современника», пріятно вспомнить ея продѣлки, покрывшія ее стыдомъ и срамомъ. Пріятно указать всѣмъ этимъ Дудышкинамъ и проч. на ихъ бывше подвиги, и въ тоже время напомнить имъ, какъ бессильны остались ихъ натянутыя нападки передъ мнѣніемъ всей нашей читающей публики, передъ общимъ голосомъ всей молодежи. Своимъ отношеніемъ къ г. Некрасову критика наша приготовила себѣ въ будущемъ такую же незавидную славу, какъ Фаддей Булгаринъ своимъ эстетико-критическимъ взглядомъ на Гоголя. «Отечественнымъ Запискамъ» посчастливилось первымъ отличиться въ подобномъ дѣлѣ. Я не знаю, понялъ-ли когда нибудь этотъ журналъ все безобразіе своего разбора стихотвореній Некрасова и все бессиліе своей злобы, накинувшейся на поэтическую дѣятельность издателя «Современника». Я бы желалъ знать, думаютъ-ли «Отечественныя Записки», что критика ихъ могла убѣдить хотя единого человѣка въ цѣлой Россіи, и можно-ли имъ вспоминать, не краснѣя, о своемъ походѣ противъ литературной репутаціи г. Некрасова. Несомнѣнно только то, что въ настоящее время, когда «возродились надежды на пассивное отношеніе публики къ литературнымъ продѣлкамъ, и, слѣдовательно, на возможность выдать ей грязь за золото и наоборотъ, примѣръ «Отечественныхъ Записокъ» нашелъ подражателей. Въ № 43 «Дня» за нынѣшній годъ какой-то г. Н. Б. беретъ за благодарный трудъ убѣдить публику въ томъ, что ей слѣдуетъ бросить и забыть стихи г. Некрасова и приняться за Константина Аксакова. Къ этой достопримѣчательной статьѣ я обращусь ниже; конечно, отъ нея не предстоитъ никакой серьезной опасности, и совершенно несбыточно, чтобы русская публика промѣняла когда-нибудь Некрасова на Хомякова, на всю семью Аксаковыхъ, на Языкова и на прочихъ славянофильскихъ бардовъ, пѣвшихъ о Прагѣ и о пѣвнижѣ. Но я обращусь къ этой статьѣ, потому что въ ней, конечно, съ враждебными цѣлями указаны многія важныя стороны произведеній г. Некрасова.

Но прежде чѣмъ обратиться къ разбору стихотвореній г. Некра-

сова, (при чемъ я имѣю въ виду только III часть ихъ) мнѣ необходимо предупредить всякую возможность замѣчаній, крайне пошлыхъ и нелѣпыхъ, но возможныхъ со стороны людей, повторяющихъ по сту разъ въ годъ и всякій разъ съ одинаковымъ удовольствіемъ, какъ нѣчто необычайно остроумное, что для нигилистовъ важнѣе всего брюхо. Такіе господа, прочитавъ мой отзывъ о г. Некрасовѣ, могутъ объявить мнѣ, что я сужу непослѣдовательно, что для человѣка, не симпатизирующаго чистой поэзіи, въ литературѣ можетъ быть важна только «опытная стряпуха» или «наставленіе къ бильярдной игрѣ». Имъ можетъ показаться съ моей стороны несообразнымъ, если я выражу симпатію къ поэзіи г. Некрасова и не раздѣлю ихъ восторговъ къ Лермонтову. Эстетическіе критики вѣроятно не усумнятся отдать предпочтеніе Лермонтову передъ г. Некрасовымъ. И дѣйствительно, можно согласиться, что если о достоинствѣ поэтическаго произведенія должно судить лишь по степени красоты стиха, смѣлости и картинности метафоръ и возвышенности сюжетовъ, то они правы, тѣмъ болѣе, что Лермонтовъ «Современника» не вздавалъ. Поклонники чистой поэзіи, не требуя ничего болѣе этого отъ поэтическаго произведенія, приходятъ въ восторгъ отъ «ночнаго зефира», гдѣ достоинства эти доведены до великой степени, но больше ничего нѣтъ; и они съ своей точки зрѣнія правы. Но они не могутъ обвинять въ непослѣдовательности человѣка, который, не ставя ни въ грошъ лучшія, чисто поэтическія произведенія, будетъ хвалить поэта, у котораго находятъ тѣ свойства, которыя онъ цѣнитъ въ писателѣ вообще. Нелѣпо восхищаться звучными рифмами и возвышенными сюжетами; но еще нелѣпѣе отрицать достоинства литературнаго произведенія за то только, что оно написано стихами, а не прозой, выражаетъ мысли въ формѣ воззваній и картинъ, а не строгихъ силлогизмовъ и вычисленій. Поэтому безтолково удивляться похвалѣ, возданной поэту-мыслителю человѣкомъ, отрицающимъ чистую поэзію.

Съ этой точки зрѣнія я и гляжу на произведенія г. Некрасова. Я приступаю къ его сочиненіямъ съ тѣми же требованіями, съ какими приступаю къ произведеніямъ критика, историка, публициста, беллетриста. Отъ всѣхъ ихъ равно каждый читатель требуетъ прежде всего честной, свѣжей мысли, вѣрнаго взгляда на предметъ, выбранный писателемъ, и яснаго изложенія своего мнѣнія. Предметъ, о которомъ говоритъ авторъ,—вещь сама по себѣ второстепенная

для каждого читателя въ отдѣльности онъ важенъ потому, что можетъ интересовать его или нѣтъ; но самъ по себѣ онъ только тогда лишаетъ сочиненіе всякаго достоинства и дѣлаетъ его никуда негоднымъ, если совершенно лишенъ всякаго интереса для кого бы то ни было. Таковы предметы большей части лирическихъ пѣснопѣній, какъ напр. «Ночной зефиръ струитъ эфиръ». Про такое произведеніе каждый можетъ сказать, что оно абсолютно плохо и негодно, тогда какъ про «Сороколѣтніе опыты» Авдѣевой этого нельзя сказать, какъ бы мало кто ни интересовался свѣдѣніями объ изготовленіи блинчатого пирога съ яйцомъ. Такую книгу только тогда можно признать негодною, если специалисты скажутъ, что всѣ пироги съ яйцомъ, изготовленные по методѣ г-жи Авдѣевой, вышли неудобосѣдобными. Наконецъ послѣднее въ произведеніи — форма, потому что человѣкъ, произносящій свое сужденіе о произведеніи только на основаніи формы его, уподобляется Петрушкѣ Чичикова, или по крайней мѣрѣ представляетъ непосредственный переходъ отъ такого читателя къ болѣе развитымъ. Изъ этого ясно, что вполне прекраснымъ можно назвать такое произведеніе, въ которомъ глубокий, честный и умный взглядъ на предметъ, имѣющій важность для наиболѣе обширнаго числа людей, высказанъ въ удобной и красивой формѣ.

Г. Некрасовъ имѣетъ полное право на названіе мыслителя. Мало того — это мыслитель глубокой и честный. Въ основѣ его лежитъ высокая гуманность и любовь къ своей родинѣ, не подъ отвлеченнымъ представленіемъ отечества, породившимъ патріотическія стихотворенія Жуковскаго, Розенгейма и Майкова, а подъ живымъ, дѣйствительнымъ образомъ народа. Я бы назвалъ г. Некрасова народнымъ поэтомъ, еслибъ прозваніе это не было замарано эстетиками, прилагавшими его ко всякой нечистотѣ. Разумѣется, я не хочу сказать, чтобы стихотворенія г. Некрасова сдѣлались народными пѣснями въ родѣ «не бѣлы то снѣги»... и не буду приписывать никакой важности тому, что одно изъ самыхъ плохихъ произведеній его распѣвается извозчиками и лакеями. Я не хочу также повторять эстетическихъ цѣлѣностей, говоря, будто бы поэзія г. Некрасова вытекла изъ народа. Народнымъ поэтомъ я назвалъ бы г. Некрасова потому, что герой его пѣсней одинъ — русскій крестьянинъ. Но онъ говоритъ о немъ, конечно, какъ человѣкъ развитой, какъ говорилъ Добролюбовъ; онъ не «поетъ» его, а думаетъ о немъ, о его бѣдахъ

и горѣ, не ограничивается объективнымъ изображеніемъ страданія, но мыслить о немъ, и мысли свои, глубокія и свѣтлыя, передаетъ въ прекрасныхъ, свободныхъ стихахъ, въ которые безъ натяжекъ укладывается народная рѣчь, и которые чужды поэтическихъ метафоръ и аллегорій. Очень мало у г. Некрасова стихотвореній, гдѣ героемъ является не народъ; но въ такомъ случаѣ это навѣрно не Наполсонъ на скалѣ, не Прометей съ коршуномъ, не Фаустъ съ Мефистофелемъ, не Демонъ съ Тамарой; этими великолѣпными сюжетами, дающими такой просторъ поэтическимъ вольностямъ, смѣлымъ порывомъ поэтической несладницы, широкимъ размахомъ художественной кисти, нашъ поэтъ пренебрегаетъ. Герои его, кромѣ народа, тѣ труженики и страдальцы, которые работали мыслию или дѣломъ и, хотя не непосредственно, но принесли свою лепту. По предмету своему, по своему герою стихотворенія г. Некрасова не имѣютъ равныхъ во всей русской литературѣ.

Теперь посмотримъ, что же думаетъ г. Некрасовъ о своемъ героѣ, какъ смотритъ онъ на него и какъ понимаетъ его. Если мы увидимъ, что онъ высказалъ мысли вѣрныя и глубокія, то конечно мы будемъ имѣть право высоко поставить этого писателя, и слѣдовательно признать, что русская публика и особенно молодежь не ошиблась въ выборѣ любимаго поэта.

Естественно, что критикъ «Дня» разсматриваетъ г. Некрасова именно съ точки зрѣнія его отношенія къ народу. Точка зрѣнія, разумѣется, единственно возможная, когда рѣчь идетъ о стихахъ Некрасова. Но «День» конечно не допускаетъ мысли, чтобы издатель «Современника», литераторъ, дѣятельность котораго сосредоточена въ Петербургѣ, могъ имѣть вѣрный взглядъ на народъ, потому что для этого, какъ извѣстно, необходимо родиться, вырасти и состарѣться въ Москвѣ, начать литературное поприще въ «Москвитиниѣ», продолжать его въ «Днѣ», и чуть ли даже не принадлежать къ семьѣ Аксаковыхъ, по крайней мѣрѣ хоть такъ, чтобы дѣдушка автора съ бабушкой Аксакова — его отъ купели восприняли. Соображенія эти — самыя честныя, какія могутъ быть приписаны г. Н. Б., потому что всякія другія будутъ для него крайне не лестны? Н. Б. порицаетъ г. Некрасова за то, что въ отношеніи его къ жизни народа виденъ только *протестъ*. Г. Н. Б. находитъ, что если самый характеръ того періода, когда началась дѣятельность г. Некрасова, не благопріятствовать другому

отношенію, то во всякомъ случаѣ поэтъ долженъ былъ дать, въ замѣнъ отвергаемаго, свой идеалъ. И наконецъ, говорить критикъ, рабство на вѣки отмѣнено. «Развѣ однакожь, говорить онъ, не продолжаютъ *нѣкоторые* изъ нихъ (нигилистовъ), еще и въ наши дни скорбныхъ сѣтованій на прежній ладъ? Больше того, давая теперь угадывать какъ бы скрытую досаду свою, что, сломивъ крѣпостное ярмо въ Россіи, отняли у нихъ самое право на ихъ вѣчное негодованіе, навсегда лишивъ ихъ источника самыхъ яростныхъ вдохновеній—не дадутъ ли еще они ясно угадывать и того, что самое обращеніе къ «нишей братіи», вѣчныя взыванія къ ея бѣдствіямъ и страданіямъ подчасъ могли исходить никакъ не отъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца, а изъ болѣе мутныхъ источниковъ души человѣческой!»

Читатель изъ этого можетъ видѣть, что я только изъ любезности предположилъ въ критикѣ нѣкоторое тупоуміе.

На весь этотъ неблагоприятный вздоръ можно бы было отвѣтить, что протестъ вовсе еще не обусловливаетъ необходимость идеала, что при томъ всякое отрицаніе есть, вмѣстѣ съ тѣмъ положительное желаніе, чтобы прекратилось то положеніе, противъ котораго я протестую. Все это повторялось милліонъ разъ, но только нейдетъ въ прокъ. Поэтому я очень радъ, что г. Некрасовъ представилъ въ своихъ стихотвореніяхъ рядомъ съ протестомъ такіе вѣрные идеалы, что мнѣ нѣтъ необходимости прибѣгать къ повторенію этихъ истинъ, отскакивающихъ отъ лбовъ писателей извѣстнаго сорта, какъ горохъ отъ стѣны. Правда, идеалъ г. Некрасова не имѣетъ ничего общаго съ идеалами другихъ поэтовъ: онъ не фантастическій какой нибудь, а возможный, необходимый, несомнѣнный. Идеалъ этотъ построенъ на идеяхъ любви и благосостоянія и выраженъ въ самой осуществимой формѣ. На эту-то положительную сторону произведеній г. Некрасова я и намѣренъ особенно обратить вниманіе, и даже очень благодаренъ г. Н. Б., убѣдившему меня своей статьей, что могутъ быть люди, непонявшіе и незамѣтившіе этой стороны, такъ что указать на нее будетъ не лишнее.

Читатели, безъ сомнѣнія, помнятъ ту страшную картину въ поэмѣ «Морозъ красный носъ», гдѣ несчастная вдова крестьянина медленно замерзаетъ, безчувственная къ холоду, погрузившись въ свои тяжкія думы. Печальны ея мысли и вспоминаются ей грустныя

сцены. Только когда смерть уже охватила ее, когда воевода-морозъ уже коснулся ея, когда уже

...Дарьюшка очи закрыла,
Топоръ уронила къ ногамъ,

ей видится чудная, розовая картина свѣтлаго, истиннаго счастья (что необыкновенно вѣрно въ отношеніи описанія смерти отъ замерзанія):

И снятся ей жаркое лѣто—
Не вся еще рожь свежена,
Но сжата—полегче имъ стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
Съ сосѣднихъ полосъ у рѣки.
Свекровь ея тутъ же, старушка,
Трудилась; на полномъ мѣшкѣ
Красивая Маша, рѣзвуха,
Сидѣла съ морковью въ рукѣ.
Телега, скрыпя, подъѣзжаетъ—
Савраска глядитъ на своихъ
И Проклушка крупно шагаетъ
За возомъ сноповъ золотыхъ.
— Богъ помочи! А гдѣ же Гришуха?
Отецъ мимоходомъ сказалъ.
«Въ горохахъ», сказала старуха
— Гришуха! отецъ закричалъ,
На небо взглянулъ.—Чай, не рано?
Испить бы... Хозяйка встаетъ
И Проклу изъ бѣлаго жбана
Напиться кваску подаетъ.
Гришуха межъ тѣмъ отозвался;
Горохомъ опутанъ кругомъ,
Проворный мальчуга казался
Бѣгущимъ зеленымъ кустомъ.
— Бѣжить!.. у!.. бѣжить пострѣленокъ;
Горитъ подъ ногами трава!—
Гришуха черенъ, какъ галченкокъ,
Была лишь одна голова,
Крича, подбѣгаетъ въ присядку
(На шеѣ горохъ хомутомъ);
Попотчивалъ бабушку, матку,
Сестренку—вертится въюномъ!

Отъ матери молодцу ласка,
 Отець мальчугана щипнулъ;
 Межъ тѣмъ не дремалъ и савраска;
 Онъ шею тянулъ, да тянулъ,
 Добрался, —оскаливши зубы,
 Горохъ аппетитно жуеть,
 И въ мягкія, добрыя губы
 Гришукино ухо беретъ...
 Машутка отцу закричала:
 Возьми меня, тятка, съ собой!
 Спрыгнула съ мѣшка—и упала,
 Отець ее поднялъ: «не вой!
 Убилась—не важное дѣло!.,
 Дѣвчонокъ не надобно мнѣ,
 Еще вотъ такого пострѣла
 Рожай мнѣ хозяйка къ веснѣ!
 Смотри же!.. «Жена застыдилась,
 — Довольно съ тебя одного!
 (А знала, подъ сердцемъ ужъ билось
 Дитя)... «Ну, Машукъ, ничего!»
 И Проклушка, ставъ на телѣгу,
 Машуку съ собой посадилъ.
 Вскочилъ и Гришука съ разбѣгу,
 И съ грохотомъ возъ покатылъ.
 Воробушковъ стая слетѣла
 Съ сноповъ, надъ телѣгой взвилась.
 И Дарьюшка долго смотрѣла
 Отъ солнца рукой заслонясь,
 Какъ дѣти съ отцомъ приближались
 Къ дымящейся ригѣ своей,
 И ей изъ сноповъ улыбались
 Румяныя лица дѣтей...

Эта картина есть самый полный идеаль счастья, какой только могла создать фантазія крестьянки; по конечно, немного прибавить къ нему самый развитой человекъ, самый великій геній въ мечтахъ о совершенномъ благополучіи людей. Основные элементы этого благополучія — здѣсь всё: любовь, довольство и привлекательный трудъ среди чистой, прекрасной природы. Это та вершина благополучія, на которой человекъ остается еще только искать наслажденія въ наукѣ и въ искусствѣ; это то счастливое состояніе, гдѣ можно съ полнымъ правомъ проповѣдывать науку для науки и искусство для искусства. Наконецъ, это тотъ результатъ, къ которому стремится

весь прогрессъ и въ которомъ наслажденіе свободною любовью, свободнымъ трудомъ и здоровою бѣдностью изглядяло даже мучительное воспоминаніе о прошломъ рабствѣ и нищетѣ. Кто не пойметъ этого, кто пройдетъ мимо этой картины равнодушно или съ бональными похвалами, тотъ пошлый филистеръ, не видящій ничего дальше своего носа и носовъ своего кружка. Отъ такого господина можно даже ожидать, что онъ останется недоволенъ тѣмъ, что эта картина представлена—бредомъ умпрающей, а не дѣйствительностью. Но поймите-же вы наконецъ, безнадежные филистеры, что въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, что если-бы въ минуту смерти крестьянкѣ грезилось ея дѣйствительное прошлое, то она бы увидѣла побой мужа, не радостный трудъ, не чистую бѣдность, а смрадную нищету. Только въ розовомъ чаду опіума или смерти отъ замерзанія могли предстать передъ нею эти чудныя, но никогда не бывалыя картины. Вамъ дѣлается жутко отъ этой сцены смерти. Дѣйствительно, есть отъ чего придти въ ужась, и если потрясающее изображеніе бѣдствія есть само по себѣ протестъ, то конечно протестъ этотъ также силенъ, какъ велико горе, представленное поэтомъ. Но кто не причастенъ филистерству и пошлости кружковъ, тотъ, прочитавъ предсмертный бредъ Дарьи, пойметъ, что на сколько силенъ протестъ, на столько же высокъ и идеалъ, помѣщенный рядомъ съ протестомъ, или лучше, въ немъ же самомъ.

Г. Некрасовъ часто останавливается на судьбѣ русской женщины вообще, особенно же на долѣ крестьянки и, правда, нигдѣ не показалъ онъ намъ въ розовомъ свѣтѣ ея настоящее. Возьмемъ хотя бы III часть его стихотвореній, гдѣ въ «Дешовой покупкѣ» онъ представилъ женщину изъ крѣпостнаго быта:

...Созданье бездомное.
Порабощенное грубымъ невѣждою!

въ «Рыцарѣ на Часъ» женщину жену и мать, о которой онъ говоритъ :

Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для другихъ,
Съ головой бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозю сердитую
Простояла ты,—грудью своей

Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!

Еще печальнѣе доля крестьянки:

Доля-ты!—русская долушка женская!
Врядъ ли труднѣе сыскать.
Немудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящаго русскаго племени
Многострадающая мать!

И поэтъ показываетъ намъ и жену («Жница») и мать («Орина, мать солдатская»), показываетъ во всей безъисходности ея горя, во всемъ ужасѣ ея судьбы. Я бы спросилъ читателя, возможно ли это представленіе, клевета ли на русскую жизнь эти слова, правда ли, что доля женщины была такъ печальна, какъ изображаетъ ее г. Некрасовъ? Но спрашивать было бы излишне, потому что лучшимъ отвѣтомъ на такіе вопросы служить то, что все, что есть лучшаго въ Россіи, чтитъ Некрасова и вѣрить ему.

Однако г. Н. Б. полагаетъ, что сочувственное изображеніе страданій и горя народа происходитъ у нѣкоторыхъ «изъ мутныхъ источниковъ души, а не изъ чистаго движенія любвеобильнаго сердца», и затѣмъ невинно оговаривается, что подъ *нѣкоторыми* опъ не подразумѣваетъ г. Некрасова. Какъ-бы то ни было, но г. Н. Б. не признаетъ вѣрности въ изображеніи г. Некрасовымъ крестьянской доли, по крайней мѣрѣ теперь. Напримѣръ, ему очень не нравится, что г. Некрасовъ не изобразилъ въ «Жницѣ» какогонибудь «веселаго пейзажика» въ родѣ сбора винограда, что крестьянка, въ стихотвореніи г. Некрасова, роняетъ слезы, трудясь черезъ силу въ полѣ, гдѣ спитъ ея ребенокъ, вмѣсто того, чтобы отличаться «видомъ бодрой живости и довольства». Г. Н. Б. не нравится также, что въ поэмѣ «Морозъ красный носъ» крестьянинна постигаетъ горе, что въ ней — смерть, сиротство, бѣда, а не счастье, веселіе и радость. Оставшись недовольнымъ печальною развязкою поэмы, критикъ заключаетъ, что г. Некрасовъ отчаянный и положительнѣйшій отрицатель, нигилистъ; заключаетъ, что «горе его и окруженіе по русской родной землѣ» есть «конечный плодъ нашего мнимаго, оторваннаго отъ народной почвы образованія, съ его вѣчнымъ стремленіемъ къ какому-то отвлеченно-гуманитарному и космополитическому прогрессу.» Съ апломбомъ, свойственнымъ людямъ, отме-

жевавшимъ себѣ въ вѣдѣніе всю суть русской жизни, г. Н. Б. рѣшаетъ, что «толпа не приметъ обѣтованій г. Некрасова.»

Всякій, конечно, оцѣнитъ по справедливости сужденія г. Н. Б. о стихотвореніяхъ г. Некрасова. Не трудно сообразить, что уничтоженіе крѣпостнаго права не могло мгновенно искоренить все горе, лежавшее на крестьянщинѣ, и что поэтъ, изображающій «крестьянскую долю», вѣроятно еще не вдругъ достигнетъ того, чтобы картины его выходили розовыми и привлекательными, въ то же время оставаясь вѣрными. Довольно также легко оцѣнить по достоинству тотъ мнимый патріотизмъ г. Н. Б., который не выноситъ неподкрашеннаго изображенія народной доли и требуетъ, во что бы то ни стало, «веселыхъ пейзажей». Этотъ балаганный конекъ былъ такъ извѣстенъ московскими публицистами, что всякій разсудительный человѣкъ очень хорошо знаетъ, что они могутъ сказать по поводу стихотвореній г. Некрасова. Поэтому я давно-бы пересталъ говорить о критикѣ «Дня», если-бы не видѣлъ въ немъ замѣчательно полнаго типа понятій и сужденій того кружка, къ которому онъ принадлежитъ. Пригомъ субъектъ этотъ доводитъ мнѣнія своего кружка до такихъ размѣровъ, что на немъ удобнѣе показать ихъ безобразіе.

Кто бы могъ напр. подуматъ, что, прочитавъ «Рыцаря на Часъ» г. Некрасова, критикъ вывелъ изъ этого отрывка такое заключеніе, что поэтъ «стыдится своихъ лучшихъ порывовъ и спѣшитъ заглушить ихъ безошаднѣйшей прозой.» Всякій, кто читалъ этотъ отрывокъ, знаетъ, что, во первыхъ, герой поэмы не самъ авторъ, а какой-то Валежниковъ. Слѣдовательно, по какому праву критикъ приписываетъ порывы автору? Во вторыхъ, вопли также ясно, хотя мы имѣемъ только небольшой отрывокъ поэмы, что авторъ имѣлъ въ виду изобразить въ Валежниковѣ человѣка съ благороднѣйшею и возвышенною душою, жаждущаго полезной и честной дѣятельности, одареннаго полнымъ пониманіемъ хорошаго и истиннаго, но не имѣющаго достаточно силъ, чтобы бороться побѣдоносно съ мерзостью его окружающею и ея вліяніемъ на него самаго. Нельзя не замѣтить, что при исполненіи этой задачи автору пришлось побѣдить много затрудненій, потому что тема эта истерга до нельзя разными шитами, изображавшими задумчивыхъ героевъ, исполненныхъ благородства, но изнывающихъ въ борьбѣ съ средою. Такіе герои ополнены до крайности, какъ отъ слишкомъ частаго появленія на сце-

нѣ, такъ и отъ неудачнаго изображенія. Притомъ тема эта весьма неблагоприятна, потому что талантливыя природы, заѣденныя средою, понаты и ни въ комъ уже не возбуждаютъ симпатій. Вотъ почему, быть можетъ, мы до сихъ поръ имѣемъ только небольшой отрывокъ этой поэмы. Но въ отрывкѣ этомъ г. Некрасовъ такъ искусственно побѣдилъ всѣ трудности встрѣченныя имъ на пути, что заставляетъ желать продолженія поэмы. Страданія его героя, столь несимпатичныя сами по себѣ, облечены такимъ чистымъ и свѣтлымъ чувствомъ любви къ матери, что невольно возбуждаютъ симпатію. Выраженіе этого чувства есть великолѣпнѣйшій гимнъ, въ которомъ воскресаетъ падшій человѣкъ и снова готовъ на великое дѣло.

Отъ лжующихъ, праздно болтающихъ,
 Обагрющихъ руки въ крови:
 Уведи меня въ станъ погибающихъ
 За великое дѣло любви!

Нѣтъ, этотъ гимнъ сложенъ не для прославленія страданій благороднаго, но бессильнаго человѣка; это скорѣе апофеоза русской женщины, печальная доля которой служитъ главнымъ предметомъ поэзіи г. Некрасова. Страдальческій образъ матери стоитъ здѣсь на первомъ планѣ, и теплое чувство къ ней можетъ заставить читателя полюбить ея слабаго сына, когда онъ говоритъ:

О прости! то не пѣснь утѣшенія,
 Я заставаю страдать тебя вновь,
 Но я гибну—и ради спасенія
 Я твою призываю любовь!
 Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
 Чтобы кроткія очи твои
 Смыли жаркой слезою страданія
 Всѣ позорныя пятна мои!
 Чтобы ту силу свободную, гордую,
 Что въ мою заложила ты грудь,
 Укрѣпила ты волею твердою
 И на правый наставила путь...

Исторія Валежникова и причины его страданія намъ неизвѣстны; но во всякомъ случаѣ, это страданіе выражено съ такою силою, въ выраженіяхъ его столько чувства, ума и благородства, что мы не рѣшимся презирать его или смѣяться надъ нимъ, какъ презираемъ

талантливыя натуры, которыя загубила среда, и какъ смѣемся надъ разочарованными идиотами въ родѣ Печорина; мы не рѣшимся презирать и осмѣивать его тогда, когда, проснувшись утромъ, онъ ясно сознаетъ свое безсиліе и неспособность на то, о чемъ думалъ ночью. Надобно замѣтить, что г. Некрасовъ понялъ это очень вѣрно. Дѣйствительно, люди нервнаго темперамента чувствуютъ себя гораздо свѣжѣе и бодрѣе вечеромъ, тогда какъ сангвиники на оборотъ, утромъ. Валезниковъ — очевидно человекъ нервный, потому что самъ говоритъ:

И пугать меня будетъ могила
Гдѣ лежитъ моя бѣдная мать...

Такимъ образомъ при пробужденіи его самымъ понятнымъ и естественнымъ образомъ охватываетъ тяжелое сознаніе своего безсилія, и не только другимъ, но и самому ему ясно, что онъ лишній, бесполезный человекъ. Но кто подслушалъ его ночную исповѣдь, у того едва-ли хватить духу бросить въ него укоризною или насмѣшкою. Откуда же усмотрѣлъ г. Н. Б., что онъ устыдился своихъ благородныхъ порывовъ и спѣшить заглушить ихъ прозою? Что Валезниковъ страдаетъ, видя свою неспособность осуществить эти порывы, — это ясно; но почему заключилъ г. Н. Б., что онъ стыдится ихъ и намѣренно заглушаетъ — это вопросъ, разрѣшеніе котораго находится, вѣроятно, въ связи съ мутными источниками, упоминаемыми имъ.

Въ заключеніе московская критика объявляетъ, что никто не подозреваетъ въ г. Некрасовѣ — москвича; понятно, что это самый тяжелый приговоръ, который онъ могъ произнести, и понятно также, что послѣ этого кружокъ «Дня» не можетъ находить въ произведеніяхъ г. Некрасова что бы то ни было хорошее. Однако нашель. Повравились ему очень одни забытые стихи г. Некрасова, которымъ мѣсто развѣ въ III части его стихотвореній, въ отдѣлѣ юмористическихъ. Стишки эти въ родѣ того, что

Краше твой вѣнецъ лавровый *)
Побѣдоноснаго вѣнца

*) Хотя въ сущности не краше а саятле и не лавровый а терновый, но я оставилъ по московски: вѣрно такъ патріотичнѣе.

и слѣдовательно весьма напоминають стихи Добролюбова:

Пусть лавръ побѣдный украшаетъ
Героевъ славное чело и т. д.

Ни такія похвалы, ни такія порицанія не коснутся произведеній г. Некрасова. Стихи его у всѣхъ въ рукахъ, и будятъ умъ, и увлекаютъ, какъ своими протестами, такъ и идеалами. За него не страшно и въ томъ отношеніи, что сила его таланта упадетъ и что будущія произведенія его останутся ниже прежнихъ, что часто бываетъ съ поэтами, поющими Наполеоновъ и Александровъ Македонскихъ... У кого стихи текутъ изъ мысли, а мысль сильна и свѣжа, тому не грозитъ эта участь.

Милль, какъ видно, пришелся по вкусу нашей публикѣ, потому что она знакомится не только съ важнѣйшими сочиненіями его, какъ «Система логики» и «Основанія политической экономіи», но и съ второстепенными, какъ вышедшія недавно журнальныя рецензіи его подъ заглавіемъ «Разсужденія и изслѣдованія политическія, философскія и историческія, состоящія изъ двухъ рецензій на исторію Греціи Грота и рецензіи на очерки и лекціи Гизо и «Исторію Франціи» Мишле.

Нельзя сказать, чтобы статьи эти отличались какими нибудь блистательными достоинствами, которыя бы объяснили перепечатку ихъ изъ журналовъ особымъ изданіемъ, а тѣмъ болѣе переводъ ихъ на русскій языкъ. Такое сужденіе я, разумѣется, могу распространить только на историческую часть «Разсужденій». Четыре историческія статьи Милля, по правдѣ сказать, лишены всякой занимательности; въ свое время, т. е. когда оныя были помѣщены въ журналахъ во время перваго появленія знаменитыхъ сочиненій, разсматриваемыхъ въ нихъ, онѣ могли имѣть интересъ, какъ довольно подробный отзывъ о такихъ важныхъ литературныхъ новостяхъ, какими были книги Грота, Мишле и Гизо. Но теперь, по прошествіи двадцати лѣтъ со времени перваго появленія ихъ, онѣ не могутъ быть интересны даже для публики, знакомой съ сочиненіями, составляющими ихъ предметъ; теперь публика эта очень хорошо знаетъ всѣ достоинства исторій Грота и Мишле и не нуждается для нихъ ни въ

чьей рекомендаціи. Наша же публика совершенно незнакома съ Гротомъ и очень мало знаетъ Мишле. Поэтому, едва-ли будетъ любопытно и полезно ей узнать, что сочиненія этихъ историковъ очень важны и глубокомысленны. Во всякомъ случаѣ, для нашей публики узнать это будетъ нисколько не полезнѣе и не любопытнѣе, какъ услышать отъ Милля похвалы политической дѣятельности Гизо (см. стр. 75). Конечно, незнакомство нашей публики съ предметами изслѣдованій Милля имѣло бы менѣе значенія, если-бы статьи его сколько нибудь оправдывали названіе «Разсужденій и *Изслѣдованій*». Но дѣло въ томъ, что изслѣдоващій въ историческихъ, по крайней мѣрѣ, статьяхъ нѣтъ никакихъ. Статьи эти ничѣмъ не отличаются отъ обыденныхъ журнальныхъ рецензій, которыя, какъ извѣстно, имѣютъ интересъ временный и частный, и совершенно недостаточны для ознакомленія публики съ разбираемыми въ нихъ произведеніями. Онѣ могутъ только указывать на общій характеръ сочиненія, на мысль проводимую въ немъ, на его достоинства и недостатки; но указывать лишь въ общихъ чертахъ, не съ цѣлью познакомить читателя съ разбираемымъ сочиненіемъ, а съ цѣлью возбудить въ читателѣ желаніе или нежеланіе познакомиться съ нимъ. Но журнальныя рецензіи могутъ получить важный самостоятельный интересъ, если, отодвигая на второй планъ библиографическія цѣли, проводить какія нибудь идеи, хотя мало касающіяся разбираемаго сочиненія, но за то имѣющія самостоятельное значеніе. Мы имѣемъ примѣръ такихъ рецензій въ статьяхъ Бѣлинскаго и Добролюбова, которыя хотя и не украшены названіемъ изслѣдоващій, но гораздо важнѣе и любопытнѣе статей Милля. Точно также есть, напр. журнальныя рецензіи Берне, которыя мало уклоняются въ сторону отъ разбираемой книги, но блестящее остроуміе и необыкновенный талантъ автора доставляютъ читателю наслажденіе, не смотря на то, что предметъ, о которомъ идетъ рѣчь, совершенно лишенъ интереса.

Такими достоинствами статьи Милля не могутъ похвалиться. Поэтому приходится ограничить сужденіе объ нихъ ихъ достоинствами, какъ простыхъ журнальныхъ рецензій. Въ этомъ отношеніи онѣ, какъ говорится, ни рыба, ни мясо. Никакихъ нелѣпостей и безобразій въ нихъ нѣтъ; видно, напротивъ, что авторъ—человѣкъ умный и ученый, словомъ, самъ Д. С. Милль; но я не думаю, чтобы сужденіе, даже самое основательное, о незнакомыхъ намъ книгахъ могло имѣть для насъ значеніе при отсутствіи такихъ сторонъ, ко-

торыя находимъ въ рецензіяхъ, разумѣется несравненно менѣе ученыхъ и дѣльных, Добролюбова. Разумѣется, сочиненіе, напр. Милля, такъ интересно, что дѣльный отзывъ о немъ, какъ-бы сухъ ни былъ, все таки будетъ имѣть нѣкоторую долю занимательности. Но для этого все таки необходимо имѣть понятіе о самомъ сочиненіи Мишле.

Но и въ этихъ рецензіяхъ встрѣчаются у Милля мысли и замѣчанія, которыя имѣютъ то важное достоинство, что пробуждаютъ въ читателѣ самостоятельную работу мысли. Такъ, говоря о Гротѣ, Милль замѣчаетъ, что нелѣпо унижать то, что сдѣлано для цивилизаціи греками; онъ говоритъ, что гораздо лучше и плодотворнѣе будетъ спросить себя, на сколько превзошло грековъ современное человечество, на сколько ушло оно далѣе идеаловъ, созданныхъ высшими умами Греціи и на сколько повысился нравственный уровень современнаго общества еравнительно съ греческимъ. На вопросъ этотъ Милль отвѣчаетъ не въ пользу настоящей цивилизаціи.

—Въ новомъ обществѣ, говоритъ онъ, правда, болѣе гуманности, нравы мягче, впрочемъ только съ недавняго времени, чувство нравственнаго долга шире и его сознаніе менѣе зависитъ отъ какихъ нибудь особенныхъ частныхъ обязательствъ. Но мы сильно сомнѣваемся, чтобы большая часть положительныхъ добродѣтелей не была понимаема и цѣнима выше общественнымъ мнѣніемъ грековъ, нежели общественнымъ мнѣніемъ англичанъ, гдѣ отрицательнымъ, пассивнымъ качествамъ отдается слишкомъ много уваженія, которое по справедливости должно принадлежать положительной добродѣтели. Еще вопросъ нерѣшенный: лучше-ли понимаются нами даже частныя обязанности, между тѣмъ какъ обязанности общественныя, за исключеніемъ случаевъ особенной довѣренности или спеціальныхъ порученій, почти совсѣмъ вычеркнуты изъ списка: идея общественной добродѣтели, такъ могущественная въ свободныхъ республикахъ Греціи, обратилась у насъ въ риторическое украшеніе. „(стр. 47).“ Въ величайшей греческой республикѣ, говоритъ онъ далѣе, какъ она представлена своимъ знаменитѣйшимъ гражданиномъ, общественный интересъ имѣлъ высокое и обязательное значеніе во всемъ, что непосредственно относилось къ нему. Но въ тѣ стороны жизни частной, которыя лично касались самихъ гражданъ, общественное мнѣніе не вмѣшивалось. Между тѣмъ въ нравственныхъ отношеніяхъ современнаго общества бываетъ совсѣмъ на оборотъ, и отъ гражданина нашего времени не требуется другаго уваженія къ обществу, кромѣ того, чтобы онъ исполнялъ свои частныя обязательства сообразно съ общественными ожиданіями.» (стр. 54).

Все это весьма справедливо и дѣльно. Гражданскіе подвиги, самоотверженная любовь къ согражданамъ, патриотическій энтузіазмъ—все это не составляетъ такихъ характеристическихъ особенностей нашего общества, какъ древне-греческаго. Даже болѣе: слово *гражданинъ* потеряло всякое значеніе. По греческому же складу ума и по греческимъ воззрѣніямъ это было совершенно немислимо. Наше общество ограничиваетъ свои требованія отъ своихъ членовъ въ гражданскомъ отношеніи тѣмъ, чтобы они, какъ говорится, сальныхъ свѣчей не ѣли и стекломъ не утирались; подвигъ гражданской доблести не только явленіе рѣдкое, но, что еще замѣчательнѣе, возбуждаетъ въ обществѣ даже нѣкоторую антипатію, или, по крайней мѣрѣ, далеко не симпатичное изумленіе. Какъ скоро патриотизмъ отъ глупыхъ изліяній въ стихахъ и прозѣ переходитъ къ дѣлу, то въ обществѣ его встрѣчаетъ весьма не сочувственное изумленіе, вѣсть стѣ прежняго симпатичнаго и восторженнаго удивленія; мы поступаемъ непослѣдовательно, повторяя за греческими писателями похвалы ихъ гражданамъ, отличившимся патриотическими подвигами. По нашему, слѣдуетъ строго порицать такихъ людей, какъ Гармодій или Эпаминондъ; какой пибудь Павзаній, напротивъ, долженъ вазаться намъ геніальнымъ государственнымъ человекомъ. Я полагаю, что съ нашей точки зрѣнія такой человекъ достоинъ по крайней мѣрѣ тѣхъ похвалъ, которыя наши историки расточаютъ Густаву III. Если всѣ эти лица пользуются похвалами нашихъ историковъ, то это доказываетъ только, что писатели наши повторяютъ какъ попугай общія мѣста, не обращая вниманія на то, что хвалятъ въ Греціи то самое, что порицаютъ во Франціи.

Но Милль неправъ, говоря, что наше общество требуетъ отъ своихъ членовъ исполненія частныхъ обязанностей; слѣдовало бы сказать, что оно требуетъ только не нарушать явно этихъ обязанностей; такъ напр. англійское общество не проститъ человеку несоблюденіе всѣхъ предписываемыхъ для воскреснаго дня обычаевъ, но не обратитъ вниманія на обращеніе его съ дѣтьми или женою, пока нарушеніе семейныхъ обязанностей не сдѣлается явнымъ, т. е. пока оно не дойдетъ до суда.

Поэтому, не отрицая конечно прогресса въ общемъ состояніи нашей цивилизаціи сравнительно съ греческой, нельзя не сказать, что отношенія общества къ отдѣльнымъ членамъ его и понятіе о гражданскихъ достоинствахъ находятся у насъ въ худшемъ положе-

ни, чѣмъ у грековъ, или, по крайней мѣрѣ, менѣе удовлетворительны для нашего времени, чѣмъ отношенія и понятія греческаго міра были для своего. Конечно, замѣчаніе это весьма не ново и давно уже признано.

Но Милль, въ разборѣ историческихъ сочиненій Гизо, говорить, что «ни въ одинъ періодъ исторіи человѣческой умъ не былъ такъ дѣятеленъ и общество такъ безошибочно въ быстромъ прогрессивномъ движеніи, какъ въ теченіе большей части такъ несправедливо униженнаго феодальнаго періода». (стр. 119). Съ этимъ едва-ли кто нибудь согласится.

Указавъ, такимъ образомъ, на это различіе греческаго общества отъ современнаго европейскаго, Милль не объясняетъ причинъ его, (потому что дѣло еще вовсе не въ томъ, что политическое устройство греческихъ государствъ способствовало развитію гражданственно, ибо возникаетъ вопросъ, откуда же взялось такое устройство?). Понятно, что въ журнальной рецензій невозможно вдаваться въ слишкомъ подробное разсматриваніе такихъ вопросовъ, и можно быть весьма благодарнымъ рецензенту, если онъ краткимъ замѣчаніемъ возбудитъ въ читателѣ мысль. Однако четыре вышедшія доселѣ статьи Милля содержатъ въ себѣ немного такихъ замѣчаній. Немногія страницы, которыя онъ можетъ посвящать разсматриванію частныхъ вопросовъ, наполнены по большей части разсужденіями далеко не плодотворными, о предметахъ весьма неблагоприятныхъ. Такъ напр. въ статьѣ о Гизо ему приходится посвятить большую часть ея изложенію взгляда Гизо на элементы, внесенные въ нынѣшнюю цивилизацію Римомъ, церковью и феодализмомъ. Такимъ образомъ, большая часть его статьи представляетъ только интересъ хорошаго изложенія мнѣній г. Гизо. Здѣсь Милль мало вдается въ критику. Но въ началѣ статьи онъ относится къ Гизо критически, разбирая общія разсужденія Гизо, какъ писателя, которыя, какъ замѣчаетъ Милль, характеризуютъ образъ мыслей Гизо. Но хотя Милль полагаетъ, что разсужденія эти заслуживаютъ глубокаго вниманія, однако въ сущности это толченіе воды, и разсужденія самого Милля о разсужденіяхъ Гизо, по ничтожности предмета, сами обращаются въ нуль. Гизо, изволите видѣть, размазываетъ свои разсужденія на такой тезисъ: «въ древнемъ мірѣ различныя формы общественности были односторонни и служили для развитія исключительно какой нибудь одной идеи, тогда какъ нынѣшняя цивилизація сложна и

разностороння». Чтобъ пояснить это, приведу примѣръ: вся цивилизація древняго Египта, напр. развивалась по направленію тескратическаго принципа, который задавилъ всѣ другія стороны жизни; другое древнее общество также исключительно развивало другой принципъ, третье — третій и т. д. Въ нынѣшнихъ же обществахъ всѣ стороны развиваются равномѣрно и ни одна не въ ущербъ другой, что составляетъ причину прогресса и процвѣтанія. Въ прежнее время подобные вопросы весьма интересовали многихъ, и самые умные люди не брезгали ломать надъ ними голову. Такое занятіе хотя и напоминаетъ безсмертнаго Клею Мокіевича, но съ другой стороны это легко и пріятно. Напр. на тему, взятую Гизо, можно написать 12 томовъ и разсуждать всякій вечеръ въ теченіи года; можно неопровержимо доказать этотъ тезисъ и, доказавъ, приобрести видъ серьезнаго человѣка, блистательно разрѣшившаго головоломный вопросъ. Но можно также доказать все это шиворотъ на выворотъ, опровергнувъ Гизо и поддержавъ противное мнѣніе. Наконецъ, можно явиться чѣмъ-то въ родѣ Соломона, отвергнувъ или примиривъ оба мнѣнія и проведя среднее, послѣ чего репутація глубокомысленности будетъ на вѣки упрочена. Такъ напр. поступаетъ Миаль, чрезвычайно дѣльно и убѣдительно опровергающій первую половину мнѣнія Гизо и поддерживающій вторую. Вся бѣда въ томъ, что столь полезное занятіе должно было прекратиться по недостатку слушателей, которые, замѣтивъ, что канитель затянулась на вѣки вѣковъ, надсмѣялись надъ мудрецами, а съ Гизо поступили еще хуже. Ему бѣдному пришлось убѣдиться на опытѣ въ справедливости своихъ словъ, потому что французское общество отказалось, въ силу особености европейской цивилизаціи, развиваться односторонне въ сторону буржуазіи. Такъ съ тѣхъ поръ Клефы Мокіевичи и притихли и ужъ не мучатъ себя вопросами въ родѣ того: «А чтобы было, еслибъ при Маратонѣ персы побѣдили?» Не до персовъ, не до Маратона.

Но наша публика весьма неопытна и, пожалуй, увлечется столь занимательными вопросами, которые можно даже обратить въ веселое препровожденіе времени, причислить къ *petits jeux*. И занимательно, и какъ будто дѣло.

По счастью наша публика пристрастилась къ другому рода вопросамъ, и можно надѣяться, что лягушка выйдетъ побѣдоносно изъ борьбы съ мудростью Гизо; содержимое ея желудка видимо

интересуетъ публику болѣе, чѣмъ содержаніе головы Гизо. Это очень хорошо, потому что разсужденія на подобныя темы имѣютъ свойство набивать голову какой-то трухой, какъ будто бы имѣющей не только смыслъ, но и великую важность, но въ результатѣ совершенно бесплодной и бесполезной. Понятно, что и разсужденія Милля на такія темы имѣютъ только видѣнность серьезности и важности; вина, конечно, не его, а неблагодарной темы; но, какъ бы то ни было, это мало способствуетъ тому, чтобы придать интересъ его историческимъ рецензіямъ.

Что же касается до рѣшительнаго мнѣнія о его изслѣдованіяхъ и разсужденіяхъ, то оно можетъ быть выражено только по выходѣ остальныхъ двухъ частей.

Г. Съеновъ, видя недостатокъ въ руководствѣ по физиологіи для занимающихся этою наукою, перевелъ «учебникъ физиологіи» Германна, составляющій самую пріятную литературную новость послѣдняго времени. Имя г. Съенова вполне ручается за достоинство книги, избранной имъ для перевода на русскій языкъ въ пособіе учащимся. Лучшей рекомендаціей этой книги и вполне вѣрнымъ опредѣленіемъ ея могутъ служить слова г. Съенова въ небольшомъ предисловіи, которое онъ предпослалъ своему переводу: «книга Германна представляетъ хотя и сжатый, но полный сводъ выводовъ новѣйшей науки; при томъ, въ ней отдѣлено существенное отъ неважнаго и твердо стоящее отъ шаткаго». Тѣ отдѣлы, которые въ подлинникѣ слишкомъ кратки, дополнены г. редакторомъ, познанія и работы котораго пользуются такой заслуженной извѣстностью. Дополненія сдѣланы во всѣхъ главахъ, кромѣ процессовъ отдѣленій и исторіи развитія зародыша. Теперь вышла только первая половинна сочиненія, заключающая въ себѣ два отдѣла: обменъ веществъ въ организмѣ и дѣятельности организма. Важнѣйшія дополненія г. редактора будутъ, вѣроятно, въ физиологіи нервовъ.

Не говоря уже о важности этого учебника для людей, специально изучающихъ физиологію, онъ имѣетъ большой интересъ и вообще для всякаго образованнаго человѣка; хотя отъ спеціальнаго учебни-

на нельзя ожидать популярности, какъ и отъличаются напр. «Физиологическія письма» Фогта, однако оны читаются съ большимъ удовольствіемъ; въ особенности читатели, имѣющіе понятіе о физиологій по популярнымъ изложеніямъ Фогта, Молешотта и Бюхнера, которыя переведены на русскій языкъ, не встрѣтятъ затрудненія при чтеніи учебника Германна, представляющаго уже строго-научный сводъ фактовъ.

Книга Гукслея, изданная недавно въ Москвѣ, есть тоже самое сочиненіе проф. Гексли, которое издано въ началѣ этого года въ Петербургѣ г. Тибленомъ подъ заглавіемъ «о положеніи чловѣка въ ряду органическихъ существъ». Объ этомъ сочиненіи было уже сказано въ «Русскомъ словѣ» при выходѣ изданія г. Тиблена, и здѣсь остается только напомнить, что это одно изъ лучшихъ сочиненій, написанныхъ въ послѣднее время по антропологій. Нынѣшнее московское изданіе значительно хуже петербургскаго по внѣшнему виду и притомъ переведено не съ оригинала, а съ нѣмецкаго перевода. Но что касается до существенныхъ достоинствъ изданія, то оно мало уступаетъ петербургскому и переводъ сдѣланъ не менѣе добросовѣстно, хотя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ носитъ на себѣ признаки того, что сдѣланъ не съ англійскаго, а съ нѣмецкаго языка. Однако, кромѣ нѣкоторыхъ германизмовъ, упрекнуть его не въ чемъ, потому что книга эта превосходно переведена на нѣмецкій языкъ Карусомъ. Такимъ образомъ сочиненіе Гексли, надѣлавшее столько шума, является на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ, подобно сочиненію Фогта о томъ же предметѣ. Но публика наша такъ хорошо принимаетъ такіа книги, что это не вредитъ изданіямъ, и слышно, что одинъ изъ издателей «лекцій» Фогта: «о положеніи чловѣка въ животномъ царствѣ» нашелъ нужнымъ приступить къ перепечатанію своего изданія. Книга же Гексли не только не уступаетъ, но даже во многихъ отношеніяхъ превосходитъ лекціи Фогта; потому изданія не могутъ разсчитывать на равный успѣхъ. Такимъ образомъ на русскомъ языкѣ въ теченіе года будетъ пять изданій по одному и тому же естественно-историческому вопросу. Грустный фактъ для защитниковъ классическаго образованія, которое ведетъ свое начало отъ кievской бурсы.

Рекомендую читателямъ переводъ г. Гольдендаха, который оставилъ даже нѣкоторые промахи, сдѣланные въ переводахъ г. Бекетова. Такъ напр. на стр. 3 изданія г. Тиблена сказано въ описаніи обезьянъ Шуркаса, что «у нихъ нѣтъ пѣтокъ», между тѣмъ

какъ въ книгѣ объ отсутствіи дѣръ, какъ и переводомъ Е. Гольдгоуза (стр. 3 я. т. е.). Впрочемъ такихъ равенствъ очень мало, такъ какъ оба перевода удовлетворительно хороши.

Историческое изслѣдованіе г. Добрякова о русской женщинѣ есть одна изъ тѣхъ книгъ, которыя не стоятъ бумаги, на которой печатаются. Заглавіе очень громкое, а перечень содержанія занимаетъ больше страницъ, и предлагаетъ все, чего ни запросишь. Тутъ есть и значеніе матери и положеніе жены, рабы, вдовы, какъ въ язычествѣ, такъ и въ христіанствѣ и т. д. Но все это оказывается пуфомъ, и такія изслѣдованія можно печь десятками, какъ блины. Взявъ «полное собраніе русскихъ лѣтописей» и орудуя Орудьемъ это такимъ образомъ: вотъ, напр. глава о значеніи вдовы: во вѣдѣхъ говорится, что «по смерти мужа жена оставалась вдовой»; это новое открытіе сдѣлано самимъ авторомъ, и потому нѣтъ смысла на под. собр. рус. лѣт. Зачѣмъ же изслѣдователь обращается къ этому источнику и угощаетъ насъ цитатами такого рода, что жена Святослава Ольговича послала по смерти мужа звать сына Олега, но епископъ Антонъ предупредилъ ее и призвалъ Святослава Всеволодовича; что по смерти Владимира Андреевича пришелъ Владиміръ Мстиславовичъ и «погна княжню изъ города». Далѣе говорится, что вдовы князей по смерти мужей нередко дѣлали пожертвованія монастырямъ и указывается на вдовъ Святослава Изяславича, Глѣба Всеславича и Дмитрія Константиновича. Потомъ изясняется, что вдовы иногда прибѣгали къ заступничеству разныхъ лицъ, причѣмъ самодовольно указывается на житіе св. Феодосія, который защитилъ одну вдовицу. Говорится также и подтверждается фактами, какъ вещь крайне невѣроятная, что сыновья вдовствующихъ княгинь любили ихъ (напр. Александръ Невскій) и ходили къ нимъ благословиться (напр. Борисъ и Глѣбъ Васильевичи). Жалко, что ученый нашъ историкъ не обратилъ вниманія на такое открытіе, что русская женщина до-монгольскаго періода ѣла и спала; это можно было-бы подтвердить также цитатами изъ лѣтописей и кормчихъ книгъ. Наконецъ г. Добряковъ выводитъ на сцену Марфу

посадницу, о которой говорится не меньше, чѣмъ въ любви учебникъ русской исторіи. Вотъ вамъ и «положеніе вдовы въ обществѣ и семействѣ.» Послѣ такихъ изслѣдованій, ученый авторъ имѣетъ полное право заключить:

— «Развитіе жизни семейной характеризуетъ христіанское русское общество. Центръ, около котораго вращается эта жизнь,—женщина. Она является тамъ, какъ нѣжная сестра, преданная супруга, пекущая и глубоко уважаемая мать. Свою общую силу язычества она замѣнила глубокою вѣрою въ святую новую религію, вмѣсто физической силы (вотъ какъ?) обнаруживаетъ великую силу нравственную, которая даетъ ей господство въ семьѣ, и она—таже нѣжная мать, только въ еще болѣе мягкихъ формахъ» (стр. 100). По такому образцу было-бы весьма легко каждому описать положеніе русской женщины въ настоящее время. Напр. взять главу подъ заглавіемъ: «о положеніи вдовы въ современномъ обществѣ.»

«Когда мужъ умираетъ, жена его дѣлается вдовой; иногда она наследуетъ его состояніе, а иногда нѣтъ: вотъ Марья Ивановна наследовала, а Софья Петровна нѣтъ. Обыкновенно жена носить трауръ, въ первое время даже съ плерезами. Вдовы иногда обращаются въ судъ, если родственники обажаютъ ихъ, и при этомъ случается, что ищутъ покровительства вліятельныхъ лицъ. Вчера при мнѣ къ содѣйнику Никанору Васильевичу приходила вдова сапожника Петрова жаловаться на купца Самоварова. Бываетъ также, что вдовы ходятъ по улицамъ и съ трогательнымъ видомъ показываютъ прохожимъ бумагу съ опасеніемъ, что-де осталась вдовой... шестеро дѣтей малъ мала меньше... и т. д. Такихъ называютъ *салонницами*; видѣть ихъ можно на церковныхъ панетяхъ. Въ столицахъ есть вдовьи дома; живутъ въ этихъ домахъ вдовы, поступающія туда, если не имѣютъ собственнаго дома. Дѣти вдовъ болѣею частью любятъ ихъ и ходятъ благословляться, но бываетъ, что и не ходятъ. Нѣкоторыя вдовы любятъ играть въ ералашъ (Анна Степановна, Катерина Дмитриевна), другія предпочитаютъ преобрѣсть (Лукерья Осиповна), вообще, разныя вдовы бываютъ... Ватъмъ можно сдѣлать общій выводъ, что вдовы имѣютъ великую нравственную силу, а иныя и физическою отличаются; при этомъ можно тоже сослаться на какую нибудь вдову мужественнаго характера.»

Въ этомъ родѣ въ изслѣдованіи г. Добрякова. Зайдетъ рѣчь объ отношеніяхъ супруговъ, онъ рассказываетъ, что въ такомъ-то го-

родъ князь и княгиня вѣсть радовались въздоровленію епископа; о томъ, что бояринъ Янъ жилъ въ ладу съ своей женой; коснется рѣчь брака—онъ снова перечисляетъ разныхъ Ростиславичей и Ольговичей, доказывая, что браки сопровождались празднествами; о свободѣ жены заговорить—отецъ Ростиславича; о независимости дочери—все-таки Ростиславичи. Немудрено, что въ концѣ концовъ оказалось, что русская женщина всегда была нѣжной сестрой, преданной супругой, уважаемой матерью, господствовала въ семьѣ и наслаждалась независимостью.

Миттермайеръ — одинъ изъ лучшихъ и послѣднихъ нѣмецкихъ юристовъ, воспитанныхъ подъ вліяніемъ философіи Гегеля. Отъ философіи этой, построенной на произвольныхъ абстрактныхъ началахъ, не осталось никакихъ слѣдовъ въ области тѣхъ точныхъ знаній, которыми такъ богата Германія въ настоящее время; одной юриспруденціи, какъ наукѣ по преимуществу консервативной, суждено такъ долго не расставаться съ Гегелемъ; она продолжаетъ жить его идеями и опираться на его нѣмецко-бюрократическихъ принципахъ. Только въ послѣднее время стали проявляться попытки дать *праву* болѣе прочныя основы, и вывести его значеніе и практическое примѣненіе въ законодательствахъ изъ наблюденій и опытовъ надъ отдѣльнымъ человѣческимъ организмомъ и общественнымъ устройствомъ того или другаго народа. Естественное, социальная экономія и статистика дѣятельно работаютъ въ пользу этого направленія, такъ что нравственная философія, доселѣ исключительно господствовавшая надъ юридической наукой, скоро останется ни при чемъ. Всякій новый фактъ, открываемый фзіологіей и медициной, всякая новая статистическая цифра, всякій новый социальный законъ, подрываютъ метафизику права и даютъ ему смыслъ положительнаго знанія. Но чѣмъ наблюденія разнообразнѣе и точнѣе, тѣмъ медленнѣе и осторожнѣе они приобрѣтаются, и потому недостатокъ матеріаловъ и опытовъ еще долго будетъ мѣшать полному и широкому взгляду на такой предметъ, какъ правосудіе. Миттемайеръ — юристъ старой школы и находится уже въ такихъ лѣтахъ, когда умственное развитіе считается законченнымъ и поворотъ въ новымъ воззрѣніямъ не по си-

даже. Но онъ сдѣлалъ все, что могъ сдѣлать, и доблѣстно трудился въ учебный для своего времени, и въ настоящее время, въ Европѣ. Книга этого о смертной казни принадлежит къ числу лучшихъ его сочиненій. Вотъ что онъ говоритъ въ предисловіи къ своей книгѣ объ основаніи своего взгляда на предметъ: «Можно находная точка зрѣнія состоитъ въ томъ, что въ настоящее время только учрежденія, основанныя на нравственныхъ началахъ, могутъ рассчитывать на успѣшные результаты и что только одно продолжительное существованіе учрежденія не можетъ служить достаточнымъ поводомъ къ сохраненію его. Я пришелъ къ тому убѣжденію, что тѣ возрѣнія и соображенія, которыми нѣкогда старались оправдать смертную казнь, оказались несостоятельными и что сохраненіе этого наказанія послѣ паденія идей, поддерживавшихъ его, противорѣчить успѣхамъ образованности. Изъ свѣденій, сообщаемыхъ настоящимъ сочиненіемъ, видно, что во многихъ странахъ число помилованныхъ преступниковъ, осужденныхъ на казнь, превышаетъ число дѣйствительно казненныхъ, что повсюду самые опытные и здравомыслящіе люди все болѣе и болѣе возстаютъ противъ смертной казни, и что тамъ, гдѣ законъ отягчилъ это наказаніе, преступленія не увеличиваются». Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ французскимъ криминалистомъ Молинье, Миттермайеръ надѣется, что со временемъ пенитенціарныя тюрьмы повсюду вытѣснятъ смертную казнь. Но на сколько облегчится участь преступниковъ отъ пенитенціарной системы заключенія и что выиграетъ человѣчество отъ этой замѣны? — Миттермайеръ умалчиваетъ объ этомъ вопросѣ. А вопросъ этотъ очень важенъ, потому что, не разрѣшивъ его удовлетворительно, очень легко пасть изъ кулъка въ рогожку.

Книжка Миттермайера переведена г. Саранчовымъ очень хорошо, издана чистенько и стоитъ всего 90 коп. Желаемъ ей добраго успѣха.

Появленіе перваго тома сочиненій Помяловскаго можетъ служить нѣкоторымъ противовѣдомъ противъ господствующаго направленія той беллетристики, которая началась «Взбаломученнымъ моремъ» и продолжается романомъ «Некуда». Вонь, распространенная этими цвѣтками нашего беллетристическаго Парнасса, требовала нѣкотораго очи-

противъ критика «Русскаго Слова», (Хотя и не превалил его по имени. «Русское Слово» не приняло этой статьи за вызовъ на полемичку, хотя въ статьѣ и говорилось о «критикахъ—дѣтахъ» и «о простотѣ слуха слушателей», принимающихъ за комплиментъ десятилетия полноты г. Тургенева). Мы видѣли въ этой статьѣ только подтвержденіе того взгляда, который былъ высказанъ «Современникомъ» еще въ 1862 году. Точно также, статью: «Неръщенный вопросъ» мы считаемъ только дальнейшимъ и логическимъ развитіемъ своего прежняго мнѣнія о Базаровѣ. Почему же «Современникъ» не принялъ статью «Русска Слова» 1862 года за полемическій вызовъ и придать этой статьѣ 1864 года?

Говоримъ откровенно, что мы вовсе не думаемъ и не желаемъ полемизировать съ «Современникомъ», особенно о такомъ щекотливомъ вопросѣ, какъ «Неръщенный». Намъ нечего бояться этой полемички и угрозъ «Современника», но мы не желаемъ полемизировать съ нимъ потому, что сознаемъ всю бесполезность полемички, особенно въ такое время, когда она, кромѣ удовольствій, нашему журнальному стаду, не можетъ оказать существенныхъ услугъ литературѣ. Впрочемъ въ сущности дѣла тутъ никакой полемички и быть не должно. Авторъ «Неръщенного вопроса» не споритъ о томъ, что г. Тургеневъ несимпатично отнесся къ Базарову; для критика «Русскаго Слова» прежде всего важенъ фактъ, затронутый романомъ: «Отцы и дѣти», и по поводу котораго можно поговорить вообще о значеніи реализма, на сколько это возможно въ настоящее время. Онъ хочетъ защитить этотъ типъ отъ той клеветы, которую взвела на него наша остальная журналистика, и показать важное значеніе базаровскаго элемента въ жизни общественной и семейной, въ наукѣ и искусствѣ,—словомъ, указать, по возможности, на тѣ реальныя основы, которыя составляютъ главную силу этого элемента и которыя бесспорно уважаетъ и самъ «Современникъ». Гдѣ же тутъ вызовъ? И зачѣмъ нашему журналу отказываться отъ солидарности съ этой статьѣй, если она оцѣниваетъ дѣятельность и современное значеніе тѣхъ людей, на сторонѣ которыхъ находятся всѣ симпатіи «Русскаго Слова»? «Русское Слово» можетъ расходиться съ «Современникомъ» на частныхъ и отдѣльныхъ вопросахъ, но оно всегда на столько уважало общую идею, что не рѣшится пожертвовать этой идеей въ пользу какого бы то ни было личнаго самолюбія...

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПОЛИТИКА.

Колоніальная политика Англій и Франціи. — Хроническія возстанія колоній противъ метрополіи. — Чего стоило Англій послѣднее возстаніе Индіи? — Причины этого возстанія. — Исторія колонизаціи Акадіи и Канады. — Вытѣсненіе французскаго элемента англійскимъ. — Проектъ новой конфедераціи англійскихъ колонизацій въ сѣверной Америкѣ. — Впечатлѣніе, произведенное имъ на англійское общество и правительство. — Мнѣніе лондонской патриотической прессы объ этомъ проектѣ. — Сравненіе военныхъ силъ Соединенныхъ штатовъ и Англій. — Заключеніе. — Новыя затрудненія Италіи, произведенныя трактатомъ 15 сентября. — Официальная и дѣйствительная сторона этого трактата. — Опасности ожидающія Италію. — Послѣднія извѣстія съ театра сѣверо-американской войны.

Въ исторіи европейской колонизаціи, разившейся путемъ завоеванія и эксплуатаціи, есть множество такихъ явленій, съ которыми не могутъ сравниться самыя великія бѣдствія, перенесенныя человечествомъ. Ни рабство, ни войны, подобныя тридцатилѣтней войнѣ въ Германіи, ни опустошительныя эпидеміи и землетрясенія—ничто не превзойдетъ, суммой своего зла, той системы, которая, въ лицѣ Уэррена Гэстингса, истребляла людей съ невообразимымъ хладнокровіемъ. Отъ голода и меча погибли цѣлыя расы и огромныя плодороднѣйшія почвы обратились въ пустыни. А сколько силъ и народнаго богатства истрачено даромъ на постройку колонизаціонной системы въ томъ видѣ, какъ она существуетъ до сихъ поръ. Такая страпа, какъ Англія, могла-бы развиться во сто разъ лучше, со-

средоточившись въ себѣ и употребивъ на собственную пользу тѣ громадныя средства, которыя она расточила на Востокъ, захватывая чужія земли и насилуя дикія и населенія. Милль справедливо говорить, что Англія была-бы сильнѣе занимала-бы болѣе почтенное положеніе, если-бъ отдѣлилась отъ колоній, которыя теперь стоятъ ей гораздо дороже, чѣмъ сколько она получаетъ отъ нихъ. Но въ англійской колонизаціи, по крайней мѣрѣ, преобладали экономическія цѣли. Англія пріобрѣтала колоніи не изъ одного пустаго тщеславія, но всегда имѣла въ виду денежные интересы; она эксплуатировала туземныя произведенія, силы покореннаго народа и, набивая свой карманъ чужими богатствами, могла прокормить и дать дѣятельность тѣмъ младшимъ отраслямъ аристократіи, которыя, по праву первородства старшихъ сыновей, оставались-бы дома безъ дѣла и безъ хлѣба. Кромѣ того, вся промышленная система Англіи основана на колоніяхъ; всѣ сырые продукты она получаетъ извнѣ и перерабатываетъ ихъ на своихъ фабрикахъ. Ея колоссальная фабричная работа можетъ поддерживаться только колониальными произведеніями и эксплуатацией болѣе плодородныхъ тропическихъ странъ. И она эксплуатируетъ ихъ безсовѣстнымъ образомъ.

Чтобы объяснить самыми фактами методу эксплуатаціи, мы напомнимъ здѣсь читателю послѣднее возстаніе Индіи, которое испугало не только метрополию, но и всю Европу. Въ виду двухъ-сотъ тысячнаго войска, постоянно оберегающаго Индію, угнетенныя племена ея подняли свои цѣпи и, не рассчитывая на побѣду, сдѣлали однакожъ рѣшительный вызовъ Англіи. Ближайшими причинами этого возстанія были страшные налоги, обременявшіе бѣдныхъ жителей Индостана. Такъ, поземельная подать въ концѣ пятидесятихъ годовъ доходила до 66%, на 100 съ валоваго дохода. Туземные земледары (землевладѣльцы) были разорены до того, что почти всѣ богатые и старыя фамиліи вымерли, или должны были отступить на сѣверъ, въ независимыя владѣнія отъ англійскаго господства. Нисшіе и производительные классы, объединившіе вслѣдствіе тяжелыхъ налоговъ и непрерывно возрастающихъ долговъ, доведены были до невозможности обрабатывать лучшія почвы. Основываясь на показаніи Мида, восемнадцать милліоновъ англійскихъ подданныхъ въ провинціи Мадрасъ имѣютъ каждый только 2½ к. въ недѣлю для существованія съ семействомъ. «Бѣдный земледѣлецъ, говоритъ другой очевидецъ индійскаго населенія, живетъ со дня на день; онъ рѣдко видитъ день-

ги, кромѣ тѣхъ, которыя занимаетъ для уплаты налога. Между деревнями нѣтъ никакихъ торговыхъ сношеній; а если они и есть, то обмѣниваются одни натуральные продукты. Рабочія животныя, употребляемыя для воздѣлыванія земли, — жалкія и тощія клячи, изъ которыхъ каждая стоитъ отъ 7—12 шиллинговъ. Все остальное хозяйство въ томъ же видѣ. Домъ земледѣльца состоитъ изъ грязной лачуги, покрытой соломой; въ немъ нѣтъ ничего, похожего на какую нибудь мебель. Пища работника и его семейства состоитъ изъ небольшого количества риса и муки, разболтанныхъ на водѣ. Чтобы вскипятить на огнѣ эту болтушку, не имѣется другой посуды, кромѣ глиняной, и притомъ изъ самой грубой глины. Только изрѣдка попадаетъ желѣзная утварь, не совсѣмъ безызвѣстная въ деревняхъ. Что же касается до воспитанія, до умственной культуры, то объ этомъ, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи.» (*La Révolte de l'Inde, par Montgomery-Martin. 1860. 27—28 p.*).

Вѣковое истощеніе почвъ, которыя нѣкогда были богатѣйшими источниками благосостоянія страны, подготовленное громаднымъ вывозомъ сырыхъ продуктовъ въ Англію, имѣло вредное вліяніе на движеніе народонаселенія Индіи. Такъ, знаменитая бенгальская долина, прежде кипѣвшая дѣятельностію и густымъ населеніемъ, теперь лежитъ голой пустошью. Эпидемія и голодъ — эти неразлучные спутники нищеты и рабства, — истребляли сотнями тысячъ народонаселеніе, не знавшее ни заразы, ни пытки, привезенныхъ въ Индію цивилизованной Европой. Кромѣ того монополю опиума, которымъ Англія отравляетъ Китай и Японію, распространилъ въ Индіи нервныя болѣзни, притупившія мозговую и мускульную дѣятельность несчастной страны. Для разведенія этого наркотическаго вещества, англичане употребляли самыя безчестныя средства; райя обяваны были отдавать особые участки земли подъ посѣвъ мака, обрабатывать эти участки подъ надзоромъ полиціи и шпионовъ, слѣдившихъ за тѣмъ, чтобы работа была самая неустанная и сбереженіе сѣмени — самое строгое. Кромѣ того правительство понадѣлало равныя должности, агентства и учрежденія, чтобы содѣйствовать распространенію опиума; оно основало мелочныя лавочки для продажи этого яда и возвысило таксу на спартные напитки до такой степени, что монополю опиума обратился въ могущественное орудіе нравственной порчи и исчаженія народной гигиены индійскихъ населеній. Но первымъ и главнымъ послѣдствіемъ этой убойственной эксплуатаціи было обѣдненіе почвъ.

Опіумъ постепенно вытѣснялъ производство сахарнаго тростника, хлопчатныя и другія растенія, обогативши страну. Все это вытѣ- стѣ съ администраціей, хищной и произвольной, вызвало восстаніе, которое стоило Англій около трехъ-сотъ милліоновъ дельгами, и болѣе семидесяти тысячъ людей. Такимъ образомъ Индія, не смотря на сис- тематическое разореніе ея тяжкими налогами и грабительствами, не приноситъ Англій никакой существенной выгоды. «Бюджетъ Индіи, говоритъ Монгомери, всегда былъ пронастью дефицита; почти всѣ доходы, вырываемые, такъ сказать, изъ животовъ ея горемычныхъ жителей, едва покрываютъ текущіе расходы во время мира. Каждая новая война увеличиваетъ сумму долга, который съ каждымъ днемъ дѣлается невыносимѣе, не въ силу своего собственнаго отягощенія, а отъ того ужаснаго состоянія, въ которое повергъ нашъ деспотизмъ индійскія населенія.» (*La Révolte de l'Inde*. p. 5).

Точно также поступала Англія а съ другими своими колоніями, видоизмѣняя только мѣстныя условія, а въ сущности придерживаясь одинаковаго административнаго и экономическаго порядка. Какъ въ Ирландіи, такъ и въ Австраліи она готовила себѣ толпы нищихъ и непримиримыхъ враговъ...

Хроническія восстанія ея владѣній всего лучше доказываютъ, что со- временная система колонизація сильно грѣшитъ противъ здраваго смы- сла и гуманныхъ стремленій XIX вѣка. Вездѣ она опирается на воору- женную силу, требуетъ разорительной траты людей и денегъ, и постоянно оплачиваетъ десятками и сотнями милліоновъ восстанія колоній. До- статочно указать на тотъ фактъ, что французское правительство, считающее за величайшую честь—показывать свой національный флагъ на вершинахъ алжирскихъ скалъ, платить за эту честь болѣе со- рока милліоновъ изъ народной кассы, т. е. обременяетъ страну из- лишними налогами, ради бесполезнаго обладанія Алжиромъ. А если прибавить къ этому значительную смертность французскихъ переселенцевъ, поставленныхъ въ другія физическія условія, и непрерыв- ную убыль войсва, то потеря окажется вдвое больше. Кромѣ того, самое населеніе Алжира сдѣлалось бѣднѣе съ тѣхъ поръ, какъ поца- ло подъ управленіе правительства, имѣющаго въ виду выжать изъ завоеванной страны весь ея сокъ и бросить ее въ какое угодно время. Такая близорукая политика не только не расцеллива, но и вредна для человѣчества. Положимъ, что защитники ея находятъ совершенно одинаковымъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія, если одинъ на-

родъ богатѣть на счетъ другаго.—Что за бѣда, говорятъ они, если Алжиръ сдѣлается бѣднѣе, за то Франція въ той-же пропорціи будетъ богаче: въ результатѣ окажется то-же богатство, только перемѣщенное изъ одной мѣстности въ другую. Но такой выводъ отличается плачевной логикой. Во первыхъ, разоренная страна, въ общей экономіи, даетъ чистый убытокъ. Если Алжиръ до завоеванія производилъ на 100 милліоновъ, а послѣ завоеванія можетъ производить только на 50 м., то значить, что онъ потерялъ болѣе половины своего капитала.—кому-бы этотъ капиталъ ни достался. Во вторыхъ, не было еще примѣра, чтобы народу было легче или лучше отъ того, что онъ пріобрѣтаетъ свою кровь и своими силами какую-нибудь новую колонію. Если кто дѣйствительно богатѣетъ отъ этого захвата, то, конечно, не тѣ, кто жертвуетъ собой, а правители колоній. Алжиръ озолотилъ Магъ-Магона, Пелисье и другихъ «свободныхъ братцевъ» 2 декабря, но ужъ никакъ не французскую націю. Нація обѣднѣла на столько, на сколько обѣднѣлъ и самый Алжиръ.

Но неосновательно было-бы думать, что корень зла лежитъ въ самой колонизаціи. Въ сущности нѣтъ ничего вреднаго, если два народа соединяются въ одну политическую федерацію, и было бы очень полезно, если-бъ все человѣчество составляло одно цѣлое, нераздробленное на мелкіе куски, не враждующее и не пожирающее себя въ лицѣ отдѣльныхъ государствъ; для народа бѣднаго и дикаго очень выгодно примкнуть къ народу богатому и образованному, пользоваться его защитой и вліяніемъ, развиваться подъ его руководствомъ. Индія и Алжиръ ничего не проиграли бы отъ соединенія съ Англіей и Франціей, если-бъ это присоединеніе было основано на болѣе рациональныхъ началахъ. И Европа могла-бы оказать громадную пользу общечеловѣческому развитію, если-бъ, вмѣсто меча и насилія, вносила въ свои колоніи мирную цивилизацію; вмѣсто варварской эксплуатаціи—раціональныя экономическія отношенія. Къ сожалѣнію, такіа соображенія не приходили въ голову тѣхъ людей, которые основывали и поддерживали колонизаціонную политику; въ извиненіе этихъ близорукихъ людей можно сказать только одно, что они сами не знали, что творили, будучи слѣпымъ орудіемъ того нелѣпаго соціального порядка, который вромѣ завоеванія и рабства не зналъ другихъ средствъ къ сближенію съ народами. Война и, какъ неизбежное слѣдствіе ея, меркантильная система такъ дол-

го преобладали въ международныхъ отношеніяхъ, такъ глубоко вкоренились въ понятія государственныхъ людей, что изъ простаго предразсудка сдѣлались идеаломъ политическихъ стремленій. Даже такіе опыты, какъ паденіе Испаніи подъ тяжестью ея завоеваній и сѣверо-американская война, поставившая на краю гибели Англію, не могли вразумить государственныхъ людей, что изъ политика никуда не годится въ примѣненіи къ колоніямъ, что кромѣ страшныхъ возстаній и взаимной ненависти она ничего иного не порождаетъ между народами. Всѣ попытки уничтожить національные типы, нивелировать ихъ различія и антипатіи, увеличивали только ту пропасть, которая раздѣляла побѣдителя отъ побѣжденнаго; эта система вездѣ оканчивалась тѣмъ, что рано или поздно завоеванная страна отлагалась отъ своей метрополіи или входила въ нее, какъ развѣдающій ракъ въ зараженный организмъ. Теперь ни теорія, ни практика не раздѣляютъ болѣе того мнѣнія, что можно насильственно сливать разныя народности, или «сажать ихъ на штыки», какъ выражался Шварценбергъ,—для пущаго спокойствія недовольныхъ этой системой. Другой способъ управленія колоніями, посредствомъ власти, сосредоточенной въ метрополіи, также оказался неудобнымъ и разорительнымъ. Никакая правительственная система, какъ бы она хороша ни была, не можетъ облагодѣтельствовать страну, которой развитіе и интересы сложились подъ другими условіями; никакая административная мудрость не можетъ предусмотрѣть тѣ нужды и желанія, съ которыми у нея нѣтъ ничего общаго. Предписывать законы метрополіи и навязывать дисциплину народу, который не нуждается ни въ томъ, ни въ другомъ — это почти то-же, что съ завязанными глазами махать дубиной на право и на лѣво. Эта система въ сущности хуже первой. Тамъ вооруженная сила дѣлаетъ прямо и открыто то, что здѣсь совершается въ потьмахъ бюрократическихъ канцелярій и интригъ; тамъ всякій поступокъ называется собственнымъ именемъ, а здѣсь подъ либеральными фразами скрывается всякая ложь и нечѣсть. Только такой способъ колониальнаго управленія могъ заставить Бьюрка бросить въ парламентъ слѣдующую фразу: «разбой называется разбоемъ и, кажется, между нами нѣтъ такихъ малолѣтнихъ, которые-бы приняли грабежъ за челоуѣколюбіе и явный обманъ за истину. Если мы довели Америку до возстанія, то вся тяжѣсть его послѣдствій падаетъ на насъ однихъ». Это было сказано почти сто лѣтъ назадъ, и только те-

перь Англія начинаетъ понимать великій смыслъ этихъ словъ; только теперь, и то въ кругу ея лучшихъ мыслителей, начинаетъ преобладать мнѣніе, что колоніямъ должна быть предоставлена полная внутренняя автономія, безуcильная независимость въ дѣлахъ вѣры, образованія и управленія, если только метрополія желаетъ упрочить свои отношенія къ присоединенной странѣ. Тогда само собою возстановится то социальное равновѣсіе, на которомъ только и возможно свободное соединеніе народовъ. Наука давно приняла это мнѣніе, но политика едва обратила на него свое вниманіе. По всей вѣроятности, учтетъ еще много времени, пока эта истина войдетъ въ общее сознаніе народовъ, и пока горькіе опыты не вразумятъ правителей. А между тѣмъ милліоны людей страдаютъ, гибнутъ въ бесполезныхъ войнахъ или вымираютъ отъ бѣдности и притѣсненія. Въ послѣдніе десять лѣтъ насчитываютъ до сорока различныхъ войнъ, предпринятыхъ западной Европой противъ ея колоній, а сорокъ самыхъ скромныхъ войнъ могли стоить человѣчеству, по меньшей мѣрѣ, пяти хорошихъ сибирскихъ язвъ. На долю Англіи, обладающей огромными виѣшними завоеваніями, всего больше приходится «сажать на штыки» своихъ колониальныхъ подданныхъ. Неизвѣстно пока, что ожидаетъ ее въ колоніяхъ сѣверной Америки, чѣмъ окончится тамъ ея колонициціонная система; но мы указываемъ на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ поучительныхъ фактовъ нашего времени.

Канада имѣетъ поверхность, по меньшей мѣрѣ, въ 750,000 квадратныхъ километровъ, изъ которыхъ населена только десятая часть. Она представляетъ собою прямоугольникъ, окаймленный съ одной стороны атлантическимъ океаномъ, съ другой большими внутренними озерами, и прорѣзанный въ длину рѣкою св. Лавренція, — громадною артеріею, удобною для плаванія самыхъ большихъ кораблей.

Почва канады, замѣчательно плодородная, доставляетъ продукты, которыхъ стоимость въ 1855 году оцѣнивалась въ 500 милліоновъ фр. Въ настоящее время эта цифра, по всей вѣроятности, должна увеличиться, по крайней мѣрѣ, на половину. Но она не заключаетъ

въ себѣ стоимости лѣсныхъ продуктовъ и тѣхъ богатствъ, которыя содержатся въ водахъ залива; необычайно обильная рыбная ловля и рыбный промыселъ даютъ занятіе цѣлому флоту, вмѣстимостью болѣе, чѣмъ въ миллионъ тоннъ, плавающему по океану, и внутренней флотилии, содержащей болѣе 200,000 тоннъ. Лѣса состоятъ изъ деревьевъ разнообразныхъ породъ. Въ рудникахъ находятся металлы, по большей части драгоценные, а такими металлами мы называемъ желѣзо и мѣдь.

Число жителей простирается до 2,750,000 распределенныхъ довольно равномерно между верхнею Канадою (англичане) и нижнею (французы), съ небольшимъ перевѣсомъ (350,000) жителей въ верхней Канадѣ.

То, что первые колонизаторы называли Анадію, соответствуетъ въ настоящее время двумъ провинціямъ будущей конфедераціи: — Новому Брауншвейгу и Новой Шотландіи. Ихъ общая поверхность содержитъ въ себѣ отъ 12 до 15 миллионъ гектаровъ, а народонаселеніе состоитъ изъ 500,000 жителей. Новый Брауншвейгъ представляетъ страну земледѣльческую, покрытую лѣсами, и обильную рыбнымъ промысломъ; Новая Шотландія, менѣе земледѣльческая и лѣсистая, обладаетъ огромными пластами каменнаго угля, большимъ развитіемъ береговъ (1450 километровъ) и народонаселеніе ея состоитъ, можетъ быть, изъ самыхъ лучшихъ моряковъ на свѣтѣ.

Позади Верхняго озера, на С. З. отъ верхней Канады, простираются огромныя плодородныя равнины. Эти территоріи, извѣстныя подъ именемъ Красной Рѣки, заключаютъ въ себѣ только 10,000 жителей: франко-канадцевъ, шотландцевъ и метисовъ—полу-католиковъ, полу-протестантовъ. Объ этой территоріи говорятъ, какъ объ одной изъ будущихъ провинцій новой конфедераціи.

Принявъ въ руководство любопытное сочиненіе г. Рамо (*Acadiens et Canadiens*), мы бросимъ взглядъ на исторію этой колоніи. Какъ устройство машины можно вполне постигнуть только изъ ея дѣйствія, такъ точно и народъ можно узнать только изъ его біографіи.

Первые французы, поселившіеся въ Акадію, представляли странную смѣсь моряковъ, зимующихъ рыбаковъ, искателей приключеній, солдатъ, работниковъ и даже земледѣльцевъ, привлеченныхъ туда предприимчивыми людьми, жаждавшими денегъ и попробовавшими поселиться въ колоніи. Въ началѣ она была ничѣмъ инымъ, какъ приютомъ авантюристовъ, которыхъ заботы сосредоточивались на

торгѣ мѣхами, рыбной ловлѣ, войнѣ и, вѣроятно, морскомъ разбойничествѣ. Такіе сосѣди должны были очень беспокоить колонистовъ Новой Англіи, поселившихся въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ и почти въ одно время съ ними. Послѣдніе были завистливы и тревожно смотрѣли, какъ французскіе авантюристы укрѣплялись такъ близко отъ ихъ владѣній. Въ теченіе полу-столѣтія происходили безпрерывныя войны, то съ англичанами, то съ различными искателями приключеній, украшавшими себя титуломъ владѣтелей. Продолжительныя войны и бѣдность погубили много людей, потому что при ревизіи 1671 года во всей Акадіи нашлось не болѣе 400 жителей; но оставшіеся въ живыхъ были люди крѣпкаго закала, пустившіе корни въ страну.

По своему происхожденію, жители Акадіи рѣзко отличались отъ обитателей Капады, которые казались выходцами изъ какой-нибудь французской области, пересаженными въ Америку; центръ послѣднихъ всегда образовывался изъ мирныхъ и миролюбивыхъ французскихъ крестьянъ, строго организованныхъ подъ властью ихъ владѣтеля, при помощи духовенства и правительства.

Чтобъ отвязаться отъ флибустьеровъ Акадіи, нападавшихъ въ расплохъ на англичанъ на морѣ и на сушѣ, Бостонъ снарядилъ три экспедиціонныхъ отряда. Третья экспедиція состояла изъ 2,400 солдатъ, въ то время, какъ вся Акадія считала 1484 европейца включая въ это число женщинъ и дѣтей. Эти три экспедиціонные отряда были настигнуты въ лѣсу и изрублены въ куски; но побѣды истощили силы акадцевъ, и въ 1710 году четвертая экспедиція, изъ 4,000 бостонцевъ, въ скоромъ времени одержала верхъ надъ 156 вооруженными людьми. Большая часть учителей была вывезена изъ страны, нѣкоторые спаслись въ лѣсахъ, другіе эмигрировали. Въ 1711 году, утрехтскій миръ, упрочивъ за Англіей обладаніе Акадіею и Новою Землею, навсегда обезопасилъ жителей Новой Англіи отъ вторженія ихъ опасныхъ сосѣдей.

Между тѣмъ, оставшіеся въ странѣ акадцы размножились. Лѣтъ сорокъ послѣ постигшаго бѣдствія число ихъ доходило до 12,500 человекъ. Въ теченіе столѣтія, предшествовавшаго ихъ гибели, акадцы болѣе отличались стремленіемъ къ земледѣлію и промышленности, чѣмъ къ партизанской войнѣ. Около 1680 года они переместились къ Фондійскому заливу и занялись тамъ земледѣліемъ. Эта страна представляла обширныя низменныя пространства частью

потопленные моремъ, но очень плодородныя. Отчего принялись они за тягостную и убыточную обработку этихъ низменностей, между тѣмъ, какъ имъ очень удобно было обрабатывать землю, лежавшую выше, — это можно объяснить только бѣдностію населенія, которое не могло обрабатывать лучшія почвы. Приходилось бороться съ моремъ, подобно голландцамъ, воздвигать плотины, достаточно твердыя для противодѣйствія непрерывному прибою волнъ. Разница между акадцами и голландцами состояла только въ томъ, что послѣдніе принуждены были трудиться вслѣдствіе обстоятельствъ, тогда какъ акадцы, дѣти жителей приморскихъ и болотистыхъ французскихъ провинцій, казалось, весело шли на эти затрудненія, какъ будто этимъ потомкамъ прежнихъ корсаровъ необходима была всегда борьба, — борьба или съ людьми, или съ природою.

Для оруженія этихъ плотинъ, они изобрѣли выгодный способъ прочно возводить насыпи, и держали его въ тайнѣ; потому что когда американцы овладѣли ихъ странюю, то оказались неспособными не только продолжать эти укрѣпленія, но и поддерживать ихъ. Большая Равнина, вмѣстимостью болѣе тысячи гектаровъ, какъ-бы насильно была выхвачена изъ подъ власти океана. Каждый домъ былъ окруженъ огородамъ и обсаженъ ивами, въ особенности любимыми акадцами. Вся страна была прорѣзана дорогами; жители устроили много гаваней и разгуливали на небольшихъ судахъ и лодкахъ даже внутри своихъ болотистыхъ владѣній, проѣзжая по вырытымъ между плотинами маленькимъ каналамъ. Все доказывало, такимъ образомъ, существованіе благоустроеннаго общества, трудолюбиваго, промышленнаго и бережливаго. Можно предполагать, что его гражданское устройство во многомъ сходствовало съ бытомъ земледѣльческихъ общинъ, существовавшихъ въ прежнее время между крестьянами Сентонжа и центра Франціи.

Среди такой-то спокойной и трудолюбивой жизни, ихъ постигла новая катастрофа, — жестокой и омерзительный поступокъ, память о которомъ до сихъ поръ жива въ Аладіи, — безчестное дѣло, совершенное въ видахъ государственной пользы.

5 сентября 1755 года правительство созвало жителей, подъ предлогомъ сообщенія имъ важной новости. Это извѣстіе принято было съ чувствомъ подозрѣнія во многихъ округахъ, но въ Большой Равнинѣ ему повѣрили. Въ поэмѣ Лонгфелло, «Эванжелина», можно

прочестъ разсказъ объ этомъ горестномъ событіи. Скрытно разставленные войска окружили жителей и объявили несчастныхъ, что берутъ ихъ всѣхъ въ плѣнъ. Мужская часть населенія была перевезена на корабли. По мѣрѣ того, какъ приходили другіе корабли, на нихъ перевозили женщинъ и дѣтей.. Такимъ образомъ, были взяты въ плѣнъ 4,000 чел., сожжены 400 домовъ и 500 помѣщеній для скота; захвачены 2,000 быковъ, 3,000 коровъ, 5,000 телятъ, 600 лошадей, 12,000 овецъ и 800 свиней. Плѣнники на корабляхъ были направлены въ англійскія колоніи, но оказалось, что эти колоніи не были предварены объ ихъ прибытіи, и во многихъ мѣстахъ имѣли безчеловѣчіе не допустить ихъ до высадки на берегъ. Виргинія отвергла 1,500 несчастныхъ и примѣръ ея нашелъ себѣ подражателей въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Каролины. Корабль съ 450 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, предназначенныхъ въ Пенсильванію, разбился недалеко отъ Филадельфіи, и правительство не постыдилось захватить и продать ихъ, какъ невольниковъ. Большая часть привезена была изъ Америки въ Англію, гдѣ и содержалась въ плѣну, преимущественно въ Бристолѣ и Ексетерѣ, до окончанія войны. Оставшіеся въ живыхъ, послѣ столькихъ бѣдствій, были отосланы во Францію.

Удивительно-ли, что во французскомъ населеніи Акадіи и Канады распространилась ненависть къ вѣроломству англичанъ и ихъ союзниковъ, колонистовъ—пуританъ Новой Англій? Скажемъ болѣе: англійское правительство имѣло безсовѣстность похвалиться своимъ варварствомъ, дало обѣщаніе уничтожить всѣхъ жителей чужеземной расы, говорившихъ на чужеземномъ языкѣ; начались новыя преслѣдованія, почти столь же отвратительныя, какъ и первое, и въ особенности на островѣ св. Іоанна, который, будучи въ 1760 году населенъ десятью тысячами акадцевъ, десять лѣтъ спустя, считалъ не болѣе 150 семействъ.

Однакожъ, со времени американской революціи, акадцы наслаждались спокойствіемъ, которое болѣе не возмущалось. Остатки ихъ населенія снова проникли въ страну и пустили сильные отпрыски. Рамо вычислилъ, что отъ 400 жителей, избѣжавшихъ гибели въ 1755 и 1765 годахъ, черезъ сто лѣтъ народилось до 71,000 чел.

Нашедшіе спасеніе на прибрежьи залива св. Лаврентія, недалеко отъ ихъ погибшей Акадіи, обратили взоры на океанъ, желая най-

ти въ немъ свою новую отчизну. Предки ихъ сдѣлали оружіе на плугъ и лопату; они, въ свою очередь, сдѣлались рыбаками и кораблестроителями. По своей врожденной привычкѣ къ морю, они достигли того, что, послѣ своего окончательнаго разсѣянія, легко возстановили сношенія съ самыми отдаленными семействами акадцевъ, и поддерживали другъ съ другомъ связь, общія преданія и даже въ нѣкоторомъ родѣ единство. Въ настоящее время ихъ можно найти повсюду водворившимися на берегу моря; они какъ будто остерегаются предаваться занятіямъ на твердой землѣ, и съ отвращеніемъ рѣшаются селиться во внутренности, не въ виду береговъ.

II.

Исторія Канады менѣе романична, но и менѣе печальна.

Въ началѣ XVII столѣтія негодіанты Сентъ-Мало получили отъ французскаго правительства привиллегію на торговлю съ Канадою, съ обязательствомъ, въ свою очередь, учредить тамъ, во имя короля, постоянное пребываніе и осѣдлое населеніе. Въ 1610 году Шаплець, сентонжскій дворянинъ, основалъ Квебекъ.

Позднѣе, Диксонъ склонилъ Ришелье на свое предпріятіе и образовалъ общество для поселенія въ Новой-Франціи. Вспыхнувшая въ скоромъ времени война была гибельна для только-что возникшей колоніи. Два отряда солдатъ и переселенцевъ съ военными снарядами захвачены въ плѣнъ и Квебекъ взятъ непріателемъ, который и владѣлъ имъ до 1632 г. «Въ то время, говоритъ Шарльвуа, Канада состояла изъ крѣпости Квебекъ, окруженной нѣсколькими дрянными домишками и балаганами, изъ двухъ или трехъ хижинъ на островѣ Монреаль, изъ такого же числа домиковъ на Тадусакѣ и нѣсколькихъ мѣстъ на рѣкѣ св. Лаврентія, гдѣ производился торгъ мѣхами и рыбою; все это дополнялось кое-какими начатками жилья па «Трехъ Рѣкахъ». Успѣхи колоніи были очень медленны. По ревизіи 1673 г., въ ней находилось только 6,705 жителей, большею частью нормандскихъ эмигрантовъ и уроженцевъ провинціи Пуату. Съ 1685 г. началась несчастная война противъ англо-ирокезцевъ (Cherokees), напавшихъ однажды въ расплохъ и умертвившихъ 200 переселенцевъ, война, продолжавшаяся пятнадцать лѣтъ.

Населеніе уменьшилось и стало оправляться только съ 1700 года, и въ особенности со времени утрехтскаго мира, упрочившаго въ 1713 году спокойствіе Канадѣ, послѣ 28 лѣтъ всевозможныхъ бѣдствій.

Внутреннее управленіе колоніи было абсолютизмомъ власти представителя короля — губернатора, обращавшагося съ переселенцами почти также деспотически, какъ съ солдатами. Грабительства были непомѣрны. Въ нѣсколько лѣтъ губернаторъ могъ пажить громадное состояніе и до тла разорить нѣсколько-сотъ семействъ. Безконтрольное управленіе давало полную возможность поступать произвольно и обманывать королевскую власть на каждомъ шагу. Были впрочемъ между губернаторами и люди хорошіе, желавшіе облегчить разоренную страну, но что значили ихъ добрыя намѣренія въ сравненіи съ какою нибудь прихотью госпожи Помпадуръ? Вся колонія была отдана Людовикомъ XV на покрытіе издержекъ по гардеробу его любовницы.

Въ 1739 г. населеніе состояло почти изъ 43,000 жителей, а въ 1761 почти изъ 70,000. Но снова началась война, и англичане поклялись истребить своихъ соперниковъ. Англійскія колоніи, основанныя почти одновременно въ Канадѣ, пополнялись въ теченіе всего предшествовавшаго періода многочисленными и постоянными эмиграціями, и имѣли уже 1,200,000 жителей. Въ то время, какъ Канада никогда не имѣла болѣе 10,000 эмигрантовъ, — англійскія колоніи приняли къ себѣ сто тысячъ человекъ. Французскій генераль Мангольмъ имѣлъ подъ своимъ начальствомъ 4,200 солдатъ, да потомъ, въ теченіе войны прислали ему подкрѣпленіе въ тысячу рекрутовъ. Англійскія-же колоніи, не истощая своихъ силъ до послѣдняго человека, могли выставить 60,000 милиціи, могли отправить въ Канаду столько людей, сколько она считала жителей; и ко всему тому, Англія сочла нужнымъ послать на помощь колоніямъ 30,000 солдатъ. Кто-бы могъ повѣрить, что въ Англіи тогда было всего 12 милліоновъ жителей, а во Франціи почти вдвое больше!

Начало войны благоприятствовало французскимъ переселенцамъ, но всякая побѣда обходилась имъ очень дорого. Версальскій кабинетъ мало заботился о нихъ нибудь десятинахъ «снѣга въ Канадѣ», по любезному выраженію Вольтера, и англійскія войска, рѣшившись, во что-бы ни стало, уничтожить Канаду, снова вступали въ бой, въ большемъ числѣ и съ большимъ ожесточеніемъ. Наконецъ въ 1759 г. они предприняли жестокое нападеніе на эту стра-

ну, которая казалась имъ живою крѣпостью, гдѣ всякій былъ солдатъ по призванію. Англія двинула 50,000 чел., чтобъ покорить страну, населенную 70,000, изъ которыхъ всего 15,000 носили оружіе, а 5,000 составляли гарнизоны. Всѣмъ извѣстно окончаніе борьбы, смерть на полѣ сраженія генераловъ Вольфа и Манкольма—двухъ великодушныхъ враговъ, — нерѣшенная побѣда, равнявшаяся для кападцевъ невознагражденному пораженію, взятіе Квебека, — и наконецъ капитуляція 1760 года.

«Никогда еще лучшіе шансы для выигрыша, говорить Рамо, не представлялись Франціи; никогда не держала она въ рукахъ удобнѣйшаго случая къ увеличенію своего могущества; ни одна нація не обладала вѣрнѣйшими средствами для защиты своихъ колоній! Положеніе, климатъ, плодородіе почвы, необозримыя пространства земли, переселенцы дѣятельные, отважные, трудолюбивые, въ высшей степени нравственные и религіозные, — все, казалось, соединилось для осуществленія, съ небольшими потерями, этой прекрасной мечты Ришелье, Кольбера и Вобана, — рожденія новой Франціи, сильной и счастливой! И что-же надо было для этого?—Пожертвовать ежегодно небольшою суммою, въ 200,000 франковъ, на поддержку колонизаціи, постоянно имѣть въ странѣ отъ 1,000 до 3,000 солдатъ; — и нѣтъ сомнѣнія, что въ 1750 году мы также имѣли-бы миллионъ поселенцевъ, которые въ настоящее время составили-бы въ Америкѣ отъ десяти до двѣнадцати миллионъ французовъ. Но что-же было сдѣлано на самомъ дѣлѣ? Населеніе, подаренное любовницѣ на гардеробъ, такъ обнищало, что вслѣдствіе своей бѣдности и угнетенія не могло развиваться даже физически, вымирало тысячами во время войнъ и голода, и кромѣ презрѣнія и ненависти не знало другихъ чувствъ къ своимъ правителямъ. Когда думаешь объ этомъ потерянномъ могуществѣ, когда видишь въ исторіи нашихъ королей узкіе взгляды, нераціональное честолюбіе, постыдныя страсти, которымъ принесли въ жертву, съ такими лишениями, это великолѣпное будущее, то сердце возмущается отъ досады и жалости къ политической системѣ, разорившей силы Франціи и принудившей ее прибѣгнуть къ печальной необходимости революціи.»

Послѣ побѣды, аристократія страны, большая часть негоціантовъ, чиновники и всѣ тѣ, кто хоть сколько нибудь принималъ участіе въ мѣстной администраціи, увлеклись ненавистью къ англичанамъ и увѣренностью, что ихъ владычество будетъ недолговременно, и что

Франція нікогда не оставить на произволь судьбы такую драгоцѣнную колонію. Прибывъ во Францію и увидѣвъ, что Канада окончательно для нихъ потеряна, ни одинъ изъ нихъ не вздумалъ воротиться; многіе покинули ликвидацию своихъ дѣлъ и всѣ стали отъискивать новый родъ занятій. Англичане поддержали это стремленіе и дали желающимъ всевозможныя удобства возвратиться во Францію. Эта эмиграція не только уменьшала французское населеніе въ Канадѣ, но и оставляла народъ, лишенный средствъ къ политическому существованію и образованію, безъ всякой поддержки, безъ направленія и единства. Съ одной стороны, побѣдители легко воспользовались случаемъ поработить окончательно жителей и не заботились о ненависти канадцевъ; съ другой стороны, они надѣялись поглотить и *англизировать* несчастныхъ крестьянъ, лишенныхъ всякой матеріальной и нравственной опоры. Все заставляетъ насъ думать, что они хотѣли обращаться съ Канадою, какъ обращались съ Ирландією.

При общемъ упадкѣ умовъ, при общемъ и отчаянномъ пораженіи французской расы, канадцамъ удалось однако не измѣнить самимъ себѣ. Чувство національности, ненависть къ англичанамъ, глубокая привязанность къ своей мѣстности, языку и религіи, внушили этому народу инстинктивное стремленіе къ самосохраненію безъ всякаго матеріальнаго соглашенія. Видимымъ орудіемъ этой пассивной силы сопротивленія было духовенство, тайнымъ, но болѣе дѣйствительнымъ орудіемъ—самыя страданія населенія. Франко-канадцы, потерпѣвшіеся вдоволь, наконецъ составили однородную сжатую массу, постоянно увеличивавшуюся въ неотразимой прогрессіи. Французское населеніе плотно населило берега рѣки св. Лаврентія, и по обимъ сторонамъ ея устроило прочныя жилища, сперва немногочисленныя, но крѣпко примкнутыя одно къ другому; тамъ не было ни англичанъ, ни американцевъ. Жители завели общіе совѣты, на которыхъ обсуждались дѣла цѣлой страны, и если правитель нарушалъ естественныя права гражданъ, между ними находились люди, поднимавшіе голосъ противъ произвола, и чувство оппозиціи было серьезной и постоянной угрозой для деспота.

Началась американская революція, которая, возмутивъ всѣ англійскія колоніи, не оставила другой точки опоры англійскому правительству, кромѣ этой несчастной и презираемой страны. Обѣ стороны заискивали помощи франко-канадцевъ. Вчерашніе побѣжденные, полагавшіе, что равно ненавидятъ обомъ побѣдителей, теперь разъ-

единенныхъ, на нѣкоторое время оставались въ нерѣшимости. Наконецъ убѣдились, что менѣе имѣютъ причинъ бояться англичанъ, живущихъ вдали, чѣмъ американцевъ, сосѣдей. Поэтому они отказались вступить въ Союзъ независимости. Безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ на ихъ рѣшеніе дѣйствовало вліяніе духовенства, которое служило вождемъ народу. Религіозная ненависть, соединенная съ ненавистью сосѣда къ сосѣду, была сильнѣе внушеніи непосредственной выгоды, сильнѣе даже симпатіи къ родственному народу, жившему за океаномъ и принявшему также участіе въ этой войнѣ противъ сосѣда. Извѣстно, что европейскіе французы, Лафайетъ и Рошамбо, сражались подлѣ Вашингтона, а франко-канадцы—противъ своихъ братьевъ, вмѣстѣ съ Бургономъ и Корнваллисомъ.

Съ этихъ поръ въ развитіи америки началась непонятная путаница. Янки, въ это время представлявшіе собою преувеличенный піетизмъ и меркантилизмъ, на сѣверѣ должны были-бы смѣшать свою кровь, идеи и нравы съ кровью, идеями и нравами франко-канадцевъ, на югѣ.—смѣшаться съ элементомъ, несравненно болѣе симпатичнымъ, чѣмъ ихъ собственный элементъ,—съ франко-испанцами. Примкнувъ къ Соединеннымъ Штатамъ, Канада въ скоромъ времени подготовила-бы торжество независимыхъ колоній, такъ какъ англичане не имѣли-бы ни главной квартиры, ни базиса операций для войны съ колоніями; при помощи этого присоединенія сѣверные штаты получили-бы преобладаніе надъ южными, и рабство было-бы отвергнуто Союзомъ, какъ преступленіе и позоръ. Прибавка, одна только легкая прибавка—и вѣсы склонились-бы на одну сторону. Рабство, сорванное съ дерева свободы, не окватило-бы его болѣе своимъ ядовитымъ покровомъ, и не посмѣло-бы его засушить, какъ это едва не случилось. Насъ миновала-бы нынѣшняя война, ожесточенная и кровопролитная, для прекращенія которой мы еще ожидаемъ побѣды, достойной столькихъ усилій, жертвъ и страданій. И кто знаетъ, какія запутанности могутъ еще произойти между сѣверными Соединенными Штатами и даже, можетъ быть, съ конфедераціею англійскихъ колоній! а естественное и логическое соединеніе между ними предохранило-бы ихъ, навѣрное, отъ этихъ замѣшательствъ. Во всякомъ случаѣ, присоединившись къ намъ, Канада не сдѣлалась бы политическимъ уродомъ, полу-французскимъ, полу-англійскимъ учрежденіемъ, похожимъ на тѣло о двухъ головахъ, или на одежду средневѣковаго слуги,—красную съ лѣвой стороны и желтую съ правой.

Впрочемъ, послѣдствія этой ложной точки зрѣнія не замедлили проявиться: Американскіе *лоялисты* (законники), не желая признавать *конгресса мятежниковъ*, удалились въ Канаду, гдѣ англійское правительство щедро надѣлило ихъ землями, въ вознагражденіе за ихъ неожиданную вѣрность. Они-то и составили первое ядро англійской эмиграціи въ странѣ.

Впослѣдствіи къ нимъ присоединили множество солдатъ, распущенныхъ по окончаніи войны, и даже старались водворить ихъ въ незанятой части нижней Канады, съ цѣлью подавить французскій элементъ. Новые поселенцы, число которыхъ постоянно увеличивалось прибытіемъ новобранцевъ, мало-по-малу прекратили доступъ въ Верхнюю Канаду французскому населенію, котораго добрыя намѣренія были, такимъ образомъ, оставлены и даже оттолкнуты съ потерей. Англійское правительство снова объявило ему войну. Оно опиралось теперь на лоялистовъ, своихъ старыхъ солдатъ и эмигрантовъ, которые съ тѣхъ поръ стали наводнить Квебекъ къ крайней невыгодѣ франко-канадцевъ. Спекуляторы и торговцы, рабское и деспотическое отродье чиновниковъ питали къ нимъ жестокую вражду; поэтому лишили ихъ занятія всѣхъ должностей и участія въ общественныхъ дѣлахъ и составили преобладающую касту, владычествующую олигархію. Ихъ цѣль состояла въ томъ, чтобъ сдѣлать изъ Нижней-Канады вторую Ирландію, а изъ жителей — илотовъ. Они этого не достигли. Крестьяне канадцы, не смотря на гнетъ, размножались, какъ израилитяне, тѣсно были связаны другъ съ другомъ, образовали все болѣе и болѣе плотную и однородную массу и отказывались принимать нравы, учрежденія, національность и языкъ побѣдителей; они изгоняли изъ среды своей англійскій элементъ, имъ противодѣйствовавшій. Правда, что послѣдній тѣмъ болѣе укрѣплялся въ мѣстностяхъ, лежавшихъ у большихъ озеръ, развивался тамъ при помощи промышленности, торговли, высшаго образованія, дѣятельности и предпримчивости, свойственныхъ англо-саксонцамъ, — словомъ, при помощи всѣхъ тѣхъ качествъ и преимуществъ, которыя составляютъ продуктъ социальнаго и нравственнаго превосходства этой націи. Такимъ образомъ, побѣжденная и затѣмъ угнетенная французская колонизація въ настоящее время еле дышетъ въ Америкѣ. Цѣлымъ рядомъ ошибокъ и безразсудныхъ мѣръ французское правительство уничтожило свое вліяніе за океаномъ, и кромѣ зла ничего не оставило между разоренными населеніями, за облада-

міе которыми оно такъ много заплатило жизни и крови. Жалѣть о томъ, что Франція не имѣетъ никакаго вліянія въ Соединенныхъ Штатахъ, разумѣется, нечего. Политика ея, кромѣ узкости взглядовъ, примѣняемыхъ къ колоніямъ, кромѣ страсти къ войнѣ и іезуитизма, ничего не давала тѣмъ народамъ, которые подпадали подъ ея власть. Эта несчастная политика, желавшая передѣлать всѣ колоніи на образецъ метрополіи, всегда кончалась тѣмъ, что колонія или отпадала, или обращалась въ рабу душившую своего господина... Въ 1862 году Франція израсходовала на свои колоніи, кромѣ Алжира, 22,368,538 франковъ, а собрала съ нихъ 33,040,703 фр. Слѣдовательно государственная касса получила прибыли десять милліоновъ. Но этой официальной цифрой, показанной въ отчетѣ морскаго министерства, нельзя обольщаться. Если принять въ соображеніе, что колоніи требуютъ отъ Франціи около 30 тысячъ войска, болѣе 3 тысячъ полицейскихъ и другихъ чиновниковъ, занятыхъ непродуманнымъ трудомъ и слѣдов. убыточныхъ въ экономическомъ отношеніи для метрополіи, то мы не преувеличимъ, если скажемъ, что эта мнимая прибыль на самомъ дѣлѣ составитъ убытокъ по меньшей мѣрѣ въ 100,000 франковъ. И за всѣ эти торжественія Франція почти вездѣ теряла свои колоніи, какъ только владѣнія ея соприкасались съ болѣе здоровыми и свѣжими силами другихъ націй. Такъ и въ колоніяхъ Канады. Не нынче, такъ завтра можетъ составиться тамъ новая конфедерація, которая окончательно поглотитъ французскій элементъ. Но что же собственно такое эта новая конфедерація?

III.

Первое важнѣйшее послѣдствіе сѣверо-американской войны и упроченное въ настоящее время торжество сѣверныхъ штатовъ надъ южными необходимо должно было образовать новую солидарную группу штатовъ, на образецъ федераціи, имѣющей главнымъ центромъ Вашингтонъ. Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, какъ мѣстное общественное мнѣніе сильно озабочено этимъ проектомъ. Толковали за и противъ, выясняли сомнительные и трудные пункты, и мнѣніе большинства жителей согласилось наконецъ въ томъ, что проектъ можетъ и долженъ быть осуществленъ. Волненіе усиливалось и про-

нико даже въ официальные кружки. Говорятъ, что первый толчекъ былъ данъ морскими провинціями, которыя, чувствуя себя слишкомъ слабыми и отдаленными отъ метрополи, назначили между собою совѣщаніе въ Чарльстоунѣ. Это было въ первыхъ числахъ сентября. Канадцы просили дозволенія присутствовать на конфедераціи и предложили принять въ составъ новаго союза всѣ англійскія колоніи Сѣверной Америки. Предложеніе было принято съ восторгомъ, и депутаты всѣхъ провинцій были снова созваны на собраніе въ городѣ Галифаксѣ (Новая Шотландія), съ цѣлью условиться относительно выбора средствъ для образованія политическаго общества изъ Верхней и Нижней Канады, Акадіи или Новой Шотландіи и Новаго Брауншвейга, Новой земли или Ньюфаундленда и острова принца Эдуарда. Пренія происходили пять дней, сопровождаемыя пиршествами; по старой привычкѣ разсуждать за столомъ о важнѣйшихъ вопросахъ жизни и политики. При содѣйствіи роскошныхъ обѣдовъ, проектъ возбудилъ общій энтузіазмъ, и было рѣшено объѣхать всѣ провинціи и устроить тамъ такія же собранія и банкеты. На островѣ св. Іоанна (Новый Брауншвейгъ) будущіе конфедералисты снова пили за славу и процвѣтаніе будущаго союза. Новое свиданіе было назначено въ Квебекѣ для составленія новаго соціального контракта.

Послѣднія извѣстія сообщаютъ намъ о результатахъ собранія 10 октября и послѣдующихъ дней. Президентомъ на немъ былъ генералъ-губернаторъ Канады, въ качествѣ представителя королевы Великобританіи.

Конференція согласилась относительно главныхъ постановленій статута, который, чтобъ имѣть силу закона, долженъ быть утвержденъ англійскимъ правительствомъ и иѣстными законодательными установленіями.

Союзъ долженъ состоять изъ трехъ отдѣловъ. Первый, обладая 24 голосами, будетъ образованъ изъ Верхней Канады; второй, съ 24 голосами, изъ Нижней; въ третій войдутъ различныя провинціи: Новая Шотландія съ 11 голосами, Новый Брауншвейгъ съ 10, островъ принца Эдуарда съ 3 и Новая Земля съ 4. Итого 76 голосовъ. Впослѣдствіи остальная часть англійской Америки, состоящая изъ территорій Красной Рѣки, британской Колумбіи на слонѣхъ Тихому Океану и острова Ванкувера, можетъ быть присоединена къ конфедераціи, подъ названіемъ 4-го отдѣла, но только въ томъ

случаѣ, когда населеніе этихъ земель и его промышленное значеніе достигнуть известной степени развитія. Каждый изъ этихъ территоріальныхъ отдѣловъ составитъ особый штатъ съ своими правами, специальными установленіями и мѣстнымъ правленіемъ. Центральное правительство будетъ состоять изъ представителя англійской короны, президента, сената и палаты депутатовъ, избираемыхъ народомъ. Губернаторъ, вспомошествоваемый министертвомъ, будетъ пользоваться тою-же властью, какъ президентъ Соединенныхъ Штатовъ, съ тою только разницею, что отвѣтственность его будетъ подлежать не народу, а королевѣ; во всякомъ случаѣ, онъ долженъ постоянно основываться на мнѣніи большинства палаты (известно, что это и составляетъ слабую сторону конституціоннаго устройства). Федеральное правительство имѣетъ высшее наблюденіе за направленіемъ общественныхъ интересовъ, таможеннаи, мореплаваніемъ, государственными банками, налогами, уголовнымъ и торговымъ законодательствомъ и судопроизводствомъ, почтами, общественными работами, армію и флотомъ. Съ финансовой точки зрѣнія, соединеніе бюджетовъ различныхъ провинцій не причинитъ важныхъ затрудненій, ибо ни въ одной изъ нихъ не существуетъ значительныхъ податей, и въ каждой государственные доходы превосходятъ расходы.

Самая большая трудность состоитъ въ томъ, чтобы съ точностью опредѣлить отношенія каждаго штата къ центральной власти. Кто долженъ служить жизненнымъ центромъ для новой организаціи: мѣстное-ли правительство или общее собраніе штатовъ? Желаютъ-ли образовать одинъ штатъ, или агрегацию штатовъ; такую-ли федерацію, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ, или подобную Германскому Союзу?

Опытъ говоритъ, что стремленіе къ единству возрастаетъ съ теченіемъ времени. Увеличивающееся удобство сообщеній, постоянное сближеніе, болѣе прочныя отношенія людей и ихъ интересовъ заставляютъ желать болѣе неразрывнаго соединенія мѣстныхъ установленій съ правительствомъ. Сперва заботятся о мѣстной независимости, а потомъ, по мѣрѣ того, какъ исчезаютъ частныя различія, стремятся къ упрощенію и единству. Это единство, вытекающее изъ взаимныхъ отношеній людей, соединенныхъ въ одно социальное цѣлое и основанное не на угнетеніи, все сравниваемомъ въ одинъ нуль, а на индивидуальности отдѣльныхъ частей, дѣйствующихъ независимо и въ то же время согласно съ общими интересами, — такое

единство нисколько не нарушитъ гражданской свободы, безъ которой нѣтъ силы и нравственнаго союза людей.

Но чѣмъ окончатся эти совѣщанія—пока еще неизвѣстно. Останется-ли перевѣсъ въ избирательной системѣ за правительствомъ или за народомъ—этотъ вопросъ еще не рѣшенъ. Дебаты о центральной организаціи закоповъ, арміи и флота также отложены на будущее время.

Мѣстопробываніемъ новаго правительства будетъ Оттава, въ англійской Нижней Канадѣ, хотя и недалеко отъ границъ Верхней. Можетъ быть, Монреаль именно и не былъ избранъ для этого, чтобъ еще болѣе нейтрализовать французское вліяніе.

Удивительно, что такое великое дѣло, долженствующее рѣшить будущность этой страны, утверждается не согласіемъ всего народа, до котораго оно касается, а только подачею голосовъ законодательныхъ собраній, которыя, при избраніи своемъ, не получили относительно этого предмета никакихъ уполномочій. Между тѣмъ общественное мнѣніе очевидно на сторонѣ этого проекта, хотя онъ до сихъ поръ и считается тайнымъ, равно какъ и совѣщанія о немъ. Официальнымъ образомъ все это дѣло будетъ объявлено на большомъ банкетѣ въ Монреаль. Во время совѣщанія была оказана большая уступчивость внушеніямъ правительства. Такой образъ дѣйствій можетъ назваться очень искуснымъ.

Мы не намѣрены высказывать наше мнѣніе объ этой конституціи. Конституція не такая вещь, которая могла бы быть хороша или дурна сама по себѣ. Она имѣетъ цѣну только по отношенію къ людямъ, примѣняющимъ ее на практикѣ. Отъ этихъ людей зависитъ придать ей извѣстный характеръ и измѣнить его, точно такъ, какъ жилецъ можетъ измѣнить видъ своихъ комнатъ, смотря по своимъ средствамъ, занятіямъ, или просто по своему вкусу.

Какъ приняла Англія этотъ проектъ?

Прежде всего политическіе люди задали себѣ вопросъ, не повредитъ-ли онъ чѣмъ нибудь настоящему положенію дѣла и владѣнію портомъ въ Галифаксѣ, промышленномъ центрѣ страны, богатой каменноугольными копями? „Это мѣсто рожденія угля, восклицаетъ докладчикъ (Examiner), есть одинъ изъ самыхъ здоровыхъ *коренныхъ зубовъ* Великобританіи, и мы не хотимъ, чтобъ у насъ его вырвали!“

Потомъ занялись старымъ вопросомъ о томъ, въ какой степени колоніи имѣютъ право располагать сами собой.

Этотъ вопросъ болѣе пятидесяти лѣтъ занимаетъ англійскій парламентъ, рѣшается въ немъ pro и contra, и до сихъ поръ не можетъ изъ пустыхъ словопреній, изъ праздныхъ дебатовъ перейти въ сферу дѣйствительной жизни. Какъ мы уже сказали выше, всѣ мыслящіе люди давно согласились въ томъ, что законодательная и административная опека метрополіи надъ колоніями есть величайшее зло для той и другой стороны; что эта система, какъ остатокъ древняго рабства, основаннаго на эксплуатаціи личности, труда и собственности завоеванныхъ народовъ, въ общечеловѣческой экономіи надѣлала зла очень много. Намъ нетрудно было-бы доказать статистическими цифрами, если-бъ только цифры могли прибавить что нибудь къ здравому пониманію той истины, что колоніи, строго зависимыя отъ метрополіи, постепенно бѣднѣли и вымирали. Всѣ испанскія и французскія населенія въ южной Америкѣ дошли до такой преждевременной дряхлости, а производительность ихъ земли такъ истощилась, что дикіе туземцы, живущіе охотой и кочующіе въ лѣсахъ, несравненно счастливѣе осѣдлыхъ жителей колоній. Но въ рутинѣ и недалеконидности государственныхъ людей Англіи недостатка никогда не было. Для нихъ географическія карты — пѣмь, а числа всегда слѣпны. Имъ все равно, строятся-ли многолюдные города среди степей, проводятся-ли желѣзныя дороги въ лѣсахъ и телеграфическія линіи черезъ горы, гдѣ прежде разгуливали медвѣди. Они принаравливаютъ эту доктрину къ колониальной системѣ, которой придерживались еще ихъ отцы и дѣды во время короля Георга III. Считаая себя болѣе образованными и практичными, чѣмъ ихъ антиподы, они хотятъ изъ лондонскаго кабинета держать на привязи 20 милліоновъ австралійскихъ и ново-зеландскихъ сеттлеровъ. И они дѣйствовали такъ ловко, что на языкѣ ихъ поселенцевъ *British wit* означаетъ высшую степень глупости, которой можно достигнуть.

Консерваторы старой школы какъ будто не знаютъ дѣйствительнаго положенія вещей. Принадлежа къ партіи закоренѣлыхъ торіевъ, они все еще проповѣдуютъ усмиреніе колоній силою оружія, бывшее въ ходу до возстанія Бостона (они ничего не забыли стараго и ничего не узнали новаго). Они до сихъ поръ не поняли, что величіе Англіи не зависитъ отъ силы оружія, отъ побѣдъ на сушѣ

и морѣ, отъ числа казармъ, крѣпостей и военныхъ тюремъ. Они еще не простили Соединеннымъ Штатамъ ихъ освобожденіе изъ невольничества, ихъ стремленіе увеличить болѣе чѣмъ вдвое богатства Англіи.

Заглянемъ, напримѣръ, въ *John Bull*, этотъ провозвѣстникъ англійскихъ предрассудковъ, журналъ до фанатизма преданный описанію конскихъ скачекъ и кулачныхъ боевъ, льстящій, подъ видомъ патріотизма, разнымъ гнуснымъ страстишкамъ своего общества, и собирающій обильную лепту съ великобританской тупости. Вотъ его мнѣніе о колоніяхъ:

„Война въ Соединенныхъ Штатахъ должна бы, кажется, озарить, омраченные умы нашихъ государственныхъ людей, какъ виговъ, такъ и радикаловъ. Пусть посмотрятъ они на результаты независимости колоній, на конецъ концовъ громкихъ обѣщаній о свободѣ, равенствѣ и братствѣ, которыя должны бы осуществиться въ Новомъ Свѣтѣ,—странѣ богатой, плодородной и безграничной, гдѣ 50 поколѣній воздержныхъ и промышленныхъ поселенцевъ должны были найти болѣе, чѣмъ обиліе. Между тѣмъ, еще не успѣли смѣниться три поколѣнія, еще не протекла жизнь долговѣчнаго человѣка, какъ уже преемники Вашингтона и Франклина погрузились въ антиконституціонный разбой (constitutional ruffianism) Линкольна, Съюрда и собратіи. Неужели намъ нельзя предохранить отъ подобной участи колоніи новой Британіи?..

„Къ несчастію, самыя дикія и нелѣпыя идеи пошли въ ходъ, по поводу предполагаемыхъ выгодъ и предполагаемыхъ желаній Англіи, имѣющихъ будто бы цѣлью разрывъ всякихъ сношеній съ колоніями. Дики и даже англичане, достойные быть янками, думаютъ или полагаютъ, будто думаютъ, что уступка Греціи Ионическихъ острововъ служить прекраснымъ примѣромъ для будущей уступки нашихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ братцу Джонатану. Но чѣмъ же со временемъ отблагодарить насъ этотъ дюжій братецъ? Усилившись на нашъ счетъ (сила, по мнѣнію журнала псовой охоты, заключается въ ширинѣ и долготѣ территоріи), онъ не замедлитъ поставить свой флотъ въ устьяхъ Темзы и взять Лондонъ приступомъ...

„Мы и всѣ патріоты (т. е. псовые охотники и кулачные бойцы) не можемъ безнаказанно дать независимость ни одной изъ своихъ колоній. Въ теченіи послѣднихъ 30 лѣтъ, Англія съ минуты на минуту ожидала войны съ Соединенными Штатами, — войны, которая

непремѣнно окончилась-бы торжествомъ нашего врага, если-бъ мы не содержали постоянныхъ войскъ въ нашихъ колоніяхъ и не упражняли ихъ въ военномъ искусствѣ (т. е. въ охотѣ за дикарями, подобными Китайцамъ и Японцамъ). Ясно, наконецъ, что эта восхваляемая независимость гибельна точно также колоніямъ, какъ и метрополиі. Соціальная система нашихъ колоній, лишенная выгодъ англійскихъ учреждений, скоро приметъ характеръ насильственной политики, — политики невѣжественной, хвастливой, шумливой, для обозначенія которой мы не находимъ лучшаго слова, какъ янвизмъ. Если-бы Канада приобрѣла независимость, то, по прошествіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, она сдѣлалась бы жалкою и отвратительною колонією Новой Англій, а наши честные люди были-бы вѣчно на сторожѣ, — какъ мы были, цѣлые 50 лѣтъ, на сторожѣ въ отношеніи къ Соединеннымъ Штатамъ!

Такъ думаетъ органъ англійскаго патріотизма, шовинизма и псовой охоты. На самомъ же дѣлѣ, лучшая часть англійской націи убѣждена, что колонія ея есть величайшій тормозъ для ея внутренняго развитія и благосостоянія. Она ждетъ только случая, какъ-бы освободиться отъ убыточной и опасной опеки. На ней лежатъ отвѣтственность за все, что происходитъ на берегахъ Ганга, Моррея, Темзы. Войско Англій до комизма непропорціонально огромнымъ владѣніямъ: триста тысячъ чаловѣкъ обязаны подавлять малѣйшія попытки къ возмущенію въ Ирландіи, Сѣверной Америкѣ, Африкѣ, Гвіанѣ австрійской колоніи, на островахъ Тихаго океана и Антильскихъ.

Она должна удѣлить часть своихъ войскъ Китаю и Японіи, должна держать ихъ наготовѣ и въ Европѣ, чтобъ парадировать ими передъ Россією, императоромъ Наполеономъ, а въ случаѣ надобности и передъ Италіей. Поэтому выгоды Великобританіи требуютъ, чтобъ колоніи были предоставлены самимъ себѣ, не стоили большихъ издержекъ въ деньгахъ или людяхъ. А въ отношеніи къ численности солдатъ Англія не особенно любитъ предаваться роскоши. Тамъ, гдѣ она эксплуатируетъ, — Франція поступаетъ тиранически, и съ нею поступаютъ точно также. Последняя на столько глупа, что изъ своей алжирской колоніи сдѣлала нѣчто въ родѣ военного училища, куда посылаетъ солдатъ учиться стрѣлять въ цѣль изъ человѣческаго мяса. И эта-то богатая и великолѣпная страна, лежащая у ея преддверія, которая могла-бы сдѣлать ее богатѣйшимъ государствомъ въ свѣтѣ, въ настоящее время не что иное, какъ вспомо-

гательное мѣсто для практическихъ военныхъ шоль Метца и Сень-Сира. Въ свою очередь, Англія считаетъ свои колоніи не чѣмъ инымъ, какъ конторами. Куда Франція посылаетъ солдата, который уменьшаетъ ея ресурсы, туда Англія посылаетъ прикащика, который въ сущности дѣлаетъ тоже, что французскій солдатъ. И вотъ почему армія въ 300,000 чел. достаточна Великобританіи для обладанія пятою частью свѣта, въ то время, какъ 600,000 чел. едва достаточны Наполеону III, для того, чтобы держать въ повиновеніи Францію и Алжиръ.

Понятно, что извѣстіе, полученное въ Англіи о новой конфедерации ея американскихъ колоній, произвело общее безпокойство. Если-бъ дѣло касалось Индіи или Ирландіи, то нечего и говорить, что англійское правительство, увѣренное въ своихъ силахъ, не стало-бы долго разсуждать о томъ, какъ поступить съ этими владѣніями. Но въ Америкѣ положеніе ея совсѣмъ другое. Тутъ она встрѣчается съ могущественнымъ и свободнымъ народомъ, съ которымъ борьба не по силамъ старой Англіи. А борьба эта очень возможна, если Соединенные Штаты примутъ подъ свою защиту новую конфедерацию. Тогда 300,000 англійскаго войска, разбросаннаго по всѣмъ частямъ свѣта, будетъ слишкомъ мало. Вотъ какъ сравниваетъ эти силы *New York Herald*, въ № отъ 10 октября, подсмѣиваясь надъ Джонъ Булемъ.

«Увы! старое доброе время прошло, и Людовикъ XV не сказалъ-бы теперь: Англія воюетъ и платитъ за всѣхъ. Эта старая Англія умерла и похоронена; а нынѣшняя Англія не воюетъ за всѣхъ. Она насилу и себя можетъ защитить. «Times» приводитъ, при соображеніи о военныхъ силахъ Великобританіи, гибельный примѣръ крымской компаніи. По сознанію «Times» Англія не могла-бы выставить достаточное количество людей даже на одно такое сраженіе, которое походило-бы на сраженіе подъ предводительствомъ *Гранта*.

«Но Англія оказала свою слабость и въ болѣе недавнее время, у насъ на глазахъ. Когда произошло дѣло съ *Трентомъ*, она горячилась и бѣсновалась и, чтобъ напугать насъ военною демонстраціею, рѣшилась послать подкрѣпленіе своихъ войскамъ въ Канаду. Съ огромными усилиями и большими издержками удалось ей собрать десять тысячъ человекъ, —десять тысячъ человекъ, посланные противъ насъ, были принуждены однакожъ просить у насъ же позволенія перейти черезъ нашу территорію. Они должны были защи-

щать границы владѣній противъ народа, который лишается вдвое болѣе людей въ одномъ сраженіи и едва обращаетъ на это вниманіе (?). Но, говорятъ, у Англіи есть армія волонтеровъ.—Дѣйствительно, она постаралась, во что бы ни стало, возбудить энтузіазмъ и подогрѣть воинскій жаръ Джонъ Буля. Всѣ взрослые люди мужескаго пола обязаны были выстроиться въ шеренги и сдѣлаться карабинерами королевы; но это не вполне удалось: набрали не болѣе 140,000 чел., да и изъ этого числа многіе пронажи-бы безъ вѣсти на дорогѣ, если-бъ въ самомъ дѣлѣ пришлось драться.

«Сравнимъ силы, которыя Англія и Канада могутъ выставить противъ насъ.

«Что значить ничтожная толпа въ 10,000 чел., навьюченныхъ и уродливо наоруженныхъ англичанъ, идущихъ противъ арміи Гранта, у котораго въ одну недѣлю можетъ составиться войско въ 100 и, если угодно, въ 200 тысячъ. А что надо сказать о могуществѣ того флота, который можетъ держать въ осадномъ положеніи весь европейскій берегъ атлантическаго океана, у котораго есть вновь изобрѣтенные фрегаты и орудія, одолюющія всякую силу сопротивленія? 140,000 англійскихъ волонтеровъ, соединившихся съ тою частью населенія Канады, которая была-бы въ состояніи взяться за оружіе, разумѣется, представили-бы довольно значительную силу, если-бы даже половина ея и погибла въ лагерѣ, или на полѣ сраженія; но тѣмъ не менѣе взглянемъ на общій характеръ фактовъ, нисколько не измѣняя ихъ. Одинъ только штатъ Нью-Йоркъ выслалъ на войну 300,000 чел.; почти тоже сдѣлала Пенсильванія. Безполезно представлять дальнѣйшія доказательства того, до какой степени бессмысленно сравнивать съ нашими силами военныя силы Англіи и колоній. Нѣтъ сомнѣнія, что придетъ день, когда Канада сброситъ съ себя цѣпи старой метрополіи и воспользуется благими результатами нашихъ учрежденій! Что же касается желанія республиканцевъ Соединенныхъ Штатовъ овладѣть сосѣдними колоніями, то стоитъ-ли говорить, что, имѣя даже на это возможность, они никогда и не подумали-бы объ этомъ».

Такия назидательныя рѣчи не остаются безплодными даже для англійскаго правительства. Не смотря на общее безпокойство и полную готовность парализировать новой союзъ своихъ американскихъ колоній, она старается предохранить себя отъ несприятныхъ столкновеній съ Соединенными Штатами, не противясь учре-

денію будущей конфедераціи. Торжество американцевъ не есть еще вполне оконченный и установленный фактъ, но уже лордъ Пальмерстонъ и императоръ Наполеонъ ступеваются, — одинъ со стороны сѣвера, другой со стороны юга, и сторонятся, какъ несостоятельные должники на дорогѣ своихъ кредиторовъ. Мы не станемъ упрекать ни лорда Пальмерстона, ни императора Наполеона за такое благоразуміе.

И такъ мы съ удовольствіемъ смотримъ на это возрождающееся государство, которое обѣщаетъ свергнуть съ себя опеку метрополи, чтобъ сдѣлаться независимымъ штатомъ, организованнымъ на свой собственный ладъ. Вотъ, говорятъ американцы, родились новые братья. Земля довольно обширна и для нихъ, и для насъ, для маленькой республики подлѣ большой. Языкъ, нравы и климатъ у насъ общіе. Ихъ интересы и учрежденія основаны на свободномъ трудѣ, который играетъ у насъ главную роль. Нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени Соединенные Штаты расширятъ свои предѣлы, какъ на сѣверъ, такъ и на югъ рѣки св. Лаврентія. «Канадцы, говорятъ по этому поводу *Нью-йоркская трибуна*, еще чувствуютъ себя подъ покровительствомъ Англіи, но только-что сдѣлаются свободною націею, какъ, въ свою очередь, почувствуютъ себя людьми. Теперь они еще считаютъ себя подданными Европы, но только лишь воспользуются исключительнымъ положеніемъ, предоставленнымъ имъ развитіемъ ихъ торговли и промышленности, какъ научатся уважать самихъ себя, а стремленіе къ ихъ собственной пользѣ сдѣлаетъ изъ нихъ американцевъ.»

Одного взгляда на географическую карту достаточно, чтобъ убедиться въ томъ, что большая часть Канады должна быть *американизована*. Между озерами Онтарио, Эрио, Сентъ-Клеромъ, Гурономъ и Симкоэ простирается необычайно плодородная земля, къ которой стремится большая часть колонистовъ англійскаго и шотландскаго происхожденія. Эта область соединяетъ въ себѣ всѣ преимущества: отличаясь природою острововъ, она съ другой стороны расположена въ центрѣ материка и какъ-бы вставлена между двумя штатами, — Нью-Йоркомъ и Мичиганомъ. Два большихъ города, — Буффало на востокъ, Детронтъ на западѣ, охраняютъ ее какъ часовые. Продукты, отправляемые изъ Сентъ-Луи и цвѣтушихъ мѣстностей Far West'a проходятъ чрезъ эту часть канадской территоріи, достигаютъ Буффало, Нью-Йорка и Европы и вымѣниваются на продукты англійской

фабрикации; янки слѣдуютъ по той же дорогѣ, только въ обратномъ смыслѣ. Люди и вещи постоянно слѣдуютъ по этому пути, а для удобства постоянно увеличивающейся торговли едва достаточно трехъ параллельныхъ сѣтей желѣзныхъ дорогъ. Между Буффало и Детрономъ поѣзды смѣняются непрерывно. Интересы канадскихъ жителей тѣсно связаны съ интересами сосѣднихъ штатовъ. Когда будетъ заключенъ новый трактатъ, предложенный американскими торговыми палатами, и учредится свободная мѣна между двумя сосѣдственными народами, тогда часть канадскаго полуострова, включенная въ составъ Америки, будетъ ни чѣмъ инымъ, какъ складочнымъ мѣстомъ Соединенныхъ Штатовъ; а смѣшеніе интересовъ, обусловливаемое общимъ языкомъ, общими нравами и религіею, безъ сомнѣнія, окончится тѣмъ, что соединить всѣ національности въ одинъ и тотъ же единственный народъ.

Что касается канадцевъ французскаго происхожденія, то они навѣрное не такъ легко смѣшаются съ англо-саксонцами Америки. Въ настоящее время существуетъ полнѣйшая несовмѣстность характеровъ между французскими канадцами и янками. Этотъ антагонизмъ происходитъ однако не вслѣдствіе различія расъ. Потомки *льсныхъ бродягъ*, которые соединились съ дикарями и выдавали своихъ дочерей за абенакиевъ, не имѣютъ отвращенія къ прелестнымъ американкамъ, точно такъ, какъ и онѣ смотрятъ довольно ласково на краснокожихъ сосѣдей.

Французъ менѣе чѣмъ кто-либо зараженъ предрасудками расы. Обладая самою характеристичною національностью, онъ считаетъ всѣ другія націи равными себѣ. Но между канадцами и янками существуетъ теологическій споръ, разногласіе въ пониманіи сущности Верховнаго Владыки, которой одинъ придаетъ смыслъ протестантскій, а другой смыслъ католическій, а этого достаточно для нахождения болѣе или менѣе справедливыхъ разнорѣчій. Къ этому надо прибавить различіе и въ политическомъ воспитаніи этихъ народовъ. Франко-канадцы, благодаря постоянной опеке своей метрополіи, не выработали того гражданскаго чувства, которое отличаетъ американцевъ. Первые привыкли ожидать всего отъ правительства, а вторые во всемъ полагались на самихъ себя.

Такимъ образомъ требуется еще много времени, чтобы изгладить слишкомъ рѣзкія отличія въ характерѣ американцевъ и франко-канадцевъ. Между ними существуетъ такая же разница, какъ

между сѣверянами и южанами. Только житель береговъ рѣки св. Лаврентія пользуется всѣми преимуществами прибрежнаго жителя Миссиссипи, безъ всякихъ неудобствъ своего положенія. У него негръ бѣглець находитъ всегда пріютъ, въ которомъ еще недавно ему отказывали свободные Штаты Америки, даже въ Массачусетсѣ и Бостонѣ. Франко-канадецъ откровененъ, отваженъ, хорошій товарищъ, не прочь хорошо покушать и пользоваться общественными удовольствіями; онъ любитъ танцы и музыку и похожъ на француза прошлаго столѣтія. Можно сказать, что на прибрежьи рѣки св. Лаврентія скорѣе, чѣмъ въ самомъ отечествѣ, найдется удивительно хорошо сохранившійся типъ настоящаго француза. Что-же касается Американца, то пуританизмъ, соединенный съ духомъ денежной спекуляціи, образовалъ изъ него суроваго работника, по преимуществу чловѣка дѣловаго, ревниваго къ своимъ личнымъ правамъ и всегда готоваго постоять за ихъ неприкосновенность.

Въ Канадѣ, гдѣ родилась первая мысль о конфедераціи, этотъ проектъ естественно послужилъ предметомъ самаго восторженнаго поклоненія. Программа федералистовъ была представлена на судъ публики, съ большою ясностью и искусствомъ, однимъ изъ корреспондентовъ газеты Mail, отъ 18 августа. Она резюмируется въ слѣдующихъ словахъ: «конфедерація дастъ намъ силу, возвратитъ намъ утраченную національность и, вслѣдствіе этого, приготовитъ намъ блестящую будущность.» Не должно забывать, что уже съ давняго времени отношенія между англичанами-протестантами Нижней Канады и французами-католиками Верхней сдѣлались очень натянутыми. Тѣ и другіе имѣли достаточный поводъ упрекать другъ друга, но жалобы однихъ преимущественно основывались на прошедшемъ, жалобы другихъ на настоящемъ. Французская партія вообще не придерживается духа либерализма. Будучи ревностными католиками, франко-канадцы служатъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своихъ священниковъ; умственный горизонтъ ихъ простирается не далѣе тѣхъ предѣловъ, какіе видны съ колокольной ихъ сельской церкви, а политическія умозрѣнія не переходятъ границъ обитаемаго ими участка. Франко-канадецъ, какъ земледѣлецъ, и притомъ земледѣлецъ съ самымъ рутиннымъ взглядомъ на вещи, всегда привязанъ къ землѣ; его душа — рабыня поземельнаго дохода. Колонизація Канады была главнымъ образомъ обязана своимъ существованіемъ землевладѣтелямъ, которымъ губернаторы уступали земли. Часто помѣщики

отправлялись во Францію искать крестьянъ для обработки своихъ земель за извѣстную плату. Эта плата была довольно незначительна. Общность опасностей водворяла между помѣщиками и крестьянами отношенія братства, но не равенства. Священники заключили тѣсный союзъ съ помѣщиками, такъ что свѣтская и духовная власть, дѣйствуя сообща, развили въ невѣжественномъ и простомъ населеніи, вмѣстѣ съ заботами о воздѣлываніи земли и самозащитеніи, привычки патріархальныя, существующія до сихъ поръ и составляющія даже основаніе характера этого страннаго народа. Канадецъ имѣлъ, сравнительно, хорошихъ священниковъ и хорошихъ помѣщиковъ; онъ самъ также добрый малый, и вотъ почему остался до сихъ поръ несовершеннolѣтнимъ юношей.

Кажется, этотъ народъ до сихъ поръ видитъ свой идеаль и свое назначеніе въ одномъ лишь обладаніи землею, съ цѣлью имѣть возможность умножать количество своихъ дѣтей; не смотря на свое гнѣніе, онъ возрастаетъ въ постоянно увеличивающейся прогрессіи. Вотъ что говоритъ по этому поводу г. Рамо, искренній другъ поселенцевъ и ихъ краснорѣчивый защитникъ: «послѣ того, какъ политическое управленіе изъ вѣдръ отечества, а потомъ притѣсненія побѣдителя парализировали ихъ общественную дѣятельность, они все еще не могутъ опомниться и остаются слабыми въ своей дѣятельности; у нихъ еще не вывелся муниципальный порядокъ, они не научились пользоваться всѣми удобными случаями для развитія своей дальнѣйшей колонизаціи и улучшенія собственнаго положенія. При всякомъ дѣлѣ они обращаются съ просьбою о вспоможеніи деньгами къ центральному правительству, какъ будто оно въ состояніи дать имъ что нибудь другое, кромѣ того, что само же отъ нихъ потребуетъ. Такимъ образомъ происходитъ бесполезное круговращеніе общественныхъ сихъ и капиталовъ, которыхъ часть теряется при передвиженіи; а между тѣмъ, было бы очень легко избрать одно мѣсто для сбыта продуктовъ, которые отсылались-бы потомъ въ главный центръ, а тотъ, въ свою очередь, перепродавалъ-бы ихъ покупателямъ».

На образованіе канадцевъ всегда обращалось очень мало вниманія; въ умственномъ развитіи франко-канадцы стоятъ гораздо ниже населенія Верхней-Канады и американцевъ. Въ томъ вина католицизма, незавиднаго и превращающаго человѣчскій разумъ, а слѣдовательно и все то, что стремится къ развитію и совершенствованію,

Извѣстно, что католическіе священники съ большимъ отвращеніемъ допускають необходимость образованія.

Иначе шло образованіе въ англійскихъ колоніяхъ. Основанныя пуританами, людьми суровыми, непреклонными, большею частью съ узкими и грубыми понятіями, но добросовѣстными, жертвовавшими за свои убѣжденія богатствомъ, отечествомъ, жизнью и тѣмъ, что было для нихъ дороже жизни,—штаты Новой Англійи населились людьми энергическими. Эти люди раздѣлились на прочныя общины, которыя и сдѣлались колыбелью многихъ республикъ и федераціи республикъ. Англо-канадецъ, менѣе обходительный и изящный, менѣе, повидимому, разносторонній, но болѣе грубый и суровый, чѣмъ франко-канадецъ, имѣетъ однако такую индивидуальную силу, какою послѣдній никогда не обладалъ. Онъ кажется менѣе развитъ, но въ дѣйствительности гораздо болѣе свѣдущъ своего соперника; онъ стремится со дня на день къ улучшенію и образованію себя, въ то время, какъ другой не выходитъ изъ обычнаго уровня; онъ оказываетъ большіе успѣхи въ промышленности, занимается торговлею, у него болѣе силы воли, болѣе инициативы, болѣе ответственности; онъ чувствуетъ себя человекомъ. Онъ прогрессистъ, а тотъ приверженецъ рутины и консерваторъ. Словомъ, англо-канадецъ олицетворяетъ собою высшую идею человѣческой дѣятельности и возмужалости.

Послѣ всего сказаннаго, легко понять, что проектъ конфедераціи былъ въ началѣ предложенъ преимущественно противъ французской партіи, которая держала черезъ-чуръ въ большомъ равновѣсіи партію англійскую. Въ палатѣ депутатовъ, въ народѣ, въ совѣтѣ центрального управленія, обѣ силы постоянно нейтрализовали другъ друга. Послѣдствіемъ этого было то, что не только политическое, но и гражданское управленіе становилось невозможнымъ. Всякая важная мѣра оканчивалась мыльнымъ пузыремъ, всякое полезное измѣненіе сейчасъ-же становилось невозможнымъ или бесплоднымъ и всегда по милости той или другой партіи. Большинство, министерства, кабинеты устраивались, разстраивались и снова составлялись на подобіе разноцвѣтныхъ стеколъ въ калейдоскопѣ. А умы волновались, дѣло почти доходило до междуусобной войны, которая, нѣтъ сомнѣнія, вспыхнула-бы тотчасъ по окончаніи войны въ Соединенныхъ Штатахъ. Именно для разведенія двухъ партій и для предоставленія одной изъ нихъ преобладающаго вліянія была изобрѣтена эта комбинація. Безполезно говорить, что при ея помощи востор-

жестовала элементъ англійскій, морской, протестантскій, промышленный и торговый надъ элементомъ французскимъ, земледѣльческимъ, католическимъ и консервативнымъ. Поэтому франко-канадцы только въ половину довольны проектомъ конфедераціи, который, по всей вѣроятности, вовлечетъ ихъ въ ненавистный союзъ съ Англіею, постоянно ими отвергавшійся. Но оптимисты утѣшаются мыслью, что они составятъ отдѣльный штатъ, будутъ пользоваться отдѣльнымъ управленіемъ, будутъ имѣть свою палату, свой сенатъ и своего губернатора. Они придаюгь большую цѣну такому раздѣленію и именно потому, что ихъ соединеніе съ Верхнею Канадою произошло помимо ихъ воли, и что они были вовлечены въ возстаніе 1837 года, столь жестоко подавленное англійскимъ правительствомъ.

Итакъ новый вопросъ возникъ въ политическомъ мірѣ, какъ противодѣйствіе войнѣ въ Соединенныхъ Штатахъ. Это вопросъ о конфедераціи англійскихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ. Въ группѣ населеній, стремящихся въ настоящее время къ присоединенію, главнѣйшую роль играютъ протестантизмъ и католицизмъ, англо-канадская раса и франко-канадская. До тѣхъ поръ, пока эти два главные элемента конфедераціи не сольются во едино, они будутъ стремиться къ разединенію. Этому стремленію благоприятствуютъ два явленія:

Англо-канадская раса, какъ элементъ прогрессивный, будетъ стремиться къ соединенію съ населеніемъ Соединенныхъ Штатовъ, отъ которыхъ они ничѣмъ не раздѣлены, кромѣ небольшихъ недоразумѣній и случайныхъ ссоръ.

Франко-канадская раса, своимъ языкомъ, религіею, нравами, увеличивающимся населеніемъ, могла бы одна представить основанія для національности, дѣйствительно способной противоборствовать всепоглощающей силѣ Соединенныхъ Штатовъ. Но эта раса олицетворяетъ элементъ реакціи. А реакція въ политикѣ — смертная болѣзнь, отъ которой погибли не одно государство, не одна конфедерація.

Когда предполагаемый союзъ осуществится и англійскія колоніи сольются съ сѣверо-американскими штатами, тогда Англія получитъ еще новый урокъ, что колониальная ея система создана только для народовъ малолѣтнихъ и слабыхъ. Какъ только они достигаютъ нѣ-

которой самостоятельности, отложение отъ метрополіи дѣлается естественнымъ результатомъ этой близорукой системы.

Съ открытіемъ великаго закона, найденнаго Дарвиномъ для явленій физическаго міра, *неподвижность* и *застой* сдѣлались немыслимы. Творческая работа природы не прекращается ни на одну минуту; нѣтъ ни одного атома, который не подчинялся бы тѣмъ или другимъ измѣненіямъ подѣ вліаніемъ міроваго движенія. Отъ песчинки и до океана—все живетъ и развивается сообразно съ тѣми условіями, которыя лежатъ въ основаніи органическаго существованія. По всей этой безконечной цѣпи вымирающихъ и вновь возникающихъ формъ проходитъ самая разнообразная и неустанная дѣятельность, дающая, въ общей экономіи природы, новое усовершенствованіе всему, что мы называемъ жизнью.

Въ области социальныхъ явленій дѣйствуетъ тотъ же законъ и та-же экономія человеческихъ силъ. Не смотря на множество противодействующихъ элементовъ, стремившихся задержать умственное и общественное развитіе Европы, въ общемъ итогѣ это развитіе представляетъ успѣхъ. Только одна папская власть стоитъ внѣ этого закона. Прошли вѣка, отжили свою жизнь цѣлыя историческія направленія, самые берега и скалы Средиземнаго моря приняли новый видъ, а католическій Римъ остался неизмѣннымъ и неподвижнымъ, какъ старая развалина, осужденная на медленное гніеніе. Ни открытіе Америки, ни изобрѣтеніе книгопечатанія, ни наука, ни политическіе перевороты въ исторіи Европы — ничто не затронуло въ немъ жизни и не вызвало его къ движенію. Какъ въ X вѣкѣ, такъ и въ XIX, мертвый въ своемъ принципѣ, глухой къ требованіямъ времени и прогресса, онъ не принялъ да и не могъ принять въ себя ничего обновляющаго и двигающаго впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ лишился силы глушить все живое и здоровое, роль его сдѣлалась болѣе чѣмъ жалкою. *Анагеми* его, нѣкогда волновавшія Европу, теперь потеряли всякій смыслъ, и изъ угрозы обратились въ насмѣшку падъ самимъ папствомъ. Что же ожидаетъ его впереди? Устоитъ-ли оно противъ напора событій, которыя со всѣхъ сторонъ подкапываютъ его основаніе и уничтожаютъ одну за другой

изъ его средневѣковыхъ прерогативъ? На этотъ вопросъ отвѣчаютъ утвердительно тѣ наивные прогрессисты, которые, подобно Джюберти, видятъ спасеніе католичества въ его обновленіи посредствомъ реформъ. Однимъ изъ нихъ кажется, что римская церковь, отказавшись отъ своихъ вѣковыхъ традицій, можетъ возвратиться къ тому первобытному состоянію, въ которомъ она еще не знала ни честолюбія свѣтской власти, ни алчности къ золоту, ни политическихъ стремленій. Другіе воображаютъ, что католическій Римъ можетъ соединить въ себѣ старую традицію съ современной цивилизаціей, и подъ вліяніемъ новаго духа времени преобразиться въ универсальный и могущественный органъ нравственнаго и умственнаго развитія народовъ. Такъ думалъ и Пій IX, когда въ 1848 году съ балкона Квиринала провозгласилъ римскому народу знаменитый налამбургъ: «Italia farà da se»; когда опъ серьезно былъ убѣжденъ, что его власть способна къ преобразованіямъ и можетъ согласить живое съ мертвымъ, слабое съ сильнымъ. Но эта мечта, та старая мечта, за которую поплатился жипію Саванаролла, за которую пострадали многіе геніальные и благородные люди, — оказалась самой нелѣпой мечтой. Теперь стало ясно, что никакія реформы не спасутъ папство, никакая цивилизація не привьетъ своихъ свѣжихъ ростковъ къ этому высохшему дереву. Событія такъ или иначе могутъ отсрочить драматическую развязку, но самая развязка становится неизбѣжной.

Трактатъ 15 сентября служитъ очевиднымъ доказательствомъ невозможности примирить папство съ современнымъ порядкомъ въ Италіи и въ Европѣ. Авторы этого трактата, написаннаго въ темномъ углу дипломатической канцеляріи, безъ всякихъ справокъ съ общественнымъ мнѣніемъ Италіи и даже безъ вѣдома св. отца, теперь уже видятъ, что они обманулись въ своихъ расчетахъ. Въмѣсто примиренія, они бросили въ политическій міръ новое яблоко раздора. Какъ только былъ опубликованъ этотъ знаменитый договоръ, — въ Туринѣ полилась кровь, и вражда старыхъ партій, только-что зашнувавшихся, опять пробудилась. Общественное мнѣніе проникло далѣе буквального смысла договора и замѣтило въ немъ инныя цѣли и намѣренія, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Императоръ Наполеонъ III, подписывая договоръ, думалъ про себя, что если революція низвергнетъ папу, то онъ снова придетъ возстановить его и

вмѣсто одного Рима можетъ захватить въ свои руины половину Италіи. Эта западня со временъ Макиавелли постоянно употреблялась французской политикой въ отношеніи итальянскаго полуострова. Съ другой стороны, король Викторъ Эммануилъ разсуждалъ такимъ образомъ: «я обязался не нападать на Римъ, не трогать моего врага Пія IX, — да мнѣ нѣтъ и надобности этого дѣлать, потому что въ Римѣ все готово для переворота, а всякій переворотъ дѣлаетъ меня полнымъ хозяиномъ не только вѣчнаго города, но и главы его». Впрочемъ я не имѣю особеннаго аппетита добираться до самой сердцевины этого артишока, когда и листья его очень неудобоваримы.

.... Самое забавное то, что оба они должны были во всеуслышаніе и съ высоты дипломатической трибуны провозгласить свои сокровенныя мысли. Г. Друэнъ-де-Люисъ въ депешѣ крайне рѣзкой и обидной, на сколько это допускаетъ дипломатическій тонъ, напомнилъ, что, по смыслу конвенціи, правительству короля Виктора Эммануила вовсе не было позволено употреблять секретныя маневры и уловки, чтобы избавиться отъ святаго Отца, и что конвенція не обязывала императора рѣшительно ни къ чему относительно Рима въ случаѣ, если-бъ возникли тамъ непредвидѣнные обстоятельства. Итальянское правительство отвѣтило, что оно съ негодованіемъ отвергаетъ всякую мысль объ употребленіи секретныхъ маневровъ и уловокъ противъ Пія, и что если конвенція оставляетъ за императоромъ право дѣйствовать, какъ онъ заблагоразсудитъ, въ случаѣ народнаго возстанія въ Римѣ, то она (т. е. конвенція), разумѣется оставляетъ точно такое же право и за Италіей.

И такъ, эта конвенція, которая должна была помирить Италію съ императоромъ и пріобрѣсти для него, въ случаѣ надобности, опору, до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, сдѣлала только одно, а именно: поссорила ихъ еще хуже прежняго. Подобнаго рода конвенціи въ бывшее время, можетъ быть, и казались такими умными, когда онѣ покрывались канцелярской тайной и оставались погребенными въ числѣ бумагъ какого нибудь любимца-министра. Но теперь, когда приходится подвергать ихъ гласному разсмотрѣнію парламентовъ и всѣхъ европейскихъ газетъ и журналовъ, теперь, когда ихъ критикуютъ и іезуиты, и партія дѣйствія, и реакціонеры, и революціонеры, — теперь онѣ уже рѣшительно никуда не годятся, и только портятъ дѣло. Потому-ли, что простой народъ слишкомъ глупъ, или

потому, что онъ слишкомъ честенъ, во всякомъ случаѣ, онъ или не хочетъ или не можетъ понимать столь двусмысленныхъ вещей.

Партія дѣйствія, которая служить самой преданной представительницей народныхъ стремленийъ, не одобряетъ также конвенціи; хотя, по правдѣ сказать, она и колебалась нѣкоторое время прежде чѣмъ рѣшила: согласиться на нее или нѣтъ. Въ газетахъ писали, что Гарибальди одобряетъ; потомъ объясняли, что хотя онъ и не одобряетъ ее, но не будетъ возставать противъ нее.

Сомнѣнія эти на счетъ Гарибальди разсѣялись, когда появилось письмо вождя молодой Италіи къ туринцамъ. Авторъ этого письма былъ совершенно правъ, когда указывалъ на то, что если принять конвенцію въ ея буквальномъ смыслѣ, то король Италіи обѣщаетъ въ ней другому государю отказаться отъ народной политики; если-же принять конвенцію со всѣмъ тѣмъ, что въ ней подразумѣвается, то это просто ловкая увертка, недостойная великой націи. Далѣе говорится, что подобнаго рода уловки унижаютъ и срамятъ того, кто ихъ употребляетъ. Это письмо произвело огромное впечатлѣніе; общественная совѣсть была тронута въ самую большую точку. Нѣсколько дней спустя, въ *Diritto* появилось письмо Гарибальди. Оно подбросило новую гирю на вѣсы общественного мнѣнія, тѣмъ болѣе, что это говорилъ человѣкъ, нѣкогда защищавшій Римъ съ такимъ геройствомъ противъ бонапартистскихъ войскъ, человѣкъ, предпринявшій аспромонтскую экспедицію... Съ человѣкомъ, говорилъ онъ безъ всякаго права удерживающимъ часть чужаго добра, не вступаютъ въ переговоры, не подписываютъ конвенцій, не покупаютъ возврата одной половины имущества цѣною другой; безъ сомнѣнія, было-бы достойнѣе и благоразумнѣе со стороны правительства Виктора Эммануила, если-бы оно, вмѣсто того, чтобы напрашиваться на переговоры относительно Рима, отказалось отъ нихъ наотрѣзъ. Послѣ того какъ парламентъ провозгласилъ Римъ столицей Италіи, г. Нигра не имѣлъ уже права вступать въ переговоры съ человѣкомъ, приказавшимъ своимъ солдатамъ брать этотъ городъ приступомъ, и знамя котораго, обрызганное итальянской кровью, еще развѣвалось надъ итальянской метрополіей.

Это, безъ сомнѣнія, голосъ справедливости, которому нельзя не сочувствовать въ его рѣзкихъ и откровенныхъ протестахъ. Но посмотримъ, что могутъ сказать въ свою пользу сторонники конвенціи.

Съ точки зрѣнія чисто практической, туринскій кабинетъ, связавшій себя съ похитителемъ Рима, въ сущности продолжаетъ только свою прежнюю политику компромиссовъ, которые со временемъ могутъ обратить Сардинію, а въ мѣстѣ съ нею и Италію въ вассальное владѣніе Наполеона III. Туринское правительство рассуждаетъ такъ: выгнать императора мы не можемъ ни въ два часа, ни въ два года. Если онъ готовъ обѣщать намъ, что самъ уйдетъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобы мы не пытались сдѣлать невозможное, то такой договоръ можетъ быть только въ нашу пользу. Если человекъ отниметъ у насъ бумажникъ, то мы совершенно вправѣ предложить ему въ замѣнъ нашъ портъ-мопэ, при чемъ мы, конечно, рискуемъ потерять и то и другое. Разумѣется, это сравненіе не относится нисколько къ нашему великодушному союзнику, но оно объясняетъ только нашъ аргументъ. Народы не могутъ руководствоваться абсолютной справедливостью; политика ни что иное, какъ постоянный компромиссъ между справедливостью и полезнымъ между тѣмъ, что пока еще совершенно невозможно и тѣмъ, что сдѣлалось возможнымъ, — между идеалами мыслителей и стремленіями массъ.

Вотъ обѣ стороны итальянскаго вопроса. Кромѣ того, нужно еще замѣтить, что противъ компромисса возстали только Гарибальди и еще нѣсколько самыхъ чистыхъ представителей партіи дѣйствія, между тѣмъ какъ огромное большинство, какъ внутри, такъ и внѣ парламента, объявило себя въ пользу конвенціи. Всѣ согласны съ словами сказанными г. Рикасоли по этому поводу: «Что бы мы выиграли безъ конвенціи, и что мы потеряли вслѣдствіе ея?» Въ настоящее время происходятъ парламентскія пренія по поводу конвенціи, произносятся самыя горячія рѣчи, всѣ выражаютъ свое неудовольствіе по поводу этого компромиса и, не смотря на то, конвенція будетъ принята огромнымъ большинствомъ членовъ парламента.

Къ несчастію Италія слишкомъ искусна въ политикѣ. Политическая неволя, въ которой она находилась въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, приучила итальянцевъ скрывать свои мысли; каждый итальянецъ хитеръ какъ макіавель: онъ лавируетъ, и вертитъ, и дѣлаетъ компромисы, и выжидаетъ; и понятно, что среди всѣхъ этихъ маневровъ откровенность и искренность довольно рѣдки.

По нашему мнѣнію, это просто несчастіе, и Италія была-бы гораздо сильнѣе, если-бы она не одѣвалась то въ лисью, то въ льви-

ную кожу, а осталась бы просто на просто тѣмъ, чѣмъ она есть; эти постоянныя нерешѣны въ людяхъ и дѣлахъ, въ идеяхъ и маневрахъ, и къ тому еще въ маневрахъ фальшивыхъ, охлаждаютъ общее сечувствіе къ Италіи и къ ея справедливымъ требованіямъ. Прежде всего представляется намъ въ этомъ отношеніи фикція республикански-монархическая или компромиссъ между революціей и реакціей, компромиссъ, который довелъ Виктора-Эммануила до Неаполя, а Гарibaldi до Аспромонте. Благодаря компромиссу съ императоромъ Наполеономъ, челоуѣла, уничтожившаго римскую республику, называютъ теперь спасителемъ и искупителемъ Италіи. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ существуютъ цѣлыя милліоны людей, которые считаютъ этотъ титулъ совершенно добросовѣстно и истинно приобрѣтеннымъ. Завоеватель Романьи отлучается отъ церкви за похищеніе имущества церкви, и въ то же время онъ увѣряетъ всѣхъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ своей безграничной преданности церкви, предлагаетъ заплатить часть долговъ святаго Отца и вѣстѣ съ тѣмъ дать ему почетный караулъ изъ тѣлохранителей его величества. Викторъ-Эммануилъ торжественно обѣщаетъ не нападать на папу и не пускать въ ходъ противъ него никакихъ скрытыхъ уловокъ или маневровъ, а между тѣмъ онъ присягнулъ пролить послѣднюю каплю крови за единство Италіи, и онъ знаетъ, что престолъ и будущность его династіи зависятъ отъ того, останется ли онъ вѣренъ національнымъ стремленіямъ или нѣтъ. Съ другой стороны, король Италіи обѣщаль уже безчисленное множество разъ, что онъ вступитъ въ Римъ, и что это составляетъ единственную цѣль его политики, а между тѣмъ сомнительно, въ самомъ-ли дѣлѣ ему такъ хочется царствовать въ Канитоліѣ.

Съ какою-бы стороны вы не посмотрѣли на итальянскій вопросъ, вездѣ найдете компромиссъ. Коллегія кардиналовъ хлопочетъ гораздо болѣе изъ-за свѣтской, чѣмъ изъ задуховной власти папы, а въ то же время многіе революціонеры были бы крайне непріятно поражены упадкомъ католицизма, что лишило-бы папу, а слѣдовательно и Италію, его верховной власти надъ двумя третями всего христіанскаго міра.

Есть люди, думающіе о постройкѣ совершенно новой столицы, чтобы только сохранять за Римомъ величіе его развалинъ и величіе навашаго католицизма. Есть и такіе, которые пресерьезно носятя съ

проектами гражданского устройства духовенства, какъ будто приходские священники уже и безъ того недостаточно похожи на чиновниковъ. Но попробуйте привести въ исполненіе этотъ проектъ и вы увидите, какой поднимется вопль въ самомъ же духовенствѣ, «Какъ, скажете оно, вы покушаетесь на чистоту нашей жизни, на неприкосновенность нашихъ дѣйственныхъ правъ... Известно, что католическая партія обладаетъ настоящею геніальностью въ искусствѣ прикидываться жертвой; одинъ изъ первыхъ уроковъ, который она даетъ своимъ юнымъ ученикамъ, состоитъ въ исторіи страшныхъ истязаній, будто претерпѣваемыхъ ею въ продолженіи многихъ вѣковъ; по ея словамъ, ее мучили язычники, мучили еретики, мучили рационалисты и вольнодумцы, мучили короли, мучили императоры, мучили судья, народы и націи. Бѣдное католичество! какъ же его истязали евреи, какъ же его пытали мавры, какъ же его казнили альбигойцы, какъ же его въ ночь св. Вароламея рѣзали гугеноты! Это бѣдное католичество, у котораго есть претензія на неограниченную власть и на самую деспотическую теократію, обижаютъ всѣ; оно находитъ, что его лишаютъ того, что ему слѣдуетъ по праву, если ему не предоставляютъ полнѣйшаго самодержавія; а вѣдь масса всему этому вѣритъ. Это Тартюфъ сыгранный на всемірной сценѣ. Тартюфъ сидитъ за столомъ гражданского устройства церкви и добрякъ Оргонъ, иначе называемый народомъ или г. Милліонъ угощаетъ его благочестиво. «Тартюфъ съѣлъ жареную курицу, бѣдный человекъ, бѣдный человекъ!» восклицаетъ Милліонъ;— «онъ съѣлъ куропатку, онъ выпилъ блага вина, онъ выпилъ коньяку, абсенту, ликера, и бутылку Grande Chartreuse, онъ выпилъ чашку кофе и выкурилъ послѣобѣденную сигару, бѣдный человекъ, бѣдный человекъ!» Вотъ что добрякъ постоянно повторяетъ съ трогательнымъ самоуничиженіемъ...

Итальянскіе либералы, въ 1864 г. предлагающіе гражданское устройство духовенства, должны были бы помнить, что французская революція на свое несчастіе попробовала того же. Она дала французскому духовенству самую простую, самую разумную и самую благодѣтельную конституцію, какую только можно вообразить себѣ. Для огромной массы низшаго духовенства, жившаго по большей части въ грязной нищетѣ, между тѣмъ какъ прелаты утопали въ роскоши и богатствѣ, учредительное собраніе назначило жалованье,

которое въ то время равнялось почти маленькому состоянію, а именно, сумму 1200 франковъ (вмѣсто прежнихъ 400); а между тѣмъ и высшіе церковные сановники, и простые священники, и вся клерикальная партія возопили по поводу разграбленія церковныхъ имуществъ, и даже до сихъ поръ еще не совсѣмъ угомонились на этотъ счетъ. Отъ нихъ требовали только, чтобы они присягнули на вѣрность республикѣ, которой они служили-бы какъ чиновники, республикѣ, платившей имъ жалованье, а они, не задумываясь, вызвали междоусобную войну на западъ и на югъ Франціи. Что же касается священниковъ, согласившихся присягнуть на вѣрность республикѣ, то духовные ихъ начальники поставили ихъ на одну доску съ еретиками и отлученными отъ церкви.

Во всякомъ случаѣ мы никогда не откажемся отъ логичности и возможно-лучшаго упрощенія народнаго вопроса, что въ концѣ концовъ окажется вмѣстѣ съ тѣмъ и самой разумной политикой. Италія только тогда освободится отъ хаоса затрудненій и непослѣдовательности, въ которомъ она теперь запутана, когда она прямо и откровенно начнетъ стремиться къ осуществленію программы, такъ искусно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ясно предначертанной графомъ Кавуромъ, и которую еще пять столѣтій тому назадъ великій реформаторъ Арнольдъ Брешиійскій, какъ-бы озаренный лучемъ генія, выразилъ почти въ тѣхъ же словахъ: «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ.»

Итальянское правительство не имѣетъ никакой власти въ Римѣ, а между тѣмъ оно считаетъ Римъ столицею Италіи. Гдѣ-же тутъ логика? Невозможно положительно, чтобы папа и Викторъ Эммануилъ существовали независимыми королями рядомъ другъ съ другомъ, и одинъ мимо другаго, невозможно положительно, чтобы они раздѣлили между собою одинъ городъ на два независимые квартала. Въ самомъ дѣлѣ—два короля въ одномъ городѣ — этого не случалось еще на бѣломъ свѣтѣ. Если король Викторъ Эммануилъ долженъ вступить въ Римъ, то король Пій IX долженъ оставить этотъ городъ. Если-бъ даже Пій оставался королемъ одного только Ватикана, если-бъ даже его держава ограничивалась стѣнами его садовъ, то и тогда Виктору Эммануилу стало-бы тѣсно отъ такого сосѣдства во всемъ обширномъ Римѣ: величіе первосвященника придавало-бы его конституціонную мизерность. Король, будучи толь-

ко свѣтскимъ государемъ, поневоля долженъ - бы былъ уступить первое мѣсто королю, который въ одно и тоже время государь и свѣтскій и духовный. Борьба, наполняющая собою всю исторію среднихъ вѣковъ, борьба между папой и императоромъ, когда-то раздиравшая весь міръ, сосредоточивается теперь въ одномъ городѣ; сегодня споръ не идетъ уже о всей обитаемой землѣ, а только о поверхности нѣсколькихъ квадратныхъ верстъ; поле битвъ значительно уменьшилось, сдѣлалось даже уже совсѣмъ маленькимъ, но все же оно еще достаточно велико для ударовъ, которые можно предвидѣть; во всякомъ случаѣ еще довольно мѣста для великой побѣды и для жалкаго пораженія. Въ 1848 году римской республикѣ представлялся случай нанести рѣшительный ударъ; но прежде чѣмъ ей удалось поднять мечъ, генералъ Каваньякъ и императоръ Наполеонъ одинъ за другимъ вмѣшались въ дѣло, чтобы спасти свѣтскую власть папы. Теперь такой же случай представляется итальянскому королевству; боицу за итальянское единство судьба вручила этотъ знаменитый мечъ. Но если сердце дрогнетъ у короля Виктора Эммануила, то ненужно быть пророкомъ, чтобы предвидѣть конецъ савойскаго дома.

Время не терпитъ. Конечно, нужно подумать о томъ, какъ вооружить и выучить 400,000 человекъ, которые стоятъ въ виду 500,000 солдатъ Австріи. Конечно, нужно подумать о томъ, какъ страна, которая и безъ того бѣдна, будетъ поставлять хлѣбъ и порохъ на эту огромную армію; придется истощить ее еще больше все новыми и новыми налогами, придется продавать государственныя имущества, дѣлать займы и въ тоже время покрывать ежегодный дефицитъ въ двѣсти или триста милліоновъ. А все таки существуетъ вопросъ еще важнѣе этого, вопросъ, который можетъ быть и нельзя еще рѣшить, но въ которомъ, во всякомъ случаѣ, слѣдовало-бы приступить, т. е. страшный вопросъ о церкви и государствѣ, вопросъ, съ которымъ связаны всѣ прочіе, изъ котораго они даже вытекаютъ. Но время не терпитъ. Катастрофа приближается. На горизонтѣ нѣтъ еще признаковъ подходящей бури, но все таки она уже недалеко. А между тѣмъ министры Виктора Эммануила ничего не предпринимаютъ въ виду наступающихъ событій. Вмѣсто того, чтобы *сами* приняться за рѣшеніе римскаго вопроса, они все надѣются, что онъ рѣшится какъ-то самъ собою, что императоръ

Наполеонъ будетъ на столько любезенъ, что согласится вывести свое войско изъ Рима, что французы рѣшатся наконецъ сдѣлать революцію и убрать своихъ непрощенныхъ защитниковъ Рима вонъ изъ Италіи; они надѣются, что папа убѣжитъ къ баварцамъ въ Мюнхенъ, или къ англичанамъ на островъ Мальту, или въ Минорку на Балеарскіе острова. Затѣмъ, они надѣются, вступить въ Римъ черезъ Porta del Popolo, окружить Капитолій и замокъ Sant-Angelo пьемонтскими штыками, и поставить зуавовъ на часахъ у воротъ опустѣвшаго Ватикана. А когда все это благополучно исполнится, они надѣются, что папа, униженный, потерявшій всякую силу и объединившій въ изгнаніи, пойдетъ на сдѣлку съ своимъ милымъ кузеномъ изъ Савоин, который конечно возьмется заплатить его долги, назначить ему пенсію и дать ему даровое помѣщеніе въ старомъ Ватиканѣ, украшенномъ берсагліерами на часахъ. Они еще надѣются— на что, на что только они не надѣются!— что Король Италіи приметъ на себя роль и титулъ цезаря, что папа придастъ этому триумфу новый, небывалый блескъ, и что Римъ, у котораго будетъ въ одно и тоже время великій свѣтскій государь и верховный святитель всего христіанства, болѣе чѣмъ когда либо будетъ столицей вселенной.

Право, расчетъ Петрушини, надѣявшагося купить вола, и корову и домъ на деньги, вырученные за кувшинъ молока, были почти благоразумнѣе и основательнѣе въ сравненіи съ фантазіями государственныхъ людей, воображающихъ себѣ, что вопросъ о томъ, какъ сдѣлать Римъ въ одно и тоже время столицей Италіи и католическаго міра, рѣшится самъ собою, вслѣдствіе прогресса общественнаго мнѣнія и цивилизаціи, точно также, какъ они это обѣщали высокопочтенному г. Друэнъ-де-Люксу. А пока общественное мнѣніе и прогрессъ цивилизаціи не сообщать имъ тайну развязки этого вопроса, итальянскіе дипломаты перечитываютъ Макиавелли, изощряются въ тонкостяхъ и уловкахъ, стараются перехитрить императора своими нотами и контръ-нотами, слѣдятъ за всѣми движеніями Гесса и Бенедекка, приходятъ въ ярость отъ всякаго епископскаго посланія, слегка безнокоятъ неаполитанскихъ дамористовъ и разбойниковъ, наблюдаютъ за Бурбономъ и Бурбонкой въ Palazzo Farnese, окружаютъ Капреру гордономъ полицейскихъ агентовъ, слѣдятъ за гарибальдіяцами, противодействуютъ экспедиціи въ Фриулъ еще съ большимъ рвеніемъ, чѣмъ даже австрійская полиція, и наконецъ они бьются изъ всѣхъ

сдѣлать, чтобы заключать новые займы и къ концу года представляють государственные финансы въ самомъ удовлетворительномъ состояніи.

Бѣдняжки! съ чего только они такъ бьются? Если-бы они въ самомъ дѣлѣ хотѣли искоренить старыя злоупотребленія и принялись-бы за это дѣло серьезно, то они могли-бы рассчитывать и на поддержку общественнаго мнѣнія, но конечно не иначе; если-бы они наконецъ осмѣлились попытаться отдѣлить церковь отъ государства, то конечно съ ними была-бы и развивающаяся цивилизація; если-бы они хотѣли полагаться скорѣе на любовь и преданность народа, чѣмъ на французскихъ зуавовъ, то могли-бы распустить двѣ трети своего войска, сберечь отъ трехъ до четырехъ милліоновъ франковъ въ годъ, и въ тоже время показаться Австріи, какъ вооруженная нація, показать ей два милліона человѣкъ съ двумя милліонами ружей и съ Гарибальди, какъ главнокомандующимъ; но.....но, у итальянскихъ государственныхъ людей для этого слишкомъ много знанія, опытности и умѣнья обдѣлывать дѣла.

Намъ почти нечего прибавлять о событіяхъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи на первомъ планѣ стояло дѣло Мюллера, въ Германіи заключеніе мира съ Даніей, а во Франціи— мѣръ въ Рошфорѣ запретить продавать шампильоны въ подвѣдомственномъ ему городѣ. И больше ничего!

Въ тоже время, когда мы пишемъ эти строки, американскій народъ назначилъ своего президента на новый четырехъ-лѣтній срокъ. Болѣе того, онъ произнесъ торжественное рѣшеніе на счетъ своей будущей судьбы и приговоръ о своемъ политическомъ умѣ и чистотѣ своихъ нравственныхъ побужденій. Задача голосовъ 8-го ноября послужить мѣриломъ силы и его преданности. Если голосованіе было въ пользу Линкольна, то этимъ самымъ американцы заявили свое твердое рѣшеніе продолжать войну и добиться окончательнаго освобожденія негровъ; они доказали, что любятъ и уважаютъ свои республиканскія учрежденія достаточно, чтобы жертвовать для нихъ въ интересѣ будущихъ поколѣній, значительною долею національнаго бо-

гатства и тысячами своих дѣтей. Если-бы, что впрочемъ было невозможно, американцы выбрали въ президенты генерала Макъ-Клеелана, то этимъ фактомъ политическаго самоубійства они бы доказали, что сами уже не знаютъ чего хотять, мира или войны, и что боятся безбоязненно смотрѣть на будущность. Въмѣсто того, чтобы идти прямо на встрѣчу врагамъ и нанести имъ рѣшительный ударъ, они бы подражали глупому страусу, прячущему голову въ травѣ, чтобы только не видѣть опасности, и убаюкивали бы себя совершенно тщетными надеждами на невозможный миръ, они были бы вовлечены, можетъ быть, на пятьдесятъ лѣтъ въ цѣлый рядъ междоусобныхъ войнъ и революцій, скопированныхъ съ современной исторіи Мексики. Но теперь этого не будетъ. Прошлое ручается намъ въ этомъ отношеніи и за будущее. За океаномъ, по крайней мѣрѣ, справедливость и свобода выйдутъ торжествующими изъ этого испытанія.

Что же касается до выборовъ членовъ будущаго конгресса, происходившихъ въ шести штатахъ, успѣхъ ихъ былъ совершенно удовлетворителенъ и даже превосходилъ всякія ожиданія; изъ числа 66 новоизбранныхъ членовъ, 60 принадлежатъ къ республиканской партіи и будутъ вотировать въ пользу совершеннаго и окончательнаго уничтоженія невольничества. Штатъ Индіана, въ которомъ большинство во всѣхъ прежнихъ выборахъ всегда вотировало за консервативныхъ представителей, на этотъ разъ большинствомъ 25,000 голосовъ выбралъ республиканскихъ кандидатовъ, а между тѣмъ результатъ былъ достигнуть, хотя на выборахъ не участвовалъ ни одинъ солдатъ, которые всѣ, какъ извѣстно, сочувствуютъ освобожденію негровъ. Пенсильванія, — штатъ изъ котораго Макъ-Клееланъ родомъ и на который больше всего рассчитывали приверженцы невольничества, также стала на сторону освобожденія. Если даже всѣ прочіе штаты не отправятъ на предстоящіе выборы большаго числа республиканскихъ представителей, чѣмъ сколько ихъ было на прошломъ конгрессѣ, все таки можно рассчитывать, что въ пользу мѣры, уничтожающей невольничество, соберутся требуемыя закономъ двѣ трети голосовъ. Въ прежней палатѣ представителей республиканское большинство, вотировавшее въ пользу измѣненія конституціи и немедленнаго освобожденія негровъ, доходило до трехъ пятыхъ числа всѣхъ членовъ, а потому и было недостаточнымъ для проведенія этой мѣры.

Новая конституція Мэриленда одобрена и принята народомъ; такимъ образомъ одинъ изъ прежнихъ южныхъ штатовъ вступаетъ въ общій союзъ свободныхъ сѣверныхъ штатовъ. Все таки окончательно была принята конституція только самымъ слабымъ большинствомъ. Плантадоры, населяющіе южныя графства Мэриленда, которые, потерявъ своихъ рабовъ, держатся тѣмъ крѣпче самаго принципа невольничества, всѣ поголовно присягнули на вѣрность уніи, чтобы только имѣть возможность подавать голосъ противъ нея, и ведутъ за собою цѣлое стадо «нищихъ бѣлыхъ» (mean whites), какъ ихъ называютъ въ южныхъ штатахъ, еще не возстановившихъ своего нравственнаго достоинства, вмѣстѣ съ которыми всѣ они вотировали за удержаніе прежняго порядка вещей и за возстановленіе невольничества. Къ счастью, въ Мэрилендѣ солдаты имѣютъ право голоса. Вслѣдствіе этого большинство все таки осталось въ пользу новой конституціи и немедленнаго уничтоженія невольничества. Явленіе, конечно, небывалое еще, чтобы солдаты голосовали какъ граждане, и употребляли свое вліяніе для поддержанія республиканскихъ учрежденій.

Относительно военныхъ дѣйствій минувшій мѣсяцъ не представляетъ такого интереса какъ предъидущій. Конечно, какъ телеграфъ, вѣрный другъ южанъ, сообщилъ въ Нью-Йоркъ, а изъ Нью-Йорка и въ Лондонъ и въ Парижъ, всякаго рода извѣстія, долженствовавшія имѣть вліяніе на выборные комитеты въ Америкѣ и на биржи во всемъ мірѣ, то Гудъ совершенно отрѣзалъ всѣ сообщенія Шермана съ базисомъ его дѣйствій, сѣверянскій генералъ Слокумъ былъ принужденъ внезапно оставить Атланту, Сентъ-Луисъ подвергался опасности быть осажденнымъ, то Грантъ или Ботлеръ ыртерпѣли страшныя пораженія, банды Форреста будто находились въ одно и тоже время чуть не на всѣхъ точкахъ театра военныхъ дѣйствій, и въ окрестностяхъ Чаттаногы и около Мемфиса, и въ Кентгукки, и на берегахъ Огіо.

Конечно каждая такая ложъ бываетъ изобличена на другой же день, но тѣмъ не менѣе она достигаетъ своей цѣли, напугиваетъ блязливыхъ, наводитъ ужасъ на трусовъ, удерживаетъ капиталы внѣ оборота. Затѣмъ всѣ эти извѣстія доходятъ до Европы, гдѣ, благодаря почти всеобщему незнанію дѣла, опѣ только рѣдко бываютъ опровергаемы.

Въ настоящее время вся стратегика южанскихъ генераловъ должна состоять въ произведеніи множества атакъ на различные пункты, чтобъ такимъ образомъ маскировать слабость границъ южнаго союза и истощеніе своихъ армій, и чтобъ помѣшать сосредоточенію на одномъ пунктѣ большихъ сѣверянскихъ корпусовъ, которые могли бы нанести рѣшительный ударъ Ричмонду или центральнымъ городамъ Георгіи. Южанскій генераль Стэрлингъ Прайсъ проникнулъ въ самую середину штата Миссури, но онъ, должно быть, зная напередъ, что произведетъ только военную *fantasia*; ибо его 30,000 всадниковъ ограничились тѣмъ, что рысью проѣхали весь штатъ, сжигая фермы и деревни и уничтожая мосты на желѣзныхъ дорогахъ. Такимъ образомъ, они добрались до границъ Канзаса, но тамъ они попали между арміями Розенкранца съ одной, и Кортиса съ другой стороны и должны были уступить послѣ значительной потери; отсюда они продолжали свою кавалькаду въ пустыннымъ предѣламъ индійской территоріи. На восточномъ берегу Миссисипи знаменитый разбойникъ Форрестъ, бывший торговецъ невольниками, все по прежнему воюетъ на манеръ не менѣ знаменитыхъ Крокко и Чириано Ла-Гала и составляетъ краспорѣчивые бюллетени, въ которыхъ самая незначительная встрѣча величается какъ замѣчательная побѣда. Наконецъ, генераль Гудъ, занявшій мѣсто Борегара, далъ честное слово, что отрѣжетъ сообщеніе Шермана; въ самомъ дѣлѣ, проскользнувъ за хребетъ горъ Лукаутъ (Lookout), ему удалось завладѣть станціею Долтонъ, а затѣмъ и Резакой, но удержать онъ ихъ могъ только въ продолженіи однихъ сутокъ. Передъ Аллатуной онъ испыталъ кровавое пораженіе и генераль Шерманъ не успѣлъ даже подойти, какъ его противникъ уже находился въ послѣднемъ бѣгствѣ, направляясь къ горамъ, составляющимъ южную границу штата Теннесси.

Что до генерала Ли, то онъ также сдѣлалъ неудачную диверсію. Узнавъ, что генераль Шериданъ отправился въ Вашингтонъ послѣ своихъ побѣдъ на р. Шенандоа, онъ счелъ это самымъ удобнымъ временемъ, чтобы направить Лонгстрита противъ сѣверянъ. И въ самомъ дѣлѣ, эти послѣдніе, пораженные повлеченіемъ въ одно прекрасное утро новыхъ войскъ, присутствіе которыхъ въ долину Шенандоа они и не подозрѣвали, были разбиты, потеряли двадцать пушекъ, и успѣли сформироваться вновь только около Страсбурга.

Шериданъ узнаеть объ этомъ несчастіи нѣсколькими часами позже, садится на лошадь, галопомъ спѣшитъ догнать своихъ солдатъ, пробѣгаетъ по рядамъ и принимаетъ отъ нихъ присягу побѣдить въ предстоящей второй битвѣ. «Ну ступайте, отдохните, сварите себѣ кофе, а потомъ — впередъ на непріятеля!» Когда появились южанскіе побѣдители, они уже не увидѣли передъ собою толпы бѣглецовъ. Сѣверяне сами нападаютъ на нихъ и отбрасываютъ ихъ на вершины холмовъ, закрывающихъ въ этомъ мѣстѣ долину. Затѣмъ съ вершинъ сталкиваютъ ихъ въ сосѣдній оврагъ. Пораженіе становится общимъ, и войско Шеридана не только отбиваетъ взятые у него въ утрейнней битвѣ двадцать пушекъ, но захватываетъ еще тридцать другихъ орудій. По правдѣ сказать, дебютъ довольно жалкій для Лонгстрита, который вслѣдствіе раны, полученной въ битвѣ при Споттсильвэніи, не находился уже нѣсколько времени при арміи.

Такимъ-то образомъ южане постепенно теряютъ своихъ солдатъ и одну позицію за другою. Вскорѣ все бѣлое населеніе отъ 16 до 55 лѣтъ будетъ истреблено или изувѣчено на всемъ пространствѣ оглавшихъ штатовъ; но еще остались негры и Джефферсонъ Дэвисъ требуетъ и этихъ послѣднихъ. Онъ и его друзья не удовлетворяются тѣмъ, что повергли сѣверную Америку въ страшную войну, дали возможность разграбить огромныя богатства и причинили смерть какихъ нибудь пяти или шести тысячъ человѣкъ, — нѣтъ, имъ хочется еще лишить жизни и тѣхъ, силы и тѣло которыхъ подали первый поводъ къ войнѣ. Хозяева уже убиты или ранены, теперь очередь за невольниками! Подъ достаточнымъ присмотромъ бѣлыхъ унтеръ-офицеровъ, которые въ тоже время будутъ исполнять должность тюремщиковъ, всѣ здоровые невольники должны будутъ идти въ солдаты; но принципъ невольничества нисколько отъ этого не потеряетъ. Конечно, никто не подумаетъ сказать этимъ неграмъ: «Вы такъ же люди, идите сражаться вмѣстѣ съ нами!» Ихъ просто попросятъ у владѣльда, имъ будутъ платить бумажками, потерявшими всякую цѣнность, а затѣмъ дадутъ имъ ружье въ руки и велятъ имъ сражаться за «священныя учрежденія юга» и за рабство своихъ братьевъ. Человѣчество видѣло уже столько ужасовъ и страшныхъ сценъ, что оно, можетъ быть, увидитъ и эту новую подлость безъ особеннаго удивленія. Очень возможно, что придется видѣть, какъ въ южанскихъ арміяхъ негръ будетъ сражаться за неволю своихъ женъ и дѣтей

но во всякомъ случаѣ нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ этой борьбѣ между черными окончательная побѣда останется на сторонѣ тѣхъ, которые приобрѣли достоинство свободныхъ людей. И такъ, теперь окончательный триумфъ зависитъ отъ этой презираемой расы. Да не забудутъ этого бѣлые сѣверяне, да выучатся же они считать братьями этихъ чернокожихъ, на которыхъ они такъ долго смотрѣли какъ на болѣе низшаго существа. Если хотятъ побѣдить, то пусть наконецъ окажутъ себя достойными этой побѣды!

Жакъ Лоренсъ.

ДОМАШНЯЯ ЛѢТОПИСЬ.

Равнодушіе русскаго общества къ экономическимъ вопросамъ.—Басня дровосѣка.—Чѣму научили насъ экономисты?—Рѣчь г. Полевки произнесенная въ обществѣ сельскихъ хозяевъ и защищающая меркантильную систему.—Денежная лихорадка.—Рѣшеніе вопроса: имѣютъ-ли деньги внутреннюю цѣнность и составляютъ-ли оныя богатство народа.—Къ чему ведетъ насъ экономическая теорія.—Мнѣніе ея есть мнѣніе большинства.—

Непонятное равнодушіе русскаго общества, особенно въ настоящее время, къ экономическимъ вопросамъ можно объяснить только тѣмъ, что экономическія наши понятія не далеко ушли отъ «Демостроя». Мы не сознаемъ и не цѣнимъ важности социальныхъ задачъ именно потому, что не понимаемъ ихъ; мы привыкли смотрѣть на свои общественныя отношенія съ такимъ глубокимъ презрѣніемъ, что насъ не затрагиваетъ ни одно явленіе, выходящее изъ обыкновеннаго круга пашей мелкой и незамысловатой жизни; мы не безовоимъ себя размышленіемъ надъ тѣмъ, что ожидаетъ насъ завтра, и что нами сдѣлано вчера. Поэтому, когда совершается фактъ, вопіющій своею несправедливостію или угрожающій кризисомъ, мы просыпаемся и смотримъ на него мутными глазами, какъ на что-то случайное, упавшее съ облаковъ. А между тѣмъ совершившійся фактъ былъ неодолимъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ причинъ и послѣдствій, надъ которыми мы сами работали изо всѣхъ силъ; однимъ словомъ, басня того дровосѣка, который, подрубая подъ собою сукъ, падаетъ съ дерева и жалуется своему нечаянному паденію, повторяется съ нашимъ обществомъ каждый день. Такъ, напримѣръ, мы нѣсколько

лѣтъ трудился надъ уничтоженіемъ своего общественнаго кредита, и теперь жалуемся, что не вѣримъ другъ другу, что банкротство увеличивается въ ужасающей прогрессіи, что для несостоятельныхъ должниковъ нѣтъ болѣе мѣста въ долговыхъ ямахъ, что торговои и промышленныя операціи терпятъ рѣшительный застой. Все это мы выносимъ на себѣ, жмемся, корчимся, врихтимъ и даже плачемъ; но спросить себя: *отчего все это? Почему намъ живется дурно?*—не рѣшаемся. Ужъ вѣрно такъ на роду написано, отъ-часть намъ наша глупая пословица и совершенно удовлетворяетъ нашъ лѣнивый и пассивный умъ, не любящій тревожить себя никакими вопросами.

Да и тревожить себя чему нечѣмъ. Въ самомъ дѣлѣ, если экономическій нашъ смыслъ стоитъ на одномъ уровнѣ съ поваренной книгой г-жи Авдѣевой, то откуда же возьмется желаніе разрѣшать задачи, о которыхъ мы и не слышали, ставить вопросы, надъ которыми мы и не задумывались. Повидимому, мы знаемъ ужасно много, мы постоянно произносимъ слова: трудъ, капиталъ, всесильный курсъ, экономическое равновѣсіе и даже экономическая справедливость, но все это пустые звуки, дѣтскія погремушки, когда дѣло доходитъ до примѣненія ихъ къ самой жизни. Тутъ мы путаемся, противорѣчимъ себѣ на каждомъ словѣ, отдѣлываемся общими фразами и въ концѣ концовъ убѣждаемся сами, что мы ничего не знаемъ. Да и откуда было узнать? Общественною жазнію, въ широкомъ значеніи этого слова, мы жили мало, на взаимные свои интересы смотрѣли почти такъ же, какъ на кость, брошенную двумъ барбосамъ, о великихъ предпріятіяхъ, заявляющихъ передъ человечествомъ о національномъ превосходствѣ, не мечтали, въ европейскомъ социальномъ прогрессѣ участвовали только пенькой и саломъ, и слѣдовательно не имѣли случая выработать себѣ извѣстный взглядъ на экономическія отношенія. Что же касается до научныхъ свѣдѣній, до литературы, воспитывающей общество для социальной дѣятельности, то русская публика слышала отъ своихъ экономистовъ еще меньше дѣльныхъ вещей, чѣмъ сколько преподаетъ ихъ кухонная энциклопедія г-жи Авдѣевой. За исключеніемъ нѣсколькихъ журнальныхъ статей и «Началъ политической экономіи» Милля, все остальное можно было и не слушать. Болтовня Вернадскихъ, Безобразовыхъ, Шиллей и всей этой скудоумной школы, произведенной на свѣтъ непереваренными мыслишками надъ великой теоріей Адама Смита, не могла

ничего прибавить къ нашему абсолютному невѣжеству въ экономическихъ вопросахъ; она только окончательно перепутала наши понятія, сбива съ толку даже тѣхъ добрыхъ людей, которые учились экономіи въ барскихъ конторахъ и на скотныхъ дворахъ. Такія финансовыя головы, какъ г. Когоревъ (въ области практической дѣятельности) и г. Шмидъ (въ области теоріи) могли быть продуктомъ величайшаго сумбура, какой только можетъ уложиться въ человѣческой головѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что первый былъ счастливѣе втораго во столько разъ, во сколько откупъ чернаго невѣжества чернилъ, которыми исписываются жалкіе трактаты г. Шмидъ; но въ результатѣ выходитъ одно и то же; и практика и теорія одинаково нецѣльны. О практикѣ говоритъ нечего, потому что съ нею мы встречаемся ежеминутно. Что же касается теоріи, то она выставила за себя такихъ защитниковъ, у которыхъ, въ общемъ итогѣ, оказалось не больше толку, чѣмъ у одной Коробочки, вступающей въ коммерческую сдѣлку съ Чичиковымъ.

Послушаемъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ г. Полетика о нашихъ экономическихъ нуждахъ, въ рѣчи, произнесенной имъ въ собраніи общества сельскихъ хозяевъ, предложившаго вопросъ о томъ: можетъ-ли быть Россія исключительно земледѣльческимъ государствомъ? Петербургскія Вѣдомости, напечатавшія эту рѣчь, называютъ ее *замѣчательною*; и мы не сомнѣваемся, что она была принята за таковую большинствомъ слушателей того общества, гдѣ ораторствовалъ г. Полетика. По мнѣнію его, въ послѣдніе семь лѣтъ мы отклонились отъ истинной экономической задачи, которую указали намъ наши лучшіе государственные люди и «вотъ, восклицаетъ г. Полетика, до какихъ мы дошли результатовъ: торговля въ застоѣ; денежный рынокъ разбитъ на голову; фабрики, такъ успѣшно подвигавшіяся при мудромъ ожидательствѣ гр. Канкринна, на половину закрыты; свеклосахарная промышленность еле дышетъ; овцеводство сдѣлалось невыгоднымъ; горнозаводская промышленность уничтожена вовсе. Что же насъ заставило сойти съ нашей прежней дороги? Вынуждались-ли мы къ тому обстоятельствами? Удостоверились-ли опытомъ въ ошибочности нашего прежняго разсчета? Ничего не бывало! Намъ поправилась теорія о всесвѣтной свободѣ торговли. Мы увлеклись новымъ ученіемъ». (С. Петерб. Вѣдом. 1864. № 272). А это новое ученіе, надѣлавшее намъ столько бѣдъ, привезено изъ коварной Англіи. Сначала мнѣ казалось, что г. Полетика, недавно читавшій публично

лекция о желѣзной промышленности и принадлежій къ тому выводу, что государство, производящее мало желѣза, не может имѣть ни цивилизации, ни гражданской свободы, — на этотъ разъ всё наши несчастія свалить на желѣзо; новыходить иначе, и выносу всему воссвѣтлая свободная торговля. Слѣдоват. надо одѣлать Россію танежками, возвысить тарифъ на заграничные продукты, наложить запрещение на нѣкоторые произведенія, и такимъ манеромъ завести у себя цвѣтущую мануфактурную промышленность. Это-бы могъ подумать, что въ обществѣ сельскихъ хозяевъ, въ 1864 году, дается значительнѣе меркантильной системы, которую самые отсталые экономисты считаютъ издохшею навсѣгда? Кому-бы могло придти въ голову, промѣ г. Полетина, называть гѣнь этой варварской системы, которая, кромѣ нищеты и стѣсненія ничего не оставила по себѣ въ памяти народовъ и которую, какъ гнойную язву, пришлось вырывать вѣстѣ съ живымъ мясомъ изъ человечества? И какъ это мечтенная газета рѣшилась называть это словозверженіе *замѣчательнымъ*? Поминаетъ и она, что развивая логически теорію г. Полетина, надо возвратиться къ XVII столѣтію, когда наши милые предки мажлугу заперли себя отъ всякаго басурманскаго вліянія и на пріѣзжаго художника или ученаго смотрѣли какъ на *поганого еретика*. До такой ультра-патріотической нелѣпости не доходилъ даже такой весьма неустыжый мужъ, какъ г. Асаковъ. Предаваясь велию плачу о томъ, что 50,000 русскихъ постоянно живутъ за границей, онъ удержался отъ мысли запрещенія выѣзда, а вознегодовалъ только на то, что эти 50,000 людей испугались дѣятельности въ отечествѣ и предпочли вести праздную и роскошную жизнь на улицахъ растлѣннаго запада. Даже «Московскія Вѣдомости» и по обязанности полемизирующей съ ними «Голось» нашли неудобнымъ для себя поддержать чей-то безобразный проектъ объ увеличеніи налога на заграничные паспорта. Но г. Полетина храбрѣе самого г. Каткова и будто-бы оживляющаго вну г. Краевского. Отчего мы бѣдны? — спрашиваетъ г. Полетина; отчего у насъ нѣтъ денегъ? Оттого, отвѣчаетъ онъ, что «богъе всего намъ понравилось, въ новомъ ученіи, что деньги есть товаръ. Товаръ, разсуждали мы, надо продавать какъ можно болѣе, и вотъ всё наши деньги, безъ остатка, отправилась за границу». Достаточно сказать одну такую фразу, чтобы облечь въ себѣ помнѣйшее неваніе самыхъ элементарныхъ началъ соціальной экономіи. Видно, что

въ головѣ г. Полетика нѣтъ ни одной путной идеи о томъ, о чемъ онъ рѣшается ораторствовать; все, что выработала экономическая наука за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ, то совершенно неизвѣстно ему; г. Полетика находится еще въ половинѣ XVIII вѣка по своимъ экономическимъ свѣденіямъ. Для него деньги—богатство и главный рычагъ экономического движенія. Такъ какъ г. Полетика рассуждаетъ такъ не одинъ, а выветъ съ большинствомъ своихъ соотечественниковъ, то я долженъ остановиться на этомъ пунктѣ.

Въ теоріи вопросъ очень ясенъ. Въ чемъ назначеніе денегъ? Платить за тѣ вещи или услуги, которыя мы приобретаемъ, или выражаясь экономическимъ языкомъ, служить мѣриломъ цѣности и посредникомъ мѣны. Съ этимъ согласны даже такіе экономисты, какъ г. Полетика. Но за тѣмъ начинается разногласіе и совершенно бесполезное словопропіе. Одни говорятъ, чтобъ вполне удовлетворять этому назначенію, деньгамъ нужна только условная цѣнность. Ихъ сила—въ общемъ признаніи ихъ. Я признаю рубль рублемъ только потому, что онъ для всѣхъ другихъ имѣетъ ту-же цѣнность и даетъ мнѣ пужныхъ для меня вещей на рубль. Но простая мѣна вещей и услугъ, при сложныхъ социальныхъ отношеніяхъ, неудобна, то надо было установить условные знаки, опредѣляющіе относительную цѣнность; и вотъ начало и значеніе денегъ. Другіе на это возражаютъ: нѣтъ, силу денегъ составляетъ ихъ внутренняя цѣнность. Рубль только потому считается рублемъ, что содержитъ опредѣленное количество золота или серебра, дѣйствительно и постоянно стоящихъ рубль; иначе никто не согласился-бы признать его рублемъ и никто не сталъ-бы принимать его за опредѣленную цѣнность. Такъ думала меркантильная рутинна и на основаніи этого общепринятаго предразсудна построила всю систему кредитныхъ учрежденій, такъ называемаго торговаго баланса и воображаемаго равновѣсія между металлическимъ фондомъ и бумажными денежными знаками.

Но нецѣльность этой системы можетъ поддерживаться еще практикой, а наука давно отвергла ее. Если смотрѣть на золото и серебро съ экономической точки зрѣнія, со стороны пользы, какъ главнаго и высшаго начала социальной науки, то благородные металлы теряютъ всякую внутреннюю цѣнность; по влиянію своему на производство и на увеличеніе капитала, они стоятъ гораздо ниже мѣди и желѣза. Для дикаря они имѣютъ меньшую цѣну, чѣмъ раковины, потому что дикарь находитъ для себя полезнѣе раковины,

тѣмъ золото и серебро. Точно также рассуждало бы и образованное общество, если-бъ члены его условились принимать для выраженія денежной единицы другое вещество. Съ той минуты, какъ только золото и серебро перестаютъ быть деньгами, цѣна ихъ, вѣроятно, упала бы ниже мѣди. Какъ предметы роскоши, они могли бы удерживать за собой относительную цѣнность, подобно цвѣтнымъ стекламъ и бусамъ, плѣняющимъ воображеніе Готтентота; но экономическая наука не имѣетъ ничего общаго съ требованіями эстетики. Что благородные металлы не имѣютъ въ себѣ той внутренней и постоянной цѣнности, какую приписываютъ имъ экономисты, это подтверждается и тѣмъ, что количество ихъ въ послѣднее время стало возрастать въ огромныхъ размѣрахъ, а по мѣрѣ накопленія и цѣна ихъ стала сильно колебаться. Колебаніе это особенно замѣтно на повышеніи товарныхъ цѣнъ. Такъ Кольбъ, на основаніи статистическихъ данныхъ, доказываетъ, что въ 1856 году во Франціи на 141 франкъ можно было купить вещей не болѣе того, сколько за десять лѣтъ прежде покупалось за 100 фр. *Въ той же пропорціи упала и цѣнность денегъ.* Точно къ такому же результату можно придти вездѣ, гдѣ есть возможность прослѣдить за нѣсколько лѣтъ относительное повышеніе цѣнъ на товары. Но и это обстоятельство не убѣждаетъ экономистовъ въ томъ, что они противорѣчатъ главнымъ догматамъ своего ученія: *Золото и серебро не составляютъ богатства.* Эта истина, высказанная отцемъ экономической школы, Адамомъ Смитомъ, на повалъ убила меркантильную систему и обратилась въ краеугольный камень политической экономіи. Кто рѣшился-бы утверждать теперь, что богатство государства зависитъ отъ количества находящагося въ немъ золота и серебра, тотъ былъ бы осмѣянъ не только въ обществѣ сельскихъ хозяевъ, но и въ собраніи двухъ—трехъ смышленныхъ школьничковъ. А между тѣмъ г. Полетика удостоивается у насъ рукоплесканій и рѣчь его пазывается замѣчательною.

Но за г. Полетику и его единомышленниковъ, повидимому, стоитъ почтенная практика, неразлучная подруга рутины. Дѣйствительно, когда дѣло доходить до практическаго примѣненія истины, высказанной Адамомъ Смитомъ, всѣ становятся въ тупикъ и экономическія понятія начинаютъ путаться и противорѣчить себѣ. Наука говоритъ одно, а практика другое; но если-бъ практика и оправдывала какую-нибудь нелѣпость, то изъ этого не слѣдуетъ, что ложь пере-

стаетъ быть ложью. На практику опирались американскіе плантаторы; но кто-же изъ мыслящихъ людей могъ согласиться съ этимъ, и легче-ли было Америкѣ оттого, что чудовищный предрасудокъ рабства оправдывался практическими цѣлями?

Въ вопросѣ о деньгахъ, какъ о дѣйствительномъ богатствѣ, имѣющемъ внутреннюю цѣнность, самая практика плохо поддерживаетъ экономистовъ. Сказано выше, что золото и серебро, какъ главные представители мѣны, теряютъ свою постоянную цѣнность. Рядомъ съ этимъ явленіемъ совершается другое — вытѣсненіе металлическихъ знаковъ бумажными. Развѣтіе промышленности и быстрота орговыхъ оборотовъ съ каждымъ годомъ подрываютъ господствующій авторитетъ золота и серебра. Это фактъ безспорный, и окончательно рѣшающій разніе между меркантилистами и ихъ противниками. Но развѣ практика не доказываетъ, возражаютъ экономисты, не только колебанія и совершеннаго упадка бумажныхъ денегъ, какъ это случилось съ великолѣпной спекуляціей Ло, съ французской республикой, съ Австріей и проч.? Къ сожалѣнію, узость взгляда и на этотъ разъ сбиваетъ съ толку практиковъ. Дѣйствительно, ассигнаціи часто падали; но что было причиною ихъ паденія? Негодность ихъ или неблагопріятныя условія, сопровождавшія ихъ?— Это одинъ изъ самыхъ капитальныхъ вопросовъ, который обходятъ экономисты глубокимъ молчаніемъ. На дѣлѣ сказывается, что всякій разъ ассигнаціи принимались превосходно и обращались не только наравнѣ съ монетою, но даже съ лажемъ. Паденіе ихъ было вызываемо увеличеніемъ ихъ количества, сверхъ дѣйствительной потребности, существующей на нихъ. Это явленіе вполне понятное. Назначеніе денегъ—быть посредникомъ мѣны; значить количество, ихъ должно обуславливаться *потребностію* въ нихъ, опредѣляемою состояніемъ народной дѣятельности. Какъ только онѣ превышаютъ эту потребность, онѣ должны подчиняться общему экономическому закону, т. е. падать въ цѣнѣ. Ложная теорія вела къ ложнымъ результатамъ. Во Франціи, во время республики, и ассигнацій было выпущено на 45 1/2 миллиардовъ, когда цѣнность національныхъ имуществъ не превышала 2 1/2 миллиардовъ. Понятно, что такое количество бумажныхъ знаковъ, далеко стояло выше дѣйствительной потребности въ нихъ; и онѣ упали. Кромѣ того надѣ имѣть въ виду и другое обстоятельство; ассигнаціи, какъ и металлъ, составляютъ государственный монополю; правительство главный потребитель ихъ, и каждый новый выпускъ слу-

жизль превращаетъ усиленные расходы и не совсемъ прочнаго состоянія дѣль. Это обстоятельство, конечно, влияло на всѣхъ; итѣншица дѣло съ правительствомъ, а въ такомъ положеніи прямо итѣншю косвенно находится все населеніе страны. Понятно, что при такихъ условіяхъ народная дѣятельность должна не усиливаться, а ослабѣвать; слѣдовательно, количество орудій итѣншю увеличивалось въ то время, когда потребность на нихъ уменьшалась; и потому денежные знаки падали въ цѣнѣ. Собирая это обстоятельство, можно убѣдиться, что паденіе ассигнацій зависитъ не отъ матеріала, изъ котораго ихъ дѣлаютъ, а отъ общихъ экономическихъ условий. Съ золотомъ и серебромъ, въ подобномъ случаѣ, повторяется тоже самое. Во Франціи за послѣдніе десять лѣтъ количество монеты увеличилось на $1\frac{1}{2}$ миллиарда, а цѣнность ея упала на 30%. Чтѣ же было-бы при внезапномъ увеличеніи металлическаго фонда до 45 миллиардовъ? Удивительно-ли, что за 70 лѣтъ прежде, когда народная дѣятельность была несравненно слабѣе, чѣмъ теперь, внезапный наплывъ такой массы денегъ уронилъ ихъ цѣнность? Но винить въ этомъ бумагу рѣшительно итѣншю никакого основанія. И какъ-бы практика не искажала факты, но экономическій законъ остается въ полно й своей силѣ: изъ чего-бы деньги не были сдѣланы, количество ихъ должно быть пропорціонально потребности въ нихъ, а потребность обусловливается развитіемъ народной дѣятельности. Какъ только эта потребность дѣлается ниже наличнаго обращенія денегъ, онѣ падаютъ, будь онѣ золотомъ или бумагой.

Но бумага можетъ обращаться, говорятъ экономисты, только какъ представитель металла, а потому банки, выпуская билеты, должны держаться извѣстной пропорціи между ними и наличнымъ фондомъ. Статистика показываетъ, что эта пропорція обыкновенно выражается какъ 3 : 1. Банки такъ и поступаютъ. Но если билеты принимаются какъ деньги, только въ силу того, что они представляютъ металлъ, то высшая нормальная пропорція ихъ къ фонду должна быть, какъ 1 : 1 чего на самомъ дѣлѣ нигдѣ не бываетъ. А между тѣмъ въ эту воображаемую пропорцію вѣрятъ всѣ практическіе люди. Итѣншю сомнѣнія, что пропорція необходима, — но только не между бумажными и металлическими деньгами, а между всякаго рода деньгами и суммой народной дѣятельности. Если дѣятельность ничтожна, а денегъ выпускается много, тогда равно всѣе нарушается и наступаетъ радикальный финансовый кризисъ. Но для опредѣленія этого равновѣсія итѣншю никакихъ научныхъ дан-

ныхъ. Даже приблизительно неизвѣстно, сколько и какихъ денегъ обращается въ той или другой сторонѣ и какая существуетъ сумма сдѣлокъ, для которыхъ онѣ служатъ. Нельзя съ точностію опредѣлить, что входитъ въ составъ денегъ. Современная спекуляція создала громадную массу такъ называемыхъ бумажныхъ цѣнностей, акцій, облигацій и другихъ процентныхъ билетовъ. Между ними и деньгами стараются провести рѣзкое различіе, а между тѣмъ очень часто этого различія вовсе не существуетъ. Такимъ образомъ, вопросъ усложняется и путаница доходитъ до того, что правильно смотрѣть на экономическія явленія почти невозможно. Такъ у насъ недавно случился замѣчательный фактъ. Въ то время, какъ экономисты оплачивали нашъ рынокъ, переполненный кредитными билетами и совѣтовали извлечь ихъ изъ обращенія, московское купечество, жалующься на недостатокъ денежныхъ знаковъ, просило новаго выпуска. Кажется, одного этого факта было бы достаточно для того, чтобы вразумить нашихъ экономистовъ, если-бъ только рутина способна была вразумляться чѣмъ бы то ни было.

Въ Россіи финансовая система въ высшей степени благопріятствуетъ правильной организаціи кредита, хотя мы не упустили ни одного случая, чтобы своротить его съ прямаго пути и подготовить въ будущемъ массу серьезныхъ кризисовъ. Дѣло въ томъ, что послѣ Крымской войны у насъ находилось въ обращеніи 700 милліоновъ ассигнаціями и пропорція между металлическимъ фондомъ и бумажками относилась, какъ 1: 7. Это обстоятельство должно ошеломить любаго изъ нашихъ финансистовъ; а между тѣмъ эти 700 милліоновъ обращались въ народъ безъ всякаго затрудненія. Этого мало: они оказали Россіи существенную услугу въ самую критическую ея эпоху. Если-бъ въ то время держались строго экономической теоріи, то вмѣсто выпуска кредитныхъ билетовъ, нужно было бы дѣлать займы. Положеніе самое незавидное. Во-первыхъ, трудно было занять, находясь въ враждебныхъ отношеніяхъ къ двумъ самымъ богатымъ странамъ Европы, во-вторыхъ, долгъ увеличился бы, по меньшей мѣрѣ, на 100 милліоновъ, сравнительно съ кредитными билетами, да сверхъ того прибавилось бы, въ видѣ процентовъ, не менѣе, 25 милліоновъ ежегодныхъ вѣчныхъ платежей. Что же могло ожидать насъ при другихъ неудачахъ, въ виду богатаго непріятеля? Оцѣнить вѣроятность всѣхъ жертвъ, которыя бы пришлось понести намъ, почти невозможно. Но мы

были спасены нашей патриархальной кредитной системой; не будь ея, мы потеряли бы жесточайшее банкротство. И если-бъ, слѣдую теоріи экономистовъ и не желая нарушать пропорціи между металлическимъ фондомъ и ассигнаціями, не выпустили бы кредитныхъ билетовъ, то разыграли бы роль того богатыря, который съ камнемъ за пазухой пулся въ далекія путешествія. Но послѣ войны были официально превращены разнѣнъ билетовъ на монету. Вся масса ихъ болѣе 600, а потомъ болѣе 700 милліоновъ обратились въ ассигнаціи или, по ученію экономистовъ, въ ничего нестоющую бумагу. И однако они по прежнему продолжаютъ обращаться. Говорили о ихъ паденіи, нѣкоторые даже предсказывали разнѣръ пониженія; но что значило все это: сравнительно съ громаднымъ фактомъ: обращенія перазнѣнваемыхъ 700 милліоновъ бумажныхъ знаковъ среди такого бѣднаго населенія, какъ наше? И въ это самое время московское купечество потребовало новаго выпуска ассигнацій. Для людей, понимающихъ всю важность кредитной системы, этотъ фактъ совершенно понятенъ, если-бъ умѣли пользоваться имъ, то мы разрѣшили-бы множество вопросовъ, о которые спотыкаемся на каждомъ шагу, и не испытали-бы той денежной лихорадки, которая въ послѣдніе годы бросала насъ то въ жаръ, то въ ознобъ.

Такимъ образомъ, и наука и практика ясно доказываютъ цѣлѣность экономической теоріи, основывающей народное богатство на деньгахъ и приписывающей имъ внутреннюю цѣнность. Ня того, ня другаго значенія онѣ не имѣютъ, и если защитники меркантильной системы желаютъ быть послѣдовательными, то пусть откажутся отъ всякой солидарности съ современными требованіями экономического прогресса или, не останавливаясь ни передъ какими результатами, возобновляютъ варварскія времена международныхъ разбоевъ и безусловной эксплуаціи челоуѣческаго труда капиталомъ. Компромисса тутъ не можетъ быть никакого; ни японская, ни европейская практика не могутъ оправдать ученія, ведущаго людей къ безсилію и нищетѣ. Если деньги—дѣйствительное богатство народа, то пусть экономисты поддерживаютъ спекуляцію, азіотажъ, лихоничество, банкротство, ложъ и обманъ взаимныхъ общественныхъ отношеній,—однимъ словомъ все, что логически вытекаетъ изъ ихъ теоріи. Никакія либеральныя фразы, никакое лицомѣріе передъ истиной не проведетъ того, кто привыкъ вглядываться въ экономическіе вопросы безъ предубѣжденія и поклоненія рутинѣ.

Но надо сознаться, что не одни банкиры, биржевые игроки и всѣхъ сортовъ спекуляторы раздѣляютъ мнѣніе нашихъ меркантилистовъ; большинство общества, думающаго ходячими идеями своего времени, также стоитъ на сторонѣ общепринятаго предрассудка. Оно также, какъ и г. Полетика, рассуждаетъ, что мѣриломъ народнаго благосостоянія служатъ деньги, что страна, не имѣющая много денегъ, бѣдна, что наконецъ замѣнять монету бумажными знаками—значить разорять общество. Это мы слышимъ ежеминутно; эти идеи распространены въ нашихъ головахъ, какъ мѣдные пятакъ въ карманахъ. И если вы докажете, какъ $2 + 2 = 4$, что Россія бѣдна не оттого, что у нея мало денегъ, что она не разбогатѣетъ ни на волосъ, если ея 700 милліоновъ кредитными билетами обратить въ звонкую монету, вашу мысль назовутъ утопіей или злонамѣреннымъ желаніемъ идти противъ существующаго порядка вещей. Эта узкость взгляда и привычка думать чужими мыслями сопровождаются плачевными послѣдствіями въ нашей практической жизни. Всякій разъ, какъ мы попадали на болѣе раціональный путь разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ, насъ отталкивало отъ этого пути, и мы чувствовали, что намъ легче идти окольной, чѣмъ прямой дорогой; и потому ни одно дѣйствительно полезное предпріятіе не удалось намъ, какъ слѣдовало бы ожидать. Для примѣра можно указать хоть на земскіе банки. Учрежденіе ихъ было значительной уступкой въ пользу общественной кредитной организаціи и въ подрывѣ монополіи нашихъ государственныхъ банковъ, — вызывомъ принять участіе въ нашихъ общественныхъ интересахъ, но большинство отнеслось къ этому дѣлу съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Экономисты наговорили много разнаго вздору по этому поводу, и общество, насквозь пропитанное меркантильными понятіями, не разглядѣло серьезныхъ выгодъ за своими жадными расчетами. И земскіе банки остались не при чемъ. Та же участь постигла большую часть нашихъ компанейскихъ ассоціацій. Составлялись онѣ быстро, планы и программы ихъ писались краснорѣчиво, общество смотрѣло на нихъ съ довѣріемъ, повидимому, все ручалось за успѣхъ, но не доставало одного яснаго и широкаго взгляда на экономическую сторону ихъ, и онѣ полопались, какъ мыльные пузыри. Поэтому я глубоко убѣжденъ, что до тѣхъ поръ, пока мы не очистимъ своихъ экономическихъ понятій отъ меркантильной чешушки, пока наша журналистика не перестанетъ переливать лезъ пустого въ порожнее, со словъ экономической теоріи, соціальная

наша деятельность будет попадать изъ вульга въ рогожку. При настоящихъ условіяхъ нашей общественной жизни есть два пути, которыми можно прийти къ уразумѣнію настоящей несостоятельности экономическаго быта и облегчить его не позитивными, а радикальными средствами. Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующихъ книжкахъ нашего журнала.

ОТВѢТНЫЙ ЛИСТОНЪ.

Къ № 10-му.

- Въ 1. Жидору 1. Виноградову.** Жалоба ваша на неполученіе №№ 1 и 6 сообщена въ Газ. Экспед. означенные №№ посланы вамъ *вторично*.
- Въ 2. Щиры 1. жель Лесевичъ.** Жалоба ваша на неполученіе №№ 3 и 8 была сообщена въ Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 3 посланъ вамъ 23 апрѣля при описѣ на Курскъ за № 49, а № 8 октября 8-го за № 58. Кромѣ того означенные №№ посланы редакцію вамъ *вторично*.
- Въ Екатеринославль 1. Скуба.** Жалоба ваша на неполученіе № 6-го была сообщена Газ. Эксп., которая отвѣтила, что № 6-й былъ посланъ вамъ 31-го іюля въ числѣ 12 экзмп. въ тѣхъ за № 31-мъ и изъ возвращенной карты видно, что онъ полученъ 11-го августа. Кромѣ того № 6 посланъ вамъ редакцію *вторично*.
- Въ Цолтаву 1. Бабаничу.** Жалоба ваша на неполученіе № 10 за 1863 г. была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что онъ былъ посланъ вамъ въ числѣ 9-ти экз. декабря 9-го за № 56-мъ. № 10-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ Царевъ 1. Пушкину.** Жалоба ваша на неполученіе № 8 сообщена Газетной Экспедиціи и ожидается отвѣтъ; № 8-й посылается вамъ *вторично*.
- Въ Нарчицкѣ 1. Переломову.** Жалоба ваша на неполученіе №№ 6, 7, 8 и 9-го была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 6-й посланъ вамъ 31-го іюля, № 7-й—сентября 4-го, № 8—октября 8-го и № 9—ноября 12-го. Кромѣ того № 6 посланъ вамъ *вторично*.
- Въ 1. Слуцькѣ 1. фонъ-Шульцъ.** Жалоба ваша на неполученіе №№ 8 и 9 сообщена Газетной Экспедиціи и ожидается отвѣтъ.
- Въ Красноставѣ 1. Котельникову.** Жалоба ваша на неполученіе №№ 8 и 9 была сообщена Газ. Экспед., которая отвѣтила, что № 8-й посланъ вамъ октября 8-го, а № 9—ноября 12-го.
- Въ Казань 1. Кунавику.** Жалоба ваша на неполученіе № 9-го сообщена Газ. Экспед., № 6-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ ст. Старо-Корсунскую библ. Тверскаго др. № 15 полка.** Жалоба ваша на неполученіе № 6-го сообщена Газ. Эксп. № 6-й посланъ вамъ *вторично*.
- Въ 1-й гренадерскій стрѣльцовый Гер. Менкл. Стрѣльцкаго баталіонъ.** Жалоба ваша на неполученіе № 7-го была сообщена Газетной Экспедиціи, которая отвѣтила, что № 7-й посланъ въ Экнесъ 4 сентября и, какъ видно изъ возвращенной карты, полученъ тамъ 20 сентября.
- Въ Бузульму 1. смотрителю Бузульскихъ училищъ.** Деньги 8 руб. получены; книжки вамъ высланы 25-го ноября. На условія ваши относительно подписки на «Русское Слово» въ 1865 году редакція согласна.
- Въ Минусинскѣ 1. Самохвалову.** Денегъ на подписку на 1865 годъ отъ васъ не получено №№ же будутъ вамъ высылаться по мѣрѣ выхода ихъ.

Въ Москву, библіотекъ Ростовскаго гренадерскаго полка. На жалобу вашу о неполученіи №№ 1, 2, 3, 4, 5 и 6 Газетная Экспедиція отвѣтила, что первые пять номеровъ посланы вамъ въ Вильманстрандъ и, какъ изъ возвращенныхъ картъ видно, получены тамъ, именно: № 1-й полученъ въ Вильманстрандъ 10 марта, № 2-й—апрѣля 7-го, № 3-й—мая 8-го, № 4-й—юня 12-го, № 5-й іюля 14-го, № же 6-й посланъ вамъ, въ Красное Село и полученъ тамъ 30-го іюля. При этомъ Гав. Эксп. сообщаетъ, что о скорѣйшемъ удовлетвореніи васъ представлено Слб. почтатму.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ВЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ «РУССКАГО СЛОВА» ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

Отъ кого.

сколько.

Отъ г. казначая канцеляріи повгородскаго и бес. ген. губернатора 52 р. за послѣднюю треть.

Отъ г. Лукомскаго 5 р. 25 к. за послѣднюю треть и сентябрьскую книжку, 6 руб., за вторую треть.

Отъ г. Лузгина 6 рублей, за вторую треть.

Отъ г. штат. смотрителя Елабужскаго училища 4 р., за послѣднюю треть.

Отъ директора херс. гимназіи 14 р. за высылку Рус. Сл. въ 1864 году.

Отъ г. казначая тюльскаго палаты уголовнаго и гражданскаго суда 112 руб.

Отъ г. Скрипичина 14 руб. за высылку Русскаго Слова за 1864 годъ.

О ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ ОТЪ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ НА 1865 ГОДЪ, ПРОСИВШИХЪ УВѢДОМЛЕНІЯ.

Отъ кого

сколько (по разсрочкѣ):

Отъ нарѣзной легкой бат. 40 артн. бригады 7 рублей за 1 экземпляръ.

Отъ Пермской публ. библіотеки 14 рублей (по разср.) за 2 —

Отъ управ. казанскихъ земл. училищемъ и фермой 14 р. — 1 —

Отъ нижегородской казенной палаты . . . 14 р. — 1 —

Отъ начальника стрѣлковыхъ ротъ въ Велювъ 14 р. — 1 —

ОБЪ ИЗДАНИИ

БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

въ 1862 году.

Въ будущемъ году „Библиотека для Чтенія“ будетъ издаваться по той же программѣ и будетъ посвящена преимущественно главной задачѣ нашей эпохи, внутреннему развитію русской жизни. Держась независимо отъ всѣхъ журнальныхъ партій, не отдавая себя въ кабалу теоріи, мы постараемся искать рѣшенія возникающихъ вопросовъ въ смыслѣ практическомъ, осуществимомъ, а не въ однихъ отвлеченныхъ формулахъ. Матеріальнымъ интересамъ общества: сельскому хозяйству, торговлѣ, промышленности и пр. мы отводимъ значительное мѣсто въ нашемъ журналѣ.

Чтобы имѣть возможность ближе слѣдить за практическими задачами современности, мы еще въ декабрѣ прошлаго года испросили себѣ разрѣшеніе г. Министра Вн. Дѣлъ выходить не одинъ разъ въ мѣсяцъ, но каждыя двѣ недѣли. Въ нынѣшнемъ году обстоятельства помѣшали намъ воспользоваться полученнымъ разрѣшеніемъ, но въ будущемъ, если двухнедѣльный выходъ дѣйствительно будетъ достигать цѣли и не повлечетъ за собою особенныхъ затрудненій, мы станемъ выходить по двѣ книжки ежемѣсячно, въ началѣ и срединѣ каждаго мѣсяца. Въ противномъ случаѣ, мы оставляемъ за собою право вернуться къ настоящей формѣ изданія, т. е. одною книжкою въ мѣсяцъ.

Кромѣ большинства лицъ, помѣщавшихъ свои произведенія въ нашемъ журналѣ, въ нынѣшнемъ году, мы приобрѣли еще многихъ другихъ сотрудниковъ, и постоянно заботимся объ увеличеніи силъ редакціи.

А. Н. Островскій обѣщаль намъ къ началу 1865 года одну изъ своихъ новыхъ комедій. Мы имѣемъ обѣщаніе *И. С. Тургенева* помѣстить въ нашемъ журналѣ повѣсть. *Н. И. Костомаровъ* передалъ намъ свои лекціи: „Брестъ-Литовская Унія, отрывокъ изъ исторіи казачества“.

Кромѣ того, въ первыхъ книжкахъ будущаго года мы помѣстимъ

„Земскія силы“ романъ П. Д. Боборыкина. Повѣсть М. Стебни-
 каю. Разсказъ В. Крестовскаю (автора: „Въ ожиданіи лучшаго“)
 Автобіографію П. И. Якушкина. Очерки И. Весеньева. „О русской
 промышленности въ древней Россіи“ Н. Я. Аристовъ. „Записки
 Горсея о Россіи XVI вѣка“, съ предисловіемъ и примѣчаніями
 Н. И. Костоморова. Разсказъ И. С. Генслера. Рядъ статей пред-
 сѣдателя Нижегородскаго Гирларочнаго, Биржеваго комитета А. И.
 Шарова, подъ общимъ заглавіемъ: „Значеніе Нижегородской ар-
 марки и ея отношенія къ внутренней торговлѣ и промышленности“.
 Рядъ статей П. Т. Сумарокова о внутреннихъ, провинціальныхъ
 и преимущественно землевладѣльческихъ интересахъ, подъ общимъ
 названіемъ: „Деревенскія писъма“. Это же постоянное, критиче-
 скіе обзоры нашей сельско-хозяйственной литературы. Посто-
 янный, по примѣру процѣдъ двухъ лѣтъ, критическія статьи
 по поводу текущихъ явленій нашей нащной литературы Е. Н.
 Эдельсона.

Мы просимъ Гг. погородныхъ адресовать свои требованія:

Исключительно: Въ редакцію „БИБЛИОТЕКИ ДЛЯ
 ЧТЕНІЯ“, помѣщеніе которой всегда извѣстно Почтамту.

Подписка отъ жителей столицъ принимается:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: Въ конторахъ журнала „Библиотека для
 Чтенія“, при книжныхъ магазинахъ В. П. Печаткина и И. Ф. Кел-
 чеваго на Невск. пр., противъ Гостин. двора, въ д. Армянской
 кервни. А. Ф. Базунова, на Невскомъ, въ домъ Энгельгардта.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ журнала „Библиотека для Чтенія“,
 при книжномъ магазинѣ И. В. Базунова, на Страстномъ бульва-
 рѣ, противъ университетской типографіи, въ домъ Заградскаго.

Выходя двумя книжками въ мѣсяцъ, мы находимъ возможнымъ
 оставить подписную цѣну прежнюю:

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

БЕЗЪ ДОСТАВКИ:	СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ ИЛИ ДОСТАВКОЮ:
15 рублей серебромъ.	16 рублей 50 копѣекъ серебромъ.

СНАК